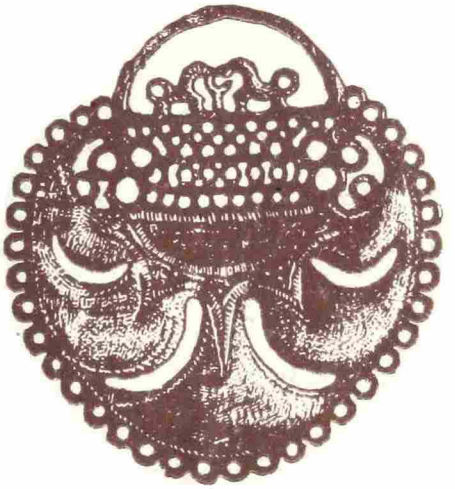
ISSN 0038-5034

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



4
1979

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
МОСКВА

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 4
1979

Журнал основан в 1957 году

Выходит четыре раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Б. А. Рыбаков (главный редактор)

И. И. Артеменко, Ю. Н. Бадер, В. Д. Блаватский
Н. Н. Гурина, Л. В. Кольцов (отв. секретарь),
В. В. Кропоткин, Л. Р. Кызласов, В. М. Массон,
Р. М. Мунчаев, А. П. Окладников, Б. Б. Пиотровский,
С. А. Плетнева (зам. главного редактора),
А. А. Формозов

СОДЕРЖАНИЕ

Абрамова З. А. (Ленинград). К вопросу о возрасте алданского палеолита . . . 5
Кольцов Л. В. (Москва). О характере сложения раннемезолитических культур Северной Европы . . . 15
Акопян А. М. (Москва). Связи Армении и Кавказской Албании с Парфией (градостроительство и архитектура) . . . 26
Перхавко В. Б. (Москва). Классификация орудий труда и предметов вооружения из раннесредневековых памятников междуречья Днепра и Немана . . . 40
Краснов Ю. А. (Москва). Средневековые плуги Восточной Европы . . . 56
Кирьянова Н. А. (Москва). О составе земледельческих культур Древней Руси X—XV вв. (по археологическим материалам) . . . 72
Янин В. Л. (Москва). О принадлежности южных усадеб Неревского раскопа в Новгороде . . . 86
Алексеев Л. В. (Москва). Периферийные центры домонгольской Смоленщины . . . 95
Новаковская С. М. (Ленинград). Дмитриевский собор во Владимире. Поздние рельефы второго яруса и барабана . . . 112

Публикации

Ширинов Т. Ш. (Ленинград). Кремневые изделия эпохи бронзы с поселения Сапалли-тепа (типологическо-функциональное исследование) . . . 126
Ильюков Л. С. (Ростов-на-Дону). Металлические «вилки» майкопской культуры . . . 138
Васильев И. Б., Матвеева Г. И. (Куйбышев). Могильник у с. Съезжее на р. Самаре . . . 147
Соломоник Э. И. (Симферополь). Кубанские керамические плитки . . 167
Вознесенская Г. А., Хомутова Л. С. (Киев, Москва). Техника и технология кузнечного производства на городище Марица . . . 180
Костенко В. И. (Днепропетровск). Наиболее ранние сарматские погребения в бассейне Орели и Самары . . . 189

© Издательство «Наука»,
«Советская археология», 1979 г.

Раев Б. А. (Ленинград). Новое погребение с римским импортом в Нижнем Подонье 201
Дмитриев А. В. (Новороссийск). Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска (Приложение А. К. Амброза к статье А. В. Дмитриева) 212
Рунич А. П. (Пятигорск). Раннесредневековые склепы Пятигорья . . . 232
Дрбоглав Д. А., Шилов В. В. (Москва, Серпухов). Надгробия иноземцев из Серпухова 248

Заметки

Татаринов С. И. (Артемовск). Металлообработка в эпоху поздней бронзы на среднем Донце 258
Радзиевская В. Е. (Харьков). Новые находки предметов скифского звериного стиля 266
Черненко Е. В., Клочко В. И. (Киев). О подлинности золотой пластины из Сахновки 270
Дударев С. Л. (Грозный). Деталь конской сбруи из окрестностей Кисловодска 274
Чахкиев Д. Ю. (Грозный). Кольчуга из сел. Махкеты (Чечено-Ингушетия) 276
Седова М. В. (Москва). Печать из Суздаля 278
Дэвлет М. А. (Москва). О происхождении демонических масок ламаистской мистерии «Цам» 281

Критика и библиография

Смирнов Ю. А. (Москва). [Rec.] Les sépultures néandertaliennes. Nice, 1976 286
Соболева Н. А., Кропоткин В. В. (Москва). Em. Nohejlová-Prátová. Základy numismatiky. Praha, 1975 295
Куза А. В. (Москва). Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977 300
Петренко В. П. (Ленинград). Stubavs A. Kentes pilskalns un apmetne. Rīga, 1976 306

Хроника

Голубева Л. А., Седов В. В. (Москва). Советско-финляндский симпозиум по археологии в Хельсинки 310
Сергей Аристархович Семенов 314
Указатель статей, опубликованных в журнале «Советская археология» за 1979 год 317

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

Founded in 1957

SOVIET ARCHAEOLOGY

№ 4
1979

Editor-in-chief B. A. RYBAKOV

CONTENTS

Abramova Z. A. (Leningrad). On the dating of the palaeolithic of Aldan . . 5
Koltsov L. V. (Moscow). On the origin of the early mesolithic cultures in Northern Europe 15
Akopyan A. M. (Moscow). The links of Armenia and Caucasian Albany with Parthia (town-building and architecture) 26
Perhavko V. B. (Moscow). The classification of tools and weapons from the early medieval sites of the Dnieper — Neman interflew 40
Krasnov Yu. A. (Moscow). Medieval ploughs of Eastern Europe 56
Kiryanova N. A. (Moscow). On the assortment of the cultivated plants in the Ancient Russia of the X—XV centuries 72
Yanin V. L. (Moscow). On the belonging of the southern houses of Nerevski section in Novgorod 86
Alekseev L. V. (Moscow). Peripheral centres of the Smolensk region of the Pre-mongol period 95
Novakovskaya S. M. (Leningrad). The church of St. Demetrius in Vladimir. The late reliefs of the second tier and the barrel 112

Publications

Shirinov T. (Leningrad). Flint artifacts from the Bronze Age settlement Sapalli-tepa 126
Ilyukov L. S. (Rostov-at-Don). Metallic «forks» of the Maykop culture . . 138
Vasilyev I. B., Matveeva G. I. (Kuibyshev). The cemetery near village Syezzhee at the Samara river 147
Solomonik E. I. (Simferopol). Ceramic slabs from Kuban region 167
Voznesenskaya G. A., Homutova L. S. (Kiev, Moscow). The technology of blacksmith's production at the fortified settlement Maritsa 180
Kostenko V. I. (Dnepropetrovsk). The earliest Sarmathian burials in Orel and Samara basin 189
Raev B. A. (Leningrad). A new burial with Roman imports in the Lower Don region 201
Dmitriev A. V. (Novorossiisk). The burials of horsemen and battle horses in the cemetery at the Durso river near Novorossiisk (Appendix by A. K. Ambroz) 212
Runich A. P. (Pyatigorsk). The early Medieval vaults of the Pyatigorsk region 232
Drboglav D. A., Shilov V. V. (Moscow, Serpukhov). Foreigners' tombstones from Serpukhov 248

Notes

Tatarinov S. I. (Artemovsk). The Late Bronze Age metalworks at the Middle Donets 258
Radzievskaya V. E. (Harkov). The new finds of the Scythian animal style artifacts 266
Chernenko E. V., Klochko V. I. (Kiev). On the originality of the golden plate from Sahnovka 270
Dudarev S. L. (Grozny). A detail of a horse's equipment from the Kislovodsk region 274

Chahkiev D. Yu. (Grozny). A ringed armour from village Mahketa (Chechen-Ingushetia) 276
Sedova M. V. (Moscow). A seal from Susdal 278
Devlet M. A. (Moscow). On the origin of the demon's masks of lamaistic misteria «Tsam» 281

Reviews and bibliography

Smirnov Yu. A. (Moscow). [Rec.] Les sépultures néandertaliennes. Nice, 1976 286
Soboleva N. A., Kropotkin V. V. (Moscow). Em. Nohejlová-Prátová. Základy numismatiky. Praha, 1975 295
Kuza A. V. (Moscow). Yanin V. L. Essays of the complex source analysis. Medieval Novgorod. M., 1977 300
Petrenko V. P. (Leningrad). [Rec.] Stubavs A. Kentes pilskalns un apmetne. Rīga, 1976 306

Chronicle

Golubeva L. A., Sedov V. V. (Moscow). The Soviet-Finnish archaeological symposium in Helsinki 310
S. A. Semionov 314

З. А. АБРАМОВА

К ВОПРОСУ О ВОЗРАСТЕ АЛДАНСКОГО ПАЛЕОЛИТА

Установление относительной и абсолютной хронологии археологических памятников является, как известно, кардинальным пунктом исследования, вокруг которого концентрируются все остальные проблемы. Учитывая своеобразные особенности сибирского палеолита, датировка палеолитических местонахождений, открытых в северных районах Сибири, требует предельно осторожного подхода.

В начале 40-х годов событием исключительной важности стало открытие А. П. Окладниковым палеолитических местонахождений на р. Лене [1], и до недавнего времени стоянка Частинская, расположенная на 58° с. ш., была самой северной палеолитической стоянкой Сибири. Новую страницу в исследования палеолита северных территорий Северо-Восточной Азии вписали за последнее десятилетие работы Приленской археологической экспедиции под руководством Ю. А. Мочанова. Северная граница распространения палеолитических местонахождений продвинулась до 71° с. ш. Открыты новые памятники на притоках Лены, особенно многочисленные и всесторонне изученные на р. Алдан. Серия радиоуглеродных дат позволила разместить эти памятники в интервале от 35 до 10,5 тыс. лет назад [2].

Проблема возраста алданского палеолита имеет принципиальное значение, поскольку она касается вопросов не только времени заселения Северо-Восточной Азии, но и заселения Американского континента и тем самым вопросов происхождения палеолита Америки. Проблема эта важна и потому, что впервые для территории азиатской части СССР опубликованы данные о памятниках начальной поры позднего палеолита [3].

Теперь, после выхода в свет монографии Ю. А. Мочанова, представляется необходимым детально рассмотреть возможность существования дюктайской культуры на протяжении 25 тыс. лет и основания, на которых строится такая возможность.

Наибольший интерес представляет эталонный памятник — Дюктайская стоянка [4], материал которой послужил для выделения особой дюктайской культуры позднего палеолита Сибири. Высота устья грота над меженным уровнем Дюктая и Алдана 12,5 *м*. Площадка перед гротом наклонна и значительно падает к реке (высота внешнего уступа не указана). Стратиграфия раскопов в гроте и на площадке различна. В гроте обнаружено два культурных слоя, на площадке — три. Фаунистические остатки (с мамонтом, но без шерстистого носорога) одинаковы во всех слоях. В каменном инвентаре также не заметно существенных различий.

---

[1] *Окладников А. П.* Следы палеолита в долине р. Лены.— МИА, № 39, 1953.

[2] *Мочанов Ю. А.* Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск, 1977.

[3] О местонахождениях, относящихся к этой поре в других районах Сибири и Дальнего Востока, имеются пока лишь предварительные сведения.

[4] Стоянка вошла в литературу под именем Дюктайской пещеры.

Для двух верхних слоев, вскрытых на площадке, получены по древесному углю даты в диапазоне от 12 100±120 до 14 000±100 лет, для кровли нижнего культурного слоя, также на площадке, дата 13 100±90 лет. Таким образом, несмотря на незначительные в общем расхождения в датах, культурные слои Дюктайской стоянки датируются второй половиной (концом) сартанского оледенения. Геологически два верхних культурных слоя на площадке, как отмечает Ю. А. Мочанов, соответствуют аккумуляции верхней толщи аллювия II террасы Алдана; отложения нижнего культурного слоя в гроте относятся к пойменной фации аллювия, который накапливался, вероятно, в одно время с отложениями нижнего культурного слоя на площадке [5].

Фаунистические данные и развитый облик каменного инвентаря [6] — серия клиновидных нуклеусов выработанной формы и соответствующих им микропластинок — «вкладышей» (по Ю. А. Мочанову), резцы на углу сломанных микропластинок шириной 0,5—0,6 *см*, двусторонне обработанные ножи и наконечники копий, а также иволистный наконечник [7] — не противоречат радиоуглеродным датам и геологическим данным.

На основании сходства отдельных элементов инвентаря все другие палеолитические стоянки, обнаруженные на Алдане, даже представленные лишь единичными предметами, также отнесены к дюктайской культуре. Рассмотрим их в порядке удревнения дат.

Верхне-Троицкая стоянка залегает в отложениях II террасы, имеющей высоту в средней части 12—13 *м*, а у внешнего уступа 9—10 *м*. На глубине около 4,5 *м* залегает горизонтально-слоистая пачка, состоящая из прослоек алевритов, суглинков и песков. Общая мощность пачки 1,6—1,8 *м*, во всей ее толще встречались кости животных, в том числе и шерстистого носорога. По образцам древесины, из верхней половины пачки, получены четыре радиоуглеродные даты — от 14 530±160 до 18 300±180 лет. В шести нижних прослойках суглинков и алевритов общей мощностью 80—90 *см* залегал расщепленный камень. Указанные прослойки лежат от подошвы пачки до прослойки, расположенной на 5 *см* выше той, из которой взят самый древний образец. Незначительность материала позволила исследователю рассматривать его как происходящий из одного культурного слоя. Среди 52 предметов из камня здесь обнаружено два клиновидных нуклеуса и 11 орудий, из которых можно упомянуть «вкладыш» — сечение мелкой пластинки (2,35×0,9 *см*) с эпизодической мелкой ретушью по краям с брюшка. Имеется также костяное орудие — игла в виде стержня, но, кажется, без ушка.

На бечевнике под стоянкой собран обильный подъемный материал, орудия которого, как полагает Ю. А. Мочанов, хотя и не находят аналогий в очень бедном комплексе из палеолитического культурного слоя, могут все же относиться к нему и, таким образом, датироваться возрастом более древним, чем 18 тыс. лет [8]. Если, не уточняя возраст, согласиться с отнесением подъемного материала к палеолитическому комплексу (что вероятнее, чем происхождение его из неолитического слоя), то сходство с материалами из Дюктайской стоянки выражено прежде всего в двусторонне обработанных, значительно более многочисленных здесь,

---

[5] *Мочанов Ю. А.* Ук. соч., с. 13. Вероятность одновременности накопления установлена «согласно анализу археологических и фаунистических материалов». Остается надежда, что дальнейшие геологические работы на стоянке установят эту одновременность более твердо и дадут четкое обоснование для сопоставления культурных слоев в гроте и вне его.

[6] Отсылая читателя к подробному описанию каменного инвентаря в монографии Ю. А. Мочанова, упоминаю и здесь и в дальнейшем лишь наиболее показательные вещи.

[7] «По своим размерам и форме это изделие очень напоминает неолитические наконечники стрел» (*Мочанов Ю. А.* Ук. соч., с. 18).

[8] *Мочанов Ю. А.* Ук. соч., с. 63.

ножах. Если брать более отдаленные территориально аналогии, то превосходный двуплощадочный нуклеус, чоппер и особенно четыре поперечных резца близки по всем показателям к материалам макаровских стоянок верхней Лены [9]. Ю. А. Мочанов полагает, что Верхне-Троицкой стоянкой «...представлен довольно ранний этап дюктайской культуры, который датируется примерно в 23/22—18 тысяч лет» [10], очевидно, считая возможным, что метровая толща с рассеянным расщепленным камнем могла накапливаться в течение 4—5 тыс. лет. Это представляется нам маловероятным.

Две стоянки Ихине I и II находятся на двух противоположных мысах ручья. Культурные остатки Ихине I определены как приуроченные к отложениям III надпойменной террасы высотой 16—18 *м*. Они встречены на двух уровнях: в лежащем под дерном слое покровного суглинка (единичные кости животных и пять каменных предметов) и в следующем слое, состоящем из прослоек суглинков и песков на глубине 65—80 *см* от поверхности. Этот слой отнесен к аллювию пойменной фации III террасы. Он содержит единичные кости животных мамонтового комплекса и единичные экземпляры расщепленного камня. Верхний уровень находок, «...судя по стратиграфическому положению каменных предметов и составу фауны, можно датировать самым концом плейстоцена» [11]. Среди 20 каменных предметов второго уровня отмечен удлиненный клиновидный нуклеус гобийского типа; скребок из округлого отщепа с ретушью почти по всему периметру; сомнительное, судя по его профилю на рисунке, долотовидное орудие и две крупные диабазовые гальки со следами сколов. История датировки стоянки, изложенная исследователем,— поучительный пример жонглирования террасами и датами. Удревнение возраста стоянки от 15 до 34—31 тыс. лет произошло, как об этом прямо говорится, на основании главным образом радиоуглеродных дат, полученных для стоянок Усть-Миль II и Ихине II. Но и приписываемый стоянке в настоящее время возраст в 30—25 тыс. лет более чем сомнителен, так же как и отнесение ее к дюктайской культуре. Для этого просто нет оснований. В Дюктайской стоянке, судя по публикации, нет ни гобийских нуклеусов, ни округлых скребков, а диабазовые гальки со следами сколов из Ихине I отнюдь не похожи на «заготовки ножей» [12].

Можно было бы надеяться, что разобраться в возрасте Ихине I помогут данные Ихине II. Но с датировкой последней вырисовывается еще более сложная картина. Первоначально полагали, что она приурочена к аллювию I надпойменной террасы и имеет возраст около 12 тыс. лет. Дальнейшие работы, как сообщает Ю. А. Мочанов, показали, что разведочные шурфы забивались на внешней части III террасы, которая к своему тыловому уступу достигает высоты 15—16 *м*, и что на поверхности большей части террасы голоценовые речные наносы отсутствуют. В этом кратком сообщении много неясного. Какова ширина террасы? Каким образом было установлено, что внешний и тыловой уступы принадлежат одной террасе? Какую роль здесь играли голоценовые отложения. Известно, что не их толщина, обычно незначительная, определяет уровень террасы. И если, как указано далее, голоценовый песок лежал лишь на сположенной, т. е. внешней, части террасы, то уступ террасы был еще более низким. Не исключено, что здесь существовали два разных террасовых уровня, причем, судя по фотографии [13], раскопы были заложены

---

[9] *Аксенов М. П.* Комплекс нижнего культурного горизонта стоянки Макарово на Лене.— В сб.: Сибирь и ее соседи в древности, вып. 3. Новосибирск, 1970; *его же.* Многослойный археологический памятник Макарово II.— В сб.: Древняя история народов юга Восточной Сибири, вып. 2. Иркутск, 1974.

[10] *Мочанов Ю. А.* Древнейшие этапы..., с. 69.

[11] *Мочанов Ю. А.* Древнейшие этапы..., с. 41.

[12] Там же, с. 43 и табл. 12, *1*, *2*.

[13] Там же, рис. 11.

только на нижнем. К сожалению, топографического плана с расположением и размерами раскопов не приводится.

Однако «правомочность отнесения стоянки Ихине II к отложениям III надпойменной террасы»[14] подтвердила серия из 10 радиоуглеродных дат, полученных по образцам древесины и кости. Образцы были отобраны из средней части пачки горизонтально-слоистых суглинков в диапазоне, по-видимому, от 0,9 до 1,3 *м* от поверхности террасы. В подошве перекрывающего покровного суглинка встречены единичные кости и два отщепа. На разных глубинах в слоистом суглинке также обнаружены культурные остатки. Они разделены на четыре культурных горизонта, объединенных в нижний культурный слой. В верхнем горизонте (II*а*) найдено 11 каменных предметов, из которых можно отметить мелкую пластинку правильной огранки с обломанным дистальным концом, возможно микропластинку, так как ширина ее 7 *мм*, и обломок более крупной пластинки с одним ретушированным краем. «Судя по стратиграфическому положению находок и радиоуглеродным датам из нижележащих отложений, горизонт II*а*, скорее всего, должен иметь возраст 25—23/22 тыс. лет»[15].

Из следующего горизонта (II*б*) происходят шесть каменных предметов, из которых наиболее интересен клиновидный нуклеус четкой треугольной формы, почти не использованный. Возраст этого горизонта по пяти радиоуглеродным датам, полученным по образцам древесины, отобранным на глубине 90—95 *см* от дневной поверхности, определяется в 23—31 тыс. лет.

В горизонте II*в* найдены только мелкий отщеп и расколотая галька диабаза. На основании четырех радиоуглеродных дат определяется возраст горизонта. Две даты по древесине, взятой с глубины 1,2 *м* от поверхности, очень показательны: 26 600±900 (ИМ-201) и 31 200±500 лет (ГИН-1020). Чтобы согласовать их, применяется следующий прием: «При утроенной среднестатистической ошибке возраст этих образцов определяется в пределах 23 900 — 32 700 лет. Учитывая стратиграфическое положение образцов, пока наиболее оправданно датировать их примерно 30 тыс. лет»[16]. Древесина и кость носорога, взятые на 10 *см* глубже, дали даты 26 500±540 (ИМ-202) и 26030±200 лет (ИМ-239), следовательно, возраст их устанавливается в пределах 25—28 тыс. лет, но опять-таки, судя по стратиграфическому положению (точнее, по дате вышележащего горизонта), этот возраст кажется омоложенным, и принимается более вероятным, что образцы должны иметь возраст не менее 30 тыс. лет. И наконец, самый нижний горизонт (II*г*), где найдены два каменных предмета и ребро мамонта со следами использования, имеет по образцу древесины дату 27 800±500 лет (ИМ-206), но она, естественно, также представляется омоложенной, и возраст горизонта II*г*, так же как и возраст горизонта «С» стоянки Усть-Миль II, которую еще предстоит рассмотреть, определяется в 31,5—35 тыс. лет.

На основании очень шаткого предположения, что материалы стоянок Ихине I (слой II) и Ихине II (горизонты II*б* и II*в*) оставлены одними и теми же группами людей (если допустить такое предположение, то вернее было бы сказать не группами, а группой), делается «весьма вероятное» умозаключение, что на стоянке Ихине II жили носители дюктайской культуры. Поскольку нет оснований для отнесения Ихине I к дюктайской культуре, то едва ли можно признать это умозаключение не только вероятным, но и логичным.

Еще более древняя по радиоуглеродным датам стоянка Усть-Миль II приурочена, по описанию, к отложениям III террасы. Под слоями

---

[14] *Мочанов Ю. А.* Древнейшие этапы..., с. 44.
[15] Там же, с. 47.
[16] Там же, с. 48.

дерна и покровного суглинка лежала пачка горизонтально-слоистой супеси, в средней части которой находились кости животных (без носорога) и единичные каменные предметы (горизонт А). По древесине из нижней части этого слоя получена радиоуглеродная дата 12 200±170 лет (ЛЕ-953). Ниже идет слой горизонтально-слоистых суглинков, в верхней половине которого на двух разных уровнях встречались кости животных: вверху мамонта и носорога, ниже к ним добавлялись кости бизона и лошади, а также единичные предметы из камня — вверху семь отщепов (горизонт В), ниже — 12 каменных артефактов, очень невыразительных по облику, и кость мамонта со следами обработки и использования (горизонт С). По древесине для этого слоя получен ряд радиоуглеродных дат: для верхней части — 23 500±500 лет (ЛЕ-999), для средней — 33 333±500 (ЛЕ-1000), 30 000±500 (ЛЕ-1001) и 35 400±600 лет (ЛЕ-954). Подстилающие горизонтально-слоистые пески имеют дату по древесине 35 600±900 лет (ЛЕ-955).

На стоянке собран обильный подъемный материал, включающий односторонние одноплощадочные и клиновидные нуклеусы, поперечные резцы, скребла, двусторонне обработанные ножи и их заготовки. «Почти все изделия находят, с одной стороны, четкие аналоги в материалах Дюктайской пещеры, а с другой — некоторые из них близки к материалам более древних стоянок, таких, как Эжанцы, Ихине I и Ихине II. Поэтому подъемный материал стоянки Усть-Миль II было бы пока преждевременным пытаться привязать к отдельным культурным горизонтам «А», «Б» или «С»»[17]. Полностью принимая последний вывод, считаю необходимым подчеркнуть очевидность аналогий с материалами и Дюктайской стоянки, и стоянки Эжанцы.

Культурные остатки на стоянке Эжанцы также приурочены к отложениям 16—18-метровой III террасы. Здесь под тонким слоем дерна и слоем покровного суглинка мощностью 50—60 *см* лежит аллювиальный суглинок такой же мощности с культурными остатками. Подстилают суглинок пески с тонкими прослойками алевритов. Все слои, лежащие под дерном, местами нарушены мощными морозобойными трещинами, идущими на глубину 2,5 *м* от дневной поверхности. По образцам древесного угля, взятым из гумусированных прослоек, сползающих из покровного суглинка в морозобойные трещины, получены даты 9000±100 (ЛЕ-997), 10 500±300 (ЛЕ-964) и 10 940±100 лет (ГИН-737). Культурные остатки, как правило, залегают в низах аллювиального суглинка. Иногда за счет мерзлотных смещений отдельные каменные предметы и кости вместе с аллювиальным суглинком вытесняются вверх почти к подошве покровного слоя или, наоборот, проникают вниз до 1 *м* в песчаные отложения. Но довольно часто на участках, не затронутых морозобойными трещинами, одна часть изделия располагается в верхней части песков, рассматриваемых как отложения прирусловой отмели III террасы, а другая в нижней части суглинков — отложений пойменного аллювия. Это дает основание Ю. А. Мочанову прийти к выводу, что люди впервые пришли на стоянку, когда здесь стала формироваться низкая пойма. Исходя из дат, полученных для отложений пойменного аллювия и прирусловой отмели III террасы на стоянке Усть-Миль II, Ю. А. Мочанов оценивает возраст стоянки Эжанцы примерно в 35 тыс. лет[18]. Здесь необходимо напомнить, что в Усть-Миль II эти две различные фации имели практически одну и ту же дату: средняя часть слоя пойменного аллювия — 35 400±600 лет, не самые верхи отложений отмели — 35 600±900 лет. Фаунистические остатки здесь те же, что и на других стоянках и отличались от фауны Дюктайской стоянки только наличием костей шерстистого носорога. В каменном инвентаре выделены нуклеусы подпризмати-

[17] *Мочанов Ю. А.* Ук. соч., с. 39.
[18] *Мочанов Ю. А.* Ук. соч., с. 51.

ческого типа и клиновидные. Среди 30 найденных орудий наиболее многочисленны резцы (70%). Особо примечателен резец на углу сломанной микропластинки размером 1,9×0,7 *см* (см. материалы Дюктайской стоянки). Встречаются ножи, в том числе один, наиболее характерный обломок ножа, «...который по своим технико-типологическим показателям аналогичен двусторонне обработанным овальным кремневым ножам из Дюктайской пещеры». Далее Ю. А. Мочанов повторяет и уточняет это высказывание: «...бифас со стоянки Эжанцы по форме и технике обработки почти не отличается от двусторонне обработанных овальных каменных ножей, зафиксированных в **верхнем** (подчеркнуто мною.— *З. А.*) палеолитическом горизонте Дюктайской пещеры» [19]. Эта находка оценивается Ю. А. Мочановым как исключительно важная для выяснения генезиса дюктайской культуры, более того, по-видимому, только она (других доказательств не приводится) позволяет ему отнести предварительно Эжанцы вместе с Усть-Миль II к наиболее ранним памятникам дюктайской культуры. Вместе с тем время существования последней уже без всяких оговорок определяется в 35—10,5 тыс. лет назад — факт беспрецедентный в мировом палеолитоведении.

Но, может быть, здесь действительно исключение, и можно проследить эволюционное развитие культуры на протяжении 25 тыс. лет? Ю. А. Мочанов отмечает, что характерным для ранних стоянок является сочетание в едином культурном комплексе крупных галечных подпризматических и мелких клиновидных нуклеусов, как и сочетание единичных галечных скребел и мелких скребков на отщепах. Но эти характерные черты инвентаря, присущие ранним стоянкам (по сути дела, только Эжанцы, поскольку другие не дают материала для сравнений), можно видеть и в самой Дюктайской стоянке. Более того, каждый, кто знаком с сибирским палеолитом, не задумываясь скажет, что эти черты присущи многим памятникам Енисея, Ангары, Забайкалья. Один «черепаховидный» нуклеус из Эжанцы погоды не делает, хотя в самом названии подчеркивается его архаизм. Подобные формы нередки в палеолите Енисея. Разнообразие резцов на стоянке Эжанцы (судя по рисункам, некоторые определения ошибочны) тоже вряд ли является признаком архаичности. Резцы подобных форм отмечены не только в Усть-Миль II, но и в Верхне-Троицкой и Дюктайской стоянках. К сожалению, применение статистического метода невозможно, поскольку во всем комплексе наиболее представительной Дюктайской стоянки найдено всего 98 орудий, а комплексы Верхне-Троицкой и Усть-Миль II по преимуществу подъемные.

Наиболее показательно, конечно, наличие на всех стоянках Алдана призматической техники, нашедшей выражение в пластинках и микропластинках с параллельными краями и призматическим сечением, а также в клиновидных нуклеусах. Форма классического треугольного нуклеуса с треугольным же более широким или более узким торцом, служившим для снятия тонких микропластинок, представлена на всех стоянках от Эжанцы до Дюктая, за исключением Ихине I, где единственный нуклеус представлен гобийским типом. Очень любопытно утверждение Ю. А. Мочанова, что «клиновидные нуклеусы появились на Алдане около 35 тыс. лет назад и бытовали до конца плейстоцена. Ни на одной голоценовой стоянке с четкой стратиграфией они пока не зафиксированы» [20]. Следовательно, или стоянка Белькачи I не является ни голоценовой, ни четко стратифицированной, или нуклеус из этой стоянки, изображенный на табл. 48, *4*, не является клиновидным. И действительно, в тексте (с. 136) он назван призматическим, хотя снятие микропластинок с торца и общая форма предмета характеризует именно клиновидный нуклеус. Нуклеусы из стоянки Усть-Тимптон (табл. 66, *3*; 67, *24*, *26*;

---

[19] Там же, с. 58, 223.

[20] *Мочанов Ю. А.* Ук. соч., с. 222.

68,*11*) названы в тексте клиновидными, но, чтобы избежать противоречия, отнесены к дюктайской культуре. Исключает ли это их голоценовый возраст? [21]

Общеизвестно, что микропластинки, помимо другого очень редкого их использования, служили в качестве вкладышей в составных орудиях. Стало быть, если принять хронологию Ю. А. Мочанова, изобретение этой техники, получившей особенно широкое развитие на заключительных этапах палеолита и в мезолите, следует отнести к 35 тысячелетию. Допустим, что на этих стоянках микропластинки не использовались как вкладыши (в Эжанцы из правильных мелких пластинок, по размерам близких к крупным микропластинкам, изготовлены угловой резец и приколка), а в Дюктае предполагается такое их использование, поскольку они уже именуются вкладышами, тогда чем объяснить, что на протяжении 25 тыс. лет существовала поразительно однообразная техника расщепления камня и типология орудий? При всем желании нельзя проследить эволюцию и наиболее хорошо представленных клиновидных нуклеусов, и других типов орудий от стоянки Эжанцы до верхнего слоя Дюктайской стоянки. Видимо, вывод один: они значительно ближе по времени, а насколько, это действительно должны показать будущие исследования.

Стоянка Эжанцы по составу инвентаря не может быть выделена в начальную эпоху позднего палеолита Сибири. Это вытекает и из технических, очень слабо освещенных показателей, о которых, однако, можно сказать, что они ничем не отличаются от дюктайских, и из набора орудий, который отнюдь не своеобразен по сравнению с другими палеолитическими памятниками Северной Азии. Выше уже делались экскурсы за пределы бассейна Алдана, можно привести еще ряд примеров. В инвентаре стоянки Эжанцы выделены подпризматические нуклеусы из галек, из которых в описании и на рисунках представлены главным образом заготовки, т. е. гальки, рассеченные поперек. Плоскость раскалывания затем превращена в ударную площадку — прием, широко известный в позднем палеолите Сибири. Некоторые из этих галек могли служить и чопперами. Особо выделяются два нуклеуса, у которых снятие отщепов происходило с продольной стороны без подготовительной ударной площадки. Они полностью аналогичны нуклеусам из Мальты и Афонтовой горы. Клиновидные нуклеусы ничем не отличаются от широко распространенных мелких нуклеусов с торцовым принципом скалывания или типичных клиновидных нуклеусов. Особо подчеркнутая Ю. А. Мочановым деталь — наиболее плоские и мелкие из этих нуклеусов похожи на многофасеточные резцы — находит соответствие в материалах хотя бы стоянки Кокорево I, где иногда бывает трудно отделить нуклеусы от резцов. Скребки и скребло из стоянки Эжанцы не представляют никаких особенностей (см., например, материалы тех же макаровских стоянок, вообще обнаруживающих большое сходство с инвентарем стоянки Эжанцы): нуклеусы площадочные и клиновидные, чопперы, поперечные резцы «верхоленского типа», проколка из микропластинки (слои III и IV Макарово II) и даже два обломка двусторонне обработанного листовидного ножа или наконечника копья (слой II Макарово II) [22]. Проколки из мелких пластинок — микропластинок — встречены и в верхнем комплексе Красного Яра, и в Таштыке I.

---

[21] В более ранних работах Ю. А. Мочанов утверждал, что клиновидные нуклеусы в числе других форм наиболее типичны для каменного инвентаря раннего неолита Алдана (см., например, *Мочанов Ю. А.* Ранний неолит Алдана.— СА, 1966, № 2, с. 131.

[22] *Аксенов М. П.* Многослойный археологический памятник Макарово II..., рис. 4—10.

Таким образом, анализ инвентаря стоянки Эжанцы, сделанный по необходимости по публикации, со всей очевидностью свидетельствует, что здесь нет ни одной формы, которая не была бы представлена в палеолитических стоянках Сибири, отстоящих по времени от гипотетического возраста Эжанцы на 15—20 тыс. лет. Так, на стоянке Кокорево I, четко датированной по всем показателям, имеются сходные нуклеусы с подготовленной ударной площадкой, клиновидные нуклеусы, чопперы и скребла, близкие по форме к чопперам, боковые, угловые, срединные резцы. На стоянке Афонтова гора II — нуклеусы с галечными ударными площадками, клиновидные нуклеусы, микропластинки с ретушью, двусторонне обработанные скребла. Перечень стоянок можно продолжить. Конечно, полного тождества с какой-либо из сибирских стоянок нет и быть не может. Указанные аналогии приведены с целью показать, что инвентарь стоянки Эжанцы не выпадает из круга памятников сартанского времени.

Встает альтернатива: признать хронологические выкладки для алданских стоянок и тем самым считать установленным, что здесь 35 тыс. лет назад уже существовала культура с инвентарем, все компоненты которого обнаруживаются через 15—20 тыс. лет здесь же на Алдане, а также на верхней Лене, Ангаре, Енисее, в Забайкалье, или признать, что стоянки Алдана не выходят за рамки сартанского оледенения.

Последнему предположению противостоит такой мощный противник, как серия радиоуглеродных дат, в своей совокупности и в особенности в размещении по различным отложениям различных террасовых уровней, казалось бы, очень убедительных. Однако нетрудно заметить, что существует следующая закономерность: если анализ сделан по древесному углю, взятому из культурных слоев, даты соответствуют реальности и никаких противоречий не возникает; если же по древесине, взятой из аллювия и в неизвестной связи с культурными остатками,— даты чрезмерно удревнены. Если исключить Верхне-Троицкую стоянку, приуроченную к отложениям II террасы, дата которой, как видно из стратиграфического разреза, связана с находками и в целом не противоречит остальным данным, остаются датированные по древесине Усть-Миль II и Ихине II. И тут и там находки залегают как бы во взвешенном состоянии во всей толще слоя, состоящего из тончайших прослоек, где кости крупных животных, даже в виде осколков, должны были занимать по толщине минимум две-три прослойки. Остается неизвестным размер образцов древесины и нет никаких доказательств, что остатки древесины соответствуют времени жизни человека на стоянке [23]. Отложения основной части разрезов Усть-Миль II, Ихине I и Эжанцы, подвергнутые палинологическому анализу, содержали одинаковые спорово-пыльцевые спектры. «Низкое содержание пыльцы древесины и кустарниковых растений и господство спор в спектрах изученных разрезов свидетельствует о холодном климате во время их формирования ... Отсутствие лесов было обусловлено близостью гор, где развивались ледники» [24]. Нельзя исключить предположение, что древесина могла попасть в слои из более древних отложений [25]. Это может касаться и кости носорога, использованной для датировки на стоянке Ихине II, поскольку признаков культурного

---

[23] См. стратиграфические разрезы. *Мочанов Ю. А.* Древнейшие этапы..., рис. 9, 10.

[24] *Томская А. И., Савинова Г. М.* Спорово-пыльцевые спектры отложений долины реки Алдана, включающих палеолитические памятники.— В сб.: Якутия и ее соседи в древности. Якутск, 1975, с. 37.

[25] См., например, *Кинд Н. В. и др.* Радиоуглеродные даты ГИН АН СССР. Сообщение VIII. Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. М., 1976 (образец ГИН-1019 и др.). Очень показательна дата для образца ГИН-1022, равная 12900±300 лет, определенная по углю, взятому на стоянке Авдеиха с глубины 0,9 *м* в аллювиальных супесях 22—24-метровой террасы р. Витим.

слоя на этой стоянке нет и неизвестно, была ли кость связана с человеческой деятельностью.

В предисловии к книге Ю. А. Мочанова указано, что ценные советы о геологических условиях залегания отдельных стоянок получены от Е. М. Катасонова, С. М. Цейтлина и А. В. Шера, но из самой книги неясно, работали ли специалисты-геологи на стоянках в поле; кто и на какой стоянке конкретно определял характер отложений и уровень террас, заключающих культурные остатки; кто, наконец, видел на месте и согласился с установлением погребенных террас (напротив, говорится, что в геологической литературе данные террасы не учтены [26]). Все, кто занимался стратиграфией палеолитических стоянок, отлично представляют трудности, возникающие при таких определениях.

Не исключено, что определение времени отложений, а отсюда и их характера, могло быть основано именно на радиоуглеродных датах. Стоянка Ихине II первоначально относилась к отложениям I террасы, затем была связана с отложениями III террасы. Образец же древесины, представленный в ГИН и давший дату 30 200±300 лет (ГИН-1019), сопровождался сведениями, что он происходит из аллювиальных супесей II надпойменной террасы [27], которые благодаря радиоуглеродной дате или другим неизвестным факторам превратились в аллювиальные суглинки III надпойменной террасы [28].

Далее, и в Усть-Миль II, и в Ихине II находки, получившие древние даты, лежат в верхах слоя 4. Предположим, в Усть-Миль II действительно между слоями 3 и 4 существовал разрыв и не должно удивлять, что между низами слоя 3 и верхами слоя 4 истекло 11 тыс. лет. Удивительно другое: верхняя часть слоя 4 толщиной 70—75 *см* накапливалась 9—10 тыс. лет. Судя по фотографии разреза [29], кажется вероятным, что свита тончайших прослоек должна была требовать значительно более короткого времени для своего образования. Достойно удивления также и то, что исследователь ни разу, за исключением случаев, когда они кажутся ему омоложенными, не попытался подвергнуть сомнению приемлемость радиоуглеродных дат или как-то совместить их с остальными данными.

Может быть, на Алдане все встанет на свои места и противоречия окажутся устраненными, если будет четко определена последовательность террасовых уровней и установлен характер слагающих их отложений без помощи радиоуглеродных дат, полученных по древесине? Слово за геологами. Здесь же еще хотелось бы заметить, что археологу слишком опасно поддаваться гипнозу радиоуглеродных дат и пренебрегать данными технико-типологического анализа инвентаря.

Z. A. Abramova

ON THE DATING OF THE PALAEOLITHIC OF ALDAN

Summary

During last years a series of palaeolithic sites were discovered at river Aldan (a tributary of Lena, Yakutia). The most interesting is the Dyuktaiskaya site, dated by C^{14} from 12 100±120 (LE — 907) to 14 100±100 (GIN — 104). The dates are obtained from a

[26] *Мочанов Ю. А.* Древнейшие этапы..., с. 4, 213.
[27] *Кинд Н. В. и др.* Ук. соч., с. 184.
[28] *Мочанов Ю. А.* Древнейшие этапы..., с. 45 и рис. 10.
[29] *Мочанов Ю. А.* Ук. соч., рис. 8.

charcoal. The Dyuktaiskaya culture in the palaeolithic fo Northern Asia was singled out on the basis of the materials from this site. The time of existence of the other culture, including all the rest sites, even with very small inventories, is 35 — 10,5 thousand years B. C. (the dates obtained from wood from the cultural deposit of the site Ust-Mil II). The site Azhantsy is also related to the most ancient stage on the basis of similarity of geological circumstances with the site Ust-Mil II. But the inventory of the site Azhantsy has more common features with inventories of palaeolithic sites of Upper Lena, Enisey, Angara, Trans-Baikalian region, dated to 20 — 10 thousand years B. C. It caused a question: could this culture exist for 25 thousand years with remarkably monotonous technology of stone spliting and typology of artifacts, while these technological and typological characteristics have numerous analogies at the more southern sites, which have the same date, as the second stage of this culture. To answer this question it is necessary to establish the exact consequences of the levels of terraces and also the character of deposits with cultural remains without direct dependence on radiocarbon dates, obtained from wood. The comparison of different data lets the author suppose, that the palaeolithic sites of Aldan are within the boundaries of the Sartan glaciation. New profound geological and archaeological investigations must show if it is so, or not.

Л. В. КОЛЬЦОВ

О ХАРАКТЕРЕ СЛОЖЕНИЯ РАННЕМЕЗОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

Изучение мезолита в Европе начинает приобретать все более широкий размах. Накопление значительных материалов дает возможность приступить к обобщениям, к поиску закономерностей в развитии мезолитических культур.

Как известно, в конце плейстоцена на территории лесной зоны Центральной и Западной Европы существовало несколько позднепалеолитических культур: лингби, федермессер, аренсбургская и свидерская [1]. Для Восточной Европы это время пока остается не совсем ясным, так как палеолит лесной зоны Восточной Европы только начинает исследоваться [2].

Попробуем разобраться, как же происходило сложение культур на заре голоцена в лесной зоне Европы. Оговоримся сразу, что вслед за А. А. Формозовым [3] мы считаем, что основным культурным определителем в бескерамических культурах каменного века являются предметы, имеющие прямое или косвенное отношение к охотничьему вооружению, так как именно эти предметы в большой мере могут являться этнографическим признаком. Для решения вопроса о характере сложения культур выбран один хронологический (ранний мезолит) и пространственный (лесная зона Европы) срез (рис. 1).

Итак, одной из древнейших культур мезолита Северной Европы является, как ее называет Д. Г. Д. Кларк, протомаглемозская культура Великобритании или, иначе говоря, культура Стар Карр (по С. К. Козловскому) [4]. Отдельные ее памятники методами естественных наук были датированы концом IX тысячелетия до н. э. Очень вероятно, что мы не знаем всей территории распространения этой культуры. Ее памятники сейчас встречены только в Великобритании. Но не исключено, что часть их находилась на территории современного Северного моря и в связи с опусканием его дна ныне находится под водой. Известно, что рыболовные траулеры выловили со дна Северного моря куски торфа с гарпунами, совершенно аналогичными найденным в стоянках на суше.

Рассмотрим состав микролитов культуры Стар Карр. Это прежде всего: 1 — острия типа Цунхофен — пластины со скошенным концом, у которых скошена прибугорковая часть заготовки (рис. 2, *1*); 2 — подобные формы, но с ретушированным основанием, придающие орудию вид уд-

---

[1] *Schwabedissen H.* Die Federmesser-Gruppen des nordwesteuropaischen Flachlands. Neumünster, 1954; *Taute W.* Die Stielspitzen-Gruppen in nordlichen Mitteleuropa.— In: Fundamenta», Bd 5. Köln — Graz, 1968.

[2] *Крайнов Д. А.* Некоторые спорные вопросы древнейшей истории Волго-Окского междуречья.— КСИА АН СССР, № 97, 1964; *Грехова Л. В.* Кремневый комплекс стоянки Тимоновка II и однотипные памятники Деснинского бассейна.— В сб.: История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971.

[3] *Формозов А. А.* Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959.

[4] *Clark J. G. D.* Excavations at Star Carr. Cambridge, 1954.

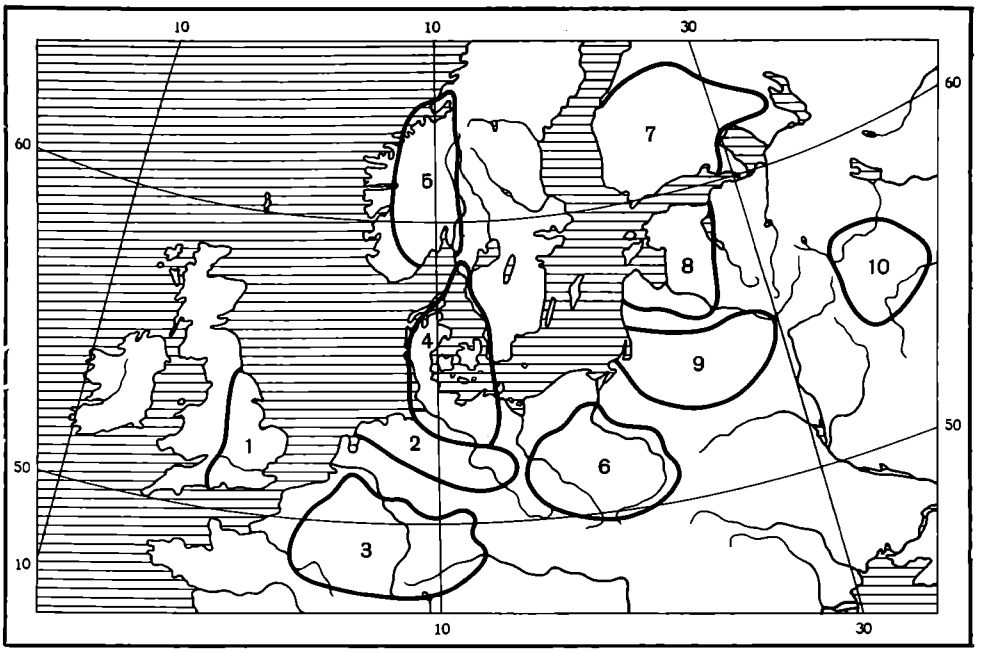


Рис. 1. Карта раннемезолитических культур Северной Европы: *1* — протомаглемозе и маглемозе Великобритании; *2* — дуфензе; *3* — ранний тарденуаз; *4* — собственно маглемозе; *5* — фосна; *6* — коморницая; *7* — аскола; *8* — кундская; *9* — неманская; *10* — бутовская

линенной трапеции (рис. 2,*2*); 3 — треугольники равнобедренные укороченных пропорций (рис. 2,*3*); 4 — треугольники неравносторонние тупоугольные как укороченных, так и удлиненных пропорций (рис. 2,*4*); 5 — очень специфические ромбовидные формы, у которых один край затуплен сверху на две трети орудия, а второй снизу почти на столько же (рис. 2,*5*); 6 — ланцетовидные острия с загупленным краем (рис. 2,*6*); 7 — единичные наконечники типа Лингби [5].

Основная часть вкладышей и наконечников этой культуры (формы 1—4 и 7) уже известна в непосредственно предшествующей аренсбургской культуре. Форма 6 является развитием острий типа федермессер. Форма 5, по-видимому, уже новое изобретение, в какой-то мере явившееся результатом развития формы 1 или 6. Таким образом, в группе охотничьего вооружения наблюдается скрещивание двух тенденций: основной — продолжение развития форм аренсбургской культуры и дополнительной — включения некоторых форм из культуры федермессер.

Техника раскалывания кремня в протомаглемозской культуре близка аренсбургской технике. Применяются такие технические приемы, как укорачивание заготовок, характерное для культур аренсбургской и федермессер; микрорезцовая техника, употреблявшаяся в аренсбургской культуре для обработки вкладышей, характерна и крутая ретушь, встречающаяся в обеих вышеназванных культурах. Таким образом, технические приемы также свидетельствуют о преобладающей роли аренсбургской культуры в сложении культуры протомаглемозе и о вспомогательной роли в этом процессе культуры федермессер.

В категории скребков культура Стар Карр имеет формы, одинаково встречающиеся как в аренсбургской, так и в культуре федермессер. В группе резцов больше сходства с аренсбургской культурой, хотя есть

[5] Типология микролитов для западноевропейских культур дается по С. К. Козловскому: *Kozłowsky J. K., Kozłowsky S. K.* Pradzieje Europy od XL go IV tysiąclecia p. n. e. Warszawa, 1975.

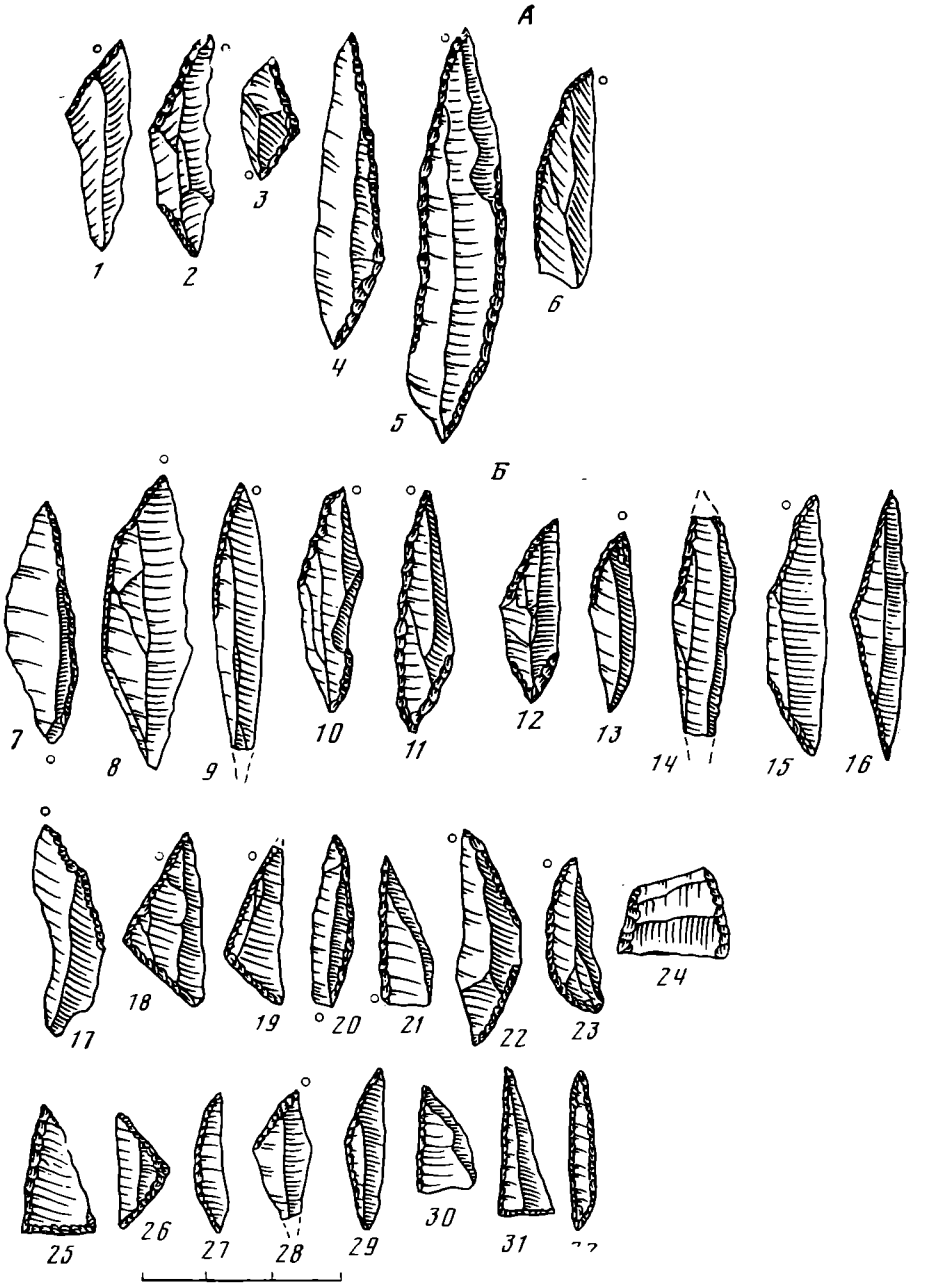


Рис. 2. Охотничье вооружение и микролиты раннемезолитических культур. А — протомаглемозе Великобритании: *1* — острие типа Цунхофен; *2* — длинная трапеция; *3* — равнобедренный треугольник; *4* — тупоугольный неравносторонний треугольник; *5* — ромбовидное острие; *6* — ланцетовидное острие. Б — маглемозе Великобритании: *7* — ланцетовидное острие; *8* — острие типа Цунхофен; *9* — острие типа Маглемозе; *10* — ромбовидное острие; *11* — острие с затупленным краем и ретушированным основанием; *12* — наконечник типа Маглемозе; *13* — острие типа Цунхофен с концом в виде проколки; *14* — острие типа Маглемозе с концом в виде проколки; *15* — длинная трапеция; *16* — равнобедренный треугольник. В — культура дуфензе: *17* — острие типа Цунхофен; *18* — равнобедренный треугольник; *19* — тупоугольный неравносторонний треугольник; *20* — ланцетовидное острие; *21* — острие типа Ставинога; *22* — длинная трапеция; *23* — сегмент; *24* — короткая трапеция. Г — ранний тарденуаз: *25* — острие типа Тарденуа; *26* — равнобедренный треугольник; *27* — сегмент; *28* — острие типа Цунхофен (Коморница); *29* — ланцетовидное острие; *30* — острие типа Ставинога; *31* — прямоугольный треугольник; *32* — острие типа Совтерр

и незначительное число признаков культуры федермессер. По количеству скребков культура Стар Карр ближе к аренсбургской, количество резцов во всех трех культурах примерно равно. То же можно сказать о пластинах со скошенным концом. Формы сверл культуры Стар Карр заимствованы из культуры федермессер или из кресуэллской, известной в Англии и по времени смыкавшейся или частично синхронной с протомаглемозской культурой. Безусловно новым изобретением в культуре Стар Карр являются топоры и тесла.

Среди костяных орудий характерны однорядные гарпуны с редкими и частыми зубцами только в верхней половине, уплощенные веретенообразные острия, мотыки и топоры с отверстием, шилья, орудия с пазом (?). Костяной инвентарь как будто не имеет прямых аналогий в предшествующих культурах, зато он характерен для всей маглемозско-дуфензейской общности. Таким образом, и в других категориях орудий четко видна роль аренсбургской культуры в сложении культуры Стар Карр как основного предка ее. Но нельзя отрицать и роль культуры федермессер и, может быть — кресуэллской.

Примерно в середине VIII тысячелетия до н. э. происходит слияние кресуэллской культуры с культурой Стар Карр опять-таки в форме подчинения (ассимиляции) культурой Стар Карр малочисленного кресуэллского населения. Складывается британский вариант культуры маглемозе, по Д. Г. Д. Кларку, или культура броксбёрн, по С. К. Козловскому [6].

Ее характеризует следующий набор вкладышей: 1 — ланцетовидные острия (рис. 2, *7*); 2 — острия типа Цунхофен или Коморница (рис. 2, *8*); 3 — острия типа Маглемозе (рис. 2,*9*); 4 — ромбовидные острия (рис. 2,*10*); 5 — острия с затупленным краем и ретушированным вверх основанием (рис. 2,*11*); 6 — наконечники типа Маглемозе (рис. 2,*12*); 7 — острия типа Цунхофен с проколковидным острием (рис. 2,*13*); 8 — острия типа Маглемозе с проколковидным острием (рис. 2,*14*); 9 — удлиненные трапеции (рис. 2,*15*); 10 — вытянутые равнобедренные треугольники, или так называемые острия типа Кресуэлл (рис. 2,*16*).

Очевидно, что часть форм заимствована из культуры Стар Карр или протомаглемозе: формы 1,2,4; форма 7 — вариант формы 2; форма 3 и ее вариант форма 8 развились из ланцетовидных острий с затупленным краем. Формы же 5 и 9, по-видимому, заимствованы от кресуэллской культуры. Происхождение формы 6 не совсем ясно, но не исключено, что это реминисценция влияния культур фосна или собственно маглемозе, где эти формы происходят непосредственно от наконечников аренсбургского типа.

Таким образом, ясно, что семь форм из десяти заимствованы из культуры Стар Карр и только три — из других культур. Представляется очевидным, что броксбернская культура С. К. Козловского — продолжение развития культуры Стар Карр или раннего маглемозе Великобритании, лишь обогащенная рядом новых форм микролитов в результате контакта с носителями соседних культур. Развитие этой группы орудий (вкладышей) выражается в общем увеличении их числа в комплексах.

В качестве заготовок употребляются широкие и узкие большие пластины, применяется техника микрорезца, крутая ретушь, иногда встречная, макролитическая техника.

Число скребков сохраняется примерно таким же, и формы их в основном те же. Число резцов сокращается довольно сильно. Основные формы остаются без изменений. Отметим при этом, что резцы найдены не во всех стоянках. Число орудий со скошенным концом практически

---

[6] *Jacobi R. M.* Aspects of the «Mesolithic Age» in Britain.— In: *Kozlowski S. K.* (ed.). The Mesolithic in Europe. Warsawa, 1973, p. 237—266.

то же. Сохраняются в том же числе и в тех же формах рубящие орудия. Почти исчезают сверла.

Костяной инвентарь известен плохо, но здесь тоже встречаются однорядные гарпуны, совершенно аналогичные найденным на предыдущей ступени.

Следовательно, все категории орудий, кроме вкладышей, почти не отличаются от ранее известных и употреблявшихся на протомаглемозской ступени. Поэтому есть основания считать протомаглемозскую (Стар Карр) и маглемозскую (броксберн) культуры Великобритании двумя ступенями развития одной мезолитической культуры.

Раннемезолитическая культура дуфензе имеет хронологию: середина VIII — конец VI тысячелетия до н. э. Основные формы ее охотничьего вооружения: 1 — острия типа Цунхофен или Коморница (рис. 2,*17*); 2 — равнобедренные треугольники (рис. 2,*18*); 3 — тупоугольные треугольники (рис. 2,*19*); 4 — ланцетовидные острия (рис. 2,*20*); 5 — острия с затупленным краем типа Ставинога (рис. 2,*21*); 6 — острия типа Коморница с ретушированным основанием или длинные трапеции (рис. 2,*22*); 7 — сегменты очень коротких пропорций (рис. 2, *23*); 8 — трапеции (в поздней фазе; рис. 2, *24*).

Формы 1—3 и 6 явно заимствованы из аренсбургской культуры, остальные — из культуры федермессер. Хронологически культура дуфензе непосредственно им наследует; ее памятники располагаются главным образом на территории современных ФРГ, ГДР, Дании, т. е. в значительной мере там, где существовали культуры федермессер и аренсбургская.

Техника раскалывания кремня в основном заимствована из аренсбургской культуры, хотя есть и некоторые новшества (в форме нуклеусов). Техника обработки орудий заимствована как из аренсбургской культуры (микрорезцовые приемы), так и из культуры федермессер (крутая затупливающая ретушь, часто идущая с двух сторон).

Формы скребков, встречающиеся в культуре дуфензе, характерны и для аренсбурга, и для федермессер. Их индекс в комплексах ближе к аренсбургской культуре. Однако в культуре дуфензе появляются скребки неправильной формы и отщепы со скребковой ретушью, что является типично мезолитическим изобретением (число их, правда, невелико). Категория резцов достаточно разнообразна: преобладают различные формы срединных (в том числе со смещением лезвия от центральной оси орудия и с лезвием, сделанным одним сколом), характерны резцы на углу сломанной пластины и косоретушные. Число пластинок со скошенным концом совпадает с данными по культуре федермессер. То же можно сказать и о сверлах (здесь совпадение и качественное). Правда, появляются крупные макролитические сверла, что является мезолитическим изобретением. Мезолитическим же нововведением были и топоры, уже достаточно разнообразные в культуре дуфензе: это и топоры, оббитые с двух сторон с линзовидным поперечным сечением, трапециевидные в плане тесла на отщепах, пиковидные орудия. Костяные орудия имеют много общих черт с протомаглемозской культурой Великобритании [7].

Таким образом, и здесь налицо то же явление — сложение новой мезолитической культуры на основе двух предшествующих.

Раннемезолитическая культура, памятники которой встречаются на территории Северной Франции, Голландии, Швейцарии и ФРГ,— это ранний тарденуаз или группа Бёйрон-Куэнси (по С. К. Козловскому). Состав ее вкладышей очень интересен: 1 — острия типа Тарденуа в нескольких разновидностях (рис. 2,*25*); 2 — равнобедренные треугольники (рис. 2,*26*); 3 — сегменты (рис. 2,*27*); 4 — острия типа Цунхофен или

[7] *Schwabedissen H.* Die mittlere Steinzeit im westlichen Norddeutschland. Neumünster, 1944; *Schuldt E.* Hohen Viecheln. Berlin, 1961.

Коморница (рис. 2,*28*); 5 — ланцетовидные острия с затупленным краем (рис. 2,*29*); 6 — острия типа Ставинога (рис. 2,*30*); 7 — треугольники тупоугольные или прямоугольные неравносторонние (рис. 2,*31*); 8— острия типа Совтерр (рис. 2,*32*). Хронологические рамки этой культуры— начало (или середина) VIII — конец VII тысячелетия до н. э. Может быть, отдельные памятники существовали и позднее.

Ряд форм вкладышей (3,5,6,8) заимствован из индустрий с остриями с затупленным краем (может быть, в том числе из культуры федермессер), треугольники, острия типа Цунхофен или типа Тарденуа из аренсбургской культуры.

Технические приемы здесь могут быть заимствованы как из аренсбургской культуры, так и из индустрии с остриями с затупленным краем: нуклеусы подконические, подпризматические и аморфные, реже торцовые. Применялась техника микрорезца, затупливающая крутая ретушь, преднамеренное укорачивание пластин. Формы скребков раннего тарденуаза распространены широко, так же как и резцов, сверл и пластин со скошенным концом. Особенностью этой культуры является достаточно широкое распространение скребков неправильной формы и пластин с ретушью [8].

Происхождение этой культуры не совсем ясно. Совтеррская культура, располагавшаяся южнее, имеет с ней много общего, возможно, у них (частично) общий предок — культура позднего палеолита, существовавшая где-то в бассейне Средиземного моря (во всяком случае, с азильской культурой у совтерра и раннего тарденуаза больше различий, чем сходства). Вместе с тем в сложении раннего тарденуаза принимала, повидимому, некоторое участие аренсбургская культура (в данном случае ее участие было далеко не столь решающим, как в случае с предшествующими культурами).

Культура маглемозе (или свердборг, по С. К. Козловскому) существовала на территории Дании и Южной Швеции где-то в VII тысячелетии до н. э. (судя по сериям дат по C^{14} и пыльцевым).

Состав ее охотничьего вооружения: 1 — неравносторонние треугольники (рис. 3, *1*); 2 — треугольники с ретушью по трем краям (рис. 3, *2*); 3 — вкладыши с ретушированным основанием (рис. 3, *3*); 4 — ланцеты (рис. 3, 4); 5 — острия с ретушированным вверх основанием (рис. 3, *5*); 6 — острия ромбовидные (рис. 3, *6*); 7 — острия типа Маглемозе (рис. 3, *7*); 8 — янославицкие острия (рис. 3, *8*); 9 — равнобедренные треугольники (рис. 3, *9*); 10 — острия типа Ставинога (рис. 3, *10*), в основном близок составу вкладышей культур дуфензе и Стар Карр. Видимо, и генетически культура собственно маглемозе связана с ними и, может быть, является продолжением развития этих культур или локальным вариантом большой историко-культурной области дуфензе-маглемозе. Локальной особенностью инвентаря являются вкладыши с ретушированным основанием, вероятно являвшиеся развитием острий типа Коморница, и янославицкие острия, которые представляют собой результат интенсификации микрорезцовой техники.

В качестве заготовок служили в основном широкие пластины, скалывавшиеся с подконических и подладьевидных нуклеусов. При обработке орудий применялась крутая ретушь, микрорезцовые приемы, укорачивание пластин, макролитическая техника, т. е. технические приемы, бытовавшие в предшествующих культурах.

По форме скребков культура маглемозе наиболее близка английским памятникам, хотя уступает им по числу подобных орудий в комплексах. По формам и количеству резцов наибольшая близость проявляется с культурой броксбёрн, или английским маглемозе. По количеству и фор-

---

[8] *Rozoy J. G.* Tardenoisien et Sauveterrien.— BSPF, t. 68, f. 1, 1971.

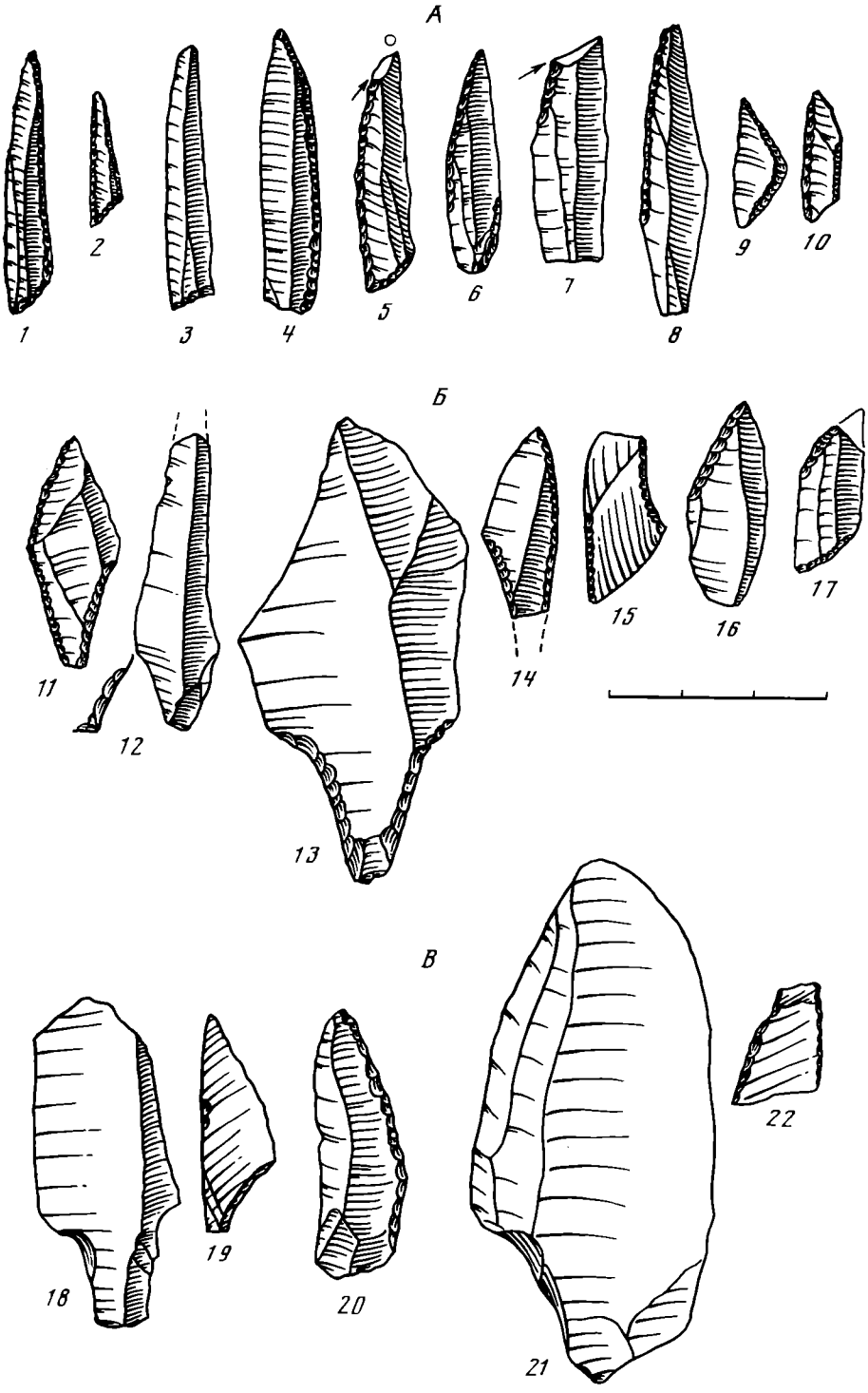


Рис. 3. А — культура маглемозе: *1* — тупоугольный неравносторонний треугольник; *2* — такой же треугольник с ретушью по трем сторонам; *3* — вкладыш с ретушированным основанием; *4* — ланцетовидное острие; *5* — янславицкое острие со скошенным вверх основанием; *6* — ромбовидное острие; *7* — янславицкое острие со сломанным основанием; *8* — острие типа Маглемозе; *9* — равнобедренный треугольник; *10* — острие типа Ставнога. Б — культура фосна: *11* — наконечник аренсбургского типа; *12* — наконечник типа Хинтерзее; *13* — наконечник типа Лингби; *14* — острие со скошенным вверх основанием; *15* — высокая трапеция; *16* — острие типа Цунхофен; *17* — ромб. В — культура аскола: *18* — наконечник аренсбургского типа; *19* — наконечник с боковой выемкой у основания; *20* — ланцетовидное острие; *21* — наконечник типа Лингби; *22* — высокая трапеция

мам рубящих орудий обнаруживается наибольшая близость к культуре дуфензе [9], то же — и в костяном инвентаре.

Таким образом, хотя культура маглемозе представляет собой дальнейшее развитие и, наверное, локальный вариант большой историко-культурной области дуфензе-маглемозе, модель ее происхождения остается той же: в основу новой, рождающейся культуры ложатся элементы по крайней мере двух предшествующих культур.

Польские археологи выделяют на своей территории еще одну раннемезолитическую культуру — коморницкую. Ее хронология та же, что и у культуры дуфензе. Состав охотничьего вооружения полностью совпадает с подобным же инвентарем культуры дуфензе [10]. С нашей точки зрения, коморницая культура представляет собой локальный вариант культуры дуфензе. Можно, следовательно, предполагать и тот же механизм происхождения — скрещение элементов культур аренсбургской и федермессер.

Кроме перечисленных, в Северной Европе существовало еще несколько раннемезолитических культур. Культура фосна бытовала на западном побережье Скандинавского полуострова. Время существования: середина VIII — середина IV тысячелетия до н. э.

В составе ее инвентаря наконечники стрел типов: 1 — аренсбургского (рис. 3, *11*); 2 — хинтерзейского (рис. 3, *12*); 3 — Лингби (рис. 3, *13*); 4 — острия с ретушированным вверх основанием (рис. 3, *14*); 5 — сильно скошенные асимметричные высокие трапеции, происходящие, по-видимому, от предыдущей формы (рис. 3, *15*); 6 — острия типа Цунхофен (рис. 3, *16*) и 7 — ромбы (рис. 3, *17*). Таким образом, практически почти все варианты охотничьего вооружения находят своих прямых предков или достаточно четкие прототипы в аренсбургской культуре. Только небольшая примесь культуры федермессер проявляется в остриях со скошенным вверх основанием.

Основные технические приемы — микрорезцовая техника, укорачивание пластин — могли быть тоже заимствованы в аренсбургской культуре. Формы скребков заимствованы в основном оттуда же с небольшой примесью элементов федермессер (подокруглые формы). Формы резцов распределяются примерно поровну между обеими предшествующими культурами. Новым изобретением являются рубящие орудия [11].

Следовательно, и здесь при главенствующей роли аренсбургских элементов в формировании культуры фосна участвуют и культурные традиции федермессер. Необходимо отметить, что население, оставившее культуру фосна, явилось «пионером», впервые заселившим после ухода ледника эту окраину европейской ойкумены.

Раннемезолитическая культура аскола, памятники которой встречаются на территории СССР и Финляндии, датируется VIII тысячелетием до н. э. В состав ее охотничьего инвентаря входят: 1 — наконечники типа Лингби (рис. 3, *21*); 2 — асимметричные наконечники с боковой гыемкой (рис. 3, *19*); 3 — черешковые наконечники, напоминающие аренсбургские (рис. 3, *18*); 4 — ланцетовидные острия (рис. 3, *20*); 5 — высокие трапеции (рис. 3, *22*). В сложении культуры аскола резко преобладают признаки аренсбургской культуры с примесью элементов культуры федермессер. Необходимо отметить, что население, оставившее культуру аскола, появилось здесь после ухода с этой территории ледника, т. е. заселило регион, до него необитаемый.

---

[9] *Brinch Petersen E.* A Survey of the Late Palaeolithic and Mesolithic of Denmark.— In: *Kozlowski S. K.* (ed.). The Mesolithic in Europe.

[10] *Kozlowski S. K.* Pradzieje ziem polskich od IX do V tysiąclecia p. n. e. Warszawa, 1972, s. 70—78.

[11] *Freundt E. A.* Komsa-Fosna-Sandarna.— Acta Archaeologica, v. XIX. København, 1948, p. 20—27.

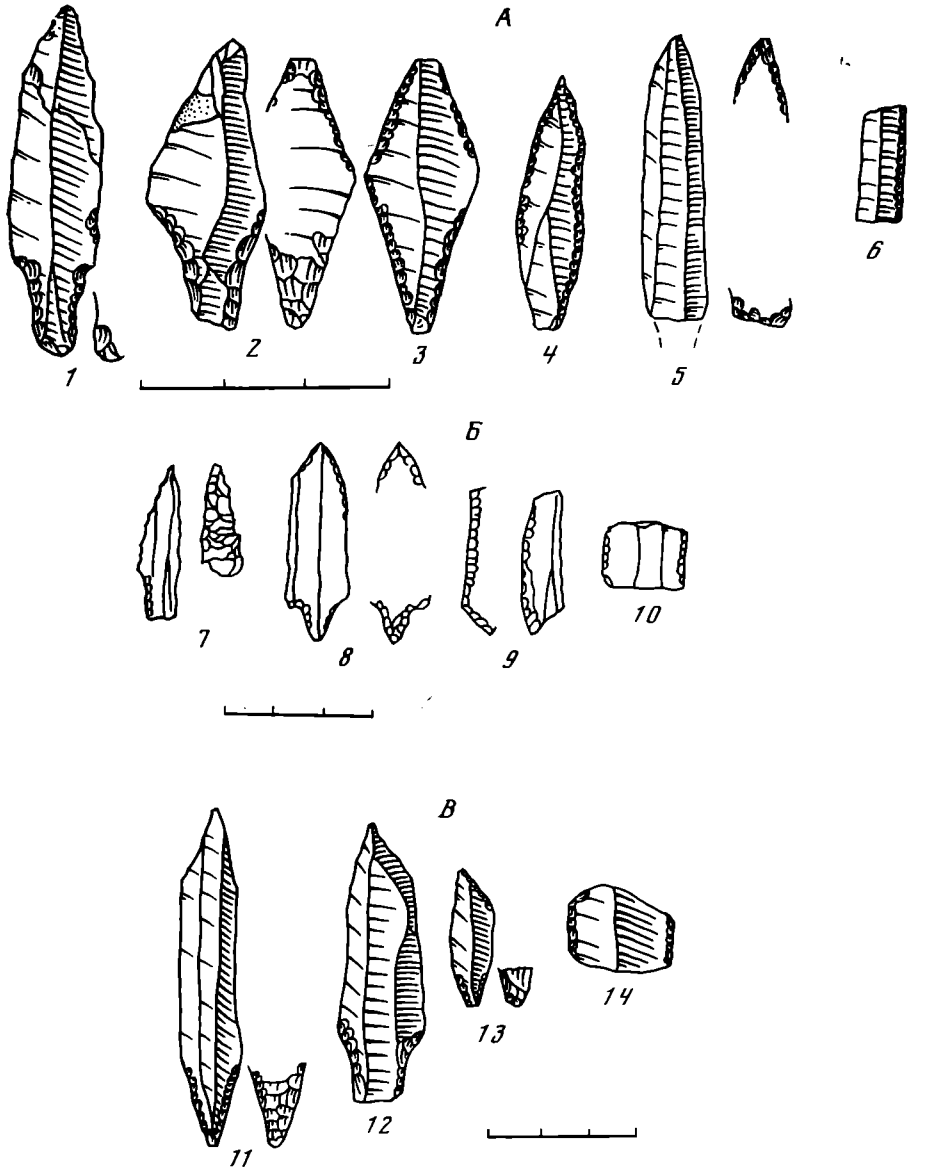


Рис. 4. А — неманская культура: *1*, *2* — свидерские наконечники; *3* — аренсбургский наконечник; *4*, *5* — наконечники, производные от свидерских и аренсбургских форм; *6* — вкладыш с ретушью по краю. Б — кундская культура: *7*, *8* — наконечники, производные от свидерских форм; *9* — треугольник тупоугольный; *10* — вкладыш с ретушью по краям. В — бутовская культура: *11* — свидерский наконечник; *12* — аренсбургский наконечник; *13* — наконечник, производный от свидерских форм; *14* — вкладыш с ретушью по краям

Остальные категории орудий этой культуры тоже связываются с аренсбургским кругом памятников. Видимо, механизм сложения культур аскола и продолжающей ее суомусярви был в значительной мере сходным [12]. Вообще необходимо отметить, что все перечисленные выше культуры (за исключением раннего тарденуаза) имели в своей основе аренсбургский субстрат.

Ряд мезолитических культур Европы сложился с участием свидерской культуры. Одной из них является мезолитическая культура в Понеманье, которую С. К. Козловский, с нашей точки зрения, удачно называет немапской (не путать с неолитической нарвско-неманской куль-

[12] *Luho V.* Die Askola-Kultur.— SMYA, t. 57, 1956.

турой). В составе охотничьего инвентаря этой культуры преобладают наконечники стрел на пластинах разных типов: свидерского (рис. 4, *1, 2*); аренсбургского (рис. 4, *3*); наконечники, производные от свидерских (резко преобладают) и аренсбургских форм (рис 4, *4, 5*). Кроме того, явным изобретением мезолитического времени являются разные варианты вкладышей-пластин с ретушью по краю (рис. 4, *6*). Форма нуклеусов ближе аренсбургской культуре, а в формах резцов и скребков больше сходств со свидерским инвентарем, хотя имеются и аренсбургские признаки. Таким образом, и здесь намечается такой вариант: доминируют признаки свидерской культуры с участием аренсбургских [13].

Происхождение памятников кундской культуры остается еще не совсем ясным, так как обнаружено всего две стоянки, которые можно считать раннемезолитическими и которые разделены между собой значительным хронологическим промежутком. Но и здесь мы замечаем, во-первых, признаки свидерского влияния в виде некоторых форм наконечников стрел (в стоянках Пулли и Кунда), во-вторых, признаки аренсбургской культуры у некоторых типов наконечников (рис. 4, *7, 8*), в-третьих, влияние культуры аскола в приемах обработки кварца с помощью крупного скола, в-четвертых, влияние круга культур дуфензе-маглемозе при формировании вариантов костяного оружия охоты и рыболовства. Здесь влияние свидерской культуры нам кажется доминирующим [14].

Бутовская мезолитическая культура Волго-Окского междуречья имеет в своем инвентаре наконечники стрел: 1 — свидерского типа (рис. 4, *11*); 2 — аренсбургского типа (рис. 4, *12*); 3 — формы, производные от свидерских (рис. 4, *13*); техника раскалывания кремня и его обработки (конические нуклеусы, крутая, полукрутая и плоская ретушь) ведет свое происхождение от свидерских и местных палеолитических корней. Формы скребков, найденных в данной культуре, встречаются как в свидере, так и в местном палеолите. Резцы, характерные для нее, встречены в свидерской культуре и в палеолите Подесенья. Новыми являются разные формы вкладышей на сечениях пластин, хотя и здесь технический прием раскалывания пластин косым ударом по выступающему ребру имеет отголосок в свидерской культуре. То же можно сказать и о других категориях орудий. Таким образом, и здесь налицо влияние нескольких предшествующих культур при сложении мезолитических племен Волго-Окского бассейна [15].

К сожалению, об остальных культурах раннего мезолита лесной зоны Европы очень трудно что-либо сказать, поскольку они еще очень слабо изучены, так что и происхождение их остается неясным.

Из всего изложенного совершенно ясно, что в происхождении всех мезолитических культур лесной зоны Европы существует одна общая важная закономерность: слияние признаков разных культур при доминанте одной из них. Эту модель можно выразить следующей, может быть, далеко не математической формулой:

$$A+b+(+c+d+\ldots+n)\rightarrow X,$$

где X — складывающаяся мезолитическая культура, A — культура, признаки которой доминируют при сложении новой культуры, b, c, d и т. д.— культуры, которые вносят свой вклад в сложение новых культур, при этом участие культур, обозначенных c, d и т. д., не обязательно.

---

[13] *Римантене Р. К.* Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс, 1971.

[14] *Jaanits L., Jaanits K.* Fruhmesolitische Siedlung in Pulli.— Изв. АН Эстонской ССР. Сер. обществ. науки, т. 24, № 1, 1975, с. 64—70; *Indreko R.* Die mittlere Steinzeit in Estland. Stokholm, 1948.

[15] *Кольцов Л. В.* Культурные различия в раннем мезолите Волго-Окского междуречья.— В сб.: Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976, с. 21—26.

Механизм же образования новых культур, сложившихся на базе основных аренсбургской и свидерской, выглядел как исторический процесс следующим образом. Все раннемезолитические культуры складывались главным образом в VIII тысячелетии до н. э. К этому времени на месте будущей лесной зоны Европы существуют, видимо, три больших историко-культурных массива — аренсбургский, свидерский и финального палеолита Восточной Европы, который пока изучен еще очень слабо. Однако это не исключает возможности, что где-то на окраинах тогдашней приледниковой ойкумены еще существовали племена, имевшие другие культурные традиции (например, федермессер). В конце IX — начале VIII тысячелетия основной объект охоты и аренсбургских и свидерских племен — северный олень — в силу изменения природной обстановки мигрирует к северу из районов основного обитания этих племен. Большая часть этого населения не смогла адаптироваться к изменениям природных условий. Начинается одна из колоссальных миграций в истории первобытного общества. Носители и аренсбургской, и свидерской культур, захватывая по дороге инокультурные группы и аккумулируя в своей материальной культуре часть их культурных признаков, начинают сдвигаться к северу, северо-западу и северо-востоку. Результатом этой миграции было сложение ряда новых культур как на новых землях, так и на старых, уже обжитых территориях.

Образование же такого большого количества разных мезолитических культур на базе небольшого числа предшествующих есть, на наш взгляд, результат изоляции по разным причинам отдельных групп постаренсбургского и постсвидерского населения друг от друга. В этих разных группах в результате адаптации к разной микросреде усиливается роль одних признаков и ослабляется значение других, что и отражено в приведенной формуле.

L. V. Koltsov

ON THE ORIGIN OF THE EARLY MESOLITHIC CULTURES IN NORTHERN EUROPE

Summary

The character of the origin of cultures is studied in the article on the materials of one chronological stage (the early mesolithic) and the same spatial distribution (the forest zone). On the basis of the analysis of the early mesolithic cultures one regularity is ascertained: the participation of elements of at least two preceeding cultures in the origin of these cultures, according to the given formula. From historical point of vew this process is connected with migrations of the Ahrensburg, Swidry and Magdalenian cultures in different directions of the northern spectrum, which led to the origin of new cultures in the early Holocene.

А. М. АКОПЯН

СВЯЗИ АРМЕНИИ И КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ С ПАРФИЕЙ

(градостроительство и архитектура)

Изучение культуры эллинистического и постэллинистического Переднего Востока вступило сейчас в новую фазу. Расширение базы источников, главным образом благодаря археологическим исследованиям, позволило поставить ряд новых проблем, одной из которых является проблема своеобразия культурного развития каждой из областей этого региона в эллинистический и постэллинистический период. Постановка этой проблемы не означает, однако, отказа от тезиса о существовании в это время на Востоке своеобразного художественного «койне», явившегося результатом взаимодействия различных культурных традиций [1]. Проблема ныне ставится по-иному: не в плане противопоставления локальных особенностей всему тому общему, что характерно для Востока, и не в плане гиперболизации единства за счет умаления роли культурного своеобразия каждой отдельной области, а путем строгого и четкого учета всех взаимодействующих тенденций в этом сложном процессе. К числу их относятся: влияние культурных традиций греко-македонян, наследие древних местных культурных традиций, взаимодействие культур отдельных областей между собой.

Особенно важное значение имеет выявление последнего процесса, поскольку он, как правило, остается в тени. Внимание исследователей обращается обычно в первую очередь к двум более заметным процессам — выявлению характера и результатов эллинских влияний либо выявлению роли местных традиций.

Однако эллинистический мир был миром, где в невиданных ранее масштабах происходило сближение различных народов ойкумены, и без учета этого процесса понять культуру эллинистического мира невозможно. В данной статье мы пытаемся выявить и процессы взаимодействия в градостроительстве и архитектуре между двумя областями древнего Закавказья (Арменией и Кавказской Албанией) и Парфией.

Близость политических и социально-экономических систем Парфии, Армении и Кавказской Албании в рассматриваемое время (середина II в. до н. э.— IV в. н. э.) [2] должна была проявляться и в культуре этих стран, тем более что народы их в процессе многовекового и чрезвычайно сложного этногенеза включили в свой состав помимо специфических, характерных лишь для каждой из них, также общеиранские этнические элементы. И, наконец, политическая власть и в Парфии, и в Армении, и в Кавказской Албании с середины I в. н. э. принадлежала представителям одного правящего рода парфян — Аршакидам.

---

[1] *Ghirshman R.* Persian art. The Parthian and Sasanian dynasties. N. Y., 1962, p. 257sq.

[2] *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В.* Пути развития феодализма. Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика. М., 1972, с. 9 сл.

В рассматриваемое время для Парфии было характерно разнообразие типов городских поселений, различавшихся как функционально, так и по юридическому статусу. Наиболее показательным в этом отношении письменным источником являются «Парфянские стоянки» Исидора Харакского. В этом итинерарии отмечаются многочисленные типы поселений, через которые проходила парфянская «царская дорога»: греческие полисы, парфянские города, царские крепости, метрополии отдельных провинций и т. д. Данные письменных источников дополняют и раскрывают археологические материалы, показывающие, сколь различными были принципы организации архитектурного пространства, система фортификации и расселение в населенных пунктах различного типа [3].

Бесспорно, что столь же разнообразны были типы поселений и в Армении. Письменные источники периода войн Тиграна II с римлянами четко различают два основных типа крупных населенных пунктов: города и крепости (Plut. Lucul., XIX, XXIV, XXV; Plut. Pomp., XXXIII), кроме того, источники особо выделяют столицы (Plut. Lucul., XXXI). Документальные материалы позволяют думать, что в Армении были города, пользовавшиеся самоуправлением [4], а также города, находившиеся под контролем царской власти [5]. Эти сообщения письменных источников в известной мере дополняются археологическими данными. Можно отметить, например, явное различие во многих основных чертах между Гарни, бывшим в первую очередь укрепленной царской резиденцией [6], и Арташатом, имевшим помимо военно-административных функций и иные. В частности, Арташат предстает как центр развитого ремесла и крупной международной торговли [7].

Все эти соображения заставляют думать, что в Армении, как и в Парфии, наблюдалось значительное разнообразие поселений городского типа, что, с одной стороны, говорит о достаточно высоком уровне развития общества, требовавшего поселений различного функционального назначения, а с другой — предполагает различие архитектурно-планировочных решений для каждого из отдельных типов таких населенных пунктов.

Первые века до нашей эры и первые века нашей эры в Армении были временем активной градостроительной деятельности, осуществлявшейся по инициативе царской власти. В это время было возведено большое число новых городов, чаще всего носивших династические названия (Еруандашат, Еруандаван, Аршамашат, Аркатиокерт, Арташат, несколько Зарехаванов, Заришатов, Тигранакертов, Валаршапат и др.), чем явно подчеркивалась их связь с царской властью. В этом нельзя не видеть следования традициям государства Селевкидов, где многие крупнейшие города носили династические имена (Селевкия, Антиохия, Апамея, Лаодикея и т. д.). Аналогичные процессы мы видим и в Парфии. В качестве примера можно сослаться на строительство Митридатокерта (Старая Ниса) в Южной Туркмении или Вологазокерта в Вавилонии. Однако здесь необходимо подчеркнуть одно важное обстоятельство: в месопотамских провинциях Парфии новых городов возводится сравнительно немного, неизмеримо больший размах градостроительной деятельности наблюдается в восточных частях царства [8]. Поэтому грандиозные масштабы

[3] *Кошеленко Г. А.* Парфянская фортификация.— СА, 1963, № 2, с. 57.

[4] *Саркисян Г. Х.* Тигранакерт. Из истории древнеармянских городских общин. М., 1960.

[5] *Еремян С. Т.* Развитие городов и городской жизни в древней Армении.— ВДИ, 1953, № 3, с. 25; *Саркисян Г. Х.* Ук. соч., с. 47.

[6] *Еремян С. Т.* Ук. соч., с. 17; *Аракелян Б. Н.* Гарни II. Ереван, 1957.

[7] *Аракелян Б. Н.* Основные результаты раскопок древнего Арташата в 1970—1973 гг.— ИФЖ, 1974, № 4; *его же.* Древний Арташат. Ереван, 1975 (на армянском яз.); *Хачатрян Ж. Д., Канецян А. Г.* Стратиграфия 8-го холма Арташата.— Вестн. АН АрмССР. Сер. обществ. науки, 1974, № 9; *Аракелян Б. Н., Хачатрян Ж. Д.* Раскопки Арташата.— АО — 1976. М., 1977, с. 497.

[8] *Пугаченкова Г. А.* Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1956, с. 26 сл.

градостроительства Армении должны быть сопоставлены не с западной Парфией, а с восточной. В Армении после падения Урартского царства наблюдается явный упадок городской жизни (хотя новые материалы показывают, что он не носил столь всеобъемлющего характера, как это предполагалось ранее) [9], а в восточной Парфии рождение городов (после падения протоурбанистической культуры конца II тысячелетия до н. э.) началось в третьей четверти I тысячелетия до н. э. Развитие общества требовало появления городских центров, и именно навстречу этому требованию шла политика царской власти. Крайне показательным фактом является возрождение ряда городов после их полного разорения. Такова, например, была судьба Тигранакерта. Хотя античные авторы подчеркивают, что город был создан только волею царя, население было составлено из насильно переселенных в него жителей многих городов, охотно покинувших его после взятия римлянами, однако и после такого сокрушительного удара он оправился и продолжал существовать еще ряд веков до окончательного разрушения персидским царем Шапуром II в 363—367 гг. [10] Этот пример, как нам кажется, ярко показывает, что развитие урбанистической культуры в Армении в это время отвечало самым насущным требованиям развития общества, чем и определялся бурный рост городов.

Опираясь на парфянские материалы, можно лучше понять некоторые более частные аспекты урбанизма древней Армении этого времени. Все авторы, изучавшие проблемы градостроительства Армении этой эпохи, подчеркивают наличие трехчастной структуры города: цитадель, собственно город, полусельский или сельский пригород [11]. Но аналогичной была структура и ряда крупных городов Парфии, например Мерва и Новой Нисы [12]. При этом, однако, необходимо подчеркнуть одно обстоятельство: в восточной Парфии полусельская городская округа обладает собственной фортификационной системой, отчленяющей ее от сельских территорий. Наличие специальных стен у полусельского пригорода, входящих в общую систему городских укреплений как ее передовой рубеж, имело важное значение не только с точки зрения фортификационной, но и с точки зрения выявления основных принципов местного урбанизма: органическая связь полусельского пригорода с городом и противопоставление этого особого организма остальной сельской территории.

В связи с этим возможно поставить вопрос: наблюдалось ли аналогичное явление и в Армении? Существовали ли особые укрепления у полусельской округи крупных городов, пока еще не обнаруженные археологическими раскопками, или здесь эта округа не имела своей особой линии обороны? Если верен последний вывод, то можно будет думать, что в древней Армении существовала более тесная связь между городом и деревней, чем в восточной Парфии.

Связи между Арменией и Парфией прослеживаются и в других аспектах урбанизма. Рассказывая о строительстве Тигранакерта царем Тиграном, Аппиан следующим образом описывает структуру новой сто-

---

[9] *Мартиросян А. А.* Город Тейшебаини. Ереван, 1961; *Кркяшарян С. М.* Заметки о возникновении древнеармянских храмовых городов.— Изв. АН АрмССР, 1963, № 9, с. 55 (на арм. яз.); *Тирацян Г. А.* Урарту и Армения (к вопросу о преемственности материальной культуры).— Изв. АН АрмССР. Сер. обществ. науки, 1968, № 2; *его же.* К вопросу о городах Армении доэллинистического времени (VI—IV вв. до н. э.).— В сб.: Древний Восток. Города и торговля (III—I тыс. до н. э.). Ереван, 1973, с. 88.

[10] *Мовсес Хоренаци*, III, 27, 28 (история Армении Мовсеса Хоренаци. Тифлис, 1912); *Фавстос Бузанд*, IV, 1, 19 (История Армении Фавстоса Бузанда. СПб., 1883).

[11] *Еремян С. Т.* Армения в сфере римско-парфянского противоборства.— В кн.: История армянского народа, т. 1. Ереван, 1971, с. 779 (на арм. яз.); *Саркисян Г. Х.* Социально-экономическое положение Армении в эллинистическую эпоху.— Там же, с. 660; *Тирацян Г. А.* К вопросу о градостроительной структуре и топографии древнего Валаршапата.— ИФЖ, 1977, № 2, с. 91, 92.

[12] *Пугаченкова Г. А.* Пути развития..., с. 30, 42.

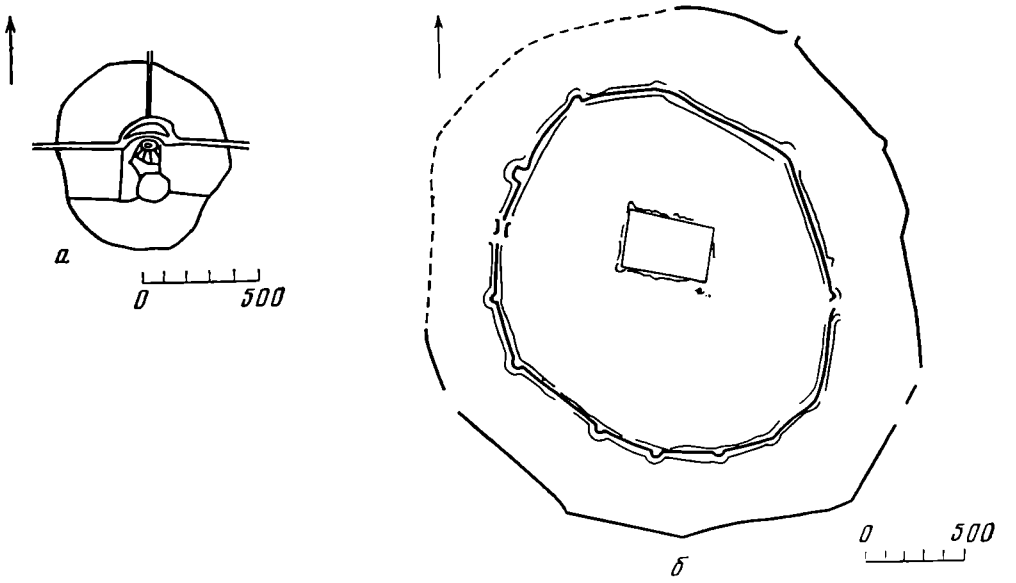


Рис. 1. *а* — План поселения Звартноц близ Валаршапата; *б* — план Хатры

лицы: «этот город царь заложил в этом месте в свою честь: сюда собрал он знатнейших лиц, угрожая при этом, что все то, что они не возьмут с собою, будет конфисковано. Он окружил город стенами высотою в 50 локтей. В толще их было устроено много лошадиных стойл; в предместье города он воздвиг дворец с большими парками, охотничьими ловами и озерами. Рядом было воздвигнуто сильное укрепление» (Mithr., 84). Из этого описания явствует, что Тигранакерт представлял собой систему из двух элементов: собственно город и расположенный рядом с ним дворцовый комплекс, как-то соединенный с «сильным укреплением». Нам представляется, что на основании этого описания можно сопоставить Тигранакерт с комплексом двух городов — Старой и Новой Нисой в Южном Туркменистане. Здесь в непосредственной близости располагались обычный крупный парфянский город и царская крепость Митридатокерт с дворцами, храмами, царской сокровищницей, садами, хаузами, складами продовольствия и дворцовой администрацией. Возможно, что аналогичная градостроительная структура существовала и в районе Тигранакерта. Если этот вывод правилен, то можно будет думать, что пространственная структура городских поселений выявляла очень важную особенность социальной структуры общества: разделение экономики государства на два сектора (собственно царский дастакерт и общинно-частный сектор).

Последние исследования позволили говорить о том, что схема организации городской территории Валаршапата напоминала Хатру: и там и здесь в центре города располагалась квадратная в плане цитадель, окружающая же ее территория города имела форму круга с собственной системой обороны (рис. 1, *а, б*) [13]. Такую же планировку имели в восточной Парфии Эрк-кала (цитадель Гяур-калы), в Сасанидское время — Ктесифон, Фирузабад и др.[14] Геродот, описывая древнюю столицу Мидии Экбатаны, говорит, что город был окружен семью кольцами круглых стен (Herod., I, 98). Все это дает основания предполагать, что круговая планировка имеет древние иранские корни, хотя не исключена возможность, как считает Г. А. Тирацян, что круглый план имел прототипом ассирийские военные лагеря [15].

[13] *Кошеленко Г. А.* Культура Парфии. М., 1966, с. 114; *Тирацян Г. А.* К вопросу..., с. 89.

[14] *Кошеленко Г. А.* Ук. соч., с. 53, 115.

[15] *Тирацян Г. А.* К вопросу..., с. 90 сл.

Не касаясь сейчас вопроса о происхождении такой планировки городов, мы отметим некоторые важные, с нашей точки зрения, обстоятельства. Указанное совпадение планировочной структуры имеет более общий аспект. Городская цитадель была в первую очередь территорией дворцово-храмового комплекса. Это очень хорошо заметно в Хатре. Такое соединение в рамках одного элемента градостроительной структуры дворца и храма представляет собой черту, вообще характерную для парфянского градостроительства [16]. Можно думать, что аналогичная особенность проявлялась и в градостроительстве древней Армении. При этом необходимо иметь в виду, что дворцово-храмовый комплекс не выступал в роли организующего элемента городской застройки, а системой стен отсекался от остальной территории города, представляя собой особый организм в пространственной структуре.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что градостроительство древней Армении нельзя сводить только к элементам, заимствованным из эллинистического мира, или элементам, общим для Армении и Парфии. В урбанизме Армении можно видеть и глубоко своеобразные черты. Видимо, сейчас наиболее ярким примером этого может служить структура Арташата, которая с точки зрения организации городского пространства не имеет прямых аналогий среди восточно-эллинистических городов, хотя отдельные элементы указывают на связь с восточно- и западноэллинистическим градостроительством.

Арташат был основан в 180—170 гг. до н. э. как столица династии Арташесидов. Город находился на стыке важнейших торговых путей, поэтому вскоре стал не только крупнейшим городом Армении, но и одним из значительных и известных центров эллинистического Востока [17].

Страбон и Плутарх, описывая Арташат, говорили о большом и красивом городе, расположенном на излучине реки, образующей полуостров, со стороны реки обведенный стеной, за исключением перешейка, который снабжен рвом и валом (Strab., XI, 14; Plut., Lucul., XXXI). Город был расположен на девяти холмах, которые с прилегающей к ним территорией занимают площадь более 100 *га*. Отдельные строительные остатки были обнаружены и на равнинной части, но пока не ясно, были ли и здесь городские кварталы. Все холмы были окружены крепостными стенами и соединялись между собой проходами-коридорами, причем линия обороны шла изгибами, давая возможность защитникам города наносить по неприятелю как лобовые, так и фланговые удары [18]. По углам крепостных стен и холмов находились полукруглые башни, а на отдельных участках сохранились контрфорсы, сложенные из хорошо обработанных камней. Толщина оборонительных стен колеблется в зависимости от важности обороняемого участка от 2,2 до 4,8 *м*.

На холмах раскопками открыты остатки различных зданий и сооружений. Так, к внутренней стороне оборонительной стены прилегали жилые помещения и ремесленные мастерские, которые отделялись от других зданий, отдаленных от стен, небольшими улицами. Такое же явление мы наблюдаем в планировке некоторых городов эллинистического Востока, например Дура-Европос, где жилые помещения прямо примыкали к крепостным стенам города [19]. Улицы были расположены параллельно друг другу и крепостным стенам. Дома выходили на улицы, вероятно, сплошными стенами и так же, как и в Приене, здесь преобладала система общих стен для жилых домов [20]. Отдельные стены ставились лишь там, где дома располагались на крутых склонах, где рельеф

---

[16] *Ghirshman R.* Op. cit., fig. 48; *Кошеленко Г. А.* Ук. соч., с. 116.

[17] *Манандян Я. А.* О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен. Ереван, 1954, с. 51.

[18] *Аракелян Б. Н.* Древний Арташат, с. 14.

[19] *Rostovtzeff M.* Dura Europos and its art. Oxford, 1938, p. 35.

[20] *Wiegand Th.* und *Shader H.* Priene. Berlin, 1904, s. 51.

не позволял строить сплошные стены. С внутренней стороны здания упирались, вероятно, в дворик, откуда и был вход в здание [21].

Раскопки Арташата показывают, что город был густо застроен, во всяком случае его центральные кварталы. По письменным источникам мы знаем, что в городе были различные дворцовые, культовые и общественные постройки, а также амфитеатр, без которого вряд ли мог обойтись сколько-нибудь крупный эллинистический город (Plut., Lucul., 31, 5) [22]. При строительстве использовались каменные и деревянные колонны, базы от которых найдены в Арташате в большом количестве. Эти базы различных размеров и в основных своих формах восходят к типу ахеменидских торовидных баз, широко распространенных в парфянское время в Иране, Закавказье и Средней Азии [23].

Об архитектурном облике, назначении ведущих ансамблей, о характере и планировке жилых кварталов и собственно жилищ в настоящее время трудно говорить как о чем-то вполне понятном, ибо ни в одном из раскапываемых древних городов Армении не найдено сколько-нибудь значительных архитектурных сооружений. Поэтому трудно судить, какие традиции — эллинистические или древневосточные — оказывали большее влияние на планировку древнеармянских городов. Так, раскопки Арташата показывают, что город, несомненно, строился по единому, заранее разработанному плану (о чем свидетельствуют и письменные источники) [24], в основу которого мог быть положен характерный для эллинистических полисов принцип пересекающихся под прямым углом улиц и прямоугольных кварталов [25]. В то же время установлено, что многие урартские города также имели улицы, пересекающиеся под прямым углом и жилые кварталы, образующие прямоугольные массивы [26]. Таким образом, для выявления вопроса о возможном влиянии тех или иных градостроительных принципов следует обращаться не к внешним признакам (прямоугольная сетка улиц), а к социальной структуре и архитектурному облику городов [27], что в значительной степени затрудняется их малой изученностью.

Однако какие бы влияния ни воздействовали на градостроительство и архитектуру Армении, ясно одно, что здесь происходили те же процессы, что и в Парфии. Это было обусловлено глубоким проникновением в эти страны эллинистической культуры, которая, слившись с местными древневосточными традициями, подняла их культуру, в том числе градостроительство и архитектуру на новую, более высокую ступень. Именно в этом состоит основное сходство между Арменией и Парфией, которые в течение многих веков имели тесные культурно-исторические связи.

Несколько позже в восточном Закавказье образовалось другое государство — Кавказская Албания. Ее территория находилась в соседстве с высокоразвитыми странами древнего Востока, а позднее, в античную эпоху, с Парфией, Арменией и Иберией. Археологические материалы и сведения Геродота (III, 97) позволяют предположить, что в середине I тысячелетия до н. э. территория Албании входила в состав Ахеменидской державы.

---

[21] *Аракелян Б. Н.* Древний Арташат, с. 17.

[22] *Гоян Г.* К 2000-летию армянского театра, т. I. М., 1952, с. 53.

[23] *Пичикян И. Р.* Регион распространения и хронологии торовидных баз.— В сб.: II Республиканская научная конференция по проблемам культуры и искусства Армении. Ереван, с. 165.

[24] Plut. Lucul., 31, *5*.

[25] *Козина Т. Н.* Градостроительство эллинизма.— Вопросы всеобщей истории архитектуры. Сб. I, М., 1961, с. 72; ВИА, т. 2, М., 1973, с. 301. *Кошеленко Г. А.* Градостроительная структура «идеального» полиса (по Платону и Аристотелю).— ВДИ, 1975, № 1.

[26] *Nylander C.* Remarks on the Urartian Acropolis at Zernaki-Tepe.— «Orientalia Suecana», vol. XIV—XV. Upsala, 1966.

[27] *Козина Т. Н.* Ук. соч., с. 39.

Различные контакты албанских племен с этими странами, а возможно и с более отдаленными — ибо есть сведения, что албанские воины в составе иранской армии участвовали в походе Ксеркса на Грецию в V в. до н. э. (Herod., VII, 67, 86), а также против Александра Македонского в битве при Гавгамелах в 331 г. до н. э. (Arrian, Anab., III, 11, 13),— оказали определенное воздействие на развитие Кавказской Албании. О культурных взаимосвязях с сопредельными странами в ахеменидскую эпоху свидетельствуют и значительные монументальные сооружения (например, Сары-тепинский комплекс с базами колонн ахеменидского типа), а также различные находки, выявленные при археологических раскопках [28].

В эллинистическую эпоху связи Албании со странами античного мира, и прежде всего с Парфией, Арменией и Иберией, становятся регулярными. Поэтому нет сомнения, что в культуре градостроительства и архитектуре этих стран также должно было быть много общего.

О городах Кавказской Албании письменные источники сообщают впервые лишь в I—II вв. н. э. Плиний Старший пишет, что главным городом Албании является Кабала (Hist. Nat., I, 10, 29), а Клавдий Птолемей упоминает 29 городов и селений (V, 11, 2).

Археологическими исследованиями установлено, что остатки города Кабалы находятся в междуречьи Карачая и Гочаланчая, в хорошо защищенной естественными укреплениями местности. Город имел оборонительные сооружения, о чем свидетельствуют остатки оборонительного вала шириной 6 *м* с его южной стороны. Вал сохранился на длину более 1 *км* [29]. Культурный слой на городище достигает толщины 2,6 *м* и отражает жизнь с конца IV в. до н. э. по II в. н. э.

Другим крупным городом Кавказской Албании была Шемаха, упоминаемая у Птоломея как Кемахея или Мамахея (кн. II, 4). Ее остатки находятся к западу от современного города Шемахи и занимают площадь более 50 *га*. Исследования показывают, что здесь, на поселении эпохи ранней бронзы, в конце IV в. до н. э. появилось новое поселение, которое, интенсивно развиваясь, приобрело городские черты.

В древней Шемахе мы наблюдаем то же явление, что и во многих городах Армении и Парфии, не имеющих регулярной планировки. Городские участки после их разрушения использовались как могильники, а затем некоторое время спустя снова покрывались городскими кварталами (в Армении — Аргиштихинили и Тейшебаини, где в урартских зданиях обнаружены погребения ахеменидского и эллинистического времени, в Парфии — Вавилон и др.) [30].

Обнаруженные близ Мингечаура многочисленные археологические памятники позволяют предполагать и здесь наличие поселений городского типа. Некоторые исследователи локализуют в этом районе албанские города письменных источников — Осика (Osica) и Самунис (Samunis) [31]. Следы городского поселения сохранились также у с. Тазакент в Мильской степи. Здесь возвышаются два прямоугольных в плане холма, окруженных рвами [32]. Материалы с поселения дают основания считать, что оно существовало от IV в. до н. э. до первых веков нашей эры.

---

[28] *Халилов Дж. А., Бабаев И. А.* Античные традиции в материальной культуре Кавказской Албании.— В сб.: Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М., 1978, с. 173 сл.

[29] *Халилов Дж., Бабаев И. А.* О городах древней Кавказской Албании.— СА, 1974, № 4, с. 100.

[30] *Тирацян Г. А.* К вопросу..., с. 88, 89; *его же.* Урарту и Армения.— II Международный симпозиум по армянскому искусству. Ереван, 1978, с. 3.

[31] *Яновский А.* О древней Кавказской Албании.— ЖМНП, ч. 52, отд. III. СПб., 1848, с. 110; *Казиев С. М.* Археологические раскопки в Мингечауре.— МКА, т. 1, 1949, с. 12.

[32] *Иессен А. А.* Из истории прошлого Мильско-Карабахской степи.— МИА, № 125, 1965, с. 33.

Зафиксированы и частично обследованы поселения, которые также можно отнести к остаткам больших населенных пунктов — Шыхдере Келлеси и Джанахар. В Шыхдере Келлеси, занимающем площадь 30 *га*, найдены многочисленные обломки кровельной черепицы[33], что свидетельствует о больших зданиях с черепичными покрытиями, характерными для городов Албании. Городище датируется первыми веками до нашей эры[34]. Городище Джанахар расположено в 1 *км* к северу от одноименного села и занимает большую площадь на поверхности и у подножия 10 холмов. Установлено, что некоторые части городища были обведены оборонительными стенами.

Важные материалы для изучения градостроительной культуры в Албании дают городища, обследованные на территории Дагестана, особенно Урцекское городище, находящееся севернее Дербента. Здесь также первоначально существовало поселение VIII—II вв. до н. э., которое впоследствии стало городом. Площадь городища 35—40 *га*[35].

Таким образом, в Албании процесс урбанизации происходил в то время, когда в соседних странах (Парфии, Армении, Иберии) уже был достигнут высокий уровень городской культуры и имелись многочисленные цветущие города. Это было связано с тем, что «...в силу причин исторического и географического порядка отставание в социально-экономическом развитии не позволило Албании достичь зрелого рабовладельческого общества с характерными для эллинистических стран чертами, как это устанавливается, например, для Армении»[36].

Безусловно широкие масштабы градостроительства в сопредельных странах оказали определенное влияние на процесс урбанизации в Кавказской Албании. Однако процесс этот имел здесь свои особенности. В отличие от Армении и Парфии, где градостроительство осуществлялось по инициативе в основном царской власти и города в большинстве своем носили династические названия, в Албании они возникали стихийно, на месте существовавших ранее поселений. Это было обусловлено социально-экономическим развитием страны, требовавшим появления городских центров.

Для Кавказской Албании так же было характерно различное функциональное назначение типов городов и городских поселений. Города были прежде всего ремесленно-торговыми, административными и культурными центрами, а также крепостями или просто укреплениями на границах государства.

Раскопками установлено, что города Кавказской Албании строились с учетом рельефа и имели оборонительные сооружения. Это явление вообще характерно для эллинистической эпохи и в градостроительстве Парфии наблюдается повсеместно. Вероятно, и в Кавказской Албании города имели трехчастную структуру. Примером может служить планировка Урцекского городища, которая была подчинена рельефу и состояла из цитадели, шахристана и посада[37]. Каждая из этих частей была обнесена оборонительными стенами так, что цитадель системой стен отсекалась от остальной части городища, которая в свою очередь отделялась стеной от сельской территории[38]. Таким образом, городище — один из северных форпостов на границе государства — было на-

---

[33] *Османов Ф. Л.* Шыхдере Келлеси.— АО — 1971. М., 1972, с. 484.

[34] Там же.

[35] *Котович В. Г.* Новые данные о раннесредневековых городах Дагестана.— В сб.: Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР (Тезисы докладов). Баку, 1965, с. 155.

[36] *Тревер К. В.* Очерки по истории культуры и искусства Кавказской Албании. М.— Л., 1959, с. 144.

[37] *Котович В. Г., Котович В. М., Магомедов С. М.* Раскопки в прикаспийском Дагестане.— АО — 1971. М., 1972, с. 153, 154.

[38] *Магомедов М. Г.* Древние и средневековые оборонительные сооружения Дагестана. Автореф. канд. дис. Махачкала, 1970, с. 7.

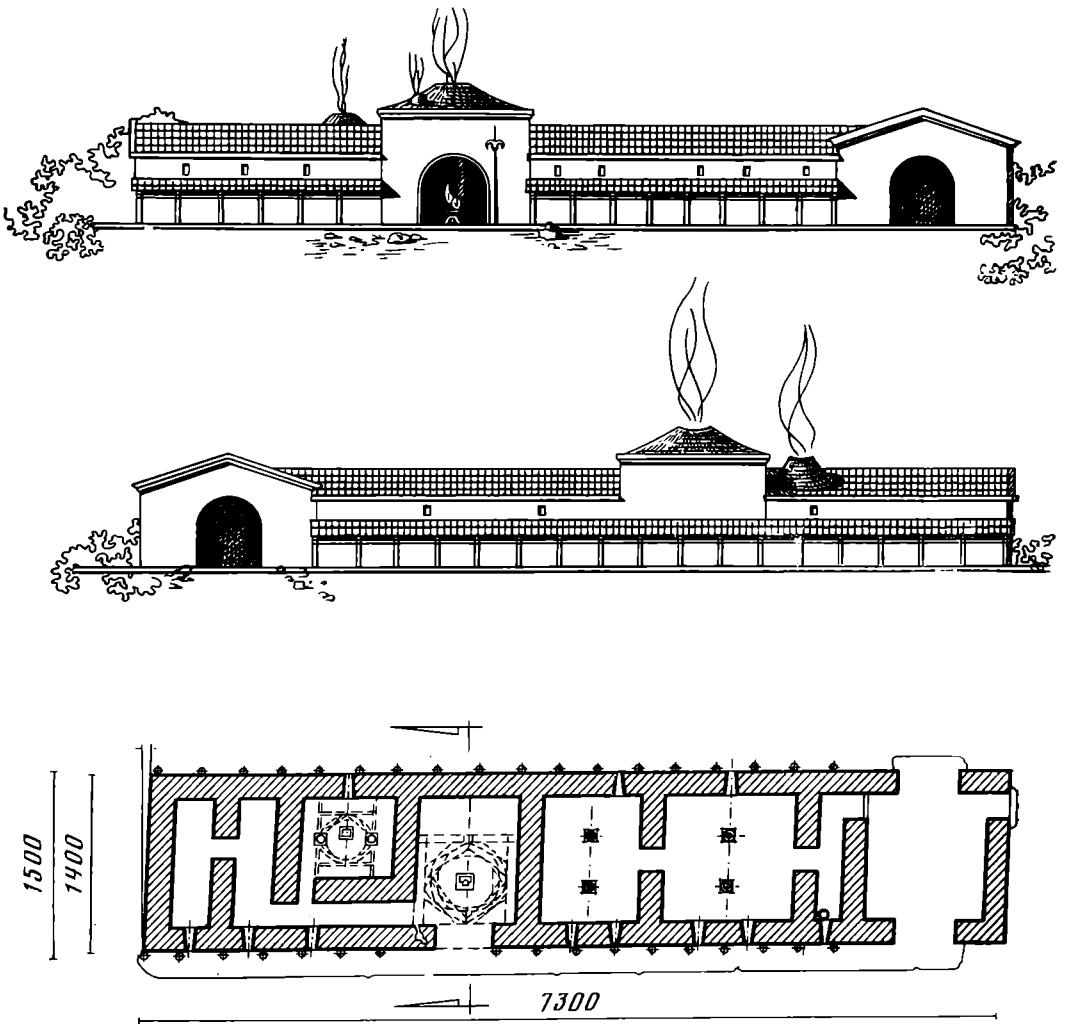


Рис. 2. План и реконструкция здания в Кабале (архитектор Д. А. Ахундов)

дежно защищено от внешних врагов. Но трехчастная структура организации городского пространства и прилегающей сельской территории существовала и в большинстве городских центров Парфии, особенно ее восточных провинций[39]. Она является также показателем социальной структуры населения, ибо четко разграничивает различные слои населения по их социальному составу.

К сожалению, планировка других городов и городских поселений Кавказской Албании не выяснена. О параллелях с Парфией мы можем говорить только в строительной технике, а также в некоторых архитектурных деталях, обнаруженных при раскопках.

Археологическими раскопками зафиксированы для городов Албании одноэтажные дома. Среди них иногда встречаются довольно крупные сооружения. Интерес представляют раскопки общественного здания I в. до н. э. в Кабале[40]. Здание представляло собой комплекс из трех залов с двумя деревянными колоннами на каменных базах в центральной части каждого из них, общей площадью более 580 $м^2$. Оно было построено

[39] *Пугаченкова Г. А.* Пути развития..., с. 30; *Кошеленко Г. А.* Фортификация Парфии, с. 58.

[40] *Бабаев И. А.* Общественное здание I в. до н. э.— I в. н. э. в Кабале.— СА, 1977, № 4, с. 217—227.

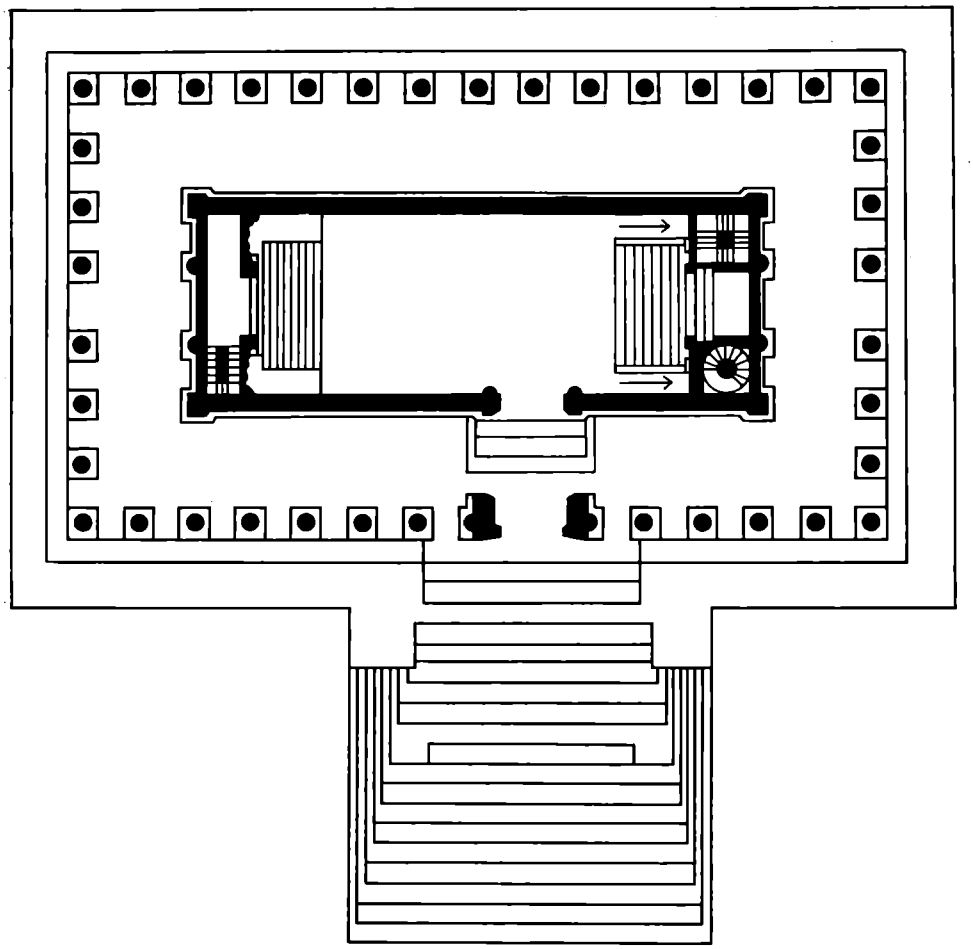


Рис. 3. План храма в Хатре (по Д. Шлюмберже)

из сырцового кирпича размером 44×45×13 см. Именно сырцовый кирпич таких стандартных размеров служит основным материалом в архитектуре Парфии[41], что уже само по себе сближает кабалинское здание с подобного рода монументальными памятниками парфянского зодчества. Характерная черта здания — его «распластанность» и вытянутость в длину (рис. 2). Такую же планировку мы наблюдаем в архитектуре «культового комплекса» в Новой Нисе[42], а также в храме Бела в Пальмире[43]. Близкий план засвидетельствован также в одном из храмов в Хатре[44]. Во всех этих сооружениях вход располагался со стороны фасада, в середине длинной стены, обращенной к городу. Такое композиционное решение в архитектуре встречается крайне редко. К примеру, для храмового греческого зодчества правилом является расположение входа по длинной оси здания, а известные парфянские общественные здания больше тяготеют к центричности[45] (рис. 3).

В крупнейшем храме Пальмиры — храме Бела (I в. н. э.), при таком же расположении входа вдоль стен стояли колонны, прямо приставлен-

[41] *Кошеленко Г. А.* Парфянская фортификация, с. 61; *его же.* Культура Парфии, с. 84.

[42] *Кошеленко Г. А.* Культура Парфии, с. 31; *его же.* Родина парфян. М., 1977, с. 70.

[43] Всеобщая история архитектуры, т. 2. М., 1973, с. 554, рис. 78.

[44] *Schlumberger D.* L'Orient hellénisé. Paris, 1970, с. 127, fig. 45.

[45] *Кошеленко Г. А.* Родина парфян, с. 70.

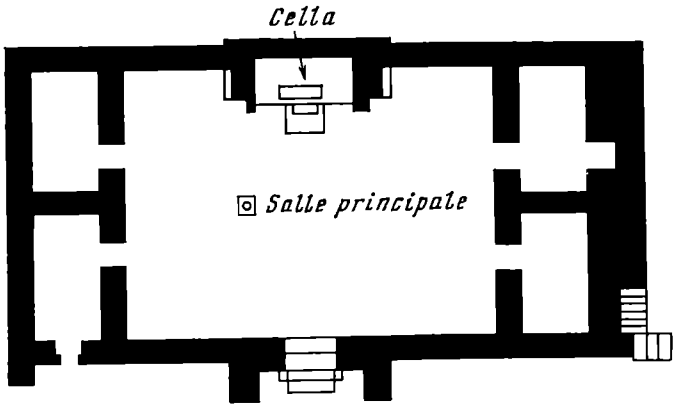


Рис. 4. План храма Бела в Пальмире

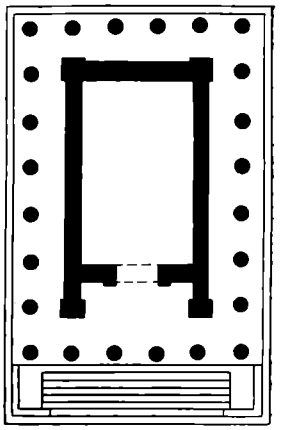


Рис. 5. План храма в Гарни

ные к стене (рис. 4). Возможно, такое же решение было в кабалинском здании. В архитектуре и строительной технике этого здания есть и сугубо местные, самобытные черты. Известно, что в строительной технике Закавказья с древнейших времен применялись ступенчато-сводчатые перекрытия[46]. Жилое помещение с таким перекрытием имело сверху отверстие, служившее для выхода дыма из очага и для освещения. В кабалинском здании также применено ступенчато-сводчатое деревянное перекрытие, что говорит о живучести народной традиции[47].

Отдельные строительные детали и архитектурные остатки, найденные при раскопках здания свидетельствуют о том, что такого рода памятники были широко распространены в Парфии, Средней Азии и Закавказье. К ним в первую очередь относятся каменные базы, аналогичные которым найдены в Арташате, Двине, Армавире, Ширакаване (близ Ленинакана), Шемахе, Тазакенте, Дедоплис Миндори (Восточная Грузия), а также во многих районах Переднего Востока, Ирана и Средней Азии[48]. Использование таких торовидных и прототоровидных баз зафиксировано по всей Передней Азии, начиная со второй половины II тысячелетия до н. э. вплоть до позднего средневековья[49].

В ахеменидскую и античную эпохи широко было распространено использование деревянных колонн, таких, как в кабалинском здании[50]. Под этими колоннами ставили базы не только каменные, но и из обожженных кирпичей, известные, например, в архитектуре Нисы[51].

Таким образом, можно констатировать, что в архитектуре и строительном деле Армении и Албании соседствовали формы, привнесенные из иранской, в частности парфянской, архитектуры и местной народной традиции. То же самое мы видим и в самой Парфии, где причудливо соче-

---

[46] *Папухян Н.* Роль и место жилищ с несгораемыми перекрытиями в древнем и средневековом зодчестве Армении.— II Международный симпозиум по армянскому искусству. Ереван, 1978, с. 2, 3; *Бретаницкий Л.* Некоторые произведения азербайджанского зодчества в свете взаимосвязи средневековой архитектуры Азербайджана и Армении.— II Международный симпозиум по армянскому искусству. Ереван, 1978, с. 3.

[47] *Бабаев И. А.* Общественное здание..., 223.

[48] *Пичикян И. Р.* Регион распространения..., с. 165.

[49] *Naumann R.* Architektur Kleinasiens von ihnem Anfangen bis zum Ende der hethittische Zeit. Tübingen. 1955, Abb. 123—126; *Пичикян И. Р.* Традиции Востока в древнеармянской архитектуре.— II Международный симпозиум по армянскому искусству. Ереван, 1978, с. 4, 5.

[50] *Бабаев И. А.* Общественное здание..., с. 222.

[51] *Кошеленко Г. А.* Культура Парфии, с. 19; *Пугаченкова Г. А.* К архитектурной типологии в зодчестве Бактрии и Восточной Парфии.— ВДИ, 1973, № 1, с. 129.

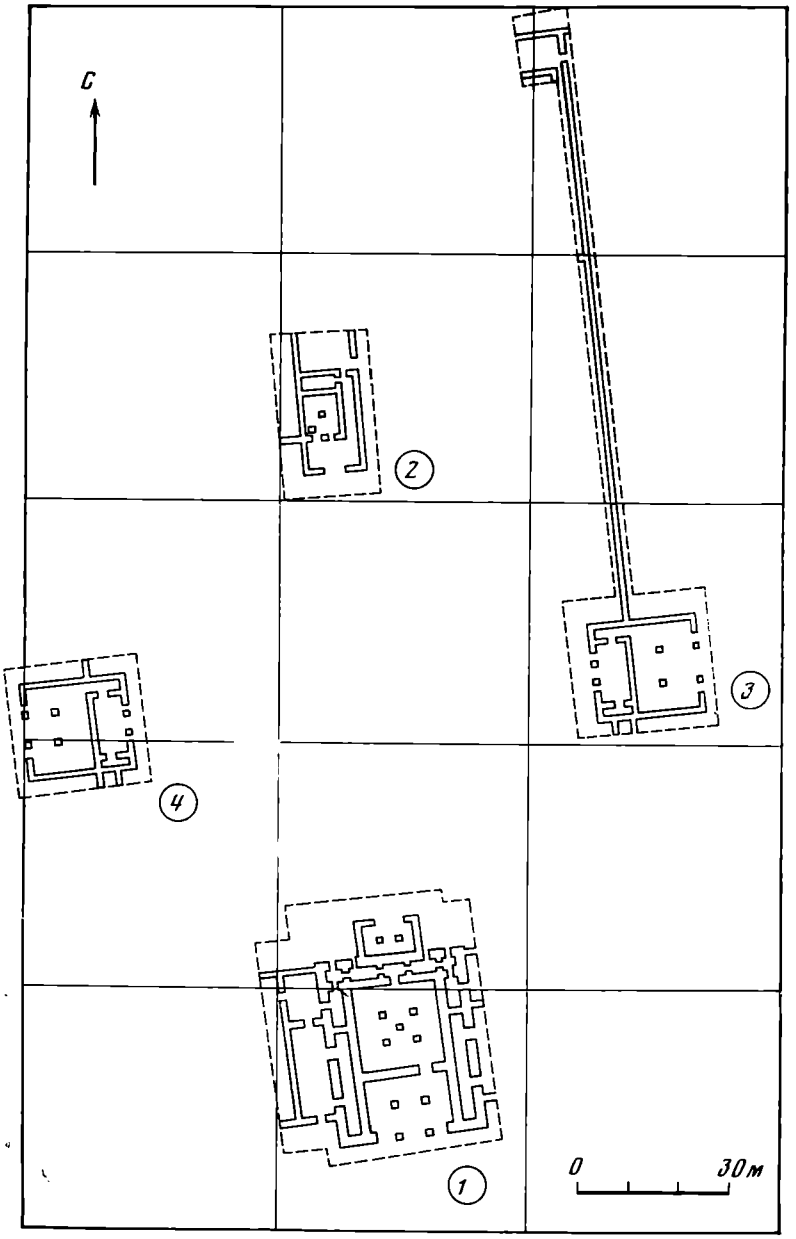


Рис. 6. Храмовый комплекс в Дедоплис-Миндори (I. Главный храм)

тались чисто местные композиционные схемы с декоративными мотивами, пришедшими из греческой архитектуры[52]. Именно наличие этого синтеза местного и привнесенного во многом объединяет искусство различных областей Парфии, Армении и Албании.

Других памятников архитектуры в Армении и Кавказской Албании античного времени еще не обнаружено. Дворцово-хромовый комплекс в крепости Гарни в этом отношении — явление уникальное. Найти иранские параллели гарнийскому храму трудно, но еще К. В. Тревер указывала на то, что основные формы его существовали еще в урартское время, о чем свидетельствует изображение урартского храма в Мусасире на ассирийском рельефе IX в. до н. э.[53] Б. Б. Пиотровский

[52] *Кошеленко Г. А.* Родина парфян, с. 56.

[53] *Тревер К. В.* Очерки по истории культуры древней Армении. М.— Л., 1953, с. 70.

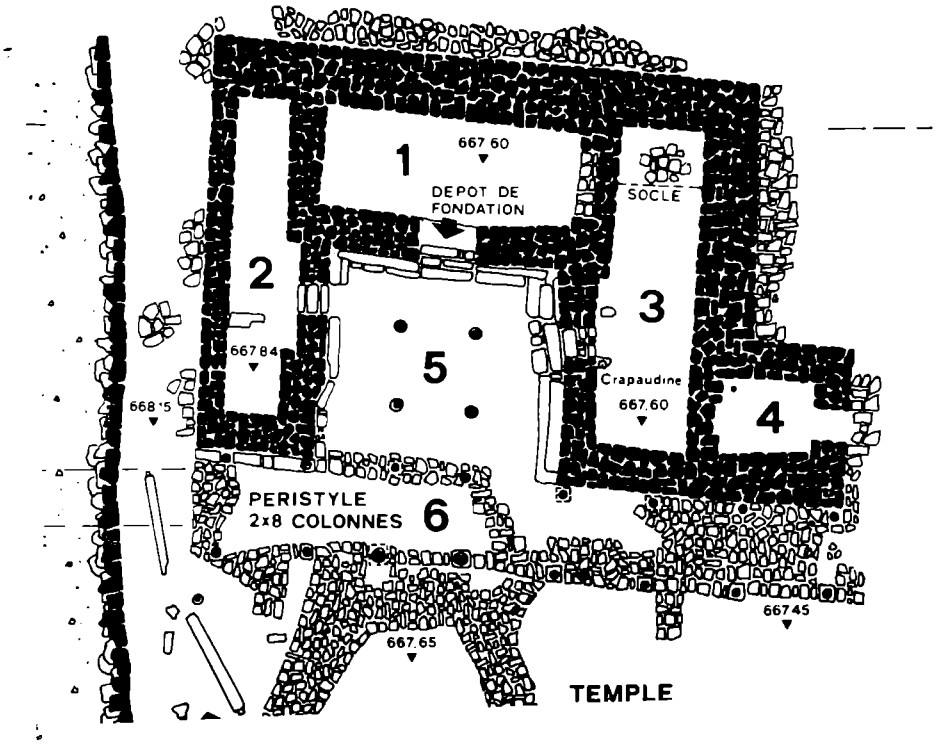


Рис. 7. План храма огня в Бард-е Нешанде (по Р. Гиршману)

в свою очередь связывал Мусасирский храм с некоторыми архитектурными памятниками Малой Азии и прототипами классических древнегреческих храмов[54]. Таким образом, при всем своеобразии и уникальности в гарнийском храме соединился местный восточный архитектурный тип с эллинистическо-римским стилем (рис. 5). Такое явление, как указывалось выше,— характерная черта парфянской архитектуры.

С принятием христианства языческие храмы в Армении и Кавказской Албании были снесены и на их месте были построены первые христианские часовни, а затем церкви[55]. То, что среди них были и архитектурные типы иранских храмов, косвенно подтверждается раскрытым в соседней Иберии храмовым комплексом в Дедоплис-Миндори[56].

Главный храм в Дедоплис-Миндори по своей конструкции тесно связан с памятниками парфянского зодчества, прототипами которых является иранский храм огня (рис. 6, 7). Основная архитектурная тема храма — четырехколонный зал, открытый портик и система обводных коридоров представляет собой образец типичного парфянского храма[57].

---

[54] *Пиотровский Б. Б.* История и культура Урарту. Ереван, 1944, с. 252.

[55] *Агатангелос.* История Армении. Тифлис, 1914, гл. 279, 280, 294, 302, 311, 384 (на арм. яз.).

[56] *Гагошидзе Ю. М.* Раскопки храма I в. до н. э. в Дедоплис-Миндори.— КСИА АН СССР, № 151, 1977, с. 102.

[57] Одним из ярких образцов его является так называемый «квадратный храм» Старой Нисы (*Кошеленко Г. А.* Культура Парфии, с. 18). В последнее время Г. А. Пугаченкова пыталась опровергнуть этот вывод, настаивая на своем первоначальном мнении — данное архитектурное сооружение является не храмовым, а дворцовым (*Пугаченкова Г. А.* К архитектурной типологии..., с. 128). Однако обнаружение недавно храма аналогичного плана в Бард-е Нешанде и тщательнейшее исследование всего комплекса материалов Р. Гиршманом (*Ghirshman R., Chirshman T., Gasche H.* Terrases sacrés de Bard-e Nechande et Masjidi-Sclaiman. L'Iran du sud — ouest du VIII-e av. n. ere an V-e de n. ere, vol. 1—2. Paris — Leiden, Brill, 1976, с. 197) приводит к убеждению, что храмы подобного устройства являются оригинальным творчеством парфянской эпохи и влияние этой схемы из Парфии распространилось очень широко: от Сирии на западе до Бактрии — Сурх-Котал на востоке.

. Таким образом, естественноисторическая среда, этноисторическая общность, близость общественных идей и эстетических вкусов обусловили тесные культурные связи Парфии, Армении и Албании, в том числе градостроительные и архитектурные. Даже при том, что количество сохранившихся памятников и степень их изученности в Армении невелики, можно сказать, что эти связи были весьма плодотворными. В то же время они не были единственными, ибо сама культура этих стран в эллинистическую эпоху была глубоко синкретичной и вбирала в себя традиции многих народов. Процесс взаимодействия различных течений взаимно обогащал их, обеспечивал жизненность и устойчивость.

A. M. Akopyan

THE LINKS OF ARMENIA AND CAUCASIAN ALBANY WITH PARTHIA (TOWN-BUILDING AND ARCHITECTURE)

Summary

The article deals with the problem of interrelations of cultures of different regions of the Near East in the Hellenistic and Posthellenistic period. Undoubtedly, the similarity of politic and social-economic systems of Parthia, Armenia and Caucasian Albany should be manifested in culture, for example in town-building and architecture. In town-building in all these countries a three-partial structure of town space organization was used (a citadel, a town and a semi-rural suburb). In architecture the common features of composition, the same building methods and architectural details, such as widespread in Parthia and Transcaucasian region toro-shaped bases, woden columns etc., are observed. The building material — unburned bricks of standard dimentions. But besides these common features the town-building and architecture of these countries had local traditional features. This can be seen in the organization of the town space of Artashat, which is situated at nine hills, connected by passages-corridors. A stepped-arched roofing (with a hole for light and smoke in the middle) in the architecture of a public building of the I century B. C.— I century A. D. in Kabala is considered traditional transcaucasian.

В. Б. ПЕРХАВКО

КЛАССИФИКАЦИЯ ОРУДИЙ ТРУДА И ПРЕДМЕТОВ ВООРУЖЕНИЯ ИЗ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ МЕЖДУРЕЧЬЯ ДНЕПРА И НЕМАНА

Раннесредневековые древности междуречья Днепра и Немана многочисленны и разнообразны. Огромное значение для выяснения проблемы этногенеза славян и других народов Восточной Европы имеет изучение памятников типа верхнего слоя городищ Банцеровщины — Тушемли — Колочина, занимающих Подесенье, Посемье, Киевщину, Полесье, Белорусское Поднепровье, центральную Белоруссию, Смоленщину, Подвинье и юг Псковщины и представленных городищами и селищами, могильниками и курганами (рис. 1). Если достоверно славянские памятники культуры типа Корчак и Луки Райковецкой хорошо изучены и классифицированы, то вокруг древностей типа Банцеровщины, их этнической принадлежности и датировки в археологической науке ведутся споры[1]. Эта дискуссия в значительной степени связана с тем, что материалы культуры типа Банцеровщины плохо систематизированы, в частности, не существует пока общей классификации вещевых находок[2]. Данная статья представляет собой попытку детального исследования и типологического анализа двух больших групп индивидуальных находок (орудий труда и предметов вооружения) из раннесредневековых памятников типа Банцеровщины.

В основу классификации положен обычный сравнительно-типологический метод. Классификация вещей ведется по следующей схеме. По материалу все предметы, принадлежащие к одной вещевой категории, разделяются на группы, по общей форме — на отделы, по деталям и особенностям формы — на типы, по орнаменту — на виды, по пропорциям и размерам — на варианты[3].

Находки орудий труда и инструментов сделаны главным образом в культурном слое поселений, в погребениях попадаются лишь единичные образцы железных ножей и глиняных пряслиц. Основное место среди орудий труда занимают земледельческие орудия: железные серпы и косы, наральники, каменные жернова и зернотерки, рабочие топоры. Все находки железных серпов (37 экз.) довольно архаической формы, характеризующейся слабой изогнутостью рабочей части.

[1] Ряд авторов бездоказательно отрицают единство древностей типа Банцеровщины, вычленяя в них самостоятельные локальные культуры; в науке не сложилось даже единого термина для названия этих памятников. Обзор всех точек зрения по этому вопросу сделан в книге И. П. Русановой (см. *Русанова И. П.* Славянские древности VI—VII вв. Культура пражского типа. М., 1976, с. 56 сл.).

[2] Опубликована лишь часть вещевого инвентаря из отдельных локальных групп памятников. См.: *Митрофанов А. Г.* Железный век средней Белоруссии. Минск, 1978, с. 105—114; *Шмидт Е. А.* О культуре городищ-убежищ левобережной Смоленщины.— В сб.: Древние славяне и их соседи (МИА, № 176), 1970, с. 63—69.

[3] Следует оговориться, что в процессе классификации возможны незначительные отклонения от общей схемы, поскольку форма исследуемых предметов далеко не однородна.

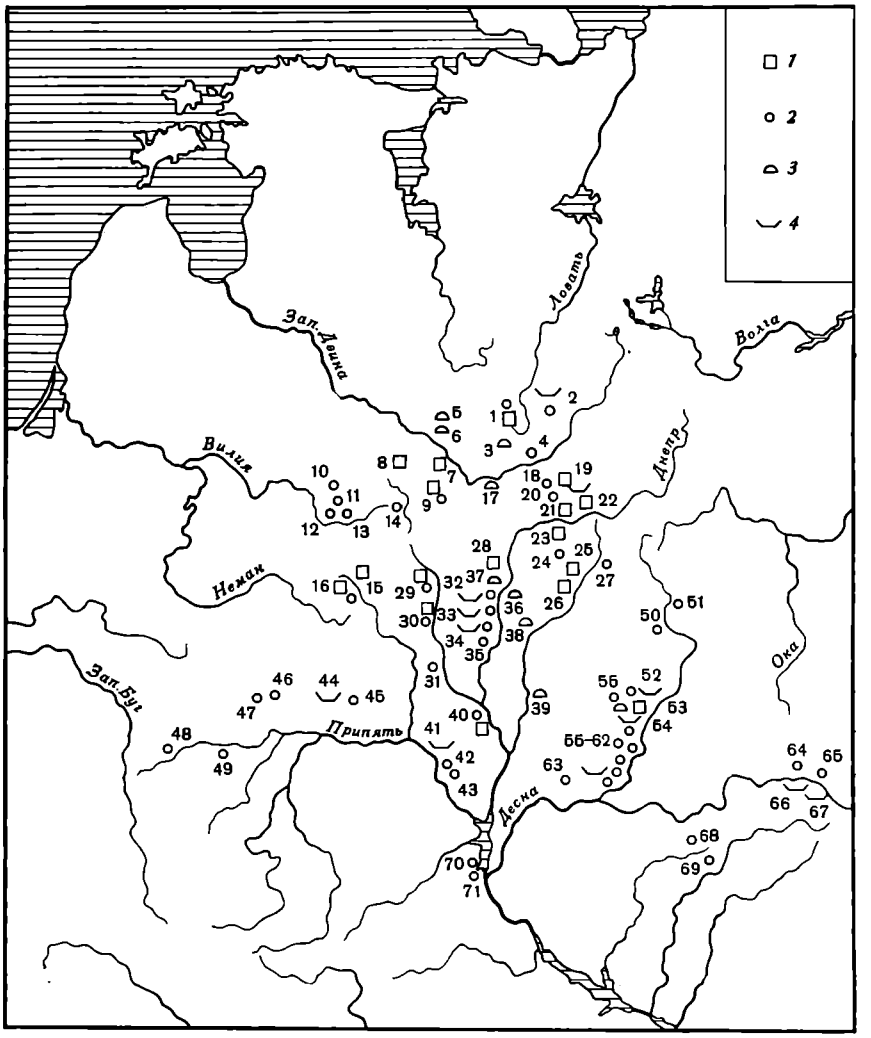


Рис. 1. Распространение раннесредневековых памятников типа Банцеровщины в междуречье Днепра и Немана: *1* — Жабино, *2* — Узмень; *3* — Дорохи; *4* — Витебск: *5* — Атоки; *6* — Повалишино; *7* — Кострица; *8* — Свила I; *9* — Лукомль; *10* — Некасецк; *11* — Ревячки; *12* — Городище; *13* — Гуры; *14* — Дединовичи; *15* — Банцеровщина; *16* — Строчицкое; *17* — Лятохи; *18* — Шугайлово; *19* — Акатово; *20* — Кислая; *21* — Гнездово; *22* — Близнаки; *23* — Демидовка; *24* — Слобода-Глушица; *25* — Городок; *26* — Тушемля; *27* — Устье; *28* — Барсучья Горка; *29* — Красная Зорька; *30* — Жужлянка; *31* — Щатково; *32* — Тайманово; *33* — Новый Быхов; *34* — Нижняя Тощица; *35* — Яново; *36* — Прудки; *37* — Церковище; *38* — Бердыж; *39* — Демьянки; *40* — Колочин; *41* — Шарейки; *42* — Юревичи; *43* — Слободка; *44* — Виртки; *45* — Долгое; *46* — Погост-Загородский; *47* — Ботово; *48* — Краски; *49* — Сеньчицы I; *50* — Смольянь; *51* — Белокаменка; *52* — Усох; *53* — Макча; *54* — Кветунь; *55* — Посудичи; *56* — Колодезный Бугор; *57* — Целиков Бугор; *58* — Форостовичи; *59* — Левкин Бугор; *60* — Лавриков Лес; *61* — Стрелица; *62* — Киреевка; *63* — Ровчак; *64* — Воробьевка; *65* — Комаровка; *66* — Княжий; *67* — Лебяжье; *68* — Большие Будки; *69* — Курган Азак; *70* — Новые Безрадичи; *71* — Ходосовка. (Условные обозначения: *1* — городища; *2* — селища; *3* — курганы; *4* — могильники)

Серпы можно подразделить на четыре типа. У серпов I типа (8 экз.), обнаруженных лишь в центральной Белоруссии, Подвинье и на юге Псковщины (в нижнем слое Витебска, на селищах Городище, Замковая Гора, Узмень и др.), рабочая часть очень слабо изогнута (соотношение длины основания и высоты дуги не более 0,1—0,2), а черенок совсем не выделен (рис. 2, *1*) [4]. Этот тип встречается на протяжении всего I тысячелетия н. э. на городищах культуры штрихованной керамики,

[4] *Штыхов Г. В.* Археологические раскопки в Витебске.— В сб.: Материалы IX конференции молодых ученых БССР. Минск, 1965, рис. 3, *1*; *Митрофанов А. Г.* Новые данные о памятниках VI—VIII вв. средней и северной Белоруссии.— В сб.: Древно-

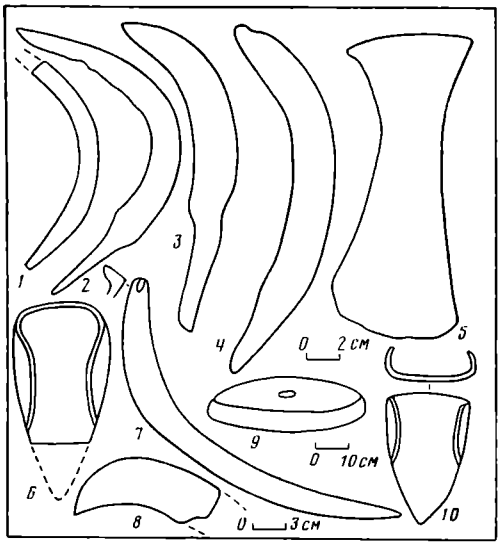


Рис. 2. Земледельческие орудия труда из раннесредневековых памятников междуречья Днепра и Немана: *1* — Дедиловичи; *2*, *9* — Тушемля; *3*, *8* — Городище; *4* — Лукомль; *5* — Кострица; *6* — Таймаково; *7* — Курган Азак; *10* — Строчицкое. (Все предметы из железа)

в восточнолитовских и латгальских древностях V—X вв[5]. Серпы II типа (16 экз.) также слабо изогнуты и имеют небольшие размеры (длина основания не превышает 14—16 *см*), но в отличие от I типа черенок у них четко выделен уступом (рис. 2, *3*). Ареал подобных серпов в основном совпадает с областью распространения серпов I типа: городища Кострище и Лукомль, селища Некасецк, Юревичи и др.[6] Согласно исследованиям Ю. А. Краснова, такие серпы, бытовавшие в I и начале II тысячелетия н. э. в лесной полосе Восточной Европы, связаны с балтскими племенами[7]. К III типу относится всего один хорошо изогнутый серп из верхнего слоя городища Тушемля в Смоленском Посожье, своей формой (соотношение длины основания и высоты дуги равно 0,6) приближающийся к древнерусским серпам. В отличие от последних черешок у него лежит на одной линии с рабочей частью; близкие по форме и пропорциям серпы обнаружены на городищах днепро-двинской культуры первых веков нашей эры (рис. 2, *2*) [8]. Длина основания серпов IV типа (12 экз.) несколько больше, чем у предыдущих трех типов, но степень изогнутости остается небольшой, на конце у них помещен перпендикулярный выступ для крепления к рукояти (рис. 2, *7*). Интересно, что этот довольно своеобразный тип был распространен лишь в Подесенье, Смоленском Поднепровье и прилегающих к ним районах (городище Колочин, селища Курган Азак, Устье, Хохлов Вир и др.) [9]. Подобные серпы, появившиеся еще в скифское время, известны на зарубинецких памятниках и они прекращают свое существование в VII—VIII вв.[10]

сти Белоруссии. Минск, 1966, рис. 5, *1*; *его же*. Железный век..., с. 106, рис. 55, *8*; 89, *4*.

[5] *Митрофанов А. Г.* Культура штрихованной керамики.— В кн.: Очерки по археологии Белоруссии, ч. 1. Минск, 1970, рис. 71, *10*, *11*; Lietuvos archeologijos bruozaj. Vilnius, 1961, рис. 209, *7*; Latvijas PSR Archeologija. Riga, 1974, табл. 36, *3*.

[6] *Митрофанов А. Г.* Памятники VI—VIII вв. средней и северной Белоруссии.— В кн.: Очерки по археологии Белоруссии, ч. 1. Минск, 1970, с. 248—250, рис. 84, *1*; *Штыхов Г. В.* Раскопки в Лукомле в 1966—1968 годах.— В сб.: Древности Белоруссии. Минск, 1969, рис. 6, *2*. Материалы из селища Юревичи хранятся в музее кафедры археологии МГУ, раскопки автора. *Минасян Р. С.* Селище Узмень.— АСб. ГЭ, № 14, 1972, рис. 3, *9*.

[7] *Краснов Ю. А.* Раннее земледелие и скотоводство в лесной полосе Восточной Европы.— МИА, № 174, 1971, с. 73, 74.

[8] *Третьяков П. Н., Шмидт Е. А.* Древние городища Смоленщины. М.— Л., 1963, с. 67, 168, рис. 14, *26*; 27, *2*.

[9] Там же, с. 116, рис. 60, *А*; *Сымонович Э. А.* Городище Колочин I на Гомельщине.— МИА, № 108, 1963, с. 133—135, рис. 27, *1—4*; *Сухобоков О. В.* Поселение I тысячелетия н. э. близ с. Курган Азак Сумской области.— АИУ — 1968. Киев, 1973, с. 233, рис. 2; *Падин В. А.* Древности VI—VII вв. в окрестностях Трубчевска.— В сб.: Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974, с. 135, рис. 2, *5*. Лишь один серп подобной формы найден на селище Городище в центральной Белоруссии, однако он отличается большей изогнутостью; см. *Митрофанов А. Г.* Железный век..., рис. 54, *1*.

[10] *Даниленко В. М.* Пізньозарубинецькі пам'ятки київського типу.— Археологія, 1976, № 19, рис. 4, *19*; *Краснов Ю. А.* Из истории железных серпов лесной полосы Европейской части СССР.— КСИА АН СССР, № 107, 1966, с. 18—21; *Поболь Л. Д.* Славянские древности Белоруссии, ч. 1. Минск, 1961, рис. 19, *8*, *9*.

Местное население использовало серпы как для уборки урожая зерновых, так и для косьбы трав. Для этой же цели предназначались железные косы с массивным лезвием шириной до 4 *см* и пяткой на конце, фрагменты которых найдены на городище Колочин и селищах Слобода-Глушица и Городище (рис. 2, *8*) [11]. Близкие по форме косы-горбуши открыты на славянских городищах Зимно (VI—VII вв.) и Новотроицкое (VIII—X вв.), но чаще всего встречаются на древнерусских памятниках X—XIII вв.[12]

В последней четверти I тысячелетия н. э. раннесредневековое население междуречья Днепра и Немана начинает употреблять земледельческие пахотные орудия с железной рабочей частью, археологически представленной железными наральниками одного типа. К нему относятся 5 экз. узколопастных наральников треугольной формы длиной 12—16 *см*, без плечиков (ширина втулки у них не превышает ширины лопасти), обнаруженных на селище Тайманово в Белорусском Поднепровье, городище Волосовичи Витебской обл. и Строчицком поселении под Минском (рис. 2, *6*, *10*) [13]. Подобные наральники, появившиеся в VIII—X вв. в лесной полосе Восточной Европы, были прототипами позднейшей древнерусской сохи, в частности, они известны в слоях конца I тысячелетия н. э. Старой Ладоги[14]. Появление таких развитых пахотных орудий с железными наконечниками в междуречье Днепра и Немана знаменует собой начало перехода от подсечно-огневой системы земледелия к пашенному земледелию.

Одним из свидетельств прогресса в области земледелия также являются находки фрагментов каменных жерновов круглой формы (диаметром до 40 *см*) на раннесредневековых поселениях: городища Тушемля и Городок в верховьях Сожа, селище Замковая Гора на р. Березине и др. (рис. 2, *9*) [15]. Круглые вращающиеся жернова в лесной полосе Восточной Европы начинают использоваться не ранее VIII—IX вв.[16] В более ранний период население междуречья Днепра и Немана использовало каменные зернотерки (находки из поселений Городище, Демидовка, Жабино и др.) [17].

К орудиям рыбной ловли относятся железные крючки, остроги, блесна, грузила для сетей. Железные рыболовные крючки (10 экз.) разделены на два типа. Крючки I типа (6 экз.), найденные на городищах Демидовка, Колочин и других поселениях, не имеют на конце острого ши-

---

[11] *Сымонович Э. А.* Ук. соч., с. 133, рис. 26, *14*; *Третьяков П. Н., Шмидт Е. А.* Ук. соч., с. 114, рис. 59, *14*; *Митрофанов А. Г.* Железный век..., рис. 50, *44*.

[12] *Ауліх В. В.* Зимнівське городище. Київ, 1972, с. 42, табл. VIII, *43*; *Ляпушкин И. И.* Городище Новотроицкое.— МИА, № 74, 1958, рис. 94, *2*; *Левашова В. П.* Сельское хозяйство.— Тр. ГИМ, вып. 32, 1956, с. 89.

[13] *Поболь Л. Д.* О новых археологических памятниках БССР VI—IX вв.— В сб.: Археология и Средиземноморският свят VI—XI век. София, 1973, рис. 11, *33*. Реконструкция автором рабочей части наральника из Тайманова нам кажется сомнительной, поскольку у целых образцов лопасть значительно короче (см. *Штыхов Г. В.* Города Полоцкой земли. Минск, 1978, рис. 52, *2*). Находка из Волосович хранится в Государственном Историческом музее УССР.

[14] *Миролюбов М. А.* Пахотные орудия Старой Ладоги.— АСб. ГЭ, № 14, 1972, с. 118, 119, рис. 1, 2; *Чернецов А. В.* Классификация и хронология наконечников древнерусских пахотных орудий.— КСИА АН СССР, № 146, 1976, с. 34, рис. 2.

[15] *Третьяков П. Н., Шмидт Е. А.* Ук. соч., с. 70, 101, рис. 4; *Митрофанов А. Г.* Новые данные о памятниках VI—VIII вв. ..., с. 224.

[16] *Минасян Р. С.* Классификация ручного жернового постава (по материалам Восточной Европы I тысячелетия н. э.).— СА, 1978, № 3, с. 110, 111.

[17] *Митрофанов А. Г.* Железный век..., с. 115, рис. 57, *26—29*; *Шмидт Е. А.* Некоторые данные о земледелии и скотоводстве на территории Смоленской области во второй половине I тысячелетия н. э.— В сб.: Вопросы аграрной истории Центра и Северо-запада РСФСР. Смоленск, 1972, с. 77; *Станкевич Я. В.* К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э.— МИА, № 76, 1960, с. 115.

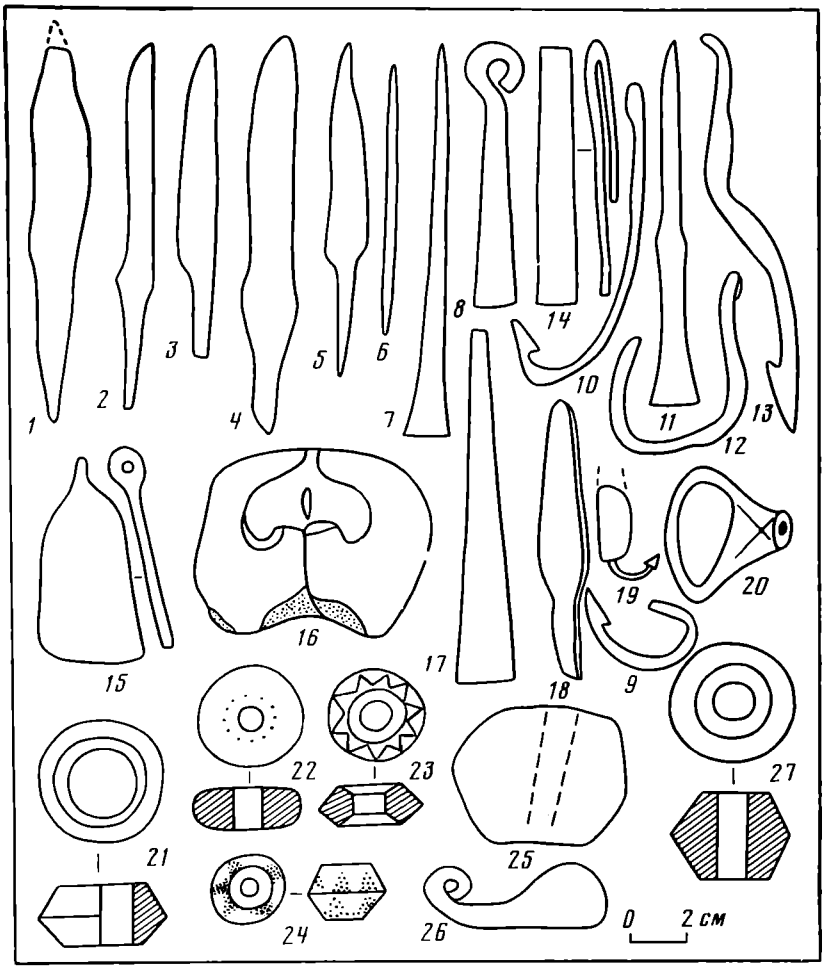


Рис. 3. Орудия труда и инструменты из раннесредневековых памятников междуречья Днепра и Немана: *1*, *14* — Ревячки; *2*, *6*, *7*, *17*, *21*, *24* — Городище; *3* — Кислая; *4* — Колочин; *5* — Воробьевка; *8* — Слобода-Глушица; *9* — Кострица; *10* — Яново; *11*, *13*, *20* — Шугайлово; *15* — Гнездово; *16* — Витебск; *18* — Лавриков Лес; *19* — Некасецк; *22* — Гуры; *23*, *27* — Лукомль; *25* — Погост Загородский; *26* — Жабино. (*1* — *18*, *26* — железо; *19* — свинец; *16*, *20*—*25*, *27* — **глина**)

па с выступом (рис. 3, *12*) [18]. У крючков II типа (4 экз.) на конце есть такой шип (рис. 3, *10*), подобные крючки открыты на поселениях Кострица, Узмень, Яново [19]. У крючков обоих типов второй конец снабжен утолщением или петлей для привязывания к веревке. Аналогии им хорошо известны как на памятниках железного века, так и на восточнославянских памятниках VIII—X вв. лесной и лесостепной полосы [20]. Довольно интересное приспособление для рыбной ловли — блесну с крючком — нашли на селище Некасецк в центральной Белоруссии (рис. 3, *19*). Для рыбной ловли также применяли железные однозубые остроги длиной 15—20 *см*, обнаруженные на селищах Шугайлово в Смоленском Поднепровье и Узмень на юге Псковщины (рис. 3, *13*); аналогичные

[18] *Сымонович Э. А.* Ук. соч., с. 133, рис. 26, *12*, *13*; *Шмидт Е. А.* Археологические памятники Смоленской области. Смоленск, 1976, с. 16.

[19] *Минасян Р. С.* Работы в окрестностях пос. Усвяты.— АО — 1977. М., 1972, с. 19; *Поболь Л. Д.* Славянские древности Белоруссии, ч. 3. Минск, 1974, рис. 88, *15*; *Шут К. П.* Памятники раннего железного века на севере Белоруссии.— В сб.: Древности Белоруссии. Минск, 1966, с. 171.

[20] *Митрофанов А. Г.* Культура штрихованной керамики, рис. 71, *12*, *13*; *Москаленко А. Н.* Городище Титчиха. Воронеж, 1965, с. 74, рис. 17.

находки сделаны на раннеславянских поселениях Титчиха Воронежской обл. и Хотомель на р. Горынь[21]. Встречаются и находки глиняных грузил для сетей (поселения Кислая, Колочин, Погост-Загородский и др.)[22].

Ряд находок свидетельствует о дальнейшем развитии различных ремесел у раннесредневекового населения междуречья Днепра и Немана: ткачества, металлообработки, ювелирного и деревообрабатывающего производства. Из них наиболее многочисленны находки глиняных пряслиц, широко применявшихся в прядении и ткачестве. Известные нам более 100 экз. пряслиц по форме можно подразделить на три типа. Глиняные пряслица I типа (81 экз.) уплощенно-биконической формы с вогнутой боковой поверхностью изготовлены из хорошо отмученной глины желтого и серовато-коричневого цвета, без примесей, хорошо обожжены. Поверхности пряслиц заглажены, а во многих случаях даже залощены. Их диаметр достигает 2,1—3,7 *см*, диаметр отверстия довольно велик (до 1,1—1,5 *см*). Характерными для этого типа являются следующие пропорции: соотношение высоты (H) и общего диаметра ($Д$), а также соотношение диаметра отверстия ($Д_2$) и общего диаметра ($Д_1$) до 0,3—0,5. По деталям формы внутри I типа выделены виды А и Б. У варианта А вогнута не только боковая поверхность, но и основания, а соотношения $H : Д_1$ и $Д_2 : Д_1$ равны 0,4—0,5 (рис. 3, *23*). Пряслица вида А распространены по всему ареалу культуры типа Банцеровщины: в Верхнем Подвинье (селище Жабино), в средней Белоруссии (селище Городище и др.), Смоленщине (Близнаки и др.), Подесенье (Киреевка и др.)[23]. Абсолютное большинство пряслиц вида А неорнаментировано (вариант 1), к варианту 2 относится всего 9 экз. из селищ Городище, Узмень, Ходосовка, Хохлов Вир и городищ Колочин, Лукомль, украшенные точками, зигзагообразными линиями и треугольниками (рис. 3, *23*, *24*)[24]. Такой орнамент был широко распространен на пряслицах, типичных для культуры штрихованной керамики[25]. По пропорциям (соотношения $H : Д_1$ и $Д_2 : Д_1$ равны 0,4—0,5) пряслица вида Б ненамного отличаются от пряслиц вида А, но поверхность у них не вогнута(рис. 3, *21*). Их ареал практически полностью совпадает с областью распространения пряслиц вида А. В целом пряслица I типа, появившиеся еще на памятниках киевского типа II—IV вв., характерны лишь для древностей типа Банцеровщины, на славянских памятниках культуры типа Корчак и Луки Райковецкой они не встречаются[26].

---

[21] *Кухаренко Ю. В.* Средневековые памятники Полесья.— САИ, Е1—57, М., 1961, с. 24, табл. 9, *5*, *6*, *13*, *14*; *Шмидт Е. А.* Археологические памятники..., рис. 24, *7*; *Москаленко А. Н.* Ук. соч., с. 74, рис. 17, ж; *Минасян Р. С.* Ук. соч., с. 19.

[22] *Сымонович Э. А.* Ук. соч., с 130, рис 25, *7*; *Шмидт Е. А.* Археологические памятники..., рис. 54, *5*.

[23] *Станкевич Я. В.* Ук. соч., рис. 75, *6*, *7*; *Митрофанов А. Г.* Селище VI—VIII вв. близ дер. Городище.— В сб.: Древности Белоруссии. Минск, 1969, рис. 4, *12*, *14*; *Шмидт Е. А.* Археологические памятники..., рис. 49, *20*; *Третьяков П. Н.* Древности второй и третьей четвертей I тысячелетия н. э. в Верхнем и Среднем Подесенье.— В сб.: Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974, рис. 28, *6*, *7*.

[24] *Минасян Р. С.* Селище Узмень, рис. 3, *12*; *Митрофанов А. Г.* Селище VI—VIII вв. близ дер. Городище, рис. 4, *15*; *Даниленко В. М.* Ук. соч., рис. 8, *8*; *Падин В. А.* Ук. соч., рис. 2, *7*; *Сымонович Э. А.* Городище Колочин I..., рис. 24, *9*; *Штыхов Г. В.* Раскопки в Лукомле..., рис. 6, *8*.

[25] *Митрофанов А Г.* Культура штрихованной керамики, рис. 75, *10—13*. Точечный орнамент в виде треугольников, встреченный на единичных пряслицах из корчакских (Корчак I, Зимно) и пеньковских (Луг I, Семенки) поселений, возможно, свидетельствует о каких-то влияниях северных племен культуры типа Банцеровщины; см.: *Ауліх В. В.* Ук. соч., табл. XVI, *11*, *12*; *Русанова И. П.* Славянские древности VI—IX вв. между Днепром и Западным Бугом.— САИ, Е1 — 25. М., 1973, табл. 33, *6—12*; *Березовец Д. Т.* Поселения уличей на р. Тясмине.— МИА, № 108, 1963, рис. 13; *Хавлюк П. И.* Раннеславянские поселения в бассейне Южного Буга.— В сб.: Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974, рис. 10, *7—9*.

[26] *Даниленко В. М.* Ук. соч., с. 83, 84.

В отличие от I типа биконические глиняные пряслица II типа (15 экз.) имеют бóльшую высоту (до 1,6—2,2 *см*), но незначительный диаметр отверстия (0,6—1,4 *см*), что отражается на общих пропорциях ($Н : Д_1$ равно 0,6—0,8, а $Д_2 : Д_1$ не более 0,2—0,4). Пряслица этого типа плохо обожжены, поверхность у них не заглажена, а в тесте заметны примеси песка (см. рис. 3, *27*). Подобные пряслица получили широкое распространение с V в. в славянских древностях типа Корчак и Луки Райковецкой в северо-западной Украине[27]. Пряслица такой формы появляются на памятниках междуречья Днепра и Немана в связи с передвижениями славянских племен не ранее VII—VIII вв., когда они известны на городище Лукомль, селищах Юревичи, Жужлянка, Стрелица и др., в длинных курганах Смоленщины VIII—IX вв.[28]

Глиняные пряслица дисковидной формы (III тип) немногочисленны (5 экз.). Прототипы дисковидных пряслиц диаметром 2,7—3,6 *см* и высотой 0,8—1,4 *см*, найденных на городище Жужлянка, селищах Городище, Гуры, Ревячки, широко известны в древностях культуры штрихованной керамики (рис. 3, *22*)[29]. Часть из них украшена точечным орнаментом (селище Гуры). Если неорнаментированные пряслица I и III типа бытовали на всем протяжении существования памятников типа Банцеровщины, то образцы с орнаментом, судя по взаимовстречаемости в комплексах с ранними формами керамики и вещей, не были распространены позднее V—VI вв.

Одним из инструментов, применявшихся в деревообрабатывающем производстве, является долото. Находки железных долот (5 экз.) длиной 11,0—14,5 *см* сделаны на городищах Близнаки, Колочин, селище Кислая и других поселениях (рис. 3, *11*)[30]. Универсальное назначение имели железные шилья длиной 7—11 *см*, открытые в количестве 17 экз. на городищах Демидовка, Колочин, селище Городище (рис. 3, *6*)[31]. Но, несомненно, к числу наиболее распространенных инструментов надо отнести железные ножи, подразделяемые по форме на три типа. Тип I представлен довольно архаичными по форме ножами с «горбатой спинкой» длиной 12,0—16,5 *см* (7 экз.) из поселений Наквасино, Колочин, Слобода-Глущица и Лавриков Лес (рис. 3, *1*)[32]. Ножи с «горбатой спинкой» типичны для древностей железного века лесной полосы, поэтому их находки на памятниках типа Банцеровщины датируются не позднее V в. н. э.[33] Ножи с прямой спинкой (II тип, 46 экз.) в зависимости от положения спинки клинка по отношению к черешку, а также способа их соединения подразделены на виды А, Б и В. У ножей вида А (4 экз.), обнаруженных лишь на селищах Городище, Кислая, Узмень, спинка клинка и черешок находятся на одной линии, а при переходе лезвия в черешок имеется уступ. Подобные ножи длиной 9—11 *см* известны как в древностях киевского типа II—IV вв., так и в древне-

---

[27] *Русанова И. П.* Славянские древности VI—IX вв. ..., с. 17, табл. 33.

[28] *Штыхов Г. В.* Раскопки в Лукомле..., рис. 7, *4*, *5*; *Драгун Ю. И.* Раннеславянское поселение в нижнем течении р. Свислочь.— В сб.: Белорусские древности. Минск, 1967, рис. 1, *16*; *Третьяков П. Н.* Ук. соч., рис. 26, *7*; *Третьяков П. Н., Шмидт Е. А.* Древние городища Смоленщины, с. 183, рис. 3, *6*.

[29] *Драгун Ю. И.* Ук. соч., рис. 1, *18*, *19*; *Митрофанов А. Г.* Железный век..., с. 40, рис. 26, 27, 51, *3*; 55, *2*.

[30] *Шмидт Е. А.* Археологические памятники..., рис. 24, *8*; 54, *8*; *Сымонович Э. А.* Городище Колочин I..., рис. 26, *5*.

[31] *Шмидт Е. А.* Археологические памятники..., рис. 13, *4*, *14*; *Митрофанов А. Г.* Памятники VI—VIII вв. средней и северной Белоруссии, рис. 84, *4*, *5*; *Сымонович Э. А.* Ук. соч., рис. 26, *2—4*.

[32] *Сымонович Э. А.* Ук. соч., рис. 26, *7*; *Третьяков П. Н.* Древности второй и третьей четвертей I тысячелетия н. э. ..., с. 110, рис. 23, *23*; *Третьяков П. Н., Шмидт Е. А.* Ук. соч., с. 114, рис. 59, *8—10*.

[33] *Смирнов К. А.* Городище Дьяков Лоб.— КСИА АН СССР, № 133, 1973, с. 107, рис. 44, *8*; *Шмидт Е. А.* Археологические памятники..., с. 54, рис. 20, *13*.

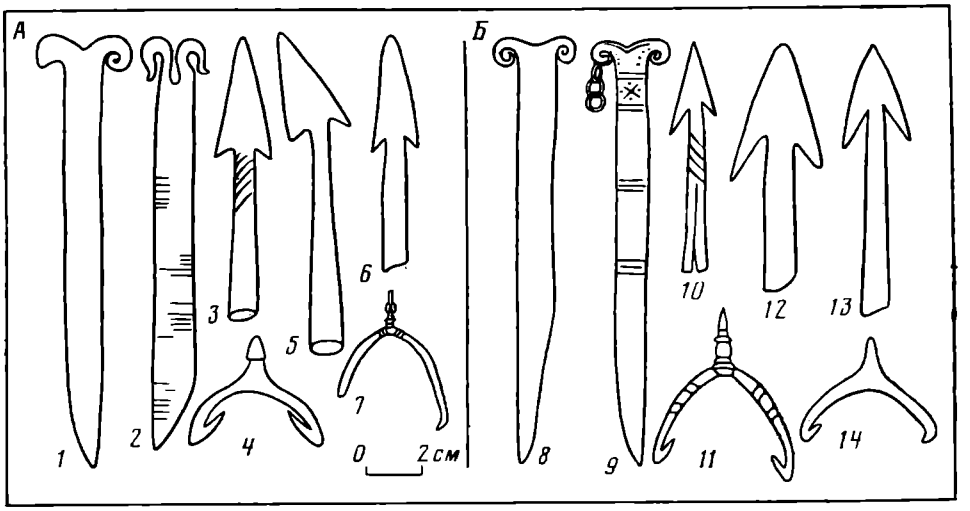


Рис. 4. Находки из раннесредневековых памятников междуречья Днепра и Немана (А) и их аналогии из западнославянских памятников Польши VI—IX вв. (Б): *1, 3* — Лукомль; *2* — Ревячки; *4* — Волковыск; *5* — Колочин; *6* — Бердыж; *7* — Чаплин; *8* — Нова Гута-Могила; *9* — Бискупин; *10* — Бониково; *11* — Уйстье; *12, 13* — Ланчно Старе; *14* — Замчиско. (Все предметы из железа)

русских памятниках IX—X вв. (рис. 3, *3*) [34]. У ножей вида Б (32 экз.) длиной 7—16 *см* место перехода черешка в клинок с обеих сторон обозначено уступами (рис. 3, *2*). Ножи этого вида открыты по всему ареалу памятников типа Банцеровщины (Нижняя Тощица, Воробьевка, Городище и др.), они являются частой находкой на поселениях типа Корчак и Луки Райковецкой [35]. У ножей вида В (11 экз.) длиной 8—17 *см*, обнаруженных на селищах Тайманово, Узмень, Шугайлово и др., черешок плавно, без уступов переходит в клинок (рис. 3, *4*) [36]. От них заметно отличаются цельнометаллические железные ножи с волютообразным завершением рукояти длиной 12—16 *см*, относящиеся к III типу. У ножей вида А этого типа (4 экз.) из селищ Городище, Лукомль, Ревячки, Тайманово волютообразное завершение рукояти имеет форму спиралей (рис. 4, *1*), а у образцов вида Б (2 экз.) из Ревячек и Ярцева — эсовидную форму (рис. 4, *2*) [37]. Находки подобных ножей на памятниках типа Банцеровщины, а также на роменско-боршевских городищах и раннеславянских поселениях Молдавии, несомненно, свидетельствуют о каких-то западнославянских влияниях, поскольку впервые они появились в VII в. у западнославянских племен, живших на территории Польши [38]. Ножи такой своеобразной формы использовались, ве-

---

[34] *Шмидт Е. А.* Археологические памятники..., с. 215, рис. 54, *7*, *10*; *Даниленко В. М.* Пізньозарубинецькі пам'ятки київського типу, рис. 3, *8*; *Минасян Р. С.* Ук. соч., рис. 3, *4*; *Митрофанов А. Г.* Железный век..., рис. 52, *30*; *Леонтьев А. Е.* Классификация ножей Сарского городища.— СА, 1976, № 2, с. 39—42.

[35] *Поболь Л. Д.* Итоги изучения древностей железного века Белорусского Поднепровья.— В сб.: Древности Белоруссии. Минск, 1969, рис. 6, *16*; *Сымонович Э. А.* Поселение Воробьевка 2 в Курской области.— КСИА АН СССР, № 140, 1974, с. 80, рис. 4, *18—22*; *Митрофанов А. Г.* Новые данные о памятниках VI—VIII вв. ..., с. 228, рис. 4, *14*; *Русанова И. П.* Ук. соч., с. 17, табл. 32, *6—8*.

[36] *Поболь Л. Д.* О новых археологических памятниках..., рис. 11, *26*; *Минасян Р. С.* Селище Узмень, рис. 3, *1—4*; *Шмидт Е. А.* Археологические памятники..., рис. 24, *14*.

[37] *Митрофанов А. Г.* Железный век..., с. 107, 108, рис. 35, *1*, *2*; 52, *17*; *Побаль Л. Д., Гурын М. Ф.* Жалезныя вырабы з Тайманава Быхаўскага раёна.— Весці АН БССР, 1975, № 2, рис. 1, *1*; *Штыхов Г. В.* Города Полоцкой земли, с. 49, рис. 18, *14*. Нож из Ярцева хранится в фондах Государственного Исторического музея, кол. 107/6а.

[38] *Минасян Р. С.* Железные ножи с волютообразным навершием.— В сб.: Проблемы археологии, вып. II. Л., 1978, с. 148—152; *Szymanski W.* Przyczynki do zagadnienia chronologii i zasięgu występowania żelaznych noży z rękojesciami zakonczonymi

роятно, в ритуальных целях. Их находки на поселениях междуречья Днепра и Немана на основе сопутствующей керамики и вещей датируются VIII в.

К числу наиболее распространенных инструментов, широко применявшихся в быту, относятся пластинчатые кресала, подразделяемые по форме на три типа. Удлиненные кресала в виде равнобедренного вытянутого треугольника с острым концом (тип I) из селищ Городище, Гуры, Нижняя Тощица и др. скорее всего применялись также и в качестве шильев (рис. 3, *7*) [39]. Аналогичные кресала длиной 13—22 *см* попадаются в древнейших длинных курганах Псковщины [40]. Тип II включает вытянутые трапециевидные кресала длиной 5—10 *см* (Городище, Демидовка, Жабино; см. рис. 3, *17*) [41]. У образцов III типа длиной 4—8 *см*, имеющих вытянутую подтреугольную форму, острый конец завершается петлей (вид А) или спиральным завитком (вид Б) для подвешивания кресала (Гнездово, Жабино, Слобода-Глушица; см. рис. 3, *8*, *15*) [42]. Кресала I и II типов, вида Б типа III, не имеющие твердой датировки, характерны лишь для памятников типа Банцеровщины. Распространенные на протяжении всей второй половины I тысячелетия н. э., кресала вида А типа III имеют многочисленные аналогии как в предшествующих древностях железного века, так и в синхронных памятниках мощинской культуры, поселениях III—VI вв. в Латвии, финно-угорских памятниках конца I тысячелетия н. э. лесной полосы [43]. Единичные находки подобных кресал на наиболее северных памятниках культуры типа Корчак и Луки Райковецкой (Корчак I, Хотомель) связаны с влиянием племен культуры типа Банцеровщины [44].

Находки оружия на памятниках типа Банцеровщины представлены железными наконечниками копий и стрел, боевыми топорами. Наконечники копий (19 экз.) разделены на черешковые (I отдел) и втульчатые (II отдел). Все черешковые наконечники копий (4 экз.), найденные на поселениях Ковшары, Новоселки, Ревячки и Строчицкое, относятся к одному типу листовидных наконечников длиной 14—19 *см* (рис. 5, *4*) [45]. Появившись впервые в VII в. в латгальских древностях, железные черешковые наконечники копий были распространены в Латвии и юго-восточной Эстонии в VIII—X вв., этим же временем надо датировать и находки из памятников типа Банцеровщины [46]. Втульчатые наконечни-

---

wolutami.— WA, t. XXI, z. 3/4. 1964, s. 221—228; *idem*. Wczesnosredniowieczne noże z rękojesciami zakonczonymi wolutami w swietle nowych badań.— WA, t. XXXI, z. 2—3, 1965. s. 146—148.

[39] *Митрофанов А. Г.* Железный век..., рис. 57, *7*; *Поболь Л. Д.* Древности середины и третьей четверти I тысячелетия н. э. в Белорусском Поднепровье.— В сб.: Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974, рис. 12, *8*.

[40] *Чернягин Н. Н.* Длинные курганы и сопки.— МИА, № 6, 1941, табл. III, *8*.

[41] *Станкевич Я. В.* Ук. соч., рис. 76, *4*.

[42] Там же, рис. 76, *5*; *Третьяков П. Н., Шмидт Е. А.* Ук. соч., рис. 59, *2*; *его же*. К вопросу о древних поселениях в Гнездове.— МИСО, VIII, 1974, рис. 7, *12*.

[43] *Голубева Л. А.* К истории пластинчатых огнив Восточной Европы.— В сб.: Новое в советской археологии. М., 1965, с. 257—260; *Шноре Э., Димермане Р.* Поселение и могильник в Кивты (Восточная Латвия).— В сб.: От эпохи бронзы до раннего феодализма. Таллин, 1966, рис. 1, *10*.

[44] *Кухаренко Ю. В.* Ук. соч., табл. 8, *25*, *26*.

[45] Наконечник копья из Ревячек хранится в фондах сектора археологии Института истории АН БССР, а из Строчицкого поселения — в Археологическом музее Белорусского университета. Выражаю признательность А. Г. Митрофанову за предоставленную возможность ознакомиться с неопубликованным материалом. См. также: *Поболь Л. Д.* Славянские древности Белоруссии, ч. 3, с. 269—272, рис. 94, *11*; *Лявданский А. Н.* Некоторые данные о городищах Смоленской губернии.— Научные известия Смоленск. гос. ун-та, т. 3, вып. 3 (отд. оттиск). Смоленск, 1926, с. 232, табл. IX, *18*.

[46] *Шмидехельм М. Х.* Городище Рыуге в юго-восточной Эстонии.— Тр. ПОКЭ, т. 1. М.— Л., 1959, с. 170, табл. VIII, *1*, *10*; Нукшинский могильник.— Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР, т. 1. Рига, 1957, с. 48, табл. X, *4*, *5*. В междуречье Днепра и Немана черешковые наконечники копий могли попасть из

ки копий (II отдел) по форме боевой части подразделяются на шесть типов. В I тип входит единственный одношипный наконечник копья длиной 17,5 *см* из городища Красная Зорька на р. Березине (рис. 5, *7*)[47]. Аналогии трем экземплярам двушипных наконечников копий (II тип) длиной 18—24 *см* из поселений Гнездово, Демидовка, Заговалино можно найти как в более ранних памятниках зарубинецкой культуры и культуры штрихованной керамики, так и в восточнолитовских курганах и мордовских могильниках V—VIII вв. (рис. 5, *2*)[48]. У образцов III типа длиной 14—24 *см*, открытых на городище Черкасово и в курганах у дер. Церковище на Днепре, короткое ромбовидное лезвие не превышает 1/3 общей длины наконечника копья (рис. 5, *5*), аналогичные находки встречаются в восточнолитовских курганах, в древностях V—VI вв. Латвии и Эстонии, в рязанских могильниках второй половины I тысячелетия н. э.[49] У наконечников копий IV типа (6 экз.) из поселений Городище, Колочин, Княжьинского могильника, достигающих в длину 19—30 *см*, боевая часть удлиненно-треугольной формы (рис. 5, *1, 8*)[50]. Тип V (4 экз.) включает наконечники копий листовидной формы (Демидовка, Княжье, Лебяжье)[51]. Аналогии наконечникам последних двух типов известны и в балтских, и в славянских древностях второй половины I тысячелетия[52]. Наконец, тип VI представлен одним наконечником копья с лезвием профилированной формы из Демидовки (рис. 5, *3*),

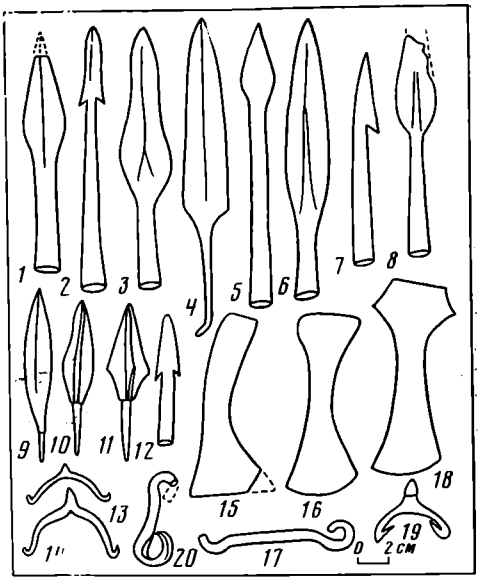


Рис. 5. Оружие и предметы снаряжения всадника и коня из раннесредневековых памятников междуречья Днепра и Немана: *1*, *13*, *14* — Городище; *2*, *3*, *6*, *9—11*, *15* — Демидовка; *4* — Ковшары; *5* — Церковище; *7* — Красная Зорька; *8* — Колочин; *12* — Бердыж; *16* — Слуцк; *17* — Смольянь; *18* — Прудки; *19* — Волковыск; *20* — Близнаки. (Все предметы из железа)

Латвии, а также из Восточной Литвы, где они появились в VII—VIII вв.; см. *Казакявичус В. К.* Наконечники копий в Литве V—VIII вв. (I. Черешковые).— Труды АН Лит. ССР. Серия А, 1978, № 4, с. 37—45, рис. 1—2.

[47] *Поболь Л. Д.* Старажытныя паселішчы на сярэдняй Бярэзіне.— В сб.: Беларускія старажытнасці. Мінск, 1972, с. 139, рис. 17, *1*.

[48] *Шмидт Е. А.* К вопросу о древних поселениях..., рис. 7, *11*; *его же.* О культуре городищ-убежищ..., рис. 3, *2*; *Шут К. П.* Городище Заговалино Ушачского района.— В сб.: Вопросы истории. Минск, 1964, рис. 6, *28*; *Митрофанов А. Г.* Железный век..., рис. 20, *1*; 22, *2*; *Поболь Л. Д.* Славянские древности Белоруссии, ч. 1, рис. 55, *1—5*; *Гуревич Ф. Д.* Древности Белорусского Понеманья. М.— Л., 1962, рис. 52, *3*; *Краснов Ю. А.* Безводнинский могильник.— КСИА АН СССР, № 140, 1974, с. 88, рис. 2, *2*.

[49] *Дубінскі С. А.* Чаркасаўскае гарадзішча пад Воршай.— Працы секцыі археалогіі, т. 2. Мінск, 1932, табл. VIII, *8*; *Соловьева Г. Ф.* Памятники конца I тысячелетия н. э. в Верхнем Поднепровье.— В сб.: Древние славяне и их соседи (МИА, № 176), 1970, рис. 2, *2*; *Мандель М., Тамла Т.* Клад оружия из Рикассааре.— Изв. АН ЭССР. Обществ. науки, 1977, т. 26, № 2, с. 163, 164, табл. V, *1*; *Гуревич Ф. Д.* Ук. соч., рис. 52, *4*; *Кравченко Т. А.* Шатрищенский могильник.— В сб.: Археология Рязанской земли. М., 1974, рис. 18, *3*.

[50] *Митрофанов А. Г.* Железный век..., рис. 52, *16*; *Сымонович Э. А.* Ук. соч., рис. 29, *1*; *Липкинг Ю. А.* Могильники третьей четверти I тыс. н. э. в Курском Посемье.— В сб.: Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974, с. 139, рис. 2, *2*.

[51] *Шмидт Е. А.* О культуре городищ-убежищ..., рис. 3, *1*; *Липкинг Ю. А.* Ук. соч., с. 139, рис. 2, *1*.

[52] *Ауліх В. В.* Ук. соч., табл. IX, *1*; *Таутавичус А. З.* Восточнолитовские курганы.— Тр. ПОКЭ, т. 1. М., 1959, рис. 8, *1—2*, *10*.

Приблизительные хронологические рамки бытования типов орудий труда и оружия из раннесредневековых памятников типа Банцеровщины

№ п.п.	Типы вещей	Века			
		V	VI	VII	VIII
1	Ножи I типа	+			
2	Втульчатый топор (отдел II)	+			
3	Топоры I типа I отдела	+			
4	Орнаментированные пряслица I, III типов	+	+		
5	Шпоры I типа	+	+	+	
6	Трехлопастные наконечники стрел (тип I, отдел I)		+	+	+
7	Серпы I–IV типов	+	+	+	+
8	Рыболовные крючки I–II типов	+	+	+	+
9	Рыболовные остроги	+	+	+	+
10	Пряслица I, III типов	+	+	+	+
11	Наконечники копий II отдела	+	+	+	+
12	Топоры II–III типов I отдела	+	+	+	+
13	Ножи II типа	+	+	+	+
14	Кресала I–III типов	+	+	+	+
15	Двухсоставные удила	+	+	+	+
16	Пряслица II типа			+	+
17	Наральники				+
18	Ножи III типа				+
19	Шпоры II типа				+
20	Наконечники копий I отдела				+
21	Наконечники стрел II отдела				+
22	Жернова				+

подобные наконечники типичны для памятников V—VIII вв. Латвии и и Литвы[53]. Все находки наконечников копий, за исключением образцов отдела I, датируются довольно широким промежутком времени, в пределах всей второй половины I тысячелетия н. э. (таблица).

Также разнотипны по форме и наконечники стрел (45 экз.), подразделяемые на черешковые (I отдел) и втульчатые (II отдел). В I отдел входят два типа. Первый тип (20 экз.) представлен трехлопастными черешковыми наконечниками стрел, среди которых по форме лопастей выделены виды А и Б. Вид А — небольшие (не более 7,5 *см*) наконечники стрел с довольно узкими лопастями из городищ Демидовка, Барсучья Горка и кургана № 2 у с. Демьянки на Днепре, селищ Колодезный Бугор в Подесенье и Узмень на юге Псковщины (рис. 5, *10*)[54].

У наконечников стрел вида Б также небольших размеров (городища Демидовка, Владимирское и селище Хохлов Вир в Подесенье) лопасти приобретают профилированную форму за счет сужения в нижней части (см. рис. 5, *11*)[55]. Образцы, аналогичные видам А и Б, известны на протяжении всего I тысячелетия н. э. в Прикамье, в кочевнических погребениях VII—VIII вв. на юге Украины, в аварских могильниках Среднего Подунавья, в могильниках ранних болгар на Волге[56]. Большин-

[53] *Шмидт Е. А.* О культуре городищ-убежищ... рис. 3, *3*; Литовское народное искусство. Украшения древних литовцев, кн. II. Вильнюс, 1966, илл. 26; *Urtāns V.* Senākie depoziti Latvijā (lidz 1200. g.). Riga, 1977, att. 51, *14*.

[54] *Тарасенко В. Р.* Раскопки на городище Барсучья Горка.— КСИИМК, № 15, 1947, рис. 49; *Шмидт Е. А.* О культуре городищ-убежищ..., рис. 3, *8*; *Соловьева Г. Ф.* Славянские курганы близ с. Демьянки.— СА, 1967, № 1, рис. 2, *4*; *Третьяков П. Н.* Древности второй и третьей четвертей I тысячелетия н. э. ..., рис. 16, *6*.

[55] *Шмидт Е. А.* Археологические памятники..., с. 125; *Третьяков П. Н.* Древности второй и третьей четвертей I тысячелетия н. э. ..., с. 48; *Падин В. А.* Древности VI—VII вв. н. э. в окрестностях Трубчевска, рис. 2, *6*.

[56] *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII—XIV вв.— САИ, вып. Е1 — 36. М., 1966, с. 58—61; *Генинг В. Ф., Халиков А. Х.* Ранние болгары на Волге. М., 1964, с. 47, табл. XII, *20*.

ство находок трехлопастных наконечников стрел, скорее всего, попали в междуречье Днепра и Немана в результате южных военных набегов.

Ко второму типу I отдела относятся черешковые наконечники стрел ромбовидной вытянутой формы длиной 7—11 *см* (5 экз.) из городищ Демидовка, Лукомль и Свила I, часто встречающиеся на восточнославянских памятниках последней четверти I тысячелетия н. э. (рис. 5, *9*) [57].

Отдел II представлен втульчатыми двушипными наконечниками стрел (10 экз.) длиной 7—10 *см*, найденными на селищах Колочин, Лукомль, городище Свила I, кургане у дер. Бердыж на р. Сож и других памятниках (рис. 5, *12*) [58]. У некоторых образцов втулка перекручена (рис. 4, *3*), подобные наконечники стрел были широко распространены на западнославянских памятниках Польши и Чехословакии. Двушипные наконечники стрел, заимствованные от западных славян, встречаются в восточнославянских древностях VIII—XIII вв. в основном вдоль границ с западными соседями [59]. На раннесредневековых памятниках междуречья Днепра и Немана они появились не ранее VIII в.[60]

Для раннесредневековых памятников типа Банцеровщины характерны находки железных проушных узколезвийных топоров, разделенные нами на три типа. Топоры I типа (длина 13—17 *см*) из Демидовки и Новых Безрадич характеризуются невыделенным обухом, изогнутым профилем, сужающимся к середине и расширяющимся к лезвию; поскольку данная форма топоров бытовала у носителей культуры штрихованной керамики, эти находки вряд ли датируются позднее V в. н. э. (рис. 4, *15*) [61].

У топоров II типа (4 экз.) длинный и заостренный обух резко сужается к середине, а лезвие по длине равно обуху (рис. 5, *16*). Аналогии таким топорам из городища Кострица, селища Дедиловичи и окрестностей Слуцка надо искать в материалах из восточнолитовских курганов V—VIII вв., в латгальских памятниках середины I тысячелетия н. э.[62] У единственного экземпляра топоров III типа из кургана у дер. Прудки на Днепре обух выделен с обеих сторон выступающими щековицами (рис. 5, *18*); подобные топоры бытовали у восточных литовцев во второй половине I тысячелетия н. э.[63] Проушина у топора имеет яйцевидную форму, поэтому он относится к числу поздних образцов данного типа. Железные втульчатые топоры, подобные топору-кельту из верхнего слоя укрепленного поселения у др. Городище в центральной Бело-

---

[57] *Шмидт Е. А.* Археологические памятники..., с. 202; *Кухаренко Ю. В.* Средневековые памятники Полесья, табл. 8, *2*, *11*; *Мітрафанаў А. Р., Каробушкіна Т. М.* Археалагічны помнік расказвае.— Помнікі гісторыі і культуры Беларусі, 1975, № 4, рис. 3; *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие, с. 64; *Штыхов Г. В.* Раскопки в Лукомле..., рис. 7, *6*.

[58] *Сымонович Э. А.* Городище Колочин I..., рис. 26, *11*; *Штыхов Г. В.* Города Полоцкой земли, рис. 18, *1*; *Мітрафанаў А. Р., Каробушкіна Т. М.* Ук. соч., рис. 2; *Поболь Л. Д.* Итоги изучения древностей железного века..., рис. 6, *25*.

[59] *Медведев А. Ф.* Ук. соч., с. 55, 56; *Минасян Р. С.* Втульчатые двушипные наконечники стрел.— СГЭ, № 43, 1978, с. 35—37.

[60] Их находки в большинстве случаев связаны с появлением заметно отличающихся от керамики типа Банцеровщины лепных славянских сосудов с хорошо выделенным плечиком и отогнутым венчиком, относящихся к керамике типа Луки Райковецкой или роменско-боршевской культуры (Колочин, Лукомль, Свила I и др.).

[61] *Шмидт Е. А.* О культуре городищ-убежищ..., с. 68, рис. 3, *6*; *Даниленко В. М.* Пізньозарубінецькі пам'ятки київського типу, рис. 10, *5*; *Митрофанов А. Г.* Культура штрихованной керамики, рис. 71, *1*.

[62] Топор, найденный в окрестностях Слуцка, хранится в фондах Слуцкого краеведческого музея; см. также: *Митрофанов А. Г.* Железный век..., с. 110; *Волкайте-Куликаускене Р. К.* Боевые топоры в Литве в эпоху раннего феодализма.— Тр. АН ЛитССР, серия А, 1964, № 1, с. 12—14, рис. 7, *2*, *3*. У всех перечисленных находок топоров этого типа проушина круглой формы, что позволяет отнести их к числу наиболее ранних экземпляров; см. *Urtans V.* Op. cit., s. 244.

[63] *Соловьева Г. Ф.* Памятники конца I тысячелетия н. э...., рис. 2; *Таутавичус А. З.* К вопросу о хронологии восточнолитовских боевых топоров.— В сб.: От эпохи бронзы до раннего феодализма. Таллин, 1966, с. 187—191.

руссии (отдел II), были широко распространены в древностях V—VI вв. в Латвии[64]. Практически все узколезвийные проушные топоры, кроме образцов III типа I отдела, могли использоваться и как боевые, и как рабочие орудия.

Из предметов снаряжения всадника и коня надо отметить находки железных удил и шпор. Все удила (8 экз.), открытые на поселениях Близнаки, Банцеровщина, Смольянь, в кургане у дер. Дорохи и других памятниках, принадлежат к одному типу двухсоставных кольчатых удил с подвижными кольцами на концах, который встречается как на раннеславянских памятниках VI—IX вв., так и в восточнолитовских курганах V—VIII вв. (рис. 5, *17*, *20*) [65].

Железные шпоры (16 экз.) относятся к двум различным по форме и происхождению типам. Шпоры I типа (14 экз.), имеющие острый конический шип и отогнутые наружу крючки на концах, подразделяются на два варианта. Образцы варианта 1 из селищ Городище, Тайманово, кургана в Дорохах и других памятников отличаются уплощенной дужкой (соотношение длины и ширины плеч не более 0,3—0,4; см. рис. 4, *13*) [66]. У шпор варианта 2, обнаруженных на городищах Демидовка, Наквасино, селищах Городище, Шугайлово, Щатково и других поселениях, это соотношение ввиду значительной изогнутости дужки достигает 0,5—0,6 (рис. 5, *14*) [67]. Данный тип шпор был распространен в балтских древностях III—VII вв.[68] Шпоры с острым коническим шипом и загнутыми внутрь крючками на концах (II тип) были характерны в VI—IX вв. для западнославянских племен[69]. Шпора из Волковыска (вариант 1) имеет слабоизогнутую дужку (соотношение длины и ширины плеч не превышает 0,4; см. рис. 5, *19*) [70]. Шпора со значительно изогнутой дужкой, покрытой бронзовой инкрустацией (вариант 2), найдена в Чаплине (рис. 4, *7*) [71]. Оба варианта шпор II типа, имеющие многочисленные аналогии в раннесредневековых славянских памятниках на территории Польши, попали в междуречье Днепра и Немана в результате контактов с западнославянскими племенами не ранее VIII в.[72]

Из анализа орудий труда и предметов вооружения из раннесредневековых памятников типа Банцеровщины ясно видно, что многие предметы (серпы, ножи с «горбатой спинкой», топоры I типа, шпоры I типа, дисковидные пряслица, дротики и др.) имеют широкие аналогии и про-

---

[64] *Митрофанов А. Г.* Культура штрихованной керамики, с. 110, рис. 58, *1*; *Urtans V.* Op. cit., s. 244, att. 46, *23—27*.

[65] *Шмидт Е. А.* Археологические памятники..., рис. 49, *18*; *Кухаренко Ю. В.* Средневековые памятники Полесья, табл. 8, *17*; *Третьяков П. Н.* Древности второй и третьей четвертей I тысячелетия н. э. ..., рис. 10, *4*; *Ауліх В. В.* Зимнівське городище, с. 47, табл. VIII, *30*, *31*; *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв.— САИ, Е1 — 36, Л., 1973, с. 16, 17; *Таутавичус А. З.* Восточнолитовские курганы, с. 141, рис. 11.

[66] *Митрофанов А. Г.* Селище VI—VIII вв. близ дер. Городище, рис. 4, *6*; *Штыхов Г. В.* Исследования в Витебской области.— АО — 1973. М., 1974, с. 384; *Поболь Л. Д.* О новых археологических памятниках БССР..., рис. 11, *17*.

[67] *Шмидт Е. А.* О культуре городищ-убежищ..., с. 68, рис. 3, *26*; *Поболь Л. Д.* Поселение железного века около дер. Щатково Бобруйского района.— В сб.: Белорусские древности. Минск, 1967, рис. 23, *9*.

[68] *Zak J.* Ostrogi z zaczepami haczykowato odgiętymi na zewnątrz.— PA, t. XI, 1959, s. 94, 95. В междуречье Днепра и Немана подобные шпоры были известны еще населению местных культур железного века (днепро-двинской, штрихованной керамики и киевского типа), от которого их заимствовали носители памятников типа Банцеровщины; см. *Перхавко В. Б.* Появление и распространение шпор на территории Восточной Европы.— СА, 1978, № 3, с. 122, 123.

[69] *Zak J.* Najstarsze ostrogi zachodniosłowianskie. Warszawa — Wrocław, 1959, s. 16.

[70] *Зверуго Я. Г.* Новые данные о древнем Волковыске.— Древности Белоруссии. Минск, 1969, с. 159, рис. 5, *23*.

[71] *Кухаренко Ю. В.* Чаплинский могильник.— МИА, № 70, 1959, с. 103, рис. 2.

[72] *Zak J.* Najstarsze ostrogi zachodniosłowianskie, s. 16, tabl. 9; *Перхавко В. Б.* Ук. соч., с. 123, 124.

тотипы в древностях местных культур железного века (см. рис. 6). Это является еще одним доказательством того, что в формировании культуры типа Банцеровщины самое непосредственное участие принимали племена днепро-двинской культуры, культуры штрихованной керамики и киевского типа. Разумеется, в различных частях ареала памятников типа Банцеровщины роль каждой из перечисленных культур не была одинаковой: если в Смоленском Поднепровье и Подвинье основным субстратным компонентом явились древности днепро-двинской культуры, то в центральной Белоруссии — культуры штрихованной керамики, а на юге Белорус-

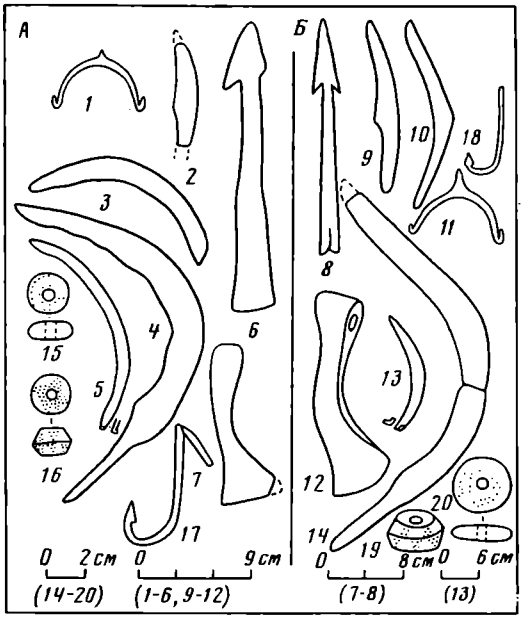


Рис. 6. Орудия труда и предметы вооружения из раннесредневековых памятников типа Банцеровщины (А) и их прототипы из памятников местных культур железного века (Б): А. *1* — Наквасино; *2* — Лавриков Лес; *3* — Замковая Гора; *4* — Тушемля; *5* — Шугайлово; *6* — Заговалино; *7* — Демидовка. Б. *8* — Банцеровщина; *9* — Карманово; *10*, *12*, *18* — Августово; *11*, *19* — Лабенщина; *13* — Новые Безрадичи; *14* — Новые Батеки; *15* — Гуры; *16* — Городище; *17* — Кострица; *20* — Кимия. (*1—14*, *17*, *18* — железо; *15*, *16*, *19*, *20* — глина)

ского Поднепровья, в Полесье, Подесенье и на Киевщине — культуры киевского типа. Последнее обстоятельство отразилось на распространении разных типов вещей в отдельных частях междуречья Днепра и Немана.

В наборе орудий труда и предметов вооружения произошли по сравнению с железным веком заметные изменения. Большое количество железных изделий, найденных на памятниках типа Банцеровщины, свидетельствует, что в эпоху раннего средневековья железоделательное производство получило дальнейшее развитие, усовершенствовалась форма предметов, улучшилось их качество, появились совершенно новые типы орудий труда (наральники, жернова, ножи с прямой спинкой и др.) и оружия (различные железные наконечники стрел, топоры II—III типов и др.). Однако внутри рассматриваемого периода, т. е. середины и третьей четверти I тысячелетия н. э., трудно проследить развитие каждого типа орудий труда и предметов вооружения, что затрудняет применение этих групп вещей для уточнения хронологии памятников типа Банцеровщины. Тем не менее определенные выводы можно сделать и на основе анализа оружия и орудий труда. Действительно, кроме сравнительно большой серии вещей (серпы всех типов, глиняные неорнаментированные пряслица I и II типов, ножи с прямой спинкой, втульчатые наконечники копий, топоры II—III типов I отдела и др.), распространенных в течение V—IX вв., известны группы предметов, хронологические рамки бытования которых у́же (таблица). Прежде всего нужно упомянуть ряд находок (орнаментированные пряслица, ножи с «горбатой спинкой», топоры I типа I и II отделов и др.), характерных для начальной стадии существования древностей типа Банцеровщины, для V—VI вв. Многие типы вещей (наральники, жернова, ножи с волю-

тообразными завершениями рукояти, черешковые наконечники копий, втульчатые двушипные наконечники стрел и т. д.) появляются на памятниках типа Банцеровщины не ранее VIII в., но были распространены и позднее — в IX—X вв. Совместные находки в комплексах вещей этой группы и предметов, исчезающих из употребления в VII—VIII вв. (шпоры I типа, трехлопастные черешковые наконечники стрел и др.) позволяют довести верхнюю хронологическую границу памятников типа Банцеровщины до VIII в. Итак, анализ орудий труда и предметов вооруже-

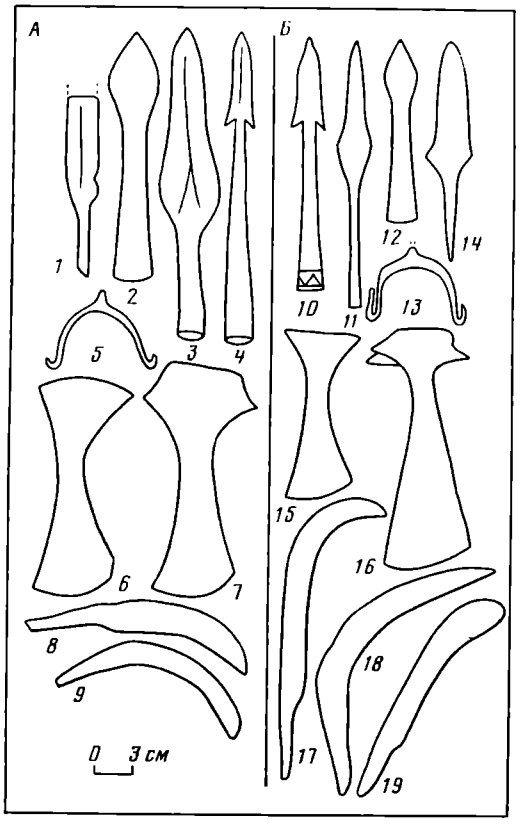


Рис. 7. Ряд типов орудий труда и предметов вооружения из раннесредневековых памятников типа Банцеровщины (А) и их аналогии из восточнолитовских и латгальских древностей второй половины I тысячелетия н. э. (Б): А. *1* — Новоселки; *2* — Черкасово; *3*, *4* — Демидовка; *5* — Щатково; *6* — Слуцк; *7* — Прудки; *8* — Городище; *9* — Замковая Гора. Б. *10* — Черная Лужа; *11*, *15* — Пабаряй; *12* — Кивты; *13* — Кентескалнс; *14* — Нукшинский могильник; *16* — Сморгонь; *17* — Лейясбитенас; *18*, *19* — Варопнишкес. (Все предметы из железа)

ния является еще одним доказательством того, что культуру типа Банцеровщины в целом надо датировать в пределах V—VIII вв. [73]

В распространении разновременных вещей можно отметить некоторые закономерности. Так, на памятниках Киевщины не встречены предметы, которые датируются позднее V—VI вв., а в Подесенье и Посемье бытуют в основном вещи V—VII вв. Поздняя группа находок VIII в. характерна лишь для памятников центральной Белоруссии, Белорусского Поднепровья, Смоленщины и Подвинья. Отмеченные особенности наводят на мысль о том, что памятники типа Банцеровщины в разных частях своего ареала прекратили существование неодновременно.

Определить этническую принадлежность большинства типов орудий труда и оружия не представляется возможным, поскольку их форма в первую очередь определяется географической средой, типом хозяйства или уровнем военной техники. Форма многих орудий труда одинакова, так как памятники типа Банцеровщины разных частей междуречья Днепра и Немана находятся приблизительно в одинаковых географиче-

[73] *Митрофанов А. Г.* Археологические памятники северо-запада Белоруссии I тысячелетия н. э.— В сб.: Проблемы этнической истории балтов. Рига, 1977, с. 35—37; *Сымонович Э. А.* Раннесредневековая культура лесной полосы Поднепровья (типа Колочин — Акатово).— SA, t. XXII, 1975, с. 22, 23; *Перхавко В. Б.* Украшения из раннесредневековых памятников междуречья Днепра и Немана.— Вестн. МГУ. История, 1978, № 2, с. 69.

ских условиях. Лишь единичные разновидности орудий труда и предметов вооружения, носящие следы устойчивых традиций и этнографических особенностей местного населения, можно отнести к этнопоказательным элементам материальной культуры. Среди них преобладают вещи (черешковые наконечники копий, втульчатые наконечники копий с пером профилированной формы, узколезвийные проушные топоры, втульчатый топор, шпоры с отогнутыми наружу крючками, серпы I—III типов и др.), характерные для предшествующих балтских культур железного века, а также для раннесредневековых древностей Латвии и Литвы (рис. 7) [74].

Вторая группа этноопределимых предметов представлена западнославянскими по происхождению находками (ножи с волютообразным завершением рукояти, втульчатые двушипные наконечники стрел, шпоры с загнутыми внутрь крючками), появившимися в междуречье Днепра и Немана не ранее VIII в. (рис. 4). С расселением славянских племен по ареалу памятников типа Банцеровщины также связано распространение в междуречье Днепра и Немана биконических пряслиц II типа, железных наральников и каменных жерновов, неместное происхождение которых не вызывает сомнений. Пришедшее славянское население использует новые формы орудий труда и предметов вооружения, а старые типы вещей, бытовавшие в среде местного неславянского населения, отмирают.

Изучение и классификация орудий труда и предметов вооружения позволяют дополнить характеристику раннесредневековых древностей типа Банцеровщины V—VIII вв., полнее раскрыть облик материальной культуры раннесредневекового населения, уточнить датировку памятников, привести некоторые данные для решения проблемы их происхождения, внешних связей и этнической принадлежности. Большинство исследователей относят раннесредневековые памятники типа Банцеровщины к восточнобалтским племенам [75]. В какой-то мере эта точка зрения подтверждается и выводами, содержащимися в данной статье.

V. B. Perhavko

THE CLASSIFICATION OF TOOLS AND WEAPONS FPOM THE EARLY MEDIEVAL SITES OF THE DNIEPER-NEMAN INTERFLEW

Summary

The problem of origin, ethnic attribution and chronology of early medieval sites of Bancerovschina type in the Upper Dnieper, Dvina and Desna regions is still disputable. The typological analysis of tools and weapons gives some additional data for characteristics of antiquities of Bancerovshchina type. The composition of artifacts shows, that local population of early Iron Age took part in the genesis of antiquities of Bancerovschina type (fig. 6). New types of tools and weapons and their higher quality indicate rapid development of the blacksmith's handicraft. The studies of artifacts shows, that sites of Bancerovshchina type can be dated to the V—VIIIth centuries. A. D. One group of artifacts finds close analogies in the antiquities of the V—Xth centuries from Eastern Lithuanian and Latgalia (fig. 7). The artifacts, connected with Eastern and Western Slavic tribes appear not earlier, than the VIIIth century. The analysis of tools and weapons indicates the Eastern Baltic origin of culture of Bancerovshchina type.

---

[74] В связи с этим точка зрения Э. А. Сымоновича о том, что рассматриваемые памятники не связаны с балтскими культурами Латвии и Литвы, представляется неубедительной; см. *Сымонович Э. А.* Раннесредневековая культура..., с. 26—28.

[75] *Русанова И. П.* Славянские древности VI—VII вв., с. 83; *Загорульский Э. М.* Древняя история Белоруссии. Минск, 1977, с. 70; *Митрофанов А. Г.* Железный век..., с. 123, 124; *Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья.— МИА, 1970, № 163, с. 52; *Шмидт Е. А.* Днепро-двинские племена в I тысячелетии н. э. Автореф. докт. дис. М., 1975, с. 25.

Ю. А. КРАСНОВ

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПЛУГИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Проблема возникновения и ранней истории плуга принадлежит к числу важных и интересных вопросов истории пахотных орудий и земледелия в целом. Появление этого тяжелого и более производительного орудия сделало возможным обработку в широких масштабах новых земель, прежде всего тяжелых и занятых мощной травянистой растительностью, недоступных или малодоступных для обработки ралом, способствовало более эффективной обработке паровых полей, что было особенно важно при трехполье. С появлением плуга связывается важный переломный момент в истории пашенного земледелия, намного приблизивший его к современному культурному земледелию. Не случайно плуг стал символом высокой земледельческой культуры, а его история привлекала и до сих пор привлекает внимание исследователей.

В XIX — начале XX в. для решения вопросов происхождения и ранней истории плугов привлекались главным образом данные этнографии, письменных источников и лингвистики. В последние десятилетия все шире стали использоваться археологические материалы, без учета которых решение этих вопросов вряд ли возможно.

Анализ интересующей нас проблемы применительно к территории Восточной Европы нашел отражение в сравнительно небольшом количестве работ русских и советских исследователей. К сожалению, по многим важнейшим ее аспектам до сих пор существуют серьезные разногласия.

Так, начало распространения плуга в Восточной Европе различные исследователи датируют эпохой черняховской культуры [1], VIII—IX вв. [2], IX—X вв. [3] и даже послемонгольским временем, в частности — XIV—XVI вв. [4] Появление сабана — плуга нерусских народностей Среднего и Нижнего Поволжья — одними авторами относится к периоду не позднее X в. [5], другими — ко времени после монгольского завоевания [6]. Расхождения между крайними точками зрения составляют, таким образом, свыше тысячи лет.

---

[1] *Рикман Э. А.* Находки сельскохозяйственных орудий и зерен злаков на селищах черняховского типа.— КСИИМК, № 77, 1959; *Брайчевський М. Ю.* Біля джерел словъянской державности. Київ, 1964, с. 38.

[2] *Довженок В. Й.* Землеробство древньої Русі. Київ, 1961, с. 73, 74; *Кирьянов А. В.* История земледелия Новгородской земли X—XV вв.— МИА, № 65, 1959, с. 317—319; Возникновение и развитие земледелия. М., 1967, с. 180.

[3] *Зеленин Д.* Русская соха, ее история и виды. Вятка, 1907, с. 111—120.

[4] *Кочин Г. Е.* Сельское хозяйство на Руси в конце XIII — начале XVI в. М., 1965, с. 47; *Чернецов А. В.* О периодизации истории восточнославянских пахотных орудий.— СА, 1972, № 3, с. 140, 144, 147, 148.

[5] *Смирнов А. П.* Волжские булгары. М., 1951, с. 85; *Мухаммедьяров Ш. Ф.* Земледелие в Среднем Поволжье в XV—XVI вв.— В сб.: «Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР», вып. III. М., 1959, с. 106—109; *Кирьянов А. В.* К вопросу о земледелии волжских булгар.— КСИИМК, № 57, 1955, с. 13.

[6] *Зеленин Д.* Ук. соч., с. 89, 120.

По-разному решается вопрос и о происхождении плугов Восточной Европы. Были высказаны точки зрения, что к восточным славянам плуг попал от германцев через посредство западных славян, а из Руси — к тюркоязычным народам Поволжья [7], а также о заимствовании восточнославянского плуга из северных римских провинций [8]. Большинство авторов настаивает на местном, восточноевропейском происхождении как плугов славянского населения [9], так и сабанов [10].

Некоторые авторы считают, что для решения рассматриваемого вопроса данных пока не достаточно, но при этом скептически относятся к тезису о местном происхождении плугов средневекового славянского населения [11]. Недавно была предложена теория, согласно которой восточноевропейские плуги сформировались на месте, в Восточной Европе, но на базе заимствованного с Балкан тяжелого колесного рала [12].

Нет единства и в реконструкциях средневековых восточноевропейских плугов. Большинство авторов, не приводя, впрочем, развернутой аргументации, считают, что они мало отличались по своей конструкции и техническим возможностям от известных в этнографии так называемых украинских (малороссийских) плугов и сабанов [13]. Имеются и другие мнения. В. П. Левашова предполагала, что плуги домонгольской Руси еще не имели отвальной доски, чем объясняется симметричность их лемехов [14]. Но такие орудия по существу должны относиться к группе рал. Г. Е. Кочин рассматривает пахотные орудия, которые в домонгольской Руси назывались плугами, как симметрично работавшие тяжелые колесные рала [15]. Близкой точки зрения придерживается А. В. Чернецов, который реконструирует такие орудия как имеющие две рукоятки, двойной симметричный отвал и кривой грядиль [16]. По его мнению, они не были приспособлены для обработки целинных почв и применялись преимущественно на старопахотных землях. Плуги XIV—XVI в., по мнению А. В. Чернецова, уже имели конструкцию, аналогичную традиционным плугам, засвидетельствованным в Восточной Европе этнографией, но значительно отличались размерами и агротехническими возможностями [17].

Указанные различия во мнениях объясняются не только источниковедческими трудностями, но и различным подходом к весьма скудному материалу, который может быть привлечен для решения проблемы. Попытаемся еще раз проанализировать некоторые спорные вопросы происхождения и ранней истории плугов Восточной Европы.

Очень важен достаточно дискуссионный вопрос о характерных чертах плуга. От его решения зависит выделение тех предметов в археологическом материале, которые могут свидетельствовать о существовании этого пахотного орудия, его археологических признаках.

Этнографические данные о плугах, распространенных в XVIII—XIX вв. в обширной европейской «плужной зоне», показывают большое

---

[7] Там же, с. 112—114, 116, 119, 120.

[8] *Брайчевський М. Ю.* Ук. соч., с. 38, 39.

[9] *Довженок В. Й.* Ук. соч., с. 71, 72; *Кирьянов А. В.* История земледелия Новгородской земли, с. 317—319; Возникновение и развитие земледелия, с. 180.

[10] *Смирнов А. П.* Ук. соч., с. 85; *Кирьянов А. В.* К вопросу о земледелии волжских булгар, с. 11—13; *Мухаммедьяров Ш. Ф.* Ук. соч., с. 106—109.

[11] *Кочин Г. Е.* Ук. соч., с. 50.

[12] *Чернецов А. В.* К вопросу о происхождении восточноевропейского плуга и русской сохи.— Вестн. МГУ, сер. историч., вып. 2, 1972; *его же.* О периодизации..., с. 140, 141.

[13] *Зеленин Д.* Ук. соч., с. 111—120; *Довженок В. Й.* Ук. соч., с. 77, 78; Возникновение и развитие земледелия, с. 180, 181.

[14] *Левашова В. П.* Сельское хозяйство.— В кн.: «История древнерусской деревни X—XIII вв. — Тр. ГИМ, вып. 32, 1956, с. 24, 25.

[15] *Кочин Г. Е.* Ук. соч., с. 47, 48.

[16] *Чернецов А. В.* О периодизации..., с. 140, 141, 144; *его же.* Сцена пахоты на миниатюре Радзивилловской летописи.— КСИА АН СССР, № 160, 1977.

[17] *Чернецов А. В.* О периодизации..., с. 140, 144.

их разнообразие как по устройству функционально важных частей, так и по конструкции скелета. Известны плуги колесные и бесколесные, иногда имевшие башмак вместо колеса, с симметричными или асимметричными лемехами, с фиксированным или переставляющимся отвалом, с горизонтальной или поставленной под углом рабочей частью, с чересломи и без него, прямогрядильные и с искривленным грядилем, с одинарной или раздваивающейся в верхней части рукояткой и с двумя самостоятельными рукоятками, с одинарной или двойной подошвой и т. д. Единственным объединяющим их признаком, отличающим в то же время плуги от рал, является наличие одностороннего отвала, определяющего функциональную особенность этого орудия — способность при обычных условиях работы производить одностороннюю вспашку с частичным или полным оборотом пласта [18]. Все плуги сохраняют в строении своего скелета признаки различных типов рал, с которыми они, очевидно, генетически связаны. Это позволяет четко отчленять их от других орудий, предназначенных для односторонней вспашки — сох-односторонок, различных видов косуль и некоторых других, в генетическом плане связанных не с ралами, а с сохами.

Все этнографические, письменные и иконографические источники рисуют нам плуг как орудие более крупное, чем рало. Недаром в средневековых латинских текстах плуг нередко называется aratrum magnum в отличие от рала, именуемого просто aratrum или aratrum parvum [19]. С этим хорошо согласуется тезис грамоты Великого Новгорода о «черном боре» с новоторжских волостей — «плуг за две сохи» [20].

Все это дает основание считать плугами упряжные пахотные орудия, предназначенные для односторонней вспашки с частичным или полным оборотом пласта, сохраняющие в конструкции своего скелета основные особенности рала, но более крупные по размерам. Таким образом, функционально определяющей плуг деталью будет односторонний отвал, фиксированный или переставляющийся. Важной его особенностью являются сравнительно большие размеры самого орудия и его рабочей части.

С этой точки зрения нельзя считать справедливым широко распространенное мнение, что важнейшей частью плуга является чересло, что оно было изобретено одновременно с односторонним отвалом и не применялось у рал, а наличие чересел в археологическом материале является надежным свидетельством применения плуга [21]. Этнографический и древний иконографический материал убедительно свидетельствуют, что чересла применялись и применяются не только при плуге, но и у многих разновидностей рал. Изобретение чересла относится к тому времени, для которого нет никаких сведений о применении одностороннего отвала у пахотных орудий (конец I тысячелетия до н. э.) [22].

Нельзя принять и точку зрения о том, что небольшие наконечники пахотных орудий, слабо асимметричные или имеющие тенденцию к асимметрии лопасти, известные в археологическом материале Восточной Европы с черняховского времени, якобы являются убедительным свидетельством применения одностороннего отвала, т. е. говорят о наличии уже в этот период настоящего плуга [23]. По размерам, пропорциям, функцио-

---

[18] *Handricourt A. G., Delamarre M. J.-B.* L'homme et la charrue à travers le monde. Paris, 1955.

[19] Например, в познанской грамоте 1262 г. См. *Нидерле Л.* Славянские древности. М., 1956, с. 310, 311.

[20] ГВНП, М.— Л., 1949, № 21, с. 39. См. также: *Кочин Г. Е.* Ук. соч., с. 73, 74.

[21] *Довженок В. Й.* Ук. соч., с. 72; *Горленко В. Ф., Бойко У. Д., Куницький О. С.* Народна землеробска техніка українців. Київ, 1971, с. 42.

[22] *Краснов Ю. А.* К вопросу о существовании плуга у племен черняховской культуры.— КСИА АН СССР, № 128, 1971, с. 4, 5 (там же приведена обширная библиография).

[23] *Рикман Э. А.* Ук. соч.; *Брайчевский М. Ю.* Ук. соч.

нальным возможностям такие наконечники не отличаются от небольших наральников. Их слабая право- или левосторонняя асимметрия легко объяснима неточной работой кузнеца или особенностью применения этих наконечников [24].

Учитывая, что отвалы плугов в древности, как и в недавнем прошлом, изготовлялись целиком из дерева и до наших дней не могли сохраниться, для поисков деталей плугов в археологическом материале нужен иной путь. Думается, что он может быть только один — выделение среди массы железных наконечников пахотных орудий таких, которые, с одной стороны, достаточно четко отличались бы от наральников, а с другой — по своим размерам (и главное пропорциям) были бы сопоставимы с лемехами традиционных плугов, известных в этнографическом материале.

Такие наконечники в археологическом материале Восточной Европы уже давно выделены [25]. Они традиционно называются лемехами: ранние, в основном относящиеся к домонгольскому времени, симметричны, более поздние имеют преднамеренную правостороннюю асимметрию, бесспорно свидетельствующую об употреблении при них одностороннего фиксированного отвала [26]. Непосредственная генетическая связь между симметричными и асимметричными лемехами из археологических находок признается всеми исследователями. Предложены четкие критерии их выделения и расчленения на шесть типов. Известные в археологическом материале наконечники этой группы имеют общую длину (L) 17—37 *см*, массивны, лопасть их шире овальной в сечении втулки. Отличительным признаком, позволяющим четко отличить их от всех других наконечников пахотных орудий из археологических материалов, в том числе наральников, является значительная (12—22 *см*) ширина их втулки (d_1) при отношении общей длины наконечника к его наибольшей ширине (L/d_2) от 1,1 до 1,8 [27]. Только эти наконечники из всех наконечников пахотных орудий Восточной Европы эпохи раннего железа и средневековья могут быть сопоставлены с «этнографическими» плужными лемехами (рис. 1). Только среди них и следует искать наконечники ранних плугов Восточной Европы.

Некоторые исследователи считают плужными лемехами лишь часть таких наконечников, имеющих преднамеренную асимметрию лопасти [28]. С этим мнением трудно согласиться. Из этнографии хорошо известны плуги с односторонним переставляющимся или фиксированным отвалом и симметричными лемехами [29]. О симметричности лемехов ранних плугов, имевших односторонний отвал, свидетельствует средневековая западноевропейская иконография [30]. Следует предполагать, что асимметричная форма лемеха (сначала в виде разностороннего, а затем прямоугольного треугольника) могла сформироваться лишь постепенно, из практики работы симметричного лемеха с односторонним фиксирован-

---

[24] *Краснов Ю. А.* Ук. соч., с. 5—8, 10.

[25] *Маслов В. І.* Рільницке знаряддя і техніка за памъятками Райковецького городища феодальной доби.— Наукові записки ІІМК АН УРСР, 1, Київ, 1937.

[26] *Чернецов А. В.* О периодизации..., рис. 4.

[27] *Краснов Ю. А.* Опыт построения классификации наконечников пахотных орудий по археологическим материалам Восточной Европы.— СА, 1978, № 4, с. 98—113.

[28] *Кочин Г. Е.* Ук. соч., с. 47; *Чернецов А. В.* О периодизации..., с. 140, 142.

[29] Таковые, например, некоторые словацкие и западноукраинские плуги, см.: *Podolak J.* Prišpevok k studiu oracich nastrojov na Slovenske.— Slovenska Narodopis, 1956, № 1, fig. 11, 14; *Urbanzova V.* K wyvoju slovenskeho ornego naradia na materialach z musealnich zbirok.— Slovenska Narodopis, 1960, fig. 48; *Горленко В. Ф., Бойко І. Д., Куницький О. С.* Ук. соч., табл. V, *2*; VII, *2*, а также хорватский «premetnjak», венгерский «valto — eke», бельгийский «Kehrpflug» и др. (*Podolak J.* Op. cit., fig. 71—73).

[30] *Leser P.* Entstehung und Verbreitung des Pfluges. Münster, 1931, fig. 20; *Brandt P.* Schaffende Arleit und bildende Kunst, v. 2. Leipzig, 1928, fig. 18; *Müller S.* Charrue, joug et morts.— Memoires de la societa royale des Antiquites du Nord. Copenhagen, 1902, fig. 3.

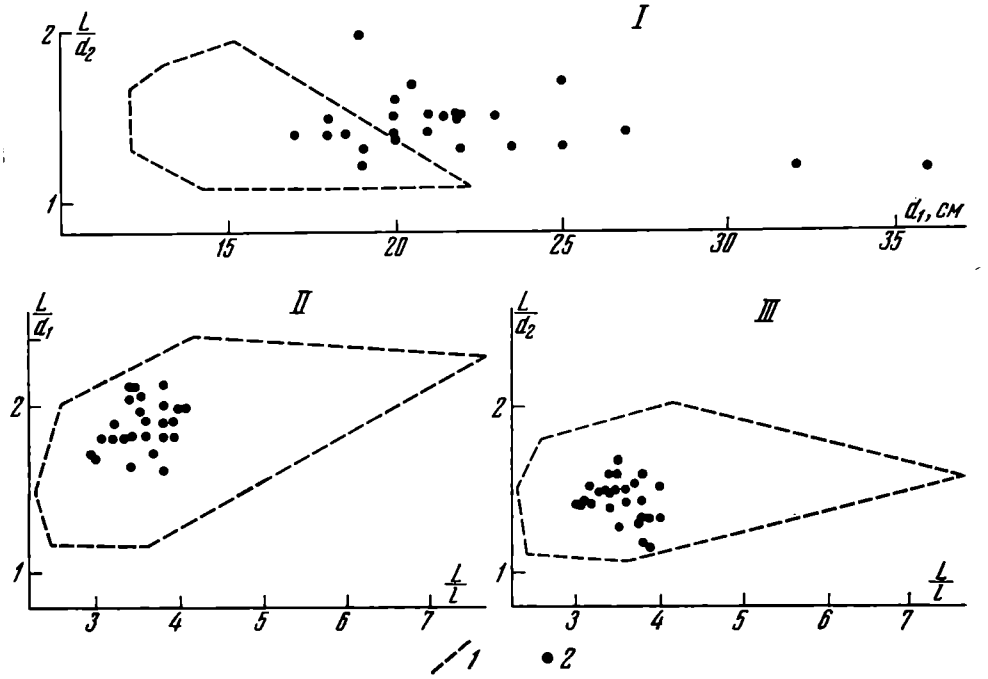


Рис. 1. Плужные лемехи из археологических и этнографических материалов Восточной Европы. I — корреляция отношения общей длины наконечника к его наибольшей ширине (L/d_2) и абсолютной величины средней ширины втулки (d_1); III — корреляция отношений общей длины наконечника к его наибольшей ширине (L/d_2) и общей длины к длине втулки (L/l); II — корреляция отношений общей длины наконечника к ширине втулки (L/d_1) и общей длины к длине втулки (L/l). *1* — крайние пределы указанных отношений для лемехов из археологических материалов; *2* — лемехи из этнографических материалов

ным отвалом. Такой постепенный переход от симметричных к асимметричным лемехам при их сосуществовании в определенный период хорошо прослеживается в восточноевропейском археологическом материале [31]. Уже это дает основание предполагать, что односторонний отвал должен был применяться до появления асимметричного лемеха. По основным измерениям и отношениям между ними [32] симметричные и асимметричные лемехи из археологических находок очень близки между собой (рис. 2), что особенно характерно для одновременных наконечников. Это может являться важным аргументом в пользу того, что те и другие применялись на орудиях, идентичных по своим функциональным и конструктивным признакам.

При такой постановке достаточно просто решается вопрос о времени появления плуга в Восточной Европе. Наиболее ранние симметричные лемехи встречены на памятниках древней Руси, широко датированных XI — началом XIII в. Таковы известные городища Колодяжин, Девичгора, Райковецкое, древний Изяславль и др. Отдельные памятники могут быть отнесены к концу X — началу XIII в., например городище Княжа гора, которое рассматривается как город Родень, упомянутый в летописи под 980 г. [33] Более точная и узкая датировка времени появления рассматриваемых наконечников пока невозможна. Впрочем, нельзя не отметить, что большинство домонгольских лемехов приурочено к слоям

[31] *Чернецов А. В.* О периодизации..., с. 144; *Смирнов Г. Д.* К вопросу о пашенном земледелии в Молдавии в связи с находкой клада сельскохозяйственных орудий XIV в. Тезисы докладов и сообщений 7-й сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Кишинев, 1964.

[32] *Краснов Ю. А.* Опыт построения классификации...

[33] *Довженок В. Й.* Ук. соч., с. 74, 75.

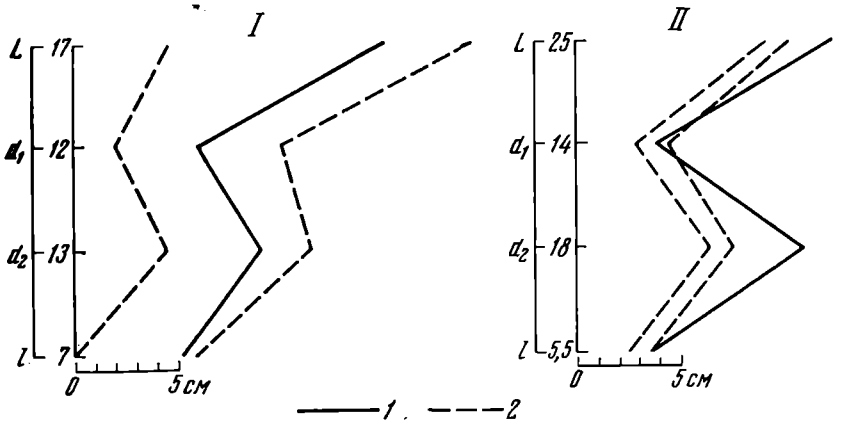


Рис. 2. Соотношение основных параметров для симметричных (*1*) и асимметричных (*2*) лемехов из археологических находок. I — Древняя Русь; II — Волжская Болгария

самого конца рассматриваемого периода. На более ранних памятниках такие находки неизвестны, хотя другие типы наконечников пахотных орудий там имеются.

Вероятно, одновременно появляются симметричные лемехи в Волжской Болгарии, о чем свидетельствуют их находки в широко датированных X — началом XIII в. слоях городищ Хулаш в Татарской АССР [34] и Муромский городок в Куйбышевской обл. [35] Большинство же болгарских лемехов происходит из случайных находок.

Такая датировка появления первых плугов в Восточной Европе вполне согласуется с данными письменных источников. Известно, что наиболее раннее упоминание о плуге содержится в «Повести временных лет», составленной в начале XII в., правда, в отрывке, рассказывающем о событиях 981 г. [36] Плуг наряду с бороной, вероятно, железной, упоминает «Русская Правда», также памятник XII в. Широко распространенный у многих тюрских народов термин «сабан», обозначающий пахотное орудие вообще и плуг в частности, а также его производные впервые зафиксированы в «Диване турецких языков» Махмуда Кашгари (1072—1073 гг.) [37].

Какими же были средневековые плуги Восточной Европы, каковы основные черты их конструкции? Чтобы ответить на этот вопрос, прежде всего познакомимся с устройством традиционных плугов народов, живших на этой территории в XVIII—XIX вв. Плуги эти можно рассматривать как итог длительного развития, начало которого мы должны выяснить.

Все эти плуги имели односторонний отвал, обычно фиксированный, реже переставляющийся, были снабжены колесным передком и обычно чересломом. Их лемехи в большинстве случаев были асимметричными, с различной степенью асимметрии. Симметричные лемехи употреблялись редко, как правило, у плугов с переставляющимся отвалом. Наблюдались значительные различия в размерах самих орудий и их лемехов, а также в количестве впрягаемых в плуг тягловых животных [38]. Все плуги были значительно крупнее рал. Существенные различия наблюдались в устройстве остова или скелета плуга.

[34] *Каховский В. Ф., Смирнов А. П.* Хулаш.— В кн.: «Городище Хулаш и памятники средневековья Чувашского Поволжья». Чебоксары, 1972, с. 65, 71—73.

[35] *Матвеева Г. И.* Отчет о раскопках городища Муромский городок в 1973 г. Архив ИА АН СССР.

[36] ПВЛ, ч. 1, с. 58.

[37] *Besim A.* Divani lugot it türk tercumesi. Ankara, 1939—1941, t. I, p. 402; t. II, p. 214; t. III, p. 342, 416.

[38] *Найдич Д. В.* Пахотные и разрыхляющие орудия.— В кн.: «Русские. Историко-этнографический атлас». М., 1967, с. 51.

Наиболее простыми и близкими по устройству к ралам были плуги с одинарной подошвой, одной рукояткой и прямым грядилем. Полоз и рукоять у них образованы отдельными деталями, между полозом и грядилем имелась стойка. Часто они имели переставляющийся отвал и симметричный лемех. Такие плуги зафиксированы в Прикарпатье, Буковине, на севере Молдавии [39]. Плуги с такой же конструкцией широко распространены в Средней и Западной Европе [40], где они известны и по средневековому иконографическому материалу [41].

Более сложными по устройству были плуги с одинарной подошвой, двумя присоединявшимися к ней рукоятками, прямым грядилем, вставлявшимся в левую рукоять, и стойкой между полозом и грядилем. Эти плуги также известны на западных окраинах рассматриваемой территории [42]. Их ареал уходит далеко на запад [43]. В ряде районов Западной и Средней Европы плуги такой конструкции употреблялись, судя по иконографическим данным, начиная с XIV в. [44]

Принципиально иным было устройство старинных плугов с двойной подошвой, детали которой составляли одно целое с рукоятками, с грядилем, искривленным в горизонтальной и вертикальной плоскости и вставляющимся в левую рукоятку, стойкой между ним и левой деталью полоза. Важнейшей особенностью таких плугов, резко отличающихся от описанных выше, было устройство основы орудия — двойной, состоящей обычно из двух деталей, сочетающих в себе функции рукояти и части горизонтального полоза. Плуг как бы составлялся из двух рал рукояточной конструкции [45], объединенных общим наконечником. Рукояти и части двойного полоза делались из отдельных частей лишь в тех случаях, когда не имелось подходящего материала.

К этой группе относится большинство «этнографических» плугов Восточной Европы: так называемые украинские или малороссийские [46], еще недостаточно изученные русские плуги [47], однолемешные сабаны [48].

---

[39] *Горленко В. Ф., Бойко І. Д., Куницький О. С.* Ук. соч, с. 45, 46, табл. V, *2*; VIII, *2*; *Демченко Н.* Земледельческие орудия молдаван XVIII — начала XX в. Кишинев, 1967, с. 61, рис. 21, *2*.

[40] *Podolak J.* Op. cit., fig. 6, *14*; *Leser P.* Op. cit., fig. 13; 126.

[41] См., например, плуг миниатюры северофранцузской рукописи XII в. (*Müller S.* Op. cit., p. 30, fig. 3.), плуг, изображенный на гербе из Венгрии XV в. (*Belenyesy M.* Der Ackerbau und seine Produkte in Ungarn im 14. Jahrhundert.— Acta Ethnographika, v. IV, № 3—4, 1958, fig. 1).

[42] *Горленко В. Ф., Бойко І. Д., Куницький О. С.* Ук. соч., с. 45, 46, табл. V, *3*, *4*; *Демченко Н.* Ук. соч., с. 60, рис. 17, *5*, *7*.

[43] *Leser P.* Op. cit., fig. 18, 43, 81—82.

[44] См. миниатюры из английской рукописи Lutterel Psalter ок. 1340 г. (*Handricourt A. G., Delamarre M. J.-B.* Op. cit., fig. 145), дрезденского экземпляра рукописи Sachsenspiegel ок. 1390 г. (*Podwinska Z.* Technika uprawy roli w Polsze sredniowiecznej. Warszawa — Wrozlaw — Krakow, 1962, fig. 113), изображение на гербе 2-й половины XV в. из Венгрии (*Belenyesy M.* Op. cit., fig. 3).

[45] *Краснов Ю. А.* Древнейшие упряжные пахотные орудия. М., 1975, с. 62—89.

[46] *Гюльденштедт А.* Описание некоторых в Малой России употребляемых плугов.— Технологический журнал. СПб., 1804, т. 1, ч. 2, с. 7—12, табл. II, *5—6*; *Фрибе В.* Описание плугов, ныне в России употребляемых.— Тр. ВЭО, т. IX, 1808; *Шкотт А.* Описание устройства малороссийских плугов.— Черниговские губернские ведомости, 1856, № 43; *Зеленин Д.* Ук. соч., с. 83—87; *Мамонов В. С.* Старинные орудия для обработки почвы из с. Староселье на Днепре.— СЭ, 1952, № 4, с. 79, 80; *Горленко В. Ф., Бойко І. Д., Куницький О. С.* Ук. соч., с. 46—54, табл. V, *5*; VI; VII, *3*, *4*.

[47] *Бунин Н.* Статистическое описание Усманского у. Тамбовской губ.— ЖМВД, т. XXII, 1836, с. 233; *Цветков Л.* Хозяйство по с. Темниковке Николаевского у. Тамбовской губ.— Зап. Казанского Экономического общества, ч. III. Казань, 1859, с. 50, 51; *Зеленин Д.* Ук. соч., с. 139—141; *Найдич Д. В.* Ук. соч., с. 44, 50.

[48] *Рычков П.* Письма о земледельчестве в Казанской и Оренбургской губерниях.— Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие, 1758, май. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства. СПб., 1795, с. 126, 127; *Паллас П. С.* Путешествия по разным провинциям Российской империи, т. II, кн. 1. СПб., 1806, с. 8,

При различии отдельных деталей устройства общая схема конструкции их была одинаковой. Ареал таких плугов в основном совпадает с Восточной Европой. Вне этих пределов их употребление зафиксировано в некоторых районах Чехословакии [49] и на севере Балканского полуострова [50], где такие плуги имели грядиль, искривленный в вертикальной, а иногда и в горизонтальной плоскости, и применялись наряду с плугами, имевшими иную конструкцию скелета.

Отметим еще одну группу плугов, употреблявшихся в XIX в. в северо-восточных районах Европейской России как нерусским, так и русским населением. Это легкие одноральные сабаны [51] и так называемые лемехи. Основной их частью служила цельная конструкция, сочетающая функции полоза и рукояти. Полоз был обычно высоким и коротким, наконечники — симметричными и асимметричными, грядиль — прямым или изогнутым [52].

Хорошо известно, что традиционные пахотные орудия изменялись медленно. Отсюда можно сделать предположение, что средневековые восточноевропейские плуги по своей конструкции были сходны с зафиксированными этнографией. Однако такое предположение нуждается в более прочном обосновании. Для этого, к сожалению, мы располагаем ограниченным количеством фактов.

Примечательно, что ширина втулки ранних древнерусских и болгарских лемехов, характеризующая ширину передней части деревянного полоза, в 2 раза превышает ширину втулки наконечников рал, употреблявшихся здесь и в соседних районах (рис. 3). В этом главное отличие «археологических» лемехов от наральников. Думается, что это не случайное явление. По западно- и среднеевропейскому материалу такая закономерность не прослеживается. Вполне можно предположить, что средневековые плуги на Руси и в Волжской Болгарии, снабженные такими лемехами, изначально имели двойной полоз и, вероятно, две рукояти, составлявшие одно целое с деталями полоза, а их формирование можно представить как своеобразное «удвоение» рала рукояточной конструкции.

Этот тезис находит подтверждение в изображениях плуга из «Учительного евангелия», изданного в 1637 г. типографией Киево-Печерской лавры [53], и более ранней росписи Воронецкого монастыря в румынской Молдове (1547 г.) [54]. По нашему мнению, двойной полоз имел и плуг, изображенный на известной миниатюре Радзивилловской (Кенигсбергской) летописи. Эта миниатюра, вероятно, восходит к оригиналу первой четверти XIII в. и может характеризовать восточноевропейские плуги домонгольского времени [55].

Условность изображения плуга на миниатюре Радзивилловской летописи, явные ошибки миниатюристов, пассивно копировавших ее с более раннего оригинала, затрудняют точное осмысление устройства изображен-

---

65, 66; *Фирстов Г. В.* Земледельческие орудия восточной полосы России. Казань, 1854; *Зеленин Д.* Ук. соч., с. 87—89; *Мамонов В. С.* Ук. соч., рис. 20; *Найдич Д. В.* Ук. соч., с. 54.

[49] *Urbanzowa V.* Op. cit., fig. 39.

[50] *Leser P.* Op. cit., fig. 119; *Moszynski K.* Kultura ludowa slowian, t. 1. Krakow, 1931, fig. 150.

[51] Известные в этих же районах легкие двуральные сабаны (*Найдич Д. В.* Ук. соч., с. 54, рис. 11, *а*), по нашему мнению, являются своего рода гибридными орудиями, сочетающими в себе признаки однорального сабана и двузубой сохи с перовыми сошниками. Очевидно, они появились сравнительно поздно и для нашей работы интереса не представляют.

[52] *Зеленин Д.* Ук. соч., с. 96—100; *Найдич В.* Ук. соч., табл. VIII, *4*; XVI, *3*, *4*.

[53] Изображение опубликовано: *Горленко В. Ф.* Нариси з історії украинської етнографії. Київ, 1964, с. 50.

[54] Воронец. Фрески XV—XVI вв. (Альбом). Бухарест, 1959, с. 6, рис. 97.

[55] *Арциховский А. В.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944, с. 5; *Чернецов А. В.* Сцена пахоты...

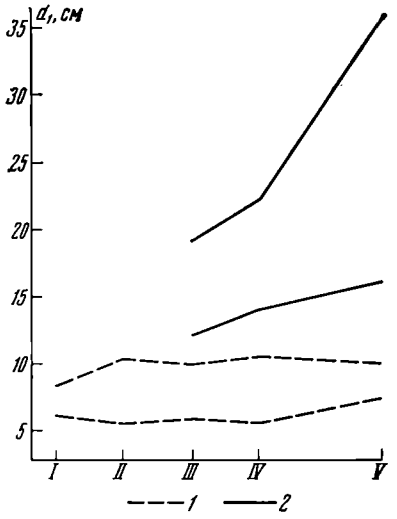


Рис. 3

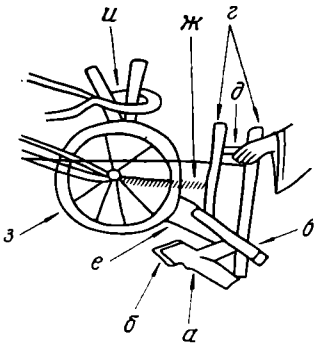


Рис. 4

Рис. 3. Изменение минимальных и максимальных размеров средней ширины втулки у наральников (*1*) и плужных лемехов (*2*) в Восточной Европе. I — первая половина I тысячелетия; II — вторая половина I тысячелетия; III — XI — начало XIII в.; IV — конец XIII—XVI в.; V — XVIII — начало XX в.

Рис. 4. Опыт интерпретации деталей древнерусского плуга по миниатюре Радзивилловской летописи

ного на ней орудия, приводят к различному пониманию его деталей, в конечном итоге — к различному пониманию устройства древнерусского плуга [56]. Все исследователи соглашаются, что здесь изображено орудие, называвшееся в древней Руси плугом. Не вызывает сомнений, что это орудие имело две рукояти (рис. 4, *г*) с перекладиной между ними (рис. 4, *д*), двухколесный передок (рис. 4, *з*) с устройством для поддержания возжей (рис. 4,*и*) и симметричный лемех (рис. 4,*б*). Разногласия касаются таких важных моментов, как наличие или отсутствие на рисунке горизонтального полоза, характер отвального приспособления, характеристика грядиля.

Представляется, что на миниатюре достаточно ясно изображена рабочая часть пахотного орудия, образующая горизонтальный двойной полоз (рис. 4,*а*). В передней части составляющие его детали соединены, на них надет железный наконечник, затем они расходятся, расстояние между ними увеличивается. Столь же значительное расстояние между составляющими полоз деталями в его задней части характерно для ряда плугов Восточной Европы, известных по этнографическим данным [57]. Интерпретация этой части рисунка А. В. Арциховским и А. В. Чернецовым как двойного отвала вряд ли правомерна. Трудно представить, что миниатюристы при всех недостатках в их работе опустили в изображении плуга его важнейшую деталь — рабочую часть. При такой интерпретации оказывается, что отвальные доски присоединены непосредственно к лемеху. Подобное не встречается у плугов ни в этнографическом, ни в иконографическом материале. Наконец, отвал, на наш взгляд, на миниатюре имеется, но он изображен в ином месте. С сожалением приходится констатировать, что рассматриваемая миниатюра не дает представления о том, каково было соединение обеих частей полоза с рукоятками: оно здесь показано явно с большими искажениями, которые могли возникнуть в процессе копирования древнего оригинала.

[56] Ср.: *Podwinska Z.* Op. cit., p. 244, 245; *Арциховский А. В.* Ук. соч., с. 24, 25; *Чернецов А. В.* Сцена пахоты...

[57] *Leser P.* Op. cit., fig. 65—67; *Найдич Д. В.* Ук. соч., с. 51, рис. 10.

Несколько выше полоза, почти параллельно ему изображена еще одна деталь, частично закрывающая на рисунке нижние части обеих рукоятей и выходящая за их пределы слева и справа (рис. 4, *в*). Нам представляется, что именно эта деталь, хорошо видимая на миниатюре, должна рассматриваться как односторонний отвал (в данном случае левосторонний) в виде довольно длинной и узкой доски. Аналогичное изображение односторонних отвалов нередко встречается на средневековых западноевропейских миниатюрах [58].

Считать эту деталь за вторую перекладину между рукоятками, как это сделал А. В. Арциховский, нет оснований: она для плугов не нужна. Против такого предположения говорит и сам рисунок, на котором эта деталь изображена, как уже отмечалось, выступающей за пределы нижней части обеих рукояток.

Одним концом отвал прикреплялся к рукояти (левой), что можно предположить по рисунку. Передним концом он должен был крепиться к стойке между полозом и грядилем. На миниатюре последняя не представлена, хотя у плуга должна быть обязательно. Очевидно, это также ошибка миниатюристов. Но место расположения переднего конца отвальной доски (примерно над серединой длины полоза) вполне согласуется с таким предположением [59].

Трудно судить, как выражен на рассматриваемой миниатюре грядиль, соединяющий основу орудия с колесным передком. На контурном рисунке орудия имеются две штриховые линии, соединяющие обод колеса с нижними концами обеих рукоятей (рис. 4, *е*). А. В. Чернецов предполагает, что это — искаженное изображение грядиля [60]. Тогда грядиль соединялся с рукояткой сравнительно низко, что предполагает искривление его в вертикальной плоскости, обычное для большинства плугов Восточной Европы, известных по этнографическим материалам. Однако при окончательной доработке рисунка от оси колеса к середине правой рукояти была проведена желтая линия, которой не было в контуре (рис. 4, *ж*). Возможно, что грядилем в окончательном варианте рисунка следует считать именно эту хорошо выделенную и ясно видную линию, что согласуется и с расположением отвала слева. Тогда плуг Радзивилловской летописи должен иметь сравнительно высоко расположенное место соединения грядиля с рукояткой, что типично для так называемых русских плугов XVIII—XIX вв. Сам же грядиль мог быть прямым, что по этнографическим данным для этих плугов не было редкостью [61].

Как бы мы ни рассматривали изображение грядиля у пахотного орудия Радзивилловской летописи, ясно одно: по своей конструкции оно было асимметричным, грядиль здесь скреплялся с одной из рукояток этого двухрукояточного орудия. Но такая конструкция предполагает наличие у него одностороннего отвала, который, по нашему мнению, и представлен на рисунке.

Если рассматриваемая миниатюра действительно восходит к оригиналу начала XIII в. (в чем как будто можно не сомневаться), то изображенное на ней пахотное орудие является наиболее ранним в Европе плугом такой конструкции. На западе первые плуги с указанными осо-

---

[58] Например, миниатюры северофранцузской рукописи XII в. (*Müller S.* Op. cit., fig. 3), немецкой рукописи Hortus deliciarum ок. 1170 г. (*Leser P.* Op. cit., fig. 20), немецкий рисунок XV в. (Ibid., fig. 32).

[59] Такое же устройство имел отвал у одного из наиболее ранних восточноевропейских плугов, известных по этнографическим собраниям, из с. Ростоки на Буковине (*Горленко В. Ф., Бойко І. Д., Куницький О. С.* Ук. соч., табл. V, *1*).

[60] Соединение раздваивающегося грядиля с обоими рукоятками неизвестно ни в этнографическом, ни в древнем иконографическом материале и технически маловероятно.

[61] *Найдич-Москаленко Д. В.* О принципах классификации русских пахотных орудий.— СЭ, 1959, № 1, с. 44; *Найдич Д. В.* Пахотные и разрыхляющие орудия, с. 51, рис. 9.

бенностями строения скелета зафиксированы миниатюрами, как уже указывалось, лишь с XIV в.

Изображение плуга с левосторонним отвалом не редкость в средневековой иконографии. Таково, например, изображение плуга из «Учительного евангелия». Учитывая отсутствие лемехов с левосторонней асимметрией лопасти как в археологическом, так и в этнографическом материале Восточной Европы, следует считать левосторонность плугов Радзивилловской летописи и «Учительного евангелия» просто условностью изображения.

Приведенные выше весьма скудные и отрывочные данные все же позволяют предположить, что уже самые ранние плуги Восточной Европы — древнерусские и из Волжской Болгарии — имели односторонний фиксированный отвал и конструкцию скелета, предопределяющую асимметричность работы. Этому не может противоречить первоначальная симметричность лемехов. Важной особенностью этих плугов, отличающей их от западно- и среднеевропейских и сближающей с большинством восточноевропейских «этнографических» плугов, является наличие двойного полоза, части которого, вероятно, составляли одно целое с рукоятками. Таким образом, важнейшие черты конструкции наиболее представительной группы восточноевропейских плугов (с двойной подошвой) из этнографических материалов мы можем констатировать и у ранних плугов рассматриваемой территории.

Переход от симметричных к асимметричным лемехам, начавшийся, по-видимому, еще в конце домонгольского периода и совершавшийся постепенно, следует рассматривать не как свидетельство появления нового типа пахотного орудия, а как усовершенствование самого лемеха, приспособление его к наиболее эффективной работе с односторонним отвалом, появившимся в более раннее время.

Имели ли средневековые восточноевропейские плуги искривленный грядиль? Кривизна грядиля в горизонтальной плоскости позволяла расположить чересло в положении, обеспечивающем отрезание пласта слева от лемеха (при правостороннем отвале, который мы должны предполагать у ранних восточноевропейских плугов). Поэтому она вполне могла быть у самых ранних плугов рассматриваемой конструкции. Однако никаких объективных данных по этому поводу мы не имеем.

Что касается искривления грядиля в вертикальной плоскости, то имеющиеся данные позволяют это отрицать. Во всяком случае нет оснований считать, что такая черта была обязательной для ранних восточноевропейских плугов. Действительно, на упомянутых выше достаточно реалистичных изображениях восточноевропейских плугов XVI—XVII вв. грядиль показан прямым. Такое же предположение можно сделать относительно плуга Радзивилловской летописи.

Вполне возможно, что искривление грядиля в вертикальной плоскости, характерное для большинства (но не всех) «этнографических» плугов рассматриваемой территории, имеющих двойной полоз,— явление сравнительно позднее, связанное не с традицией и происхождением восточноевропейских плугов, как считает А. В. Чернецов [62]. Причины этого скорее чисто технологические: с одной стороны, желание расположить точку скрепления грядиля с основой орудия возможно ниже, с другой — устранить забивание поднятым дерном пространства между чересломи, полозом и грядилем. Эти обстоятельства были особенно важны при вспашке земель с густым травянистым покровом[63]. Не случайно, по-видимому,

---

[62] *Чернецов А. В.* К истории восточнославянских пахотных орудий.— В сб.: Вопросы истории СССР. М., 1972, с. 399—402; *его же.* О периодизации..., с. 142; *его же.* К изучению генезиса восточнославянских пахотных орудий.— СЭ, 1975, № 3, с. 80, 81.

[63] *Зеленин Д.* Ук. соч., с. 84; *Мамонов В. С.* Ук. соч., с. 80; *Горленко В. Ф., Бойко І. Д., Куницький О. С.* Ук. соч., с. 52—54.

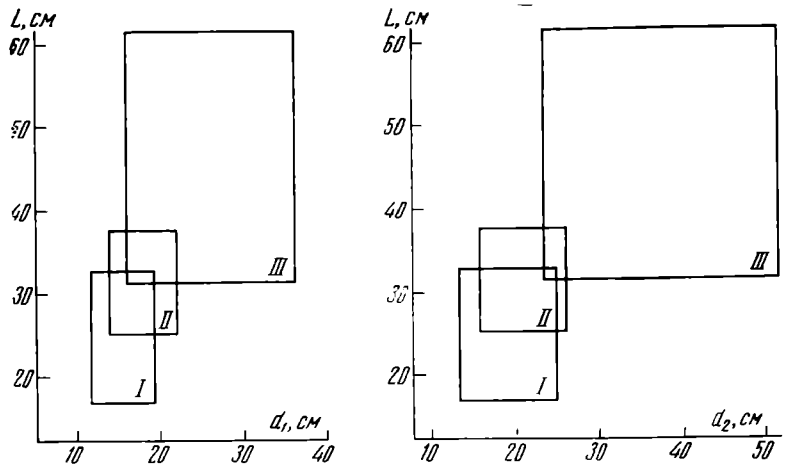


Рис. 5. Абсолютные размеры плужных лемехов по периодам (I—XI — начало XIII в.; II — конец XIII—XVI в.; III—XVIII — начало XX в.). L — общая длина наконечника; d_1 — средняя ширина втулки; d_2 — наибольшая ширина лопасти

степень такой кривизны была очень различной даже у традиционных украинских плугов [64], тогда как у русских грядиль был обычно прямым [65].

Очевидно, средневековые восточноевропейские плуги по своим размерам были меньше многих плугов XVIII—XIX вв. Об этом говорит уже тот факт, что обычно они употреблялись в парной запряжке, как и рала. Запряжка из двух волов или быков изображена на сцене пахоты в росписи Воронецкого монастыря, у плуга из «Учительного евангелия», пароконная упряжка была, вероятно, у плуга Радзивилловской летописи. Плуг с двумя волами упоминает Новгородская кормчая 1280 г. [66] Существенные различия наблюдаются в размерах лемехов и чересел плугов, известных по археологическим данным, и «этнографических» (рис. 5).

Значение последнего обстоятельства не следует, впрочем, слишком преувеличивать. Лемехи со временем увеличивались значительно быстрее, чем размеры самого орудия. У плугов, известных по этнографическим данным, длина лемеха достигает половины длины полоза, считая от его пяты до переднего конца железного наконечника, а иногда бывает и больше. Поэтому на их втулке, а то и на задней части лопасти всегда имеется паз или отверстие для стойки между грядилем и полозом [67]. У «археологических» лемехов такого отверстия никогда не бывает, что свидетельствует о их меньшей длине относительно полоза.

По довольно многочисленным реалистическим изображениям плугов в западноевропейской средневековой иконографии можно установить, что длина лемехов никогда не бывала больше $^1/_3$ общей длины полоза. То же мы видим на изображении плуга в росписи Воронецкого монастыря. Не случайно наибольшие различия «археологических» и «этнографических» лемехов наблюдаются в их общей длине и наибольшей ширине лопасти, значительно меньшие — в ширине втулки, характеризующей ширину передней части полоза [68], и длине чересел, которая дает представление о высоте грядиля по отношению к полозу (рис. 6).

---

[64] *Горленко В. Ф., Бойко І. Д., Куницький О. С.* Ук. соч., с. 52, 54, табл. V, *5*; VI, *4*; *Мамонов В. С.* Ук. соч., рис. 15.

[65] *Найдич Д. В.* Ук. соч., с. 50.

[66] *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным источникам, т. III. СПб., 1903, стб. 971.

[67] *Горленко В. Ф., Бойко І. Д., Куницький О. С.* Ук. соч., табл. VIII.

[68] Судя по этнографическим данным, при необходимости сделать полоз более широким между двумя его основными частями нередко закладывали дополнительный брусок, а все части полоза скрепляли перекладиной (*Мамонов В. С.* Ук. соч., с. 80; *Горленко В. Ф., Бойко І. Д., Куницький О. С.* Ук. соч., с. 46).

Поэтому, на наш взгляд, вполне можно сопоставлять плуги XI—XIV вв. по размерам основных частей с небольшими плугами недавнего прошлого [69]. Но благодаря несовершенству формы лемеха и, вероятно, небольшим размерам отвальной доски, первые по агротехническим возможностям должны были значительно уступать вторым.

Изложенные данные скорее всего подтверждают тезис о местном, восточноевропейском происхождении средневековых плугов восточных славян и волжских болгар. Слишком велики конструктивные различия между ними и одновременными плугами Западной и Средней Европы, о которых дают достаточно полное представление многочисленные

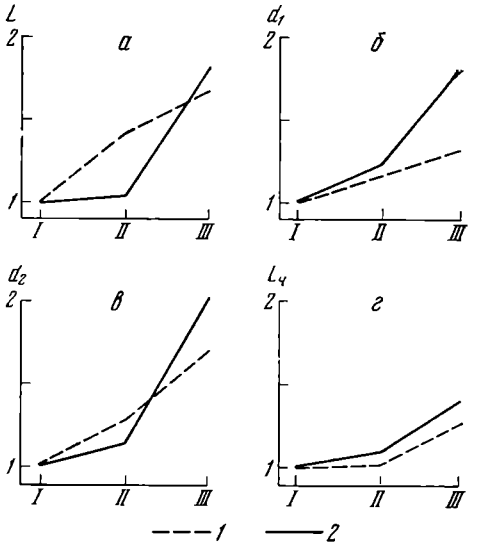


Рис. 6. Изменение размеров железных частей плугов Восточной Европы во времени (за единицу приняты размеры, характерные для XI — начала XIII в.): *а* — общая длина лемехов (L); *б* — средняя ширина втулки лемехов (d_1); *в* — наибольшая ширина лопасти лемехов (d_2); *г* — общая длина чересел ($L_ч$); I—XI — начало XIII в.; II — конец XIII—XVI в.; III—XVIII — начало XX в. *1* — минимальные размеры; *2* — максимальные размеры

миниатюры, чтобы можно было ставить вопрос о заимствовании готового орудия с запада. Действительно, ранние западноевропейские плуги, зафиксированные миниатюристами с конца X—XI в.[70], были однорукояточными (иногда эта одинарная рукоять раздваивалась вверху), с одинарным полозом. Полоз и рукоять чаще всего изготовлялись из отдельных деталей. Такие плуги можно представить как увеличенные в размерах рала (причем различных конструкций), к которым был приспособлен односторонний отвал. Двухрукояточная конструкция с грядилем, вставляющимся в одну из рукоятей, и с одинарным полозом появляется там около начала XIV в.

Восточноевропейские плуги, как мы можем предполагать, изначально были двухрукояточными, с двойным полозом, с асимметричной конструкцией скелета. Они сформировались, очевидно, в результате объединения в одном орудии двух рал рукояточной конструкции, своеобразного их «удвоения», т. е. на основе иного принципа, чем западноевропейские плуги. Указанные различия, судя по этнографическим данным, сохранялись до недавнего времени, свидетельствуя о различных культурно-исторических традициях в изготовлении плугов этих регионов.

Лемехи восточноевропейских средневековых плугов при общем сходстве формы отличаются некоторыми измерениями и пропорциями от крупных симметричных наконечников Средней и Западной Европы, которые можно связывать с плугом (рис. 7). У серии последних не наблюдается того скачкообразного различия по ширине втулки с бесспорными

[69] *Мамонов В. С.* Ук. соч., с. 79, 80.

[70] Наиболее ранние сведения о крупных пахотных орудиях с односторонним отвалом дают миниатюры английских рукописей конца X — начала XI в. Tiberius B V (*Payne F. G.* The Plough in Ancient Britain.— Archeological Journal, v. CIV, 1948, tabl. VII, *a*) и Julius A VI (*Grupp G.* Kulturgeschichte des Mittelalters, v. 2. Padeborn, 1925, S. 41).

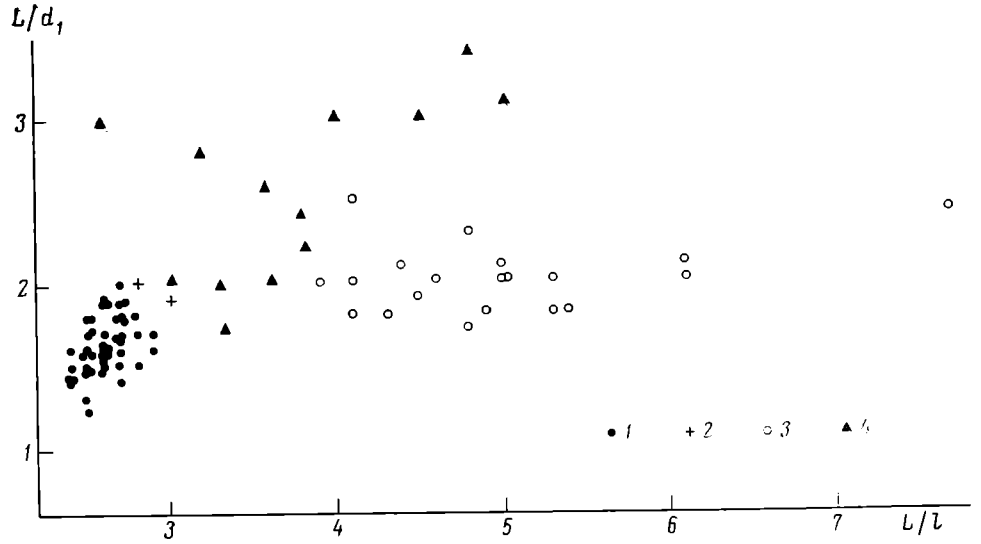


Рис. 7. Симметричные лемехи из археологических материалов Восточной Европы (*1—3*) и крупные симметричные наконечники пахотных орудий позднего римского времени и средневековья из различных районов Средней, Западной и Южной Европы (*4*). Корреляция отношений общей длины к средней ширине втулки (L/d_1) и общей длины к длине втулки (L/l). *1* — древняя Русь; *2* — Прикамье; *3* — Волжская Болгария; *4* — Средняя, Западная и Южная Европа

наральниками, которое имеется у восточноевропейских лемехов (см. рис. 3). Это также может быть расценено как показатель различных традиций, а также различий в устройстве полоза.

Выступая против предположения о местном происхождении восточноевропейских пахотных орудий, оснащенных симметричными лемехами, А. В. Чернецов указывал на отсутствие переходных форм между этими последними и предшествовавшими во времени широколопастными наральниками [71]. Учитывая предложенную гипотезу о формировании восточноевропейских плугов путем «удвоения» рал, таких переходных форм, как в Западной и Средней Европе, и не должно быть: различия в ширине полоза рал и плугов были скачкообразными. Тем не менее определенное сходство уловить можно: бесспорна близость общей формы и ряда ее деталей, частично пересекаются общая длина и длина втулки, некоторые основные отношения, характеризующие пропорции наконечников. Легко объяснимы указанной гипотезой существенные различия в ширине втулки и наибольшей ширине лопасти, а также в основных соотношениях, в которые входят эти параметры.

Домонгольские симметричные лемехи из памятников русских славян и волжских болгар не одинаковы: весьма существенны различия в пропорциях (рис. 7), болгарские лемехи несколько крупнее по абсолютным размерам. Выясняется, что первые проявляют черты сходства с одним определенным типом широколопастных наральников, распространенным на восточнославянской и некоторых соседних территориях (тип IB2 по предложенной нами классификации) [72], а болгарские — с другим типом (тип

[71] *Чернецов А. В.* О периодизации..., с. 142.

[72] *Краснов Ю. А.* К вопросу о построении классификации... В этот тип объединяются наральники из следующих памятников: селище Сахновка (Черкасская обл., VI—VII вв.), городище Пастырское (Черкасская обл., VII—VIII вв.), селище Пеньковка (Кировоградская обл., VIII—IX вв.), Шуклинское городище (Курская обл., VIII—X вв.), Цимлянское правобережное городище (Ростовская обл., VIII—IX вв.), городище Хотомель (Брестская обл., VIII—IX вв.), Шмырево (Курская обл., случайная находка), селище Лебедка (Орловская обл., IX—X вв.), городище Битица (Сумская обл., VIII—X вв.), Новотроицкое городище (Сумская обл., VIII—X вв.), городище Супруты (Тульская обл., VIII—X вв.), городище Княжа гора (Чер-

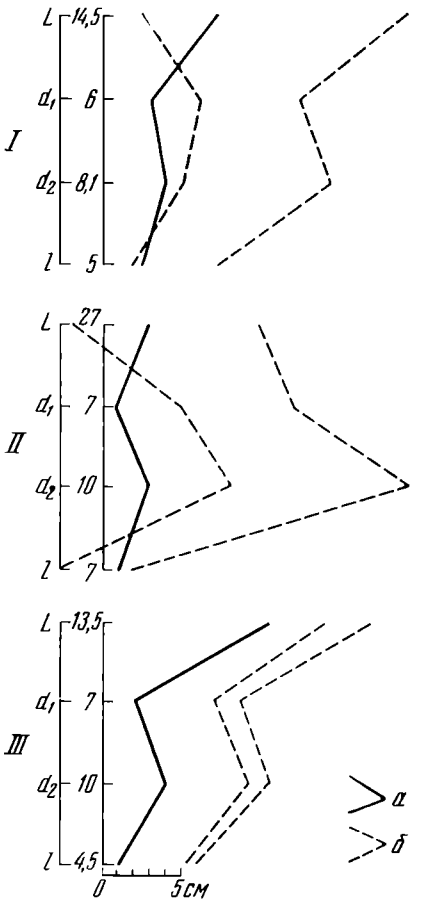


Рис. 8. Соотношение основных параметров широколопастных наральников различных типов (*а*) и симметричных лемехов (*б*) из археологических материалов Восточной Европы. I — наральники типа IB2 и симметричные лемехи из восточнославянских земель; II — наральники типа IB3 и симметричные лемехи из Волжской Болгарии; III — наральники типа IB4 и симметричные лемехи из Прикамья. L — общая длина наконечников; d_1 — средняя ширина втулки; d_2 — наибольшая ширина лопасти; l — длина втулки

IB3 указанной классификации), представленным на некоторых памятниках салтовского круга[73] (рис. 8, *I*, *II*). По-видимому, такое сходство должно рассматриваться как генетическое. Тогда можно говорить об известной самостоятельности возникновения плуга у русских славян и волжских болгар на базе различных разновидностей рал с полозом, оснащенных широколопастными наральниками, но на основе одного и того же принципа «удвоения» рала.

Выделяется третий тип (тип IVB3) симметричных лемехов, появившийся не ранее XIV в. в Прикамье[74]. Немногочисленные наконечники этого типа, характеризующиеся округлой формой рабочего края и некоторым своеобразием в пропорциях, хорошо увязываются с распространенными на той же территории широколопастными наральниками[75]. Такое сопоставление (рис. 8, *III*) показывает, что оснащенные этими лемехами плуги, вероятнее всего, не имели двойного полоза. По-видимому, они представляли собой просто увеличенное в размерах рало с приспособленным к нему односторонним отвалом. Эти плуги можно считать предшественниками легких однолемешных сабанов и так называемых «лемехов», еще в XIX в. бытовавших на северо-востоке Европейской России.

Говоря о местном происхождении восточноевропейских плугов, даже о самостоятельном их возникновении в отдельных регионах Восточной Европы, мы имеем в виду лишь самостоятельность технического воплощения идеи асимметрично работающего крупного и тяжелого пахотного орудия, предназначенного для вспашки с оборотом пласта. Это не снимает вопроса о заимствовании такой идеи извне. Но для решения вопроса в такой постановке мы по существу не имеем конкретных данных.

касская обл., XI—XIII вв.), городище Червонное (Винницкая обл., X—XI вв.), городище Леплява (Черкасская обл., XI—XIII вв.), Белая церковь (Киевская обл., XI—XIII вв.) и некоторые другие.

[73] Такие наральники известны на Правобережном Цимлянском городище (*Плетнева С. А.* От кочевий к городам. М., 1967, рис. 38, *9*), городище Маяки и некоторых других памятниках.

[74] Наконечники из случайных находок у д. Чазевой бывшей Пермской губернии, бывшей Верх-Иньвенской волости той же губернии и в некоторых других пунктах Прикамья (*Спицын А. А.* Древности камской чуди по коллекции Теплоухова.— МАР, № 26, 1902, табл. XXX, *11*, *12*).

[75] Наральники, объединенные в этот тип (IB4) известны среди находок на Кыласовом городище, городищах Донды-кар, Весья-кар, Бигер-шай, а также из случайных находок.

Yu. A. Krasnov

MEDIEVAL PLOUGHS OF EASTERN EUROPE

Summary

Many aspects of the problem of the origin and early history of Eastern European medieval ploughs are still disputable. This can be explained not only by insufficiency of source material, but also by different approach to this scanty data. The author comes to the conclusion, that among archaeological finds from Eastern Europe only large symmetrical and asymmetrical shares can be considered the points of plonghs. The analysis of different sources (archaeological finds, ikonographic and ethnographic materials) leads to the supposition, that even the earliest East European ploughs, that appeared in Russia and in Volga Bulgaria in the XI — early XIIIth centuries had double sole representing a part of complex detail, also including handles, one-sided fixed mould-board and such framework, that predetermined the asymmetry of work (junction of plough — bean with one handle). These features are also characteristic for the majority of the East European ploughs of later periods. The specific of the East European ploughs, which can be conjectured from the earliest stages of their development, lets the author suppose independent origin of the technological tradition of manufacturing these artifacts in Eastern Europe. The difference between ploughshares from Eastern Slavic land and from the territory of Volga Bulgaria, and also single finds of symmetrical ploughshares from the Kama region lets the author suppose the origin of ploughs in this regions of Eastern Europe on the basis of different variants of wooden ards of so called spade-ard construction.

Н. А. КИРЬЯНОВА

О СОСТАВЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ КУЛЬТУР ДРЕВНЕЙ РУСИ X—XV ВВ.

(по археологическим материалам)

Большое значение среди археологических материалов по истории земледелия Древней Руси имеют находки зерен растений, позволяющие восстановить состав культур и его изменения. Наибольшее число находок с зерном обнаружено на памятниках северо-запада и запада Древней Руси. Основная часть этих находок исследовалась в лаборатории естественнонаучных методов Института археологии АН СССР. Эти материалы и являются предметом рассмотрения.

Почти все зерна найдены обугленными. Большинство их хорошо сохранило форму. Однако встречаются зерна деформированные, поверхность которых покрыта раковинами различной величины, микрорельеф нарушен. Определение таких зерен затруднительно, но они составляют очень незначительную часть найденного материала. У части зерен (например, у овса, пленчатого ячменя) иногда сохраняются пленки. Хорошо сохраняют свой цвет и форму сгнившей зерновки необугленные пленки проса. Зерна проса, побывавшие в огне, спекаются в пористую массу, в которой заметны обуглившиеся пленки. Семена сорняков также обугливаются.

Количество находимых при раскопках зерен очень различно. Они встречаются единицами при зачистке слоя или небольшими скоплениями. Но иногда обгорелое зерно залегает пластом на месте сгоревшей постройки.

Около половины всех находок содержат зерна нескольких культур. Вряд ли верно объяснять такие находки существованием смешанных посевов, как это делают некоторые исследователи [1]. Если смесь зерен яровых культур и можно было бы отнести к смешанным посевам, то найденные вместе зерна яровых злаков, озимой ржи и бобовых культур объяснить наличием таких посевов невозможно. Скорее всего, зерна смешивались случайно при пожарах или последующем выравнивании площадей при новом строительстве.

При исследовании зерна производится его видовое определение. В каждой находке подсчитывается количество зерен различных культур. Зерна проса или пшена, спекшиеся в комки, а также остатки раздробленных пленок проса подсчету не поддаются. В ряде находок содержатся зерна других культур в спекшемся состоянии, но их количество крайне невелико. Размер таких находок исчисляется в $см^3$. При дальнейшей обработке результатов определений спекшиеся зерна, а также зерна пшена, проса и его пленки принимаются в расчет только при вычислении процента

[1] *Голубович В., Голубович Е.* Кривой город — Вильно.— КСИИМК, № 11, 1945, с. 126.

встречаемости каждой из культур в зерновых материалах. В количественном сравнении зерен по культурам они не учитываются. Все эти подсчеты позволяют выяснить количество находок, содержащих зерна каждой из культур, а также количественное соотношение зерен различных культур в определенный хронологический период. Эти данные могут указывать на значение культур в хозяйстве.

Определение видового состава семян сорняков, найденных среди зерен культурных растений, помогает решить ряд важных вопросов. Прежде всего удается с большой долей вероятности выяснить, выращено найденное зерно в районе, климатически и почвенно близком месту находки, или привезено из другой зоны. Принадлежность зерна с небольших городищ [2], таких, как, например, Изборск, местному земледелию не вызывает сомнений. Выяснение места произрастания найденного зерна особенно важно для находок из раскопок городов. На ранних этапах развития городов связь их жителей с сельским хозяйством прослеживается вполне определенно [3]. С известной уверенностью решать вопрос о месте произрастания зерна, найденного в городе, мы можем для находок, содержащих кроме зерен культурных растений семена сорняков. Таких находок в районах северо-запада и запада Древней Руси насчитывается несколько более половины от общего числа. Для решения поставленного вопроса важное значение имеет изучение сложившегося в определенном районе состава сорняков. Проведя сравнение наиболее распространенных сорняков Новгородской обл. в настоящее время и видового состава сорняков, встреченных среди зерновых находок древнего Новгорода, А. В. Кирьянов пришел к выводу, что найденное зерно выращено на полях Новгородской земли [4].

Исследованные в последние годы зерна пшеницы и ржи из археологических находок Новгорода, Изборска, Пскова, Торопца и памятников Белоруссии содержат как примесь семена куколя, подмаренника, пикульников, горца вьюнкового, смолевки, костров, бородавника обыкновенного, метлицы обыкновенной, мари белой, щавеля кислого, василька синего. Все эти сорняки в определителях отмечены как наиболее распространенные в центральном и западном районах Европейской России [5].

Вместе с рожью из Смоленска (XIV в.) найдены семена костров ржаного и полевого, бородавника обыкновенного, подмаренника, мари белой, горца вьюнкового, щавеля кислого и пикульника. Все эти сорняки встречены среди амбарной массы зерна Смоленской губернии [6].

Для определения места произрастания зерна важно не только наличие тех или иных сорняков, но и отсутствие некоторых из них. Так, среди зерновых материалов северо-запада и запада Руси только один раз встречены семена сорняка круглеца метельчатого. В Старой Руссе в слое XIII в. среди пленок проса найдены два семечка этого сорняка. Изданные недавно определители ареалом его называют всю Европейскую территорию [7]. Но более ранние работы отмечают его распространение на се-

---

[2] *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. М., 1956, с. 68.

[3] Там же, с. 67.

[4] *Кирьянов А. В.* История земледелия Новгородской земли X—XV вв.— МИА, № 65, 1959, с. 331 сл.

[5] *Симонович Л. Г., Михайловская В. А., Козловская Н. В.* Краткий определитель сорных растений Белоруссии. Минск, 1969; *Мальков Ф. И.* Материалы по сорной растительности Белорусской ССР.— Тр. по прикладной ботанике, генетике и селекции, 1927—1928, т. XVIII, вып. I. Л., 1928; *его же.* Сорняки Ленинградской области и меры борьбы с ними. Л., 1944.

[6] *Алексеев Я. Я.* Картина засоренности крестьянской ржи Смоленской губернии. Смоленск, 1926; *Биленко Р.* Определение района происхождения зерна по семенам сорных растений.— В сб. Вопросы обследования урожая и качества зерна СССР. М., 1927.

[7] *Доброхотов В. Н.* Семена сорных растений. М., 1961, с. 242.

вер только до Московской обл.[8] В некоторых определителях зоной распространения круглеца метельчатого названы районы степи и лесостепи[9]. Интересно распространение этого сорняка в археологических материалах других памятников. Его семена найдены в зерне Старой Рязани, Любеча, Изяславля, городищ Болгары, Липинского, Золотаревского, Жокинского[10], т. е. в южных памятниках центральной таежно-лесной области, в ее лиственно-лесной зоне серых лесных почв, и в области лесостепи. В то же время на Устюженском городище, расположенном в одной почвенной зоне с изучаемыми памятниками, но в восточной ее части, среди большого количества видов сорняков, характерных для этой территории, семян круглеца метельчатого не обнаружено. Приведенные сравнения позволяют предположить, что в Старой Руссе найдены остатки пленок проса, выращенного в более южных районах.

На всех памятниках, где встречены семена круглеца метельчатого, они содержатся не во всех, но в большом количестве находок. Там найдено также зерно, содержащее сорняки, распространенные на всей территории Восточной Европы. Возможно, среди зерна северо-запада и запада, содержащего сорняки, характерные для всей Восточной Европы, есть какое-то количество зерна, привезенного с юга, но оно должно быть очень невелико, так как при той распространенности специфически южных сорняков, какая наблюдается среди зерновых материалов лиственно-лесной зоны и лесостепи, столь ничтожное их количество на северо-западе и западе (одна находка) свидетельствует о том, что основную массу найденного там материала составляет зерно, выращенное в районах, по климату и почвам близких месту находок.

Кроме района происхождения зерна, удается выяснить форму возделываемой культуры по составу сорняков ряда находок. Все определители указывают несколько специфических сорняков озимой ржи — костер ржаной и метлица обыкновенная[11]. Зерна ржи, среди которых найдены эти сорняки, можно считать принадлежащими посевам озимой формы культуры. На основании присутствия в зерне именно этих сорняков определена форма ржи из находок Новгорода[12] и Прибалтики[13].

Уже было сказано, что наибольшее количество зерновых материалов Древней Руси найдено при раскопках памятников северо-запада и запада ее территории, входивших в состав Новгородской, Смоленской, Полоцкой и частично Киевской (Турово-Пинская волость) земель[14]. Вся изучаемая территория расположена в бореальном (умеренно холодном) поясе, в его центральной таежно-лесной области, в таежно-лесной с преобладанием подзолистых почв зоне этой области[15]. В изучаемый период изменений в процессах почвообразования не происходило. Растительные зоны имели в прошлом почти те же границы, что и в настоящее время, хотя внутри этих границ произошли за историческое время некоторые изменения, вызванные деятельностью человека. Работами климатологов выяснено, что

---

[8] *Мальцев А. И.* Распространение в России важнейших видов полевых сорных растений.— Тр. по прикладной ботанике, 1909, т. 2, № 5, 6, 7, с. 294.

[9] *Рыжов Н. И.* Семена сорных растений, часто встречающиеся в посевах. М., 1939, с. 46.

[10] Зерно хранится в лаборатории естественно-научных методов Института археологии АН СССР.

[11] *Мальков Ф. И.* Сорняки Ленинградской области..., с. 30; *Доброхотов В. Н.* Семена сорных растений, с. 126, 147; *Мальцев А. И.* Распространение в России..., с. 261, 263.

[12] *Кирьянов А. В.* История земледелия..., с. 328 сл.

[13] *Расиньш А. П.* Материалы к истории культурных и сорных растений на территории Латвийской ССР до XIII в. н. э.— В сб.: Растительность Латвийской ССР. Рига, 1958, т. II, с. 129, 136.

[14] *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951.

[15] Почвенно-географическое районирование СССР. М., 1962, с. 51 сл.

«в основных своих чертах климат в наше время остается таким же, каким он был в начале нашей эры» [16]. Сравнение величины вегетационного периода, суммы активных температур и количества осадков изучаемой территории [17] с требованиями зерновых хлебов, предъявляемыми к почве и климату [18], показывает, что зона благоприятна для возделывания сельскохозяйственных культур и обеспечивает выращивание одного урожая в год [19].

При раскопках на 35 памятниках рассматриваемого района (рис. 1) собраны зерновые материалы V—XV вв. В настоящее время они являются основой изучения состава земледельческих культур указанной территории Руси [20].

Основное количество найденного зерна относится к X—XV вв. и рассматривается по двум историческим периодам: X — первая половина XIII в. и вторая половина XIII—XV в. Заслуживает внимания и рассмотрение зерновых находок второй половины I тысячелетия н. э., периода, предшествовавшего образованию Древнерусского государства.

Материалы этого времени найдены на семи памятниках (рис. 1, табл. 1). Найденные зерновые находки невелики, но на их основании довольно четко вырисовывается состав земледельческих культур и их соотношение в находках, что в известной мере может указывать на их соотношение в посевах. На первом месте по распространенности стоит пшеница, зерна мягкой пшеницы найдены на шести памятниках, на двух, кроме того, встречены зерна полбы. Ведущее положение среди зерновых культур на территории лесной полосы Восточной Европы пшеница начинает занимать только в эпоху раннего железа. До этого господствующей культурой был ячмень [21]. В изучаемый период ячмень, видимо, также занимал важное место в посевах. Он встречен на четырех памятниках, на двух из них он преобладает в находках.

Важной культурой для западных районов являются кормовые бобы. В основном это мелкоплодные бобы. Их зерна найдены в материалах четырех памятников. Несколько меньшее значение в находках имеет горох. Особенно много бобовых культур обнаружено на Банцеровском городище, где они являются преобладающими среди всех зерен.

Большой интерес представляют находки зерен проса. Они встречены на Банцеровском городище, на городище у дер. Близнаки, а также в Старой Ладоге в слоях середины VIII — начала IX в. и IX—X вв. В последнем памятнике на комках земли были найдены необгорелые зерновки и колосковые чешуи проса. Кроме пленок там найдена просяная солома растения, принадлежавшего разновидности метельчатого проса. Находка целого растения свидетельствует о местной его культуре. Вероятно, найденное просо относилось к форме развесистого проса, которое наименее требовательно к почве и имеет меньший вегетационный период [22]. На четырех памятниках найдено очень небольшое количество зерен овса. Эти находки не дают возможности считать овес самостоятель-

---

[16] *Турчанович Л. Ф.* Леса Европейской части СССР в прошлом.— Землеведение, 1950, т. III, с. 83, 103; *Хромов С. П.* Колебания климата и современное потепление.— «Природа», № 1, 1956, с. 27.

[17] Почвенно-географическое районирование..., с. 75.

[18] *Прянишников Д. Н.* Растения полевой культуры. М., 1922, с. 33, 42; *Прянишников Д. Н., Якушкин Н. В.* Растения полевой культуры. М., 1936, с. 44; Сб.: Зерновые культуры, М.— Л., 1954, с. 200.

[19] Почвенно-географическое районирование..., с. 75 сл.

[20] Определение зерна ряда памятников проведено в различных лабораториях. Более 400 находок с 22 памятников обработаны в лаборатории естественно-научных методов Института археологии АН СССР А. В. Кирьяновым и Н. А. Кирьяновой. Пользуясь случаем, хочу выразить благодарность исследователям, предоставившим зерновые материалы для работы.

[21] *Краснов Ю. А.* Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М., 1971, с. 14 сл.

[22] *Прянишников Д. Н., Якушкин Н. В.* Растения полевой культуры..., с. 207.

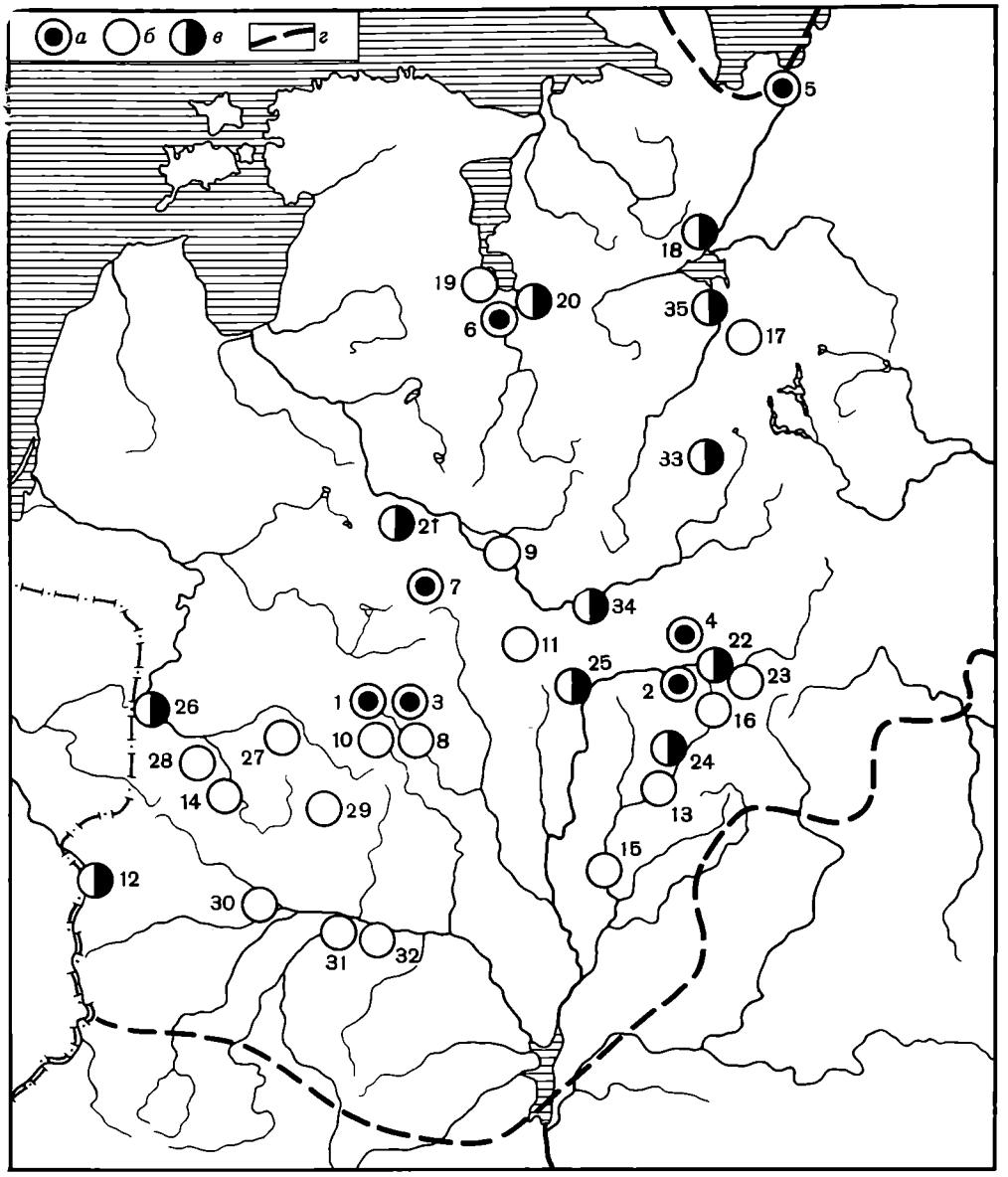


Рис. 1. Карта находок зерен культурных растений: *а* — находки V—IX вв.; *б* — находки X — первой половины XIII в.; *в* — находки X—XV вв.; *г* — границы таежно-лесной с преобладанием подзолистых почв зоны центральной таежно-лесной области. *1—35* — пункты находок зерен; номера на карте соответствуют номерам в табл. 1, 2, 5

ной культурой. Вероятнее всего, в тот период он являлся в основном засорителем посевов ячменя и пшеницы. Во всяком случае единичные зерна овса в материалах с городища у дер. Близнаки обнаружены только с зернами этих культур. Остатки семян льна и льняной ткани, а также семян конопли свидетельствуют о знакомстве земледельцев с этими прядильно-масличными культурами.

Большой интерес представляют находки зерен ржи. На территории северо-запада и запада лесной зоны в материалах трех памятников они встречены в очень небольшом количестве. Столь небольшие находки не дают оснований говорить о самостоятельных посевах ржи. Все эти зерна обнаружены среди зерен яровых культур. Видимо, они также принадлежат яровой форме ржи, произраставшей среди посевов других культур. Можно предположить, что первые самостоятельные посевы этой культуры также были яровыми.

Таблица I

Находки зерен на памятниках второй половины I тысячелетия н. э.

№ на карте	Памятники	Рожь	Пшеница		Ячмень	Овес	Просо	Бобы	Горох	Вика	Конопля	Лен
			мягкая	полба								
1	Городище Загорцы		+									
2	Городище у дер. Демидовка	+	+		++	·		+				
3	Банцеровское городище		+				+	++	+	+		
4	Городище у дер. Близнаки	·	+		+	·	+	+	+			
5	Городище Старая Ладога	·	+	++	·	·	+					+
6	Городище Камно		+	+	+	·		+	+		·	
7	Городище Свила I	+										
	Всего	4	6	2	4	4	3	4	3	1	1	1

Примечание. Номера памятников в таблицах (1, 2, 5) и на карте (рис. 1) соответствуют номерам в приложении. «+» — наличие зерен культуры в находках; «++» — преобладание зерен культуры в находках; «·» — находки единичных зерен культуры.

Совершенно особый интерес представляют находки, полученные при раскопках городища Свила I в Глубокском р-не Витебской обл.[23]. Там в сосуде и хозяйственной яме было найдено скопление хорошо сохранившихся зерен ржи, датируемых IX в. На основании находок среди сорняков этой ржи семян вики озимой авторы публикации считают возможным отнести ее к озимой форме культуры. Находка на городище Свила I — пока первая на территории лесной зоны Восточной Европы, свидетельствующая о наличии посевов озимой ржи в IX в. По характеру представленного в ней материала эта находка ближе материалам следующего периода.

Аналогичный состав земледельческих культур известен по раскопкам в Прибалтике памятников того же времени, географически близких приведенным выше и расположенных в сходных почвенно-климатических условиях. На этих памятниках чаще всего встречаются зерна ячменя, на многих из них они составляют основную массу. На территории Латвии ячмень был основной культурой, преобладая до X в.[24]. Пшеница несколько уступала ячменю, но встречена на большинстве памятников середины и второй половины I тысячелетия н. э.[25].

Широко распространены в западных районах находки кормовых бобов. Они найдены на ряде памятников Прибалтики[26]. На Бискупинском городище (в Польше) находки зерен кормовых бобов относятся еще к IV—III вв. до н. э.[27]. При раскопках городища Церковище (Смоленская обл.), датируемого концом I тысячелетия до н. э.— первыми столетиями н. э., также найдены зерна кормовых бобов[28]. Ботаники считают, что в нашу страну бобы проникли с запада[29].

Просо в Прибалтике также встречено на ряде памятников, но всегда в небольшом количестве. Как считает А. П. Расиньш, эта культура на территории Латвии не имела в питании населения большого значения, а после XIII в., очевидно, не культивировалась[30]. Вероятнее всего, что

---

[23] *Коробушкина Т. Н., Митрофанов А. Г.* Археалагічны помнік расказвае.— «Помнікі гісторыі культуры Беларусі», № 4, 1975.

[24] *Расиньш А. П.* Материалы к истории..., с. 139, табл. I; с. 128.

[25] Там же, табл. I.

[26] Там же.

[27] *Расиньш А. П.* Культурные и сорные растения в материалах археологических раскопок на территории Латвийской ССР.— Тр. Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции, I, прил. 2. М., 1959.

[28] Определения А. В. Кирьянова.

[29] *Муратова В. С.* Бобы.— Культурная флора СССР, т. IV. М., 1937. с. 85.

[30] *Расиньш А. П.* Материалы к истории..., с. 130.

Таблица 2

Находки зерен на памятниках X – первой половины XIII в.

№ на карте	Памятники	Рожь	Пшеница	Ячмень	Овес	Просо	Бобы	Горох	Вика	Чечевица	Гречиха	Конопля	Лен
8	Минск	++	+	+	+	+	+	+	+			+	+
9	Полоцк	++	+	+	+	+							+
10	Строчицкое городище	++	+	+									
11	Лукомль	++	+	+	+	+		+	+				
12	Брест					+						+	
13	Кричев	++	+	+	+	+		+			+		
14	Слоним	+				+	+	+					+
15	Чечерск							+					
16	Ковшаровское городище		+	+	+								
17	Городище Княжова Гора	+	+	+	·			+					
18	Новгород	++	+	+	+	+	+	+		+		+	
19	Изборск	++	+	+	+	+	+	+		+		+	+
20	Псков	++	+	+	+		+			+			
21	Браслав	++	+	+	+						+		
22	Смоленск	++	+	+	+	+							+
23	Городище у д. Воротнино	·	·	+									
24	Мстиславль	+	++	+	+		+					+	
25	Друцк	+	+	++	+	+	+	+		+		+	+
26	Гродно	++	+	+	+	+	+	+			+		
27	Новогрудок	+	++	+	+	+		+				+	
28	Волковыск	++	+	+	+	+	+	+		+		+	
29	Клецк	+	++	+	+		+	+		+			
30	Пинск	++	+	+	+	+							
31	Давид-Городок	++				+							
32	Туров	++	+			+				+			+
	Всего	22	21	20	18	16	10	13	2	7	3	8	7

просо занесено в изучаемые районы с востока, где оно широко распространено и где насчитывается наибольшее число разводимых сортов [31].

В памятниках Прибалтики встречаются и единичные зерна овса, которые А. П. Расиньш относит к овсюгу и считает, что с определенностью отделить его в находках V—IX вв. от овса не представляется возможным [32]. Остатки льна в Прибалтике найдены только с IX в., хотя остатки льняной ткани в могильниках зафиксированы раньше [33]. Семена конопли в памятниках этой территории встречаются в более позднее время [34]. Рожь в прибалтийских памятниках появляется, видимо, с III—IV вв. н. э. Почти все находки ее очень невелики. Только на городище Габриелишки рожь найдена в довольно большом количестве. На основании изучения материалов Прибалтики А. П. Расиньш считает, что это была яровая рожь, являвшаяся засорителем ячменя [35].

Рассмотренные материалы показывают, что на территории северо-запада и запада лесной зоны Восточной Европы, которая с IX в. вошла в состав Древнерусского государства, в предшествующий период был известен широкий состав земледельческих культур. Те же культуры были распространены и на соседних территориях. Новыми среди них явля-

[31] *Прянишников Д. Н.* Растения полевой культуры, с. 99.
[32] *Расиньш А. П.* Ук. соч., с. 129.
[33] Там же, с. 131.
[34] Там же, с. 132.
[35] Там же, с. 129.

лись рожь и овес. На раннем этапе вхождения в культуру они, видимо, были сорняками посевов пшеницы и ячменя. Период второй половины I тысячелетия н. э. можно, таким образом, считать временем появления этих культур на изучаемой территории. И только для конца периода на основании находок на городище Свила I можно с определенностью говорить о самостоятельных посевах ржи.

Зерновые материалы северо-запада и запада Древней Руси X — первой половины XIII в. представлены к настоящему времени находками с 26 памятников (рис. 1). Анализ находок свидетельствует о том, что земледельцы возделывали зерновые культуры, известные в предшествующий период (табл. 2). Но их зерна в находках представлены несколько в ином соотношении. Основной культурой стала рожь, ее зерна найдены в подавляющем большинстве находок (табл. 3). Этой же культуре принадлежит наибольшее число зерен из памятников, относящихся к домонгольскому периоду Древней Руси (табл. 4) [36]. Рожь, которая в предшествующий период встречена в нескольких памятниках и в очень небольшом количестве, становится широко распространенной культурой в материалах всех памятников, давших зерновые находки этого времени. По зерновым материалам X в. Изборска с определенностью можно уже говорить о возделывании озимой ржи. Среди ее зерен встречены семена костра ржаного, типичного сорняка озимой формы этой культуры, приспособившегося к развитию в ее посевах и имеющего с ней одинаковый цикл развития.

После ржи второе и третье места занимают ячмень и пшеница. В изучаемых районах ячмень с давних пор является распространенной культурой, немного уступая мягкой пшенице. По общему количеству зерна ячмень в домонгольский период также немного уступает мягкой пшенице. Но зерен пшеницы найдено немногим больше, чем ячменя, и встречены они в меньшем числе находок. Пшеница, как и ячмень, издавна известна на территории северо-запада и запада лесной зоны и зафиксирована в наибольшем числе пунктов [37].

Четвертое место по встречаемости в находках занимают зерна овса. Овес, как и рожь,— культура молодая, о ее самостоятельном возделывании на имеющихся в настоящее время материалах X в. можно говорить с достаточной уверенностью.

Пшеница, ячмень и овес — культуры яровые. В отдельные периоды наблюдается преобладание в находках той или иной из них, хотя проценты встречаемости их в находках X — первой половины XIII в. довольно близки и отличаются от процента находок, содержащих рожь. Интересно отметить, что среди всех памятников выделяется район Друцка, где в течение XI—XIII вв. в находках преобладают яровые культуры. Расположенные недалеко Мстиславль и городище у дер. Воротнино также дают преобладание яровых культур в большинстве находок. В материалах Смоленска XIII в., правда, преобладает рожь, но находки второй половины столетия содержат в наибольшем количестве зерна овса. В ряде других памятников в отдельные периоды также преобладают в находках яровые культуры. Так, в Клецке в трех находках XI—XII вв. зерна пшеницы мягкой составляют 91,6% всего зерна. В том же памятнике в слое XII в. пшеницы найдено в 3 раза больше, чем ржи, хотя обе культуры встречены во всех находках. Количество зерен пшеницы в находках Новогрудка XII в. в 4 с лишним раза превышает находки ржи,

---

[36] Процент встречаемости зерен культур в находках и процентное отношение количества зерен (табл. 3 и 4) вычислены по данным определений лаборатории естественно-научных методов ИА АН СССР, имеющимся к настоящему времени, так как опубликованные материалы, как правило, не содержат необходимых для таких подсчетов данных. При вычислении соотношения количества зерен находки проса не учитываются.

[37] *Краснов Ю. А.* Раннее земледелие..., с. 14 сл.

Таблица 3

Количественное соотношение находок с зернами различных культур

Время	Рожь		Пшеница		Ячмень		Овес		Просо		Горох		Бобы	
	количество находок	%	количество находок	%	количество находок	%	количество находок	%	количество находок	%	количество находок	%	количество находок	%
X – первая половина XIII в.	132	79,5	99	59,6	103	62	87	52,4	31	12	34	20,4	23	13,8
Вторая половина XIII–XV в.	202	84,1	148	61,6	143	59,6	164	68,3	19	7,9	55	22,9	12	5,0

Таблица 4

Количественное соотношение зерен культур в находках

Время	Рожь		Пшеница		Ячмень		Овес		Просо		Горох		Бобы	
	количество зерен	%	количество зерен	%	количество зерен	%	количество зерен	%	количество зерен	%	количество зерен	%	количество зерен	%
X – первая половина XIII в.	509 954	39,8	343 856	26,68	322 818	25,2	60 433	4,72	275 + пленки	0,02	10 025	0,78	1 281	0,1
Вторая половина XIII–XV в.	2 494 502	56,9	652 629	14,9	612 375	14,0	541 689	12,3	пленки комки		26 853	0,6	11 400	0,26

и это при том, что рожь встречена во всех находках, а пшеница только в половине. Все приведенные данные говорят о том, что, по-видимому, яровые культуры занимали в посевах периода домонгольской Руси важное место.

Довольно большой процент находок X — первой половины XIII в. содержит зерна гороха, кормовых бобов и мелкосемянной чечевицы. Зернобобовые встречены почти во всех более западных памятниках территории. Восточные памятники таких материалов не дают. Это объясняется, возможно, не только тем, что бобовые культуры более характерны для западных районов, но и тем, что с восточных памятников основная масса зерновых материалов относится к более позднему времени. Четкие изменения прослеживаются в количестве находок проса. Как было сказано выше, во второй половине I тысячелетия н. э. оно было широко распространено на изучаемой территории. В период домонгольской Руси просо встречено в меньшем количестве находок. Семена льна найдены в семи памятниках. В таком же числе памятников и в небольшом количестве обнаружены семена конопли, но эти находки распределяются по всей рассматриваемой территории. На трех памятниках встречены зерна гречихи.

Зерновые материалы Прибалтики, особенно Латвии, также показывают, что с XI в. рожь становится и в этих районах наряду с ячменем преобладающей культурой. Сорняки, найденные во ржи этого периода, подтверждают возделывание озимой ее формы [38]. Мягкая пшеница в находках Латвии стоит по количеству на третьем месте. Найдено некоторое количество зерен полбы-двузернянки, которая известна в этом районе уже с начала н. э., но существенного значения в посевах не имела. Четвертой культурой по количеству являлся овес. В памятниках Латвии о его появлении можно говорить не позже XI в., но пока там нет ни одного образца, в котором эта культура преобладала бы [39].

Просо встречено в Латвии в небольших количествах и, видимо, не играло в земледелии значительной роли [40]. Горох наиболее часто встречается в образцах после XI в. Бобы в находках Прибалтики достоверно известны с VII—VIII вв. В материалах XI—XIII вв. они часто представлены мелкоплодной формой [41]. Конопля найдена в двух образцах с городища Талси, датируемого XI—XIII вв. Семена льна встречены с IX в.[42]. Зерновые находки Эстонии и Литвы дали тот же состав возделывавшихся культур [43].

Более южные по отношению к изучаемой территории памятники, например Райковецкое городище [44] и городище Изяславль [45], расположенные в лиственно-лесной зоне серых лесных почв, в зерновых материалах также имели значительное количество зерен пшеницы и ячменя и преобладание в большинстве находок ржи.

В слоях Суздаля XII в. встречены зерна перечисленных зерновых культур [46]. В Старой Рязани в материалах первой трети XIII в., содержавших пленки проса, зерна овса, пшеницы мягкой, гороха и ржи, последние составляли 95% общего количества [47].

---

[38] *Расиньш А. П.* Материалы к истории..., с. 129.
[39] *Расиньш А. П.* Материалы к истории..., с. 129.
[40] Там же, с. 130.
[41] Там же, с. 130 сл.
[42] Там же, с. 131, 132.
[43] *Расиньш А. П.* Культурные и сорные растения..., прилож. 2; *Куликаускас П. З.* Некоторые археологические данные о древнейших злаках, выращиваемых на территории Литовской ССР.— Тр. АН ЛитССР, серия А, I. 1955, с. 85.
[44] *Гончаров В. К.* Райковецкое городище. Киев, 1950.
[45] Определения А. В. Кирьянова.
[46] Определения Н. А. Кирьяновой.
[47] *Даркевич В. П.* Раскопки на южном городище Старой Рязани (1966—1969 гг.).— В сб.: Археология Рязанской земли. М., 1975, с. 25.

Зерновые материалы как с изучаемой территории, так и из близлежащих районов рисуют одинаковую картину состава и соотношения зерновых культур в находках. Везде совершенно четко вырисовывается главная роль ржи в этот период. Близко к ней по значению подходят ячмень и пшеница, попеременно занимая второе и третье места по количеству зерна на подавляющем большинстве памятников. Везде отмечены находки зерен овса, но его роль еще не очень велика. Определенное место занимает и просо, хотя его значение в зерновых запасах уменьшается по сравнению с предыдущим периодом.

Находки зерен второй половины XIII—XV вв. собраны с 11 памятников в основном на севере и востоке рассматриваемой территории Руси, где было найдено зерно и в предшествующий период. Основной культурой в находках по-прежнему является рожь (табл. 5), ее зерна найдены на десяти памятниках. В большинстве из них рожь преобладает в находках.

На втором месте по встречаемости (табл. 3,5) стоит овес. Материалы одинакового числа памятников содержат зерна пшеницы и ячменя. Количество зерен этих культур и число находок, их содержащих, очень близки. В материалах ряда памятников содержатся зерна гречихи и проса, а также зернобобовые и прядильно-масличные культуры.

На близлежащих территориях зерновых находок изучаемого периода известно крайне мало. В Прибалтике, например, на городище Вильно в слое пожарища XIV в. обнаружены зерна тех же широко распространенных культур: ржи, пшеницы, ячменя и овса [48]. Для времени XIV—XV вв. особое значение приобретают данные письменных источников, где встречаются частые упоминания возделывавшихся хлебов [49]. Летописи при описании неблагоприятной погоды или в связи с записями цен на хлеб в неурожайные годы называют те же основные земледельческие культуры [50], которые известны по археологическим находкам.

Рассмотренные выше зерновые находки с памятников северо-запада и запада лесной зоны позволяют проследить изменения в составе культур на протяжении десяти веков. Видовой состав хлебов в изучаемом районе тот же, что и на широкой близлежащей территории зоны. На основании подсчетов встречаемости зерен в находках и их абсолютного числа с большой долей достоверности можно судить о степени распространенности каждой из культур в земледелии различных периодов.

Таким образом, первый период (V—IX вв.), предшествующий образованию Древнерусского государства, характеризуется широким распространением в земледелии районов северо-запада и запада пшеницы мягкой, ячменя и проса, возделыванием кормовых бобов, гороха, льна, конопли и появлением в составе культур ржи, видимо, первоначально яровой. Находки на городище Свила I позволяют предположить появление в посевах конца периода ржи озимой формы.

Материалы X — первой половины XIII в. свидетельствуют о наличии прежнего состава культур и о расширении количества посевов озимой ржи, что доказывается увеличением числа находок этой культуры, содержащих и озимые сорняки. Но 39,1% находок с зерном этого периода семян сорняков не содержат, и судить о форме ржи в таких материалах трудно. Какое-то количество зерен могло принадлежать и яровой ржи. Дальнейшая работа над зерновыми материалами, возможно, позволит более определенно отнести найденные даже без сопутствующих сорняков зерна ржи к яровой или озимой форме. Во всяком случае без учета формы ржи можно с определенностью отметить, что ее зерна встречают-

---

[48] *Голубович В., Голубович Е.* Кривой город — Вильно, с. 119.

[49] Материалы для терминологического словаря древнерусских памятников. Составитель Кочин Г. Е., М.— Л., 1937.

[50] Псковские летописи, вып. 1, 2. М., 1955, с. 64, 65, 71, 73, 83.

Таблица 5

Находки зерен на памятниках второй половины XIII–XV вв.

№ на карте	Памятники	Рожь	Пшеница	Ячмень	Овес	Просо	Бобы	Горох	Чечевица	Гречиха	Конопля	Лен
33	Торопец	++	+	+	+	+	+	+	+		+	+
34	Витебск									+		
35	Старая Русса	+										
12	Брест	+										
18	Новгород	+	+	+	+	+		+		+	+	
21	Псков	++	+	+	+		+					
22	Браслав	++	+	+	+			+		+		
23	Смоленск	++	+	+	+	+	+	+			+	+
25	Мстиславль	++	+	+	+	+	+	+		+	+	
26	Друцк	+	++	+	+	+	+	+		+	+	+
27	Гродно	++			+					+	+	+
	Всего	10	7	7	8	5	5	6	1	6	6	4

ся в большинстве находок периода домонгольской Руси и по числу занимают первое место при определенном колебании количества зерен других культур, в ряде памятников и в отдельные периоды дающих большее, чем рожь, число зерен. Главные культуры предыдущего периода (пшеница и ячмень) оказываются тем самым оттесненными на второе-третье места. Кроме ржи начинает чаще появляться в зерновых материалах другая новая культура — овес, встречаясь в общей сложности за весь период более чем в половине находок, что свидетельствует о расширении ее посевов.

Во второй половине XIII—XV в. четко продолжается тенденция предыдущего периода: рожь по встречаемости прочно стоит на первом месте, несколько увеличивая даже процент находок, содержащих ее зерна. К XV в. довольно сильно увеличилось количество находок с овсом. Эта культура по встречаемости выходит на второе место, еще более оттеснив старые яровые культуры.

Интересно проследить изменения количественного соотношения главных зерновых культур по двум последним периодам (табл. 4). Наибольшее число зерен в оба периода принадлежит ржи. Но сумма зерен трех яровых культур в первый период почти в 1,5 раза превышает количество зерен ржи. Во второй период картина меняется: рожь одна дает зерна больше, чем все три культуры вместе взятые. Ее зерна составляют более половины всего материала.

Второе и третье места занимают соответственно пшеница и ячмень. Заметна близость количественных показателей этих культур в каждый из периодов и одинаковое их уменьшение со временем. Четвертое место занимает овес, но во второй период его количество выросло более чем в 2,5 раза, приблизившись к другим яровым культурам. Хорошо заметны изменения в количестве находок проса. До IX в. оно было культурой довольно распространенной, в последующее время начинается уменьшение количества его находок от периода к периоду.

Из приведенных сравнений видно, что на рубеже I и II тысячелетий происходят изменения в составе хлебов: появляются две новые культуры (рожь и овес), которые постепенно входят в состав возделываемых и все более прочно занимают свое место в посевах, оттесняя ранее широко распространенные пшеницу, ячмень и особенно просо. Подобные изменения были характерны и для близлежащих территорий.

Таким образом, по зерновым материалам, представленным в статье, удается проследить появление и постепенное распространение новых культур земледелия.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЛИТЕРАТУРА
К КАРТЕ И ТАБЛ. 1, 2, 5

1. *Якубцинер М. М.* К истории культуры пшеницы в СССР.— МИЗ, т. II. М.— Л., 1956.
2. *Шмидт Е. А.* Некоторые археологические памятники Смоленщины второй половины I тысячелетия н. э.— МИА, № 108, 1963.
3. *Фляксбергер К.* Зерны з Банцараускага гарадзішча пад Менскам.— Працы сэкцыі археалогіі, т. III. Менск, 1932; *его же.* Семена культурных растений VI—VIII вв. из-под Минска.— «Природа», 1929, № 5. *Митрофанов А. Г.* Банцеровское городище.— «Белорусские древности». Минск, 1967.
4. Зерна хранятся в лаборатории естественно-научных методов ИА АН СССР. Определения А. В. Кирьянова и Н. А. Кирьяновой.
5. *Якубцинер М. М.* О составе зерновых культур из Старой Ладоги.— КСИИМК. LVII, 1955; *его же.* К истории культуры пшеницы... *Сизов И. А.* К истории культуры льна в СССР.— МИЗ, т. II, М.— Л., 1956. *Равдоникас В. И.* Старая Ладога.— СА, XII, 1950; *Петров А. В.* Растительные остатки культурного слоя Старой Ладоги.— КСИИМК, XII, 1945.
6. 23, 24, 30, 32, 34. Определения А. В. Кирьянова.
7. *Коробушкина Т. Н., Митрофанов А. Г.* Археалагічны помнік расказвае.— Помнікі гісторыі і культуры Беларуси, 1975, № 4.
8. *Тарасенко В. Р.* Древний Минск.— Матер. по археологии БССР, 1957, I; *Загорульский Э. М.* Археология Белоруссии. Минск, 1965; *Коробушкина Т. Н.* Земледелие на территории Белоруссии в X—XIII вв. Канд. дис. ВГБ им. В. И. Ленина. Дк $\frac{78-7}{89}$. 1977.
9. *Загорульский Э. М.* Археология Белоруссии; *Коробушкина Т. Н.* Земледелие на территории Белоруссии...
10. *Коробушкина Т. Н.* Земледелие на территории Белоруссии...
11—13. Там же.
14. *Пех Г. И.* Раскопки древнего Слонима.— «Древности Белоруссии», Минск, 1966.
15. *Коробушкина Т. Н.* Земледелие на территории Белоруссии...
16. *Фляксбергер К.* Хлебные зерна из Ковшаровского городища Гриневской волости Смоленского уезда.— В кн.: *Лявданский А. Н.* Некоторые данные о городищах Смоленской губернии. Смоленск, 1926.
17. *Кирьянов А. В.* История земледелия Новгородской земли X—XV вв.— МИА, № 65, 1959.
18. *Кирьянов А. В.* История земледелия...; определения Н. А. Кирьяновой.
19, 20, 27, 29, 35. Определения Н. А. Кирьяновой.
21. *Кирьянов А. В.* Зерна хлебных растений из раскопок древнего Браслава.— КСИА АН СССР, № 81, 1960.
22, 33. Определения А. В. Кирьянова и Н. А. Кирьяновой.
25. *Кирьянова Н. А.* О находках зерен сельскохозяйственных культур при раскопках городища Друцк.— СА, 1972, № 3.
26. *Кирьянов А. В.* Материалы по истории земледелия из раскопок в Гродно.— МИА, № 41, 1954.
28. *Кирьянова Н. А.* Материалы по земледелию из раскопок Волковыска.— «Древности Белоруссии». Минск, 1969.
31. *Лысенко П. Ф.* Раскопки городища древнерусского Давид-Городка в 1967 г.— «Древности Белоруссии». Минск, 1969.

N. A. Kiryanova

ON THE ASSORTMENT OF THE CULTIVATED PLANTS IN THE ANCIENT RUSSIA OF THE X—XV CENTURIES

Summary

Archaeological investigations of sites in the north-west and west of Ancient Russia gave many finds of grain, which substantively enlarged the data about agriculture of this region in the V—XV centuries. Nowadays grain was found at 35 sites of this region. The composition of weeds, found in the grain leads to the conclusion, that the most part of the grain was producted in the same soil-climatic zone. The gradual change in the composition of corn is traced during three historical periods. The agriculture before the emergence of the Ancient Russian state (the V—IX centuries) is characterised by wide spreading of wheat, barley and millet, appearance of rye and oats, initially, evidently as weeds to spring corn. By the end of the period crops of winter rye appear. Besides these cultures, the farmers knew beans and oil-bearing plants. In the Pre-mongol period (the X — first half of the XIII century) the composition of cultures was generally the same. The rye predominates, but the importance of spring cultures is still great: in some regions they make the most part of the found grain. Grains of buckwheat begin to appear. The second half of the XIII — XV centuries is the period of further increase of the role of rye and oats while the composition of cultures remains the same. The finds of wheat, barley and millet decrease noticeably. The number of rye grains in the finds is more than the number of all the spring cultures.

В. Л. ЯНИН

О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ЮЖНЫХ УСАДЕБ НЕРЕВСКОГО РАСКОПА В НОВГОРОДЕ

Изучение топографии найденных на Неревском раскопе берестяных грамот позволило установить, что расположенные по западной стороне Великой улицы у ее перекрестка с Козмодемьянской усадьбы «Д» и «И» в XIV в. и в первой половине XV в. были собственностью боярской семьи Онцифоровичей. Здесь концентрировались письма, адресованные представителям шести поколений этой семьи, начиная от Варфоломея и кончая Андреяном и Никитой — внуками Юрия Онцифоровича. Усадьба «Д», где при Юрии был построен каменный терем, находится на северной стороне, а усадьба «И» — на южной стороне Козмодемьянской улицы. Принадлежала Онцифоровичам и усадьба «Е» на северной стороне Козмодемьянской улицы за перекрестком ее с Великой; на ней обнаружены грамоты, адресованные братьям Юрия — Максиму и Афанасию Онцифоровичам [1] (рисунок).

Что касается усадьбы «К», расположенной на том же перекрестке в его юго-восточном секторе, и едва тронутого раскопками двора к югу от усадьбы «И», тяготеющего уже к Разваже улице, их принадлежность остается совершенно неясной. Между тем этот вопрос имеет принципиальное значение. Неустановленные владельцы южных усадеб могут принадлежать к числу тех же Онцифоровичей, но они так же могут быть представителями совершенно иных боярских родов. В первом случае уже исследованные усадьбы Онцифоровичей окажутся только частью значительного массива единого городского землевладения. Во втором — объем такого землевладения ограничится тремя усадьбами. Иными словами, от правильного ответа на этот вопрос зависит и представление об особенностях структуры родового боярского гнезда, этой немаловажной ячейки средневекового Новгорода. Попытка определения принадлежности указанных усадеб в первой половине XV в. и предлагается в настоящей статье.

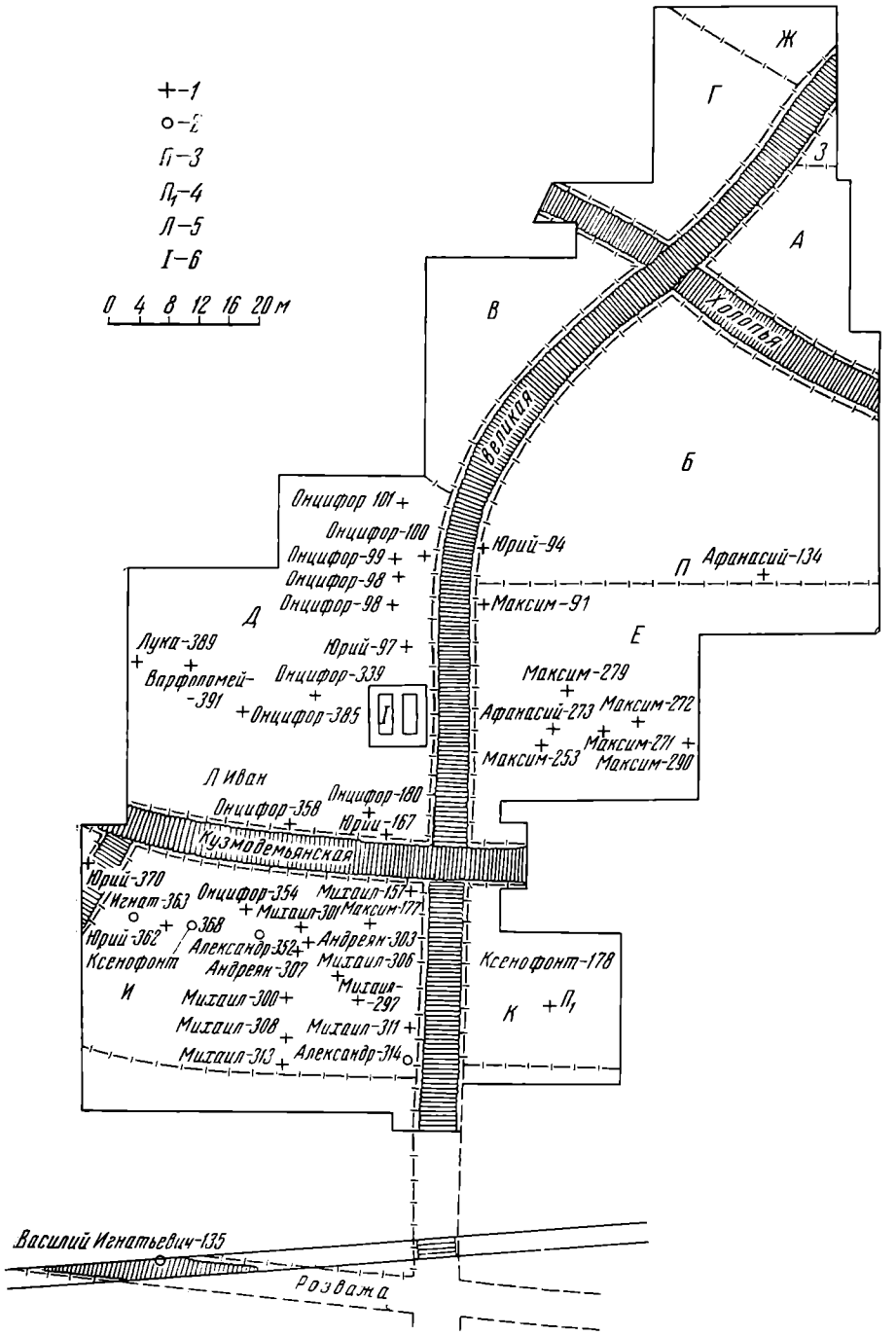
В 1955 г. на усадьбе «К» в слоях 7 яруса (дендрохронологическая дата: 1382—1396 гг.) была найдена берестяная грамота № 178 со следующим текстом: «Поклон от Синофонта ко брату моему Офоносу. Буди тоби сведомо, купиле есомъ перво Максима Ещерски уезд и Замолмовсови и свое сироти в Симовли, а на Хвоини. А Максиме, Иване Широки ту же быле» [2].

Издавший эту грамоту А. В. Арциховский локализовал упомянутое в ней земельное владение в Никольском Будковском погосте Вотской пятины, где расположены р. Ещера (Ящера) на всем протяжении ее тече-

---

[1] *Янин В. Л.* Заметки о новгородских берестяных грамотах.— СА, 1965, № 4; *его же.* Очерки комплексного источниковедения.— В сб.: Средневековый Новгород. М., 1977, с. 150—181.

[2] *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.) (далее — НГБ (1955)). М., 1958, с. 62—64.



Расположение на Неревском раскопе берестяных грамот и других предметов, связанных с Мишиничами: *1* — берестяные грамоты Варфоломея, Луки, Онцифора и потомков последнего; *2* — берестяные грамоты Матфея и его потомков; *3* — печать Максима Онцифоровича; *4* — печать Василия Никитича; *5* — ложка Ивана Варфоломеевича; *6* — каменные палаты Юрия Онцифоровича

ния и оз. Хвойно. Хвойно находится в нижнем течении Оредежа — правого притока Луги. Ящера — также правый приток Луги, следующий за Оредежем вниз по ее течению. Топонимы «Замолмовсови» и «в Симовли» А. В. Арциховским идентифицированы не были, и это побудило А. В. Кузу и А. А. Медынцеву предложить иную разбивку грамоты № 178 на слова: «...И замолви слово свое. Сироти вси, молви, а на Хвоини...». Столь

очевидное насилие над текстом привело в недоумение самих авторов новой интерпретации. «Не совсем понятно,— пишут они,— почему Офонос должен сказать о том, что все «сироти» — крестьяне находятся на озере Хвойне и где были Максим и Иван Широкий — на озере или при заключении сделки» [3].

Между тем вопрос о значении слова «Замолмовсови» решается достаточно просто обращением к материалам по Никольскому Будковскому погосту в писцовой книге 1500 г., в которой имеется следующее суммарное описание интересующей нас волостки: «А угодья тое волостки озеро Хвойно, а сквозе его течет река Аредеж, а ловят в нем всякую рыбу белую неводом; да в Моллосове озере половина, а ловля в нем неводная же» [4]. Очевидно, что «Замолмовсови», которое следовало бы читать «за Молмовсови», является искажением правильного «за Моллосовом», т. е. «за (озером) Моллосовом».

Сложнее обстоит дело с истолкованием слов «в Симовли». Такого селения писцовая книга не знает, хотя описание Никольского Будковского погоста в ней отличается редкостной полнотой. Разумеется, речь здесь может идти о какой-то деревне, исчезнувшей к моменту составления «старого письма». Однако, если это так, останется непонятным, почему «сирот» Ксенофонт купил только в Симовли и на Хвойне, но не в Ещерском уезде и не за Моллосовом озером. Не приобретал же он там пустоши, заброшенные неизвестно куда подевавшимися крестьянами! Поэтому правильнее, на мой взгляд, высказать осторожное предположение о гаплографической ошибке Ксенофонта, который должен был написать «и свое сироти вси Максимовли», но буквы «си» в слове «вси» продолжил окончанием имени Максима в притяжательной форме. Возможно и другое толкование: «всимовли» — вместо «вси ловли», коль скоро неводные ловли отмечены писцовой книгой и в Моллосовом озере, и в Хвойне.

В конечном счете толкование этого трудного места не так важно для общей характеристики исторического значения рассматриваемого документа. Более важным представляется рассмотрение самих купленных Ксенофонтом волосток и их дальнейшей судьбы.

В эти владения, как уже было показано, входят Ещерский уезд, пространство за Моллосовом озером и оз. Хвойно. Все эти места подробно описаны в писцовой книге 1500 г., которая сообщает имена не только новых, московских помещиков, но и всех владельцев тамошних деревень новгородской независимости.

Ещерский уезд в этой книге описан как единая «великого князя волостка Олександровская Самсонова, да Ивановская Петрова, да Яковльская Коробова» со следующим распределением по владельцам. Александру Самсонову в ней принадлежали деревни: Ещера на р. Ещере (с Погорельской на Лузе пожней), Кушкино над оз. Кущинским (половина деревни числилась за Кузьмой Фефилатовым) — на Александровой половине этой деревни жил «ключник Александров, а пахал на собя», Василева на Ещере, Заполье на Ещере, Заречье на Ещере (с пустошью Ихвини), Долгое на Ещере, Деревик на Ещере, Пелеш на Ещере, Максимов Пихинец на Ещере, Каменка, Пелково, Остров. В общей сложности объем этого владения исчислялся в $22^1/_2$ обжи; кроме того, в дер. Ещере в доход шло половье из хлеба.

В уезде имелись «вопчие» деревни Александра Самсонова и Ивана Петрова: Болото на Ещере и Надозерье. Совладельцам Александру и Ивану принадлежало по половине каждой деревни, другие половины соответственно числились за Николаевским Вяжищским монастырем и

---

[3] *Куза А. В., Медынцева А. А.* Заметки о берестяных грамотах.— НЭ, вып. XI, 1974, с. 219, 220.

[4] Новгородские писцовые книги (далее — НПК), т. III. СПб., 1868, стб. 311.

Кузьмой Фефилатовым. Общий объем владений Александра Самсонова и Ивана Петрова равен здесь 5½ обжи.

Наконец, Ивану Петрову и Якову Коробову в том же уезде принадлежала дер. Порлово на Ещере объемом в одну обжу [5].

Хвойнинские владения — также единая «великого князя волостка на Хабалине горе Олександровская Самсонова, да Фомы да Юшка Степановых детей Клепалницына, да Дмитреевская, да Васильевская, да Онфимовская Фофановых детей, да Федотовская Базина».

Александру Самсонову в ней припадлежат: «село Хабалина гора над озером над Хвойном; а в нем церковь Покров Пречистые, да двор большой с садом..., да под тем же селом озеро Хвойно, а всквозе его течет река Аредеж, а в нем ловля неводная, а ловят всякую рыбу белую лете и земе», а также деревни Замостье, Илово, Крюковичи на Оредеже, Точища, Закражье на Оредеже, Хвойно над оз. Хвойном. Общий объем этих владений — 13½ обжи.

Кроме того, ряд деревень здесь — «вопчие Олександровские»: Гора (другая ее половина принадлежала Ивану Язжинскому и своеземцам Кошелковым), Горица (половина — Василия Есипова), Банково (две трети Савелия Микитина и Олексея Юрьева), Моллосово над оз. Моллосовом («а в озере ему половина»), Щербина, Милятево (последние три в других половинах — Василия Есипова), Ивановка (три четверти ее — Ивана Язжинского и Кошелковых). Общий объем владений Александра Самсонова в этих «вопчих» деревнях — 12½ обжи.

Клепалницыным в той же волостке принадлежали деревни Любино, Дора и Горка объемом в 13 обеж. Фофановым и Базину — четверть деревни Пантелеевичи (4 обжи); остальными тремя четвертями владели Михей Огафонов, Домант Иванов, Дементий и Александр Кошелковы, Костя Павлов, Фома Якимов, Олферий Пшонкин и своеземцы Федка Юрьев, Остафьевская жена Васиса и ее сын Наумко [6].

Мы видим, что основным землевладельцем в обеих волостках был Александр Самсонов, который и оказывается наследником земель, приобретенных в конце XIV в. Ксенофонтом. Возникает вопрос, был ли Александр Самсонов потомком Ксенофонта или же эти участки приобретены им (или его ближайшими предками) у Ксенофонта (или у прямых наследников Ксенофонта).

Принципиальный ответ на этот вопрос дают показания Лавочных книг Леонтия Аксакова и Алексея Малахова 1582—1583 гг., в которых содержатся реликтовые сведения о некоторых дворовладельцах Козмодемьянской улицы периода новгородской независимости. Напомню, что усадьба «К», с которой происходит берестяная грамота № 178, находилась на Козмодемьянской улице. Описывая садовые места Неревского конца, Лавочные книги отмечают: «На Кузмодемьяне ж улицы: сад Олександровской Самсонова, да Михайловской Селезнева, да Олферьевской Пшонкина, да Степановской Мошенника, да Сидоровской Иванова, да Марковской Панфилова, да Ивановской Клайдовского спущен вместо, а мера тем садком, 7 садком длина 70 саж., а 5 саж. подошло под Новую улицу, а поперек от Кудашова огорода Секирина до Яковлеви улицы 10 саж., длина 9½ саж.— за игуменом за Илинархом з братьею Духова монастыря» [7].

Таким образом, Александр Самсонов был не только жителем Неревского конца, но и Козмодемьянской улицы, т. е. наследником не только

---

[5] НПК, т. III, стб. 329—334.

[6] НПК, т. III, стб. 306—311.

[7] Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г. Предисловие и редакция С. В. Бахрушина. М., 1930, с. 174. См. также *Лихачев Н. П.* Духовное завещание старца Варлаама 1590 года.— Известия Русского генеалогического общества, вып. 3. СПб., 1909, с. 109.

земель в Никольском Будковском погосте, но и городских владений того комплекса, где найдена грамота Ксенофонта.

Александр Самсонович как новгородский посадник упомянут летописью под 1472 г., когда он сопровождал в Москву избранного в архиепископы Феофила, под 1475 г., когда он участвовал во встрече Ивана III во время «мирного похода», и под 1476 г., когда он давал пир в честь великого князя [8].

Редкое отчество позволяет установить, кто был его отцом. Под 1417 г. Новгородская Первая летопись сообщает следующее: «с Вятки, из князя великого отчине, княжь боярин Юрьев Глеб Семеонович с новогородчкыми беглице с Семеоном Жадовьскым и с Михаилою с Росхохиным, и с устюжаны, и с вятцаны изъехаша в насадех без вести в Заволочьскую землю и повоеваша волость Борок Ивановых детеи Васильевича, и Емцю и Колмогоры взем и пожгли, и бояр новгородчкых изимаша: Юрья Ивановича и брата его Самсона. Иван Федорович и брат его Офонос, Гаврила Кирилович, Исак Ондреевич, сугнав их под Моржом на острове, братью свою Самсона и Юрья отъяша и полон весь и с животы, а их отпустиша. А Васили Юрьевич, сын посадниць, Самсон Иванович, Гаврила Кирилович, брат его Григореи с заволочаны идоша за разбоиницы в погоню и пограбиша Устьюг» [9]. В 1434 г. Самсон Иванович был посадником [10]. Занимал он этот пост и в 1448 г., когда принял участие в заключении Наровского мира [11].

Цитированный летописный рассказ 1417 г. называет имя отца Самсона Ивановича — новгородского боярина Ивана Васильевича, который около 1421 г. был избран в посадники [12] (другой одноименный посадник избирался в 1430-х годах [13]).

Прямых сведений о происхождении Ивана Васильевича не имеется [14]. Однако, если уже изложенные построения справедливы, необходимо обратить внимание на найденную в 1958 г. на усадьбе «И», т. е. в том же комплексе, берестяную грамоту № 352 — фрагмент крестьянского письма, адресованного «...андровичю с(ы) ну посадничю» [15]. Грамота обнаружена в слое 4 яруса (дендрохронологическая дата: 1422—1429 гг.) и может быть связана с сыном одного из двух существовавших в Новгороде в близкое время посадников — Александра Фоминича (умершего в 1421 г.) [16] или Александра Игнатьевича, который до 1416 г. был тысяцким, а в 1416 или 1417 г. избран на посадничество [17]. Но принадлежность Александра Фоминича к Прусской улице, т. е. к другому району Новгорода, несомненна, тогда как место жительства Александра Игнатьевича остается неизвестным. В 1962 г. я высказал предположение о

---

[8] ПСРЛ, т. III. СПб., 1841, с. 142; т. VI. СПб., 1853, с. 17, 201, 204; т. VIII. СПб., 1859, с. 169.

[9] Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов (далее — НПЛ). М.— Л., 1950, с. 407, 408.

[10] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.— Л., 1949, с. 107—109, № 64.

[11] Грамоты Великого Новгорода и Пскова, с. 120—123; Псковские летописи, вып. 2. М., 1955, с. 130.

[12] *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962, с. 259.

[13] Там же, с. 261.

[14] Ю. С. Васильев называет Юрия и Самсона Ивановичей, а следовательно, и Ивана Васильевича — Машковыми (см. *Васильев Ю. С.* К вопросу о двинских боярах XIV—XVI вв.— Материалы XV сессии Симпозиума по проблемам аграрной истории СССР, вып. I. Вологда, 1976, с. 19). Машковыми летопись называет бояр Василия Данловича и его сына Ивана, действовавших еще в 1366 г. (ПСРЛ, т. IV. СПб., 1848, с. 66). Машковы жили на Ильине улице Торговой стороны, поскольку Василий Данилович с уличанами был заказчиком фресок в церкви Спаса на Ильине в 1378 г., выполненных Феофаном Греком (ПСРЛ, т. III. СПб., 1841, с. 231).

[15] *Арциховский А. В.* НГБ (1958—1961). М., 1963, с. 40, 41, № 352.

[16] НПЛ, с. 413.

[17] Там же, с. 404—406; Грамоты Великого Новгорода и Пскова, с. 91, № 53, с. 96, № 58.

том, что он мог быть скорее всего жителем Неревского конца [18]. Теперь это предположение подтверждается не только находкой грамоты № 352, адресованной его остающемуся нам не известным по имени сыну, но и обнаружением другой грамоты, адресованной ему самому. Имею в виду берестяную грамоту № 314, которая была найдена на усадьбе «И» в 1957 г. в слое 7 или 8 яруса (дендрохронологическая дата: 1369—1396 гг.: «(Че)лобетье от Олоферья къ Олександру. Велел есе его въгнате... чюлъ есмь от людьи, Мекефорко хъцьтъ оу тьбе прошатеся на Лунену. А на Лунене человекъ добръ. А ссбродну... не име» [19]. Заметим, что в Передольском погосте на Луге рядом с бывшей деревней Александра Самсонова Новое писцовая книга отмечает дер. Лунец [20].

Я подробно остановился на материалах, связанных с Александром Игнатьевичем, потому, что у него был родной брат Василий. Оба брата известны по сохранившимся свинцовым печатям, на которых они поименованы новгородскими тысяцкими [21], а имя Василия Игнатьевича фигурирует и в известных летописных списках тысяцких [22]. В 1411 г. Василий Игнатьевич вместе с Андреем Ивановичем (они в документе названы «добрыми людьми») принимал посредническое участие в ликвидации тяжбы между юрьевским купцом Гансом Вреде и новгородцем Иваном Кочериным [23].

Предположив, что именно Василий Игнатьевич был отцом Ивана Васильевича и дедом Самсона Ивановича, мы получим нужное подтверждение в берестяной грамоте № 135, найденной при случайных обстоятельствах еще в 1954 г. Эта грамота была обнаружена при наблюдениях над работами по благоустройству ул. Горького (б. Садовая) в выбросе из траншеи городских коммуникаций. Место находки отстоит от южного края раскопа 1954 г. на 60 *м*, а от Великой улицы — на 40 *м* к западу, что соответствует соседнему с усадьбой «И» и расположенному к югу от нее двору, который своей восточной границей выходил на Великую улицу, а южной — на Разважу. Грамота № 135, датируемая по палеографическим признакам рубежом XIV—XV вв., содержит следующий текст: «Челобетье от Иева къ Василью Игнатьеву. Цо еси посла детину да седла да выжля, потому опознав да отадеели, а цо было живота твоего и моего, то все взяли, а самого смертью казнили. А нонеце, осподин, пецалесь детьме моими» [24].

Имя отца Александра и Василия Игнатьевичей, по-видимому, также проявляется в берестяных грамотах Неревского раскопа. Имею в виду грамоту № 363, найденную в слое конца XIV в. на усадьбе «И» — письмо Семена к невестке, кончающееся словами: «А цто рубль дать Игнату, и ты дан» [25].

Однако интересующий нас Игнат известен летописцу и в гораздо более раннее время, когда был еще мальчиком. Под 1343 г. в рассказе о сильнейшем политическом столкновении в Новгороде содержится следующая подробность: «и удариша на Ярославль двор, и яша ту Матфея Коску и сына его Игната, и всадиша в церковь» [26].

Личность этого Матфея оказывается для нас наиболее интересной. Матфей Коска возникает на страницах летописи впервые под 1332 г.: «В том же лете отъяша посадничьство у Захарьи и даша Матфею Кос-

---

[18] *Янин В. Л.* Новгородские посадники, с. 249.

[19] *Арциховский А. В., Борковский В. И.* НГБ (1956—1957). М., 1963, с. 148—150, № 314.

[20] НПК, т. V. СПб., 1905, стб. 27, 28.

[21] *Янин В. Л.* Актовые печати древней Руси, т. 2. М., 1970, с. 203, № 603—605.

[22] Там же, с. 99.

[23] Грамоты Великого Новгорода и Пскова, с. 89, № 51.

[24] *Арциховский А. В., Борковский В. И.* НГБ (1953—1954). М., 1958, с. 74—76, № 135.

[25] *Арциховский А. В.* НГБ (1958—1961), с. 58, 59, № 363.

[26] НПЛ, с. 356.

ке»[27]. Рассказ 1343 г. устанавливает его связь с Онцифором Лукиничем. Уже упомянутое политическое столкновение этого года произошло после гибели в Заволочье Луки Варфоломеевича, виновниками которой Онцифор объявил посадника Федора и Ондрешку — «те заслаша моего отца убити». «И Онцифор с Матфеем созвони вече у святеи Софеи, а Федор и Ондрешко другое созвониша на Ярославли дворе. И после Онцифор с Матфеем владыку на вече и, не дождавше владыце с того веца, и удариша на Ярослаль двор, и яша ту Матфея Коску и сына его Игната, и всадиша в церковь, а Онцифор убежа с своими пособникы; то же бысть в утре, а по обедне доспеша всь город, сия страна собе, а сиа собе; и владыка Василии с наместником Борисом доконцаша мир межи ими»[28].

Активное участие Матфея Коски в демарше Онцифора Лукинича становится особенно понятным, если учесть, что летописные списки посадников именуют Коску Матфеем Варфоломеевичем[29]. С этим полным именем он фигурирует в самом летописном рассказе еще дважды: когда в 1340 г. руководил взятием Торжка во время размирья с Семеном Гордым и когда в 1345 г. снова был избран в посадники после сверженья Остафьи Дворянинца[30]. Его отчество указывает на то, что он был сыном Варфоломея Юрьевича, а единство действий с Онцифором Лукиничем естественно, так как убитый в Заволочье Лука Варфоломеевич оказывается его родным братом. Отрицая в работе 1962 г. это родство, я ссылался на отсутствие в летописи прямых указаний[31]. Ошибочность такого подхода теперь очевидна.

Не исключено, что именно Матфею Коске адресована берестяная грамота № 5 из находок 1951 г., обнаруженная на усадьбе «Б» в слое 8 или 9 яруса (дендрохронологическая дата: 1340—1382 гг.): «(Покло) — но (от) Давы(да и от) Есифа к Матфею. Постои за нашего сироту, молви дворянину Павлу Петрову брату дать грамоте. Не дасть на него»[32].

Игнат был не единственным сыном Матфея Коски. Летописный список посадников содержит следующий текст: «Матфеи Валфромеевич, сын его Микита»[33]. О получении посадничества Никитой Матфеевичем летопись сообщает под 1360 г.[34], в дальнейшем уже не упоминая его. Между тем дети Никиты оказываются тесно связанными с Козмодемьянской улицей. Имя Дмитрия Микитинича фигурирует в приписке к Прологу 1400 г. среди «боголюбивых бояр» «улици Кузмодемьяне» (Пролог был уличанским вкладом в Козмодемьянскую церковь)[35]. На усадьбе «К» в слое 3 яруса (дендрохронологическая дата: 1429—1446 гг.) в 1955 г. была найдена костяная прикладная печать Василия Микитинича, т. е. предмет, находившийся в его личном пользовании[36]. Как посадник Василий Никитич известен в документах 1420—1423 гг.[37]

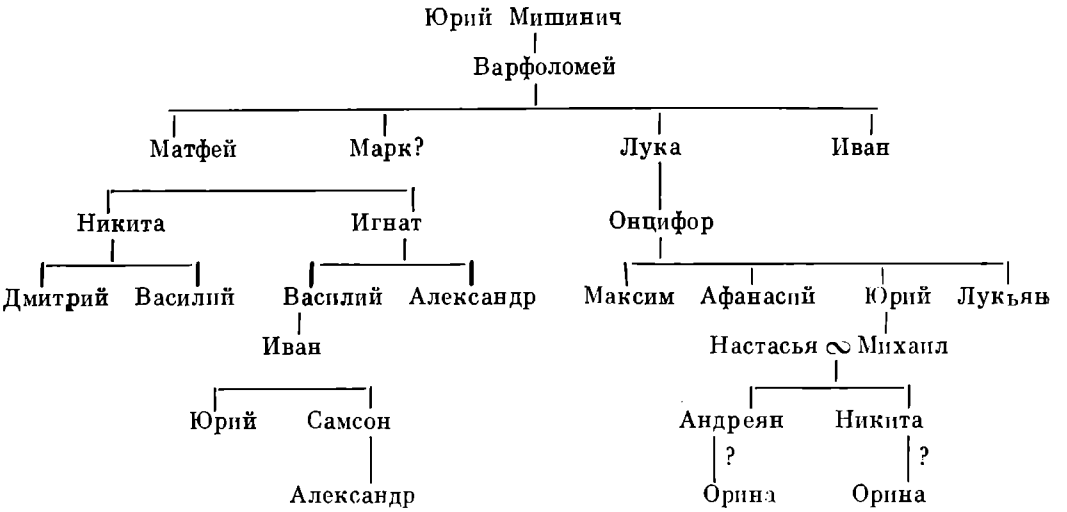
Кроме Луки и Матфея у Варфоломея Юрьевича был еще сын Иван, о существовании которого стало известно из владельческой надписи на деревянной богато орнаментированной ложке, найденной в 1961 г. на

---

[27] Там же, с. 99, 345.
[28] НПЛ, с. 356.
[29] ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 3. Л., 1929, с. 626; т. XXIII. СПб., 1910, с. 165, 166; НПЛ, с. 472.
[30] НПЛ, с. 352, 358.
[31] *Янин В. Л.* Новгородские посадники, с. 181.
[32] *Арциховский А. В., Тихомиров М. Н.* НГБ (1951). М., 1953, с. 32—34, № 5.
[33] НПЛ, с. 472.
[34] Там же, с. 366.
[35] *Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения, с. 155.
[36] *Янин В. Л.* Печати из новгородских раскопок 1955 г.— МИА, № 65, Труды Новгородской археологической экспедиции, т. 2. М., 1959, с. 304, 305, рис. 9.
[37] Грамоты Великого Новгорода и Пскова, с. 97, № 59; с. 99, № 60; с. 103, 104, № 62; с. 146, № 89 (о дате последнего документа см.: *Янин В. Л.* Новгородские посадники, с. 266, 267).

усадьбе «Д» в слоях начала XIV в.[38] Следует отметить изящество, с которым Варфоломей называл своих сыновей. Все они носят имена евангелистов: Матфей, Лука, Иоанн. Не было ли у него еще и Марка? В очередности евангельских книг Марк был вторым. Какой-то Марк — явный землевладелец — упоминается в найденных на усадьбе «Б» в слоях 1299—1340 гг. берестяных грамотах № 140 и 142[39]. Он жил на одной улице с владельцем усадьбы Давыдом, поскольку грамота № 140 упоминает «уличан» как свидетелей его денежного расчета с Давыдом[40].

Изложенные материалы дают возможность составить следующую генеалогическую таблицу[41]:



Как видим, обе ветви семьи восходят к общему предку и наследуют разные части одной и той же городской боярской вотчины. Можно заметить также, что отдельные усадьбы этой вотчины время от времени перераспределяются в кругу боярского рода. В частности, на усадьбе «И» к 8—9-му ярусам тяготеют берестяные грамоты, адресованные Онцифору, Юрию и Максиму, к 6—8-му ярусам — грамоты, связанные с Александровичем, Александром и Василием Игнатьевичами и самим Игнатом, а к 3—6-му ярусам — грамоты, адресованные сыну Юрия и его внукам. Это обстоятельство лишний раз говорит о сохраняющемся единстве родового комплекса боярского землевладения в городе.

В предложенной таблице нет имени Ксенофонта. Его письмо направлено Афанасию, т. е. почти наверняка Афанасию Онцифоровичу, и адресат в нем назван «братом» Ксенофонта. Это позволяет догадываться, что Ксенофонт мог быть родным братом или Игната, или Василия и Александра Игнатьевичей, но купленные им владения из-за отсутствия прямых наследников перешли в руки Василия Игнатьевича, от которого и наследовались следующими поколениями его семьи.

Имя Ксенофонта было встречено еще в одной берестяной грамоте, найденной на усадьбе «И» в слоях несколько более раннего времени, нежели грамота № 178. В документе № 368, сохранившемся фрагментарно и обнаруженном в 9 ярусе (дендрохронологическая дата: 1340—1369 гг.), содержится следующий текст: «Се благослови, попе Максиме... село, а земля тому селоу по зарубъ Синофо...»[42]. В грамоте № 264 с

---

[38] *Арциховский А. В.* Изображение и надпись на ложке из Новгорода.— В сб.: Новое в советской археологии. М., 1965, с. 266—270.

[39] *Арциховский А. В., Борковский В. И.* НГБ (1955), с. 16, № 140; с. 19—21, № 142.

[40] *Буров В. А.* «Муж добръ Еспфъ Давыдович».— СА, 1975, № 4, с. 271.

[41] О потомках Луки см.: *Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения, с. 171.

[42] *Арциховский А. В.* НГБ (1958—1961), с. 66, 67, № 368.

усадьбы «И», происходящей из слоев 7 или 8 яруса (дендрохронологическая дата: 1369—1396 гг.), упомянут кроме того «Федор Синофонтов» [43].

V. L. Yanin

ON THE BELONGING OF THE SOUTHERN HOUSES OF NEREVSKI SECTION IN NOVGOROD

Summary

During the excavations at the Nerevski district («konetz») in Novgorod in 1951—1962 it was established, that at least three of all investigated houses in the XIV — XV centuries belonged to the boyars family Mishinichi. The birch-bark letters were adressed to Misha's grandson — Varfolomey, his son Luka, Luka's son Oncifor, to children, grandson and great-grandsons of Oncifor. The idea, that the main structural element of medieval Novgorod was a complex of boyar's houses, belonging to one family was formulated at the time of the excavations. It was supposed, that such complex included 10 — 15 houses, and each administrative district («konetz») consisted of several such clan groups, which characterize the system of boyars' town land-owning and explains its stability in the X—XV centuries. The belonging of southern houses of Nerevski section was not ascertained. The analysis of birch-bark letters, found in this houses, lets the author claim, that these houses belonged to the other Varfolomey's son — Matfey, who was a posadnik in the middle of the XIV century. Thus the thesis about the clan character of the boyars' town land-owning in Novgorod is confirmed.

---

[43] *Арциховский А. В., Борковский В. И.* НГБ (1956—1957), с. 91, № 264.

Л. В. АЛЕКСЕЕВ

ПЕРИФЕРИЙНЫЕ ЦЕНТРЫ ДОМОНГОЛЬСКОЙ СМОЛЕНЩИНЫ

В недостаточно разработанной еще теме о древнерусских городах X—XIII вв. городам Смоленского княжества принадлежит особо важное место. Здесь расположен крупнейший кривичский племенной центр Смоленск, контролировавший важнейшую коммуникацию древности — Путь из варяг в греки. В IX—X вв. город этот был известен византийцам и скандинавам, а последние в нем торговали и жили. Изучение древнейшей истории Смоленска обеспечено прекрасным комплексом памятников в Гнездове [1]. История других смоленских центров находится также в благоприятных обстоятельствах: помимо данных археологии и кратких летописных сообщений до нас дошел комплекс смоленских епископских грамот XII—XIII вв., позволяющий проследить развитие почти 50 местных центров от середины XI в. до второго десятилетия XIII в. и выяснить, какие из них и когда стали городами, а какие этого уровня не достигли.

Смоленские центры по письменным памятникам. Наиболее раннее свидетельство о смоленских центрах находим в Житии Феодосия Печерского, где говорится, что Чернь, постригшийся в пещере Антония, был «в житьи мирстѣмь (..) купець, родомь торопчанин» (середина XI в.). Под 1059 г. упоминается Копысь, в которой умер новгородский епископ Лука Жидята [2]. Через 100 лет называется и еще один смоленский город Мстиславль. В 1156 г., подавив с помощью половцев бесчинствовавшего на Десне Святослава, Изяслав Давыдович киевский проникает в пределы его союзника Ростислава Смоленского, вызывает на помощь Святослава Ольговича Новгород-Северского и у Мстиславля заключается перемирие [3]. Под 1165 г. упоминаются смоленские центры Василев и Красн: став киевским князем, Ростислав отдает их внуку своего дяди Вячеслава (некогда смоленского князя) [4]. Под 1173 г. называется Лучин. В этом же году его укрепления (?) отстраивает Рюрик Ростиславич, но существовал он и ранее. Под 1234 г. есть свидетельство о Дубровне — «селище в Торопецкой волости», а под 1258 г.— о Воищине, которую Литва взяла «на щит» [5].

Комплекс грамот епископии, как неподлинный (переписан в XVI в.), долгое время не изучался и его исследование принадлежит нашим дням [6].

---

[1] *Алексеев Л. В.* О древнем Смоленске.— СА, 1977, № 1. Настоящая работа является продолжением этой.

[2] ПСРЛ, I, вып. I. Л., 1927, стб. 191 (Торопец); III, СПб., 1841, с. 179 (Копысь).

[3] ПСРЛ, II. М., 1962, стр. 485.

[4] ПСРЛ, II, стб. 525. Здесь упомянут и Витебск, следовательно, это смоленские города, а не киевские, как иногда полагают, не углубившись в источник (см. например: *Толочко П. П.* Киевская земля.— В сб.: «Древнерусские княжества». М., 1975, с. 33).

[5] ПСРЛ, II, стб. 566, 567; НПЛ. М.— Л., 1950, с. 73, 82, 310.

[6] Древнерусские княжеские уставы (составил Я. Н. Щапов). М., 1976 (далее ДКУ), с. 141—143, 146; *Щапов Я. Н.* Смоленский устав князя Ростислава Мстислави-

Из четырех документов этого памятника для нас важны два: Устав Ростислава Мстиславича 1136 г., где есть большой список пунктов и волостей, платящих князю дань, и так называемая «Грамота о погородьи и почестьи», приписанная к комплексу, как увидим, позднее — во втором десятилетии XIII в. Обратимся к этим источникам.

Список даней содержит 35 наименований податных центров и волостей [7] и начинается с самой крупной волости — Вержавлян Великих (1000 гривен), но центр ее Вержавск (30 гривен) стоит на 34-м месте и, значит, приписан позднее, когда с него как с города («у Вержавску в городъ») стало возможным получить дополнительную дань. Это наводит на мысль, что список даней составлялся постепенно, увеличиваясь с присоединением новых данников. В самом деле, всегда, когда удается установить даты возникновения даней, более поздней оказывается та, которая приписана следом за предыдущей (табл. 1) [8]. Так, колонизация вятичей Смоленском (начало XII в. [9]) предшествует захвату Копыси (1116 г.) [10], далее — дань с северных радимичей (20-е годы XII в. [11], а точнее, по-видимому, 1127 г. [12]), и затем «Суздале-залесская дань» (1134—1135 гг. [13]). Расположенные в географической последовательности 12 волостей (№ 1—12, табл. 1) — основа списка, его первоначальная часть, составленная в 1054 г., когда разрабатывалось материальное обеспечение князя нового княжества. Далее в разброд приписывались «окняженные» пять волостей в земле кривичей (№ 13—17), три в области западных вятичей (№ 18—20) и т. д. [14] Вержавск стоит не за Вержавлянами, а на 34-м месте и приписан, как указано, когда с него стало возможным взимать отдельную от его волости дань. Следовательно, приходим к выводу, что в 1136 г. это был единственный центр-город со своим бюджетом, временно опередивший даже Торопец (еще не отделившийся от его области). Остальные центры в то время были лишь на пути к образованию города. О них можно судить по драгоценному тексту Устава о Путтине. Д. и А. Поппэ заметили, что с Путтинского центра дань собиралась не так, как с остальных, а суммарно и составляла 32,5 гривны, однако епископия получала десятину не с этой суммы, а с 26 гривен 10 ногат, недостающие же 6 гривен, догадываются исследователи, платили дедичи — не топоним, а особая реликтовая категория населения, известная западным и южным славянам, состоящие в верви и платившие дикую виру по преамбуле Устава, не делившуюся с церковью. Добавим от себя, что предположение это вполне реально, так как топонимы Дедичи в Восточной Европе иногда встречаются [15]. Развивая мысль далее, исследователи полагают, что в тексте о Путтине вообще перечисляются не насе-

---

ча.— АЕ — 1962. М., 1963; *Поппэ А. В.* Учредительная грамота смоленской епископии.— АЕ — 1965. М., 1966; *Poppe A.* Fundacja biskupstwa smoleńskiego.— «Przegląd historyczny», 1966, z. 4; *Алексеев Л. В.* Устав Ростислава Смоленского 1136 г. и процесс феодализации Смоленской земли.— In: «Słowianie w dziejach Europy». Poznań, 1974, s. 85—112.

[7] Наименования налогоплательщиков Путтина не включены (см. ниже).

[8] Подробную разработку вопроса см. *Алексеев Л. В.* Устав Ростислава Смоленского...

[9] *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, с. 166.

[10] *Алексеев Л. В.* Устав Ростислава смоленского..., с. 101.

[11] *Насонов А. Н.* Ук. соч., с. 172.

[12] Всего вероятнее это произошло в начале 1127 г., когда черниговский Ярослав был изгнан Всеволодом Ольговичем и вмешаться было некому (А. Н. Насонов датировал это событие первыми десятилетиями XII в.).

[13] *Поппэ А. В.* Учредительная грамота смоленской епископии, с. 66 примеч.

[14] *Алексеев Л. В.* Устав Ростислава Смоленского... (подробная разработка вопроса).

[15] *Poppe D. i A.* Dziedzice na Rusi.— «Kwartalnik historyczny», 1967, z. 1; *Поппэ А. В.* К изучению древнерусской верви (тезисы).— В сб.: «Польша и Русь». М., 1974. О дедичах: *Трубачев О. Н.* История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959, с. 70—71.

Таблица 1

№ п/п	Податные центры и волости	Дань в гривнах серебра	Географические районы							Даты
			Путь из варяг в греки	Волга	центр	восточная часть без вятичей	западная часть левобережья Днепра	вятичи	радимичи	
1	Вержавляне Великие	1000	+							1054 г.
2	Врочницы	200	+							
3	Торопец	400	+							
4	Жижец	130	+							
5	Каспля	100	+							
6	Хотшин	200		+						
7	Жабачев	200		+						
8	Воторовичи	100			+					
9	Шуйская	80				+				
10	Дешняны	30				+				
11	Ветская	40				+				
12	Былев	20				+				
13	Бортницы	40			+					
14	Витрип	30	+							
15	Жидчичи	10	+							
16	Басея	15					+			
17	Мирятичи	10					+			
18	Добрятино	30						+		Начало XII в.
19	Доброчков	20						+		
20	Бобровницы	10						+		
21	Дедогостичи	10				+				
22	Заруб	30				+				
23	Ження Великая	200			+					
24	Пацинь	30				+				
25	Солодовници	20			+					
26	Путтино (с Беницами)	32,5					+	+		
27	Копысь	?								1116 г.
28	Прупой (Пропойск)	10							+	1127 г.
29	Кречут	10							+	1127 г.
30	Лучин	?			+					
31	Оболвь	?				+				
32	Искона	40						+		
33	Суздальская дань	?								1134–
34	Вержавск	30		+						1135 гг.
35	Лодейницы	10		+						1136 г.
	Итого:	3087,5 гривен								

Примечание. Податные центры и волости расположены в том порядке, в каком они идут в источнике. 1—12 — предположительно первоначальный список доходов смоленского князя (1054 г.); 13—35 — податные центры, приписанные позднее по мере присоединения новых центров.

ленные пункты, а категории налогоплательщиков — корчмари, дедичи, гости, «бъртники» (испорченное, якобы, при переписке в «бѣницы»). Однако Бениць — существующее село в районе Боровска и теперь (т. е. там, где по более поздним данным локализуется и Путтино [16]), возникли именно в XII в. [17] Далекий Путтинский погост собирал доходы (и по отсутствию вблизи более крупных центров поставлял их прямо в Смоленск) со следующего населения: с жителей села Беницы, самого Путтино — дедичей, корчмарей, торговцев-арендаторов торга. Очевидно Путтино было торговым центром со слабым развитием ремесла (есть

[16] *Голубовский П. В.* История Смоленской земли до начала XV столетия. Киев, 1895, с. 68.

[17] *Успенская А. В.* Древнерусское поселение Беницы. Ежегодник ГИМ. М., 1964.

свидетельства лишь гончарного и железоделательных производств), что и стало препятствием его дальнейшего перерастания в центр городского типа. Подобные центры погостов были, несомненно, и в других местах княжества, но так как они платили дань через другие пункты, то в Устав Ростислава не попали и о них у нас сведений нет.

«Грамота о погородьи и почестьи» приписана четвертой к остальным грамотам, т. е. после 1150 г. (третья грамота) и фиксирует доходы епископии с городов (погородье) и за «честь» архиерейской службы (почестье), видимо, в храмовые и другие праздники. Таким образом, почестье не может иметь прямого отношения к экономическому развитию пункта, который его выплачивает. Это характеризуется лишь погородьем, и в зависимости от него и следует рассматривать наш документ. В предлагаемой табл. 2 все сведения о погородьи и почестьи выражены в гривнах кун, а пункты, выплачивавшие их, расположены по размеру погородья в нисходящем порядке. Здесь же даются сведения о прежних выплатах этими пунктами дани князю в 1136 г., а также их первое упоминание в письменных источниках и сведения о них по данным археологии [18]. Первый же вопрос, возникающий при изучении грамоты «О погородьи», это вопрос о ее дате. Было время, когда этот документ не отделялся от всего комплекса грамот и датировался по предыдущей Данной грамоте «На холм» 1150 г.[19] В 1972 г. Я. Н. Щапов отнес грамоту к концу XII — началу XIII в., основываясь на трех соображениях: 1) в денежном счете ее «не упоминаются гривны серебра, известные по документам середины XIII в., и тем более гроши, известные в конце XIV в.»; 2) запись сделана в то время, когда власть епископа уже достаточно окрепла, чтобы он собирал причитающиеся себе поступления без помощи князя; 3) «Запись рисует условия, когда поступления от городов занимали важное место в приходном бюджете кафедры, а финансы развитых смоленских городов, следовательно, были в состоянии удовлетворить среди других и претензии владыки» [20]. Как видим, в последних двух пунктах — лишь косвенные соображения, не дающие конкретного материала для даты. Первый же пункт позволяет датировать грамоту слишком широко. Не служит ли ключом к разгадке почестье? Из табл. 2 видно, что почестье взимается только с крупных поселений, вносящих чаще и солидное погородье, однако вовсе не пропорционально ему. Наибольшее почестье причитается с Дорогобужа, Ростиславля и Мстиславля — трех крупнейших центров середины — второй половины XII в. Помимо них смоленский архиерей удостаивал служением лишь Жижец и торговую Копысь. Чем же объяснить, что почестье не получалось с самого крупного смоленского города Торопца? Вряд ли причиной была дальность расстояния (владыка бывал в соседнем Жижце). Торопец входил в смоленскую епархию и платил ежегодно погородье — очевидно, нежелание туда ездить было вызвано иными причинами. Попробуем их установить и датировать.

Торопецкий удел определился в составе Смоленского княжества в середине — второй половине XII в. Первым князем там был Мстислав Ростиславич Храбрый, которому наследовал его сын Мстислав Удалой, а затем внуки Давид и Владимир. В 1169 г. торопецкий князь упоминает-

---

[18] С 1136 г. деньги могли измениться, и мы отказались от выражения всех величин в единой системе. В таблице условно принято: 1 гривна кун = 50 кун (*Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956), 1 лисица = 11 кун, как она стоила в лесной Пацыни (в Мстиславле — 5 ногат, т. е. 12,5 кун (ДКУ, с. 146).

[19] *Голубовский П. В.* Ук. соч. Очевидно, по недоразумению сейчас эту дату поддержал В. В. Седов (*Седов В. В.* Смоленская земля. Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975, с. 251 и др.).

[20] *Щапов Я. Н.* Княжеские уставы..., с. 146, 147.

Таблица 2

Пункты	Доходы епископии в конце XII — начале XIII в. в гривнах кун			Дань князя в 1136 г.		Первоначальная дата по письменным источникам	Данные археологии		
							детинец		посад
	погородье	почестье	всего	с округой	без округи		тип памятника	древнейшая дата	его наличие и дата
Торопец	2187,5	–	2187,5	400		XI в.	Округлый	XI в.	XI(?) – XII вв.
Копыс	325	35	360	12(?)		1059 г.	?	XI в.	XII(?) – XIII вв.
Мстиславль	300	87,5	387,5	–		1156 г.	Округлый	XII в.	XII(?) – XIII вв.
Жижец	250	2,5	312,5	130		1136 г.	»	XI в.	Без даты
Лучин	175	–	175	?		1136 г.	?	?	?
Елна	161	–	161	–		Конец XII – начало XIII в.	Округлый	XII в.	?
Ростиславль	150	100	250	–		Конец XII – начало XIII в.	»	XII в.	Без даты
Вержавск	137	–	137,5	1030	30		Мысовой	X–XI вв.	»
Пацинь	97	–	97	30			?	?	?
Дорогобуж	75	112,5	187,5	–		Конец XII – начало XIII в.	Округлый	Вторая половина XII в.	?
Крупль	62,5	–	2,5	–		Конец XII – начало XIII в.	?	?	?
Изяславль	?	?	?	?		Конец XII – начало XIII в.	?	?	?

Примечание. Местоположение Крупля и Изяславля неизвестно.

ся с его войском наравне со смоленскими полками [21]. Уже с XII в. торопецкие князья ведут сепаратистскую политику по отношению к Смоленску и даже занимают новгородский стол, оставляя за собой домениальный Торопец, что не может не привести к столкновениям со Смоленском. Таких «новгородских» периодов до середины XIII в. у них было три: 1178—1180 гг. (Мстислав Храбрый); 1210—1215, 1215—1218 гг. (Мстислав Удалой). Когда же смоленский епископ отказался посещать Торопец? Скорее всего, в том случае, когда там был другой иерарх. В период княжения Мстислава в Новгороде 22 января 1211 г. здесь произошло столкновение новгородского владыки Митрофана с князем. «Не даша ему правитися» Мстислав выслал его в свой Торопец и принял нового архиепископа Антония. Как долго в Торопце пробыл опальный архиерей, мы не знаем, но в 1218 г. мы видим его уже выезжающим из Владимира в Новгород [22]. Датировка грамоты очевидна: она составлена между 1211 и 1218 гг., когда в Торопце сидел Митрофан и смоленский епископ перестал планировать свое почестье с этого города.

Но вернемся к табл. 2. Из нее следует, что из всех административно-податных центров Устава 1136 г. лишь пять к 1211 г. стали настолько самостоятельными, что смогли платить епископии погородье, а два даже приглашали его для служения и вносили почестье. Таким образом, к началу XIII в. помимо Вержавска в Смоленской земле было уже 11 периферийных центров, 7 из которых его переросли и платили большее погородье. На первое место вышел Торопец, что согласуется и с летописями. Со второй половины XII в. Торопецкий удел ведет самостоятельную политику, его князья даже приглашаются на новгородский стол, а под 1225 г. «Торопецкая волость» упоминается уже отдельно от Смоленска [23].

На втором месте — некняжеская, но торговая Копысь, присоединенная к Смоленску в 1116 г. Доходы с нее характерны: по 4 гривны с полюдья (доход с проезжающих — омоним дохода, собираемого с волости), с перевоза и с торга (отдавался в аренду), плюс непланируемый доход с корчмы. Копысь лежала в начале сухопутного пути на Друцк у брода и перевоза туда во время большой воды. Мстиславль — на третьем месте, он был создан Ростиславом Смоленским как крепость [24] и назван им в честь отца.

Смоленские центры по данным археологии. Археология позволяет поставить вопрос о характере заселенности страны и о среде, в которой возникли смоленские центры. В 1966 г. я предложил метод изучения заселенности одной из древнерусских земель по однородному и самому массовому виду памятников — круглым курганам X—XII вв.[25] Метод этот пригоден там, где нет (или почти нет) подобных памятников другого времени или этноса. В Смоленщине более древних круглых курганов почти нет и указанный метод, следовательно, вполне пригоден. Составленная мною «тотальная» карта круглых курганов Смоленской земли [26] показывает, что, как и в Полоцкой земле, поселения располагались здесь большими и малыми группами, перемежающимися зонами густого леса. Можно отметить три таких группы: в междуречьи Сожа, Днепра и Каспли; верховьях Западной Двины и Торопы и в междуречьи Днепра и Сожа. Более мелкие группы — на верхней Волге (к югу от оз. Селигер, вблизи Ржева); в восточной части земли (район р. Исконы); на Днепре у Доро-

[21] НПЛ, с. 33, 221.
[22] НПЛ, 52, 58, 250, 259.
[23] НПЛ, с. 64, 269.
[24] *Щапов Я. Н.* Освящение смоленской церкви Богородицы в 1150 г.— В сб.: «Новое в археологии». М., 1972, с. 282, прилож.
[25] *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля. М., 1966; *его же.* Полоцкая земля.— В сб.: «Древнерусские княжества X—XIII вв.» М., 1975 (расширенный вариант).
[26] *Алексеев Л. В.* Некоторые вопросы заселенности и развитие западнорусских земель в IX—XIII вв.— В сб.: «Древняя Русь и славяне». М., 1978, рис. 2.

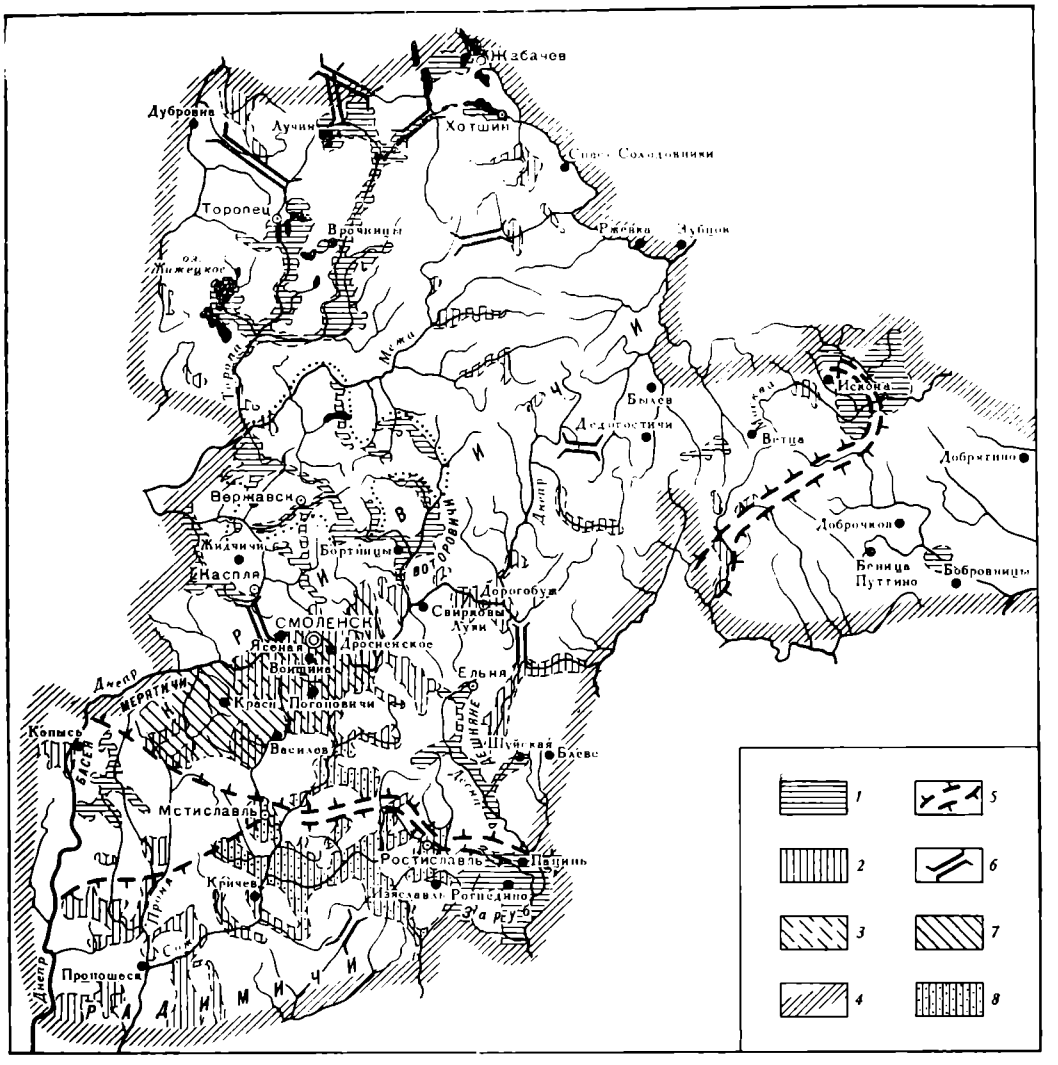


Рис. 1. Скопления поселений Смоленской земли (по курганам) и периферийные центры: *1* — скопления поселений, выплачивавших дань в Смоленск в 1136 г.; *2* — скопления поселений, не выплачивавших дани в Смоленск в 1136 г.; *3* — территория княжеского домена вблизи Смоленска и владельческих сел феодалов; *4* — граница Смоленской земли; *5* — граница древнерусских племен; *6* — волоки Смоленской земли по топонимам «Волок» и пр.; *7* — часть княжеского домена вблизи Смоленска, присоединенная между 1136 и 1165 гг. с центрами Василев и Красн; *8* — часть княжеского домена в удалении от Смоленска с домениальными центрами Ростиславль, Мстиславль

гобужа; на юге (в междуречьи Беседи, Сожа и Днепра); на юго-западе (р. Проня с притоками Бася и Реста) и т. д. Иного рода скопления поселений в междуречьи Западной Двины и Днепра — они имеют вытянутую «ленточную» форму и отражают, по-видимому, древние села на сухопутных путях, тянущихся по водоразделам. Две ленты курганных групп ведут к Вержавску, одна к Каспле и одна с верховьев Торопы на р. Сережу и т. д. (рис. 1).

Связь заселенности Смоленской земли с возникновением в ней центров несомненна: старейшие города возникли в местах древнейшей заселенности, определяемых по длинным курганам (VII—IX вв.) [27]. Смоленск основан в зоне скопления поселений (самой крупной) на Днепре, Торопец — в зоне скоплений меньшей величины в районе торопецких озер,

[27] *Седов В. В.* Длинные курганы кривичей.— САИ, Е1 — 8. М., 1974.

Вержавск — в еще меньшей, между ними (рис. 1) [28]. Рассмотрим археологические остатки последних двух городов.

Как предположил И. И. Орловский и доказал В. В. Седов [29], городище древнего Вержавска расположено в б. Поречском у. (ныне Демидовский р-н Смоленской обл.), в бассейне р. Гобзы на высоком некогда мысу, разделяющем озера Ржавец и Поганое. Овальная площадка (100×50 *м*) возвышается над уровнем воды на 31 *м*. Ее некогда окружал вал, дважды подсыпавшийся. В культурном слое мощностью 1,4 *м* (испорчен кладбищем) нами обнаружены, несомненно, перемещенные вещи домонгольского времени (шиферные пряслица, керамика, по форме близкая к распространенной в XII—XIII вв.) [30]. На самом высоком месте площадки не было ни культурного слоя, ни могил — это, очевидно, было место церкви Пророка Ильи, известной по письменным источникам [31] и стоявшей здесь, следовательно, издревле. Самый мощный и нетронутый культурный слой, пригодный для раскопок, выявлен нами в северной части площадки и датируется по керамике и некоторым вещам XII—XIII вв. По данным подъемного материала В. В. Седова, поселение возникло здесь в X в. Послемонгольских вещей нет — грамота «О погородьи» 1211—1218 гг. застала город в последней стадии затухания. Наш разрез вала показал, что первоначальное поселение на горе было небольшим и неукрепленным. В. В. Седовым был обнаружен и посад IX—X вв., а также курганный некрополь (около 40 насыпей) [32].

В 30-е годы XII в. Вержавск был центром самой платежеспособной волости, состоявшей из девяти погостов. Однако вокруг него не прослежено группы поселений, по-видимому, погосты эти были разбросаны по окрестностям. Таких скоплений сейчас в этих местах насчитывается восемь, причем самое удаленное имеет топоним «Девятая» (рядом — домонгольское городище и курганы) [33]. Группа поселений, расположенная ближе к Двине, по площади и количеству памятников превышает остальные вдвое и образовалась, вероятно, в результате разрастания двух близко расположенных групп. Перед нами, по-видимому, остатки девяти погостов Вержавлян Великих, но, конечно, это предположение требует детальных археологических исследований.

Высокая платежеспособность Вержавлян Великих в 30-е годы XII в. была результатом сочетания занятия населения земледелием (намек на это есть в Уставе 1136 г.) с побочными работами по перевозке товаров и с торговлей на водоразделе. С угасанием торгового пути эти побочные заработки прекратились, а Вержавск захирел.

Городище древнего Торопца расположено на невысоком холме среди низины оз. Соломено в современном г. Торопце. Первоначально это было укрепление островного типа со сравнительно небольшим валом, который позднее был умощнен до высоты 8—9 *м* [34]. Исследования западной части памятника показали, что деревянная застройка детинца была подчинена валу и состояла из нескольких горизонтов. В северной части раскопанного участка древнейший (пятый) горизонт лежал на материке и датировался третьей четвертью XII в. Мощность культурных отложений здесь равнялась 1,5—1,7 *м*. В южной части раскопанного участка этот горизонт подстилался более древним и слой здесь имел мощность 2,5 *м* и более.

---

[28] *Седов В. В.* Смоленская земля, с. 242, рис. 1 (карта).

[29] *Седов В. В.* К исторической географии Смоленской земли.— МИСО, вып. IV. Смоленск, 1961.

[30] *Алексеев Л. В.* Исследования в Смоленской земле.— АО — 1971. М., 1972.

[31] Акты исторические. Т. II. СПб., 1841, с. 218.

[32] *Седов В. В.* К исторической географии..., с. 324.

[33] *Лявданский А. Н.* Некоторые данные о городищах Смоленской губернии.— «Научные Известия Смоленского гос. университета», т. 3, вып. 3, 1926, с. 275.

[34] *Раппопорт П. А.* Очерки военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв.— МИА, № 105, 1961, с. 22.

Вал в Торопце возник в первой половине XII в. (время, когда город стал княжеским). Не исключено, что на памятнике есть отложения и XI в. Устойчивость застройки всех пяти горизонтов была нарушена грандиозным пожаром, полностью прекратившим жизнь на городище. Исследователи датировали катастрофу концом XIII в., забывая, что в Новгородской первой летописи младшего извода она упомянута: «В лето 6845/1337 (..) Торопец погоре и потопе» [35]. Из домонгольских находок помимо пряслиц розового сланца и стеклянных браслетов отметим фрагмент бронзового хороса, указывающий на существование на городище церкви, два пластинчатых браслета (конец XII — начало XIII в.), вислую печать, как полагает Г. Ф. Корзухина, Ярослава [36] — брата Александра Невского, подвески низкопробного серебра, подражающие таким же в кладах конца XII — начала XIII в., иконку, энколпионы (один с известной надписью «Бобородица, помогаи» 30-х годов XIII в. найден ниже слоя пожарища).

Детинец Торопца (так называемое городище Кривит, связь с кривичами несомненна) окружен посадом и курганным могильником поблизости. Есть здесь и могильник со скандинавскими вещами [37].

Торопец лежал, как сказано, в зоне древней заселенности, в землях сельских поселений, теснившихся у трех торопецких озер. Его волость простиралась, судя по курганам, вдоль всего течения р. Торопы, по которой шел путь, соединявший Двинский и Ловатский бассейны (через р. Сережу с топонимом Волок на Кунью) [38]. Эта густозаселенная округа и позволяла получать с Торопца смоленскому князю 400 гривен, она же обеспечивала дальнейший рост Торопца и выход его на первое место среди периферийных центров.

Через 65—70 лет после Устава 1136 г., мы видели, в Смоленской земле было уже десять самостоятельных центров. Что говорит о них археология?

Остатки древней Копыси находятся на левом берегу Днепра в одноименном местечке (Витебская обл.). Дельта р. Сморковки окружала детинец водой, к северо-востоку располагался, по наблюдениям Г. В. Штыхова, посад [39]. Форма площадки детинца не вполне ясна, так как его валы испорчены в 1707 г. (видны остатки бастионов) [40]. Сейчас она имеет сегментовидную форму (80×60 *м*). Памятник раскапывался тремя исследователями и результаты раскопок так и не сведены воедино [41]. Можно понять, что культурный слой имеет мощность 0,8—2,2 *м* и начал откладываться еще до образования вала в XI в. Вал же насыпан во второй половине XI — начале XII в. Расцвет города падает на XII—XIII в. Посад не раскапывался, в обрезах культурного слоя мощностью 1,4 *м*. Г. В. Штыхов нашел фрагменты керамики XII—XIII вв. внизу и XIV—XVII вв.— выше. На детинце в слое XII в. обнаружены следы костерезной мастерской. Помимо обычных вещей найдены «амфорки» киевского типа, писало, бронзовая фигурка св. Бориса и Глеба, булава, две шахматных костяных фигуры, шиферные пряслица и стеклянные браслеты (на раскопе Г. В. Штыхова браслетов в 8 раз больше, чем пряслиц). Вблизи Копыси у д. Застенок в 1901 г. найден клад из 1200 арабских монет [42]. Копысь — крупный домонгольский торговый

---

[35] НПЛ, с. 348.

[36] В. А. Кучкин в такой атрибуции печати справедливо усумнился, так как Ярославу при нашествии татар было 7—8 лет.

[37] *Корзухина Г. Ф.* Новые находки скандинавских вещей близь Торопца.— Ссб. т. VIII, 1964.

[38] *Алексеев Л. В.* Некоторые вопросы заселенности.... карта № 2.

[39] *Штыхов Г. В.* Города Полоцкой земли. Минск, 1978, с. 93.

[40] *Трубницкие А. и М.* Хроника губернского города Могилева. М., 1887, с. 49

[41] 1951, 1952 — Л. А. Михайловский; 1968—1969 — Г. В. Штыхов; 1972 — Загорульский (*Штыхов Г. В.* Города Полоцкой земли, с. 93—95).

[42] Россия. Полное описание нашего отечества. Т. IX. СПб., 1905, с. 468.

центр земли. Курганные группы, по которым мы узнаем о наличии сельских поселений, расположены в этих местах главным образом на противоположном от Копыси берегу Днепра. Далее, к северо-западу они тянутся длинной цепочкой, указывая на дорогу в Друцк от копысского перевоза, а летом — брода.

Пацынь приурочивается обычно к городищу у с. Пацинь Рогнединского р-на Брянской обл. Но двукратная шурфовка памятника показала, что он относится к Юхновской культуре [43].

Вопрос о локализации Лучина непрост. Н. П. Барсов помещал его на севере Смоленской земли у Лучанского озера; П. В. Голубовский и А. Н. Насонов — на р. Ельше (в том и другом случае топоним Лучане); В. В. Седов предлагает видеть его в Лучине на Днепре, южнее Рогачева, где есть древнерусское городище сложного типа и курганный могильник. Есть и еще топоним Лучин-городок (центр поздней Лучиногорской волости) на Угре у Дорогобужа. Но Угра не лежит на пути из Новгорода в Киев через Смоленск (на что указывал П. В. Голубовский). Невозможно согласиться и с локализацией В. В. Седова. Рогачев, лежавший за Днепром, никогда не принадлежал Смоленску и свободно передавался из рук в руки киевскими князьями (например, в 1142 г. [44]). Не мог, следовательно, принадлежать Смоленской земле расположенный еще дальше за Рогачевом и тоже за Днепром Лучин, удаленный к тому же от Рогачева всего на 10 *км*. Не мог быть Лучин и на Ельше: берега этой реки в окрестностях д. Лучане были обследованы В. В. Седовым, следов средневекового памятника там нет [45]. Дополним, что нет почти и курганов, которые указывали бы на древнюю округу города. Таким образом, остается локализовать Лучин на Лучанском озере, где, правда, следы древнего городища еще не разыскивались, но где в изобилии разбросаны курганные группы, свидетельствующие о густой заселенности этих мест в XII в. Не приходится сомневаться в существовании здесь феодального центра этой округи, очевидно, со временем он будет найден. Наша локализация убеждает, что более верный текст читается не в Ипатьевском, а в Хлебниковском и Погодинском списках Ипатьевской летописи (1173 г.): Рюрик шел из Новгорода именно к Смоленску, когда построил укрепления Лучина. Вариант же с двумя отправными пунктами Ипатьевского списка («из Новгорода и Смоленска») — логическое несоответствие: зачем вместо начального и конечного (или промежуточного) пунктов указывать два исходных? Подобных мест в летописях мы не знаем. При первом чтении выясняется, почему во втором десятилетии XIII в. епископия получала с Лучина помимо других доходов еще и осетра. Эта редкая рыба из-за порогов во время нереста не заходила далеко в Днепр, Западную Двину, Волхов. Лишь по Волге она поднималась достаточно далеко: в XVIII в., например, ее вылавливали даже в Москве у Каменного моста [46]. А это означает, что по самой Волге она могла заходить и до ее верховьев, к которым почти примыкает и оз. Лучане. В Новгороде осетр был редкостью [47], поскольку вылавливался в Волхове ниже порогов [48].

Городище древнего Жижца обнаружено Я. В. Станкевич у д. Залучье на северной окраине Жижецкого озера в западной части Смоленской зем-

---

[43] *Алексеев Л. В.* Исследования в Смоленской земле.— АО — 1971. М., 1972.

[44] *Барсов Н. П.* Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885, с. 25; *Голубовский П. В.* История Смоленской земли..., с. 10—12; *Насонов А. Н.* «Русская земля»..., с. 171; *Седов В. В.* Смоленская земля, с. 253; ПСРЛ II, М., 1962, стб. 112.

[45] *Седов В. В.* Смоленская земля, с. 253.

[46] *Рулье К.* О животных Московской губернии. М., 1845, с. 89.

[47] *Куза А. В.* Рыболовство в древнем Новгороде по берестяным грамотам.— «Археологический сборник МГУ». М., 1961. В берестяных грамотах Новгорода осетр упоминается лишь однажды.

[48] *Сабанеев Л. П.* Жизнь и ловля пресных рыб. Киев, 1960, стр. 558.

ли[49]. Памятник высится на полуострове озера, соединенном с материком узким перешейком. Площадка (70×50 *м*) с легкой западиной к центру (по-видимому, сильно распахана) ранее имела кольцевой вал. Собранный материал на довольно обширном селище вокруг не выходит за пределы XI—XIV вв.[50] Окрестности озера были довольно сильно заселены. Судя по изобилию курганных групп (здесь было не менее 15 деревень[51]), это и была Жижецкая волость, поставлявшая в Смоленск в 1136 г. 130 гривен дани и большое количество рыбы.

Если перечисленные центры были известны не только из грамоты «О погородьи» 1211—1218 гг., но и из Устава Ростислава 1136 г., то теперь речь пойдет о центрах, упоминаемых в этом более позднем источнике.

Городище древнего Мстиславля расположено на правом высоком берегу р. Вехры в одноименном центре Могилевской обл., на неприступной горе среди оврагов. По находкам шиферных пряслиц к юго-западу от детинца за рвом у Бернардынского костела (1654 г.— сведения местных жителей) был неукрепленный посад. В городе еще недавно было много курганов[52]. Площадка детинца (14,5 *га*) овальной формы и по ее периметру была окружена валом с въездом с юга. Культурный слой (до 3,3 *м*) содержит остатки деревянных сооружений. Обнаружены две улицы, мощеные бревнами, одна из которых перемащивалась 7 раз (XIII—XIV вв.). Среди находок — предметы ремесла (кожевенно-сапожного, ювелирного, костерезного, вероятно, гончарного) и предметы торговли (с Киевом, Волынью, Кавказом, арабским Востоком)[53]. Уникальны шесть костяных пластин XIII в. с орнаментом, сочетающим кочевнические и романские черты[54]. Значительная часть найденных здесь в разное время энколпионов, принадлежит домонгольской поре[55]. Из раскопок происходят отдельные плинфы без следов раствора, но свидетельствующие все же о постройке здесь в конце XII — начале XIII в. церкви (датировка плинф любезно произведена П. А. Раппопортом). Источники свидетельствуют о существовании здесь церкви пророка Ильи[56]. Начало жизни на мстиславской Замковой горе датируется серединой XII в. Мстиславль просуществовал до 22 июля 1654 г. и был уничтожен войсками царя Алексея Михайловича под началом князя А. Н. Трубецкого[57].

Об окружении Мстиславля сельскими поселениями домонгольского времени пока говорить нельзя, поскольку здесь почти нет курганов, а селища не обследовались. Мстиславль был построен Ростиславом как крепость, для которой, вероятно, существование округи не было обязательно. Этот город охранял подступы к Смоленску по Сожу. Его возведение здесь диктовалось самим ландшафтом — высокая гора, которую легко было сделать неприступной. Дальнейшее развитие города было связано с ролью Мстиславля как доменального центра смоленских князей.

Городище древнего Ростиславля по типу крайне близко к мстиславскому. Крепость была основана на так называемой Бурцевой горе современного г. Рославля, на правом возвышенном берегу р. Становки. Пло-

---

[49] *Станкевич Я. В.* К истории...

[50] Там же, с. 31—37.

[51] Там же, рис. 1, карта № 212, 217—220, 222, 225, 228—231, также № 110, 208, 209.

[52] *Краснянский В. Г.* Город Мстиславль. Вильна, 1912, с. 6.

[53] *Алексееў Л. В.* Старажытны Мсціслаў.— «Помнікі гісторыі і культуры Беларусі». Минск, 1971, № 1; *Алексеев Л. В.* Древний Мстиславль.— КСИА АН СССР, № 146; *Алексеев Л. В.* Новые раскопки в Мстиславле.— АО — 1976. М., 1977.

[54] *Алексеев Л. В.* Художественные изделия костерезов из древних городов Белоруссии.— СА, 1964, № 4.

[55] *Алексеев Л. В.* Мелкое художественное литье из некоторых западнорусских земель (кресты и иконки Белоруссии).— СА, 1974, № 3.

[56] *Краснянский В. Г.* Город Мстиславль...

[57] Там же.

щадка возвышается с юга на 10—12 *м*, а с севера на 15 *м* над уровнем реки и в древности была окружена валом. Ее размеры 160×110 *м*. «Рославль, город прежде был деревяной,— писал И. К. Кирилов при Петре Великом,— а ныне только три башни, и те ветхие, стоит на горе, при которой с одной стороны два озера (видимо, Становка была запружена.— *Л. А.*), да земляной вал» [58]. Находки плинф при нашем исследовании детинца показывают, что в конце XII — начале XIII в. (датировка П. А. Раппопорта) там стояла церковь. Остатки другого домонгольского храма из плинф были обнаружены в 1875 г. под иконостасом церкви Благовещения «на посаде», что подтвердилось раскопками [59]. Как и в Мстиславле, в Рославле в XIX в. еще высились курганы [60]. По любезному свидетельству рославльского краеведа С. С. Иванова, в километре от Бурцевой горы к востоку за рекой есть кладбище «Курганье» и рядом Турецкая улица, где жили, якобы, когда-то пленные турки. Скорее, улица так названа по курганам, которые были на кладбище. Кладбище «Курганье», возможно, указывает на границу посадов города. Культурный слой детинца 1,5—4,3 *м* и сохраняет деревянные постройки. Находки свидетельствуют о связи с Волынью, Киевом, Кавказом, Средней Азией и др. Первоначальный город возник в середине XII в. и вскоре был уничтожен пожаром. В пожарище было найдено костяное навершие, украшенное княжеской тамгой, похожей на тамгу Всеволода Ярославича и, главное, на знак Ростислава смоленского. В слое начала XIII в. найдены остатки уникальной чащи с изображением спора князя с дружиной [61].

В отличие от Мстиславля Ростиславль был основан в сильно заселенной радимичами местности. В Уставе 1136 г. он не упоминается, видимо, города еще не было. Земля северных радимичей была захвачена Ростиславом в 20-х годах XII в. (точнее в 1127 г.), и Ростиславль, по-видимому, был первой смоленской крепостью в этих землях, оставленных Ростиславом за собой [62].

Центр Елна (современная Ельна) располагался в черте современного г. Ельны в местности Заречье на невысоком холме при впадении Мойки (Городничанки) в Десну. Остатки детинца («городок», «острожек») представляют возвышенность, поднимающуюся на 8—9 *м* над уровнем воды. Овальная площадка (105×70 *м*) формой напоминает треугольник и до сих пор окружена валом четырехметровой высоты. Культурный слой мощностью 1—1,4 *м* целиком принадлежит домонгольскому времени [63]. Ельна названа впервые лишь в грамоте 1211—1218 гг. и возникла, следовательно, как феодальный центр в среде дешнян (деснинских кривичей) после 1136 г. Вокруг нее большого скопления курганов нет, что косвенно отразилось еще в Уставе — дешеняне платили в Смоленск всего 30 гривен.

Городище древнего Дорогобужа основано на месте современного районного центра на левой стороне Днепра, при впадении р. Ордашны в Днепр. Площадка (130×130 *м*), поднятая на высоту 21 *м*, окружена валом, остатки которого видны с юго-востока. Въезд — с напольной стороны. Культурный слой мощностью 4,2 *м* после метрового слоя щебня содержит слой без строений, но с вещами, в его нижней части датирующимися домонгольским временем (стеклянные браслеты, пряслица, керамика — древнейшая на 0,5 *м* выше материка — вторая половина

---

[58] *Кирилов И. К.* Цветущее состоянпе Российского государства. М., 1977.

[59] *Ракочевский С.* Опыт собпрания исторических записок о г. Рославле.— ИРАО, т. IX, 1880, с. 51; *Алексеев Л. В.* Древний Ростиславль.— КСИА АН СССР, № 139, 1974, с. 83; *Раппопорт П. А., Шолохова Е. В.* Раскопки в Рославле.— АО — 1975. М., 1976.

[60] Историко-статистическое описание Смоленской Епархии. СПб., 1864, с. 327.

[61] *Алексеев Л. В.* Древний Ростиславль, рис. 30.

[62] *Алексеев Л. В.* Домен Ростислава смоленского.— В сб.: «Средневековая Русь». М., 1976.

[63] *Алексеев Л. В.* Исследования в древней Смоленщине.— АО — 1972. М., 1973.

XII в.— любезная консультация Г. П. Смирновой) [64]. Сведений о селищах вокруг Дорогобужа нет, хотя И. К. Кирилов сообщает о трех в дорогобужских «замках»: «один на горе, а два под горою, и около среднего замка по обе стороны еще два малых замка, а около всего того города — ров земляной и палисады» [65].

Вокруг Дорогобужа больших скоплений курганных групп не так много. Можно думать, что этот город стал во главе населения всего течения верхнего Днепра (во всяком случае до устья р. Вязьмы) и контролировал небольшой волок на Угру (показателен топоним Волочёк и многие курганы вокруг) [66].

Неизвестно местоположение и древних центров грамоты «О погородьи» Крупля и Изяславля. Крупль П. В. Голубовский помещал на р. Крупце у дер. Шеиной, западнее Красного (в 1865 г. «открыта под курганом подземная церковь» [67]). Изяславль он видел в дер. Сеславль на юге земли. Там действительно есть небольшое городище с площадкой 20×18 *м*, пока неизвестного времени [68], в котором, вероятно, можно предположить домениальный центр смоленского князя [69], вблизи Ростиславля.

К западу — юго-западу от Смоленска расположены городища летописных Красна и Василева. Как показал В. В. Седов, летописный Красн представлен городищем Зверовичи в 1 *км* от современного Красного Смоленской обл. [70] Треугольный детинец дугообразно защищен р. Луппой, а с напольной стороны еще одним валом и рвом, за которыми далее следует еще вал, ограждающий с запада окольный город с площадкой 270×75 *м*, которая с напольной стороны защищена еще одним валом. Культурный слой детинца мощностью 1—1,5 *м* датируется домонгольским временем, в окольном городе слоя нет. Городище Василев выявлено В. В. Седовым у дер. Городище (в 3 *км* от усадьбы М. Пестеля Васильево), на правом берегу Вехры. Испорченное усадьбой городище укреплений не сохранило. В остатках культурного слоя находок не встречено [71].

Древняя Ржевка расположена в черте современного города Ржева на левом берегу Волги, на высокой горе. Составленный план позволяет считать, что это сложномысовое городище с треугольным детинцем на мысу и далее окольным городом, с площадкой детинца 50×50 *м*, окольного города 50×100 *м*. Дополнительным рубежом была р. Хвалынка, ограждающая памятник с юго-востока. Я не получил разрешения заложить шурфы на памятнике (где ныне разбит парк), но в обнажениях окольного города найдено много керамики, среди которой есть фрагменты XII—XIII вв. (определение Г. П. Смирновой). Вокруг Ржева известны курганные группы, указывающие на заселенность его округи в домонгольское время.

Городище Воищина находится в 15 *км* к югу от Смоленска и ныне исследовано полностью [72]. Оно островное, треугольной формы, расположено на берегу р. Наготи. Площадка (0,5 *га*) была окружена валом, на самом высоком месте которого были обнаружены следы шестиугольного донжона. На площадке городища стояло девять срубных построек, среди которых найдено несколько жилищ. Выявлены следы ремесла,

---

[64] *Алексеев Л. В.* Исследования в древней Смоленщине, с. 49.
[65] *Кирилов И. К.* Цветущее состояние..., с. 157.
[66] *Алексеев Л. В.* Некоторые вопросы заселенности...
[67] *Голубовский П. В.* История Смоленской земли, с. 80, примеч. 1.
[68] *Седов В. В.* Городища Смоленской земли.— В сб.: «Древняя Русь и славяне». М., 1978, с. 148.
[69] *Алексеев Л. В.* Домен Ростислава Смоленского...
[70] *Седов В. В.* К исторической географии...
[71] Там же.
[72] *Седов В. В.* Сельские поселения центральных районов Смоленской земли.— МИА, № 92, 1960.

домашнего производства. Торговые связи, полагает автор раскопок, шли только через Смоленск. Обнаружено также оружие, украшения и т. д.

На Соже известны два памятника Устава Ростислава: Кричев и Пропойск. На кричевском городище с площадкой округлой формы, обнесенной валом (пл. 0,5 *га*), обнаружен культурный слой XII—XIII вв. и позднее, мощностью до 2 *м*. Среди остатков деревянных сооружений найден фрагмент энколпиона XII в. К юго-западу от детинца, на Спасской горе обнаружен посад с культурным слоем XII—XVII вв.[73] В Пропойске (ныне Славгороде Могилевской обл.) городище расположено на крутом берегу р. Сож. Площадка овальная (40×90 *м*) некогда была обнесена валом. В культурном слое (до 2 *м*) немногочисленные находки датируют «простейшие деревянные укрепления в виде частокола» X—XI вв. Земляной вал с «рубленными деревянными стенами возвели не ранее XII в.» Посад к северу от детинца был основан в XII в.[74]

Источники не сообщают о больших городищах домонгольского времени Осовике и Радомле. Первый расположен на правом высоком берегу Десны в Брянской обл. Треугольная площадка детинца (35×30 *м*) ограждена с напольной стороны валом, трапециевидная площадка окольного города (100×100 *м* по оси и средней линии) также с напольной стороны защищена валом. Далее за рвом имеется вал, ограждающий весь памятник. Укрепления основаны на необжитом месте. Культурный слой датируется серединой XII—XIII вв. Расцвет жизни на городище относится ко второй половине XII в.; в конце XIII в. поселение было заброшено. В окольном городе вскрыто много жилых и хозяйственных построек наземного типа и найдено много вещей. Есть следы металлургического производства (железа), костерезного и др. По находкам привозных вещей можно судить о торговых связях Осовика с Волынью, Киевом, Старой Рязанью. Находка стиля указывает на распространение грамотности[75]. Найдено немного оружия и конского снаряжения. Исключительно интересен памятник в Радомле: сложное городище, состоящее из детинца, окольного города и посада. Детинец («замковище») имеет вытянутую площадку (30×45 *м*) с валом с напольной стороны. Культурный слой (мощностью 1 *м*) испорчен кладбищем. Окольный город, отделенный от детинца узкой ложбиной, имеет площадку, защищенную с напольной стороны двумя валами и рвами. С севера к детинцу и окольному городу примыкает обширное селище, датируемое, судя по керамике, концом XII в. Неподалеку был и большой курганный могильник[76]. Как и Осовик, Радомль основан в местности, многочисленные курганы которой позволяют считать, что поселение это возникло в густозаселенном районе Смоленской земли.

Мы рассмотрели имеющиеся материалы о 48 центрах Смоленской земли домонгольского времени, из которых 3 возникли в XI в. (Торопец, Копысь, по археологическим данным Жижец); 31 — в 30-х годах XII в. (Кричев, Прупой, Вержавск, также, по-видимому, Пацынь, Лучин и др.); 6 — к середине XII в. (Мстиславль, Красн, Елна, Василев, по археологическим данным — Ростиславль, Дорогобуж); 2 — во второй половине XII в. (Осовик, Радомль); 3 — в первой половине XIII в. (Ржевка, Крупль, Изяславль — последние два известны в это время только по письменным данным). По времени возникновения все эти центры могут быть разделены на две хронологических группы: более раннюю (до 30-х годов XII в.) и более позднюю (30-е годы XII — середина

---

[73] *Ткачев М. А.* Работы Посожского отряда.— АО — 1976. М., 1977.

[74] Очерки по археологии Белоруссии. Т. II. Минск, 1972, с. 126; *Ткачев М. А.* Работы в белорусском Посожье.— АО — 1975. М., 1976, с. 427, 428.

[75] *Раппопорт П. А., Павлова К. В.* Городище Осовик.— СА, 1973, № 1; *Павлова К. В.* Раскопки городища у д. Осовик.— АО — 1976. М., 1977, с. 64.

[76] *Мельниковская О. Н.* Обследование древнего Радомля.— КСИА АН СССР, № 146, 1976; *Ткачев М. А.* Работы Посожского отряда.— АО — 1976. М., 1977, с. 417.

XIII в.). Большинство центров первой группы образовалось в зоне древнейших поселений славян на торговом Пути из варяг в греки, на верхней Волге и Днепре. Сильно заселенная южная часть Смоленской земли (южные кривичи, северные радимичи) не вошла в список княжеской дани. Объяснение этому явлению В. В. Седов видел ранее в задержке славянизации аборигенного балтского населения юга Смоленщины до XI—XII вв., что вызвало возражения его оппонентов, считающих, что в южной части земли дань собиралась с помощью феодалов. Сейчас исследователь склоняется именно к этому мнению, ибо здесь (как он установил) распространены более всего «малые средневековые городища», принадлежавшие, по его мнению, местным феодалам [77]. Наблюдение над распространением здесь именно этих памятников, безусловно, заслуживает внимания, но выводы, с нашей точки зрения, требуют уточнения: в них не учитывается конкретная заселенность территории вблизи такого городища (что в самых общих чертах возможно установить по курганам), а также и то, что земли эти завоевывались и осваивались как домениальные самим Ростиславом смоленским и его потомками [78].

Если многие пункты первой группы обязаны возникновением торговым путям в Смоленской земле и, следовательно, торговле, то можно было бы ожидать, что центры второй группы также будут связаны с ней. Однако рассмотрение карты местных центров приводит к наблюдению, что чем позднее он возникает, тем менее связан с путями сообщения. С ними не связаны уже многие центры, приписанные к списку даней Устава Ростислава, начиная с начала XII в.: пять центров в земле вятичей, Дедогостичи и др. Центры второй группы уже вовсе не соотнесены с путями (Красн, Василев, Воищина, Радомля и др.). Их образование связано с внутренними причинами развития страны. Здесь мы подходим к вопросу о возникновении и характере городов Смоленской земли.

Образование города принято связывать с развитием ремесла и торговли, о чем свидетельствует прежде всего наличие у центра торгово-ремесленного посада. Однако развитие ремесла и торговли скорее лишь условия для возникновения города. О центре как самостоятельной городской единице можно говорить в том случае, когда во главе его появляется административное управление со своей фискальной системой и своим бюджетом. Археологические источники здесь уже помогают мало, но в нашем распоряжении есть епископская запись «О погородьи и почестьи» 1211—1218 гг. Погородье — налог с города, т. е. с такого центра, который имеет свой бюджет и из него выплачивает налог. В 30-е годы XII в., как мы видели, был лишь один периферийный центр — Вержавск, который мог уплачивать «погородье» князю (о росте остальных центров в это время позволяет догадываться лишь Путтинский погост). В 1211—1218 гг. таких центров было 12, причем 7 из них Вержавск значительно обогнали (см. табл. 2). Центры эти, видимо, платили «погородье» князю (как ранее Вержавск), но также выплачивали его и епископии. Шесть из них были известны нам из Устава 1136 г., прочие же образовались позднее. Археологические остатки 12 этих центров характерны: за исключением раннего Вержавска с мысовым городищем, все они имеют детинец округлой формы (что является признаком XII—XIII вв.) [79]. В тех случаях, когда производились целенаправленные разыскания, возле них был обнаружен более поздний посад. Можно, следовательно, говорить о двух противоположных группах населения города — его управителях (князь либо его чиновники) и торгово-ремесленном люде, жившем вокруг города. Самые крупные центры этого времени Торопец, Мсти-

[77] *Седов В. В.* Некоторые вопросы географии Смоленской земли XII в. КСИА АН СССР, № 90, 1962, с. 23—24; *Седов В. В.* Городища Смоленской земли, с. 146.

[78] *Алексеев Л. В.* Домен Ростиславa Смоленского...

[79] *Раппопорт П. А.* Круглые и полукруглые городища Северо-Восточной Руси.— СА, 1959, № 1, с. 121.

славль, Ростиславль — княжеские домениальные центры. Мстиславль и Ростиславль были выстроены вскоре после завоевания Ростиславом северных радимичей (1127 г.?), Торопец стал доменальным центром младшей линии смоленских князей, потомков Мстислава Ростиславича. Дорогобуж, расположенный в населенной зоне верхнего Днепра, вблизи восточной окраины центральной части княжеского домена (Свирковы Луки и «Уезд княж») [80], видимо, был тоже основан Ростиславом в середине XII в., при разрастании домена на восток. Вероятно, не случайно в Мстиславле, Ростиславле, Дорогобуже [81] были найдены остатки каменных церквей домонгольского времени, выложенных из плинфы, что в других местах Смоленщины (кроме самого Смоленска) неизвестно. Не случайно также, что именно эти три центра платили наибольшее почестье епископии. Это были крупнейшие смоленские периферийные города. Прочие центры грамоты «О погородьи» были также городами, за исключением Торопца, играли меньшую роль, о чем с очевидностью свидетельствует выплачиваемое ими «погородье».

Что же представляли из себя смоленские центры, известные по письменным источникам и данным археологии во второй половине XII—XIII вв., но в грамоте «О погородьи» не отраженные — Красн и Василев, Осовик, Ржевка, Воищина, Радомль и др.? Археологически их остатки выглядят иначе: они чаще имеют сложномысовой тип, с крошечным детинцем на мысу, где мог уместиться лишь один двор, и за валом имеют огромный, обычно трапециевидный, окольный город, в котором иногда даже не бывает культурного слоя (Зверовичи-Красн). Красн и Василев, мы знаем, отдавались в кормление Ростиславом его родственнику (1165 г.). Это, как и Воищина [82], был центр какой-то вотчины (в данном случае княжеской). Можно думать, что и остальные городища этого типа носили тот же характер. Князь или боярин сидели в детинце, в окольном городе (или вокруг него) жила челядь, а за их пределами — все прочее население, подвластное владельцу вотчины. Не исключено, что все эти центры были княжескими вотчинными поселениями, так как все остальные остатки усадебных центров этого времени намного меньше (Ковшаровское городище, Бобыри, Воищина, Бородинское городище) и не имеют сложного плана [83].

Будущие археологические исследования покажут, насколько наши предварительные соображения (сейчас только и возможные) окажутся справедливыми.

L. V. Alekseev

PERIPHERAL CENTRES OF THE SMOLENSK REGION OF THE PRE-MONGOL PERIOD

Summary

Studies of the ancient history of Smolensk are based on the abundant material from a series of sites at Gnezdovo, the history of other centres is reflected not only in archaeological data, but also in a series of documents of the Smolensk eparchy of the XII—XIIIth centuries. The first document — a Charter of Rostislav of Smolensk, dated 1136 — mentions 35 centres, paying tributes in the Smolensk region. The author established,

[80] *Алексеев Л. В.* Домен Ростислава Смоленского...

[81] По сведениям П. А. Раппопорта, восходящим к И. М. Хозерову, в Дорогобуже, как и в Вязьме, были найдены обломки плинф (личное сообщение).

[82] *Седов В. В.* Сельские поселения центральных районов Смоленской земли.— МИА, № 92, 1960.

[83] *Третьяков П. Н.* Средневековые замчища Смоленщины.— «Историко-археологический сборник». М., 1962.

that the list of these centres in the Charter was made gradually, beginning with the emergence of the principality (1054), following the subjugation of different districts under the rule of the prince. Only one independent town — Verzhavsk (table 1) is mentioned in the Charter. One more document — the record of the Smolensk bishop about his incomes — income from towns («pogorodye») and from bishop's holy service there («pochestye»). The author proves, that this document is dated between 1111 and 1118. Among 12 centres, mentioned in this document, Toropetz is on the first place and Verzhavsk only on the 8th (table 2). It means, that Toropetz and six other towns advanced much further in their development. All centres of the Smolensk region emerged in the zones with high concentration of settlements, and the earliest (Verzhavsk, Toropetz) were founded at the way from Varangians to the Greeks: the latest — Mstislavl, Rostislavl, Dorogobuzh were connected with trade routes only in a small degree and emerged as a result of interior development of the Smolensk region. Only those centres, that were able to pay «pogorodye» to the prince and bishop can be called real towns (i. e. centres of handicraft and trade, which had their own administration). According to the document «About „pogorodye"» there were 12 such towns in the beginning of the XIIIth century. All of them (except the earliest Verzhavsk) have the same oval plan of the fortress («detinetz») and, when it is possible to determine, have a suburb. All the rest centres were evidently centres of feudal estates.

С. М. НОВАКОВСКАЯ

ДМИТРИЕВСКИЙ СОБОР ВО ВЛАДИМИРЕ ПОЗДНИЕ РЕЛЬЕФЫ ВТОРОГО ЯРУСА И БАРАБАНА

Исследователи владимиро-суздальской пластики уже давно обратили внимание на то, что рельефы Дмитриевского собора во Владимире (1194—1197 гг.) дошли до нас частично переложенными, а частично заменены резными камнями позднейшей работы. Наиболее четко поздние реставрационные вставки отделены от резьбы XII в. в аркатурно-колончатом поясе собора [1]. Их появление связывают с реставрацией 1837—1839 гг. [2], когда были разобраны окружавшие Дмитриевский собор галереи и башни. О поздних рельефах второго яруса и барабана сказано значительно меньше. На основании иконографии и стиля были выделены как позднейшие изображения: композиция «Крещение» [3] в левой закомаре южного фасада, «триморф» (по определению Л. А. Мацулевича) [4] в правой закомаре северного фасада, ряд поясных изображений святых в 5-м ряду над отливом и пять рельефов с зооморфными мотивами [5]. К этим наблюдениям можно сделать некоторые добавления, а в ряде случаев и пересмотреть вопрос о позднем исполнении некоторых рельефов, вернуть их в XII век.

Прежде всего, известные изображения Дмитриевского собора до реставрации 1837—1839 гг. показывают центральные окна всех трех фасадов растесанными [6], что неизбежно должно было вызвать перестановку или усечение резных блоков, ближайших к проемам окон. Вторично перемены могли произойти в процессе реставрации 1837—1839 гг., когда была восстановлена первоначальная форма окон.

Расположенные вдоль центральных окон рельефы хранят следы этих перестроек. Так, немногие рельефы, высеченные не на одном, а на двух

---

[1] *Мацулевич Л. А.* Хронология рельефов Дмитриевского собора во Владимире Залесском. Пг., 1922; *Малицкий Н.* Поздние рельефы Дмитриевского собора в гор. Владимире. Владимир, 1923; *Вагнер Г. К.* Скульптура Древней Руси. XII век. Владимир, Боголюбово. М., 1969; *Новаковская С. М.* К вопросу о поздних рельефах в резьбе Дмитриевского собора во Владимире. СА, 1978, № 4. Настоящая работа является продолжением указанной выше статьи и не имеет отношения к реставрационным исследованиям, ведущимся по Дмитриевскому собору во Владимире. Автор благодарит сотрудников владимирских реставрационных мастерских за предоставленную возможность осмотра рельефов с лесов и ознакомления с фотоальбомами по скульптуре собора. Автор выражает также глубокую благодарность Г. К. Вагнеру за консультации в процессе работы.

[2] *Малицкий Н.* Ук. соч., с. 36, 45. *Новаковская С. М.* Ук. соч. Л. А. Мацулевич относил позднюю резьбу фриза фасадов к XVIII в. (*Мацулевич Л. А.* Ук. соч., с. 297).

[3] *Мацулевич Л. А.* Ук. соч., с. 253—290; *Малицкий Н.* Ук. соч., с. 22, 23.

[4] *Мацулевич Л. А.* Ук. соч., с. 288, 298.

[5] Разница в мнениях относительно рельефов святых, а также рельефы с зооморфными мотивами будут рассмотрены ниже.

[6] Наиболее полно все они опубликованы у Н. Н. Воронина. См. *Воронин Н. Н.* Зодчество северо-восточной Руси XII—XIV вв., т. 1. М., 1961, рис. 197—200, 202а, б. (Только на акварели Ф. Дмитриева (1834 г.) центральное окно северного фасада показано не растесанным, что противоречит другим изображениям.)

Рис. 1. Лев. Рельеф северного фасада, центрального прясла (7-й ряд, № 4). Дмитриевский собор во Владимире (фото автора, 1974 г.)

блоках, как правило, граничат с центральными окнами [7]. Меньше всего таких рельефов на северном фасаде, где только изображение адорирующего льва в 7-м ряду справа от окна составлено из двух камней [8] (рис. 1). Граница проходит примерно посередине спины льва; и на близлежащем к окну камне высечена задняя часть туловища с лапой и стеблем хвоста, а также странного вида растительный побег позади льва, оканчивающийся чуть ниже середины высоты блока тремя направленными вниз отрогами стебля без всякого продолжения — случай, не имеющий аналогий в десятках рельефов с растительными мотивами в резьбе Дмитриевского собора. Расположенная на месте позднего проема растесанного окна, вторая половина рельефа льва могла быть высечена лишь в реставрацию 1837—1839 гг.

Однако не всегда в таких рельефах резьбу на одном из двух блоков следует считать поздней. В центральном прясле южного фасада составных рельефов значительно больше, но здесь в отличие от северного они сосредоточены не справа, а слева от окна со 2-го по 7-й ряд включительно (рис. 2). Знаменательно, что шов составленных блоков во всех этих рядах проходит точно по одной линии. На этих камнях высечены рельефы (снизу вверх): передняя часть туловища барса (рельеф парных барсов под деревом — 2-й ряд, № 3); передняя часть фигуры льва (3-й ряд, № 3); отдельный рельеф птицы (4-й ряд, № 4) [9]; голова и передние

---

[7] В других местах подобные рельефы встречаются только четыре раза и также связаны с работой реставраторов XIX в.

[8] Но при этом в 4- и 6-м рядах (№ 6) стоит по блоку с рельефом двух крупных пальметт — остатки некогда больших блоков с рельефом дерева; в 5-м ряду справа от окна — позднее поясное изображение святого в медальоне и широкий блок без резьбы, что, конечно, тоже является результатом восстановления проема окна в 1837—1839 гг. Линия рассечения рельефов во всех рядах и есть граница позднего растеса окна. Это подтверждается и характером кладки на внутренней поверхности стены.

[9] Этот рельеф примыкает к усеченному рельефу двух птиц в геральдической композиции и как бы восполняет его. Но хотя постановка фигуры птицы в несколько неустойчивой позе выделяется из рельефов Дмитриевского собора (ей близка только как бы отпрянувшая назад птица в рельефе северного фасада — правое прясло 3 ряд № 2), нет оснований относить рельеф к поздним. Не только характерный сплуэт, орнамент, но и выразительность сдержанного и монументального образа от-

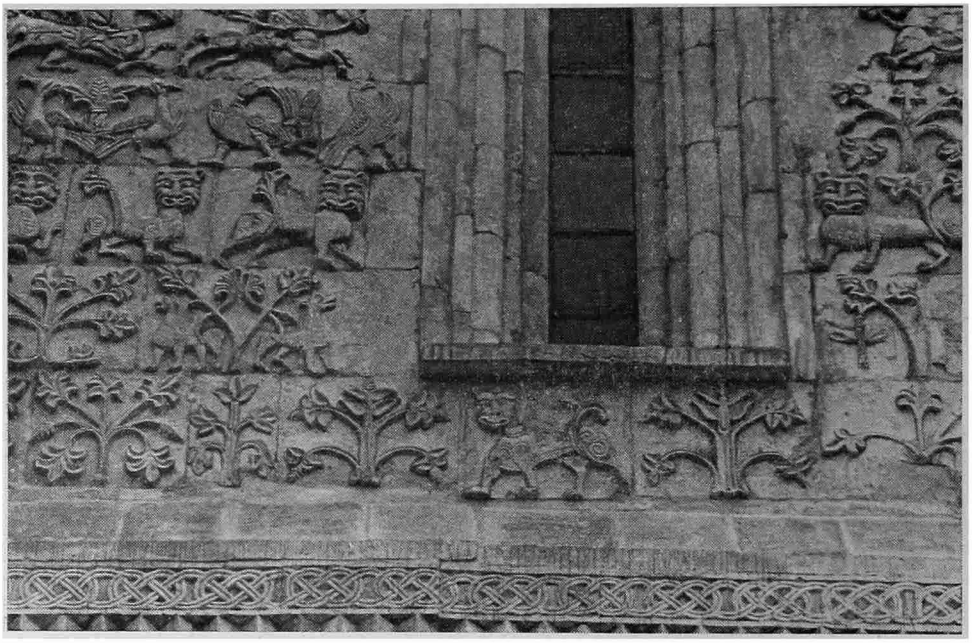


Рис. 2. Рельефы слева от центрального окна южного фасада (1—5-й ряды). Дмитриевский собор во Владимире (фото автора)

ноги коня (рельф святого всадника — 5-й ряд, № 3); две правые ветви рельефа дерева (6-й ряд, № 4); задняя часть туловища льва (7-й ряд, № 4). Со 2-го по 5-й ряд части рельефов на добавленных камнях полностью соответствуют тем частям рельефов, которые они дополняют, по силуэту, пропорциям, технике резьбы и примененному орнаменту. Видимо, при растеске окон усеченные части блоков были вставлены в кладку где-то поблизости, и реставраторы 1837—1839 гг. смогли составить их вместе. Со всей определенностью этого нельзя утверждать только о правой части рельефа дерева в 6-м ряду, поскольку скопировать рисунок ветвей конкретного рельефа дерева легче, чем высечь фигуру зверя. Напротив, продолжение фигуры льва в 7-м ряду нужно отнести к XIX в. Передняя и задняя части фигуры, высеченные на разных блоках, не согласуются. Рядом с сильными, изображенными в стремительном движении передними лапами, коротковатые, неподвижные и неуклюже составленные вместе задние выглядят особенно нелепо. Под стать лапам непропорционально мал хвост со странной «кисточкой» на конце — неумелое повторение полупальметт хвостов древних рельефов. Такие хвосты будут неоднократно отмечены далее среди выделенных как поздние рельефов второго яруса и барабана. Поверхность задней половины рассматриваемого изображения льва, при равной высоте рельефа, лишена округлости форм передней половины этого рельефа.

Составленные из двух блоков рельефы у центрального окна западного фасада [10] расположены по обе стороны от проема окна (рис. 3). Справа

личают работу мастера XII в. Особенно видно это при сравнении с рельефами птиц в тимпанах арочек аркатурно-колончатого фриза собора, исполненных в реставрацию 1837—1839 гг., в которых внешняя декоративность и нарядность (воздействие русской народной резьбы по дереву XIX в.) пришли на смену значительности и монументальности образов XII в. (см. об этом подробно: *Новаковская С. М.* Ук. соч. Далее заглавной буквой будет обозначаться фасад (южный — Ю., северный — С., западный — З.), прописной — прясло (правое — п., центральное — ц., левое — л.), № — положение рельефа от левой границы прясла).

[10] На ряд составных рельефов вдоль этого окна указала научный сотрудник владимирских реставрационных мастерских М. С. Гладкая, за что автор выражает признательность.

Рис. 3. Рельефы центрального прясла западного фасада (1—5-й ряды). Дмитриевский собор во Владимире (фото автора)

во 2-м ряду рельеф барса с высунутым языком дошел до нас явно усеченным — недостает части камня с рельефом выставленной вперед передней лапы. Соседний с ним рельеф льва высечен на двух камнях. Граница проходит ближе к задней половине фигуры льва, которая высечена на более темном камне в барельефно-плоскостной манере, с характерным для древних резных львов собора узором на бедре (спиральный завиток). При этом передняя часть фигуры с необычно вытянутым по горизонтали туловищем отличается вялостью силуэта, примитивным рисунком морды, неподвижностью столбообразных лап (при полном упругости шаге задних), лишенных в отличие от задних орнамента. Без сомнения, эта часть рельефа появилась при реставрации собора в XIX в.

В 3-м ряду по обе стороны от окна помещены два одинаковых рельефа дерева. Точные повторения их неоднократно встречаются и в других местах. О них пойдет речь дальше.

Слева от окна в 4-м ряду помещен рельеф, изображающий, согласно В. П. Даркевичу, один из подвигов Геракла — сражение героя с лернейской гидрой-драконом [11]. Рельеф составлен из двух блоков, граница разделяет изображение человеческой фигуры с булавой на фоне хвоста и рельеф туловища гидры с крыльями. Как и в рассмотренном выше рельефе льва (во 2-м ряду), ближайшая к проему окна часть рельефа (тело гидры) высечена на более светлом камне. Кроме того, две половины этого рельефа не вполне соответствуют друг другу: фигура человека выполнена в барельефно-плоскостной манере, поверхность рельефа округла, одежда покрыта орнаментом — фигура птице-зверя при скругленных краях имеет плоскую поверхность, лишенную узора. Человеческая фигура динамична, умело исполнена; тело гидры статично, неуклюже, грубовато, крылья соединены с туловищем неумело, словно вырастают из шеи. Интересен иконографический тип гидры — птичье туловище с двумя

[11] *Даркевич В. П.* Подвиги Геракла в декорации Дмитриевского собора во Владимире.— СА, 1962, № 4, с. 101.

Рис. 4. Рельефы левого прясла южного фасада (1—5-й ряды). Дмитриевский собор во Владимире (фото автора)

лапами сочетается с ушастой головой, очень похожей на головы грифонов, но лишенной, однако, традиционной для древних рельефов грифонов собора бородки, что как раз соответствует поздней резьбе. Такие же странные для рельефов собора птицы с ушами на птичьей голове встречаются среди рельефов барабана, которые следует отнести к числу поздних доделок. Поэтому вполне вероятно, что необычная иконография гидры-дракона объясняется не своеобразным переосмыслением сюжета в духе народной поэзии (подобно птичьему облику Соловья-разбойника), как предполагает В. П. Даркевич [12], а творчеством резчика-реставратора XIX в., дополнившего изображение.

По сторонам окна в 5-м ряду на отдельных камнях высечены голова, шея, грудь и передние ноги коней в рельефах святых всадников [13]. Эти части отличает значительное уплощение поверхности рельефа (особенно правого). Любопытно, что в обоих случаях дополнявший рельефы резчик-реставратор забыл высечь продолжение вытянутой вперед вдетой в стремя ноги всадника.

В 6-м ряду слева от окна в рельефе дерева дополнены две боковые ветви с пятьюлистными пальметтами. Судя по верхней пальметте с растопыренными лепестками, это резьба позднего мастера. Справа от окна, начиная с этого ряда и выше, идут широкие вставки камней без резьбы.

Слева от окна в 7-м ряду на отдельном блоке высечено продолжение крыла и хвоста правой птицы в рельефе двух птиц с переплетенными шеями, вероятно, также не первоначальная часть рельефа.

---

[12] *Даркевич В. П.* Ук. соч., с. 101.

[13] У левого всадника в реставрацию в 1974 г. открыта надпись $\overline{\text{ГЬ}}$ $\overline{\text{РГ}}$ Сообщение об открытии опубликовано во владимирской газете «Призыв» (см. *Гладкая М.* Реставратор вносит ясность.— «Призыв», 19.IX.1974).

В 8 ряду на двух дополнительных камнях, каждый из которых выходит за пределы этого ряда, что само по себе уже отличается от принципа размещения рельефов собора в пределах одного ряда, высечены три однообразных примитивного вида плоских трилистника (рельеф дерева). Справа от окна рельеф двух зверей под деревом, произрастающим из человеческой головы, так и остался усеченным: нет концов ветвей и задней половины туловища барса. В последний раз рассеченные блоки встречаются в 9-м ряду, где рельеф птиц (слева от окна) так и остался усеченным, а рельефу льва (справа от окна) возвратили усеченную от него же часть камня с рельефом груди и передней лапы.

Рис. 5. Рельефы справа от северо-восточного окна барабана. Дмитриевский собор во Владимире (фото автора, 1975 г.)

На южном и северном фасаде такие блоки заканчиваются 7-м, а на западном — 9-м рядом над отливом. Очевидно, проемы растесанных окон были ниже узких боковых. Именно так они выглядят на большинстве изображений Дмитриевского собора до реставрации 1837—1839 гг.[14] Это должно было вызвать дополнительную перестановку блоков при реставрации.

Рис. 6. Рельефы справа от северного окна барабана. Дмитриевский собор во Владимире (фото автора, 1975 г.)

Общая черта большинства добавленных к древним рельефам частей вдоль проемов центральных окон — плоская, словно срезанная поверхность (даже при значительной высоте рельефа), что характерно и для других поздних изображений (резьба в тимпанах арочек фриза и консолей фасадов, рельеф бескрылого грифона — 3., л., 10-й ряд, № 1, многие рельефы барабана; рис. 5, 6). Возможно, это связано с тем, что реставраторами Дмитриевского собора, по всей вероятности, были резчики по дереву XIX в.[15], перенесшие в камень манеру резьбы по дереву. Именно плоскостный характер резьбы был причиной того, что П. С. Касаткин считал резьбу левого прясла южного фасада «куском сплошных подделок рельефов»[16]. Однако сама по себе плоскостная манера резьбы не может служить отличительным признаком позднего исполнения, поскольку

[14] *Воронин Н. Н.* Ук. соч., рис. 199—202.
[15] *Новаковская С. М.* Ук. соч., с. 139.
[16] *Касаткин П. С.* Памятники архитектуры во Владимире.— «Архитектура СССР», 1938, № 9, с. 84.

ку она широко применялась и в резьбе по камню XII в., о чем свидетельствует сам Дмитриевский собор. И все-таки целый ряд рельефов названного участка южной стены вызывает сомнение в их принадлежности XII в. (рис. 4). Рельефы птицы справа от окна в 5-м ряду, грифона и барса в 7-м (справа от окна), орла над окном по центру отнес к поздним Г. К. Вагнер [17]. Согласиться с поздним их исполнением нельзя, несмотря на то что они действительно выделяются из рельефов прясла особой четкостью резьбы, что трудно объяснить и можно принять за знак недавнего исполнения. Изображение орла, у которого туловище как бы связано поперек вместе с лапами, не свидетельствует о непонимании мастером характера оперения, как думал Г. К. Вагнер [18]. Эта особенность встречается у большинства древних рельефов орлов собора от архивольта западного портала до резьбы древней колонки (правый участок фриза северной стены) и второго яруса (С., п., 7-й ряд, № 3). Но характерная для древних рельефов внутренняя сдержанность, значительность образов, точно выдержанный иконографический тип, силуэты, наконец, примененный узор и его свободное размещение, на наш взгляд, отличают руку мастеров XII в.— строителей Дмитриевского собора. При этом нельзя не учесть, что для многих поздних рельефов собора характерно как раз обратное — путаница иконографии (орлы в тимпанах арочек фриза, например, изображены с ветвью с трилистником на конце и жезлом в лапах, чему нет аналогий ни в искусстве Древней Руси, ни в более позднем) [19].

Но сомнение в подлинности вызывают рельефы деревьев этого прясла (рис. 4). В левом прясле южного фасада 22 блока с рельефами деревьев. Из них только один безусловно древний (Ю., л., 8-й ряд, № 4). Он отличается свободой композиции, лишенной строгой симметрии в расположении ветвей, их динамикой и своеобразием деталей (количество лепестков пальметт колеблется). Те же черты характеризуют все рельефы XII в. Остальные деревья левого прясла (21 блок) представляют всего два типа растительного мотива. Дерево с прямо поставленным стволом и двумя парами боковых ветвей с одинаковыми пальметтами на конце (две пары лепестков и шишка) передано на 17 рельефах. Композиция строго центрична, в ее правильности есть жесткость, что лишает изображения жизненности, естественности, всегда отличающих древнюю резьбу. Резьбе этих деревьев свойственна сухость. По ветвям и стволу идут широкие, глубокие бороздки, края их не скруглены. Бороздка разбивает пальметту, доходя до шишки, так что пары лепестков отходят от бороздки, что не характерно для рельефов деревьев собора XII в. Не типично и положение центральной пальметты, начинающейся прямо на развилке верхней пары ветвей. Это лишает деревья стройности. Однако при всем этом рассматриваемые рельефы деревьев выразительны и декоративны. Тем не менее это не может служить доказательством их принадлежности XII в. Резчики XIX в., реставрировавшие Дмитриевский собор, были хорошими мастерами. Доказательство этому — резьба тимпанов фриза фасадов, в которой сказалось искусство народной резьбы по дереву XIX в. Рельефы тимпанов стилистически отличны от резьбы XII в., но они по-своему выразительны — нарядны и декоративны. Свидетельством подлинности рельефов может быть соответствие творческим приемам мастеров артели, строившей собор. С этой точки зрения прежде всего странно создание

[17] *Вагнер Г. К.* Ук. соч., с. 242. Фигуры грифона и барса действительно приземисты. Выставленное вперед крыло грифона высечено на отдельном ближайшем к окну камне. И все-таки ни тот ни другой рельеф нельзя приравнять к поздним грифонам и барсам ни на фасадах, ни на барабане. Скорее всего, они высечены менее способным резчиком, который стремился точно повторить рельефы того же ряда по другую сторону окна (в этом прясле тот же прием в 3-м и 9-м рядах), но исполнил их примитивнее.

[18] *Вагнер Г. К.* Ук. соч., с. 242.

[19] *Новаковская С. М.* Ук. соч., с. 136.

такого числа одинаковых рельефов. Кроме 17 деревьев левого участка южной стены 10 таких же находится под проемами или по сторонам проемов центральных (сужавшихся в XIX в.) окон южной и западной стены и под окнами правых делений тех же стен [20] (рис. 3). Тем более странно размещение 17 одинаковых рельефов в пределах одного прясла. Резчикам XII в. такое однообразие не свойственно. Напротив, даже в пределах групп рельефов деревьев (а также зверей и птиц) одного типа, которые, должно быть, резал один или несколько мастеров под руководством старшего мастера, рельефы не так многочисленны, они не помещались рядом, их всегда отличает своеобразие деталей — наклон ветвей, величина пальметт, толщина ствола и т. д. [21] Всего этого нет в разбираемых рельефах деревьев. Различия их минимальны: обрез ствола внизу идет или по прямой линии, или в виде трех полуовалов; у двух деревьев (Ю., л., 6-й ряд, № 1 и 4) шишки заменены аналогичными объемами, но лишенными врезанных бороздок,— такие завершения пальметт вообще не встречаются в древних рельефах собора [22]. Видимо, не случайно и появление этих рельефов именно в переложенных участках стен. Рельефы левого прясла южного фасада (как и у проемов центральных окон) сильно переложены, поскольку в реставрацию 1837—1839 гг. от него была отломана двухъярусная лестничная башня, низкий и широкий проем входа на хоры был заменен узким и длинным окном. Возможно, не все эти рельефы поздние, какие-то из них могли явиться образцом для резчиков-реставраторов. Но какие — сказать трудно.

Остальные четыре рельефа дерева левого прясла южной стены иного рисунка, но также абсолютно повторяют друг друга (рис. 4). Еще три таких же рельефа (рис. 3) вставлены в ряду под центральным окном западной стены (№ 4, 6, 8). В них две пары боковых ветвей отходят от центра ствола, но стебли нижней пары начинаются как самостоятельные ветви снизу и дважды (внизу и в центре) перекрещиваются с центральной, при этом внизу образуя вид трех- или двучленной подставки. Резьбе этих блоков присуща та же жесткость композиции, сухость исполнения, штамп в детальном воспроизведении одного изображения (во всех семи рельефах точно повторен даже загнутый в сторону центральный лепесток верхних боковых пальметт; порядок переплетения стеблей неизменен), но вместе с тем выразительность, нарядность. Однако в рельефах резчиков XII в. даже при повторении изображения немало отличий (на абсидах, например, част мотив сплетения двух овальных и одной круговой петли, но порядок переплетения всегда индивидуальный). Но и для этих семи рельефов деревьев резчики-реставраторы должны были выбрать прототип. Возможно, им был рельеф, подобный резному дереву на западном фасаде (З., ц., 3-й ряд, № 2) с близким, но более непринужденным плетением ветвей внизу, ничуть не напоминающим подставку (рис. 3).

Еще два рельефа дерева (З, ц., 4-й ряд, № 4; З., п., 1-й ряд, № 2), почти абсолютно схожие между собой, выделяются резкостью и остротой линий (все ветви строго прямые, отходят от ствола под острыми углами) при плавности силуэтов остальных резных деревьев собора, а также нигде больше не встречающейся формой лепестков и пальметт, как бы сжавшихся, с узкими, острыми, плотно прижатыми друг к другу лепестками. Им присуща остро выразительная, но иная, чем другим рельефам

[20] З., ц., 1-й ряд, № 7, 9; 3-й ряд, № 3, 4; З., п., 1-й ряд, № 1, 4, 5; Ю., ц., 1-й ряд, № 4, 6; Ю., п., 1-й ряд, № 2.

[21] Исключением являются лишь резные пальметты на вогнутых, сильно вытянутых по горизонтали блоках под кровлей апсид. Узкие пальметты очень похожи одна на другую и расположены рядом — над правой половиной центральной и северной апсидами, но число лепестков их не всегда одинаково.

[22] Рельеф Ю., л., 8-й ряд, № 1 сильно пострадал от времени. Пальметты боковых ветвей бесформенные, грубые, долеплены из раствора в какую-то из реставраций. На концах этих пальметт долеплены такого же вида яйцевидные объемы без бороздок.

собора, красота. По манере резьбы они примыкают к группе рельефов двух типов, разобранных выше. Но, конечно, отнести эти два рельефа к поздним с уверенностью нельзя.

Некоторые резные деревья выделяются из рельефов XII в. рядом особенностей: неуклюжестью изгиба ствола, «застылостью» форм у рельефа с извивающейся ветвью дерева (З., ц., 10-й ряд, № 3, у рельефа есть еще грубая подставка, высеченная под основанием стебля на нижнем, принадлежащем уже 9-му ряду камне); примитивностью форм и резьбы (З., л., 5-й ряд, № 4 — этот рельеф к тому же высечен на одном блоке с определенно поздним рельефом святого в медальоне). Названные рельефы деревьев отличаются однообразным повторением пальметт, сухостью резьбы.

По характеру резьбы к этим рельефам близко изображение птицы (З., л., 7-й ряд, № 1) — приземистые пропорции, неуклюжая поза, угловатый силуэт. То, что на этом же камне высечено продолжение крыла и хвоста соседней птицы работы XII в. (З., л., 7-й ряд, № 2), еще не свидетельствует в пользу древности первого рельефа. «Дополнить» усеченные части могли реставраторы, подобно тому как двумя рядами ниже лепестки дерева (резьба XII в.) высечены на камне с определенно поздним рельефом святого в медальоне. К тому же изображения птиц разномасштабны, высечены на камнях разной высоты и, вероятно, оказались рядом лишь в процессе реставрации 1837—1839 гг. Однако плохая сохранность рельефа не позволяет безоговорочно отнести его к поздним или древним.

Во втором ярусе собора поздние реставрационные вставки встречаются и среди рельефов с поясными изображениями святых в 5-м ряду над отливом, о чем писали все исследователи вопроса о поздних рельефах Дмитриевского собора [23]. Однако о рельефах северной стены высказаны противоречивые суждения. Л. А. Мацулевич считал их поддельными, за исключением рельефа справа от западного окна [24]. Н. В. Малицкий отнес к подлинным оба рельефа слева от центрального окна [25]. Из них Г. К. Вагнер признал одновременным построению собора только рельеф святого «в арочке с пуговками» слева от центрального окна, а соседний с ним — близким резьбе XIV в. [26] На наш взгляд, из поясных изображений святых на северной стене поздний только один — тот, что находится справа от центрального окна. Он подобен поздним рельефам святых в медальонах в левых делениях южной и западной стены. Остальные — древние. Только в рельефе слева от окна западного деления фасада голова святого вылеплена из раствора, под ним теперь скрыт даже след от рельефа головы и трапециевидной формы головного убора, который был виден в процессе реставрации в 1975 г. [27] Рельеф святого старца между двумя деревьями (С., ц., 5-й ряд, № 2), отнесенный Г. К. Вагнером к XIV в., действительно, отличается от изображений святых на Дмитриевском соборе мужиковатым типом лица (близкими чертами наделено только изображение Христа в деисусе архивольта северного портала). Однако и его нужно отнести к XII в., в чем убеждает палеография высеченной рядом с изображением надписи $\overline{\text{па}}$ / вь / лъ [28], открытой в 1975 г. из-под слоев

[23] *Мацулевич Л. А.* Ук. соч., с. 290; *Малицкий Н.* Ук. соч., с. 12; *Вагнер Г. К.* Ук. соч., 234, 236.

[24] *Мацулевич Л. А.* Ук. соч., с. 290.

[25] *Малицкий Н.* Ук. соч., с. 12.

[26] *Вагнер Г. К.* Ук. соч., с. 236.

[27] Рельеф головы и головного убора утрачен после 1916 г., так как в издании А. А. Бобринского (*Бобринский А. А.* Резной камень в России, вып. 1. М., 1916, табл. 17, *3*) рельеф изображен без утрат.

[28] Подробное палеографическое обоснование всех надписей на камнях Дмитриевского собора произведено научным сотрудником ЛО ИРЯЗ АН СССР Т. В. Рождественской, за что автор приносит глубокую благодарность.

известковых набелов. Округлость линий (Ъ, Ь), набухшие петли «В», некоторая несимметричность букв и нарушение строгой геометричности почерка (что так характерно для XI—XII вв.) дают возможность датировать надпись первой половиной XIII в., что в общем совпадает со временем постройки собора — 1194—1197 гг. Надпись сопровождает и рельеф святого в арочке с пуговками: $\frac{\overline{\text{пь}}}{\text{ѣъ}}$ [29]. О ней можно сказать то же, что и о надписи с именем Павла.

О подлинности рельефов в простенках барабана в исследовательской литературе говорилось еще меньше, чем о рельефах второго яруса. Л. А. Мацулевич и Н. В. Малицкий отнесли к поздним рельеф святого в нижнем медальоне в простенке между юго-восточным и восточным окном [30]. Г. К. Вагнер отнес все рельефы в четырех простенках слева от западного до восточного окна (со стороны северной стены), за исключением двух верхних (барс и птица) между северо-восточным и северным окном, а также полуфигуру ангела в верхнем медальоне слева от восточного окна [31]. По мнению Г. К. Вагнера, зооморфные мотивы не могли занимать шесть из восьми простенков барабана, как теперь,— на месте поздних рельефов первоначально должно было быть больше изображений святых [32]. Однако, на наш взгляд, первоначальная резьба, в основном в верхних медальонах, сохранилась во всех простенках, и поэтому, вероятно, и в древности в скульптуре барабана преобладали зооморфные мотивы. Декор барабана развивается непрерывной полосой снизу вверх (все рельефы объединены плетением из двойных или тройных жгутов, образующих медальоны), переходя с камня на камень. Большинство рельефов высечено не на одном блоке, как на фасадах, а на нескольких, иногда часть изображения дополнена вставкой поздней работы. В других случаях при поздней резьбе часть окружающего рельеф медальона на отдельном камне сохранилась от древности, кроме того, многие части рельефов восполнены раствором. Все это необходимо учитывать при решении вопроса о подлинности резьбы барабана.

Рельефы с поясными изображениями святых занимают два простенка между окнами барабана: слева от южного и восточного окна. Из восьми рельефов святых (в нижних полумедальонах высечен растительный мотив) первый снизу слева от восточного окна единодушно признан поздним. К нему следует добавить рельеф святого со свитком внизу слева от южного окна, исполненный натуралистично. Странно и выражение его как бы усмехающегося лица в отличие от сдержанных и серьезных лиц во всех древних рельефах собора с человеческими фигурами. Остальные же рельефы святых следует признать древними. Поддельна, видимо, лишь часть рельефа святого старца с книгой в следующем медальоне (слева от южного окна второй снизу рельеф святого). Он высечен на двух блоках камня, рельеф его головы, безусловно, древний. Фрагменты сильно обитой поверхности рельефа одежд тоже как будто свидетельствуют о древнем характере исполнения — остались выступающие в некоторых местах валики, обозначавшие складки и детали одежд, но кисти рук грубые, с растопыренными короткими пальцами (может быть, обитая поверх-

[29] Об открытии надписей в ходе реставрации 1973—1975 гг.: *Гладкая М., Скворцов А.* Новое о рельефах Дмитриевского собора.— «Декоративное искусство», 1976, № 11, с. 42, 43. (Авторы статьи также относят оба рельефа с надписями к XII в. К сожалению, опубликованный со статьей снимок рельефа св. Петра неверно изображает открытую надпись: « $\frac{\text{пь}}{\text{вѣ}}$ », исказив лигатуру $\overline{\text{ѣ}}$ как раз характерную для эпиграфических памятников, что следует отнести к ошибке ретушера.) О значении надписей для понимания смысла скульптурного убранства собора см. *Вагнер Г. К.* Об открытии резных надписей среди фасадной скульптуры Дмитриевского собора во Владимире.— СА, 1976, № 1, с. 270—272.

[30] *Мацулевич Л. А.* Ук. соч., с. 291, 292; *Малицкий Н.* Ук. соч., с. 34, прим. 1.

[31] *Вагнер Г. К.* Скульптура Древней Руси, с. 242, 244.

[32] Там же, с. 242.

ность рельефа была дополнительно обработана поздним резчиком-реставратором?). Разделка одежд остальных рельефов святых (барабан), а также тип их удлиненных, сосредоточенных лиц близки к рельефам святых в древнем участке фриза северного фасада (правое прясло) и ряду рельефов с поясными изображениями святых в медальонах в 5-м ряду над отливом, а также находящемуся ныне над правым окном западной стены рельефу святого старца с развернутым свитком (З, п., 11-й ряд, № 5) и др. Только в рельефе ангела в верхнем медальоне барабана слева от восточного окна рельеф лица не сохранился (от головы уцелел лишь рельеф локона волос справа внизу, лицо же полностью вылеплено из раствора). Г. К. Вагнер считает полуфигуру ангела поздней, поскольку она «помещена в круге с одним, а не двумя продольными врезами. Кроме того, ангел изображен в повороте (как в деисусе) и композиционно совершенно не вяжется с другими рельефами» [33]. Позу ангела, действительно, объяснить трудно. Но медальон из двойного, а не тройного жгута, как в большинстве древних рельефов барабана, не может служить доказательством его позднего исполнения. Круг из двойного жгута обрамляет рельеф птицы справа от восточного окна (№ 4) — рельеф, безусловно, древний. Если обратиться к изображению самой фигуры ангела, то стилистически ее никак нельзя поставить в один ряд с грубо исполненным примитивным рельефом в нижнем медальоне того же простенка. Напротив, изображению ангела свойственно изящество, артистизм исполнения. По выразительности он приближается к рельефу благославляющего Христа в медальоне под ним, исполненному талантливым мастером. Легким поворотом и наклоном головы, изяществом движений рук и одновременно хрупкостью форм мастер создал исполненный внутренней экспрессии и силы образ. Уверенная и свободная рука мастера чувствуется и в резьбе медальона, изгибы которого туги, как тетива лука.

В шести остальных простенках между окнами барабана, заполненных рельефами с зооморфными мотивами (рис. 5 и 6), работой XII в. следует считать рельефы: 4-й и 5-й справа от восточного окна (шагающие вправо птица и барс между двумя растительными побегами [34]), 4-й и 5-й справа от северо-восточного окна (барс с повернутой назад головой и птица [35] между двумя ветвями); 3-й, 4-й и 5-й справа от северного окна (адорирующий барс, лев [36] и птица [37]); 4-й и 5-й (барс с повернутой назад головой и птица между двумя деревьями) слева от западного окна; 2-й, 3-й (?), 4-й и 5-й (?) (грифон [38], лев [39], птица [40], барс [41]) справа от западного окна и 4-й и 5-й (лев [42] и птица [43]) справа от южного окна.

[33] Там же.

[34] Стебли ветвей подмазаны сверху раствором.

[35] Поверхность рельефа в ряде мест подмазана раствором. Эти два рельефа считал древними и Г. К. Вагнер (*Вагнер Г. К.* Ук. соч., с. 244).

[36] Часть шеи и левое ухо льва долеплены или замазаны сверху раствором.

[37] Рельеф птицы высечен на трех блоках камня. Поздней доставкой следует признать изображение опущенного вниз и поднятого снопом вверх хвоста, высеченного на отдельном более светлом камне и значительно отличающегося резкостью очертаний и грубоватостью форм при плавности силуэта и пластичности форм всего рельефа птицы.

[38] Долеплены из раствора: часть рельефа шеи, выставленное вперед крыло, верхняя половина поднятого вверх крыла.

[39] Поверхность рельефа льва почти полностью (туловище и лапы, стебель хвоста и часть морды) долеплена из раствора, но поза, пропорции близки к древним.

[40] Раствором замазана поверхность рельефа зоба птицы, где по раствору процарапаны два концентрических круга, сменившие узор в виде спирального завитка на камне, видный еще на снимке 1969 г. *Вагнер Г. К.* Ук. соч., рис. 237.

[41] Стебель хвоста барса подмазан раствором. Из раствора, видимо, и рельеф глаза, а также часть дуги полумедальона слева от барса.

[42] У льва морда, перед груди и задняя часть туловища с левой лапой — из раствора. Рисунок морды близок к мордам поздних львов в тимпанах арочек и консолях фриза фасадов и апсид.

[43] Верх шеи, голова, верх опущенного вниз хвоста, часть левой лапы рельефа птицы подмазаны раствором.

Пропорции и плавный силуэт, характерный орнамент этих рельефов и ряд других деталей те же, что и в древней резьбе второго яруса и аркатурно-колончатого фриза собора. Расположение фигур зверей и птиц в круговом плетении медальона очень близко к резьбе архивольта западного портала, зооморфные мотивы которого тоже помещены в круговом плетении жгутов. Названные рельефы барабана выполнены в барельефно-плоскостной манере, края рельефов скруглены, рельефы высечены не в одной плоскости, высота рельефа разных частей изображения разная, формы пластичны; все это в целом характеризует их как работу XII в.

Остальные рельефы с зооморфными мотивами отличает ряд особенностей. Силуэты их угловаты, движения резки; манера резьбы близка исполнению поздних рельефов тимпанов арочек и консолей фриза фасадов, а также второго яруса: поверхность рельефа срезана, почти весь рельеф решен в одном плане, поверхность его минимально украшена врезанными (иногда процарапанными!) линиями, тогда как рельефы XII в., выполненные в плоскостно-графической манере резьбы, как правило, богато орнаментированы. Некоторые поздние рельефы барабана с зооморфными мотивами отличаются грубостью исполнения, фигуры иногда неустойчивы (например, птица слева от западного окна, № 2) и т. д.

Кроме особенностей техники исполнения и стиля рельефы эти выделяются иконографически (рис. 5). В резьбе барабана встречается изображение крылатого льва (справа от восточного окна, № 3) — мотив, не известный владимиро-суздальской пластике (крылатый лев в крайнем правом тимпане левого участка фриза южной стены тоже поздний). В двух рельефах барабана (слева от северного, № 3; слева от западного, № 2) птица изображена с ушками, еще у двух птиц кроме ушек изображена и «бородка», из-за чего голова стала похожа на голову грифона (справа от восточного окна, № 2; справа от южного окна, № 3). Еще в одном рельефе птица лишена крыльев (справа от северного окна, № 2) [44]. В двух изображениях грифонов (тело зверя с поднятым над спиной крылом) высечена голова барса (справа от восточного окна, № 1; слева от северного окна, № 1), в 3-м рельефе грифона (справа от северного окна, № 1) мастер забыл высечь бородку [45] (рис. 5, 6). В одном случае (слева от западного окна, № 3) рельефу барса соответствует безбородая голова грифона. Кроме таких значительных расхождений иконографии ряда рельефов барабана с первоначальной скульптурой собора есть более мелкие, но тоже существенные отличия от древних изображений: в двух рельефах (барс слева от западного окна, № 3 и долепленная из раствора часть рельефа льва справа от западного окна, № 3). В обоих рельефах хвост в виде стебля как бы вырастает из спины зверя, чего никогда не было у древних рельефов собора. Полупальметты хвостов звериных мотивов на барабане часто имеют вид полураскрытого веера (справа от восточного окна, № 1; слева от северного окна, № 1; справа от северного окна, № 1; слева от западного окна, № 1). Именно такие окончания хвостов у поздних рельефов на фасадах (у грифонов — З., л., 10-й ряд, № 1 и на поздней доставке рельефа льва — Ю., ц., 7-й ряд, № 3). Отмеченные расхождения иконографии включают практически все зооморфные изображения на барабане, выделенные как поздние реставрационные вставки. Рельефы барабана Дмитриевского собора должны были исполняться в последнюю очередь и сразу на простенках между окнами (поскольку они высечены на нескольких камнях, орнамент непрерывен), но этим нельзя объяснить столь новую для пластики Дмитриевского со-

---

[44] Голова птицы высечена на отдельном блоке, и, видимо, эта часть рельефа древняя, как и соответствующие части медальона. Вся грудь и лапы птицы вылеплены из раствора.

[45] В рельефах XII в. безбородых грифонов нет.

бора иконографию [46]. К тому же, если верно предположение Г. К. Вагнера о том, что резьба архивольтов порталов тоже выполнялась в последнюю очередь [47], в ней могли бы быть близкие мотивы. В действительности же таких аналогий в резьбе архивольтов порталов мы не находим, несмотря на то что там есть новые по отношению к рельефам второго яруса, но иные, чем на барабане, мотивы (птице-драконы; птица, клюющая барса, и др.).

Чем же объяснить иконографию многих рельефов барабана Дмитриевского собора? Видимо, решение этого вопроса нельзя отделить от времени создания этих рельефов. Звериные мотивы в нижних медальонах (два грифо-барса, безбородый грифон и барс) стилистически и иконографически перекликаются с рельефами, расположенными в простенках барабана выше и тоже выделенными как поздние,— они исполнены одновременно. Но как раз нижние рельефы в простенках барабана больше всего должны были пострадать при устройстве четырехскатного покрытия, появившегося к началу XIX в., когда стропила должны были вставляться прямо в стену, что отмечал еще Л. А. Мацулевич [48], а также при замене покрытия на позакомарное со сферическим возвышением, осуществленном в реставрацию 1806 г., и сохранившемся до 1951 г. Во всяком случае, в прорисовках рельефов барабана в 1849 г. [49] все рельефы, которые мы видим сейчас, уже были. Скорее всего они появились или в реставрацию 1806 г., или в 1837—1839 гг., а судя по сходству некоторых деталей поздней резьбы на фасадах вдоль проемов центральных окон, рельефов в тимпанах фриза фасадов, и поздние вставки на барабане следует отнести к 1837—1839 гг. Но в любом случае для нашей темы такая разница в пределах XIX в. несущественна. Важно, что столь позднее происхождение ряда рельефов барабана оправдывает и их иконографическое своеобразие. Многочисленные звериные мотивы продолжают жить в русском народном искусстве XIX в.— в резьбе и росписи по дереву, в лубочной картинке. Грифон исчезает из арсенала образов русских народных мастеров к XIX в., но птица и лев остаются. Поэтому, с одной стороны, творчеству резчиков-реставраторов Дмитриевского собора стихия зверей и птиц должна была быть близка, с другой — при всем внимании к оригинальной пластике Дмитриевского собора они неизбежно должны были внести в свою работу какие-то черты своего понимания и отношения к этим образам. Резчикам XIX в. не был знаком грифон, с тем большей свободой они варьировали его изображение. И то, что кажется путаницей иконографии с точки зрения мотивов резьбы XII в., создавшего возвышенные, монументальные, полные внутреннего смысла, глубоко символичные образы, для XIX в. оказывается проявлением творческой фантазии мастеров, реставрировавших Дмитриевский собор и невольно воспринимавших его

---

[46] В прикладном искусстве Древней Руси домонгольского времени встречаются изображения птицы с ушками (*Рыбаков Б. А.* Прикладное искусство и скульптура.— В кн.: История культуры Древней Руси, т. 2, гл. X. М.— Л., 1951, рис. 213 — серебряный браслет). Крылатые барсы появились на Руси с XI в.— Там же, с. 408; известны изображения грифона с головой зверя: *Вагнер Г. К.* Белокаменная резьба древнего Суздаля. М., 1975, илл. 93 (роспись южных врат Рождественского собора). Но при этом нельзя не учитывать, что владимиро-суздальская пластика не дает нам таких образов. Отмеченные же рельефы барабана Дмитриевского собора отличаются от рельефов XII в. не только иконографически, но и стилистически.

[47] *Вагнер Г. К.* Скульптура Древней Руси..., с. 300.

[48] *Мацулевич Л. А.* Ук. соч., с. 291.

[49] *Строганов С. Г.* Дмитриевский собор во Владимире на Клязьме. М., 1849, рис. III. Не соответствует прорисовке (рис. III*d*) только рельеф птицы справа от южного окна (№ 5), прорисованный без крыльев и поднятого снопом вверх хвоста. Однако этот рельеф должен быть отнесен к XII в., в чем убеждает стиль рельефа, примененный орнамент (спиральный завиток на зобу, вверху крыла), а расхождения нужно отнести к ошибке рисовальщика. В издании Ф. Рихтера (*Рихтер Ф.* Памятники древнего русского зодчества, тетр. I—V. М., 1851—1856) прорисовка рельефа воспроизводит существующий ныне рельеф.

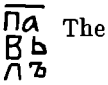
искусство через культуру XIX в. Не случайно отмеченные как поздние рельефы барабана отличаются от древних не только иконографией и стилем резьбы, но и характером образа — они не так отвлеченны, не столь монументальны, но более просты и непосредственны.

Таким образом, хотя древняя скульптура барабана сохранилась фрагментарно и значительно дополнена поздними реставрационными вставками, рельефов XII в. в ней все-таки значительно больше, чем предполагалось ранее.

S. M. Novakovskaya

THE CHURCH OF ST. DEMETRIUS IN VLADIMIR
THE LATE RELIEFS OF THE SECOND TIER AND THE BARREL

Summary

The article is devoted to the definition of the date of some reliefs of the second tier and the barrel of the outstanding monument of the ancient russian architecture of the XIIth century — the church of St. Demetrius in Vladimir. The engraved stones along embrasures of the central windows of all three facades, supplementing the reliefs, destroyed during the reconstruction of these windows were made by engravers — restorators in 1837—1839 (fig. 1, 2, 3). The same date has 21 of 22 reliefs with trees from the left part of the southern facade and identical reliefs of the central and right parts of the southern and western walls (fig. 4). There are only two variants of these reliefs, traced in the places, removed during the restoration in 1837—1839. On the contrary, the reliefs with an eagle (11 row) and a bird (5 row) of the left part of the southern wall, which were considered late (fig. 4), are in fact ancient. The relief of a Saint, between two trees, the date of which caused doubt, was made in the XIIth century. This date is confirmed by palaeography of the inscription, discovered in 1975  The reliefs of the XIIth century are more numerous, than it was considered, in the piers of the barrel. They are preserved, as a rule, in the upper parts of all piers (fig. 5, 6). The ikonography and style of the reliefs with animals and birds, from the lower medallions differ from the reliefs of the XIIth century; they are late (fig. 5, 6). Also late are reliefs with saints in two piers between the windows of the barrel, but on the contrary the relief of an angel in the upper part, to the left from the eastern window, is ancient. The late reliefs of the barrel were cut, evidently, during the restoration in 1837—1839.

Публикации

Т. Ш. ШИРИНОВ

КРЕМНЕВЫЕ ИЗДЕЛИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ С ПОСЕЛЕНИЯ САПАЛЛИ-ТЕПА

(Типологическо-функциональное исследование)

В последние годы на юге Узбекистана была выявлена новая земледельческая культура эпохи бронзы [1].

В изучении первобытного прошлого Древней Бактрии раскопки Сапалли-тепа дали ценнейшие материалы из керамики, металла, кости, а также камня. Накопилась огромная коллекция каменных предметов не только из указанного поселения, но и вообще из раскопанных памятников эпохи бронзы.

Специальному исследованию подверглась лишь незначительная часть коллекции [2].

Один из замечательных памятников протогородской цивилизации, поселение Сапалли-тепа расположено на правом берегу Амударьи, в Гагаринском районе Сурхандарьинской области. Сапалли-тепа представляет собой сильно оплывший холм площадью около 3 *га*, центральная часть которого, квадратная в плане (82×82 *м*), обнесена мощными крепостными стенами в три ряда, обращенными по сторонам света. В археологическом смысле поселение относится к однослойным памятникам эпохи развитой бронзы, датируется 1700—1500 гг. до н. э. [3] Обитатели поселения занимались земледелием, основанным на искусственном орошении, скотоводством отгонно-пастушеского характера, а также гончарным, бронзолитейным делом и обработкой камня.

На поселении Сапалли-тепа собрано около 4 тыс. каменных орудий, целых и в обломках, и различных поделок. Из них около 100 штук изделий из кремня, кремнистых пород и сланца. Каменные изделия по ряду признаков (химический состав, физические свойства, принципы раскалывания и обработки, утилизация) разделяются на две категории: 1) изделия из кремня, кремнистых пород, сланца и обсидиана, которые легко расщепляются и дают режущий край; 2) изделия из галек, окатан-

---

[1] *Аскаров А.* Сапалли-тепа. Ташкент, 1973; *его же.* Бронзовый век южного Узбекистана (к проблеме развития локальных очагов древневосточных цивилизаций). Автореф. докт. дис. М., 1976.

[2] *Семенов С. А.* Каменные орудия эпохи ранних металлов.— СА, 1969, № 2, с. 3—14; *Семенов С. А., Ширинов Т.* Каменные серпы Чустской культуры.— ОНУ, 1976, № 10, с. 73—77; *Молчанов Ю. А.* К вопросу об употреблении и технике изготовления каменных орудий в конце эпохи бронзы (по материалам поселения Уч-тепа).— Тр. Азерб. археол. экспедиции, т. II, МИА, № 125, 1965, с. 135—152; *Скакун Н. Н.* Функциональное исследование каменных наконечников стрел эпохи бронзы.— КД, вып. IV, 1972, с. 161—166.

[3] *Аскаров А.* Сапалли-тепа, с. 18; *его же.* Бронзовый век..., с. 21.

ных морскими и речными водами. Объектом нашего исследования в данной работе являются изделия только из кремня и кремнистых пород.

При изучении кремневых изделий мы опираемся на традиционный метод исследования — типологический, а также на новый, быстро прогрессирующий метод в археологии — трасологический, учитывающий следы изнашивания.

Каменные орудия, бывшие в употреблении, на рабочих лезвиях имеют макро- и микроследы изнашивания разного характера. Особенность этих следов на кремневых орудиях (заваленность края, заполировка, блеск, царапинки) заключается в том, что они незаметны невооруженным глазом. Бинокулярное исследование наконечников стрел из Алтын-депе, а также с энеолитических поселений Южной Туркмении дало неожиданные результаты. Среди них, морфологически относящихся к одному и тому же типу, были выявлены следы изнашивания, характерные для скребков, вкладышей серпов, пилок, проколок и т. п.[4] Специальное изучение характера следов работы дает возможность определить не только конкретную функцию орудий, но и способ захвата или крепления в рукоятке, силу и скорость движения, а также материал, обрабатываемый данным орудием. Благодаря многолетним трудам С. А. Семенова был разработан функционально-трасологический метод исследования[5], получивший всемирное признание, о чем свидетельствует появление переводов его книги одновременно в Англии и США[6], а также созыв международной конференции ученых, работающих по этому методу, состоявшейся в марте 1977 г. в Канаде (г. Ванкувер).

Экспериментально-трасологический метод позволяет решать не только частные вопросы, но и общие проблемы, такие, как развитие техники, эволюция орудий труда и экономика первобытного общества.

В Сапалли-тепе найдено 7 нуклеусов, 7 пластин, 8 скребков, 50 наконечников стрел и около 60 разных отбросов производства, включающих множество осколков и отщепов. Все они сделаны из высококачественного кремня коричневого, серого, темно-серого цвета; единично встречаются предметы окремненного известняка, халцедона и кварцита.

Наконечники стрел (50 экз.). Все наконечники, кроме трех образцов (рис. 1, *38*; 2, *1*; 3, *7*), тщательно обработаны тонкой отжимной ретушью и доведены до совершенной формы. Во всех экземплярах прослеживаются последние три операции в процессе обработки: 1) длинные фасетки, лежащие параллельно друг другу, нанесенные с двух сторон, свидетельствуют о плоской отжимной ретуши; в этом процессе обработки были определены форма и величина наконечника; 2) во всех наконечниках по краю имеются негативы маленьких чешуек, каплевидных и в виде полукруга, величиной 2—3 *мм*, которые свидетельствуют о дополнительном оформлении края; 3) пильчатой ретушью форма наконечника доведена до ювелирного совершенства. Около 90% наконечников имеют точную симметрию в плане и в сечении. Три наконечника оформлены краевой ретушью, у которых одна лицевая сторона не покрыта фасетками (рис. 1, *38*; 2, *1*; 3, *7*). Один экземпляр сделан из пластины (рис. 1, *38*). Он оформлен крутой ретушью по краям, обе стороны его не обработаны, в сечении имеют изогнутый профиль. Это вовсе не указывает на то, что мы здесь имеем начальную стадию обработки, а скорее всего свидетельствует о неудавшейся попытке изготовить наконечник из пластинки.

---

[4] *Коробкова Г. Ф.* Каменные и костяные орудия с энеолитических поселений южной Туркмении.— Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук, 1954, № 3; *Скакун Н. Н.* Ук. соч., с. 161—166.

[5] *Семенов С. А.* Первобытная техника.— МИА, № 54, 1957.

[6] *Semenow S. A.* Prehistoric Technology. An Experimental stady of the oldest Tools and Artefacts from traces of Manufakture and Wear. London — New York, 1964.

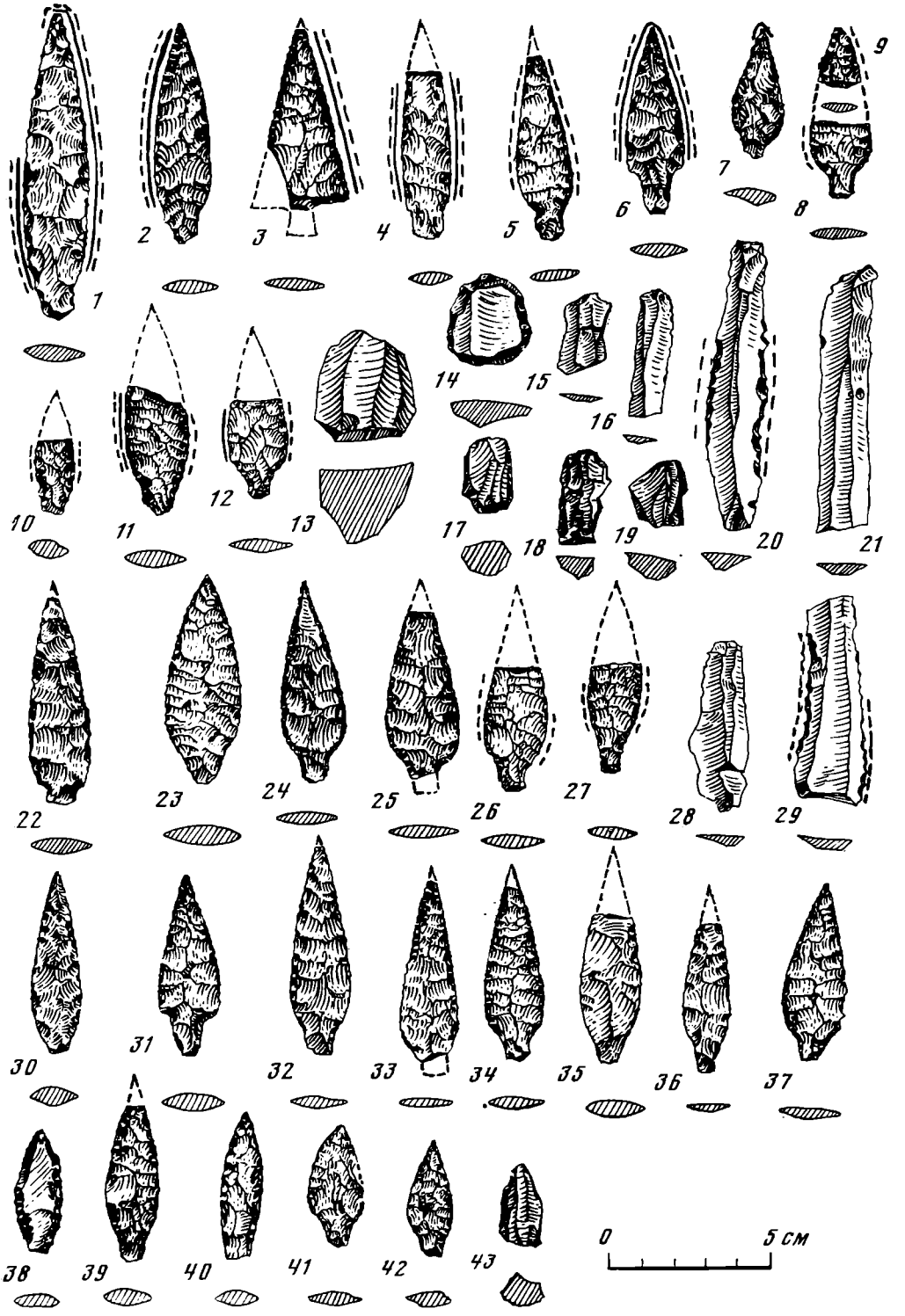


Рис. 1. Кремневые изделия из поселения Сапалли-тепа

Еще один наконечник обработан полностью только в одной стороны (рис. 3,7). В сечении он очень тонкий (3 *мм*). Это обстоятельство позволяет говорить о том, что для изготовления наконечников использовались тонкие отщепы и пластинки с относительно прямым профилем. Сапаллинские наконечники тщательно обработаны, симметричны, имеют прямую вертикальную ось, что важно для дальности полета и точности попадания в цель.

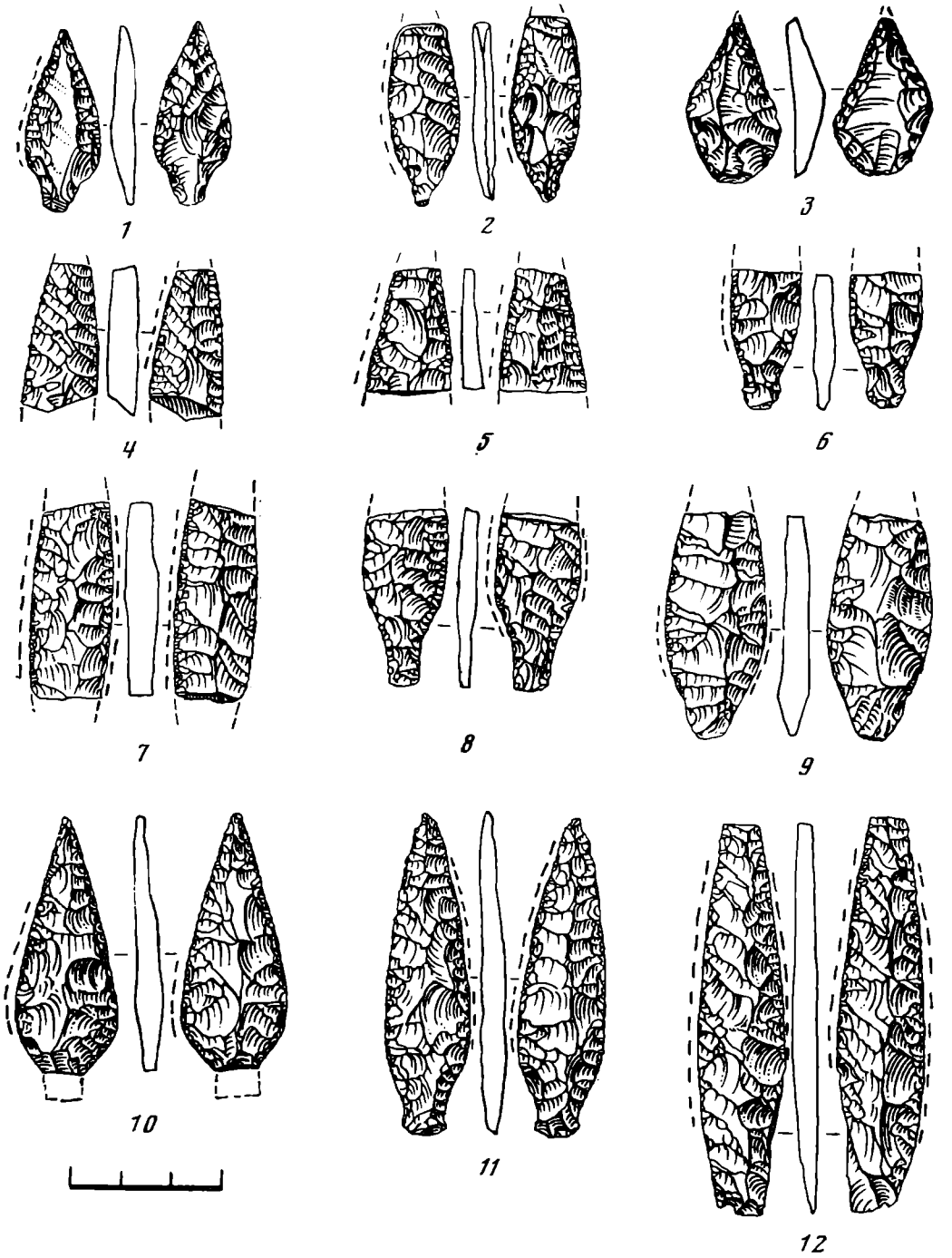


Рис. 2. Кремневые изделия из поселения Сапалли-тепа

Часть наконечников типологически описана в работе А. Аскарова[7]. Мы выделяем по форме следующие типы:

1) удлиненно-листовидные
   а) с черешком (25 шт.),
   б) со слабовыраженным черешком (4 шт);
2) подтреугольные:
   а) с прямым основанием (4 шт.),

[7] *Аскаров А.* Сапалли-тепа, с. 85, 86, табл. 28.

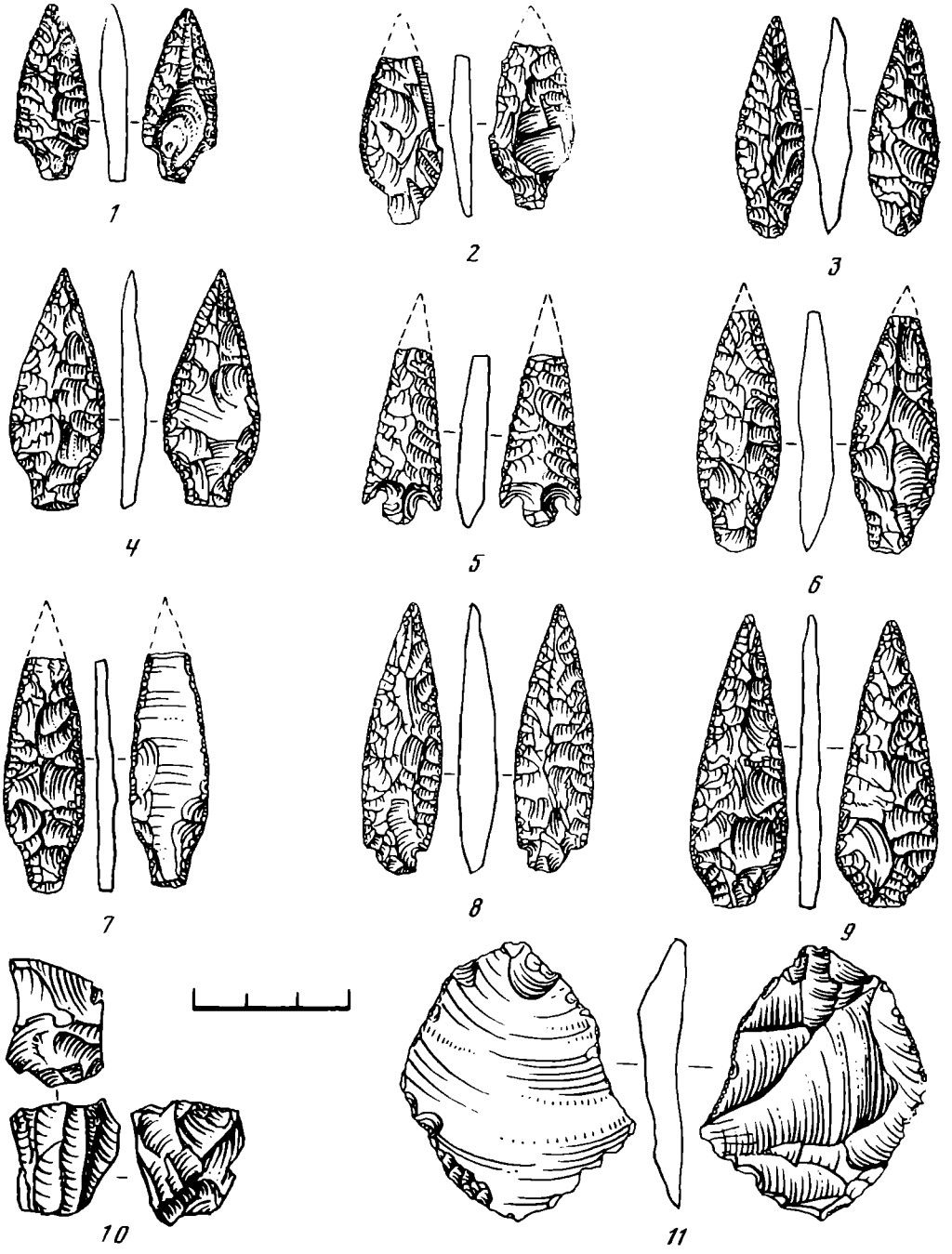


Рис. 3. Кремневые изделия из поселения Сапалли-тепа

б) с низко опущенными шипами (1 шт.);
3) миндалевидные (2 шт.);
4) лавролистные (2 шт.);
5) иволистные (1 шт.).

1. Удлиненно-листовидные: а) наконечники с черешком занимают в коллекции около 50%. Строго соблюдается принцип симметрии, тщательно оформлены черешок и перо. Линия бокового края от пера к черешку носит плавные очертания. Длина их от 4 до 6, 8 *см.*

Размеры целых экземпляров

№	Длина	Ширина насада	Длина черешка	№	Длина	Ширина насада	Длина черешка
1	3,7	1,5	0,8	9	5,6	1,9	1,2
2	4,0	1,9	0,7	10	5,6	2,0	0,5
3	4,0	1,4	0,8	11	5,7	1,4	1,0
4	4,1	1,5	0,6	12	6,0	1,9	Обл.
5	4,3	1,3	0,6	13	6,0	2,5	»
6	4,6	1,7	0,9	14	6,0	1,5	1,0
7	5,3	2,0	Обл.	15	6,3	2,1	0,8
8	5,3	1,5	1,0	16	6,8	2,0	0,5

б) Наконечники со слабовыраженным черешком (рис. 1, *1*, *30*, *35*; рис. 2, *12*)

№	Длина	Ширина насада	Длина черешка
1	9,5	2,0	0,9
2	7,8	1,7	–
3	5,7	1,7	–
4	6,5	1.9	0.5

Самые крупные из них длиной от 7,8 до 9,5 *см*, вероятно, служили наконечниками дротиков (рис. 1, *1*, рис. 2, *12*).

2. Подтреугольные. а) Наконечники с прямым основанием (рис. 1, *3*, *6*, *31*; рис. 3, *1*) резко отличаются от листовидных. Они как бы состоят из одного высокого треугольника и тщательно выделенного черешка длиною до 1,7 *см*.

№	Длина	Ширина насада	Длина черешка
1	5,6	3,0	Обл.
2	5,7	1,8	1,7
3	5,8	1,8	1,7
4	3,5	1,3	0,8

б) Среди наконечников выделяется экземпляр с низко опущенными шипами (4,5×1, 5×0,5 *см*, рис. 3, *5*), который сделан из прозрачного халцедона. Оформление насада и черешка резко отличается от остальных наконечников. Черешок четко выделен, симметричные выемки обрамляют его с двух сторон, образуя шипы. Ширина черешка (0,5 *см*) свидетельствует о том, что к нему было привязано относительно тонкое древко. Наличие шипов придавало наконечнику функцию гарпуна. Такая стрела с большим трудом извлекалась из тела. Подобную форму в дальнейшем получили бронзовые наконечники стрел.

3. Миндалевидные наконечники (рис. 1, *7*, *42*) являются самыми миниатюрными, размеры их 3,7×1,7×0,5 и 4,2×2,0×0,6 *см*.

4. Наконечники лавролистной формы (рис. 1, *23*; 2, *9*) имеют размеры 6,5×2,4 и 4,5×2,2 *см*. Они сделаны тонкой струйчатой ретушью, основание чуть закруглено.

5. Наконечник иволистной формы (рис. 1, *40*) — 1 экз. Он сделан из кремня серого цвета, длиной 4,6, шириной 1,7 *см*, края его плавно сужаются в сторону насада.

Аналогичные наконечники были собраны на поселении Алтын-депе в Южном Туркменистане [8], Дашлы-1, Дашлы-3 в Северном Афганистане [9]. Сопоставляя наконечники стрел Сапалли -тепа, Дашлы-3 и Алтын-депе, можно проследить эволюцию формы, связанную с прогрессом тех-

[8] *Массон В. М.* Раскопки на Алтын-депе в 1969 г.— Материалы ЮТАКЭ, вып. 3, 1970, с. 15, рис. 14; *Скакун Н. Н.* Ук. соч., с. 161—166.

[9] *Сариниди В. И.* Исследование памятников дашлинского оазиса.— В сб.: Древняя Бактрия. М., 1976, с. 39, 77—79, рис. 25, *49*.

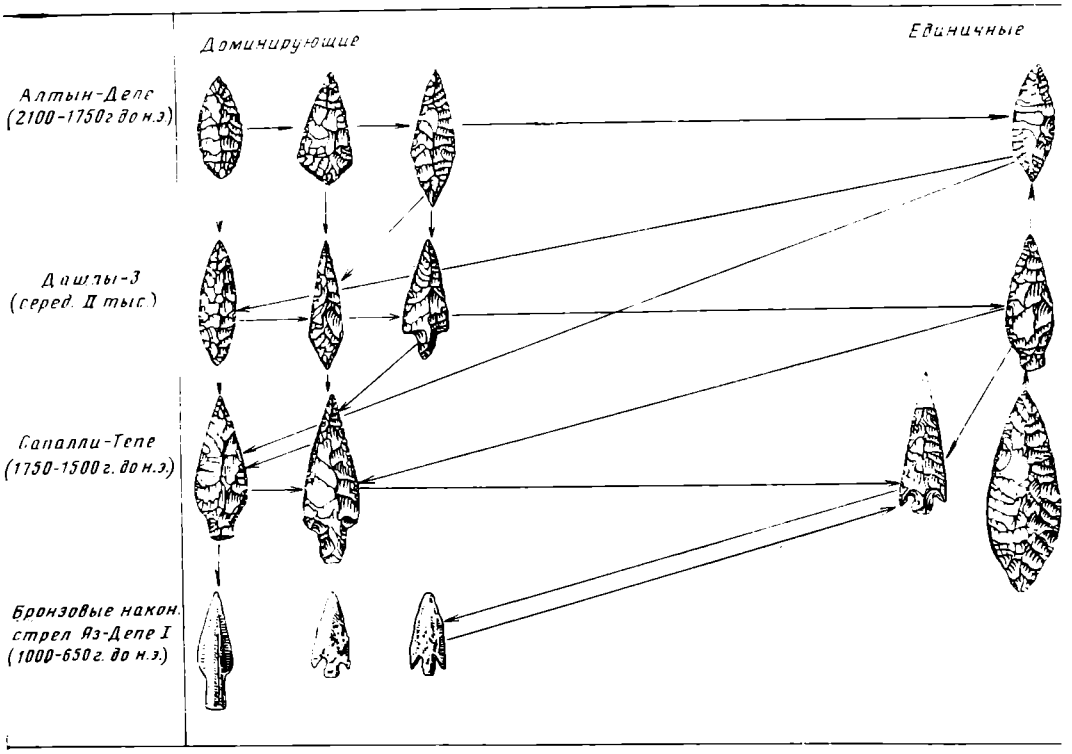


Рис. 4. Эволюция формы наконечников стрел земледельческого юга Средней Азии

ники (рис. 4). Доминирующим типом в Сапалли-тепа является удлиненно-листовидный наконечник с черешком; единичными экземплярами представлены лавролистные и подтреугольный с низко опущенными шипами. Многочисленными на Алтын-депе являются наконечники листовидные с прямым насадом, лавролистные и ромбовидные. Эти типы в Сапалли встречаются единично, а ромбовидные вообще отсутствуют. Преобладающим типом в Дашлы-3 являются наконечники подтреугольной и лавролистной формы, а удлиненно-листовидные с черешком встречаются единичными экземплярами. Основная тенденция развития наконечников определяется по изменению насада и формы пера. Главными признаками усовершенствования являются: способ крепления к древку и их проникаемость в тело. Наконечники из сапалли-тепинской коллекции имеют тщательно выделенный черешок и перо (92%), только 4 экз. (8%) были с округленным насадом. Длина наконечников независимо от формы колеблется от 3 до 6 *см*, длина черешка от 0,5 до 2 *см*.

В Алтын-депе большинство наконечников имеют прямой или округленный насад, а черешковые вообще не встречаются.

Крепление наконечников к древку, естественно, было разным. Эти различия, с одной стороны, свидетельствуют о разной технико-типологической традиции Сапалли-тепа и Алтын-тепе. С другой стороны, кремневая индустрия и техника стрельбы по сравнению с Алтыном у сапаллинцев была более развитая. Архаичность алтыновских наконечников прежде всего объясняется хронологической разновременностью памятников (Алтын-депе, конец 2100—1750 гг. до н. э.; Сапалли-тепа, 1700—1500 гг. до н. э.) [10].

[10] *Массон В. М.* Древнейшее прошлое Средней Азии (от возникновения земледелия до походов Александра Македонского). Автореф. докт. дис. Л., 1962, с. 12, 13; *его же.* Раскопки..., с. 18, 19; *Аскаров А.* Сапалли-тепа, с. 118; *его же.* Бронзовый век..., с. 21.

В Дашлы-3 одной из доминирующих форм становится подтреугольная с черешком. Большую группу в коллекции составляют ромбовидные и лавролистные [11], как в Алтын-депе. На этом этапе уже появляются черешковые наконечники, которых не было в Алтын-депе, и сохраняется наконечник с округленным насадом.

В Сапалли-тепе наконечники с округленным насадом почти исчезают, доминирующей формой становится удлиненно-листовидная с черешком, появляются также наконечники подтреугольной формы, с низко опущенными шипами. Характерными для Сапалли и Дашлы-3 являются наконечники подтреугольной и удлиненно-листовидной формы с черешком, но последняя в Дашлы-3 встречается в малом количестве.

Особенность комплекса кремневых изделий из Дашлы-3 состоит в том, что он сохраняет сильные пережитки неолитических традиций в технике изготовления ряда орудий. Явный архаичный облик имеют: проколки, развертки, сверла, нуклеусы [12].

Качественные и количественные изменения наконечников стрел с Алтын-депе, Дашлы-3 и Сапалли-тепе дают полную картину поступательного движения в технике обработки кремневых изделий. С появлением металлов не наблюдается упадка в технике обработки камня, наоборот, она развивается и усовершенствуется в известных направлениях. Бронзовые наконечники копируют форму каменных.

Сходство кремневых изделий Сапалли и Дашлы-3 не вызывает сомнений в принадлежности этих памятников к единой культуре. Хотя кремневые изделия и представлены меньшим количеством, чем керамика, все же они позволяют поставить вопрос о существовании некоторых локальных различий между этими памятниками. Эти различия следующие: во-первых, доминирующие типы наконечников Сапалли являются единичными для Дашли-3; во-вторых, известные в Сапалли наконечники иволистной и подтреугольной формы с низко опускающимися жальцами не встречаются в Дашлы-3; в-третьих, характерные для Дашлы-3 ромбовидные наконечники отсутствуют в Сапалли и, наконец, в Сапалли не встречаются проколки и сверла неолитического облика, характерные для Дашлы-3. Эти различия дополняют свидетельства правомерности выделения локального варианта сапаллинской культуры в Дашлинском оазисе [13]. Все кремневые изделия Сапалли-тепа были исследованы под бинокуляром. Из 50 наконечников стрел 24 (48%) сохранили следы вторичного использования. Рабочие следы прослеживаются в виде легкого блеска, заваленности края и в редких случаях в виде линейных следов [14].

Из 24 наконечников, бывших в употреблении, 8 (40%), по-видимому, были использованы как скобели. Из них три (рис. 1, *1, 4;* 2, *12*) имеют следы на обоих краях, остальные на одном (рис. 1, *2, 3, 11*; 2, *7, 11*). Для скобелей характерными следами изнашивания являются заваленность края. Следы, свойственные, по всей вероятности, ножам, обнаружены на 7 экз. (рис. 1, *5, 6, 8, 9, 26, 27*). Обычно кромки рабочего края у них не закруглены. Заполировка заходит в некоторых случаях во впадины. Такие ножи, судя по характеру следов, использованы, по-видимому, для резки мягких материалов (мясо).

Скребки (6 экз. рис. 1, *12*; 2, *1, 2, 8—10*) отличаются заполированностью рабочего края, в одном случае край имеет зеркальный блеск (рис. 2, *10*).

В коллекции были обнаружены две проколки (рис. 1, *6, 7*), у которых самый кончик острия сглажен и заполирован.

---

[11] *Сариниди В. И.* Ук. соч., с. 77—79, рис. 49.

[12] Там же.

[13] *Аскаров А.* Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1978, с. 106.

[14] На рисунках следы использования обозначены пунктирами; если заполировка лежит на обеих плоскостях рабочего края — то пунктиром и прямыми линиями.

В единственном случае на наконечнике были установлены линейные следы. Одно орудие использовалось как резец (рис. 1, *1*). Резцовым лезвием служил обломленный в древности кончик острия наконечника. Ширина пера на обломанном месте 2 *мм*. Линейные следы направлены перпендикулярно к ширине пера и находятся на самом торце. По всей вероятности, резец был использован для тонких работ по обработке кости и дерева.

Итак, в коллекции сапаллинских наконечников стрел обнаружены различные по функциональному назначению орудия труда: скобели, ножи, скребки, проколки и резец. Пилок, вкладышей, серпов и сверл, как на Алтын-депе, здесь нет. Следы изнашивания различных орудий труда также были установлены Г. Ф. Коробковой в коллекции наконечников стрел из Дашлы-3 [15]. Кремень очень ценился. Из 20 целых наконечников стрел вторично использованы только 6(30%) экземпляров, а из 30 обломанных были в употреблении 18 (60%). 40% орудий составляют скобели, использованные в обработке дерева. На некоторых наконечниках обнаружены следы, образующиеся при обработке мягких материалов; видимо, они применялись и при разделке туш [16]. Остеологический анализ материалов с поселения Сапалли позволил выявить 11 видов диких животных, служивших объектами охоты: бухарский олень, кулан, джейран, кабан, тур (бык), волк, шакал, лисица, барсук, камышовый кот, большая песчанка [17].

Наконечники стрел имели и военное значение. Сапаллинцы большое внимание уделяли вооружению и обороне. Одним из главных атрибутов сапаллинской культуры является своеобразность фортификационных сооружений, о которых свидетельствуют мощные крепостные стены (ширина 3 *м*) в три ряда со сложными входами-ловушками. Найдены сотни экземпляров каменных и глиняных ядер, служивших снарядами для метательных устройств. В вооружении сапаллинцев немаловажную роль играл и лук со стрелами, о чем свидетельствуют кремневые наконечники.

Ножевидные пластинки. Всего их 10 экз. Часть пластинок сравнительно крупного размера (рис. 1, *20, 21, 29*; 5, *3*). Но есть и мелкие. Длина одной из них достигает 9,4 *см* (рис. 1, *20*), самая маленькая имеет длину 2,5 *см* (рис. 5, *1*). Четыре пластинки имеют следы вторичной обработки (рис. 1, *20, 29*; 5, *4, 5*). Они оформлены односторонней отжимной ретушью. На всех пластинках фасетки лежат на спинке. Три относительно крупные пластинки, возможно, были использованы как струги (рис. 1, *20, 29*; 5, *4*). Заметна закругленность рабочей кромки, которая слегка заполирована. Одна пластинка выполняла режущие функции. Она имеет относительно тонкий профиль, угол заострения 25°, мелкие фасетки лежат на спинке и на брюшке (рис. 5, *3*). Линейных следов не обнаружено, прослеживается легкий блеск. Остальные пластинки не были в употреблении, следы вторичной обработки отсутствуют (рис. 1, *15, 16, 21, 28*; 5, *1, 5*). Хотя количество пластинок невелико, они свидетельствуют о высокой технике расщепления кремня в эпоху бронзы. Многие из них имеют тонкий, длинный, относительно прямой профиль. Такие пластинки можно получить способом откалывания с помощью посредника.

Скребки. Всего их 6 экз. (рис. 1, *14, 18, 19*; 5, *9*). Скребки округлой формы (2 шт.), ретушированы по всему краю со стороны брюшка (рис. 1, *14*). Имеются также концевые скребки (рис. 1, *18*). Следы изнашивания обнаружены только на двух экземплярах. Они имеют закругленный рабочий край и заполировку (рис. 1, *14*; 5, *9*). Среди них особого

---

[15] *Сариниди В. И.* Ук. соч., с. 77, 78.

[16] Судя по этнографическим сведениям, американские индейцы с помощью наконечников разделывали туши убитых ими животных. *Bushnell D.* Native Village and Village sites of the Missisippi. Washington, 1919, p. 42.

[17] *Аскаров А.* Сапалли-тепа, с. 131.

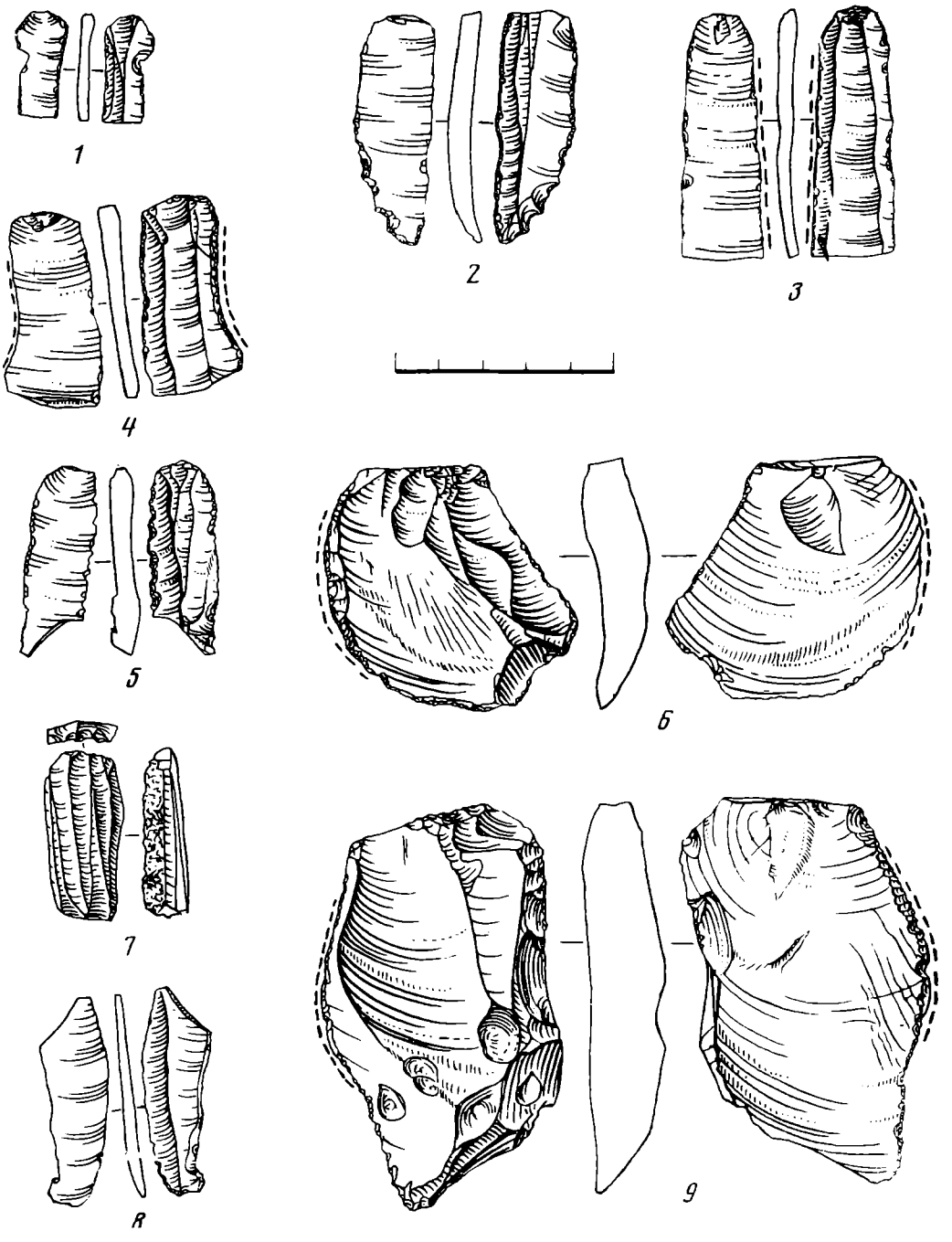


Рис. 5. Кремневые изделия из поселения Сапалли-тепа

внимания заслуживает массивный боковой скребок на отщепе, длина которого 9,5 *см*, ширина 5,2 *см* (рис. 5, 9). В работе использован выпуклый край, который сильно закруглен и заполирован. С помощью бинокулярной лупы были обнаружены линейные следы, направленные перпендикулярно рабочему краю, на самом выступающем месте, где происходило интенсивное соприкосновение с обрабатываемым материалом (по всей вероятности, шкуры). Угол заострения рабочего лезвия 25—27°. Скребок удобно захватывается правой рукой, большой палец сжимает его с брюшковой стороны. Орудие долгое время находилось в употреблении, о чем свидетельствует не только рабочий край, но и вся поверхность предмета, заполированная от трения о кожу руки. Скребок сделан

из высококачественного кремня коричневого цвета, в морфологическом отношении напоминает отщепы мустьерского типа.

Скобели. В коллекции их 2 экз. Первое орудие относительно массивно, округлой формы, размером 6,2×4,6 *см* (рис. 5,*6*). Специально изготовлена ударная площадка, отчетливо видны ударный бугорок и точка удара. По всему выпуклому краю есть следы заостряющей ретуши и сработанности, рабочее лезвие слегка закруглено и заполировано. Линейные следы не обнаружены. Второе орудие (рис. 3, *11)* не было в употреблении, но по внешним признакам можно отнести его к скобелям. Прослеживается интересная деталь: фасетки заостряющей ретуши лежат не на спинке отщепа, как это было зафиксировано на предыдущих экземплярах, а на стороне брюшка. Последние три изделия, функционально определенные как скребок и скобель, морфологически очень близки к мустьерским типам.

Отщеп с зубчатыми выемчатыми краями представлен одним экземпляром (рис. 5, *2*). На небольшом по длине крае (3 *см*) по обеим плоскостям лежат крупные фасетки. Следы использования не обнаружены.

Нуклеусы. Всего их 7 экз. Два из них имеют ахраичный вид, это относительно крупные, одноплощадочные призматические нуклеусы, обработанные параллельным скалыванием (рис. 1, *13*; 3, *10*). Остальные имеют микролитоидный вид, в основном с параллельным скалыванием пластинок (рис. 1, *17—19*, *43*).

Большой интерес представляют два изделия с поселения бронзового века в Северном Афганистане (Акчинский оазис), которые свидетельствуют о сходстве техники скалывания с сапаллинским изделием. Одно из них — великолепный призматический нуклеус, так называемый карандашевидный с параллельным встречным скалыванием (рис. 5, *7*). На обоих концах специально изготовлены ударные площадки, сохранилась желвачная корка на обратной стороне. Нуклеус служил для снятия микропластинок размером 4×0,4 *см*. Второе — проколка округлой формы, сделана тонкой отжимой ретушью. Эти два изделия свидетельствуют о пережитках неолитической техники обработки камня. Такие нуклеусы и проколки характерны для Джейтунской культуры Южного Туркменистана [18].

Вопрос о роли каменных изделий в эпоху бронзы является спорным. Одни исследователи считают, что с появлением металла развитие технологии обработки камня прекращается. Ю. А. Мачанов, специально изучив каменные орудия с поселения поздней бронзы, отмечает, что «камень как основной материал для изготовления орудий труда действительно исчерпал все возможности дальнейшего развития в конце неолита» [19].

А. Аскаров полагает, что «в обществе первобытных оседлых земледельцев кремень (один из основных сырьевых материалов для изготовления орудий труда) уже теряет прежнюю роль и его заменяет металл, широко распространившийся во всех сферах производственной деятельности населения эпохи бронзы» [20]. Другие исследователи считают, что с появлением металлов искусство обработки камня не утрачивается, а развивается и совершенствуется. «В культурах, сопровождаемых предметами из меди и бронзы,— пишет М. Е. Фосс,— отмечается развитие техники сверления, пиления, полирования камня, тонкая отжимная ретушь и много других приемов обработки камня, доведенных до совершенства» [21].

---

[18] *Массон В. М.* Поселение Джейтун.— МИА, № 180, 1971, с. 26—44, табл. X, XI, XVI.

[19] *Мачанов Ю. А.* Ук. соч., с. 152.

[20] *Аскаров А.* Сапалли-тепа, с. 87.

[21] *Фосс М. Е.* О терминах «неолит», «бронза», «культура».— КСИИМК, вып. XXIV, 1949, с. 42.

Анализ кремневого инвентаря с поселения Сапалли-тепа позволяет заключить, что с появлением металла кремневые изделия не теряют значения в хозяйстве, хотя в количественном отношении сокращаются по сравнению с предыдущими периодами. В технике обработки камня не только не наблюдается деградаций, но, напротив, фиксируется развитие и совершенствование.

Вместе с тем наряду с бронзовыми орудиями и оружием сосуществуют микропластинки, скребки, нуклеусы неолитического характера, скобели и скребки мустьерского вида и т. п.

T. Shirinov

FLINT ARTIFACTS FROM THE BRONZE AGE SETTLEMENT SAPALLI-TEPA

Summary

Nearly 90% of arrowheads are absolutely symmetrical in plan and section. According their form, arrowheads are divided into several types: prolonged-leafshaped, subtriangular, almond-shaped, laurel-leaf shaped, and willow-leaf shaped. The length of arrowheads is from 3,6 to 6,8 cm, some are 9,5 cm long (these are possibly dartheads). The correlation of arrowheads from different Bronze Age sites Altyn-depe, Dashly-3 and Sapalli-tepa enabled the author establish progressive development of the form and technology of treatment of flint artifacts (fig. 5). 48% of all arrowheads, investigated with the help of binocular microscope, produced traces of work, characteristic for spoke-shaves, scrapers, knives, perforators and burins. The collection also includes massive flakes of the mustierian type, which were used as a spoke-shave and a scraper.

Л. С. ИЛЬЮКОВ

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ «ВИЛКИ» МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В 90-е годы прошлого столетия Н. И. Веселовский в курганах Прикубанья обнаружил оригинальные металлические втульчатые вилки с загнутыми концами. Два таких изделия происходили из богатой могильной камеры дольменообразного сооружения (кург. 1) ст. Царской (ныне ст. Новосвободная) [1]. В течение нынешнего века подобные орудия продолжают находить или случайно, или в курганных погребениях, или в кладах металлических вещей на Северном Кавказе и в Крыму. Теперь их известно уже 12.

В обширной литературе по майкопским древностям этим находкам уделяется, к сожалению, мало внимания: их упоминают, иногда кратко описывают, в некоторых случаях указывают утилитарное назначение; в специальных исследованиях приводятся данные спектрального анализа металла, из которого были отлиты эти предметы. А. А. Иессен отметил отсутствие вилок в раннемайкопских комплексах [2]. В 1975 г. С. Н. Кореневский резюмировал: «Двурогая вилка является одним из характерных и загадочных металлических орудий майкопской культуры» [3].

Поэтому одним из важных вопросов, который ставится и в той или иной мере освещается на страницах нашей работы, является определение места вилообразных орудий в жизни племен майкопской культуры. Делается попытка наметить этапы развития вилок-крючков в новосвободненское время.

Металлические вилки открыты в восьми пунктах (рис. 1), точные координаты четырех предметов утрачены.

1. В кург. 1 у ст. Псебайской, раскопанном Н. И. Веселовским, под каменной насыпью было выявлено одно погребение. При скелете, который совсем истлел, нашли топор и украшения. А в западной части могилы обнаружили двурогую металлическую вилку с укороченной втулкой (рис. 2, *1*), наконечник копья и тесло [4].

2. Дольменообразное сооружение кург. 1 у ст. Новосвободной [5]. В большой камере около груди человека лежали бронзовые долота, тесла, ножи, наконечник копья, топоры, две вилки, у одной из них нижняя часть втулки украшена зигзагообразным ободком (рис. 2, *2, 3*), один крюк с антропоморфными фигурками (рис. 3, *2*), черпак с длинной ручкой.

---

[1] ОАК за 1898 г. СПб., 1901, с. 33—39.

[2] *Иессен А. А.* К хронологии больших кубанских курганов.— СА, XII, 1950, с. 173.

[3] *Кореневский С. Н.* Комплекс бронзовых орудий майкопского погребения у станицы Псебайской.— КСИА АН СССР, № 142, 1975, с. 69.

[4] ОАК за 1895 г. СПб., 1897, с. 134; *Кореневский С. Н.* Ук. соч. В монографии Р. М. Мунчаева депаспортизированная вилка, хранящаяся в Краснодарском музее, ошибочно включена в псебайский комплекс находок (*Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1975, рис. 52, *8*).

[5] ОАК за 1898 г., с. 33—39; *Попова Т. Б.* Дольмены у ст. Новосвободной.— Тр. ГИМ, вып. XXIV, 1963.

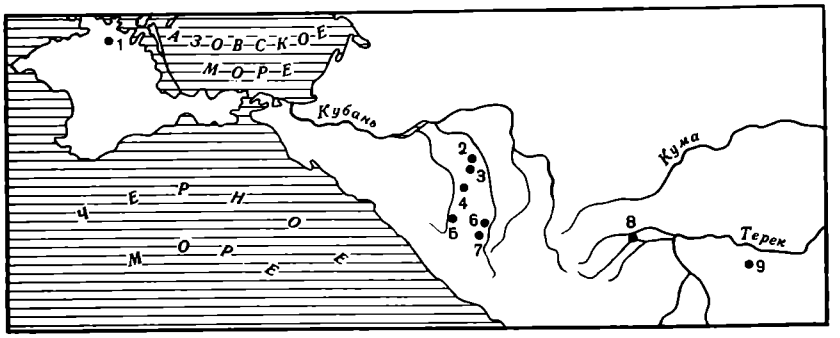


Рис. 1. Карта распространения двурогих вилок: *1* — Долинка; *2* — Ярославская; *3* — Махошевская; *4* — Новосвободная; *5* — Каменномостская; *6* — Псебайская; *7* — Андрюковская; *8* — Чегем II; *9* — Бамут

У восточной стенки кроме пяти глиняных сосудов и двух бронзовых чаш стояли два медных котла плохой сохранности. По мнению Т. Б. Поповой, в могилу поместили три котла, от третьего сохранилось несколько фрагментов [6].

3. В 1904 г. в хищнически раскопанном кургане у ст. Махошевской найдено несколько металлических орудий типа майкопской культуры, в том числе втульчатая вилка (рис. 2, *4*) [7].

4. Курган у ст. Ярославской, раскопанный местными жителями в 1910 г. В каменной гробнице обнаружены топор, нож, принадлежности для сверления, «грабельки» с двумя загнутыми концами с отверстием (т. е. двузубая вилка) и два котла. Неясно, был ли в гробнице скелет человека [8].

5. Клад медных вещей, происходящих из Каменномостской станицы. В нем хранилась металлическая вилка, ныне утерянная [9].

6. Бамутский могильник, кург. 6 (по полевой документации — 9), погр. 9. Раскопки Р. М. Мунчаева в 1961 г. В кенотафе, устроенном на древней дневной поверхности, найдены точильный камень, ступа, глиняные сосуды, ножи, шило двурогая вилка (рис. 2, *5*) и медный котел [10].

7. Чегем II, кург. 21, погр. 5 (раскопки И. М. Мизиева в 1972 г.). Возле черепа погребенного человека лежали тесло, кинжал, топор, долота, костяной молоток, бусы и двузубая вилка (рис. 2, *6*). В углах могильной камеры обнаружены обломки глиняных сосудов [11].

8. Металлическая двурогая вилка найдена А. А. Щепинским в Крыму (с. Долинка) [12]. Вместе с ней были топор, нож и тесло.

9—12. В Краснодарском музее хранятся четыре депаспортизированные вилки, происходящие из Прикубанья. У одного изделия грани в нижней части зубьев украшены насечками (рис. 2, *7—10*), остальные без орнамента [13].

---

[6] *Попова Т. Б.* Ук. соч., с. 12. Возле черепа найдено много украшений, а в малом помещении дольмена обнаружен целый ряд бытовых предметов.

[7] *Иессен А. А.* К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе.— ИГАИМК, вып. 120, 1935, с. 83, рис. 4, *2*.

[8] ИАК, прибавление к вып. 7, 1910, с. 154, 155; *Мунчаев Р. М.* Ук. соч., с. 253—255.

[9] *Иессен А. А.* К хронологии..., с. 163; *Формозов А. А.* Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965, с. 114.

[10] *Мунчаев Р. М.* Ук. соч., с. 292, рис. 67, 68.

[11] *Мизиев Н. М., Бетрозов Р. Ж., Нагоев А. Х.* Археологические раскопки 1972 года в Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1973, с. 13, рис. 5, *12*.

[12] *Формозов А. А.* Эпический сюжет в причерноморском искусстве бронзового века.— КСИА АН СССР, № 123, 1970, с. 50; *Щепинський А. О.* Кемі-обинська культура.— Археологія Української РСР, т. І. Київ, 1971, с. 259. Искренне благодарю О. Г. Шапошникову за сведения об этом комплексе.

[13] *Черных Е. Н.* История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966, рис. 27, *30*, *31*; 28, *78*; *Попова Т. Б.* Ук. соч., табл. XVIII, *3*.

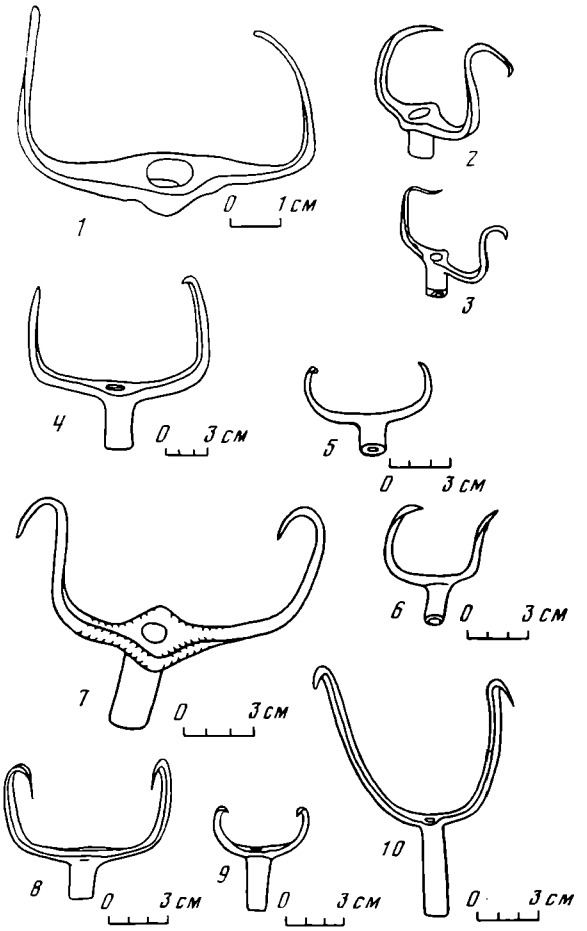


Рис. 2. Двурогие вилки: *1* — Псебайская; *2*, *3* — Новосвободная; *4* — Махошевская; *5* — Бамут; *6* — Чегем II; *7*—*12* — Прикубанье

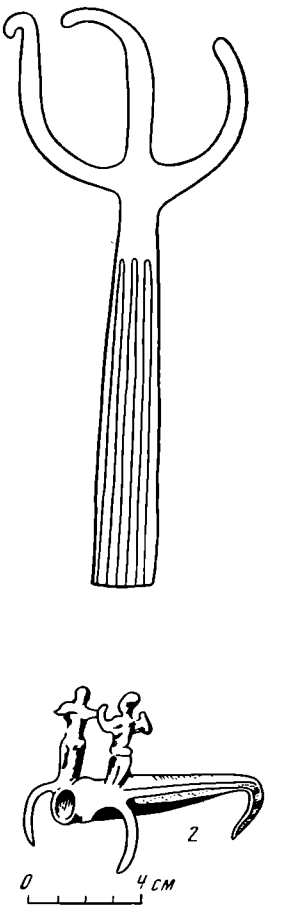


Рис. 3. Синкретические металлические предметы: *1* — Верхнее Эшери, дольмен IV; *2* — Новосвободная, кург. 1

Все вилообразные предметы цельнолитые. У них по два четырехгранных загнутых зуба и цилиндрическая втулка для деревянной рукояти. Эти орудия небольших размеров. Так, размеры средней вилки: общая длина 12 *см*, наибольшее расстояние между зубьями 16 *см*. У некоторых втулки длинные — до 7,3 *см*, у псебайского орудия втулка укороченная.

Кроме втульчатых вилообразных орудий известно два металлических двузубых крючка, согнутых из четырехгранного прута, без втулки. Один происходит из кург. 7 у ст. Андрюковской (раскопки Н. И. Веселовского, 1896 г.) [14] (рис. 4, *2*). Второй найден в курганном могильнике Чегем II, кург. 21, погр. 4 (рис. 4, *1*) [15]. Отсутствие такой существенной детали, как втулка, определяло и функциональное отличие крючков от вилок. Авторы публикации чегемского комплекса предполагают, что, вероятно, крючок (из погр. 4 кург. 21.— *Л. И.*) служил для подвешивания туши мелкого скота [16].

А. А. Иессен включил известные ему комплексы с вилками в группу памятников, примыкающих к курганам ст. Новосвободной, давшей имя целой хронологической группе позднемайкопских древностей,— новосво-

---

[14] *Попова Т. Б.* Ук. соч., с. 27. Хранится в ГЭ, инв. № 29/19, Пользуюсь случаем выразить глубокую признательность Ю. Пиотровскому, который познакомил меня с майкопскими находками, хранящимися в Гос. Эрмитаже.

[15] *Мизиев И. М., Бетрозов Р. Ж., Нагоев А. Х.* Ук. соч., с. 13, рис. 5, *13*.

[16] Там же, с. 17.

бодненской [17]. Сюда же были отнесены депаспортизированные вилообразные изделия [18]. Вилок нет в Большом Майкопском кургане. Они отсутствуют в списке раннемайкопских комплексов, которым оперировал А. А. Иессен, и в расширенном варианте этого списка, помещенном в работе Р. М. Мунчаева [19]. Судя по инвентарю, ни одна вилка не может датироваться раннемайкопским временем. Появление вилообразных орудий в новосвободненских памятниках представляется неожиданным. Однако следует, видимо, учитывать своеобразие памятников, в которых они встречаются. В. А. Сафронов и Н. А. Николаев, вслед за А. Д. Столяром и Б. А. Латыниным, обратили внимание на то, что дольменообразные сооружения ст. Новосвободной и раннемайкопские древности — это разные культурные явления [20]. В этом они, очевидно, правы. Не исключено, что и хронологически рассматриваемые памятники отстоят дальше друг от друга [21]. По-видимому, отсутствие вилок в центральном погребении Большого Майкопского кургана вытекает из своеобразия этого могильного сооружения, своеобразия скорее этнического порядка, чем социального. С точки зрения социальной значимости Большой Майкопский курган и дольменообразное сооружение кург. 1 ст. Новосвободной, видимо, равнозначны.

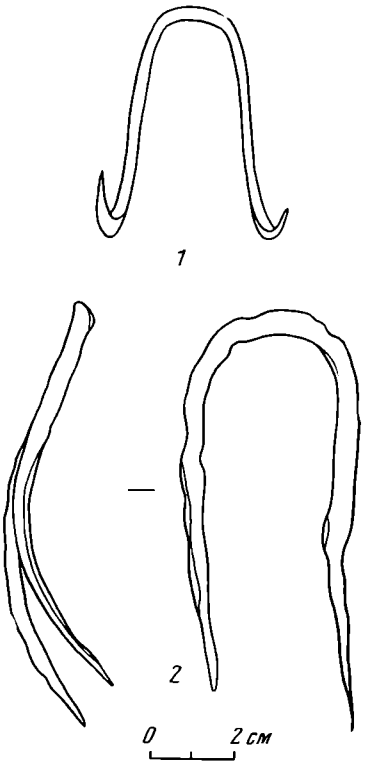


Рис. 4. Двузубые крючки: *1* — Чегем II, кург. 21, погр. 4; *2* — Андрюковская, кург. 7

На северном Кавказе двузубая вилка в известных нам комплексах имеет вполне сложившуюся форму. У нас нет оснований считать двузубый крючок (Чегем II, Андрюковская) исходной формой двузубой вилки лишь потому, что у него отсутствует втулка. Крючки одновременны вилкам. И к тому же у них, по-видимому, иное функциональное назначение.

В трех случаях из шести [22] в погребениях вместе с вилками обнаружены медные котлы, которые являются редкой находкой в погребениях майкопской культуры [23]. Взаимовстречаемость котлов и вилок подтверждает предположение об употреблении вилок при извлечении вареного мяса из котла. В эпическом сказании о нарте Бадыноко говорится о том,

---

[17] *Иессен А. А.* К хронологии...,

[18] *Черных Е. Н.* Ук. соч. Не совсем понятно отнесение одной такой вилки в группу древностей I этапа северокавказской культуры (*Марковин В. И.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.).— МИА, № 93, 1960, рис. 50, *48*).

[19] *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века.

[20] *Николаева Н. А., Сафронов В. А.* Происхождение дольменной культуры Северо-Западного Кавказа.— В сб.: Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников. Сообщения, вып. VII. М., 1974, с. 179, 180; *Столяр А. Д.* Энеолитическое поселение Мешоко. Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Гос. Эрмитажа за 1959 г. Л., 1960, с. 35; *Латынин Б. А.* Молоточковидные булавки, их культурная атрибуция и датировка.— АСб. ГЭ, 1967, № 9, с. 95.

[21] М. В. Андреева считает возможным удревнить возраст основного погребения Большого Майкопского кургана (*Андреева М. В.* К вопросу о южных связях майкопской культуры.— СА, 1977, № 1, с. 55, 56).

[22] Новосвободная, Махошевская, Бамут.

[23] *Мунчаев Р. М., Чеченов И. М.* Находка котла майкопской культуры в г. Нальчике.— КСИА АН СССР, № 115, 1969, с. 54 сл.

как один из нартов по имени Шужей «воткнул в котел огромную двурогую вилку и достал оттуда целую ногу быка» [24]. А. Миллер во время поездки по Абхазии обратил внимание, что абхазы вареное мясо из железных котлов вынимают особыми железными вилками, тоже двузубыми и с длинной витой железной ручкой [25]. Абхазские вилки напоминают очажную цепь — собственно цепь и крюк для подвешивания котла, которая являлась священной в любом абхазском доме.

В решении вопроса о происхождении двузубых вилок в новосвободненское время на Северном Кавказе большое значение имеют простые однозубые крюки, появившиеся здесь в это же время.

В подкурганном дольмене ст. Новосвободной (кург. 1) вместе с двумя вилками был положен оригинальный крюк (рис. 3, 2) [26]. У него на втулке имеются две антропоморфные фигурки, а у их основания — два прута, отогнутых книзу. Втулка литая граненая, что отнюдь не характерно для однозубых крюков Северного Кавказа. Огранка втулки не случайна у новосвободненского изделия. Именно так, очевидно, подчеркивалась близость данного предмета с однозубыми крюками, согнутыми из четырехгранного прута; один из них найден в соседнем дольменообразном сооружении ст. Новосвободной [27]. А вот два прута, отогнутые от втулки книзу, у рассматриваемого изделия выглядят рудиментарными. Скорее всего, это «зубья» вилки [28]. Так что, видимо, новосвободненский крюк с антропоморфными фигурками по своему характеру является синкретическим предметом: с одной стороны — «крюк», а с другой — «вилообразное орудие».

Трехзубый крюк найден в дольмене IV у с. Верхнее Эшери [29]. Втулка граненая, а зубья расположены в один ряд (рис. 3, *1*). Не исключено, что трехзубый крюк — это один из вариантов синкретизма крючка и вилки, который стал возможным ввиду одинакового функционального употребления орудий.

Если синкретический новосвободненский предмет обнаружен в комплексе с двурогими вилками, то трехзубый крюк из с. Верхнее Эшери найден вместе с однозубым крюком, тоже цельнолитым, имеющим орнамент на втулке и отверстие для крепления на деревянной рукояти [30].

Интересна серия однозубых крюков, обнаруженных в памятниках новосвободненского типа, в дольменах и даже в степных курганах (катакомбная культура).

Однозубый крюк в виде четырехгранного прута с коротким насадом был обнаружен в дольменообразном сооружении у ст. Новосвободной (кург. 2). Его насад вбит в торец круглой в сечении деревянной ручки. Конец рукояти около крюка обмотан нитками и стянут металлическим спиральным кольцом (рис. 5, *1*) [31]. По внешнему виду он ничем не отличается от четырехгранного зуба вилки.

Втульчатый оригинальный крючок (рис. 5, *2*) происходит из курганного погребения, случайно открытого в 1926 г. около ст. Тимошевской. В этом погребении были черенковый кинжал, медное шило, каменный оселок и галька [32]. А. А. Иессен включил тимошевский комплекс в ново-

---

[24] Нарты. Кабардинский эпос. М., 1957, с. 218.

[25] *Миллер А.* Из поездки по Абхазии в 1907 г. Материалы по этнографии России, т. I. СПб., 1910, с. 78, рис. 24, фиг. 3.

[26] Наиболее точный рисунок приводится в статье А. А. Формозова (*Формозов А. А.* Эпический сюжет..., рис. 10, *4*).

[27] *Попова Т. Б.* Ук. соч., табл. I, *6*.

[28] Видимо, не случайно этот предмет некоторые исследователи называют вилами (*Формозов А. А.* Эпический сюжет..., с. 50, рис. 10, *4*).

[29] *Куфтин Б. А.* Материалы к археологии Колхиды, т. I. Тбилиси, 1949, табл. XXXII, *3*.

[30] Там же, табл. XXXII, *8*.

[31] *Попова Т. Б.* Ук. соч., табл. I, *6*.

[32] Приношу искреннюю благодарность А. М. Ждановскому за присланные сведения об этом комплексе.

свободненскую группу [33]. Металлический крючок имеет гофрированную втулку, в стенке которой имеется отверстие для крепления [34]. Характер «соединения» втулки и стержня крюка свидетельствует о том, что гофрированный вид втулки — это своеобразная имитация металлической спирали, которая не позволяла соскакивать с рукояти крючку, имеющему небольшой насад, а не втулку. В некотором роде прообразом тимошевского изделия является новосвободненский крюк со спиральным креплением.

Новосвободненский крюк с антропоморфными фигурками дополняет сведения о развитии втулки. Здесь, по-видимому, представлена попытка осмыслить втулку как полость внутри ограненного крюка.

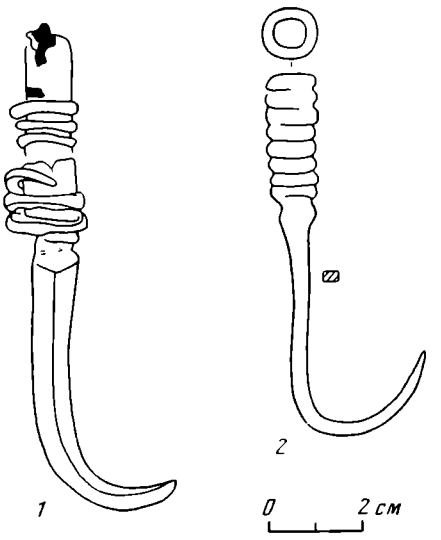


Рис. 5. Однозубые крюки: *1* — Новосвободная, кург. 2; *2* — Тимошевская

Цельнолитой втульчатый крюк найден в дольмене IV у с. Верхнее Эшери. Он украшен «рельефным кантом вокруг обоих отверстий по краю втулки и вдоль четырех ее сторон; между продольными кантами размещены зигзаги в форме змеек» [35].

Из западнокавказских дольменов происходит серия однозубых крюков со свернутыми втулками (ст. Абадзехская [36], дольмен 75 в бассейне р. Кизинки [37], дольмен II у с. Верхнее Эшери [38]). Такие крюки известны в Прикубанье [39], в комплексе среднекубанского типа у хут. Кубанского [40]. Они известны в погребениях катакомбной культуры Калмыкии (I Лолинский могильник, кург. 4, погр. 7 [41] и 8 [42]), в Поволжье [43], на Донеччине (Каменка, кург. 15, погр. 3; Фрунзе, кург. 8, погр. 2, камера 2) [44]. Два крюка со свернутыми втулками входили в клад металлических изделий срубной культуры, происходящий из с. Лобойковка, севернее Днепродзержинска [45].

Таким образом, предположение А. А. Иессена о том, что одиночный крюк с насадом из ст. Новосвободной эволюционирует в конце новосвободненского периода в крючки со свернутой из листа втулкой [46], находит подтверждение в фактическом материале.

Имеющийся в нашем распоряжении материал об эволюции однозубых крюков не содержит никаких данных, которые позволили бы рассматривать двузубую новосвободненскую вилку как результат соединения двух

---

[33] *Иессен А. А.* К хронологии..., с. 163.
[34] *Иессен А. А.* К хронологии..., с. 173.
[35] *Куфтин Б. А.* Материалы к археологии Колхиды, с. 281, табл. XXXII, *8*.
[36] Там же, с. 302, рис. 65, *1*.
[37] *Марковин В. И.* Раскопки дольменов в бассейнах рек Кизинки, Дегуак и Цуквадже.— АО — 1969. М., 1970, с. 91, рис. 1.
[38] *Куфтин Б. А.* Ук. соч., с. 281, табл. XXXI, *7*.
[39] *Черных Е. Н.* Ук. соч., рис. 29, *128*.
[40] *Иессен А. А.* К хронологии..., с. 173, табл. III, *8*.
[41] *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР (по раскопкам 1962—1963 гг.). Элиста, 1966, табл. 4, *3*, *2*.
[42] Там же, с. 35, табл. 4, *1*, *3*.
[43] *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев, 1976, рис. 32, *9*, прим. 1 к гл. III.
[44] Там же, рис. 72, *1*, *2*, *29*.
[45] С этими находками меня познакомил В. С. Бочкарев, которому выражаю свою признательность. Их публикация: *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М., 1976, табл. XXXII, *1—3*.
[46] *Иессен А. А.* К хронологии..., с. 173.

однозубых крюков. Здесь мы наблюдаем скорее обратное: появление крюка как следствие упрощения двурогой вилки. Такое развитие явно имело под собой более серьезную подоплеку, нежели простое механическое упрощение. Семантическая сторона этого явления очень сложная. И, видимо, не случайно наличие антропоморфных фигурок на втулке синкретического новосвободненского изделия, которое являет собой одну из ранних втульчатых форм крюков. А. А. Формозов, называя параллели двум человеческим фигуркам новосвободненского «крюка», пишет, что это иллюстрация эпической сцены «единоборства», известная на кемиобинских стелах в Крыму (Казанки, Ак-Чокрак) [47] и среди рисунков на мегалитических изваяниях юга Франции (Морель, департамент Аверон) [48]. Очевидно, сюжет «единоборства» на Северном Кавказе тесно связан с мегалитическими постройками — дольменами, время появления и развитие которых — одна из загадочных и слабо изученных страниц древней истории народов Северо-Западного Кавказа [49].

Обращая внимание на то, что двузубая вилка новосвободненского облика не является результатом соединения двух однозубых крюков, следует отметить: в истории развития однозубых крюков со свернутыми втулками известен случай соединения двух однозубых крюков в виде одного орудия. Таким является двузубое орудие, найденное в Элистинском могильнике катакомбной культуры (погр. 6 кург. 8) [50].

Металл майкопской культуры находит многочисленные аналогии к югу от Кавказа [51]. Известны там и вилки, не являющиеся точными копиями северокавказских. Отметим вилку, найденную с культовыми сосудами в Астрабадском кладе (Северный Иран) [52]. Она относится ко времени Гиссар III, т. е. ко второй половине III тысячелетия до н. э. Металлические двурогие вилки, но все же отличающиеся от майкопских, известны в коллекции металлических изделий Гиссара III [53]. Среди резных изображений на печатях I Вавилонской династии встречаются антропоморфные боги. Иногда в правой или левой руке они держат двурогий жезл с отогнутыми зубьями [54]. В целом в искусстве Северной Месопотамии, Центральной Анатолии, Ирана на протяжении тысячелетий был широко представлен сюжет «вилки», который общепринято трактуется как мотив букрания, т. е. изображения быка в виде одной его головы или рогов [55]. Не менее широко известен образ быка в искусстве народов Средиземноморья, особенно в крито-микенском мире [56]. Мы встретимся с реалистическими или стилизованными (одни рога) изображениями живот-

---

[47] *Щепинский А. А.* Новая антропоморфная стела эпохи бронзы в Крыму.— СА, 1958, № 2; *Формозов А. А.* Эпический сюжет..., с. 49, рис. 10, *3*.

[48] *Формозов А. А.* Эпический сюжет..., с. 49, рис. 10, *3*.

[49] *Марковин В. И.* Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов. Нальчик, 1972; *его же.* Дольмены Западного Кавказа (некоторые итоги изучения).— СА, 1973, № 1; *Николаева Н. А., Сафронов В. А.* Ук. соч.

[50] *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Элистинский курганный могильник (по раскопкам 1964 г.). Элиста, 1971, рис. 12, *2*.

[51] *Попова Т. Б.* Ук. соч., с. 26 сл.; *Формозов А. А.* Каменный век..., с. 138, 139; *Кореневский С. Н.* О металлических топорах майкопской культуры.— СА, 1974, 3, с. 28; *Андреева М. В.* Ук. соч.

[52] *Contenau G.* Manuel d'archéologie orientale, t. LV. Paris, 1947, p. 2199—2203, fig. 1233.

[53] *Smidt E.* Tepe Hissar, excavations 1931.— In: The Museum Journal, v. XXIII, № 4. Philadelphia, 1933, pl. CXX, *A*.

[54] *Brentjes B.* Land zwischen den Strömen. Leipzig, 1963, Taf. 29.

[55] *Богославская Н. Б.* К проблеме сложения халафской культуры.— СА. 1972, № 2; *Брентьес Б.* От Шанидара до Аккада. М., 1976; *Bahadiz U.* Alkim. The ancient civilization of Anatolia 1. London, 1969, pl. 84—87; *Douglas Van Buren E.* Symbols of the Gods in Mesopotamian Art. Roma, 1945.

[56] *Дальский А. Н.* Театрально-зрелищные действия на Крите и в Микенах. Л.— М., 1937; *Müler-Karpe H.* Handbuch der Vorgeshichte. Kupferzeit. Dritter Teilband, III. München, 1974, Taf. 447, B; 442, B; *Gimbutas M.* The Gods and Goddesses of old Europe 7000—3500 BC. London, 1974; *Ebert E.* Reallexikon der Vorgeschichte, Bd II. 1925, Taf. 209.

ных — быка или коровы — у многих народов Евразии и Африки, разводивших крупный рогатый скот [57].

Сама по себе форма вилки не такая уж сложная, если сравнивать вилку с ассортиментом металлических изделий майкопской культуры. Так что, скорее всего, двузубая вилка — это продукция местных, кавказских литейщиков, заказ на которую определялся внутренними потребностями развивающегося майкопского общества скотоводов [58]. Носители майкопской культуры уже на ранних этапах были хорошо знакомы с высокохудожественной пластикой и графикой, в которой важное место отводилось быку [59].

Вилка была нужна для доставания вареного мяса из котла во время ритуальных пиршеств. Изготовление этого орудия в виде двурогой вилки не случайно. Очень часто ритуальный характер подчеркивался какой-нибудь деталью. Например, на священной посуде бурят, у которых особо почиталась лошадь, изображалась голова лошади [60], у нивхов для медвежьего праздника изготовлялась специальная посуда, орнаментированная мордой или лапами медведя [61].

Очевидно, в майкопском обществе, согласно ритуалу, вареное говяжье мясо можно было извлечь из котла только специальным орудием, которое обладало чертами этого жертвенного животного. И вот таким орудием являлась рогатая вилка, ассоциировавшаяся с бычьими рогами.

Учитывая географический и хронологический аспекты распространения майкопских орудий, следует допустить, что, по-видимому, не каждый владелец рогатой вилки точно знал ее первоначальный смысл как бычьего символа, хотя и пользовался вилкой вынимая вареное мясо из котла.

Двурогие вилки встречаются не в каждом погребении, хотя погребений позднемайкопского времени на Северном Кавказе открыто уже достаточно много. Если проанализировать семь погребальных комплексов, в которых найдены вилки, получается интересная картина. Оказывается, что это одни из наиболее «пышных», богатых погребальных сооружений рассматриваемого периода на Северном Кавказе [62]. По определению Т. Б. Поповой, в подкурганном дольмене I ст. Новосвободной был захоронен родовой старейшина [63]. Псебайское погребение «можно рассматривать как погребение знатного воина» [64].

Вероятно, в майкопском обществе, знакомом с имущественной дифференциацией [65], социально выделялись вожди, старейшины, выполнявшие ритуальные и культовые функции [66]. А так как «жизнь» в стране мертвых представлялась подобием настоящей, в могилы служителей культа клали обязательный культовый атрибут — рогатую вилку.

---

[57] *Бардавелидзе В. В.* Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси, 1957, табл. XXVII; *Пожидаев В. П.* Кабардино-черкесская тамга и кавказский орнамент.— Уч. зап. КНИИ, т. IV, Нальчик, 1948, рис. 8; *Фонберг.* О пережитке культа быка в с. Карачоле в Крыму.— СЭ, 1936, № 3, с. 84; *Шапошникова Л. В.* Тайна племени голубых гор. М., 1969, с. 43 и 76 сл.; *Брайант А. Т.* Зулусский народ до прихода европейцев. М., 1953, с. 208.

[58] *Цалкин В. И.* Древнейшие домашние животные Восточной Европы.— МИА, № 161, 1970; *Формозов А. А.* О хозяйстве племен майкопской культуры.— КСИА АН СССР, № 88, 1962.

[59] *Попова Т. Б.* Ук. соч., с. 27; *Формозов А. А.* Каменный век..., с. 127.

[60] *Вяткина К. В.* Культ коня у монгольских народов.— СЭ, 1968, № 6, с. 120.

[61] *Васильев Б. А.* Медвежий праздник.— СЭ, 1948, 4, с. 89, рис. 4.

[62] Не исключено, что вилка была в Нальчикской гробнице, ограбленной частично в древности и слегка разрушенной недавно во время земляных работ (*Чеченов И. М.* Нальчикская подкурганная гробница. Нальчик, 1973).

[63] *Попова Т. Б.* Ук. соч., с. 11.

[64] *Кореневский С. Н.* Комплекс бронзовых орудий..., с. 72.

[65] *Пиотровский Б. Б.* Формы хозяйства, способствующие образованию классов и становлению государства. Возникновение раннеклассового общества. Тезисы докладов. М., 1973, с. 3.

[66] *Токарев С. А.* Ранние формы религии и их развитие. М., 1964, с. 337.

L. S. Ilyukov

METALLIC «FORKS» OF THE MAYKOP CULTURE

Summary

At the Northern Caucasus and in Crimea original two-horned metallic forks with bent points were discovered. Now there are 12 such artifacts. The most part of them came from funeral complexes of the Novosvobodnaya type of the Maykop culture. Other forks are often synchronous to single-pronged metallic hooks, bent from tetrahedral rod, found in dolmens of the Northern Caucasus, in burials of the catacomb grave culture. Two-pronged fork is, evidently, the production of local, caucasian smelters, the demand for which was dictated by interior needs of the developing society of cattle-breeders of Maykop culture. The fork was used for extraction of boiled meat from a copper during ritual feasts. Because the «life» in the «country of the dead» was supposed to be similar to real life, the necessary cult artifact — two-horned fork was laid into the graves of ministers of religious worships.

И. Б. ВАСИЛЬЕВ, Г. И. МАТВЕЕВА

МОГИЛЬНИК У с. СЪЕЗЖЕЕ НА р. САМАРЕ

В 1973—1975 и 1977 гг. Средневолжская археологическая экспедиция Куйбышевского университета, пединститута, областного отделения ВООПИК и краеведческого музея проводила исследование могильника у с. Съезжее. Предварительные результаты работ 1973 г. уже опубликованы [1]. Здесь приводятся все материалы из раскопок могильника в течение 4 лет.

Могильник расположен в 1,5 *км* к западу от с. Съезжее Богатовского р-на Куйбышевской обл. на второй терассе левого берега р. Самары, левого притока Волги. Он занимает вершину небольшого курганообразного всхолмления в 150 *м* от реки. Могильник открыт в 1973 г. Г. Г. Пенины́м.

В осыпях траншеи, частично разрушившей могильник, им была собрана керамика, кремневые и костяные изделия, кости человеческих скелетов, окрашенных охрой. В дальнейшем при обследовании территории могильника и просмотре отвалов траншеи был собран многочисленный материал — долото, обломки фигурки лошади, костяная ложка, подвески, пронизки, бусы, керамика. На пашне также собраны обломки сосудов срубной культуры, которые свидетельствуют о том, что могильник перекрыт срубным поселением. Судя по тому, что погребения и скопления керамики найдены на площади 20×10 *м*, а на крайних квадратах раскопа не встречено даже единичных фрагментов керамики, сохранившаяся часть могильника исследована полностью. Шурфы и траншеи, заложенные за пределами всхолмления, никаких находок не дали. На соседнем возвышении обнаружено несколько более поздних погребений срубной культуры. На вершине всколмления, у края траншей заложили раскоп площадью 536 $м^2$ (рис. 1). Стратиграфия едина по всей площади раскопа. Сверху залегал темно-серый рыхлый пахотный слой толщиной от 0,15 до 0,30 *м*. Находки в этом слое немногочисленны — в основном это керамика срубной культуры, речные раковины, несколько кремневых пластин и отщепов, а также мелкие кусочки охры. Ниже залегал слой плотной темно-серой сильно гумуссированной супеси мощностью от 0,55 до 0,80 *м*. В нижней части она имела более светлую окраску. Основная часть культурных остатков находилась в этом слое. Под ней залегал слой белесой супеси толщиной от 0,10 до 0,40 *м*. Находки здесь единичны и встречались только в норах грызунов. Ниже находился стерильный желтый песок. Основная часть находок обнаружена на небольшой площадке 6×4 *м*, на глубине 0,45—0,50 *м*. На уровне древней поверхности находились черепа и кости ног двух лошадей, развалы двух сосудов, гарпун, бусы из раковин. Все эти предметы и земля вокруг них были посыпаны красной охрой. Охра встречена и на внутренней поверхности сосудов (видимо, в них она

[1] *Васильев И. Б., Матвеева Г. И.* Поселение и могильник у села Съезжее (предварительная публикация).— В сб.: Очерки истории и культуры Поволжья, вып. 2. Куйбышев, 1976, с. 73—96.

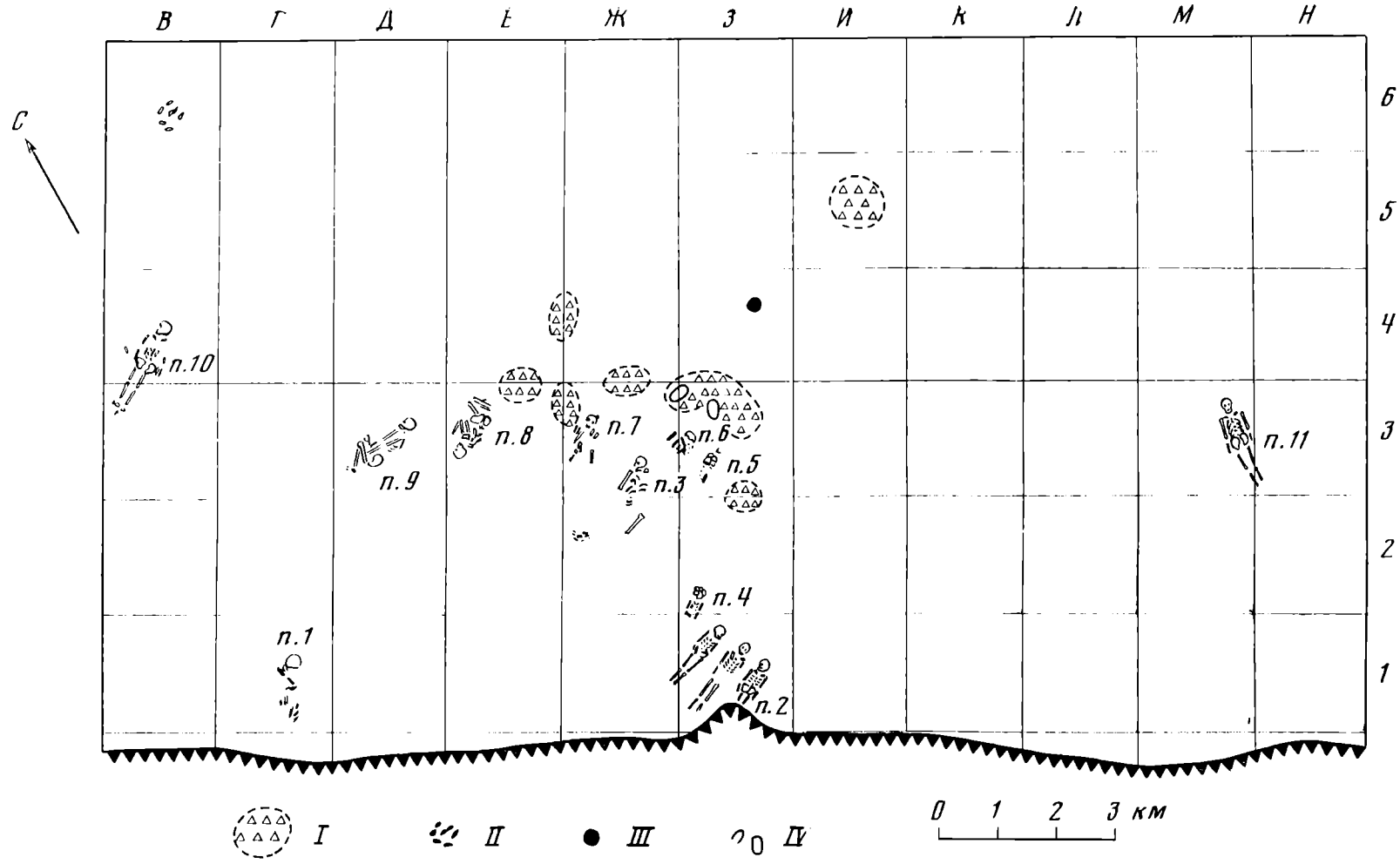


Рис. 1. Часть раскопа с погребениями из могильника у с. Съезжее: I — скопление керамики; II — скопление галек; III — фигурка лошади; IV — черепа лошадей

была принесена на территорию могильника). Наиболее вероятна связь этой жертвенной площадки с погребениями, из которых самые богатые (погребения 3, 5, 6, 7) группировались именно в этом районе, под площадкой. Погребения 2 и 4 находились в 2 *м* южнее, погр. 1 — в 4 *м* западнее. Погребения 10 и 11 обнаружены в стороне от группы, в 5—6 *м* от нее. Остальные сосуды также лежали не в погребении, а на уровне древней поверхности в виде развалов. Совершены погребения неглубоко, вероятно, в древней погребенной почве, на глубине от 10 до 40 *см* от древней (0,58—0,96 *м* от современной) поверхности.

На квадрате в/6 на глубине 0,6 *м* от современной поверхности, в 3 *м* к северо-востоку от погр. 10 найдены шесть плоских продолговатых галек гранита разных цветов — синего, зеленоватого и сиреневого, лежащих в аккуратной кучке. Всего в раскопе обнаружено 11 погребений (рис. 2).

Погребение 1 (рис. 2, *1*) находилось на квадрате г/1 на глубине 86 *см* от современной поверхности. Оно залегало несколько выше материка в слое светло-серой супеси. Костяк плохо сохранился и, видимо, был потревожен грызунами или позднейшими перекопами в период обитания на площадке могильника населения срубной культуры. Судя по положению черепа и отдельных сохранившихся костей рук и ног, скелет лежал на спине и был ориентирован головой на северо-восток. Никаких вещей рядом с ним обнаружено не было.

Тройное погребение 2 (рис. 2, *3*) было найдено на квадрате з/1. Чуть выше погребения в слое плотной темно-серой супеси встречены кости животных, фрагменты керамики, тесло, перламутровые бусы и пронизки из раковины. Погребение находилось на глубине 80 *см* от современной поверхности. Центральный погребенный (рис. 2А) лежал на 10 *см* выше остальных (на глубине 70 *см*). Первый погребенный лежал на спине, руки вытянуты вдоль туловища, череп — на правом боку, лицом к центральному костяку. Под черепом подсыпка из охры. Центральный погребенный, самый крупный из трех, лежал вытянуто на спине, лицом вверх. Сохранность костяка плохая. Недалеко от него найден кусочек медного шлака. Под черепом прослежена подсыпка из охры. Третий скелет, самый небольшой, лежал на спине, ноги вытянуты, руки согнуты в локтях, кисти — на тазовых костях. Сохранность плохая. Под черепом находилась подсыпка из охры и несколько угольков. Череп лежал на левом боку, лицо погребенного обращено к центральному костяку. В 15 *см* к северу от черепа третьего костяка найдена подвеска из кабаньего клыка. В засыпке могилы обнаружено каменное тесло. Ориентировка погребенных восточная с небольшим отклонением к северу.

Погребение 3 (рис. 2, *2*) находилось на границе квадратов ж/2 и ж/3. Оно было сильно потревожено позднейшими перекопами. Костяк залегал на глубине 58 *см*. Найден только череп, правая плечевая кость и рёбра. Все остальные кости скелета были смещены или вообще отсутствовали. Череп достаточно хорошей сохранности ориентирован на восток с отклонением к северу, лежал на правом боку. Хорошо прослеживалась охристая подсыпка. Почти полностью были окрашены и кости погребенного.

Погребение 4 (рис. 2, *4*) найдено на квадрате з/2 на глубине 90 *см*. Детский костяк очень плохой сохранности был ориентирован головой на восток с отклонением к северу. Череп лежал на левом боку, а сам костяк, судя по положению ребер и костей рук,— на спине. Нижняя часть скелета не сохранилась. Кости ног обнаружены несколько выше, на глубине 68 *см*. Они были окрашены охрой. Костяк потревожен. Над погребением на глубине 38 *см* найдены перламутровые бусины.

Погребение 5 (рис. 2, *7*) находилось на квадрате з/3 и частично заходило на квадрат з/2. Костяк лежал на глубине 70 *см*. От него сохранился только раздавленный череп, лежавший на правом боку. Судя по положению черепа, костяк был ориентирован на восток с отклонением к

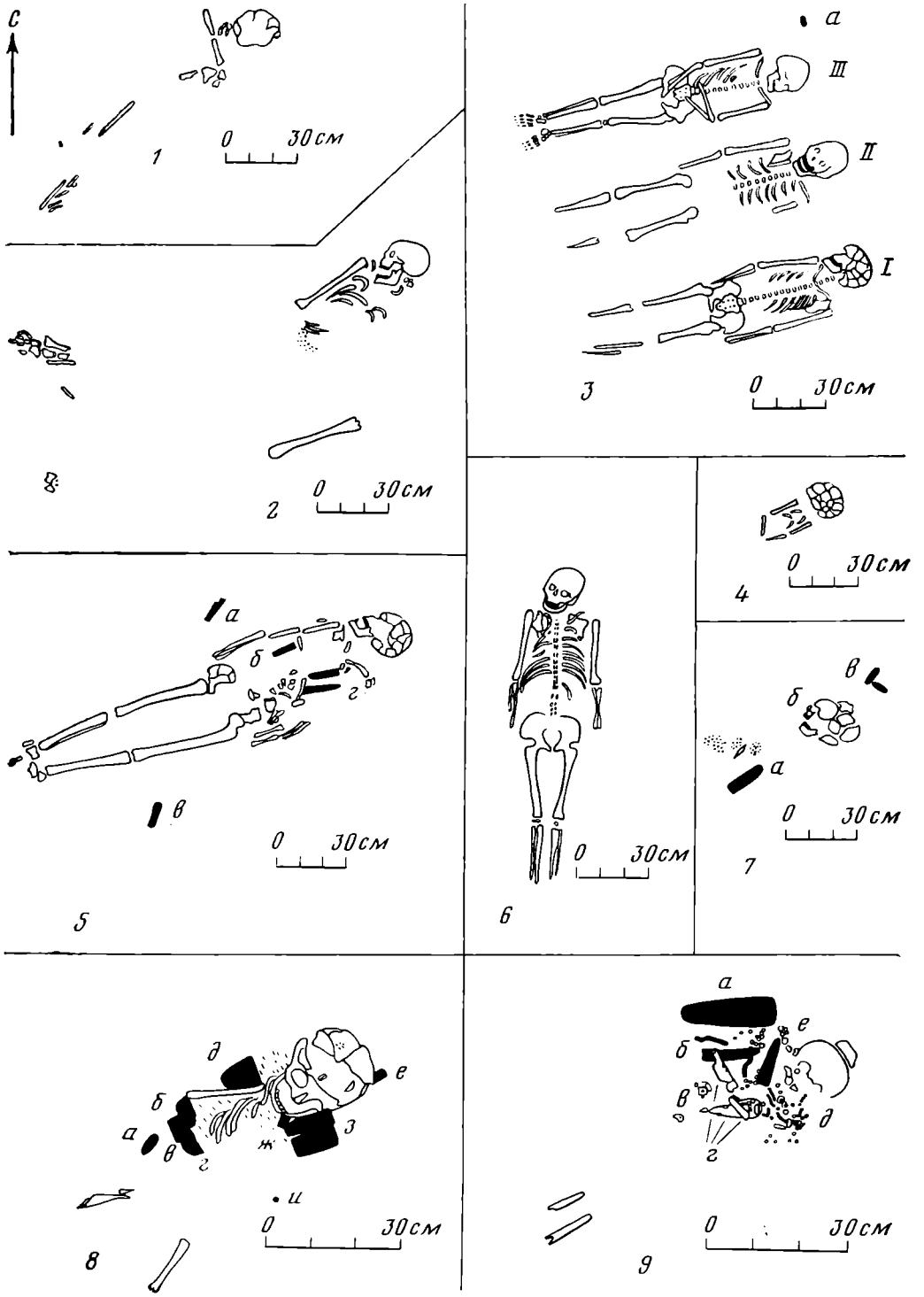


Рис. 2. Планы погребений. *1* — погр. 1; *2* — погр. 3; *3* — погр. 2 (*а* — подвеска); *4* — погр. 4; *5* — погр. 1 (*а*, *б* — обломки вкладышевого ножа, *г* — орудие из трубчатой кости); *6* — погр. 11; *7* — погр. 5 (*а* — тесло, *б* — подвеска, *в* — костяные фигурки); *8* — погр. 7 (*г* — *з* — каменные шлифованные орудия, *и* — бусина из раковины); *9* — погр. 6 (*а* — тесло, *б* — обломки ножа, *в* — фигурные подвески из раковины, *г* — костяные фигурки, *д*, *е* — бусы и подвески из раковины

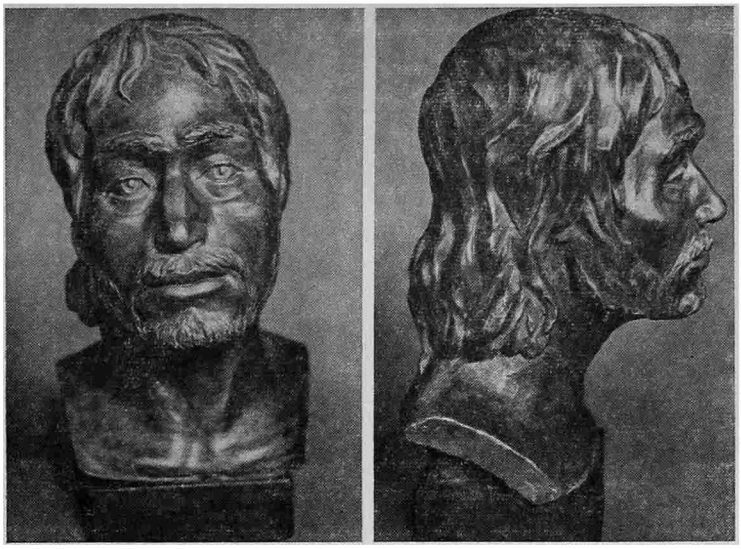


Рис. 2А. Реконструкция по черепу центрального костяка погр. 2 могильника у с. Съезжее. Выполнена Л. Т. Яблонским по методу М. М. Герасимова

северу. Череп окрашен охрой. Перед лицом лежала подвеска из клыка кабана (рис. 3, *16*). В 14 *см* к северо-востоку от черепа обнаружены две костяные ложечки с отверстиями для подвешивания (рис. 3, *13*, *18*). Одна из них украшена скульптурным изображением головы утки (рис. 3, *13*). В 33 *см* к юго-западу от нижней челюсти обнаружено скопление охры и большое полированное тесло (рис. 4, *1*).

Погребение 6 (рис. 2, *9*) находилось на квадратах ж/3 и з/3 на глубине 96 *см*. Скелет ребенка 1,5—2 лет лежал на спине в вытянутом положении, головой на восток с отклонением на север. Сверху весь костяк был густо засыпан охрой. Подсыпка толщиной 2—2,5 *см* прослеживалась и под костяком. Охры не было только на верхней части черепа. В 9 *см* справа от черепа лежало большое долото, сильно посыпанное охрой (рис. 4, *2*). Около правого плеча находился нож из высококачественного кремня, переломленный в середине (рис. 3, *19*). В области шеи найдено ожерелье, включавшее морские раковины (рис. 3, *12*), бусы (рис. 3, *14*) и подвески, изготовленные из раковин (рис. 3, *11*). Бусы располагались двумя рядами. На груди лежали три костяных изделия: две ложки с изображением утиных голов на концах (рис. 3, *4*, *5*) и фигурка двухголового быка из клыка кабана (рис. 3, *1*). Здесь же располагалось несколько клыков оленя (рис. 3, *9*) и резец крупного грызуна (рис. 3, *10*). В нижней части груди лежали две фигурные подвески из раковины (рис. 3, *7*, *8*). Около глаз с обеих сторон найдены тонкие костяные пластины овальной формы. При прокопке материка под погребением в норе грызуна была обнаружена не полностью сохранившаяся фигурка двухголового животного, аналогичная найденной на груди погребенного (рис. 3, *2*).

Погребение 7 (рис. 2, *8*) находилось на квадрате ж/3 на глубине 86 *см*. Оно принадлежало ребенку 2—3 лет. От костяка сохранился череп, несколько ребер, плечевая и бедренные кости. Погребенный был ориентирован головой на восток с отклонением к северу. Около правого плеча лежали два обломка крупного долота. Другая часть того же орудия находилась у левого плеча, остальные — в области живота (рис. 4, *3*). Здесь найден обломок еще одного плоского полированного орудия (рис. 4, *4*). У левого плеча рядом с обломком долота лежало тесло зеленого цвета небольшого размера (рис. 4, *5*). В 40 *см* западнее костяка найдена окрашенная охрой ножевидная пластина. Еще одна пластина

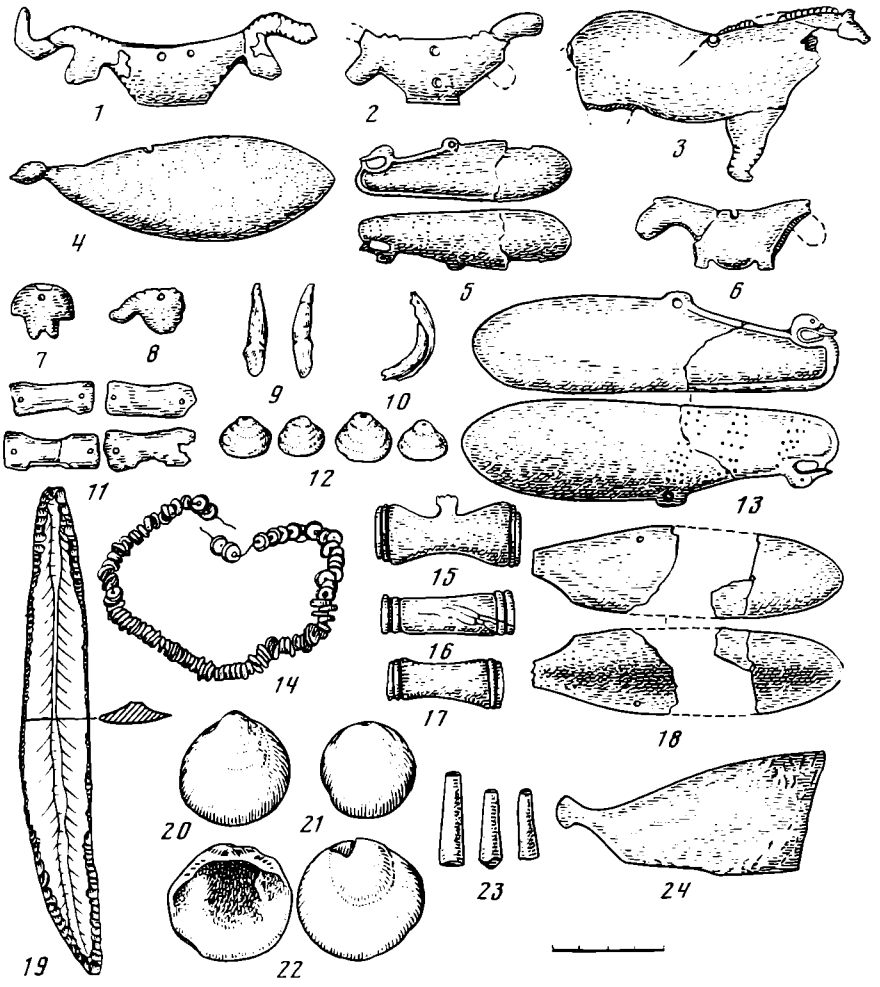


Рис. 3. Инвентарь погребений (*1—6*, *9*, *10*, *13*, *15—18*, *24* — кость; *7*, *8*, *11*, *12*, *14*, *20—23* — раковина; *19* — кремень). *1*, *2*, *4*, *5*, *7—12*, *14*, *19* — погр. 6; *13*, *16*, *18* — погр. 5; *3*, *6*, *15—17*, *20—24* — из разрушенных погребений

обнаружена около черепа. В области живота с левой стороны найдена одна бусина из раковины. Охры на костяках почти не было, она прослеживалась только под вещами, под черепом и под ребрами. Под черепом найдено небольшое зеленое тесло (рис. 4, 7). В области шеи находилось маленькое окрашенное охрой долото (рис. 4, *6*).

Погребение 10 (рис. 2, *5*) находилось на границе квадратов в/3 и в/4 на глубине 0,6 *м*. Костяк человека пожилого возраста лежал на спине в вытянутом положении, головой на восток с небольшим отклонением к северу. Руки вытянуты вдоль туловища. Кисти и ступни не сохранились. Одна фаланга пальца находилась у лицевой части черепа. Пяточные кости лежали вплотную друг к другу, возможно, ноги были связаны. Несколько ниже левой ключицы, на левой стороне груди, обнаружено два орудия из переломленной пополам трубчатой кости крупного животного (рис. 5, *1*). Обе половинки лежали рядом параллельно друг другу, остриями в разные стороны. В 23 *см* от правой руки найден обломок крупного вкладышевого ножа (рис. 5, *2*). Второй обломок этого же орудия лежал на груди погребенного с правой стороны, третий — в 19 *см* от левого колена. Видимо, во время погребения оба орудия были специально сломаны и положены рядом с погребенным. Подобный обряд порчи вещей, предназначенных умершему, прослеживался в погр. 6 (сломанный на две ча-

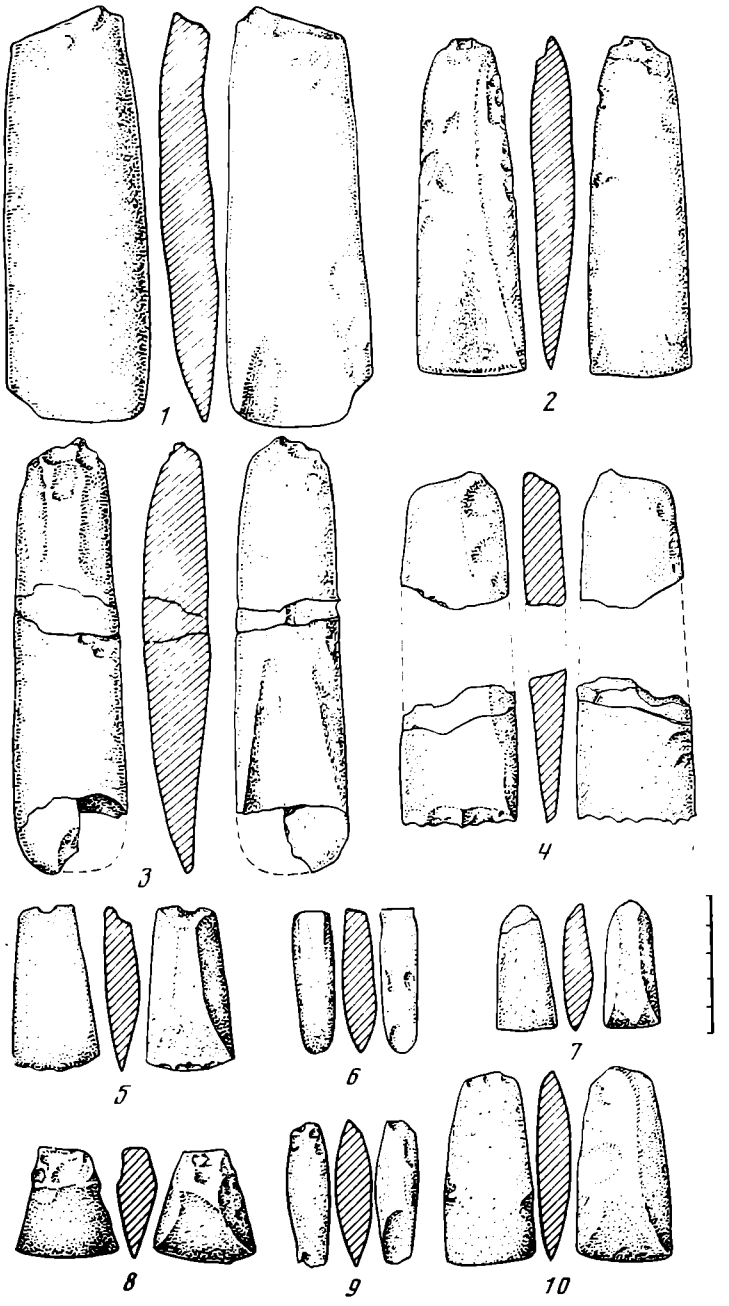


Рис. 4. Каменные шлифованные орудия. *1* — погр. 5; *2* — погр. 6; *3—7* — погр. 7; *8—10* — из разрушенных погребений

сти кремневый нож) и в погр. 7 (разбитые и затупленные каменные тесла и долота), что в некоторой степени свидетельствует о синхронности погребений.

Погребение 11 (рис. 2, *6*) находилось на границе квадратов м/3 и н/3 на глубине 0,74 *м*. Костяк взрослого человека лежал на спине в вытянутом положении, головой на север с небольшим отклонением к востоку. Кистей и ступней не было. Вещей при погребенном не обнаружено.

Всего на памятнике собраны фрагменты 27 сосудов, около 250 кремневых предметов, 25 изделий из кости, большое количество бус и подвесок из раковины. Мы рассматриваем материалы, связанные только с могильником. Сосуды сформованы из хорошо промешанной глины с при-

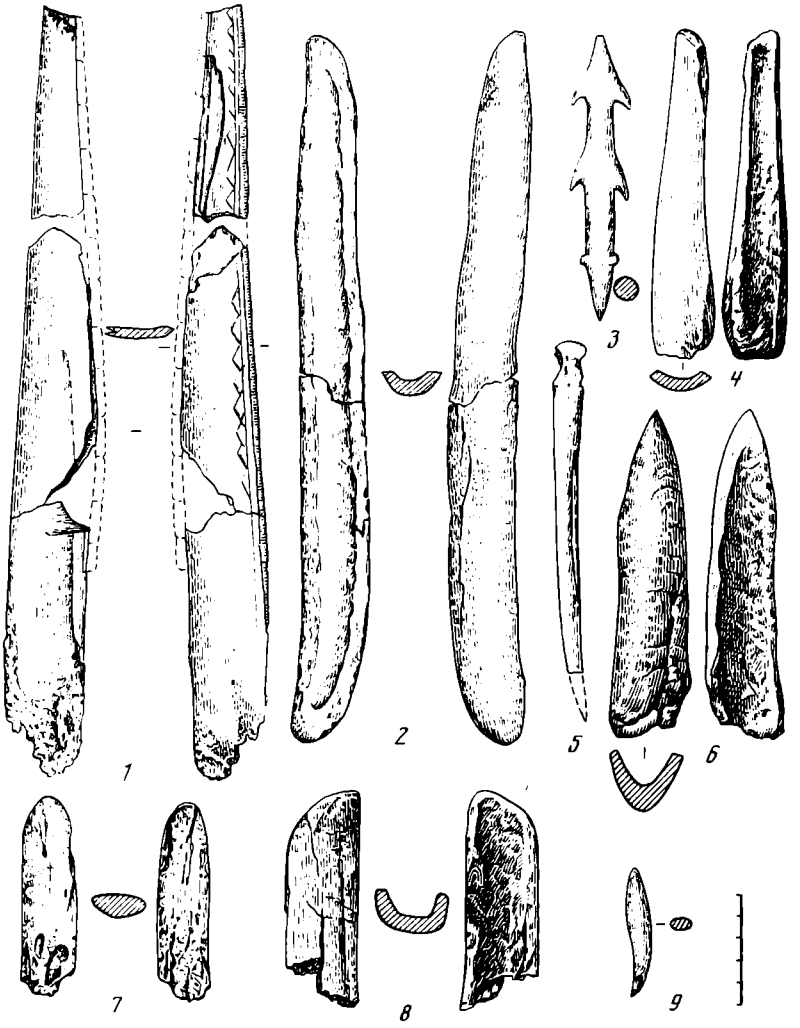


Рис. 5. Костяные орудия. *1*, *2* — погр. 10; *3* — жертвенная площадка; *4—9* — с территории могильника

месью толченой раковины. В глине некоторых сосудов есть небольшое количество мелкого шамота. Фрагменты довольно плотные, обжиг неплохой, но не ровный, отчего на коричневатом фоне сосудов имеются серые пятна. В изломе черепки темно-серого, почти черного цвета. Сосуды формовались техникой кольцевого налепа и многие расслоились по линии спайки лент. Снаружи сосуды заглажены каким-то мягким предметом. Внутренняя поверхность некоторых из них обработана зубчатым штампом, отчего на ней сохранились штрихи. Из 27 сосудов 6 восстанавливаются полностью или почти полностью. От большей части остальных сосудов сохранилось по несколько крупных фрагментов, дающих представление об их форме, и лишь от нескольких сосудов найдены только небольшие обломки венчиков.

По форме сосуды делятся на два типа: сосуды с вертикальными стенками без шеек, близкие по форме к баночным, и сосуды горшковидной формы.

К первому типу относятся восемь сосудов (рис. 6, *13—17*). Они имеют прямые вертикальные стенки и чуть заостренные венчики. От одного из сосудов этого типа найдено плоское днище (рис. 6, *15*). Один сосуд отличается несколько большей степенью отгиба венчика и чуть вогнутой шейкой (рис. 6, *13*). Диаметр сосудов колеблется от 7 до 18 *см*.

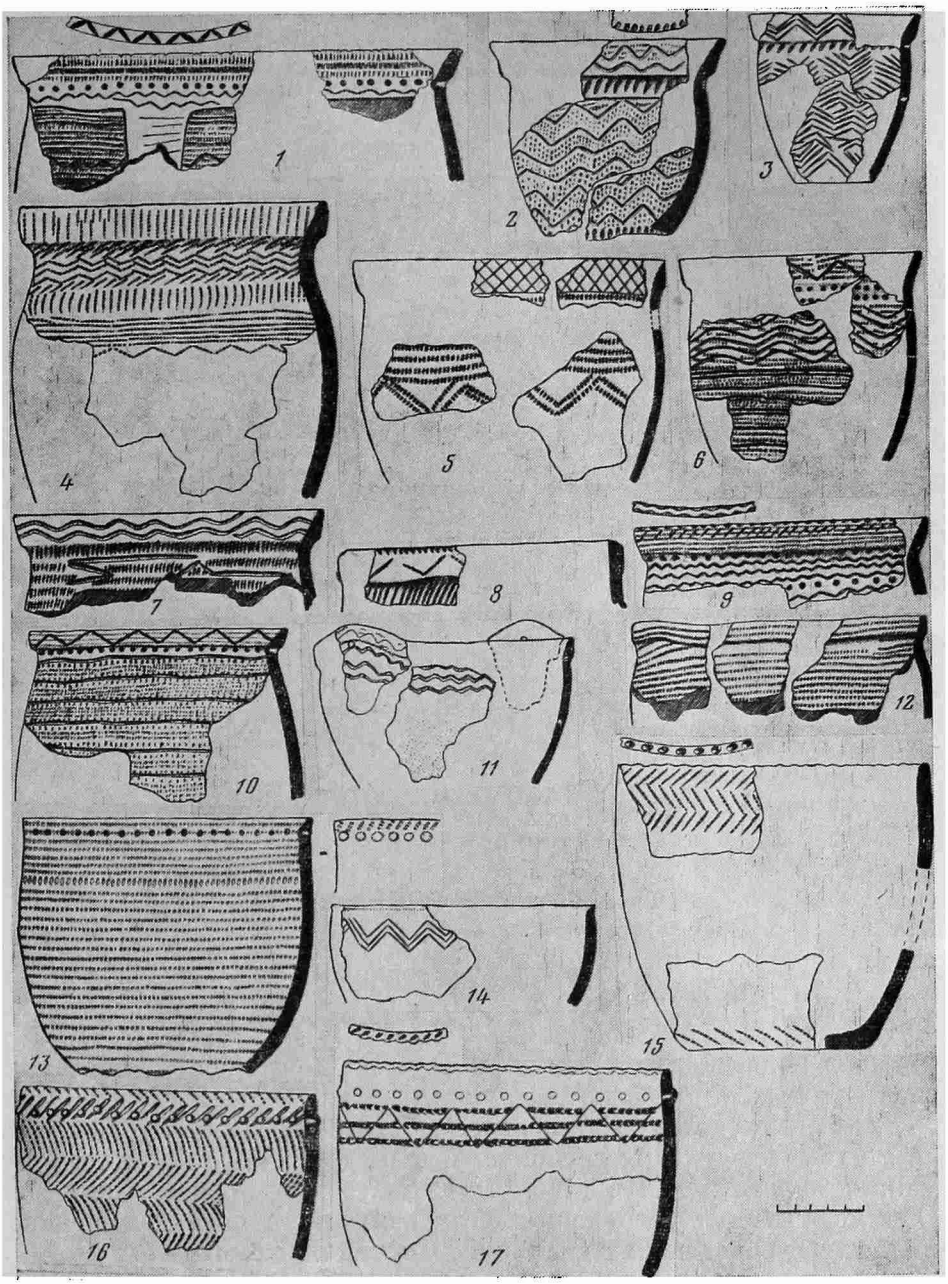


Рис. 6. Керамика из могильника

Ко второму типу принадлежат 19 сосудов (рис. 6, *1—12*; 7), подразделяющихся на два подтипа. К первому относятся высокие яйцевидные сосуды с небольшим вогнутым дном (рис. 7, *1—3*), ко второму более низкие и открытые колоколовидные сосуды с плоскими днищами (рис. 7, *4—6*; 6, *2*, *3*, *5*, *6*, *11*). Все сосуды второго типа, за исключением одного (рис. 7, *6*), имели в верхней части шейки небольшое утолщение — воротничок. На внутренней стороне образуется широкий, неглубокий желобок, наиболее четко прослеживающийся у четырех сосудов (рис. 7, *3—5*). У одного сосуда при переходе от шейки к туловищу есть ребро (рис. 7, *5*). Своеобразен сосуд, имеющий два полукруглых ушка с круглыми отверстиями для подвешивания (рис. 6, *11*). Диаметры сосудов второго типа по венчику — от 10 до 30 *см*. Диаметры днища 5—7 *см*. Переход от стенок к днищу плавный, за исключением одного сосуда, дно которого имеет небольшие закраины (рис. 7, *5*).

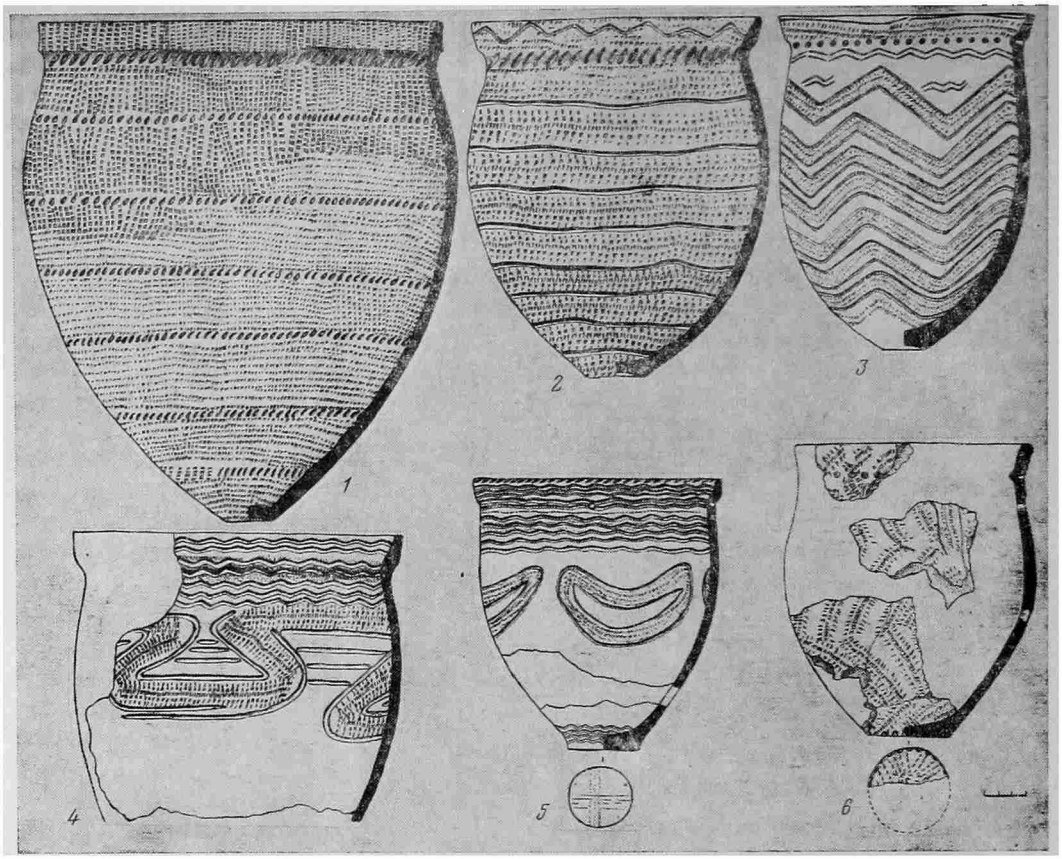


Рис. 7. Керамика из могильника

Все сосуды обоих типов орнаментированы. Семь сосудов под воротничком имеют пояски из глубоких наколов круглой формы, образующих на внутренней стороне выпуклины (рис. 6, *1*, *10*, *13*; 7, *3*, *6*). У трех экземпляров под венчиком расположены пояски из мелких линзовидных наколов, которые не образуют выпуклин на внутренней стороне (рис. 6, 2, 3; 7, *1*, *2*). На одном сосуде сначала были нанесены неглубокие вдавления, а затем поверх них глубокие наколы (рис. 6, *3*). У одного сосуда на шейке два ряда наколов (рис. 6, *6*). Два сосуда первого типа (рис. 6, *16*, *17*) имеют на шейке пояски из глубоких ямочных наколов, нанесенных изнутри и образующих снаружи выпуклины-жемчужины.

Степень заполнения поверхности орнаментом неодинакова. Судя по наиболее полно сохранившимся сосудам, пять из них орнаментированы по всей внешней поверхности (рис. 6, *2*, *3*, *6*, *13*; 7, *1—3*; 8, *1*, *2*, *6*), у четырех нижние части сосудов оставались без орнамента (рис. 6, *4*, *5*, *11*, *14*, *15*, *17*; 7, *4*, *5*). В коллекции имеются фрагменты неорнаментированных стенок. Два сосуда имеют на днище орнамент из крестовидно и радиально расположенных отпечатков зубчатого штампа (рис. 7, *5*, *6*).

Наиболее распространенным элементом орнамента является горизонтальный зигзаг, выполненный резьбой или гладким штампом. Им украшено 13 сосудов. К зигзагообразному орнаменту близок волнистый, встреченный на трех сосудах. Не менее восьми сосудов имеют зубчатый орнамент, нанесенный способом «шагающая гребенка». Ряды шагающей гребенки нанесены горизонтальными линиями (рис. 6, *10*; 7, *21*), зигзагом (рис. 6, *2*; 7, *3*; 8, *6*), своеобразными лопастями (рис. 7, *4*; 9, *1*) и полулунными фигурами (рис. 7, *5*; 9, *2*). Ряды гребенки, образующие эти фигуры, ограничены глубокими прочерченными линиями. Некоторые сосуды орнаментированы очень тесно поставленными отпечатками гребенки,

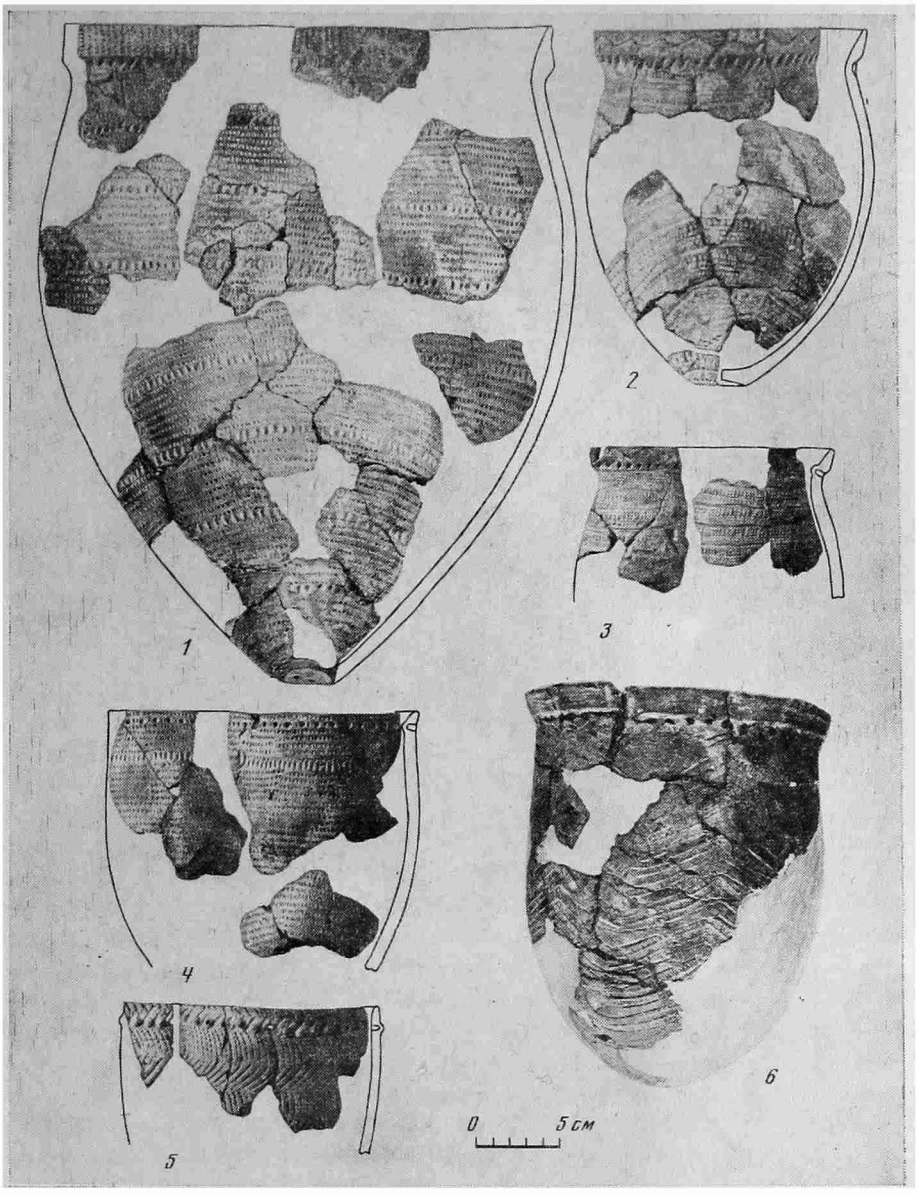


Рис. 8. Керамика из могильника

причем на некоторых частях сосуда, где отпечатки реже, мотив «шагающая гребенка» виден, на других же — гребенка поставлена настолько тесно, что создается впечатление иного мотива — «скорописи» или «отступающей гребенки». Один сосуд орнаментирован тонкими резными линиями, образующими зигзаги и меандр (рис. 6, *3*). Два сосуда орнаментированы крупнозубчатым штампом с прямоугольными зубцами, образующими горизонтальные линии, чередующиеся с поясками линзовидных вдавлений (рис. 6, *13*; 7, *1*). Нужно отметить, что эти сосуды принадлежат к различным типам, что свидетельствует об их синхронности. Два сосуда украшены крупнозубчатым штампом, образующим различные комбинации зигзага, вертикальных, наклонных и горизонтальных линий и т. д. (рис. 6, *4*, *5*). Два сосуда орнаментированы рядами горизонтального зигзага, выполненного резьбой (рис. 6, *11*, *14*), два — горизонтальной елочкой из отпечатков зубчатого штампа (рис. 6, *15*, *16*). Один сосуд имеет орнамент из трех горизонтальных рядов отступающей палочки, поверх которых прочерчен зигзаг (рис. 6, *17*). У пяти сосудов орнамен-

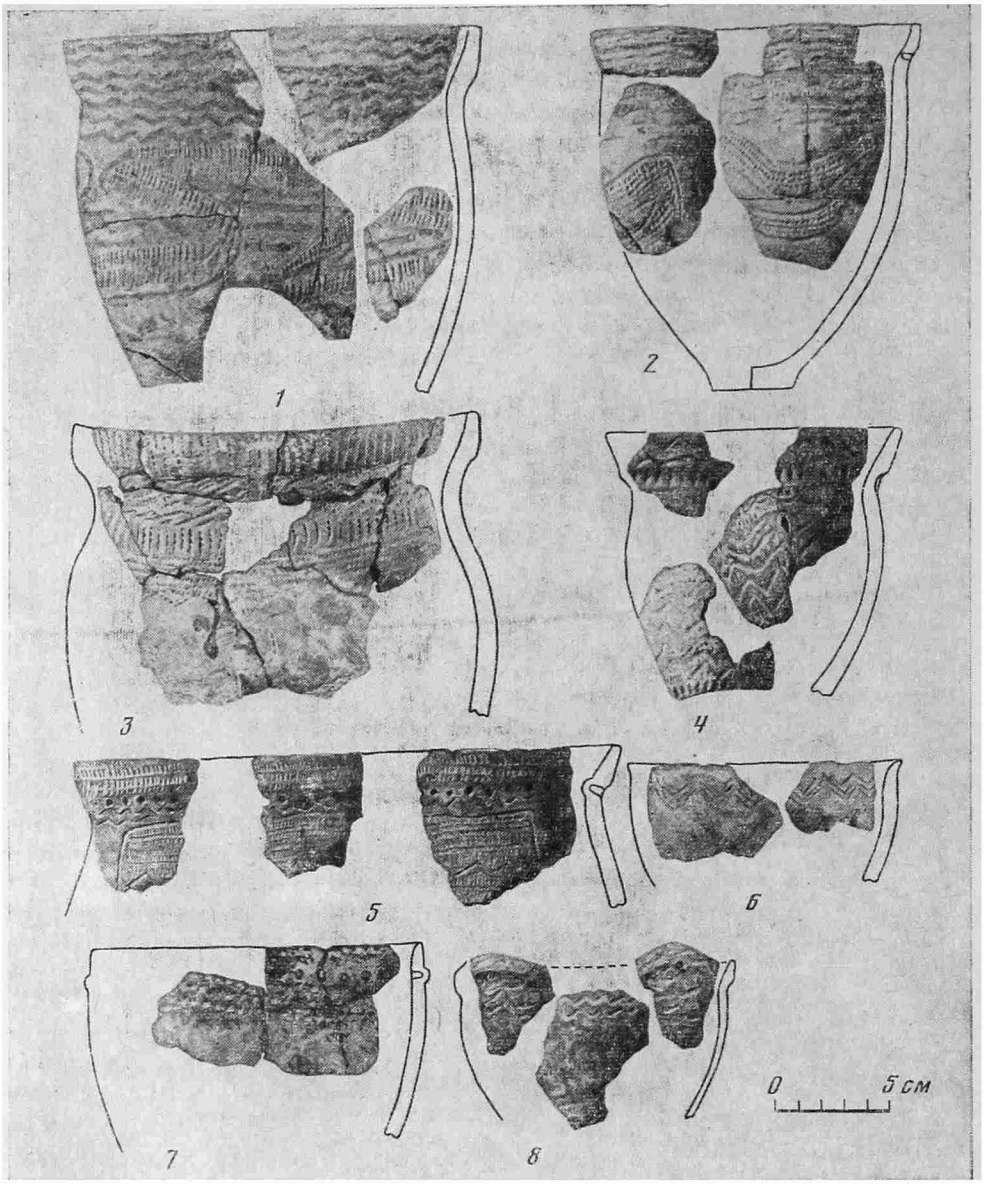


Рис. 9. Керамика из могильника

тирован срез венчика (рис. 6, *1*, *9*, *15*, *17*), у двух — внутренняя часть венчика (рис. 6, *2*, *13*).

В погребениях и на жертвенной площадке собрано большое количество изделий из кости, раковины и камня. Кроме того, на территории могильника и в отвалах траншей найден ряд предметов, которые также могут быть связаны с погребениями, разрушенными в более позднее время.

Костяной инвентарь памятника состоит из 24 предметов: гарпуна, вкладышевого ножа, крупного орудия из трубчатой кости, четырех фигурок животных, пяти ложковидных орудий, трех прямоугольных подвесок, трех орудий из трубчатых костей, двух проколок, трех лощил и одного предмета неизвестного назначения (рис. 3, *1—6*, *13*, *15—18*, *24*; 5). Все костяные предметы покрыты известковым налетом.

Гарпун, найденный на жертвенной площадке рядом с черепом лошади (рис. 5, *3*) имеет по два зубца с каждой стороны и выступы для прикрепления к древку. Длина его 12,8 *см*, ширина между концами зубцов

2,8 *см*, диаметр сечения 1,3 *см*. Он изготовлен из метаподий лося (здесь и ниже определение А. Г. Петренко).

Кинжал, найденный в погр. 10 (рис. 5, *1*), изготовлен из крупной трубчатой кости. Длина его более 35 *см* (нож обломлен, поэтому точную длину его определить трудно), ширина в самой широкой части 3,5 *см*, толщина 0,7 *см*. Поверхность его хорошо обработана, зашлифована. Одна рабочая грань заточена, в другой имеется паз для вкладышей шириной около 2 *м*, глубиной 4 *мм*. Вкладыши не сохранились. Вдоль костяного лезвия имеется прорезанный орнамент из прямой линии и треугольников.

Второе крупное орудие, найденное в погр. 10 (рис. 5, *2*) сделано так же из крупной трубчатой кости. Длина его 32 *см*, ширина около 3 *см*, толщина около 1 *см*. Поверхность орудия хорошо сглажена, но не зашлифована. Концы закруглены.

Одна из фигурок лошади, найденная в обнажении канавы (рис. 3, *3*), к сожалению, сохранилась неполностью. Фигурка выполнена с большим мастерством. Корпус лошади правильной формы с массивным крупом и чуть обвислым животом. Передняя нога несколько непропорционально коротка. Она слегка согнута в суставе. Небольшим выступом обозначено копыто. Ниже колена нога орнаментирована насечками. Грива показана горизонтальной линией с короткими вертикальными нарезками. От головы сохранилась небольшая часть с ухом и линией, обозначающей нижнюю челюсть. На туловище имеется круглое отверстие для подвешивания. Длина лошади от уха до хвоста 10,5 *см*, высота от гривы до копыта 7,6 *см*, ширина 3,5 *см*.

Вторая фигурка лошади сохранилась почти полностью (рис. 3, *6*). Длина ее 6,6 *см*, ширина 2,3 *см*. Эта фигурка более схематична, чем первая. Голова ее показана полуовальным выступом без ноздрей, глаз и рта. Ухо небольшое, гривы нет, ноги короткие. В задней части туловища вместо хвоста удлиненный выступ, благодаря чему создается впечатление, что лошадка имела две головы, как и фигурки бычков. На спине лошади имеется круглое отверстие для подвешивания.

Своеобразны две фигурки, найденные в погр. 6, изготовленные из клыков кабана. Одна из них представляет собой изогнутую пластину, повторяющую изгиб клыка. На краях пластинки вырезаны смотрящие в разные стороны головки быков (рис. 3, *1*). В центре пластинки имеются два отверстия для подвешивания. Морды бычков искусно вырезаны. Четко проработана линия подбородка, показан рот. На загривке, лбу, рогах и на груди животных имеются насечки. Длина подвески от конца рогов одного бычка до конца рогов другого 11,2 *см*, ширина около 23 *см*, толщина до 0,4 *см*. Вторая фигурка сохранилась неполностью (рис. 3, *2*). Она очень похожа на первую. Здесь также изображены два животных, направленных головами в разные стороны. У одного не сохранились рога, у другого — морда. Эта фигурка вырезана менее искусно. Подбородок и рот не показаны. Отверстия у этой фигурки расположены одно над другим.

Из пяти ложкообразных предметов только три сохранились полностью. Два из них имеют одинаковую форму и различаются лишь размерами (рис. 3, *5*, *13*). Это широкие орудия, изготовленные из ребра лося, с желобчатым, хорошо зашлифованным рабочим краем. Противоположный конец орудия более узкий, отмечен небольшим желобком вдоль края и украшен скульптурным изображением головы утки. В верхней части имеется круглое отверстие для подвешивания. Обратная сторона фигурок украшена орнаментом из неглубоких круглых ямок, расположенных наклонными рядами. Третье орудие близко по форме. Узкий конец его сделан также в виде головы утки (рис. 3, *4*). В коллекции имеется еще два подобных предмета, представленных обломками. Скульптурных изображений эти предметы не имеют (рис. 3, *18*, *24*). Один из обломков представлен частью ложечки с круглым утолщением на конце (рис. 3, *24*).

Три подвески, или нашивки, из клыков кабана имеют форму прямоугольных выпуклых пластинок с двумя поперечными нарезками по краям (рис. 3, *15—17*). Одна пластинка имеет орнамент из небольших поперечных нарезок по краям, другая — расширенный выступ, край которого украшен мелкими нарезками. Видимо, они нашивались на одежду, для чего и предназначены поперечные желобки.

Три орудия из крупных желобчатых костей имели скошенный рабочий край (рис. 5, *4*, *6*, *8*). Их длина 10; 14,5 и 15 *см*, ширина около 3,5 см. Две проколки из метокарпальных костей животных. Острия их обломаны (рис. 5, *5*). Три орудия, изготовленные из ребер крупных животных, имели овальный заглаженный рабочий край (рис. 5, *7*). Эти орудия могли служить лощилами. Еще один предмет неизвестного назначения был с одного конца заострен, с другого — уплощен (рис. 5, *9*). Он мог использоваться для нанесения орнамента на керамику.

Кроме этого, в коллекции имеется несколько подвесок из резцов оленя и крупного грызуна (рис. 3, *9*, *10*).

Изделия из раковины представлены подвесками, пронизками и бусами (рис. 3, *7*, *8*, *11*, *12*, *14*, *20—23*). Четыре подвески сделаны из морских раковин. Три из них крупные диаметром 3,5—4,5 *см* (рис. 3, *20—22*) и около 10 более мелких диаметром 1,5 *см*. Они в основном найдены в погр. 6 (рис. 3, *12*). Две крупные подвески и все мелкие были окрашены охрой. Все раковины имели отверстия для подвешивания. Найдено очень много бус из раковин (рис. 3, *14*). Особенно густо ими был засыпан скелет в погр. 6. Диаметр их 6—8 *мм*, диаметр отверстий 2—3 *мм*, толщина 1—2 *мм*. Бусы окрашены охрой. Кроме круглых бус имеется девять продолговатых пронизок, изготовленных из раковин моллюсков (рис. 3, *23*). Длина 2,5—3,5 *см*, толщина 0,7—1 *см*.

В погр. 6 найдено несколько продолговатых нашивок (рис. 3, *11*), видимо, повторяющих форму аналогичных предметов, сделанных из клыка кабана (рис. 3, *15—17*). Они изготовлены из речных раковин, имеют по два отверстия для крепления к одежде. В этом же погребении имеется несколько плохо сохранившихся фигурных подвесок с одним отверстием. Точную форму их определить не удалось (рис. 3, *7*, *8*).

Кроме упомянутых предметов найдено 20 створок речных раковин и их обломков, возможно, служивших для изготовления бус. Один обломок имеет круглое отверстие.

Каменных орудий, найденных в погребениях, в коллекции 7 экз. (погребения *5*, *6*, *7*, рис. 4, *1—7*). Видимо, остальные 4 экз. (рис. 4, *8—10*) происходят из разрушенных погребений, так как на некоторых из них имеются следы охры. Сделаны они из грязно-белого, желтого и зеленоватого кремня и покрыты тонкой корочкой известкового налета. Два долота крупных размеров (длина 20 *см*, ширина 5 и 6,5 *см*, толщина до 3 *см*) на спинке имеют грани (рис. 4, *1*, *3*). Два других — миниатюрные (длина 6,6 *см*, ширина около 2 *см*, толщина до 1,5 *см*) (рис. 4, *6*, *9*). Они однотипны, имеют узкий желобчатый рабочий край. Тесла также различаются в основном своими размерами. Два тесла крупные длиной около 16 *см*, шириной до 5,3 *см*, толщиной до 2 *см* (рис. 4, *2*, *4*). Остальные тесла небольшие, длиной 6—9 *см*, шириной 2,5—4,5 *см*, толщиной до 1,5 *см* (рис. 4, *5*, *7*, *8*, *10*). В плане тесла имеют вытянутую трапециевидную форму, в профиле — клиновидную. Брюшко у них ровное на спинке имеются грани. Сечение тесел трапециевидное. Четыре орудия из 11 найдены в обломках и с затупленным рабочим краем. Видимо, их перед тем, как положить в могилу, преднамеренно разбили на куски.

Крупный нож из погр. 6 изготовлен из полупрозрачного темно-серого кремня (рис. 3, *19*). Он сделан на ножевидной пластине, со стороны спинки обработан тонкой ретушью. Длина ножа 18 *см*, ширина до 2,5 *см*, толщина 0,7 *см*.

Из других кремневых предметов, которые могут быть связаны с могильником, можно отметить наконечник дротика (рис. 10, *46*), обломок еще одного наконечника дротика из серого полупрозрачного кремня высокого качества, обработанного двусторонней ретушью. Другой обломок принадлежит какому-то крупному орудию, кинжалу или наконечнику копья, обработанному так же аккуратной двусторонней ретушью. Возможно, с могильником связаны 11 изделий из кварцита, найденные в раскопе. Это широкий ретушированный с двух сторон наконечник дротика (рис. 10, *47*), заготовка другого такого же дротика, ножевидная пластина с заостренным концом и семь пластин без вторичной обработки (рис. 10, *48*, *49*).

Остальные более 200 предметов в основном изготовлены из низкокачественного кремня серого и грязно-белого цвета (рис. 10, *1—45*). Имеются отдельные изделия из желтого и розового кремня. Около 10 предметов сделаны из красной, черной и зеленой яшмы. Техника обработки кремня пластинчатая.

Нуклеусов найдено 10 экз. (рис. 10, *1—6*). Все они использовались для скалывания пластин. Два нуклеуса односторонние, плоские, два — торцевые, два — конические, два — карандашевидные.

Ножевидные пластины составляют наиболее многочисленную категорию кремневого инвентаря (70%). Они имеют в основном правильную форму и небольшие размеры (длина 0,5—8 *см*, ширина 0,4—2,5 *см*). Преобладают пластины длиной 1—3 *см*, шириной 0,8—1,5 *см*. Довольно многочисленны орудия, изготовленные на ножевидных пластинах. Среди них пять наконечников стрел. Острия обработаны мелкой ретушью, в трех случаях двусторонней (рис. 10, *17—21*). Имеются четыре пластины с боковыми выемками, оформленными мелкой ретушью со стороны спинки (рис. 10, *7*, *12*, *13—15*), три ножа из крупных (2,8×3,3 *см*; 3,5×1,5 *см*; 4,5×2,5 *см*) ножевидных пластин, отретушированные по одному краю со стороны спинки (рис. 10, *43*). Мелкие пластины, имеющие ретушь со стороны брюшка (рис. 10, *23—25*), могли использоваться в качестве вкладышей. Четыре резца изготовлены на коротких довольно массивных пластинах с одним резцовым сколом (рис. 10, *26—28*). Из 12 представленных в коллекции скребков девять — концевые, изготовленные на ножевидных пластинах (рис. 10, *31—37*). Один скребок на крупной слегка изогнутой пластине с крутым рабочим краем (рис. 10, *39*). У трех ретушировано по одной боковой грани, так что они могли служить одновременно скребками и ножами (рис. 10, *44*). У одного из скребков оба боковых края были обработаны со стороны брюшка. Три скребка изготовлены на отщепах (рис. 10, *38*, *41*, *42*).

В коллекции около 10 орудий из яшмы. Одно из них представляет собой довольно крупную ретушированную по обеим сторонам пластину зеленовато-серого цвета. Маленький изящный наконечник стрелы из зеленой яшмы с обломанным острием имел противолежащую ретушь: острие ретушировано со стороны спинки, а черешок — со стороны брюшка (рис. 10, *21*). Найдены еще две зеленые и одна красновато-коричневая пластина из яшмы без ретуши. В коллекции есть несколько кварцитовых пластин и изделий (рис. 10, *47—49*).

Материалы могильника у с. Съезжее своеобразны. На Волге и на соседних территориях еще не выделено археологической культуры, к которой можно было бы отнести этот памятник. В Поволжье вообще до последнего времени не было следов пребывания населения данного типа. В то же время могильник заполняет собой одну из лакун доямного времени Нижнего и Среднего Поволжья, хорошо вписываясь в общую схему развития неолитических и энеолитических культур лесостепи и степи Восточной Европы. Находка этого могильника и аналогичных ему памятников в Поволжье вполне закономерна, о чем еще в 1968 г. писал Н. Я. Мерперт, говоря о родстве культур Средний Стог II и древнеямной,

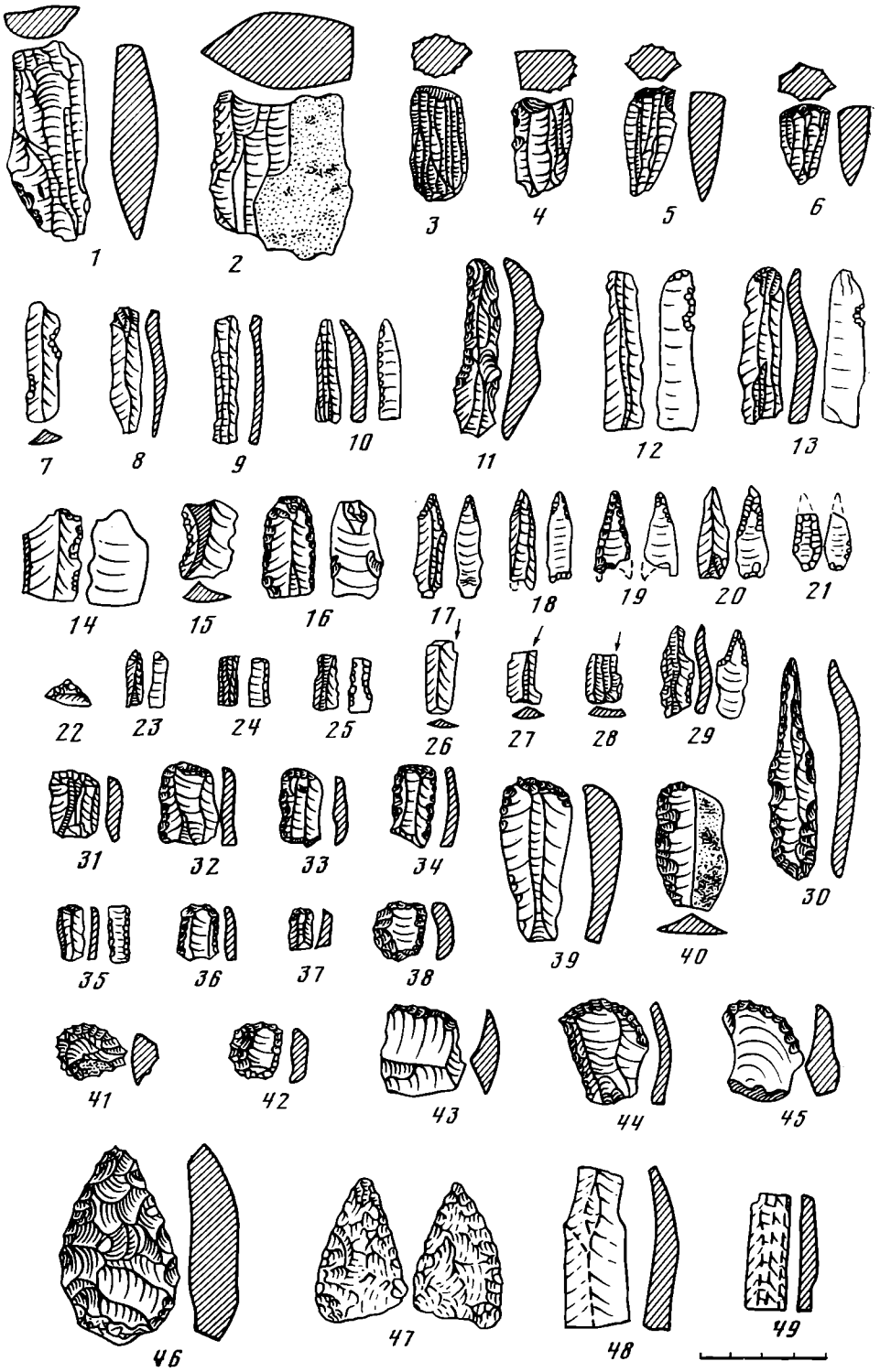


Рис. 10. Кремневые (*1—46*) и кварцитовые (*47—49*) предметы с территории могильника

«обусловленном близостью основных компонентов, распространившихся в обеих областях (Волго-Донской и Днепро-Донецкой.— *И. В.* и *Г. М.*) в более ранний период» [2].

Большинство параллелей могильнику, его погребальному обряду, украшениям, кремневым и костяным орудиям, керамике уводят в более западные и юго-западные районы. Это могильники мариупольского типа — Мариупольский [3], Никольский [4], Лысогорский [5], Дереивский [6] и др., которые Д. Я. Телегин относит к надпорожско-приазовской группе памятников днепро-донецкой культуры [7], а В. Н. Даниленко выделяет в особую азово-днепровскую энеолитическую культуру [8]. Параллели бесспорные и многочисленные. Сейчас в лесостепном и степном Поволжье и на соседних территориях еще не выявлено неолитических и энеолитических могильников. Здесь известны пока лишь одиночные погребения, расположенные обычно на территории стоянок или в пещерах, с бедным погребальным инвентарем или вообще без него [9]. Для могильников Мариупольского типа характерно наличие групповых погребений. Тройное погребение в могильнике у с. Съезжее, возможно, следует рассматривать как отголоски этих традиций. Аналогичен обряд погребения — положение вытянуто на спине, ориентировка в северной половине круга, присутствие охры, богатство инвентаря в одних погребениях и отсутствие в других. В могильнике у с. Съезжее, так же как и в могильниках Поднепровья, над погребениями на уровне древней поверхности обнаружены развалы окрашенных охрой сосудов и костей животных [10]. Нельзя не отметить сходства инвентаря могильников Мариупольского типа и могильника у с. Съезжее. Это пластины из клыка кабана, совершенно идентичные пластинам из могильников Мариупольского, Никольского, Лысогорского, Дереивского [11] и Съезжее, бусы, подвески, пронизи из кости и раковины одинаковой формы. Некоторое сходство имеют фигурки животных Мариупольского [12] и Съезжинского могильников. Одна из самых характерных черт керамики могильника у с. Съезжее — «воротничок», имеющийся на всех за редким исключением сосудах. Такой же воротничок есть и на сосудах могильников мариупольского типа, в то время как для керамики других неолитических и энеолитических культур Восточной Европы он не характерен. Можно отметить и некоторые другие общие черты в керамике — орнаментация днища сосуда и всей его внешней поверхности, зональность орнаментации, близость некоторых элементов орнамента и т. д.

Конечно, нельзя говорить об идентичности этих материалов и отнесения могильника у с. Съезжее к культуре Мариупольского и других азово-днепровских могильников. Материалы могильника своеобразны и имеют значительные отличия. В первую очередь это отличие в керамике. В могильниках Поднепровья (Никольском, Лысогорском и др.) встречены сосуды единообразной формы в виде высоких горшков с небольшим дном, тулово которых шире устья. В могильнике у с. Съезжее сосудов такой

---

[2] *Мерперт Н. Я.* Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы (III — начало II тысячелетия до н. э.). М., 1968, с. 1114.

[3] *Макаренко М.* Маріюпільский могильник. Київ, 1933.

[4] *Телегин Д. Я.* Никольский могильник эпохи неолита — меди в Надпорожье.— КСИА АН УССР, № 11, 1961, с. 20—26.

[5] *Бодянский А. В.* Лысогорский неолитический могильник.— КСИА АН УССР, № 11, 1961, с. 32—37.

[6] *Телегин Д. Я., Жиляева С. И.* Дереевский неолитический могильник.— «Археология», т. XVI, 1964.

[7] *Телегин Д. Я.* Дніпро-донецка культура. Київ, 1968, с. 63—83.

[8] *Даниленко В. Н.* Энеолит Украины. Киев, 1974, с. 36—40.

[9] *Бадер О. Н.* Волго-Камская этнокультурная область эпохи неолита. МИА, № 72, 1973, с. 102.

[10] *Телегин Д. Я.* Никольский могильник..., с. 20, рис. 1; *Бодянский А. В.* Лысогорский неолитический могильник, с. 33, рис. 1.

[11] *Телегин Д. Я.* Дніпро-донецка культура, с. 153, рис. 52.

[12] *Макаренко М.* Ук. соч.

формы нет. Здесь найдены яйцевидные, колоколовидные и близкие баночным сосуды. Имеются отличия и в орнаментации: преобладание на сосудах из могильника у с. Съезжее орнаментации зубчатым штампом, а не наколов; наличие поясков ямок и насечек на шейках почти всех сосудов, широкое распространение узоров, выполненных шагающей гребенкой; присутствие фестонов и фигур в виде неправильных меандров и овалов, которых нет на сосудах из могильников Украины, и др. Различны и примеси — песок и дресва на Украине и толченая раковина в рассматриваемом могильнике. В могильниках Мариупольского типа почти не найдены шлифованные тесла, которых довольно много в могильнике у с. Съезжее. Костяные фигурки, хотя и близки по технике изготовления и функциональному назначению фигуркам из Мариупольского могильника, все же имеют значительное своеобразие. Число как сходных черт, так и отличий можно продолжить. Однако уже выше перечисленных достаточно, чтобы говорить о близости могильников Мариупольского типа и могильника у с. Съезжее и в то же время о невозможности отнесения его к этой же культуре.

Следует остановиться на месте могильника среди доямных памятников Поволжья и соседних территорий. Могильник у с. Съезжее — это не единственный памятник этого типа в Поволжье. Работами последних лет на р. Самаре выявлен ряд стоянок с близкой керамикой. Из них наиболее крупные коллекции дали стоянки Виловатовская в Богатовском р-не Куйбышевской обл. и Старо-Елшанские (I и II) в Бузулукском р-не Оренбургской обл. На Виловатовской стоянке найдены фрагменты из сосудов с воротничковыми венчиками, примесью раковины в глине, поясками ямок с выпуклинами на внутренней стороне, с орнаментом, нанесенным наколами и зубчатым штампом в виде горизонтальных линий, зигзага, «шагающей гребенки» и т. д. Керамика Старо-Елшанских стоянок, как и в могильнике у с. Съезжее, представлена сосудами двух типов. Это яйцевидные сосуды с небольшим отогнутым наружу венчиком и плоскодонные сосуды по форме близкие баночным. Орнамент нанесен зубчатым штампом и концом палочки в виде горизонтальных и перекрещивающихся линий, рядов «шагающей гребенки» и т. д. Видимо, к близкому кругу принадлежит и известное погребение у с. Криволучье на р. Чагре, исследованное В. В. Гольмстен[13], и погребение на территории Куйбышева, найденное Е. И. Горюновой[14].

Коллекция керамики с воротничковыми венчиками и рядом глубоких ямок на шейке происходит с Давлекановского поселения (раскопки Г. И. Матвеевой[15] и Г. Н. Матюшина[16]). Единичные фрагменты сосудов с воротничками найдены на ряде стоянок, исследованных О. Н. Бадером, А. Х. Халиковым, Р. С. Габяшевым и В. П. Денисовым (Сауз, Березовая Грива, Соколовская, Русский Азибей, Золотая Падь II, II Дубово-Гривская, Мели-Тамак, X Базяковская, Игимская, Непряха VI и другие стоянки). Однако сходство керамики этих стоянок с сосудами из могильника у с. Съезжее исчерпывается наличием «воротника», близостью отдельных форм и орнаментальных композиций. Поэтому говорить о включении их в круг памятников съезжинского типа нельзя, и речь может идти лишь о влиянии «съезжинских» керамических традиций.

---

[13] *Гольмстен В. В.* Погребение из Криволучья.— Сообщ. ГАИМК, № 6, 1931.

[14] *Горюнова Е. И.* Отчет о работе 2-го отряда Куйбышевской экспедиции в 1938 г. Архив ЛОИА АН СССР, ф. 35, оп. 1, 1938, № 31, с. 19, 34, V; *Васильев И. Б.* Памятники бронзового века в окрестностях г. Куйбышева.— В сб.: Самарская Лука в древности. Куйбышев, 1975, с. 50.

[15] *Матвеева Г. И.* Отчет о раскопках Давлекановской стоянки за 1962 г. Архив кабинета археологии БГУ.

[16] *Матюшин Г. Н.* Неолитические поселения и погребение у г. Давлеканово на Южном Урале.— СА, 1970, № 4.

Неолит и энеолит районов, расположенных к востоку и юго-востоку от Съезжей (Оренбургская обл., Западный Казахстан, Северо-Восточный Прикаспий), изучены, к сожалению, недостаточно. Поэтому определить, как далеко на восток и юго-восток распространялась керамика «съезжинского» типа, сейчас невозможно. На стоянках этого времени из Западного Казахстана, судя по публикациям А. А. Формозова [17], воротничковой керамики нет. Можно отметить лишь интересную находку воротничковой керамики в Северо-Восточном Приаралье [18] и в восточном Прикаспии в пещере Джебел [19].

С территории Саратовской и Волгоградской областей к настоящему времени получено лишь несколько керамических серий эпохи неолита и энеолита. В некоторой степени со Съезжей можно сравнить сосуд с воротничковым венчиком со стоянки Алтата [20]. Южнее, в Северном Прикаспии керамика съезжинского типа известна довольно хорошо. Это материалы из сборов в Досанге, Исекее и других стоянках [21]. А. Н. Мелентьев объединяет указанные памятники в так называемый Прикаспийский тип [22]. Керамика наиболее выразительных памятников этого типа (Кок-Мурун V, Шошак III) довольно близка материалам могильника у с. Съезжее и, видимо, относится к одному кругу (орнамент из очерченных овально-удлиненных контуров, заполненных шагающей гребенкой, жемчужины на шейке, яйцевидная форма сосудов и т. д.) [23]. Видимо, на всей территории Нижнего и южной части Среднего Поволжья от Каспийского моря до низовьев р. Камы можно ожидать находки новых памятников этого типа.

Западнее, на территории Среднего Дона керамика, близкая Съезжинской, выделена А. Т. Синюком в 8-й тип его классификации [24]. Здесь известна уже целая серия памятников с аналогичной керамикой, что позволяет А. Т. Синюку говорить о времени, происхождении и культурных связях населения, которому принадлежала выделенная им нижнедонская культура с керамикой, близкой материалам могильника у с. Съезжее. Хотя о полном тождестве материалов Среднего Дона и Съезжей говорить нельзя, но ясно, что культуры эти синхронны и относятся к одному кругу.

Таким образом, на громадной территории степи и лесостепи Восточной Европы, от Урала до Днепра, выявляются следы крупной историко-культурной области раннего энеолита, которая включает памятники мариупольского типа в Приазовье и Поднепровье, нижнедонского типа в Подонье, прикаспийского — в Нижнем Поволжье и съезжинского — в Среднем Поволжье.

---

[17] *Формозов А. А.* Кельтеминарская культура в Западном Казахстане.— КСИИМК, № XXV, 1949; *его же.* Новые материалы о стоянках с микролитическим инвентарем в Казахстане.— КСИИМК, вып. XXXI, 1950; *его же.* Энеолитические стоянки Кустанайской области и их связь с ландшафтом.— БКИЧП, № 15, М.— Л., 1950; *его же.* К вопросу о происхождении андроновской культуры.— КСИИМК, № XXIX, 1951.

[18] *Виноградов А. В., Кузьмина Е. Е., Смирин В. М.* Новые первобытные памятники в Северо-Восточном Прикаспии.— В сб.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973, с. 92, рис. 5.

[19] *Окладников А. П.* Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении.— ТЮТАКЭ, т. VII, 1956, с. 104, рис. 61, *3.*

[20] *Деревягин Ю., Третьяков В. П.* Неолитическое поселение у с. Алтата в Саратовской области.— СА, 1974, № 1.

[21] *Белецкий В. Д.* Отчет о работах Нижневолжской разведывательной археологической экспедиции государственного Эрмитажа. Архив ИА АН СССР, Р — 1, № 2536; *Даниленко В. Н.* Энеолит Украины, т. 74, рис. 19, *4.*

[22] *Мелентьев А. Н.* Памятники неолита Северного Прикаспия (памятники Прикаспийского типа).— В сб.: Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1971, с. 13, 14.

[23] Там же.

[24] *Синюк А. Т.* Памятники неолита и энеолита на Среднем Дону. Автореф. канд. дис. М., 1971.

Материалы могильника у с. Съезжее и ряда других памятников настолько своеобразны, что их можно считать первым проявлением новой раннеэнеолитической культуры, которую мы по месту первых раскопок на р. Самаре предлагаем назвать **самарской.**

В первой предварительной публикации материалов могильника у с. Съезжее на основании сходства его керамики с наиболее ранними древнеямными сосудами (например, из погр. 5 кург. 2 Бережновского могильника) [25] мы датировали его первой половиной III тысячелетия до н. э.[26]. Существование памятников этого типа в начале III тысячелетия до н. э. вполне возможно, особенно на северо-западной окраине Мариупольской обл., на границе с лесными культурами, где вообще, видимо, все процессы проходили в несколько замедленном темпе. Однако дальнейшие исследования в лесостепном Поволжье показали, что первую половину III тысячелетия до н. э. здесь заполняют памятники следующего, древнеямного этапа. Это Хвалынский могильник на севере Саратовской обл.[27], Ивановская стоянка на западе Оренбургской обл.[28] и другие памятники. В связи с этим мы считаем возможным удревнить дату могильника у с. Съезжее, перенеся ее в IV тысячелетие до н. э., т. е. в собственно преддревнеямное время. Таким образом, описанный могильник хронологически смыкается с наиболее ранними древнеямными памятниками. Видимо, и основная часть памятников, входящих в мариупольскую область, должна датироваться этим временем.

Расположение самарской культуры на северо-восточном краю громадного энеолитического массива населения с воротничковой керамикой и инвентарем мариупольского типа, соседство и тесные связи населения самарской культуры с племенами камской неолитической культуры обусловили ее синкретический характер, когда хорошо прослеживаются как южные, так и северные элементы, с преобладанием первых.

Эти были первые раннеэнеолитические скотоводческие племена на данной территории, сыгравшие в дальнейшем крупную роль в формировании населения следующего исторического этапа в степной и лесостепной зонах Восточной Европы — древнеямно-среднестоговской общности эпохи позднего энеолита.

I. B. Vasilyev, G. I. Matveeva

THE CEMETERY NEAR VILLAGE SYEZZHEE AT THE SAMARA RIVER

Summary

In 1973 — 1977 a cemetery, which contained 9 æneolithic burials was investigated near village Syezzhee in Kuibyshev region at the left tributary of Volga — river Samara. The buried were stretched on their back, heads to the east and north-east, tinctured by red ohra. Some of them contained rich grave furniture-bone and flint artifacts, ornaments made of bone, wild boar's fangs and shells. At the ancient surface level skulls of two horses and compact piles of pottery fragments, strewn with red ohra were found. A series of settlements with similar material was investigated at Samara. The cemetery finds analogies among the sites of Mariupol type in Azov and Dnieper regions, lower Don culture at the Don region, Seroglazovka-Kaspian type in the Northern Kaspian region. The peculiarity of pottery and other implements permits the authors single out the sites of Syezzhee type as a new aeneolithic culture, named after the place of first excavations at Samara — the Samara culture.

---

[25] *Синицын И. В.* Археологические исследования Заволжского отряда (1951—1953).— МИА, № 60, 1959, с. 71, рис. 17, *8*.

[26] *Васильев И. Б., Матвеева Г. И.* Поселение и могильник у села Съезжее, с. 96.

[27] Раскопки 1977 г. С. А. Агапова, И. Б. Васильева и В. И. Пестриковой. Материалы не опубликованы, хранятся в кабинете археологии Куйбышевского пединститута.

[28] Раскопки 1977 г. Н. Л. Габелко. Материалы не опубликованы, хранятся в кабинете археологии Оренбургского пединститута.

Э. И. СОЛОМОНИК

КУБАНСКИЕ КЕРАМИЧЕСКИЕ ПЛИТКИ

На ряде кубанских городищ, входивших в подвластные Боспору земли, встречается своеобразная группа памятников — небольшие глиняные плитки с вдавленными или процарапанными изображениями. Больше всего их найдено в районе Краснодара, где расположено четыре древних городища: КРЭС (около Краснодарской электростанции), в пос. Дубинка (на восточной окраине города), в с. Красный Кут и на Карасунском озере (б. сад Тротнера). На запад от Краснодара плитки встречаются на Елизаветинском и соседних городищах до ст. Марьинской. Восточнее Краснодара их находят на Пашковских и Старокорсунских городищах до Усть-Лабинского. Дальше на восток плиток нет.

При старых раскопках не велось детального учета находок по слоям, поэтому опорными вехами для датировки плиток часто служат общие хронологические рамки существования городищ. В целом плитки встречаются с III в. до н. э. по II—III вв. н. э.

Более 300 плиток, собранных в разное время на кубанских городищах, хранится в Краснодарском историко-краеведческом музее (общий шифр КМ 2776). Небольшое количество материала находится в Ленинграде в Музее антропологии и этнографии (МАЭ) и Эрмитаже (коллекции из раскопок В. А. Городцова (МАЭ, инв. № 5338 и 5456) и В. П. Шилова) [1].

Первые плитки были найдены в Краснодаре в 1927 г. при строительстве электростанции под общим наблюдением за земляными работами Н. А. Захарова [2]. Всего собрали свыше 100 плиток. Среди других находок — примитивные глиняные статуэтки без обозначения рук (на одной показаны груди), местная и античная керамика римского времени и обломки каменных плит с орнаментом из густо проведенных линий. Плитки грубо выполнены из серой глины; на большинстве из них имеются вдавленные точки или тонкие линии, а также знаки, напоминающие буквы Х, Ф и др.[3]

Следующие по времени находки связаны с раскопками В. А. Городцова на Елизаветинском городище в 1935 и 1936 гг.[4] Городцов обратил внимание на то, что плитки встречаются не на всей территории городи-

[1] Судя по отчетам о раскопках, в фондах музеев сохранился не весь материал: часть его, видимо, погибла во время войны.

[2] *Захаров Н. А.* Общий обзор обследования и работ на городище в г. Краснодаре.— Зап. СКОАИЭ, вып. 3—4, Ростов-Дон, 1928, с. 23—31. Н. А. Захаров отмечает, что большую помощь в работе оказали инженеры и рабочие КРЭС, ученики школы № 6 под руководством Д. Н. Покровского (особенно Н. В. Анфимов и Д. Н. Хайтович) и члены археологического кружка при пединституте.

[3] *Захаров Н. А.* Ук. соч., с. 30 сл.; *его же.* Вновь найденная каменная плита со знаком из района Кубанских плавень.— Зап. СКОАИЭ, вып. 5—6, Ростов-Дон, 1929, табл. II, *23—28.*

[4] *Городцов В. А.* Елизаветинское городище и сопровождающие его могильники по раскопкам 1935 г.— СА, I, 1936, с. 181; *его же.* Результаты раскопок Елизаветинского городища в 1936 г. Архив ЛОИА, ф. 2, 1936, № 338; ср. Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг. М.— Л., 1941, с. 213 сл., рис. 57, *5.*

ща, а лишь на круглом холме и прилегающих к нему противоположных сторонах рва. На основе находки плиток вместе с обломками жертвенника, глиняными идольчиками и маленькими сосудами он высказал предположение, что они относятся к предметам культового характера [5].

Много плиток было также найдено Н. В. Анфимовым при раскопках Краснодарского городища на Дубинке в 1936 г.[6], частично в слое эллинистического времени, а в основном в слоях первых веков нашей эры. Сделаны они из серой и серо-коричневой глины, слабо обожжены, имеют прямоугольную форму и часто орнаментированы. Орнамент в виде вдавлений по углам, иксообразный, линейный, Т-образный и в форме круга с вдавлением посредине [7]. Эту группу плиток Н. В. Анфимов предложил называть таблетками в отличие от стоячих плиток, у которых одна из длинных сторон уголщена и служит основанием, на котором они могут стоять.

М. В. Покровский в одной из статей тоже упоминает о глиняных плитках Прикубанья и приводит несколько изображений [8].

В качестве сравнительного материала к памятникам со знаками с Маяцкого, Цимлянского и других средневековых городищ М. И. Артамонов привлекает и краснодарские плитки [9]. Он указывает, что изображения иногда имеются на обеих сторонах и нанесены или по сырой глине, или после обжига.

В. Ф. Гайдукевич определяет изображения на плитках как тамгообразные знаки, но подчеркивает их примитивность по сравнению с боспорскими знаками [10]; Ю. С. Крушкол рассматривает их как зачатки синдомеотской письменности [11].

Если ко всему сказанному добавить беглое упоминание о находке плиток при дальнейших раскопках Елизаветинского городища, а также недалеко от Краснодара и Новороссийска [12], то этим будут в основном исчерпаны немногие известные о них сведения.

Хотя прошло полвека со времени находки кубанских плиток, лишь немногие из них опубликованы (преимущественно в отчетах о раскопках), и не было попытки представить и рассмотреть весь материал в целом, найти какие-либо аналогии этим своеобразным памятникам древней культуры.

Изучение кубанских плиток сильно затруднено тем, что, несмотря на обилие материала, почти нигде не зафиксированы точные условия их находки, которые могли бы выяснить их датировку и назначение. По рассказам участников раскопок Н. В. Анфимова и Д. П. Хайтовича, только в одном случае было обнаружено вместе 10 плиток, видимо, специально выложенных полукругом.

Прежде всего обращают на себя внимание следующие два момента: 1) плитки встречаются в основном на территории меотских городищ [13]; 2) все они найдены на территории городищ, а не могильников.

---

[5] Археологические исследования в РСФСР, с. 214.

[6] *Анфимов Н. В.* Отчет о раскопках Краснодарского городища на Дубинке в 1936 г. Архив ЛОИА, ф. 2, 1936, № 236; Археологические исследования в РСФСР, с. 214, рис. 59, *1—3*.

[7] *Анфимов Н. В.* Ук. отчет за 1936 г., с. 217.

[8] *Покровский М. В.* Городища и могильники среднего Прикубанья.— Тр. Краснодарского пединститута, т. VI, вып. 1, 1937, с. 13, рис. 10; с. 14, рис. 11.

[9] *Артамонов М. И.* Средневековые поселения на Нижнем Дону. Л., 1935, с. 98.

[10] *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.— Л., 1949, с. 429.

[11] *Крушкол Ю. С.* Древняя Синдика. М., 1971, с. 72—78, табл. 16, 17.

[12] *Анфимов Н. В.* Древние поселения Прикубанья. Краснодар, 1953, с. 33; *его же.* Археологические разведки по Среднему Прикубанью.— КСИИМК, № 60, 1955, с. 49; *Онайко Н. А.* Раскопки поселения на Малой земле.— КСИА АН СССР, № 124, 1970, с. 79. См. также *Соломоник Э. И.* Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959, с. 40 сл. и рис. VII.

[13] В 1946 г. в Пантикапее были найдены маленькие гладкие глиняные таблетки размером 6×4×1,5 *см*. См. *Блаватский В. Д.* Раскопки Пантикапея в 1946 г.— В сб.: Древний мир. М., 1962, с. 456, рис. 60.

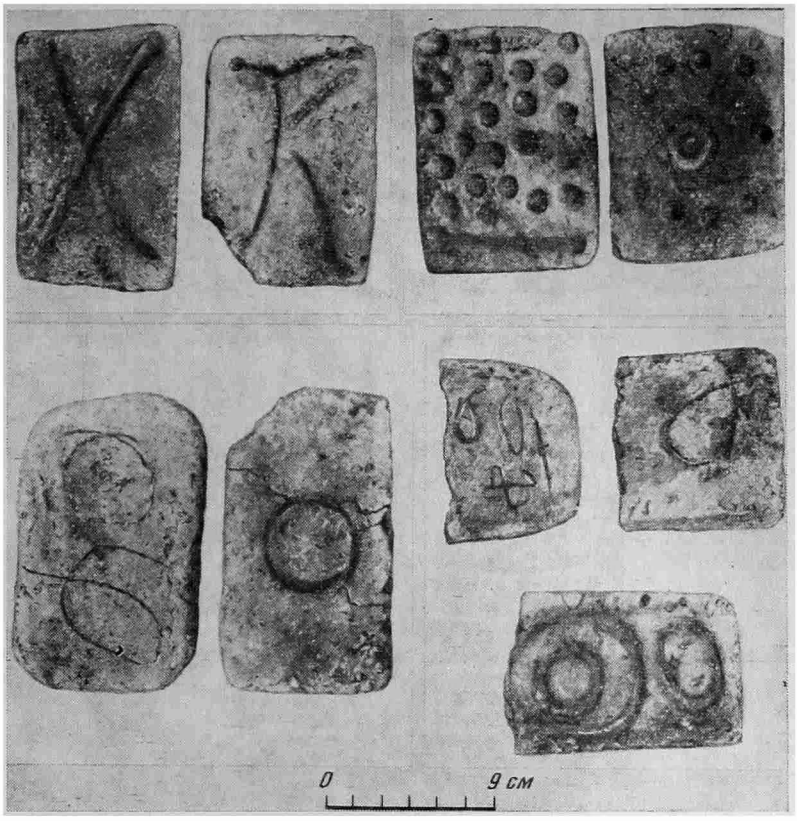


Рис. 1. Глиняные плитки с Кубанских городищ

Большинство плиток имеет прямоугольную форму, но у некоторых округленные края, чрезмерная вытянутость или, наоборот, как бы половинный размер. Размеры плиток неодинаковые. Чаще всего 10×15 и 9×14 *см*, а маленькие 8×11 *см*; толщина — 1—1,5 *см*.

Все плитки обожжены, многие — слабо. Глина имеет различные оттенки: серый, желтый, коричневый, красный. Однородность глины на плитках и других керамических изделиях, прослеживаемая (поскольку позволяет материал) на всех кубанских городищах, убедительно доказывает, что они изготовлялись на месте. С другой стороны, в одном слое найдены плитки, различные по величине, глине, обжигу и изображениям, т. е. скорее всего выполненные по отдельности разными лицами [14].

Поверхность большинства плиток хорошо сглажена, но некоторые сделаны грубо и имеют неровную поверхность со следами соломы. Многие плитки гладкие, без изображений, на других имеются различные изображения, нанесенные, как правило, до обжига. Так, например, на Дубинке в 1936 г. всего было найдено 89 плиток, из них 63 гладких и только 26 с изображениями [15].

Относительно гладких плиток возможны два предположения: или их специально изготовляли наряду с остальными (что нам кажется более вероятным), или они являлись как бы заготовками, т. е. предназначались для нанесения изображений после обжига.

Одни изображения напоминают орнамент, другие близки к знакам, буквам и схематическим рисункам (рис. 1). Технически они выполнены двояко: одни каким-то острием, другие — тупым и широким инструмен-

[14] Ср. плитки с Елизаветинского городища, хранящиеся в Ленинграде в МАЭ, инв. № 1066—1068.

[15] *Анфимов Н. В.* Ук. отчет за 1936 г., л. 9.

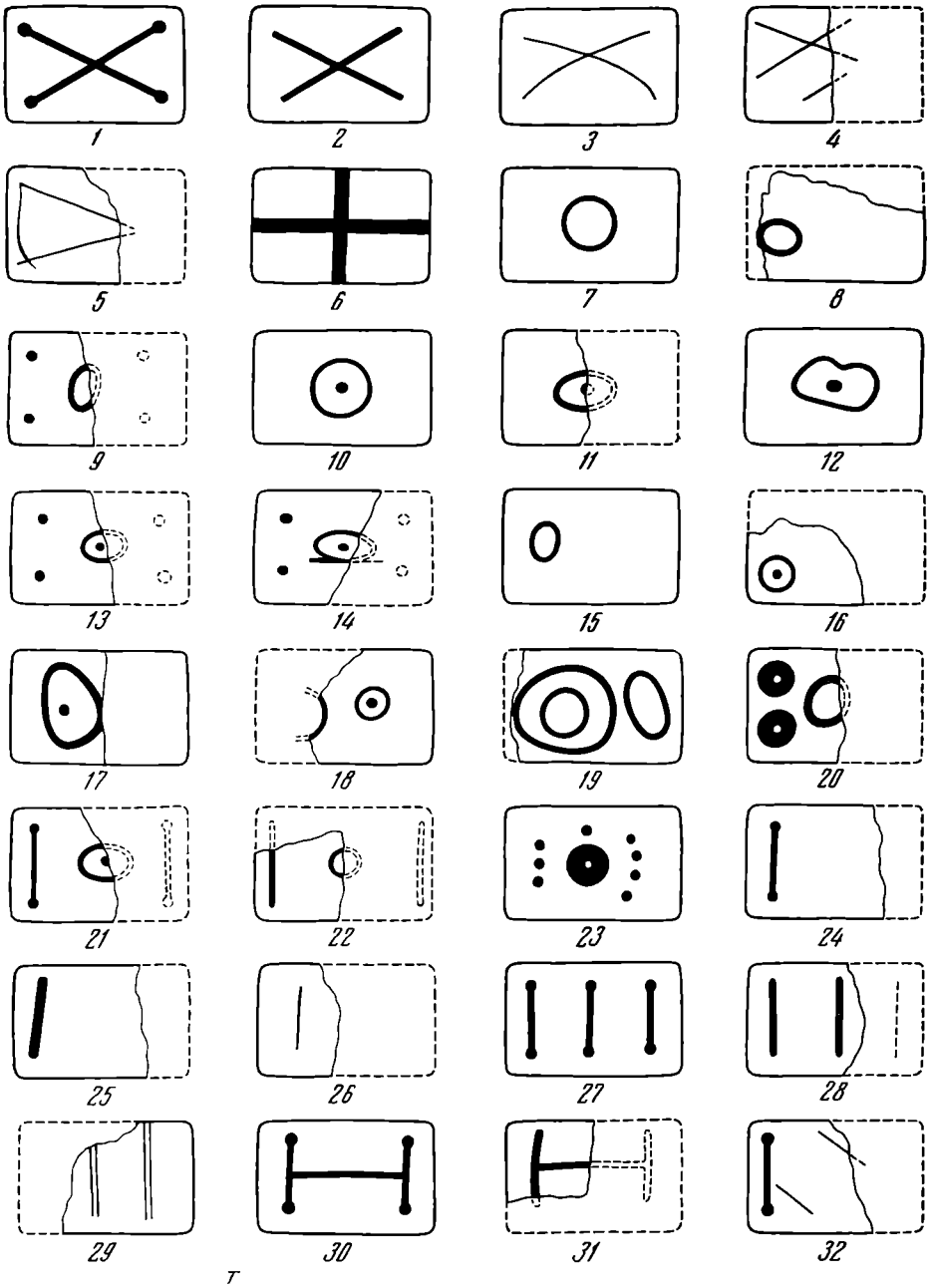


Рис. 2—4. Схематическая таблица изображений на кубанских плитках

том [16]. В последнем случае могли пользоваться просто пальцем, а иногда, судя по продольным тонким бороздкам внутри линий,— широкой закругленной на конце щепочкой (на некоторых плитках сочетаются оба приема). Часто встречаются ямки и кружки, причем кружки обычно имеют правильную форму, одинаковый диаметр и глубину, а следовательно, выполнены какой-то трубочкой, возможно костяной. Наконец в виде исключения на Дубинке встретилась одна плитка, украшенная выпуклыми шишечками, беспорядочно разбросанными на поверхности (рис. 4, 136).

На большинстве плиток изображение нанесено на одной стороне, но есть и двусторонние. Встречаются плитки с изображениями на верхней

[16] Ср. *Холостенко Н. В.* Исследование руин Успенского собора Киево-Печерской лавры.— СА, XXII, 1955 с. 343.

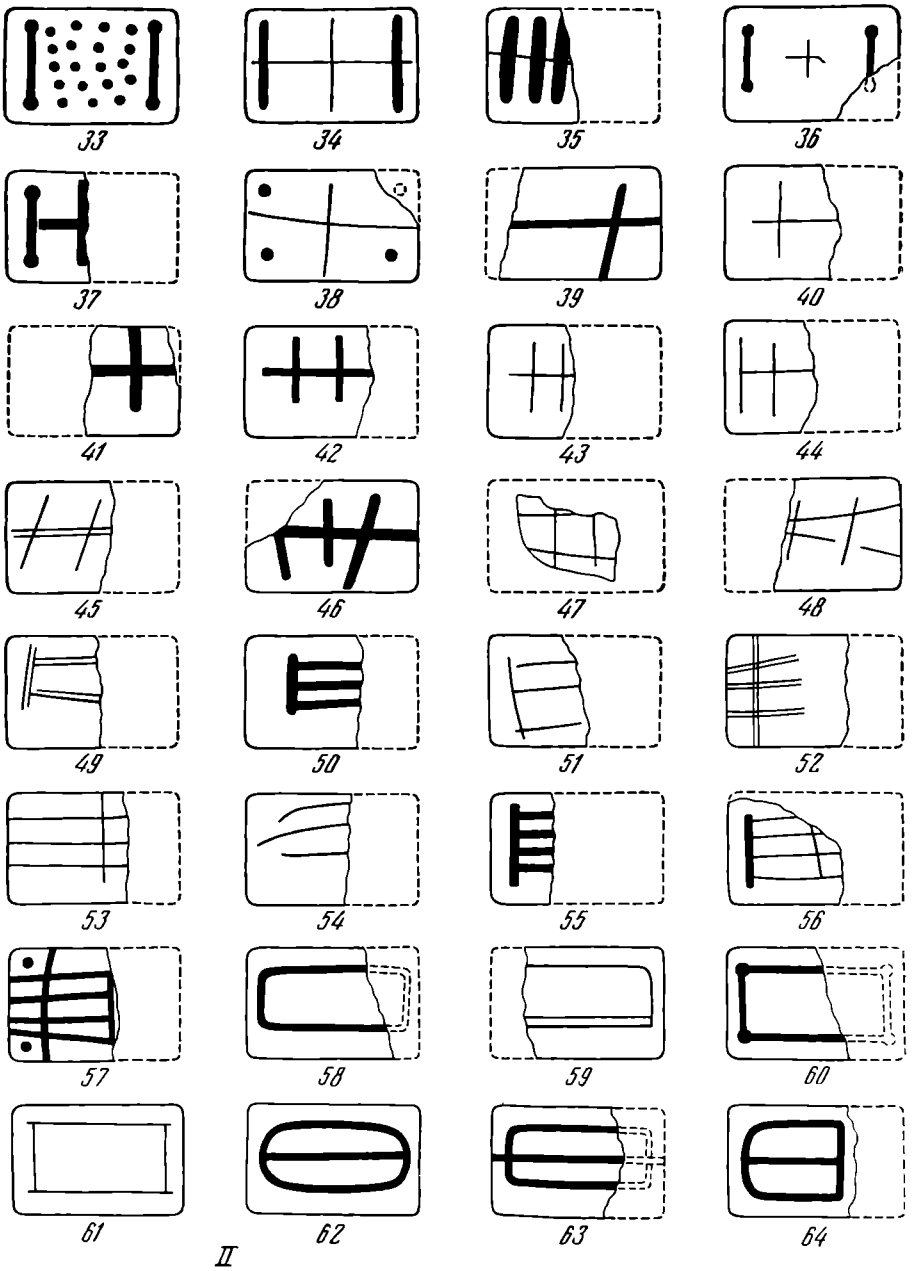


Рис. 2 (продолжение)

или боковой грани, а также с круглыми сквозными отверстиями (рис. 3, *89*, *92*, *96*, *122*, *123*).

Остановимся теперь на самих изображениях. На первый взгляд поражает их разнообразие, но в действительности можно выделить несколько основных форм и варианты к ним, которые повторяются на всех городищах (см. таблицу).

Две перекрещивающиеся линии, проведенные под прямым углом, или в виде буквы X (рис. 2, *1—6*). Чаще они выполнены широкой линией (обычно с углублениями на концах), иногда нанесены острием.

Окружности (рис. 2, *7—23*). Все они, исключая две плитки с городища на Дубинке, нанесены широкой линией. Только трижды встретилась окружность без дополнительных изображений. Обычно же в центре окружности имеется ямка, а часто такие углубления помещены и во всех четырех углах плитки. Вместо окружности встречается эллипс со всеми ука-

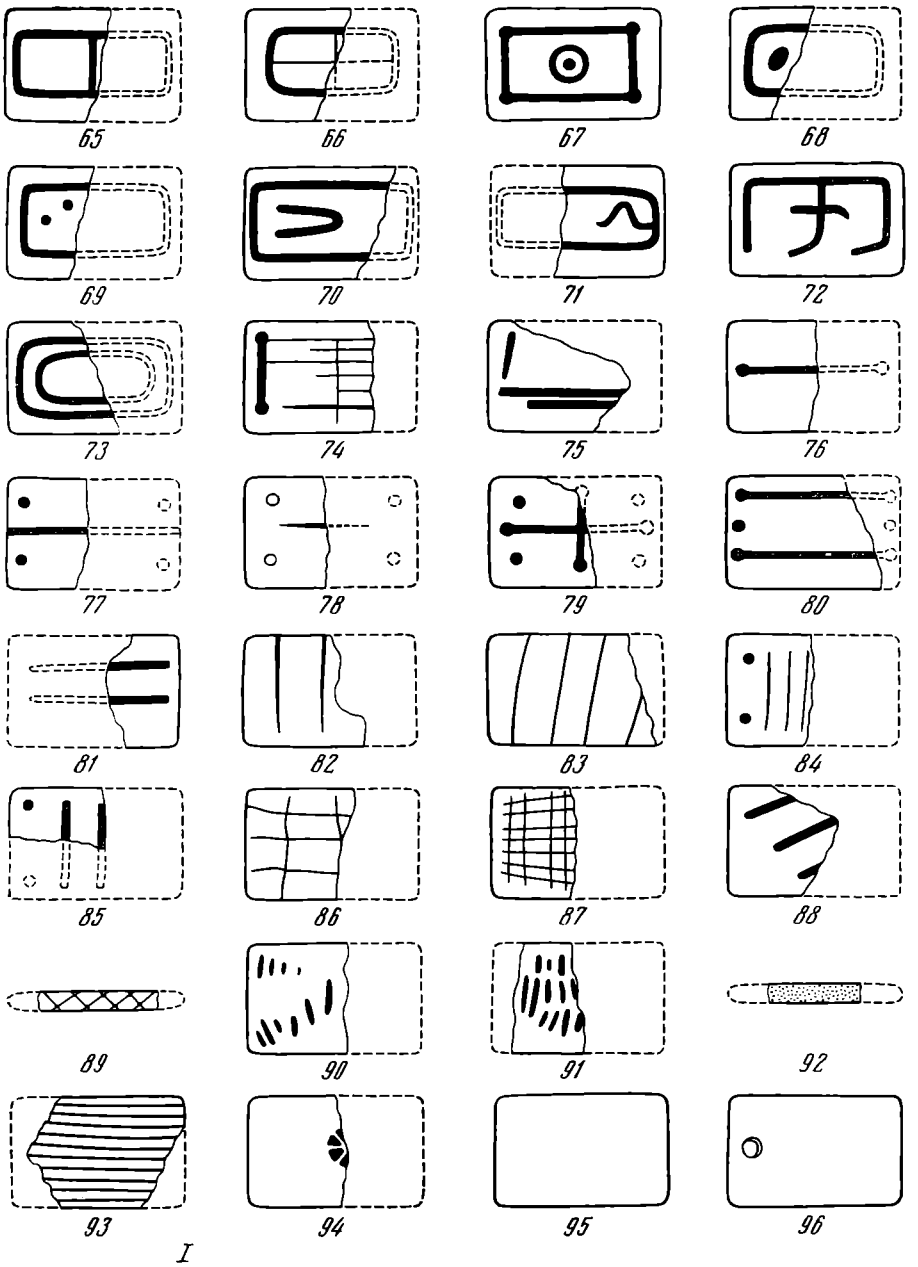


Рис. 3

занными вариантами. Наконец, имеются двойные окружности, сочетание нескольких окружностей и окружностей с эллипсами.

Вертикальные линии (рис. 2, *21—37*), часто с углублениями на концах. Обычно нанесено две или три линии, иногда больше. Между ними бывает окружность, поперечная линия, множество ямок, перекрестие и др.

Горизонтальные линии (рис. 2, *49—57*). Одна из плиток сплошь покрыта тонкими горизонтальными линиями, проведенными близко друг к другу.

Чаще встречается сочетание горизонтальных и вертикальных линий в различных вариантах: две вертикальные линии и две, три или четыре горизонтальных между ними; одна горизонтальная по центру и несколько вертикальных; целая сетка из тех и других. Проведены они широкой, тонкой или двойной линией.

Прямоугольники, выполненные по краю плитки в виде рамки (рис. 2, *58—63*; 3, *65—73*). Обычно они нанесены широкой линией; встречаются

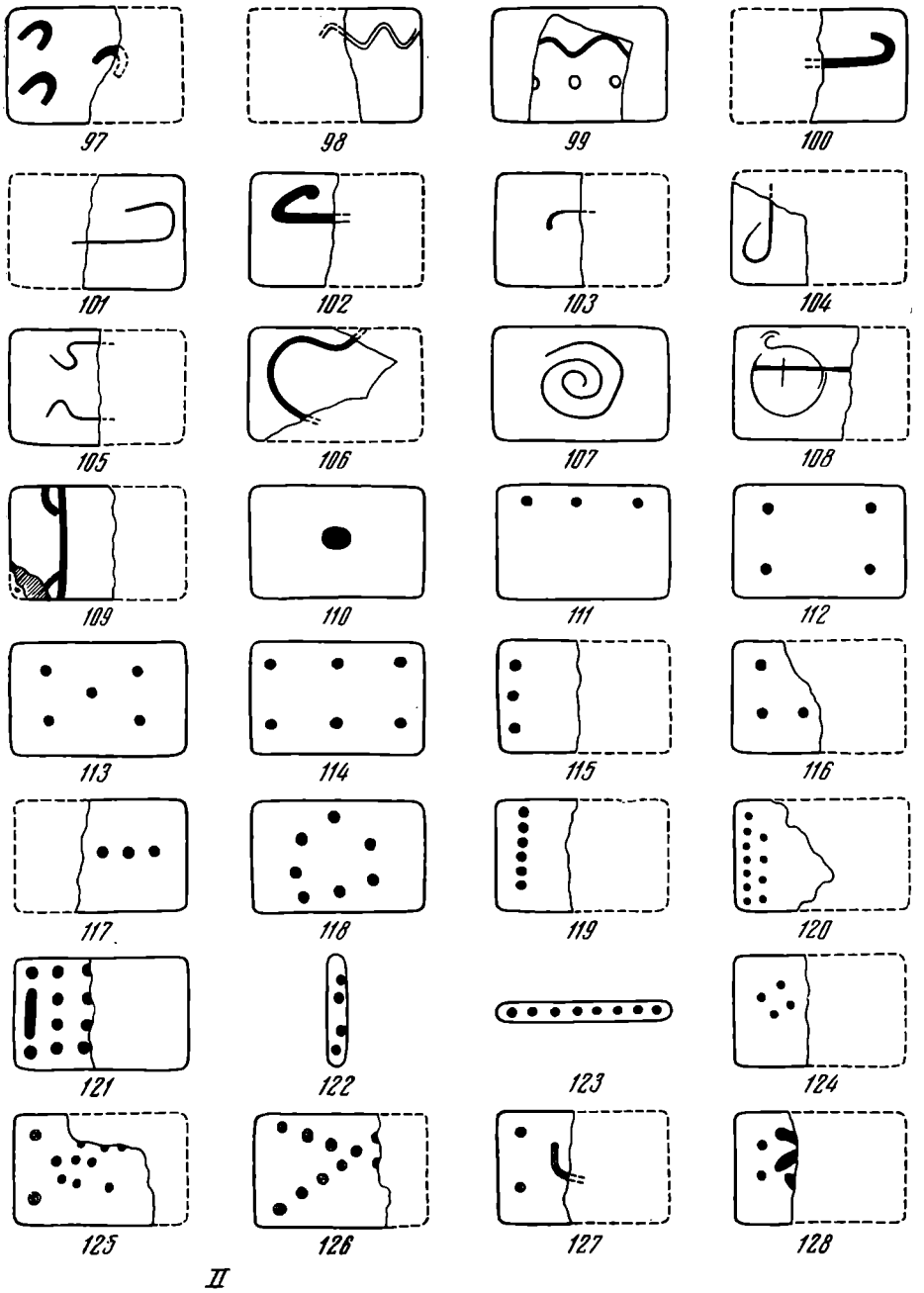


Рис. 3 (продолжение)

с прямыми и округлыми краями, с ямками по углам. Иногда внутри прямоугольников никаких изображений нет, но чаще бывают следующие варианты: прямоугольник с горизонтальной или вертикальной линией по центру, окружностью, ямками, изображением дуги, волны, креста и др. Имеется и двойная рамка.

Углубления округлой формы (ямки) — рис. 3, *110—128*. На некоторых плитках они расположены в определенном порядке, на других беспорядочно разбросаны по поверхности в различных количествах. Чаще всего встречаются четыре ямки по углам или пять ямок (одна в центре); бывает три ямки (вдоль одной длинной стороны), шесть ямок (по три вдоль обеих длинных сторон) и др. Иногда они расположены в виде окружности, эллипса, перекрестия, правильных рядов. На некоторых плитках ямки густо нанесены вдоль коротких сторон (в один или два ряда); кроме того, они встречаются в сочетании с другими изображениями.

Числовая таблица распространения кубанских плиток

№ плиток (рис. 2—4)	КРЭС	Дубинка	Краснопашковское	Елизаветинское	Красный Кут	№ плиток (рис. 2—4)	КРЭС	Дубинка	Краснопашковское	Елизаветинское	Красный Кут
1	9	8	4			62	1	4	2		
2	3		2			65			1	1	
3	6	1				71	2				
6				8		73		1		1	
7	1		1			74	1	1			
9			2			78	1		1		
10	4					83	5				
13	2		1			87			1	1	
21	2					95	23	11	6	19	
22		2				96	4			3	
24	4		4	1		98					1
25				2		110	3		1		
30	2		1			111	2				
33	3					112	8	4	7	1	2
40	2	1				113	4				
51			1	1		123			1	3	
53	1			1		124	2	1	1	2	1
54	1		1			131	2				
58	2	6	1			133	7	1	5		
60	3			1		137	5	1	1		
61	2					138	1	1			

Кружки (рис. 4, *129—135*) примерно такого же диаметра, как ямки, часто незамкнутые, иногда нанесены в определенном порядке, но в большинстве случаев беспорядочно разбросаны по поверхности, даже пересекают друг друга.

Кроме указанных групп встречаются плитки с изображением розетки, спирали, волны, подковообразных фигур и др. (рис. 3, *94*, *97—109*).

Наконец, выделяется группа плиток с изображениями, близкими к буквам и сарматским знакам (рис. 4, *137—152*). Здесь мы видим очертания греческих букв «бета», «каппа», «фи» и др. Часто встречается якоревидный знак, имеющий аналогии среди знаков Белогорской пещеры и склепа у с. Красногорское [17]. На трех плитках с городища КРЭС (рис. 4, *146*) повторяется знак, известный на каменной плите из Илурата [18]. Он нанесен каким-то острием, причем на одной плитке сочетается с вертикальными линиями, а на другой — с начертанием, близким букве Ф (рис. 4, *147*, *150*).

Большой интерес представляет фрагмент плитки с городища на Дубинке (рис. 4, *152*), на котором помещено три знака. Посреди плитки проходит широкая вертикальная линия, сверху и снизу острым инструментом весьма небрежно намечена рамка. Нижний знак имеет форму свастики, широко известную с самых древних времен; концы ее округло загнуты, как на некоторых сарматских зеркалах [19]. Над свастикой помещено два знака, близких знаку на плите из Илурата.

Некоторые изображения были особенно распространены и повторяются на многих плитках с разных кубанских городищ (таблица). Так, например, четыре ямки по углам встретились на 22 плитках с пяти раз-

[17] *Соломоник Э. И.* Сарматские знаки..., № 34, 58.

[18] Там же, № 40. Ср. *Бешевлиев В.* Първобългарски амулети.— Изв. на Народния музей, Варна, кн. IX, 1973, с. 60.

[19] Ср. зеркало из Краснодарского могильника, ГИМ, инв. № 46943; *Соломоник Э. И.* Сарматские знаки..., № 96.

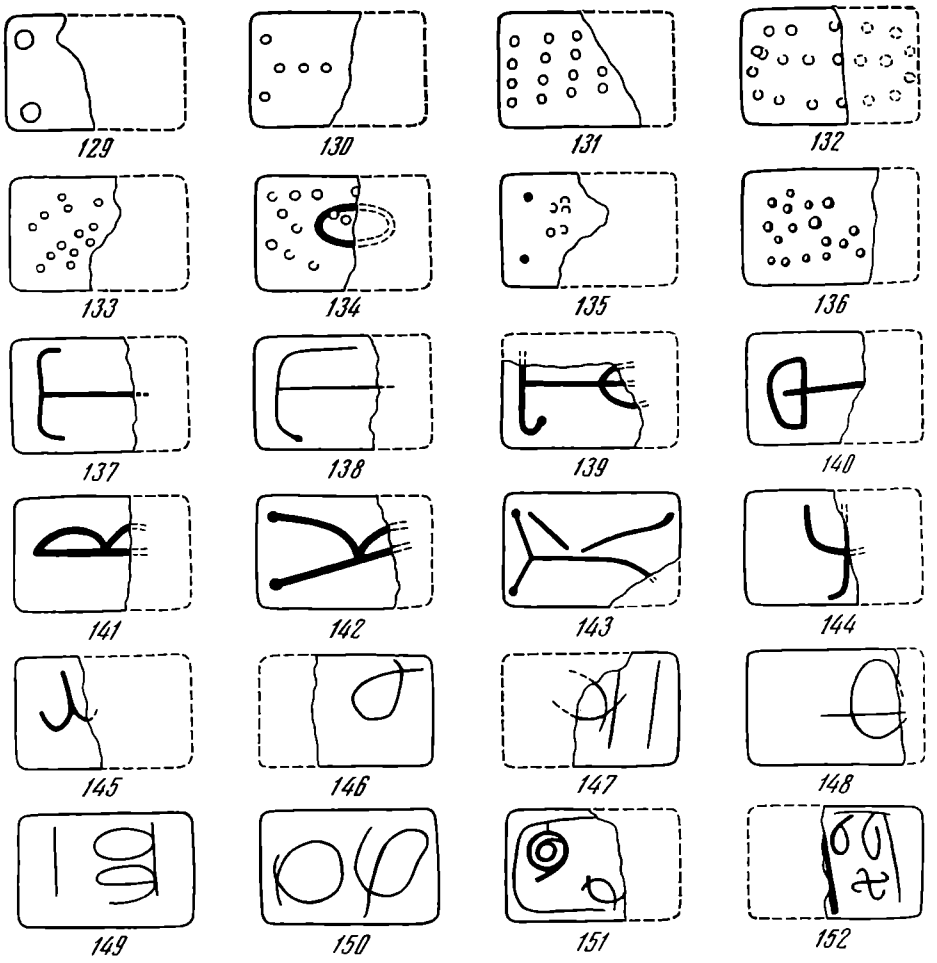


Рис. 4

личных городищ, беспорядочно расположенные кружки — на 13 плитках. Кроме того, на всех городищах имеется много гладких плиток.

Как говорилось выше, наибольшее количество плиток найдено в районе Краснодара; на других кубанских городищах качество исполнения плиток, как правило, хуже: видны следы соломы, грубо нанесено изображение, чаще встречается неправильная форма плиток и нечеткие линии изображений.

На всех двухсторонних плитках на обеих сторонах помещены различные изображения, обычно выполненные разными инструментами. На плитке с городища КРЭС (инв. № 670) на одной стороне широкой линией нанесено перекрестие, а на другой острием выполнена неправильная криволинейная замкнутая фигура с углублением в центре (ср. плитку инв. № 868). На другой плитке (КРЭС, инв. № 680) с одной стороны тонкие вертикальные линии, на обороте — перекрестие. На плитке с Елизаветинского городища (инв. № 728) — горизонтальные и вертикальные линии.

На шести стоячих плитках изображения помещены по верхнему краю, причем четыре из них найдены на Елизаветинском городище.

Наконец, следует назвать восемь плиток с проделанными насквозь отверстиями. Четыре из них с городища КРЭС, три с Елизаветинского городища, одна с поселения около Новороссийска. На каждой плитке одно круглое отверстие, но расположены они в разных местах.

Изображения, близкие к знакам, были, видимо, связаны с сарматским влиянием. Уже с III—II вв. до н. э. на Кубани складываются элементы новой культуры в связи с проникновением с востока сарматских пле-

мен [20], а в первые века нашей эры сарматские знаки получают широкое распространение на Боспоре и во всем Северном Причерноморье. Что же касается букв, то их формы легко могли заимствовать из городов Боспора, которому Меотия подчинялась еще с IV в. до н. э.[21]

Какие самые общие предположения можно высказать о назначении кубанских плиток? Мы уже отмечали, что они не встречаются в могильниках, а следовательно не связаны с заупокойным культом и погребальными обрядами. Множество различных изображений, частью носивших орнаментальный характер, не позволяет рассматривать их как систему какого-либо письма. С другой стороны, часто повторяющиеся изображения на плитках с разных городищ исключают возможность толковать их как родовые или семейные знаки.

Поскольку плитки известны уже в эллинистический период (т. е. до распространения в Северном Причерноморье сарматских знаков) и в основном на территории Меотии, есть основание видеть в них локальную группу памятников, связанных с меотскими племенами. Не случайно в результате длительного археологического исследования Прикубанье было выделено в отдельный этнокультурный массив [22].

По аналогии с сарматскими знаками можно предположить, что использование плиток не ограничивалось какой-либо одной сферой. Возможно, некоторые из них носили характер апотропеев, служили для магических заклинаний и гаданий, столь широко известных во всем древнем мире [23]. В этой связи обращает на себя внимание изображение спирали, волны, дуг, сочетание различного числа черточек, ямок и кружков, а также знаки (например, свастика) и буквы.

Рассмотрим для примера изображение спирали, которое встречается и на памятниках Боспора более раннего времени [24]. Среди них особенно интересна серебряная пластика из района Феодосии с загадочной магической надписью. Сочетание спирали с такой надписью подтверждает магический характер этого изображения. И. И. Толстой [25] указывает, что и «на южнорусских памятниках позднейших эпох изображение подобной спирали имело, по-видимому, магическое значение».

Различные изображения спиралей или лабиринтов находят на Кавказе начиная с древнейших времен. Так, известен большой «лабиринт», высеченный на камне у с. Махческ (Осетия), относимый Е. И. Крупновым к докобанской эпохе [26]. Известен также «лабиринт», обнаруженный среди наскальных изображений около с. Капчугай (Дагестан) II—I тысячелетия до н. э.[27] На Кавказе лабиринты и спирали имеют свою длительную историю. Например, в Дагестане они нанесены на средневековых жилых постройках аварцев с целью «магически оградить дом от неприятеля» [28].

Плитки с различным количеством ямок, кружков и черточек могли использовать при гаданиях и заговорах, связанных с какими-то числовыми данными. Это могло относиться к улову рыбы, урожаю, количеству

---

[20] *Погребова Н. Н.* Состояние проблем скифо-сарматской археологии к конференции ИИМК АН СССР 1952 г.— В сб.: Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954, с. 20.

[21] *Гайдукевич В. Ф.* Ук. соч., с. 60 сл.

[22] *Погребова Н. Н.* Ук. соч., с. 19.

[23] *Диль Э. В.* Памятники древнегреческой народной магии.— ИАК, 65, 1918, с. 79—84; *Придик Е. М.* Греческие заклятия и амулеты из Южной России.— ЖМНП, 1899, часть 326, с. 115—124.

[24] *Толстой И. И.* Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.— Л., 1953, № 239.

[25] *Толстой И. И.* Ук. соч., № 236.

[26] *Крупнов Е. И.* Материалы по археологии северной Осетии докобанского периода.— МИА, № 23, 1951, с. 64, рис. 24 (там же см. литературу по этому вопросу).

[27] *Марковин В. И.* Археологические памятники в районе с. Капчугай Дагестанской АССР.— СА, XX, 1954, с. 333, рис. 10.

[28] Там же, с. 342.

убитых врагов и др. Быть может, не случайно в одном слое с плитками на Елизаветинском городище найдены большие рыболовные грузила, по верхнему краю которых нанесено до обжига несколько ямок; некоторые же плитки пересечены горизонтальными и вертикальными линиями, похожими на рыболовные сети.

Если такое предположение правильно, то и другие изображения могли иметь какой-то скрытый от нас условный смысл. Так, например, прямоугольник на многих плитках весьма напоминает схематические очертания дома [29]; различные изображения внутри прямоугольника (горизонтальные и вертикальные линии, ямки, окружности, перекрытия, подковы, волны и пр.), возможно, были связаны с добрыми или дурными пожеланиями данному дому, которых добивались путем магических заклинаний. На некоторых плитках усматривается изображение лука со стрелой [30].

На Елизаветинском городище плитки найдены вместе с жертвенниками и культовыми статуэтками. В других случаях их находят разбросанными по всей территории городищ, а не совместно с какими-нибудь хозяйственными комплексами. Это соответствует тому, что и у других народов камни или обломки сосудов с заклинаниями обычно зарывали в землю где-нибудь в укромном месте.

Возникает вопрос: имеются ли какие-нибудь аналогии кубанским плиткам или это явление уникальное?

В странах древнего Востока хорошо известно применение керамических плиток для письма, но для сопоставления с кубанскими следует, по нашему мнению, обратиться к другой группе памятников, также весьма отдаленных от них по времени и месту находок. Это коринфские глиняные таблички с изображениями и плитки из Сиалка (Иран).

Коринфские таблички [31] датируются VII—VI вв. до н. э. и имеют в среднем следующие размеры: высота 10—12 *см*, ширина 7—8 *см*, толщина 2—3 *см*. На них встречаются различные изображения, выполненные штампом: работа около гончарной печи, состязание двух борцов, фигура бегуна, кентавр, крылатое божество и др. На ряде табличек пустые пространства по краям и в середине заполнены окружностями и розетками, служившими орнаментальным украшением.

Коринфские таблички, связанные с крупным центром керамического производства древней Греции, трактуют как посвящения гончаров богам — покровителям их ремесла. «Желая избежать неудачи в своем производстве и связанных с нею убытков, греческие гончары стремились заручиться расположением богов — покровителей их ремесла, посвящая им соответствующие вотивные таблички с росписью» [32]. Возможно, часть кубанских плиток, во многом близких коринфским, тоже представляла собой вотивы гончаров. Исключая прямые заимствования, любопытно все же отметить сходные размеры, излюбленный мотив окружностей на тех и других и изображение розеток. Среди коринфских табличек также встречаются двусторонние [33] и с отверстиями [34], видимо, служившими для подвешивания [35].

---

[29] Ср. аналогичное изображение дома в знаках мордвы. *Майнов В. Н.* Очерки юридического быта мордвы.— Зап. РГО, отдел этнографии, т. XIV, вып. 1, 1885, таблица тамг.

[30] Ср. знаки калмыков. *Небольсин П.* Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. СПб., 1852, с. 13, таблица тамг, № 13.

[31] *Weinberg S.* Corinthian relief ware.— Hesperia, XXIII, № 2. 1954, p. 142, pl. 25.

[32] *Блаватский В. Д.* История античной расписной керамики. М., 1953, с. 33 сл. Ср. *Furtwängler A.* Beschreibung der Vasensammlung im Antiquarium. B. I. Berlin, 1885. S. 47.

[33] *Furtwängler A.* Op. cit.

[34] *Pfuhl E.* Malerei und Zeichnung der Griechen. B. I. München, 1923, S. 307; *Weinberg S.* Op. cit., pl. 25, *d, e*.

[35] По мнению Д. П. Хайтовича, кубанские плитки, возможно, были связаны с культом домашнего очага, так как в одном случае они найдены выложенными вокруг очага. Это мнение приведено в новом издании книги В. Ф. Гайдукевича на немецк. яз.

Плитки из раскопок в Сиалке, датируемые II тысячелетием до н. э., также можно сравнить с кубанскими, особенно по характеру некоторых изображений [36]. Они глиняные, небольшие, иногда двусторонние, с изображениями, выполненными до обжига; некоторые со сквозными отверстиями. Назначение этих плиток еще далеко не выяснено. Р. Гиршман предполагает, что часть из них использовалась для полупиктографического протоэламитского письма, заимствованного от соседей, а часть — для нанесения цифр, подписей и знаков собственности. На этих плитках, как и на кубанских, встречается различное число ямок, широкие линии, окружности с ямками в центре и др. Ряды ямок на тех и других, скорее всего, носили счетный характер. Вспомним также, что пифагорейцы изображали числа при помощи точек, группируемых в форме треугольников, квадратов и др., иногда окруженных квадратным полем [37]. Подобные плитки могли иметь самое разнообразное применение [38].

Из памятников того же рода можно еще сослаться на многочисленные глиняные и медные таблички из Мохенджо-Даро [39]. По мнению исследователей, эти древнейшие находки в долине Инда представляют собой амулеты, которые носили на теле. На них встречаются изображения свастики и кружков, фигуры богов и священных животных, иногда сопровождаемые надписями [40]. Медные вотивные таблички с надписями встречаются в Индии и значительно позже, среди памятников XI в. н. э.[41]

Некоторые из приведенных аналогий могут оказаться и не случайными. Быть может, кубанские плитки через неизвестные еще нам звенья были в какой-то мере связаны с богатейшей культурой древневосточных стран [42]. С другой стороны, исследователями средневековых памятников на Дону отмечалось некоторое сходство между изображениями на кубанских плитках и знаками на сосудах и кирпичах из Цимлянского и других городищ, которые могли служить знаками мастеров, а частью наноситься с религиозно-магической целью [43].

У нас еще мало фактов и аналогий, но они позволяют предполагать, что меоты использовали знаки и изображения для различных целей;

Gajducevic V. F. Das Bosporanische Reich. Berlin, 1974, S. 449. Однако единичность находки вряд ли позволяет распространять этот вывод на весь материал.

[36] *Ghirschman R.* Fouilles de Sialk. V. I. Paris, 1938, p. 65, tab. XXXI, XCII, XCIII.

[37] *Кольман Э.* История математики в древности. М., 1961, с. 86.

[38] На игральных костях из таштыкских погребений на Енисее первых веков нашей эры обнаружены тамги и счетные знаки в виде различного количества зарубок по краю, ямок на боковой стороне, кружочков и сложного знака, состоящего из прямого креста и трех параллельных черточек. *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951, с. 461, табл. XXXVIII, *14—18*. Ср. *Полторацкая В. Н.* Знаки на предметах из курганов эпохи ранних кочевников в горном Алтае.— АСб. ГЭ, вып. 5, 1962, с. 76—90.

[39] *Маккей Э.* Древнейшая культура долины Инда. М., 1951, табл. XVII.

[40] Там же, с. 76. О культуре Мохенджо-Даро см. предисловие В. В. Струве к кн. Э. Маккей; *Неру Дж.* Открытие Индии. М., 1955, с. 69.

[41] *Bühler G.* Indische Palaeographie. Berlin, 1896, S. 54, № 11. Глиняные плитки эпохи бронзы с изображениями и знаками, вырезанными по сырой глине, известны также на территории Болгарии (см. *Николов Б.* Новооткрити праисторически писменни знаци.— Векове, № 5, София, 1976, с. 16—19).

[42] Ср. *Jänichen H.* Bildzeichen der königlichen Hoheit bei den iranischen Völkern. Bonn, 1956; *Трубачев О. Н.* О синдах и их языке.— ВЯ, 1976, № 4.

[43] *Артамонов М. И.* Средневековые поселения на Нижнем Дону. Л., 1935. Н. В. Холостенко (*Холостенко Н. В.* Исследования Борисоглебского собора в Чернигове.— СА, 1967, № 2, с. 194) рассматривает сходные метки на кирпичах из Чернигова и Хорезма в форме черточек, перекрестий, окружностей, подковок и др. О широком распространении точечного орнамента с еще неясной семантикой свидетельствуют также глиняные изделия на городищах дьякова типа, существовавших в районах Верхней Волги и Оки во второй половине I тысячелетия до н. э. и первой половине I тысячелетия н. э. См. *Городцов В. А.* Старшее Каширское городище.— ИГАИМК, № 85, 1933, с. 14, рис. V, *3*; *Сизов В. И.* Дьяково городище близ Москвы.— Тр. IX АС, т. II, 1897, с. 263, табл. XXVIa, № 4, 7; *Дубынин А. Ф.* Городище Кузнечики в Подмосковье.— СА, 1970, № 1, с. 163, рис. 6, *17*, *18*

они могли быть апотропеями, охраняющими дом, очаг и ремесло от злых духов; носить культово-магический характер, служить для счета, в качестве знаков собственности, орнаментальных украшений и пр.

В заключение хочется обратиться с настоятельной просьбой к археологам, изучающим меото-сарматские городища Прикубанья,— как можно точнее фиксировать условия нахождения плиток. Это поможет выяснить целый ряд вопросов, связанных с интересной группой памятников культуры древнего населения юга нашей страны [44].

E. I. Solomonik

CERAMIC SLABS FROM KUBAN REGION

Summary

At the fortified settlements of the Kuban region, dated to the III century B. C.— III century A. D., inhabited by Meotian and other tribes more than 300 small rectangular slabs made of weakly burned clay were found. The most part of them has pressed in or scratched pictures, some have no pictures. Some pictures consist of parallel or crossing lines, rectangles and different number of circles and pits, other are close to signs, letters and schematic pictures. The absence of well-fixed archaeological contexts does not let to specify the function of these slabs. On the basis of some analogies from Korinth, Sialk and Mohenjo-Daro (far from ours in time and place), the slabs from Kuban region could be used for different purposes: as amulets, protecting the house, fireplace and handicraft from demons, for magic invocations and fortune-telling for calculations, as property marks etc.

---

[44] Пользуемся случаем, чтобы поблагодарить сотрудников Краснодарского музея и МАЭ за предоставление материала.

Г. А. ВОЗНЕСЕНСКАЯ, Л. С. ХОМУТОВА

ТЕХНИКА И ТЕХНОЛОГИЯ КУЗНЕЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА НА ГОРОДИЩЕ МАРИЦА

Настоящая работа проведена на материалах, полученных при раскопках городища у с. Марица, расположенного в Льговском районе Курской области, на левом берегу р. Прутище (бассейн р. Сейм).

Городище Марица относится к кругу скифоидных памятников лесостепных культур Посеймья. Датируется оно VI—V вв. до н. э. На городище открыты остатки оборонительных сооружений, жилища и хозяйственные ямы, найдено большое количество разнообразных вещевых находок: железные и бронзовые изделия — орудия труда, оружие, предметы быта и украшения, изделия из глины, кости, стекла, камня [1].

Широко представленная разнообразная коллекция железных изделий, отражающая развитие основных видов хозяйственной деятельности населения городища, дает возможность провести массовое технологическое исследование кузнечной продукции, на основании чего дать объективную характеристику кузнечного производства местных племен раннего железного века.

На исследование было взято 38 железных изделий [2]. Отобранная коллекция состояла из: 1) сельскохозяйственных орудий труда — серпы (5 экз.); 2) инструментов для обработки дерева: тесла с заплечниками (3 экз.); 3) универсального инструмента: ножи разных форм и размеров (21 экз.), шилья (4 экз.); 4) оружия: две стрелы, возможно из более позднего юхновского погребения (IV—III вв. до н. э.), наконечник дротика (1 экз.); 5) предметов быта и украшений: булавка и обломок браслета (?).

Технологическое изучение кузнечных изделий объясняет не только технику и технологию кузнечного производства на данном городище, но вносит свой вклад в решение существенных вопросов по истории металлургии и металлообработки раннего железного века. Эти вопросы заключают в себе прежде всего историю познания и овладения новым металлом — железом и сталью. Кроме того, наблюдения полученные в результате технологических исследований, дают информацию для решения вопросов профессионализма и специализации в древнем ремесле, производственной организации, наследования традиций в области техники и др.

В рассмотренной нами коллекции наиболее массивное и сложное по конфигурации изделие — тесло с заплечиками (рис. 1). Исследовано их 3 экз. (анализы 992, 1100, 1101, рис. 2). Очень близкие по форме и размерам, они оказались изготовленными по разным технологическим схе-

---

[1] *Пузикова А. И.* Раскопки городища Марица.— АО — 1973. М., 1974, с. 73; *ее же.* Работы курской экспедиции.— АО — 1974, М., 1975, с. 73; *ее же.* Продолжение исследований городища Марица.— АО — 1974. 1975, с. 82.

[2] Материал любезно предоставлен А. И. Пузиковой. Металлографическое исследование проведено авторами в лаборатории естественно-научных методов Института археологии АН СССР и в лаборатории Института археологии в Киеве. Анализы хранятся в Киеве в лаборатории Института археологии.

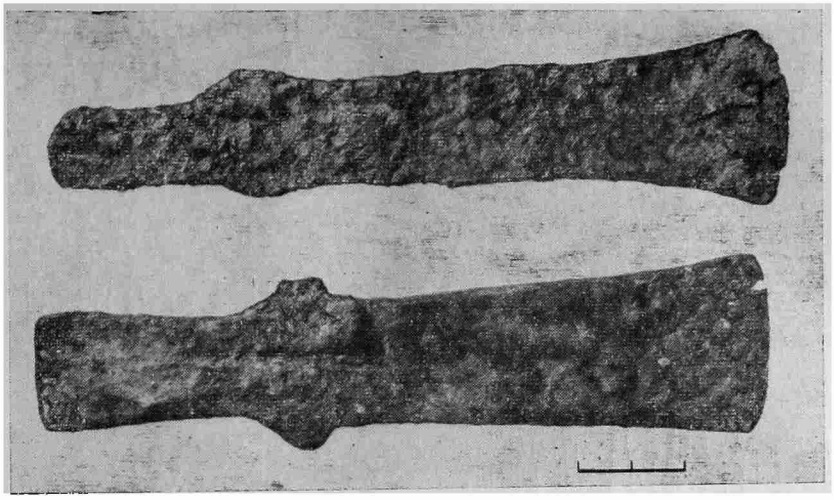


Рис. 1. Тесла с заплечиками

мам (проба бралась как с лезвия, так и с обушковой части тесла). Исследования показали, что тесло (ан. 992) отковано из мягкой стали с содержанием углерода около 0,2—0,3% (рис. 3, *3*). Микроструктура свидетельствует о том, что заготовка для достижения необходимой толщины была сварена кузнечным способом. Сварка произведена умело — сварочный шов четкий и чистый, прочно соединивший полосы металла. Качество кузнечной ковки хорошее.

Второе тесло (ан. 1100) отковано из кричного железа, слабо и неравномерно науглероженного местами. Железо имеет сложную структуру — это так называемый «пакетный» металл (рис. 3, *2*). Слоистая структура получилась при кузнечной сварке в блок отдельных полос металла либо при многократном складывании и тщательной проковке одной или сваренных вместе нескольких полос металла. Пакетирование сырья, как свидетельствует исследование древних кузнечных изделий, появляется в силу необходимости иметь достаточно массивную заготовку, а в дальнейшем, с развитием техники кузнечного производства, становится определенной системой обработки железного полуфабриката [3].

Третье тесло (ан. 1101) было отковано из железа, хорошо освобожденного от включений шлака. Исследование образца, взятого с лезвия, выявило зону значительной науглероженности. На образце, взятом на обушковой части орудия, такой науглероженности не прослежено. Целесообразное расположение науглероженной зоны, отсутствие следов наварки (сварочных швов) приводят к мысли о сознательном науглероживании (цементации) рабочей части изделия (рис. 3, *7*). Микроструктура шлифов (мелкозернистость и сорбитообразность перлита) свидетельствует об интенсивной проковке изделия после цементации. Возможно, цементировалась заготовка, из которой потом ковалось изделие.

Цементация, т. е. процесс насыщения углеродом мягкого железа для получения стали, была одной из важнейших технологических операций, открытых в результате практического опыта и наблюдательности металлурга. Как показывают металлографические исследования древних кузнечных изделий, человечество овладело ею в начале железного века [4].

Следующая большая группа изученных орудий труда — серпы (ан. 991, 1092, 1096, 1104, 1110, рис. 2). Они все слабоизогнуты, различны по раз-

[3] *Вознесенская Г. А.* Технология производства железных предметов Тлийского могильника.— В сб.: Очерки технологии древних производств. М., 1975, с. 84.

[4] *Pleiner R.* Staré evropské kovárstvi. Praha, 1962, S. 233—243; *Шрамко Б. В., Солнцев Л. А., Фомин Л. Д.* Техника обработки железа в лесостепной и степной Скифии.— СА, 1963, № 4, с. 36—57; *Шрамко Б. А., Фомин Л. Д., Солнцев Л. А.* Новые

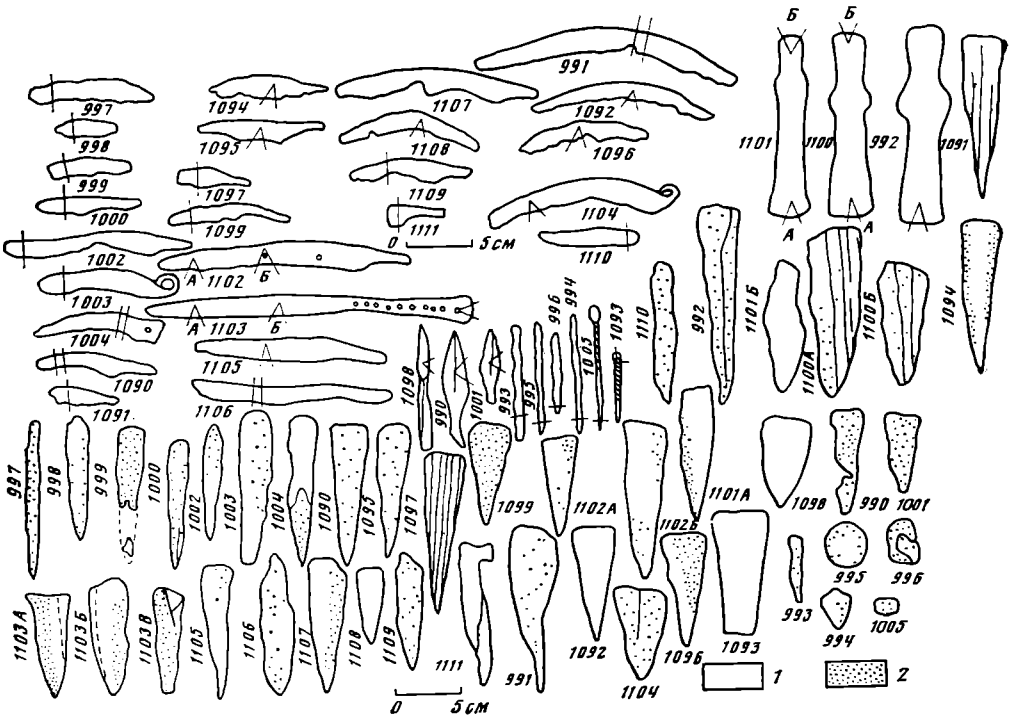


Рис. 2. Технологические схемы изученных кузнечных изделий Условные обозначения: *1* — железо, *2* — сталь. Цифры на рисунках соответствуют номерам анализов

мерам: самый длинный клинок из полностью сохранившихся — 220 *мм*, самый короткий — 95 *мм*. Серп (ан. 991) откован из мягкой стали.

Серп (ан. 1092) откован также из кричного железа со следами слабой науглероженности. Никаких дополнительных технологических операций по улучшению рабочих качеств железных серпов не обнаружено.

Серп (ан. 1096) имеет более сложную технологию изготовления. На поверхности шлифа, сделанного на поперечном сечении лезвия, отмечена с одной стороны значительная зона феррито-перлитной структуры с характерным для цементированного слоя убыванием углерода от поверхности к центру шлифа (от 0,4 до 0,1% углерода). У противоположной поверхности шлифа наблюдается ферритная мелкозернистая структура. Такое расположение зон с различной структурой и сам характер структуры металла свидетельствуют об использовании в процессе изготовления серпа операции поверхностной цементации. Вероятнее всего, была подвергнута одностороннему науглероживанию заготовка, из которой предполагалось ковать серп. Мелкозернистость говорит об интенсивной и тщательной проковке металла после цементации.

Почти аналогична технология изготовления серпа (ан. 1104). Здесь на шлифе, сделанном на поперечном сечении лезвия, также зафиксированы науглероженные зоны у поверхности. Содержание углерода в науглероженных участках около 0,3%. Расположение науглероженных зон (ан. 1104, рис. 2) свидетельствует о возможной двухсторонней цементации заготовки для серпа. Последующая интенсивная и тщательная проковка металла при изготовлении серпа привела к наблюдаемой на шлифе мелкозернистой структуре [5].

исследования техники обработки железа в Скифии.— СА, 1971, № 4, с. 140—152; *Вознесенская Г. А.* Ук. соч., с. 85—87.

[5] Если операция цементации, связанная с перегревом металла, была последней технологической операцией при изготовлении предмета, то структура металла бывает обычно крупнозернистой со следами перегрева.

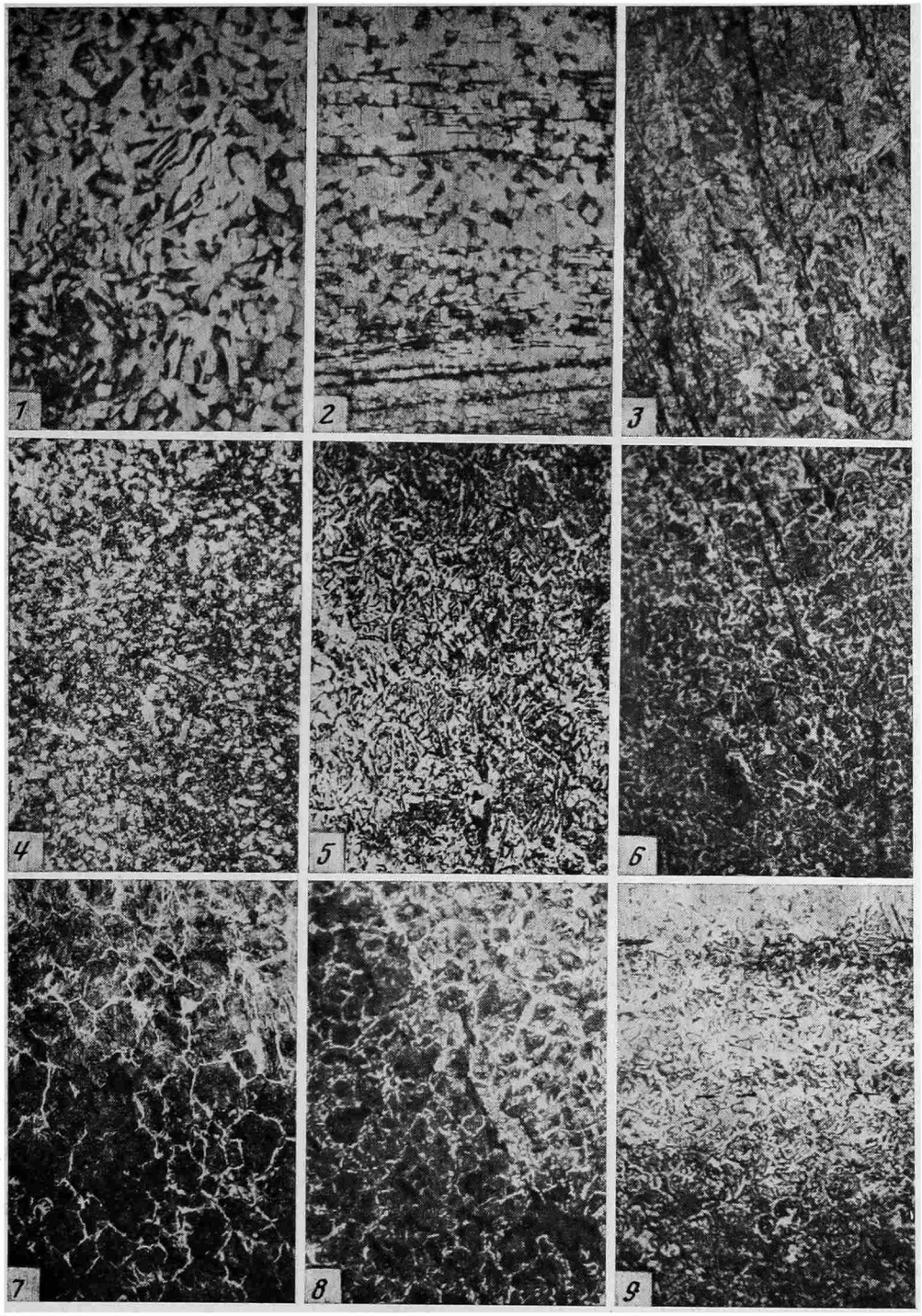


Рис. 3. Микроструктура исследованных изделий: *1* — тесло (1100А), ув. 70 — малоуглеродистая сталь; *2* — тесло (1100Б), ув. 70 — пакетный металл; *3* — тесло (992), ув. 70 — малоуглеродистая сталь; *4* — серп (1104), ув. 200 — малоуглеродистая сталь: *5* — нож (1004), ув. 70 — феррит с перлитом; *6* — серп (1110), ув. 70 — высокоуглеродистая сталь; *7* — тесло (1101), ув. 70 — цементация; *8* — нож (1103), ув. 70 — цементация; *9* — нож (1103), ув. 70 — цементация

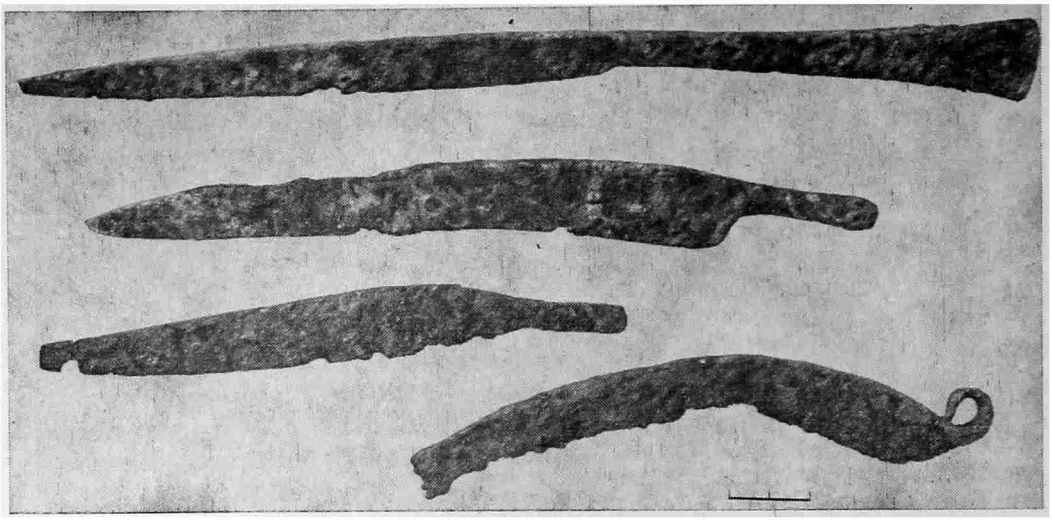


Рис. 4. Ножи и серп

Еще один экземпляр серпа (ан. 1110, рис. 2) был откован из хорошей среднеуглеродистой стали. Структура металла, как показало микроскопическое изучение, равномерная, мелкозернистая. По-видимому, сталь, из которой откован серп (рис. 3, *б*), была получена путем сквозной цементации железной полосы-заготовки. Мелкозернистая и равномерная микроструктура — результат последующей интенсивной проковки.

Наиболее многочисленны в исследованной коллекции ножи (20 экз.). Большинство из них — небольшие по размерам, со слегка закругленной спинкой. Из них выделяются по оформлению рукоятки 2 экз.: ан. 1003— с загнутой в кольцо ручкой и ан. 1004 — со стерженьком для крепления деревянной ручки на расширяющейся части клинка (рис. 2). Среди ножей больших размеров интересны 2 экз.: ан. 1102 — нож с заклепками (?) на лезвии и ан. 1103 — нож с заклепками на лезвии и рукояткой, орнаментированной (?) круглыми углублениями (рис. 4).

По технологии изготовления изученные экземпляры распределяются следующим образом. Наиболее простой способ изготовления — ковка ножа целиком из железной или стальной заготовки. Наиболее часто ножи ковали из полосы кричного железа, которое почти всегда содержит шлаковые включения и местами слабо науглерожено. Столь же употребительна в качестве исходного сырья так называемая сырцовая сталь: она получалась непосредственно в сыродутном горне и отличается неравномерным содержанием и распределением углерода. Из такого металла, в основном без дополнительных операций по улучшению рабочих качеств инструмента, откованы 14 экз. ножей (ан. 997—1000, 1002, 1090, 1091, 1095, 1102, 1105, 1106, 1108, 1109, 1111, рис. 2). Среди них нужно отметить нож, откованный из мягкой сырцовой стали (ан. 1095), где на лезвии наблюдаются следы пластической деформации зерен феррита, происшедшей в остывающем металле, что свидетельствует о возможном применении наклепа как упрочняющей операции. Остальные ножи изготовлены или из другого материала, или иным способом. Микроскопическое исследование полного поперечного сечения клинка ножа (ан. 1097) обнаружило на шлифе слоистую феррито-перлитную структуру. Слои мягкой стали (содержание углерода 0,2—0,4%, есть участки чистого феррита) разделены между собой тонкими чистыми сварочными швами. Клинок ножа откован из так называемого пакетного металла: в данном случае из мягкой пакетной стали.

Нож (ан. 1099) откован из отличного качества высокоуглеродистой стали (содержание углерода близко к эвтектоидному). Структура однородная, равномернозернистая, почти не содержащая шлаковых включений. Сталь, из которой откован этот нож, получена несомненно путем сквозной цементации железных полос. Качество кузнечной обработки и ковки высокие. Известно, что в древнем кузнечном производстве использовалось сознательное науглероживание как полосового железа (полуфабриката, полос-заготовок), так и поверхностное науглероживание рабочих частей орудий труда для получения твердых стальных лезвий. Примером такого сознательного использования цементации служит клинок ножа (ан. 1094). Микроструктурное исследование обнаружило на шлифе характерные следы поверхностного науглероживания железного клинка: наличие феррито-перлитной структуры с убыванием углерода от поверхности к центру (от 0,5 до 0,1%). В центре шлифа—ферритная структура. После цементации нож подвергался интенсивной проковке, уничтожившей нежелательные следы перегрева во время науглероживания.

С использованием цементации железных полос-заготовок откованы еще два ножа (ан. 1103, 1107, рис. 2). У большого ножа с орнаментированной рукояткой (ан. 1103) было взято 3 образца на исследование: два на лезвии и один на торце рукоятки. Все пробы показали, что заготовка, из которой откован нож, была сварена из двух полос металла: железной тонкой и более широкой стальной. По всей видимости, сварка была произведена для получения необходимой толщины заготовки. Стальная полоса, которая пошла на изготовление ножа, была подвергнута цементации: содержание углерода в ней достигает 0,7%. Металл (железо и особенно сталь) чистый в отношении шлаковых включений, мелкозернистый, что свидетельствует о высоком качестве ковки (рис. 3, *8*, *9*).

Нож (ан. 1107, рис. 2) имеет четко выраженную науглероженную зону у одной поверхности клинка. Здесь также возможна цементация железной заготовки, из которой потом отковали нож.

Исследователи, работая над микроскопическим изучением древнего черного металла, уже отмечали, что в кузнечных изделиях, особенно если они подверглись значительной поверхностной коррозии от длительного пребывания в земле, цементированные зоны не имеют классически выраженных признаков цементации. Часто приходится устанавливать наличие поверхностной цементации благодаря целенаправленному расположению науглероженных зон, которые содержат всего 0,2—0,4% углерода.

Нож (ан. 1004, рис. 2) необычен по технологии изготовления в рассмотренной коллекции. По форме он также отличается от других: маленький слегка изогнутый клинок переходит в плоский расширенный черенок со стерженьком для крепления костяной рукоятки. Эта форма типична для ножей из скифских памятников степной полосы Причерноморья, известны они по массовым находкам из раскопок степных курганов — встречаются вместе с жертвенным мясом возле погребений [6].

Уникальна (для местных племен раннего железного века) технология его изготовления: здесь мы наблюдаем вварку стального лезвия в железную основу клинка. Сварочный шов обнаруживается по цепочке шлаковых включений и по резкой границе между разными структурными зонами. Для эпохи раннего железного века такая технология встречается только в кузнечном ремесле высокоразвитых цивилизаций: в античном мире, у скифов [7]. Судя по всему, этот нож, найденный в жилище № 4 на городище Марица, не местного производства и попал на

---

[6] Любезная консультация В. И. Бидзили.

[7] *Шрамко Б. А., Солнцев Л. А., Фомин Л. Д.* Техника обработки железа...; *Pleiner R.* Op. cit., S. 233—243.

городище в результате торговых связей местных племен с племенами степной Скифии.

И последняя группа в рассмотренной нами коллекции — украшения и предметы быта. Обломок браслета (ан. 993, рис. 2) откован из кричного железа с незначительным науглероживанием. Две булавки (ан. 1005, 1093, рис. 2) сформованы из железа также с незначительным науглероживанием. Шилья (ан. 994, 995, рис. 2) откованы из железа со слабой науглероженностью. Шило (ан. 995, рис. 2) обнаруживает науглероженные участки (содержание углерода около 0,1—0,2%) у поверхности. Такое науглероживание могло произойти во время нагрева на горячих углях железного прутка под ковку. Шило (ан. 996, рис. 2) откована из мягкой стали сырцового происхождения.

Итак, на основе проделанного металлографического изучения коллекции кузнечных изделий из раскопок городища Марица мы пришли к следующим выводам

В качестве сырья местные кузнецы использовали железо и сырцовую сталь, полученные в сыродутном горне путем прямого восстановления железа из руд. Использовалась в кузнечном производстве также сталь, полученная путем сквозной цементации железного полуфабриката, она отличается повышенным содержанием углерода, однородной структурой. Такой металл шел на ответственные и качественные кузнечные изделия. Применялась, кроме того, поверхностная цементация железных полосзаготовок или готовых изделий с целью улучшить рабочие качества железного инструмента. Следовательно, кузнец не только знал разницу в качестве сырья (железа и стали), но умел сознательно и целенаправленно ее использовать. Употребляется в качестве сырья также пакетный металл — явление, распространенное в древней кузнечной технике разных племен и народов. В качестве основного кузнечного приема применялась свободная ковка. Как показало данное исследование, местные кузнецы владели приемами свободной ковки в совершенстве: доказательство тому, как правило, чистый в отношении шлаковых включений металл, равномернозернистые однородные структуры без нежелательных следов перегрева металла — значит, мастер при ковке строго соблюдал узкий температурный интервал (рис. 3). Все это говорит о высоком мастерстве кузнеца, большом опыте и профессиональных навыках, которые передавались из поколения в поколение.

Владели кузнецы Марицкого городища также кузнечной сваркой, и не только металла одинакового состава, но практически могли сварить железо с твердой сталью, что уже требует высокого профессионализма. Однако активного применения сварки железа и стали в одном предмете с целью снабдить железный инструмент стальной рабочей частью (лезвием) местные кузнецы еще не знали. Единственный предмет, использующий эту сложную и рациональную технологию изготовления,— нож (ан. 1004, рис. 2), как мы предполагаем, не принадлежит к изделиям местных мастеров.

Тепловая обработка стальных изделий в кузнечном производстве местных племен была неизвестна. Изучение кузнечной продукции раннего железного века из других археологических культур Европы демонстрирует такую же закономерность: почти с самого начала новой эпохи — железного века — кузнецы владеют в совершенстве не только основными приемами кузнечной ковки, придавая практически любую форму предмету, но открывают и осваивают процесс цементации и кузнечную сварку металлов. Между освоением этих технических приемов и появлением термообработки лежит период в несколько столетий [8].

---

[8] *Вознесенская Г. А.* Ук. соч.; *Шрамко Б. В., Солнцев Л. А., Фомин Л. Д.* Техника обработки железа...; *Pleiner R.* Op. cit., S. 233—243.

Железные изделия, прошедшие металлографическое исследование
Городище Марица Льговского района, Курской области (раскопки 1973–1975 гг.)

Номер анализа	Наименование предмета	Археологический шифр
990	Наконечник стрелы	Погр. 3, № 531
991	Серп	Р.III, шт. 1, кв. 79, № 522
992	Тесло с заплечиками	Р.III, шт. 1, кв. 42, № 521
993	Пластинка (браслет?)	Р.III, кв. 85, шт. 1, № 523
994	Шило	Р.III, шт. 1, кв. 79, № 524
995	»	Р.III, шт. 2, кв. 225, № 525
996	»	Р.III, шт. 1, кв. 57, № 256
997	Нож	Р.III, жил. 7, № 527
998	»	Р.III, жил. 3, № 528
999	»	Р.III, кв. 99, шт. 2, № 259
1000	»	Р.III, шт. 2, кв. 14, № 530
1001	Наконечник стрелы	Р.III, погр. 3(в), № 532
1002	Нож	Р.I, жил. 5, № 476
1003	Нож с загнутой ручкой	Р.I, кв. 159/л, № 473
1004	Нож	Р.I, жил. 4, № 475
1005	Булавка	Р.I, жил. 5, № 477
1006	Нож	Р.V, отвал
1091	»	Р.IV, № 113
1092	Серп	Р.IV, № 26
1093	Шило	Р.V, № 225
1094	Нож	Р.V, жил. 2, № 237
1095	»	Р.V, № 340
1096	Серп	Р.IV, кв. 142, № 175
1097	Нож	Р.IV, кв. 101, № 175
1098	Наконечник	Р.IV, № 9
1099	Нож	Р.IV, № 157
1100	Тесло	Без паспорта
1101	»	»
1102	Нож	»
1103	Нож с углублениями на рукоятке	»
1104	Серп	»
1105	Нож	»
1106	»	»
1107	»	»
1108	»	»
1109	»	»
1110	Серп	»
1111	Нож	»
	Городище Нартово Курской области	
797	Нож	Р.I, № 383
798	Серп	Р.II, № 381
	Городище Переверзево Курской области	
891	Долото	Р.II, № 335
892	Нож (пластина)	Р.II, № 345
893	Серп	Р.II, № 348
894	Серп	Р.II, № 349
895	Шило	Р.II, № 350
896	Нож	Р.II, № 351
897	»	Р.II, № 352
898	»	Р.II, № 353

Потребовалось длительное время, чтобы на основе наблюдательности и большого практического опыта древний мастер уловил способность нового металла — стали — улучшать механические свойства (прежде всего повышать твердость) благодаря тепловым воздействиям.

Констатировав высокий профессионализм кузнецов, снабжавших население Марицкого городища изделиями из железа и стали, мы должны признать, что кузнечное производство у местных племен безусловно вы-

делилось в самостоятельное ремесло, стало основным занятием мастера-ремесленника.

Мастерство и знания в области кузнечной техники, которые обнаружили наши исследования кузнечных изделий из Марицы, складывались на основе опыта поколений мастеров, на базе тех производственных традиций, которые сложились в предшествующую эпоху обработки медных сплавов.

Помимо изученной представительной коллекции кузнечных изделий Марицкого городища в нашем распоряжении было несколько предметов из того же круга скифоидных памятников Курской области: нож и серп из раскопок городища Нартово (V в. до н. э.) и 4 ножа, 2 серпа, долото и шило из раскопок городища Переверзево-I (VI в. до н. э., раскопки А. И. Пузиковой). Металлографическое исследование этих изделий подтвердило ту характеристику техники и технологии кузнечного производства местных племен раннего железного века, которую мы дали на основании материалов с городища Марица. Основное сырье в кузнечном ремесле — кричное железо и слабо науглероженная сырцовая сталь. Основные приемы кузнечной техники — свободная кузнечная ковка, кузнечная сварка, цементация готовых изделий и железного полуфабриката. Наиболее сложная технология изготовления — у втульчатого долота (ан. 891): изготовляя его, мастер применил поверхностную двухстороннюю цементацию лезвия инструмента. Нож (?) — ан. 822 — откован из высокоуглеродистой заэвтектоидной стали, несомненно полученной путем сквозной цементации заготовки. Термически обработанных изделий также не встречено.

Технологическое изучение железных изделий из археологических памятников лесостепных племен раннего железного века, входящих в круг скифоидных культур, дает новые факты для решения проблемы возникновения и развития техники обработки черного металла на территории Восточной Европы.

G. A. Voznesenskaya, L. S. Homutova

THE TECHNOLOGY OF BLACKSMITH'S PRODUCTION AT THE FORTIFIED SETTLEMENT MARITSA

Summary

The research is carried out at the materials of a fortified settlement, related to the circle of the Scythian-like sites of forest-steppe cultures of the VI — V centuries B. C. in the Seim basin. Metallographic analysis of 38 blackmith's artifacts were carried out. The studies showed, that the main raw material in the blacksmith's production of local tribes was finery iron and raw steel with low percentage of carbon. The main methods of blacksmith's technology were free smithing, blacksmith's welding of metall of the same composition, cementation of finished artifacts and half-finished products. Termically worked artifacts were not found. The most complicated was the technology of manufacturing of the knife from dwelling N 4 (an. 1004), where the isertion of a steel blade was traced. Judging from the characteristic form and complicated technology, the knife is not a local production, and it occured in this fortified settlement as a result of trading links of local tribes with the tribes of the steppine Scythia.

В. И. КОСТЕНКО

НАИБОЛЕЕ РАННИЕ САРМАТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ В БАССЕЙНЕ ОРЕЛИ И САМАРЫ

Важное место в изучении истории Северного Причерноморья раннего железного века принадлежит выяснению времени проникновения сарматов в степную Скифию. Основываясь на конкретных археологических памятниках, К. Ф. Смирнов разработал хронологическую схему, в которой с периодом V—IV в. до н. э. связывается проникновение отдельных групп савроматов—сарматов на запад от Дона. Период III и II вв. до н. э.— время вторжения сарматских племен и полного разгрома Скифии как политического и этнического объединения [1]. Видимо, к этому времени (II в до н. э.) относится известное сообщение Диодора Сицилийского о том, что сарматы «опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили бо́льшую часть страны в пустыню» [2].

Однако на территории Украины пока известно лишь ограниченное количество сарматских погребений III—II вв. до н. э., которые бы документировали факт массового проникновения сарматских племен в Скифию — факт бесспорный, судя по письменным источникам. К ним можно отнести одиночные, преимущественно впускные в древние курганы, погребения у с. Верхние Серогозы [3], у деревень Вороная [4], Роздольское и Новоселки [5], Ушкалка [6], Яремовка [7], на Днепрострое (Запорожье) [8], у сел. Михайловка [9], Вольно-Улановка [10], Большая Белозерка [11] и у с. Михайловка Донецкой обл.[12] Для освещения некоторых аспектов

---

[1] *Смирнов К. Ф.* О начале проникновения сарматов в Скифию.— В сб.: Проблемы скифской археологии. М., 1971, с. 196; *его же.* Савроматы и сарматы.— В сб.: Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977, с. 129, 130.

[2] *Диодор,* II, 43 (7).— ВДИ, 1947, № 4, с. 251.

[3] *Браун Ф. А.* Отчет о раскопках в Таврической губернии в 1898 г.— ИАК, вып. 19, 1906, с. 88, 89, рис. 25.

[4] *Макаренко Н. Е.* Археологические исследования в 1907—1909 гг.— ИАК, вып. 43, 1911, с. 87—88.

[5] Каталог выставки XII Археологического съезда. Харьков. 1902, с. 215—219, № 19—28; Альбом выставки XII Археологического съезда в Харькове. М., 1903, с. 5, рис. 2.

[6] *Телегин Д. Я.* Погребение скифского времени на Нижнем Днепре.— КСИА АН УССР, № 6, 1956, с. 48, 49, рис. 1, *2.*

[7] *Шрамко Б. А.* Древности Северского Донца. Харьков. 1962, с. 239, 240.

[8] *Міллер М. О.* Щоденник та журнал розкопів та дослідів на терені Дніпрозаводбуду з 28 червня по 20 серпня 1930 р.— Архив ИА АН УРСР, ф. 18, № 76.

[9] *Абрамова М. П.* Сарматские погребения Дона и Украины II в. до н. э.— I в. н. э.— СА, 1961, № 1, с. 97.

[10] *Корпусова В. Н.* Раннесарматское погребение под Запорожьем.— АИУ — 1968. Киев, 1971, с. 25—27.

[11] *Савовский И. П.* Раннесарматское погребение в Запорожской области.— СА, 1977, № 3, с. 282, 283, рис. 1, *2.*

[12] Случайная находка вещей в разрушенном погребении. Вещи хранятся в Харьковском историческом музее.

проблемы освоения сарматами Приднепровья определенную роль должны сыграть сарматские погребения, исследованные археологической экспедицией Днепропетровского университета в бассейне нижнего течения Орели и Самары.

В отличие от курганных могильников, исследованных у сел. Подгорное [13] и Ново-Подкряж [14], в которых преобладали среднесарматские погребения, почти все указанные выше сарматские погребения III—II вв. до н. э. были впущены в насыпи древних курганов. Эта особенность раннесарматских погребений (впускные в более древние курганы) наблюдается и в других районах Украины, что, очевидно, отражает реальную историческую ситуацию, при которой пришельцы — сарматы, будучи относительно немногочисленным и подвижным населением, не создали своих самостоятельных могильников.

Ниже приводится описание открытых в 1974—1977 гг. новых, наиболее ранних сарматских погребений в бассейне Орели и Самары.

Село Верхняя Маевка Днепропетровского р-на Днепропетровской обл. (рис. 1).

В кург. 3 (курганная группа XIV), сооруженном в энеолитическое время, обнаружено впускное, разрушенное при ограблении погр. 6, совершенное в могиле с подбоем, ориентированном по оси С — Ю. В грабительском колодце встречались кости скелета человека со следами медных окислов. С погребением связана находка лепного горшка с раздутым туловом, короткой цилиндрической шейкой и плоским дном. У основания шейки прочерчен горизонтальный пояс со свисающими по тулову «полотенцами», каждое из которых состоит из 6—7 вертикально прочерченных бороздок. Керамика рыхлая, слабо обожжена, поверхность серого цвета, относительно хорошо сглажена. Высота 12,9 *см*, диаметр устья 10,8 *см*, дна — 8,7 *см* (рис. 1, *1*).

Село Спасское Новомосковского р-на Днепропетровской обл. (рис. 1).

В кург. 4 (курганная группа XVIII), сооруженном в энеолитическое время, исследовано впускное сарматское погр. 4. Могила, видимо, прямоугольной формы. Скелет подростка лежал на спине, головой на С (рис. 1, *3*). Слева от черепа стоял лепной горшок с узким уплощенным дном, коротким венчиком, резким изгибом, отделенным от эллипсоидного тулова. Плечики горшка украшены тремя налепами, между которыми помещены «полотенца», состоящие из 2—3 вертикально прочерченных линий. Внешняя поверхность лощеная. Высота 7,6 *см*, диаметр венчика 4 *см*, тулова — 4,7 *см*, дна — 1,5 *см* (рис. 1, *2*). На костях груди был найден железный наконечник стрелы, так называемый «площик» длиной 6 *см* (рис. 1, *4*), у таза — глиняное биконическое прясло (рис. 1, *5*).

Село Подгородное Днепропетровского р-на Днепропетровской обл. (рис. 1).

В кург. 3 (курганная группа VIII), сооруженном в энеолитическое время, обнаружено впускное сарматское погр. 8. В узкой, с закругленными углами яме длиной 2,2 *м*, шириной 0,9 *м*, глубиной 0,15 *м* (от уровня зачистки), головой на С, вытянуто, с наклоном на правый бок лежал скелет старой женщины. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая согнута и кистью лежала на костях таза. Ноги прямые, плотно сведены в коленях и стопах. Дно могилы покрывала подстилка из коры (рис. 1, *6*). За черепом погребенной находился разбитый красноглиняный гончарный одноручный кувшин с шаровидным туловом, короткой

---

[13] *Ковалева И. Ф., Костенко В. И.* Новые источники по истории сарматских племен Северного Причерноморья. (К исследованию Подгороднянских сарматских могильников).— В сб.: Некоторые вопросы отечественной историографии и источниковедения. Днепропетровск, 1976, с. 82.

[14] *Костенко В. И.* Сарматские погребения в материалах археологической экспедиции ДГУ — В сб.: Курганные древности Степного Поднепровья. Днепропетровск, 1978.

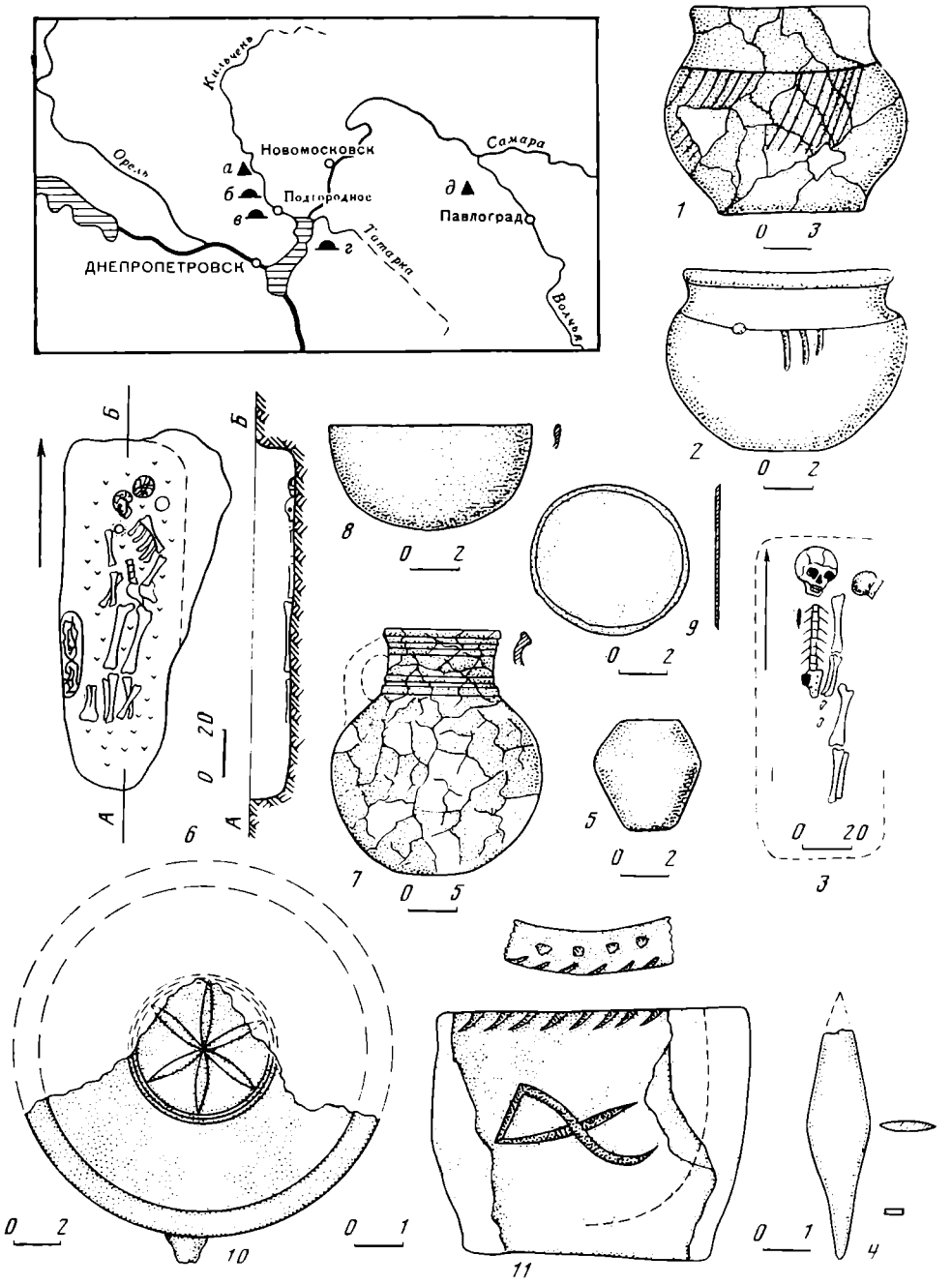


Рис. 1. Карта. Раннесарматские погребения в бассейне рек Орели и Самары (*а* — Верхняя Маевка; *б* — Спасское; *в* — Подгородное; *г* — Соколово; *д* — Булаховка): *1* — лепной горшок, погр. 6, кург. 3, группа XIV, с. Верхняя Маевка; *2* — лепной горшок, погр. 4, кург 4, группа XVIII, с. Спасское; *3* — погр. 4, кург. 4, группа XVIII, с. Спасское; *4* — «площик»; *5* — глиняное пряслице; *6* — погр. 8, кург. 3, группа VIII, с. Подгородное; *7* — гончарный кувшин; *8* — краснолаковая чаша; *9* — бронзовое зеркало; *10* — бронзовое зеркало из разрушенного сарматского погребения у с. Михайловка Донецкой обл.; *11* — глиняная курильница

цилиндрической шейкой и отогнутым наружу краем венчика. Горло и плечики украшены горизонтальными прочерченными линиями и узкими желобками, ручка отбита в древности. Высота 25 *см*, диаметр тулова 22 *см* (рис. 1, 7). Рядом с ним стояла краснолаковая чашечка полусферической формы с утолщенным с внутренней стороны прямым венчиком. Она была покрыта густым буро-красного цвета лаком. Высота 6,5 *см*, диаметр устья 12,6 *см* (рис. 1, *8*). Справа от тела, на уровне плечево-

го сустава, лежало круглое бронзовое зеркало диаметром 6,3 *см* и толщиной 1 *мм*, на котором сохранились остатки деревянного футляра с бусиной-подвеской (рис. 1, *9*). На шейных позвонках и костях запястья левой руки собраны бусы ожерелья и бисер браслета.

Село Соколово Новомосковского р-на Днепропетровской обл. (рис. 1).

В составе II курганной группы, топографически привязанной к склону второй террасы долины р. Татарки, исследован кург. «Червона могила», имевший овальную, вытянутую по оси С — Ю форму насыпи. Высота кургана 1,4 *м*, длина 50 *м*, ширина 39 *м*. В нем обнаружено девять погребений, два из которых (1 и 3) — сарматские. Остальные погребения относятся к эпохе энеолита — ранней бронзы (рис. 2, *1*).

Курган возведен в два строительных приема. На уровне древнего горизонта была сооружена первичная насыпь для основного и впускных ямных и синхронных им позднетрипольских погребений. В дальнейшем вся центральная часть кургана была выбрана до уровня древнего горизонта. С этой площадки, прорезавшей первичную насыпь и разрушившей ее основное погребение, в материк была впущена могила погр. 8, имевшая вид овала, вытянутого по оси З — В на 6 *м* при ширине 2,26—2,80 *м*. Глубина могилы от уровня древнего горизонта 1 *м*. По центру могилы прослежено прямоугольное углубление размерами 1,8× ×1,1 *м* неясного назначения (возможно, могила основного энеолитического погребения?) (рис. 2, *2*). В дальнейшем образовавшаяся западина была заполнена сильно пережженным грунтом, выходящим в полы. Его мощность по центру 1,9—2 *м*, в полах — 0,3—0,5 *м*, общий диаметр 8—9 *м*. Сила и продолжительность горения были таковы, что земля и глина ошлаковались, приобретя цвет от розового до темно-фиолетового. На разных уровнях в пережженном грунте встречались скопления углей, отдельные обугленные стволы, расслоившиеся от высокой температуры фрагменты лепной энеолитической керамики, кальцинированные кости животных (определены — лошадь, крупный рогатый скот, овца). Погребение человека и сопутствующий инвентарь отсутствовали, что объясняется ограблением могилы, произведенным через насыпь. В основной бровке четко прослеживался грабительский колодец, заполненный затечным косослоистым грунтом, свидетельствующим о том, что после ограбления могила длительное время была открыта. Эта могила, видимо, скифо-сарматского времени, так как предшествует (по данным стратиграфии) сарматским могилам 1 и 3, речь о которых идет ниже.

В курган было впущено два сарматских погребения. Погребение 3 находилось в 4,9 *м* к СВ от центра насыпи, на глубине 2,3 *м* от репера. Могила прямоугольной формы, размерами 2,3×0,9 *м* вытянута по оси СВ — ЮЗ, глубина от репера 2,3 *м*. Погребение подвергалось ограблению, при котором верхняя часть скелета разрушена, сохранились только таз и нижние конечности. Погребенный лежал на спине, головой на С, ноги прямые. Инвентарь отсутствовал, исключая мелкий фрагмент красноглиняного сосуда со следами бурого лака (подобный лак наблюдался на эллинистической чаше из погр. 8 кург. 3 у с. Подгородное). Погребение 3 было совершено после центрального (8), так как могила прорезала насыпь из пережженного грунта (рис. 2, 4).

Погребение было впущено в насыпь кургана к СЗ от условного центра и, так как могила прорезала слой пережженного грунта, по времени следовало за погр. 8. В прямоугольной могиле длиной 2,2 *м*, шириной 0,65 *м*, глубиной 0,25 *м*, на спине, головой на СЗ была погребена женщина. Руки протянуты вдоль туловища ладонями вниз, ноги прямые, стопы слабо перекрещены. Погребение сопровождал разнообразный инвентарь, размещавшийся на погребенной и в могиле (рис. 3, *22*).

На уровне левой височной кости найдены золотая серьга (рис. 4, *1*) и глиняное биконическое пряслице высотой 5 *см* (рис. 3, *18*). На левом плечевом суставе лежала фибула-брошь с круглым щитком, диаметром

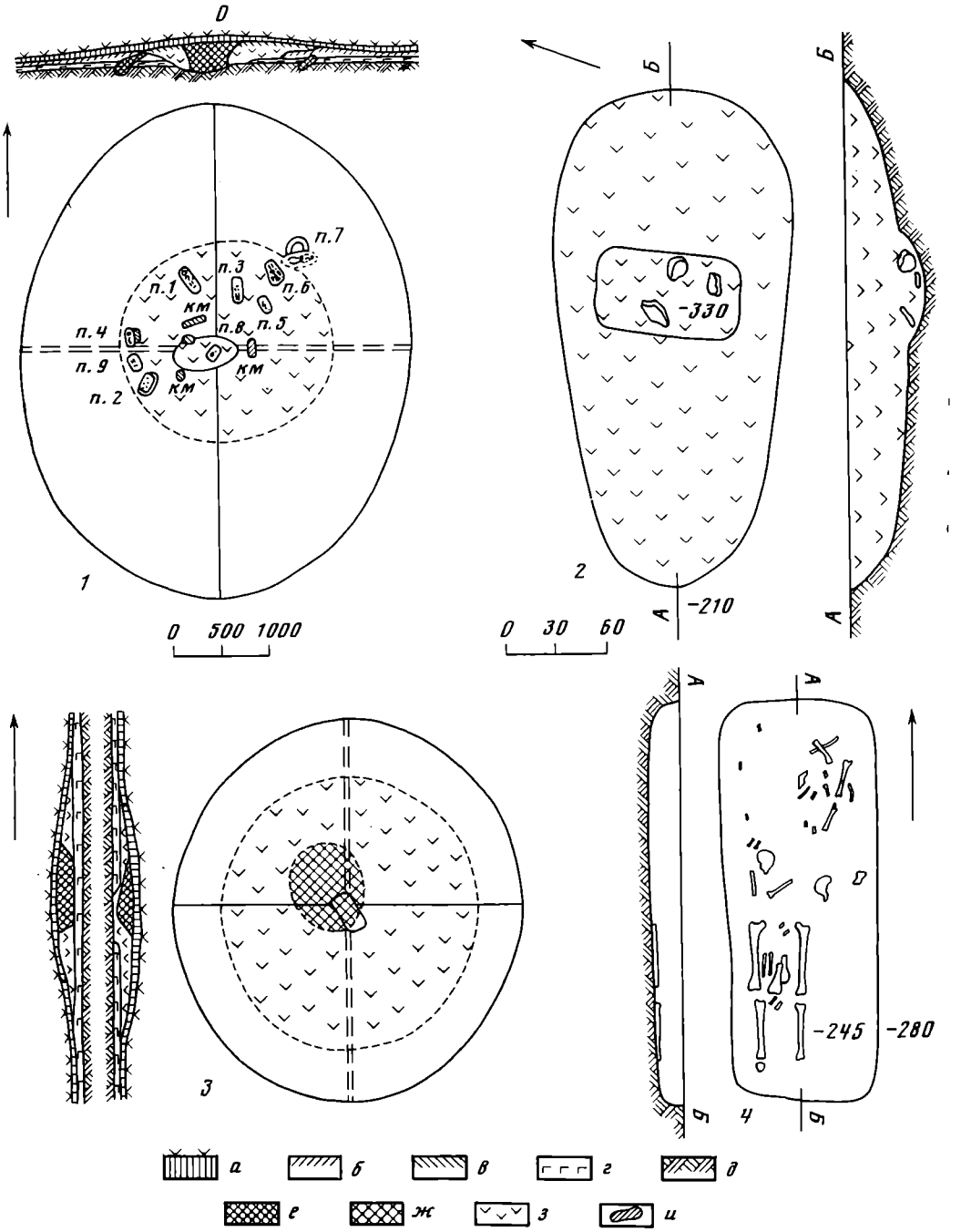


Рис. 2. *1* — общий план кург. 1, группа II, с. Соколово; *2* — погр. 8; *3* — общий план кург. 1, группа II, с. Александровка, учебное хозяйство «Самарский»; *4* — погр. 3; *а* — пахотный слой; *б* — первая досыпка; *в* — вторая досыпка; *г* — древний горизонт; *д* — материк; *ж* — впускные погребения; *з* — перекоп грабительского хода; *к* — пережженный грунт; *л* — камни

около 4 *см*, украшенным изображением всадника. По краю щитка проходит орнамент из тисненых кружков с точкой в центре. На внутренней стороне щитка путем напаивания крепился приемник из плоской пластины с загнутыми концами, в которые вставлялись две иглы, изготовленные из проволоки, скрученной посредине в пружину. Проследить крепление иглы к щитку не удалось (рис. 3, *2*). Между бедренными костями ног помещался красноглиняный веретенообразный бальзамарий высотой 16 *см* (рис. 4, *2*). На костях голеней и стоп лежало бронзовое зеркало

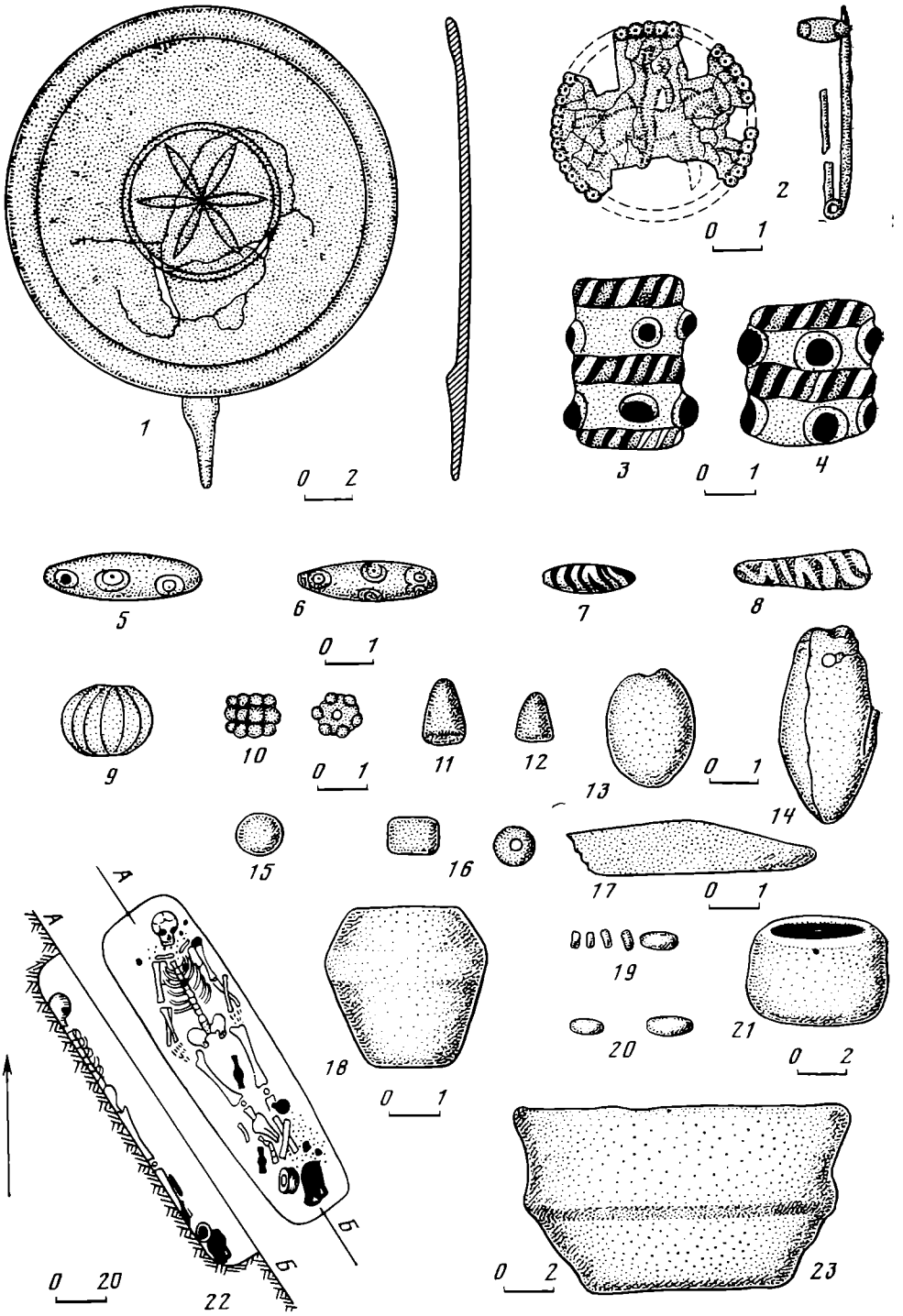


Рис. 3. Раннесарматское погребение у с. Соколово: *1* — бронзовое зеркало; *2* — фибула-брошь; *3—4* — бусы-подвески; *5—12* — бусы; *13—14* — янтарные подвески; *15—16* — бусы; *17* — фрагменты железного ножа; *18* — глиняное пряслице; *19—20* — бусы; *21* — цилиндрическая курильница; *22* — погр. 1, кург. 1, группа II, с. Соколово; *23* — лепная миска-курильница

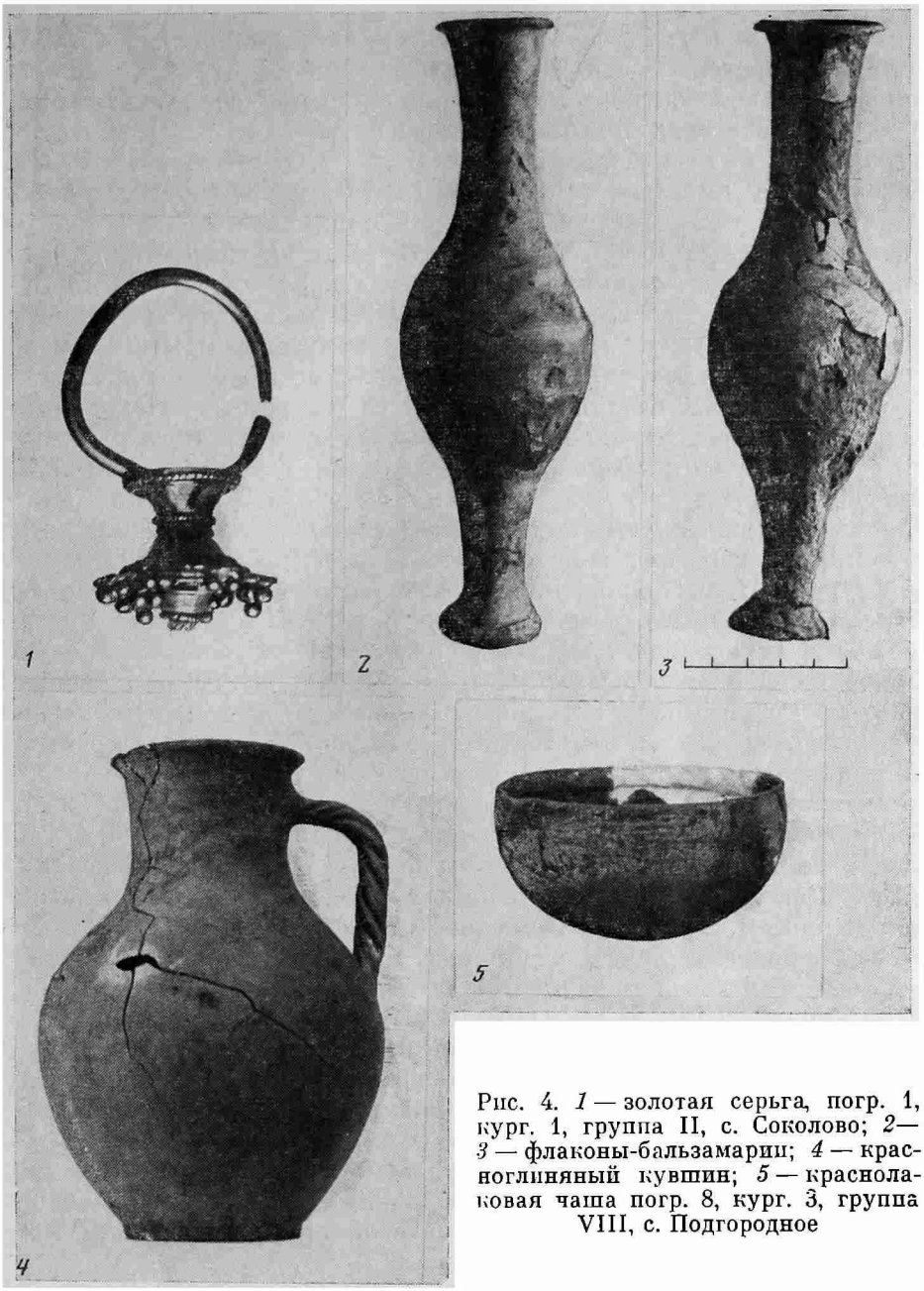


Рис. 4. *1* — золотая серьга, погр. 1, кург. 1, группа II, с. Соколово; *2—3* — флаконы-бальзамарии; *4* — красноглиняный кувшин; *5* — краснолаковая чаша погр. 8, кург. 3, группа VIII, с. Подгородное

диаметром 15,6 *см*, с утолщенным валиком по краю и ручкой-штырем, орнаментированное шестилепестковой гравированной розеткой в центре. Перед помещением в могилу зеркало было повреждено в центральной части с ритуальной целью (рис. 3, *1*). В ногах находились красноглиняный кувшин с витой ручкой высотой 28,5 *см*, диаметром венчика 12 *см*, тулова — 19, дна — 10 *см* (рис. 4, *4*), лепная ребристая серая миска (курильница) высотой 7,5 *см*, диаметром устья 13,5 *см*, дна — 8 *см* (рис. 3, *23*), в нее были вложена бочонковидная лепная курильница с двумя симметрично расположенными отверстиями под венчиком высотой 4 *см* диаметром 5 *см* (рис. 3, *21*), второй красноглиняный веретенообразный бальзамарий высотой 13,6 *см* (рис. 4, *3*). Погребенную сопровождали напутственная пища (лопатка и кости конечности овцы) и железный нож с прямым лезвием и горбатой спинкой (рис. 3, *17*), лежавшие на голени правой ноги. На костях верхнего отдела груди были рассеяны бусы ожерелья и подвески, среди которых 43 стеклянных бочонковидных зо-

лоченых (рис. 3, *20*), 27 сердоликовых округло-удлиненных (рис. 3, *19*), 2 пастовые веретенообразные глазчатые голубого цвета (рис. 3, *5, 6*), 1 стеклянная веретенообразная со спиральным черно-белым рисунком (рис. 3, *7*), 1 пастовая дольчатая белого цвета (рис, 3, *9*), 2 стеклянные конусовидные темно-красного цвета (рис. 3, *11, 12*), 1 стеклянная цилиндрическая темно-синего цвета (рис. 3, *16*), 1 гипсовая цилиндрическая с рельефным орнаментом (рис. 3, *10*), 50 стеклянных неправильно округлой формы (рис. 3, *15*). Особенно интересны крупные цилиндрические бусины-подвески из «финикийского» стекла серо-голубого цвета, по краям и на $^1/_2$ высоты которых размещены витые трехцветные пояски голубого, темно-синего и желтого стекла, между которыми помещались выпуклые глазки темно-синего цвета, окруженные желтой каймой. Высота бусин 3,1 *см* и 2,6 *см* (рис. 3, *3, 4*). В состав ожерелья входили также две янтарные подвески, одна в форме клыка с отверстием для подвешивания, другая — округло-уплощенной формы с продольным каналом. Длина подвесок 4,3 *см* и 2,2 *см* (рис. 3, *13, 14*). В связи с описанием погр. 8 можно упомянуть еще об одном случае использования огня при сооружении насыпи над явно сарматским погребением кургана. В курганной группе II, расположенной у с. Александровка (учебное хозяйство «Самарский»), недалеко от с. Соколово, в 1977 г. исследован кург. 1 высотой 1,62 *м* и раскопочным диаметром 38 *м*. Центральная часть насыпи слагалась из сильно пережженного грунта, спекшиеся и ошлакованные куски которого приобрели оттенки от малинового до пурпурно-фиолетового. Местами встречались отдельные гнезда пепла и углей. Пережженный грунт и чернозем располагались как бы слоями. Наибольшее скопление пережженного грунта наблюдалось в южной поле кургана (рис. 2, *3*).

В центре, с уровня древнего горизонта, на глубину 0,4 *м* была вырыта могила прямоугольной формы 6,15×3,11 *см*, ориентированная по оси СЗ — ЮВ. В засыпке пережженный грунт отсутствовал, ее заполнял чистый чернозем. Могила ограблена колодцем через насыпь, в котором встречены фрагменты красноглиняного кувшина и лепного сарматского сосуда, датирующегося приблизительно рубежом I в. до н. э.— I в. н. э.

В районе нижнего течения Орели и Самары исследовано археологической экспедицией Днепропетровского университета пять[15] наиболее ранних для этого района Приднепровья сарматских погребений. Для них характерна прямоугольная с закругленными углами форма могилы (Подгородное, Соколово 1,3). Размеры ям колеблются в пределах 2,2—2,3 *м* в длину, 0,65—0,9 *м* в ширину. Однажды встречена могила с подбоем (с. Верхняя Маевка). Оба типа погребальных сооружений были широко распространены в прохоровское и сусловское время, где они преобладают[16].

Наиболее ранним из описанных погребений, вероятно, было погр. 4 в кург. 4 (группа XVIII) у с. Спасское, имеющее признаки прохоровской культуры IV—II вв. до н. э. Горшки с резко обозначенным горлом, налепами-выступами на линии плеча и орнаментом, прочерченным свисающими линиями, наиболее известны в памятниках прохоровской культуры III—II вв. до н. э. Поволжья и Левобережья Дона[17]. Аналогии обнаруженному в погребении железному «площику» известны из раскопок П. Д. Либерова на Среднем Дону. Они найдены в курганах 5 и 7 у с. Русская Тростянка, на городище у с. Сторожевое (IV—III вв. до н. э.)[18]. Известен этот тип наконечника и у ранних сарматов За-

[15] Погребение с остатками кострища у с. Александровка хронологически точно не определяется.

[16] *Мошкова М. Г.* Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974, с. 11.

[17] *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры.— САИ, вып. Д1 — 10. М., 1963, табл. 6, *13*, *9*, *11*, *27*; 7, *7*; 8, *24*.

[18] *Либеров П. Д.* Памятники скифского времени на Среднем Дону.— САИ, вып. Д1 — 31, 1965, с. 27, табл. IX; с. 77, табл. 19.

волжья (Новоникольский могильник 1, кург. 3, погр. 3) [19]. Вероятно, не позже II вв. до н. э. датируется погр. 6 кург. 3 (группа XIV) у с. Верхняя Маевка, сосуд из которого обнаруживает близость к лепным плоскодонным и круглодонным горшкам прохоровского времени III—II вв. до н. э., имеющим округлую форму тулова, цилиндрическое горло и орнамент из прочерченных горизонтальных и свисающих вертикальных линий. По форме или орнаментации он близок к сосудам из погр. 4 кург. 26 Днепростроя [20] и погр. 3 Западной группы могильника Аккермень II [21].

Инвентарь богатого женского погр. 1 кург. 1 у с. Соколово по совокупности ряда признаков позволяет довольно надежно определить его дату. Золотая серьга, украшенная зернью в виде «грозди» и эмалевыми вставками, относится к одной из разновидностей II типа раннесарматских серег [22]. Близкие аналогии ей обнаружены в погр. 3 кург. 5 у с. Верхне-Погромное [23] и в погр. 9 кург. 8 у с. Заплавное в Заволжье [24], где они датируются III—II вв. до н. э. Похожая по декору серьга обнаружена в сарматском погребении у с. Залевки [25]. Соколовскую серьгу от названных украшений отличает усложненная форма, сканные пояски, а также синие эмалевые вставки.

К редко встречающимся украшениям относится бронзовая фибула-брошь с изображением всадника на лошади. В Северном Причерноморье фибулы с круглым щитком, двойной иглой и подобным устройством приемника известны, например, в Зеленском кургане (III в. до н. э.) [26] и в Донбассе (II—I вв. до н. э.) [27]. Фибулы-броши в Северном Причерноморье бытовали во II—I вв. до н. э.[28], однако фибула с изображением всадника на лошади известна нам только из раскопок Ю. В. Кулаковского 1897 г. у с. Краснолесье (бывший Тавель) Крымской обл.[29]

Красноглиняные флаконы-бальзамарии из состава комплекса относятся к типу веретенообразных сосудов, широко распространенных в Северном Причерноморье во II—I вв. до н. э.— в некрополях Боспорского царства [30], в Пантикапее [31], Мирмекии [32], Мавзолее Неаполя Скифского [33], Ольвии [34]. Найденное в погребении зеркало характерно для прохоровского времени III—II вв. до н. э. и относится к третьему типу второго отдела зеркал по классификационной схеме М. Г. Мошковой. По-

---

[19] *Шилов В. П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья.— Л., 1975, с. 119, рис. 51; *Мошкова М. Г.* Ук. соч., табл. 17, *8—10*.

[20] *Міллер М. О.* Ук. соч.; *Абрамова М. П.* Сарматские погребения..., с. 97, рис. 2, 3.

[21] *Вязьмитина М. И.* Сарматские погребения у с. Ново-Филлиповка.— В сб.: «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954, с. 223, табл. II, *1*.

[22] *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры, с. 44 и табл. 29, рис. 29, *33—35*.

[23] Там же, табл. 29, с. 33.

[24] Там же, табл. 29, с. 35.

[25] *Бобринский А. А.* Курганы и случайные находки близ местечка Смелы. СПб., 1887, т. 1, с. 153; Археологія Української РСР. Київ, 1974, т. II, с. 206, рис. 60, *11*.

[26] *Шкорпил В. В.* Отчет о раскопках в г. Керчи, на Таманском полуострове и в Алуште в 1912 г.— ИАК, вып. 60, 1916, с. 26, рис. 8.

[27] *Михлин Б. Ю.* Сарматское погребение в Южном Донбассе.— СА, 1975, № 4, с. 189, 190, рис. 2, *1* на с. 187.

[28] *Амброз А. К.* Фибулы Юга Европейской части СССР.— САИ, 1966, вып. Д1 — 30. М., с. 30, 31.

[29] ОАК за 1897 г. СПб., 1900, с. 37, 38.

[30] *Шилов В. П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975, с. 141, рис. 53, *3*.

[31] *Кругликова И. Т.* Ремесленное производство простой керамики Пантикапея.— МИА, № 56, 1957, с. 125.

[32] *Гайдукевич В. Р.* Раскопки Мирмекия в 1935—1937 гг.— МИА, № 25, 1951, с. 156, рис. 37.

[33] *Шульц П. Н.* Мавзолей Неаполя Скифского.— КСИИМК, вып. XXI, 1947, с. 25.

[34] *Паровић-Пишикан М.* Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев, 1974, с. 112, 113, рис. 94, *5*, *7—9*, рис. 95.

добное зеркало известно в могильнике Верхне-Погромное (кург. 6, погр. 5) в Поволжье [35]. На Украине подобной формы зеркала известны из района Северского Донца. Дисковидное зеркало с валиком по краю и ручкой-штырем было найдено А. М. Покровским в погр. 4 кург. 3 во время раскопок у деревень Раздольское и Новоселки на р. Береке [36]. Аналогичное соколовскому зеркало происходит из разрушенного при геологических работах раннесарматского погребения в кургане у с. Михайловка Александровского района Донецкой области. Центральную часть зеркала занимала шестилепестковая розетка, вписанная в три концентрических круга. Вместе с фрагментами зеркала найден фрагмент лепной курильницы, украшенной прочерченным орнаментом [37] (рис. 1, *10, 11*). Соколовское зеркало повреждено перед захоронением. Этот обычай был известен в сарматском мире. Зеркала разбивали с ритуальной целью [38]. Лепная остроребериая мисочка, подобная соколовской, известна нам из сооружения 40 первого строительного комплекса Златобалковского городища, который М. И. Вязьмитина датировала II—I вв. до н. э.[39]. В остроребериую мисочку была вложена бочонковидная курильница с двумя боковыми отверстиями, относящаяся к бочонковидным курильницам третьего типа по классификации К. Ф. Смирнова, имеющим распространение как в прохоровское, так и в сусловское время [40]. Обычай вкладывания курильницы в миски или курильницы в курильницу встречается в сарматских памятниках Северного Причерноморья, но наиболее широко был распространен в Нижнем Поволжье [41]. Усеченно-коническое пряслице относится к ведущей форме пряслиц Поволжья III—II вв. до н. э.[42] Наиболее поздним предметом комплекса является красноглиняный кувшин с витой ручкой. Подобные кувшины наиболее характерны для сарматских памятников рубежа эр, но встречаются и раньше. Подобный кувшин был найден в некрополе городища Кеп, в могиле 45, которая относится к группе могил III—I вв. до н. э.[43] Бусы-пронизки из «финикийского стекла» очень редко встречаются в Северном Причерноморье. Наиболее близкой соколовским является крупная бусина из Мавзолея Неаполя Скифского. Она была обнаружена среди украшений конского захоронения 3, датируемого концом II в. до н. э.[44] Типологически с этими бусинами связаны бусы-подвески также из «финикийского стекла», изображающие «личину». Находки подобных бус известны в Мачетсайском могильнике в Оренбуржье [45], на Дону [46]. В Восточном Средиземноморье и, видимо, Северном Причерноморье стеклянные бусы с бородавчатыми налепами начинают распространяться около 400 г. до

---

[35] *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры, с. 42, рис. 19, табл. 28.

[36] Альбом выставки XII Археологического съезда в г. Харькове. М., 1903, с. 5, рис. 2.

[37] Благодарю В. Г. Бородулина за предоставленную возможность использовать неопубликованный материал.

[38] *Хазанов А. М.* Религиозно-магическое понимание зеркал у сарматов.— СЭ, 1964, № 3, с. 89 сл.

[39] *Вязьмітіна М. І.* Золота Балка (поселення сарматського часу на Нижньому Дніпрі). Київ, 1962, с. 55, рис. 30, *2*.

[40] *Смирнов К. Ф.* Курильницы и туалетные сосудики азиатской Сарматии.— В сб.: «Кавказ и Восточная Европа в древности». М., 1973, с. 170.

[41] *Вязьмитина М. И.* Сарматские погребения у с. Ново-Филлиповка, с. 228.

[42] *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры, с. 39, табл. 24, рис. 34.

[43] *Сокольский Н. И., Сорокина Н. П.* Раскопки города Кепы и его некрополя в 1957—1963 гг.— «Ежегодник Государственного исторического музея 1963—1964 гг.». М., 1966, с. 43, рис. 6, *4*.

[44] *Погребова Н. М.* Погребения в Мавзолее Неаполя Скифского.— МИА, № 96, 1961, с. 169, рис. 35, *6*; *Шульц П.* Мавзолей Неаполя Скифского.— КСИИМК, вып. XXI, 1947, с. 23.

[45] *Смирнов К. Ф.* Сарматы на Илеке. М., 1975, рис. 31, *7*.

[46] *Либеров П. Д.* Памятники скифского времени на Среднем Дону.— САИ, вып. Д1 — 31. М., 1965, табл. 37, *31*; *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры, табл. 31, *17*.

н. э.[47], но наиболее широко они распространены в эллинистическое время[48]. В погребениях 3 и 8 Мавзолея Неаполя Скифского найдены также подвески из янтаря. В целом набор бус из Соколовского погребения характерен для прохоровского времени и начала сусловского времени, т. е. для II—I вв. до н. э.[49] Он очень близок бусам из Мавзолея Неаполя Скифского и сарматского погребения у с. Васильевки (Донбасс), убедительно датированного Б. Ю. Михлиным II—I вв. до н. э.[50] Из последних комплексов происходят флаконы-бальзамарии, аналогичные соколовским. Учитывая все аналогии, мы склонны датировать наше погребение концом II или самым началом I в. до н. э.

Также концом II — началом I в. до н. э. датируется погр. 8 из кург. 3 восьмого Подгороднянского могильника. Наиболее ранним в составе его инвентаря является кувшин с шаровидным туловом. Аналогичные кувшины имели широкое распространение в прохоровское время, особенно в III—II вв. до н. э., как в Приуралье, так и в Поволжье[51]. Но в отличие от круглодонных шаровидных кувшинов прохоровской культуры наш сделан уже на гончарном круге (вероятно, в одном из центров Северного Причерноморья). Происходящая из погребения эллинистическая краснолаковая чаша находит ближайшие аналогии в чашах из раскопок на городище Кепы, найденных в слое II—I вв. до н. э. возле святилища[52]. Не противоречит предполагаемой датировке и найденное в могиле круглое зеркальце в деревянном футляре. Подобный тип зеркал встречается уже в погребениях прохоровского[53], но наиболее характерен для сусловского времени[54]. Ближайшей ему аналогией является зеркальце в деревянном футляре у с. Васильевки Старобешевского р-на Донецкой обл.[55]

Все сказанное выше позволяет исследованные погребения суммарно датировать периодом с III—II — до начала I в. до н. э. Они оставлены представителями раннесарматских племен, продвинувшихся в Степное Поднепровье с территории Нижнего Подонья. Не исключено, что это были потомки сарматов, которые упоминаются в Перикле Псевдо-Скилака (IV в. до н. э.). Он помещал их между скифами и рекой Танаис[56]. В пользу этого утверждения свидетельствует ранняя северная ориентация погребенных, известная нам в ряде случаев на Дону и в Донбассе, и весь вещевой комплекс, который тяготеет к памятникам Подонья и может быть связан с культурой городов Боспорского царства. Обращает на себя внимание этническая «чистота» сарматских погребений, в частности отсутствие в исследованных комплексах существенных скифских влияний. На наш взгляд, в бассейн рек Орели и Самары сарматские племена проникли уже в III в. до н. э. и ко II в. до н. э. прочно освоили захваченные территории. В это время (II в. до н. э.) возникает могильник у с. Подгородное, а несколько позже у с. Ново-Подкряж. В целом на указанной территории уже можно проследить непрерывность исторического развития культуры сарматских племен, начиная с III—II вв. до н. э. и по III—IV вв. н. э.

---

[47] *Недерле Л.* Человечество в доисторические времена. СПб., 1898, с. 358.
[48] *Погребова Н. М.* Ук. соч., с. 169.
[49] *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры, с. 45.
[50] *Михлин Б. Ю.* Ук. соч., с. 186, рис. 1, *5*.
[51] *Мошкова М. Г.* Ук. соч., с. 23, табл. 8, *11*, *12*.
[52] *Николаева Э. Я.* Раскопки городища Кепы в 1964 г.— КСИА АН СССР, № 109, 1967, с. 97, 98, рис. 36, *12*, на с. 99.
[53] *Мошкова М. Г., Рындина Н. В.* Сарматские зеркала Поволжья и Приуралья (химико-технологическое исследование).— В сб.: Очерки технологии древнейших производств. М., 1975, с. 121.
[54] *Хазанов А. М.* Генезис сарматских бронзовых зеркал.— СА, 1963, № 4, с. 64.
[55] *Михлин Б. Ю.* Ук. соч., с. 186, рис. 1, *4*.
[56] *Псевдо-Скилак*, § 68.— ВДИ, 1947, № 3, с. 241.

V. I. Kostenko

THE EARLIEST SARMATHIAN BURIALS IN OREL AND SAMARA BASIN

Summary

The article is devoted to the analysis of the early Sarmathian complexes, investigated by the archaeological expedition of the Dnepropetrovsk university in the interflew of Orel and Samara rivers. Basing on the peculiarities of funeral constructions, funeral rites and grave furniture the author comes to the conclusion, that these burials were left by the Sarmathians, which moved in the III—II centuries B. C. into the steppes of the left bank of the Dnieper from the Lower Don regions. The newly introduced burials, just as the cemeteries near village Podgorodnoye and Novo-Podkryazh, investigated before, indicate the continuity of development of the Sarmathian culture at this region since the III century B. C. and the absence of direct contacts with the late Scythian culture.

Б. А. РАЕВ

НОВОЕ ПОГРЕБЕНИЕ С РИМСКИМ ИМПОРТОМ В НИЖНЕМ ПОДОНЬЕ

В 1974 г. в кург. 2 III Кирсановского могильника, раскопанном Донской экспедицией ИА АН СССР (нач. отряда Р. Ф. Воронина) у с. Кузнецовка Семикаракорского р-на. Ростовской обл., было обнаружено погребение с богатым инвентарем (рис. 1) *.

Насыпь кургана располагалась на распахиваемом поле и к моменту раскопок имела высоту 0,5 *м* над уровнем современной дневной поверхности и диаметр около 14 *м*. Пятно могильной ямы было обнаружено на уровне материка.

Яма неправильной овальной формы длинной осью ориентирована по линии север — юг. Размеры ямы 2,3×1,5 *м*. Северная, западная и восточная стенки ямы вертикальные, южная имеет незначительный уклон. Погребение в древности было ограблено. В заполнении могильной ямы на разной глубине встречались обломки костей человека, фрагменты железных предметов, дерево.

Дно ровное, глубина дна 1,9 *м* от вершины кургана, по всей его площади прослеживались остатки подстилки в виде тонкой прослойки органического тлена. На дне ямы в беспорядке были разбросаны кости скелета взрослого мужчины. Основная часть костей сосредоточена в северо-восточной части ямы. Череп хорошей сохранности лежал вверх основанием на расстоянии 0,4 *м* от северной стенки ямы. К югу от него найдены бедренная, большая берцовая и осколки тазовых костей, к востоку от них лежали плечевая и две лучевые кости.

В северной части ямы, на дне, вперемешку с костями были найдены обломки железного ножа, различной формы бронзовые накладные украшения деревянного ящичка (?), обломки железных удил, ручка и часть стенки сероглиняного кувшина. В центральной части ямы найдены обломки удил и бронзовая пряжка.

В юго-восточном углу сохранилась значительная часть погребального инвентаря, не потревоженная грабителями. Здесь стояли раздавленная краснолаковая миска и к югу от нее — бронзовый таз. Миска и таз были поставлены на дно могильной ямы. После снятия таза под ним были обнаружены части конской упряжи: железные круглые пряжки с бронзовыми щитками, бронзовая круглая пряжка с прямоугольным щитком, восемь золотых фаларов. Все пряжки и фалары являлись, вероятно, частями одной уздечки, остатки которой были прослежены под дном таза в виде узкой полосы коричневого тлена. Под тазом находилось и навершие, изготовленное из квадратного в сечении железного прута.

К востоку от бронзового таза, у самой стенки могильной ямы, были найдены сероглиняный кувшин и железный наконечник копья.

---

* Автор крайне признателен Р. Ф. Ворониной за предоставленную возможность опубликовать этот комплекс.

Положение погребенного не устанавливается, за исключением ориентировки. Судя по находке черепа у северной стенки ямы и по скоплению основной части костей в северной ее части, погребенный был положен головой на север. Такое положение покойника является наиболее частым в подбойных могилах сарматского времени (II—III вв. н. э.) с меридиональной ориентировкой [1].

Найденные в погребении вещи можно разделить на три категории. Одни из них относятся к хорошо известным и часто встречающимся в курганах сарматского времени в Поволжье, Прикубанье, Подонье. Другие — тоже местного, причерноморского, производства, но достаточно редкие или даже уникальные. Третья категория — вещи не местные, изготовленные в производственных центрах античного мира.

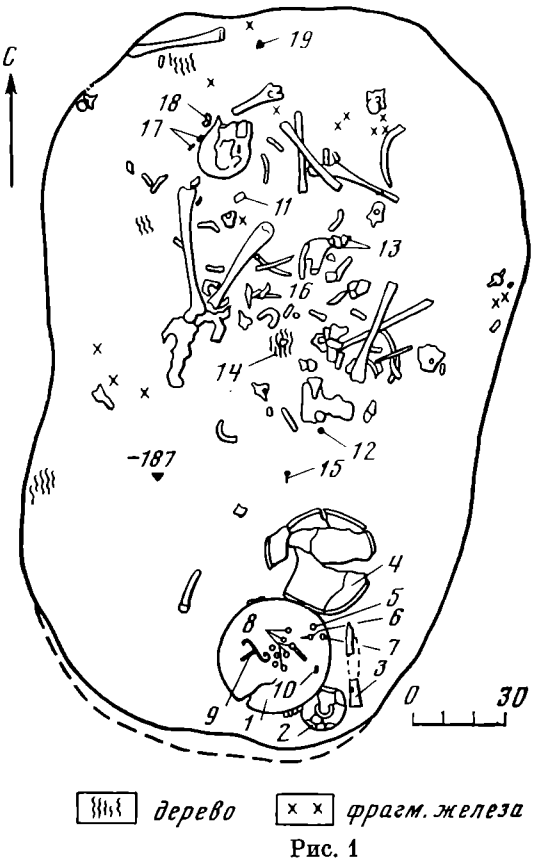


Рис. 1

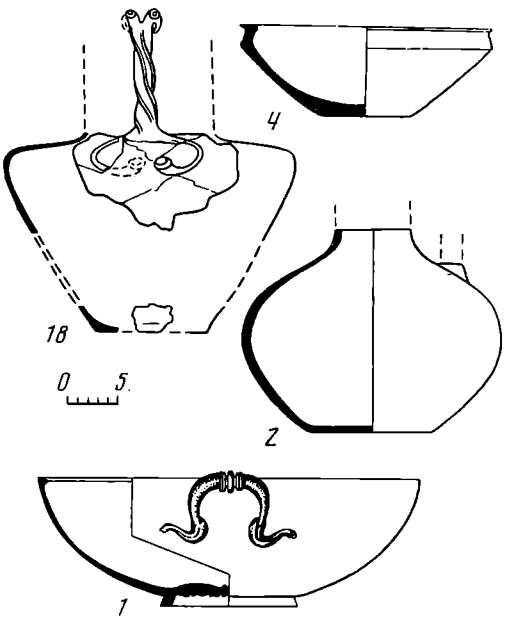


Рис. 2

Рис. 1. План погребения из кург. 2 III Кирсановского могильника: *1* — бронзовый таз; *2* — глиняный сосуд; *3* — наконечник копья; *4* — красноглиняная миска; *5*, *7*, *10* — железные пряжки; *6*, *12* — бронзовые пряжки; *8* — золотые фалары; 9 — железное навершие; *11*, *13*, *14*, *19* — фрагменты деревянной шкатулки (?) с бронзовыми накладками; *15*, *16* — фрагменты удил; *17* — железный нож; *18* — фрагмент глиняного сосуда

Рис. 2. Вещи из погребения. Номера вещей соответствуют номерам на плане погребения, рис. 1

К этой последней категории относится литой, затем обработанный на токарном станке бронзовый таз. Таз имеет кольцевой поддон и две отдельно отлитые и затем припаянные ручки (рис. 2, *1*). По верхнему краю стенки с внутренней стороны проходит рельефный поясок. Ручки омегообразной формы посередине разделены тремя рельефными поясками (два крайних пояска — двойные). Атташи ручек выполнены в виде змеиных головок. Поверхность атташей обработана бессистемно расположенными насечками, которые имитируют змеиную кожу.

[1] *Мелюкова А. И.* Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты (МССР).— СА, 1962, № 1, с. 197.

Такие тазы были выделены Г. Эггерсом в тип 100 и по находкам в закрытых комплексах датированы периодами В 1 и В 2[2]. А. Радноти на основании аналогий предполагал их южноиталийское производство и датировал тазы тем же временем[3]. При этом А. Радноти особо отмечал долгое бытование этого типа посуды — до III—IV вв. н. э. Многочисленные находки таких тазов в Помпеях[4] позволяют считать их изделиями южноиталийских бронзолитейных мастерских I в. н. э.

Подобные тазы во Фракии, через территорию которой они ввозились в Восточную Европу, встречаются в комплексах конца I — начала II вв. н. э.[5]

Таз, аналогичный кирсановскому, был найден в кург. 15 у станицы Тбилисской в погребении начала II в. н. э.[6] Две другие находки таких тазов в Восточной Европе датируются более поздним временем[7].

Краснолаковая миска (рис. 2, *4*) изготовлена на гончарном круге, дно слегка вогнутое, без поддона. Бортик отделен от стенок острым ребром и вогнут внутрь.

Краснолаковые миски широко распространены по всему Северному Причерноморью в первые века нашей эры. В это время известны и сероглиняные миски аналогичной формы[8]. Они встречаются как в материалах античных городских центров, так и в некрополях поселений земледельческих племен Прикубанья и Нижнего Подонья[9]. Некоторое количество краснолаковых мисок, как и других ремесленных изделий, попадало из поселений к окружающим кочевым племенам: подобные миски, правда весьма редко, сопровождают курганные погребения первых веков нашей эры.

С. Н. Братченко отмечал, что миски являются наиболее распространенной формой сарматской лощеной посуды, и считал, что они представляют собой имитацию местными мастерами малоазийских краснолаковых мисок[10]. Однако, поскольку в настоящее время малоазийская керамика вообще изучена недостаточно полно, такой вывод представляется преждевременным. Более вероятно, что в этой посуде (по крайней мере в При-

---

[2] *Eggers H. J.* Der römische Import im freien Germanien. Hamburg, 1951, S. 169. К периоду В 1 по каталогу Г. Эггерса относится шесть, и к периоду В 2 — три находки.

[3] *Radnoti A.* Die römischen Bronzegefässe von Pannonien. Diss. Pann., Ser. 2, № 6, Budapest, 1938, S. 127 ff.

[4] *Eggers H. J.* Op. cit., S. 169. По сообщению А. М. Волкович в коллекции Античного отдела Государственного Эрмитажа есть несколько подобных сосудов, происходящих, по имеющимся о них сведениям, из Южной Италии. См.: *Волкович А. М.* К южным связям Прикамья в последние века до н. э. и в первые века н. э.— ТОИПК ГЭ, 1941, т. I, с. 229.

[5] *Николов Д., Буюклиев Х.* Нови тракийски могилни погребения от Чаталка, Старозагорско.— «Археология», IX, 1967, кн. 3. София, рис. 10 и 27 (погр. 3 в кург. «Рошава Драгана» и в кург. 6). Аналогичный таз из погр. 2 в Поморие хранится в Археологическом музее в Бургасе (материал не издан).

[6] ОАК за 1902 г. СПб., 1904, с. 70, рис. 146. А. И. Мелюкова (*Мелюкова А. И.* Ук. соч., с. 198) сообщает, что аналогичный таз был найден в кург. 9 у ст. Тбилисской. Такие же сведения с указанием размеров таза приводит и В. В. Кропоткин (См. *Кропоткин В. В.* Римские импортные изделия в Восточной Европе.— САИ, вып. Д1—27. М., 1970, № 764 *в*). Однако в описании инвентаря из кург 9 подобный таз не упоминается (Ср.: ОАК за 1902 г. СПб., 1904, с. 67).

[7] *Мелюкова А. И.* Ук. соч., с. 197 сл. (погребение первой половины III в. н. э. в кургане у с. Олонешты); *Кропоткин В. В.* Ук. соч., № 809 (таз из Ахтиала В. В. Кропоткин отнес к серебряным сосудам. Совместно с тазом был найден ковш начала II в. н. э.) На дне таза имеется клеймо AFRIKANVSF. Подобный, редко встречающийся штемпель ср.: Guide to the Antiquities of Roman Britain. London, 1951, p. 38, fig. 18, *1*).

[8] *Зеест И. Б.* Пантикапейская керамика сарматского времени.— МИА, № 56, 1957, с. 148, рис. 3, *8*.

[9] *Анфимов Н. В.* Меото-сарматский могильник у ст. Усть-Лабинской. МИА, № 23, 1951, с. 194; *Братченко С. Н.* Правобережное Мокро-Чалтырское городище на Дону.— СА, 1957, № 2, с. 193.

[10] *Братченко С. Н.* Ук. соч., с. 193.

кубанье) продолжаются и получают дальнейшее развитие традиции предшествующего времени [11].

Дата изготовления мисок без поддона с вогнутым дном и скошенным внутрь венчиком определяется очень широко — II—III в. н. э. К этому времени относится и погр. 10 (1936 г.) Усть-Лабинского могильника [12], и слои, в которых подобные миски были найдены в Пантикапее [13] и на Мокро-Чалтырском городище [14]. В силу неразработанности типологии краснолаковой посуды первых веков нашей эры установить точно место производства нашей чашки невозможно, но, скорее всего, она изготовлена в мастерской одного из Нижнедонских поселений.

Форму сероглиняного лощеного кувшина по сохранившимся фрагментам можно восстановить довольно точно. Кувшин имел почти горизонтальные плечики, резко сужающееся к дну тулово и высокое вертикальное горло. Дно плоское, без поддона. Поверхность сосуда залощена до черного металлического блеска, что придает ему вид изготовленного из металла.

Имитация металлического кувшина выражена и в форме ручки. Она квадратная в сечении, витая, что характерно не столько для керамических, сколько для металлических (чаще всего серебряных) кувшинов [15]. В месте перегиба ручки на ней сделаны два направленных в противоположные стороны из центра ручки клювовидных отростка с круглыми налепами. Внизу ручка заканчивается двумя рельефными валиками, которые проходят по плечикам кувшина. Валики отходят в противоположные стороны от нижнего конца ручки и затем, образуя каждый горизонтально вытянутую дугу, почти соединяются концами, имеющими кольцевые налепы. Аналогичные валики, иногда выполненные в виде тамгообразных знаков, известны на бронзовых литых котлах сарматского времени [16].

В первые века нашей эры на территориях, куда проникали предметы италийского и провинциального изготовления, широко была распространена керамическая посуда, имитирующая формы и технику изготовления посуды металлической [17]. Известна подобная керамика и в городских центрах Боспора [18], и в поселениях, расположенных в их ближайшей округе [19]. Попадали такие сосуды и к кочевникам Северо-Восточного Причерноморья [20]. Территориально кувшины, имитирующие метал-

---

[11] *Анфимов Н. В.* Ук. соч., с. 194.

[12] Там же, с. 194, рис. 15, *10*.

[13] *Зеест И. Б.* Ук. соч., рис. 3, *8* — подрисуночная подпись.

[14] *Братченко С. Н.* Ук. соч., с. 196, рис. 5, *1, 3*.

[15] См. например, ДБК, Атлас, табл. XXXVIII, *3*; XLV, *7*; *van Hommerich L.* Een Romeins brandgraf te Nieuwenhagen.— «Het Land van Herle», 1964, № 14, S. 63, Afb. 3, 4.

[16] *Капошина С. И.* Итоги работ Кобяковской экспедиции.— КСИА АН СССР, № 103, 1965, с. 49 сл., рис. 17.

[17] *Behrens G.* Zur «rotbemalten» Ware.— R.-G. Korrbl., Trier, 1914, VII, № 5, S. 71, Abb. 33b; *Byvanck-Quarles van Ufford L.* Les bols mégariens, la chronologie et les rapports avec l'argenterie hellenistique.— BABesch., 1953, t. XXVIII, p. 36 et suiv.; *Follman A.-B.* Imitation von Metallgefassen in der Antike. Rhein. Landesmuseum, Bonn, 1971, № 6, S. 89 ff.; *Lullies R.* Neuerwerbungen der Antikenabteilung der St. Kunstsamml. Kassel 1966—1971. Arch. Anz., 1972, H. 1, S. 13, Abb. 23, 24; *Klumbach H.* Tonimitationen von Metallgefassen.— In: Bijeenkomst over Romeins bronzen vaatwerk in het Rijksmuseum G. M. Kam et Nijmegen. Nijmegen, 1970, S. 44.

[18] *Кастанаян Е. Г.* Сарматские сосуды из Тиритаки с ручками в виде животных.— СА, № XV, 1951, с. 250 сл., рис. 5; *Арсеньева Т. М.* Местная керамика из Танаиса.— СА, 1958, № 3, с. 209 сл., рис. 3, *4*.

[19] *Кругликова И. Т.* Работы Сухо-Чалтырского отряда Нижне-Донской экспедиции.— В сб.: АПНП, II. М., 1974, с. 184 (фрагменты сосудов с «витыми ручками» в слоях поселения). Аналогичные сосуды найдены в погребениях Кобяковского могильника (раскопки С. И. Капошиной).

[20] Выполненный в подражание бронзовым кувшинам типа 125 по классификации Г. Эггерса сосуд был найден в погр. 11 кург. 1 у Кудинова хутора (раскопки Нижне-Донской экспедиции ИА АН СССР). Выражаю искреннюю признательность начальнику отряда этой экспедиции В. Я. Зельдиной за предоставленную мне возможность изучить указанный комплекс).

лические, наиболее широко распространяются в Прикубанье и Нижнем Подонье.

На материалах Кобяковского поселения и могильника С. И. Капошина выделила целую серию фрагментов сосудов, изготовленных в подражание импортным металлическим [21]. Тем самым С. И. Капошина отделила эти кувшины от сосудов первых веков нашей эры с зооморфными ручками, к которым их относили. Впервые керамические кувшины с ручками, имитирующими металлические, были отнесены К. М. Скалон к группе сильно схематизированных зооморфных [22]. Затем эта неверная классификация была принята и использована другими исследователями [23].

Однако кувшин из Кирсановского кургана занимает в этой группе особое положение. Он имеет наряду с чертами, характерными для металлических кувшинов, явные признаки кувшина с зооморфной ручкой: на месте, где у металлического кувшина должен быть шарнир для прикрепления крышки, на ручке сделаны клювовидные отростки, которые можно рассматривать, как схематизированное изображение клюва хищной птицы с круглыми налепами — глазами.

Ближайшей аналогией Кирсановскому является кувшин из погр. 33 (1938 г.) Усть-Лабинского могильника, в оформлении ручки которого также соединены черты металлического импортного и местного зооморфного сосудов [24]. По тщательности моделировки различных деталей близки ему ручка кувшина из катакомбного погребения у ст. Тбилисской [25], кувшин из погребения в кург. 29 у ст. Усть-Лабинской [26], фрагмент кувшина из Тиритаки с налепными валиками, отходящими от нижнего края ручки на тулово [27]. И. Т. Кругликова сообщает о находке фрагментов кувшинов с витыми ручками на Сухо-Чалтырском городище [28].

Перечисленные кувшины из замкнутых комплексов дают хронологические рамки существования этого типа посуды. Датировка I в. н. э. погребения в катакомбе у ст. Тбилисской сомнительна [29]. Мечи, аналогичные найденному в нем, в основном происходят из комплексов уже II в. н. э. К этому времени относятся погребения Усть-Лабинского могильника, в которых найдены мечи наиболее близкие, как считает Н. В. Анфимов, мечу из Тбилисской [30], и погребение из кург. 1 Бережновского могильника [31]. Этим же временем можно датировать и упоминавшееся выше погр. 33 (1938 г.) Усть-Лабинского могильника и погребение из Усть-Лабинского кургана 29. По мнению Е. Г. Кастанаян, сосуд из Тиритаки по условиям находки, скорее всего, относится к III в. н. э. [32]

---

[21] *Капошина С. И.* Одна из групп керамики с Кобякова городища.— КСИА АН СССР, № 94, 1963, с. 37.

[22] *Скалон К. М.* Изображение животных на керамике сарматского периода.— ТОИПК ГЭ, 1941, т. I, с. 173.

[23] *Кастанаян Е. Г.* Ук. соч., с. 248 сл.; *Арсеньева Т. М.* Ук. соч., с. 209.

[24] *Анфимов Н. В.* Ук. соч., с. 194, рис. 16, *4*, *4а*. Клювовидные отростки автор рассматривал как рога козла, но верно увидел в налепных валиках на плечиках подражание валикам на бронзовых котлах.

[25] *Анфимов Н. В.* Земляные склепы сарматского времени в грунтовых могильниках Прикубанья.— КСИИМК, XVI, 1947, с. 152, рис. 53.

[26] ОАК за 1902 г. СПб., 1904, с. 78, рис. 163.

[27] *Кастанаян Е. Г.* Ук. соч., рис. 5. Автором статьи, как и исследователями, которые рассматривали этот сосуд после нее (См., например, *Виноградов В. Б.* К вопросу об изображении животных на сарматской керамике.— В кн.: Археологический сборник (МГУ. Исторический факультет. Научное студенческое общество). М., 1961, с. 34 сл.), ручка интерпретировалась как зооморфная. Однако круглые налепы (заклепки), налеп в месте перегиба ручки (шарнир), валики, аналогичные валикам на котлах, позволяют видеть в ней имитацию ручки бронзового сосуда.

[28] *Кругликова И. Т.* Ук. соч., с. 184.

[29] *Анфимов Н. В.* Земляные склепы..., с. 154.

[30] Там же, с. 153.

[31] *Синицын И. В.* Археологические исследования Заволжского отряда (1951—1953 гг.).— МИА, № 60, 1959, с. 58.

[32] *Кастанаян Е. Г.* Ук. соч., с. 252.

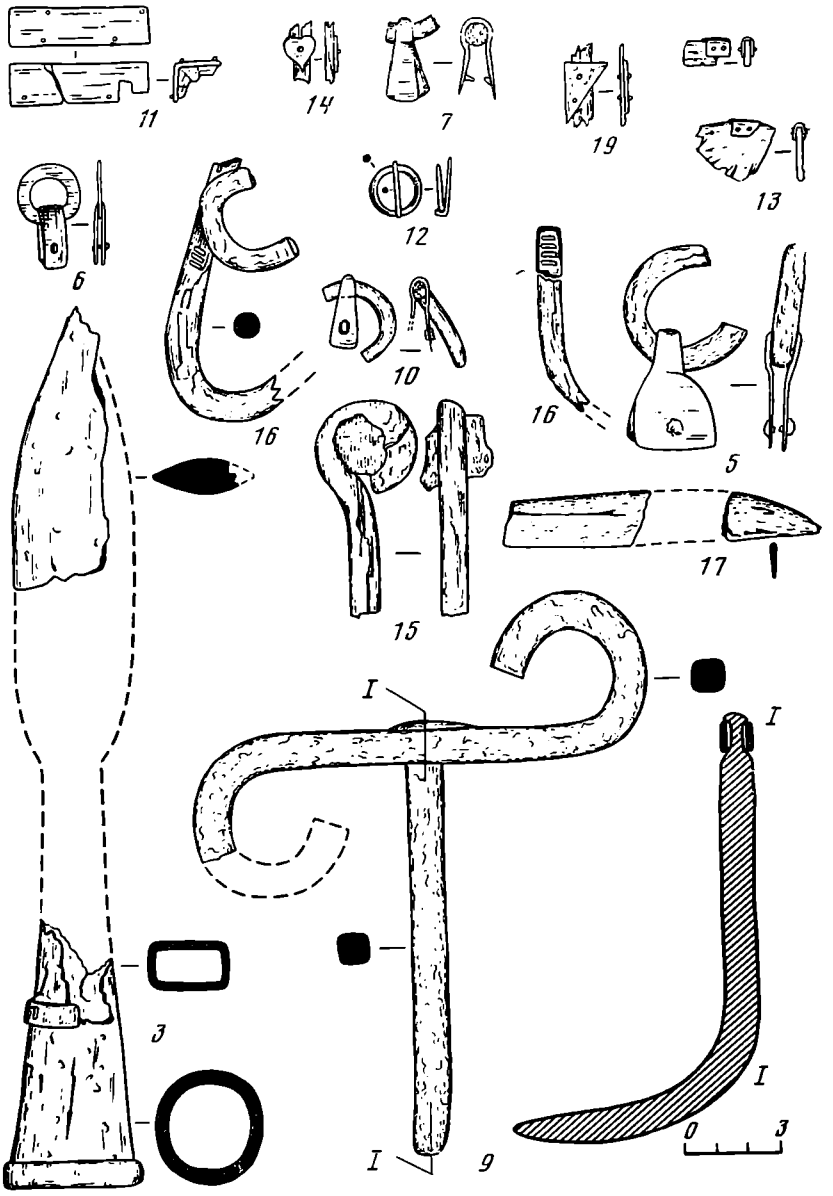


Рис. 3. Вещи из погребения. Номера вещей соответствуют номерам на плане погребения, рис. 1

Таким образом, закрытых комплексов с подобными кувшинами, которые датировались бы I в. н. э., нет, и на этом основании Кирсановский кувшин можно отнести ко времени не ранее начала II в. н. э.

Железный наконечник копья сохранился в двух крупных обломках, которые позволяют восстановить его форму (рис. 3, *3*). Наконечник имеет линзовидное в сечении, массивное перо, втулка круглая, постепенно к перу переходящая в прямоугольную, длина ее не восстанавливается; на сохранившейся нижней части сделан валик для упора древка. Выше валика на втулку напаяна прямоугольная пластина, назначение которой неясно.

Сравнительно редко встречающаяся форма втулки служит основанием для того, чтобы отнести Кирсановский наконечник к группе наконечников с валиком на нижнем конце втулки, большая часть которых, по А. М. Хазанову, входит в тип наконечников с коротким массивным

листовидным пером и длинной втулкой [33]. Относительно происхождения этих наконечников А. М. Хазанов высказал предположение, что они появились в I—II вв. н. э. в результате переработки существовавших в предшествующее время сарматских наконечников под влиянием северокавказских [34].

Возражение в классификации А. М. Хазанова вызывает только связь этих наконечников с сарматами. Находки их, в том числе и в Прикубанье, в большинстве случаев связаны с погребениями под курганными насыпями. Это не дает оснований считать их характерными для оседлого населения Северного Кавказа, так как подкурганные погребения первых веков нашей эры на Северном Кавказе принято считать кочевническими [35], а датировки погребений, в которых найдены подобные наконечники, позволяют связывать их не с сарматами.

Кирсановскому наконечнику по типу втулки наиболее близки наконечник из погр. 5 кург. 6 Калиновского могильника [36] и три наконечника копий из погребений в Прикубанье [37]. Из этих погребений наиболее ранним является погребение Калиновского могильника, которое, скорее всего, можно отнести к середине — второй половине I в. н. э. Погребения в курганах у ст. Тбилисской более позднего времени — рубежа I—II вв. н. э. [38] Учитывая, что погребение в Кирсановском кургане было совершено в еще более позднее время, о чем речь будет идти ниже, можно в качестве предварительного высказать предположение о том, что наконечники копий отмечают путь, пройденный появившимися в середине I в. н. э. в восточноевропейских степях аланами.

Уникальной находкой является навершие, изготовленное из квадратного в сечении железного прута, выгнутого в форме тамги. В центре, между спиральными, загнутыми в противоположные стороны концами проделано сквозное отверстие, в которое вставлен стержень с заостренным концом, изготовленный из такого же прута (рис. 3, *9*). Точные аналогии этому предмету неизвестны. Заостренным концом стержень вставлялся в деревянную рукоять, и в таком виде навершие, вполне вероятно, могло использоваться в качестве клейма для таврения скота [39]. Тамги с загнутыми в противоположные стороны спиралевидными концами известны в Северном Причерноморье и как самостоятельный знак [40], и как

---

[33] *Хазанов А. М.* Очерки военного дела сарматов. М., 1971, с. 47, 48. По данным автора, только один наконечник с валиком на нижнем конце втулки относится к другому, более раннему, чем рассматриваемая группа, типу (там же, с. 46, табл. XXIV, *3*).

[34] *Хазанов А. М.* Ук. соч., с. 48.

[35] *Алексеева Е. М.* Этнические связи сарматов и ранних алан с местным населением Северо-Западного Кавказа. Черкесск, 1976, с. 12.

[36] *Шилов В. П.* Калиновский курганный могильник.— МИА, № 60, 1959, с. 342, рис. 50, *19*.

[37] *Хазанов А. М.* Ук. соч., с. 47, сн. 9, табл. XXVII, *1*, *2* (ст. Тбилисская, курганы 3 и 15). В кург. 3 у ст. Тбилисской наконечника копья не было (см. ОАК за 1902 г. СПб., 1904, с. 66). А. М. Хазанов указал на находку наконечника ошибочно. Вероятно, это наконечник из какого-то другого Тбилисского кургана, раскопанного в том же году. В отчете Н. И. Веселовского кроме учтенного А. М. Хазановым наконечника из кург. 15 отмечены находки наконечников копий в курганах 8, 10, 11, 12, однако ни рисунков, ни описаний их нет, и который из них имел валик на втулке по отчету установить невозможно.

[38] Погребение в кург. 15 совершено в катакомбе, которую вслед за М. И. Ростовцевым до настоящего времени некоторые исследователи относят ко II—I вв. до н. э. (См., например, *Алексеева Е. П.* Ук. соч., с. 45). Такая датировка не соответствует набору импортных вещей в кургане (*Кропоткин В. В.* Ук. соч., № 764 в). По самой поздней импортной вещи — котелку с отогнутым наружу краем и расширяющимся книзу туловом — погребение можно отнести самое раннее к началу II в. н. э.

[39] О тамгах как знаках, использовавшихся для таврения скота, см. *Соломоник Э. И.* О таврении скота в Северном Причерноморье (По поводу некоторых загадочных знаков).— В сб.: История и археология древнего Крыма. Киев, 1957, с. 210—218.

[40] *Драчук В. С.* Системы знаков Северного Причерноморья. Киев, 1975, табл. VIII, 540—545.

составной элемент более сложных знаков [41] на протяжении первых веков нашей эры.

Предметы конского снаряжения представлены уздечкой, которая была положена под дно бронзового таза. От нее сохранились несколько железных пряжек с бронзовыми щитками (рис. 3, *5, 7, 10*) и одна бронзовая пряжка (рис. 3,*6*).

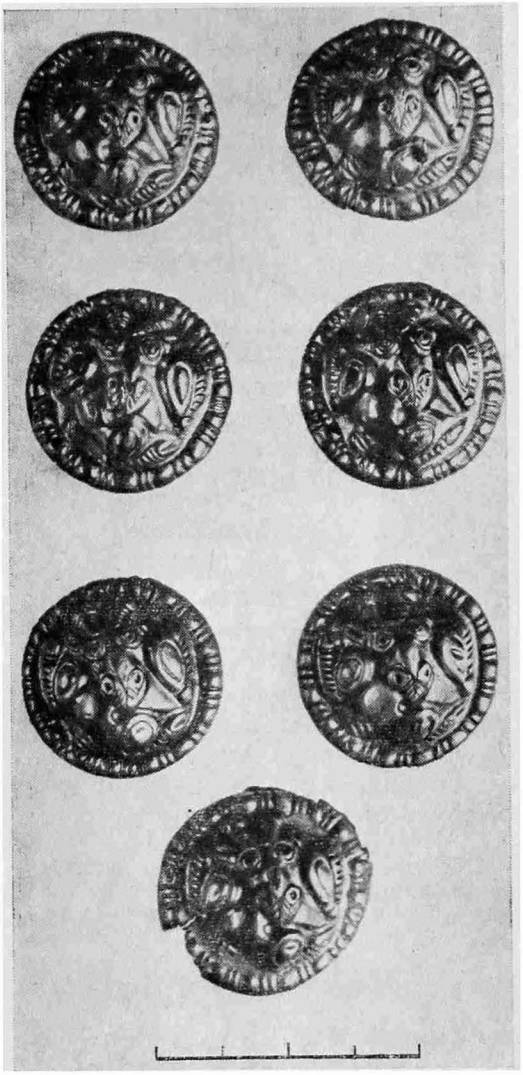


Рис. 4. Золотые фалары с изображением свернувшегося животного

Уздечка была украшена восемью золотыми фаларами (рис. 4, 5). Диаметр фаларов 3,4 *см*, высота 1,2 *см*. Фалары изготовлены давлением из тонкой золотой пластины, которой обтянута бронзовая основа; с обратной стороны рельеф заполнен темной смолистой массой с примесью песка. Края золотой пластины загнуты внутрь. Поверхность фаларов украшена выполненной в высоком рельефе фигурой животного, заполняющей всю площадь, ограниченную валиками с насечками (имитация веревки?). Животное изображено в различных ракурсах: голова в фас между поднятыми вверх ногами, туловище изогнутое, показано в

Рис. 5. Золотой фалар (увеличено)

профиль, видна только одна задняя нога. Ноги животного как бы обрамляют изображение с трех сторон по границам пространства, занятого рельефом. Задняя часть туловища и плечи отмечены выпуклыми каплевидными фигурами. Хвост, передние и задняя ноги переданы мелкими насечками. Такими же насечками переданы и рога, расширяющиеся к концам и завершенные выпуклыми бусинами.

Уздечки с золотыми бляхами-фаларами, на которых изображено свернувшееся животное или сцены терзания, известны в нескольких богатых погребениях сарматского времени в Поволжье [42], Прикубанье [43], Нижнем

[41] Там же, табл. IV, 181—183; табл. V, 262—265, 268—270 и др.

[42] Материал не издан. Перечень входящих в комплекс вещей см.: *Шилов В. П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975, с. 150.

[43] ОАК за 1902 г. СПб., 1904, с. 67, рис. 139, 140 (ст. Тбилисская, кург. 10); с. 78. рис. 164 (ст. Усть-Лабинская, кург. 29).

Подонье [44], Поднепровье [45]. Наиболее близкими аналогиями кирсановским являются бляхи из Запорожского кургана и из курганов у станиц Усть-Лабинской и Тбилисской.

При их сопоставлении бросается в глаза, что на кирсановских фалярах изображено животное с подчеркнуто орлиным носом. Это заставляет сомневаться в том, что на фалярах изображен козел: в морде на фалярах ярко выражены черты другого животного, не менее часто изображавшегося на предметах торевтики в первые века нашей эры,— грифона. Следует оговориться, что окончательно вопрос интерпретации этих изображений может быть решен только после анализа деталей каждого изображения, сопоставления манеры передачи тех или иных черт животных в зверином стиле первых веков нашей эры.

Поскольку полный анализ фаларов не входит в задачи данной статьи, можно будет ограничиться несколькими замечаниями общего порядка, помимо сделанных выше, по поводу хронологических соотношений и генетических связей фаларов с изображениями свернувшегося животного.

В цитированной работе А. П. Манцевич сделана попытка отнести фалары из Запорожского кургана к изделиям фракийских мастерских на основании находки наконечника ножен меча, выполненного в зверином стиле, в кург. «Рошава Драган» в Чаталке (Болгария) [46].

Оставляя в стороне правомерность объединения в одну группу функционально различных предметов, у которых изображения имеют различные сюжеты, по таким широко распространенным признакам, как форма гнезд с эмалью или «шнур» с насечками, окаймляющий изображение, необходимо отметить неверную интерпретацию автором самого изображения [47]. На наконечнике ножен из кург. «Рошава Драгана» изображен не отдельный олень с «головой в фас и туловищем в профиль», а фигура оленя в профиль, головой влево и подогнутыми ногами. Над туловищем оленя размещено туловище хищника (грифон?), впивающегося в спину оленя. Хищник изображен в фас, правое ухо объединено в одну каплевидную фигуру с мордой оленя. Разветвленные рога оленя одновременно являются рогами хищника. Таким образом, свой вывод А. П. Манцевич строит на вещи, ничем не связанной с фалярами Запорожского кургана и другими памятниками этого круга, кроме материала, из которого все они изготовлены, и некоторых общих стилистических приемов оформления.

Этническая принадлежность погребенного в могиле 2 кург. «Рошава Драгана» в Чаталке нуждается в дополнительном специальном исследовании. Погребение было впущено в насыпь уже существовавшего кургана. Погребенный в нем воин с набором оружия, характерным для катафрактариев, вообще, видимо, не фракийского происхождения, несмотря на типичный для Фракии в римское время обряд погребения [48]. В конце

---

[44] *Капошина С. И.* Ценные находки археологов в районе Новочеркасска.— ВАН, 1963, № 3, с. 128; *Клейн Л. С.* Садовый курган — новый выдающийся памятник сарматской культуры (Предварительное сообщение).— Вестн. ЛГУ. Сер. ист. яз. и лит., вып. 4, 1962, с. 164; *его же.* Сарматский тарандр и вопрос о происхождении сарматов.— В сб.: Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976, с. 230 (Садовый курган).

[45] *Манцевич А. П.* Находка в Запорожском кургане (к вопросу о сибирской коллекции Петра I).— В сб.: Скифо-сибирский звериный стиль, с. 178—182, рис. 5 (Запорожский курган).

[46] *Манцевич А. П.* Ук. соч., с. 178, 187, 188. А. П. Манцевич дважды — в подрисуночной подписи и на с. 188 — называет круглую золотую бляху из кург. «Рошава Драгана» в Чаталке фаларом. В цитированной работе Д. Николов и Х. Буюклиев относят ее к предметам вооружения. Судя по отверстию в центре, это не фалар, как считает А. П. Манцевич, а навершие рукояти меча.

[47] На рис. 18 к статье А. П. Манцевич изображение наконечника ножен перевернуто. Ср. рис. 9 и 11 к статье: *Николов Д., Буюклиев Х.* Тракийски могилни гробове от Чаталка, Старозагорско.— «Археология», IX, кн. 1. София, 1967, с. 25.

[48] В погребении, совершенном по обряду трупосожжения, были найдены умбоны от щитов, шпоры, меч, наконечники стрел и копий, пластинчатые панцирь и

I в. н. э. — а именно этим временем датируется погребение в кург. «Рошава Драгана» — римское войско еще не имело катафрактариев, тогда как кочевники южнорусских степей к I в. н. э. уже располагали значительным контингентом этого вида войск [49]. Более обоснованно будет видеть в наконечнике ножен изделие северо-причерноморских мастерских, попавшее во Фракию со своим хозяином, вероятно, во время какого-либо военного похода.

Во всяком случае центр изготовления фаларов, как и золотых накладок на оружие, выполненных в «сарматском» зверином стиле, нужно искать не в римских провинциях, а где-то в пределах оседлых поселений Северо-Восточного Причерноморья и Северного Кавказа. Изготовление небольшой штампованой бляхи могло быть осуществлено даже в сравнительно плохо оборудованной мастерской любого оседлого поселения, а тем более в мастерских Боспорских городов.

К конской упряжи относятся, вероятно, и обломки железных колец из круглого в сечении прута, которые, скорее всего, являются частью удил. Форму удил по сохранившимся фрагментам восстановить невозможно. На двух крупных фрагментах, представленных на рисунке (рис 3, *16*), сохранилась инкрустация бронзой в виде нескольких мелких прямоугольной формы вставок, перпендикулярных оси железного прута. Среди опубликованных материалов из погребений сарматского времени аналогичное украшение имеют только удила из кург. 12 Никольского могильника в Нижнем Поволжье [50].

Рассмотренные предметы позволяют относить погребение из кург. 2 III Кирсановского могильника к концу I — первой половине II в. н. э., а их характер свидетельствует, что это погребение конного воина, представителя кочевнической знати.

Подобные богатые погребения раскопаны в последнее время в Поволжье, Подонье, на территории Молдавии. По дореволюционным раскопкам они известны в Прикубанье. С этими последними и обнаруживает наиболее тесную связь исследуемое погребение Кирсановского могильника. При этом оно близко прикубанским не только по характеру импортных вещей, что само по себе не является признаком этнической близости погребенных. Весь инвентарь Кирсановского погребения имеет свои прямые и ближайшие аналогии в курганах Прикубанья. Это относится и к предметам вооружения, и к керамическому кувшину, и в какой-то степени к краснолаковой миске.

Все это позволяет считать исследуемое погребение принадлежащим представителю знати такого племени, которое обитало в предгорьях Северного Кавказа и в Прикубанье и в какой-то момент времени переселилось на Нижний Дон. В I в. н. э. таким племенем могли быть только аланы. Это племя появилось в поле зрения античных авторов в 60—70-х годах I в. н. э., когда письменными источниками оно фиксируется уже в Нижнем Подонье, около Танаиса [51].

Это передвижение — из Прикубанья в Подонье — является составной частью «аланской» волны, которая в течение первых веков нашей эры

штаны. Это единственный достоверно зафиксированный случай находки железных панцирных штанов в погребении первых веков нашей эры. До находки в Чаталке такой доспех был известен у кочевников южнорусских степей только по сведениям античных авторов и по изображениям варварской конницы на колонне Траяна в Риме.

[49] *Хазанов А. М.* Ук. соч., с. 79, сн. 33, с. 80, 81.

[50] *Засецкая И. П.* Савроматские и сарматские погребения из Никольского могильника в Нижнем Поволжье.— Тр. ГЭ, XX, 1979, с. 81.

[51] *Кулаковский Ю.* Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899, с. 9 сл.; *Харматта Я.* Из истории алано-парфянских отношений.— Acta Antiqua, t. XIII, 1965, f. 1—2, S. 144, 145.

продвинулась от Прикаспийских степей на востоке [52] до границ Римской империи на западе. Археологически это движение засвидетельствовано такими памятниками рассмотренного в данной статье круга, как погребения в курганах 28 Жутовского и 8 Бережновского могильников в Поволжье [53], погребениями в курганах у станиц Усть-Лабинской и Тбилисской в Прикубанье [54], курганами «Хохлач», Садовым, Багаевскими 13-м и 14-м, 3-м Соколовским и Кирсановским в Нижнем Подонье [55]. Крайняя западная точка этого движения — погребение у с. Олонешты в Молдавии. А. И. Мелюкова еще в предварительной публикации отмечала большую близость погребения из Олонешты и памятников сарматского времени в Прикубанье и связывала его с аланами [56].

Нужно заметить, что не на всей территории степной зоны Восточной Европы с приходом алан можно зафиксировать появление катакомбного устройства погребения. Это, возможно, объясняется тем, что объединенные под властью алан кочевые племена этого союза, выработав к началу II в. н. э. общий тип материальной культуры, продолжали еще в течение некоторого времени совершать погребения в могильных ямах различного устройства.

Время возведения курганной насыпи и характер погребального инвентаря позволяют видеть в могиле из кург. 2 III Кирсановского могильника погребение представителя именно аланской племенной знати.

B. A. Raev

A NEW BURIAL WITH ROMAN IMPORTS IN THE LOWER DON REGION

Summary

In 1974 an expedition of the Institute of Archaeology excavated a barrow at the Lower Don, which contained a rich burial of the Sarmatian period. The burial was robbed in the ancient times, but part of the grave furniture remained. Military objects, pottery, a bronze basin of type Eggers 100 were found. The most interesting is a bridle, from which iron and bronze buckles and eight golden phaleras with pictures of a rolled up animal remained. The analysis of the grave goods enables the author date the burial to the late 1 — early 2 century A. D. Basing on the similarity of the grave goods of this burial and the inventories of the catacomb graves of the first centuries A. D. in the Kuban region, the author relates the burial to the Alans, but not Sarmatians. The data of written sources are no contradiction to this conclusion, because the presence of Alans at the Lower Don in marked already in the sixteis and seventies of the 1 century A. D.

---

[52] В данной работе не рассматриваются вопросы, связанные с передвижениями алан к востоку от Каспия. Высказанные в статье Л. С. Клейна (*Клейн Л. С.* Сарматский тарандр..., с. 233, 234) выводы о месте обитания предков аорсов малоубедительны. Автор исходил из датировки больших донских курганов рубежом нашей эры. Если принять другую датировку (*Раев Б. А.* Металлические сосуды «Хохлача» (материалы к хронологии больших курганов сарматского времени в Нижнем Подонье).— В сб.: Проблемы археологии, вып. 2. Л., 1978, с. 91), то можно предположить, что продвижение исследованного Л. С. Клейном мотива звериного стиля связано не с аорсами, а с аланами. В таком случае территория первоначального обитания аорсов не связана с находками предметов, выполненных в зверином стиле первых веков нашей эры.

[53] Оба кургана, вероятно, относятся к первой половине I в. н. э.

[54] Катакомбные погребения этих могильников совершены в период от второй половины I до конца II и даже до начала III в. н. э.

[55] *Раев Б. А.* Металлические сосуды..., с. 185.

[56] *Мелюкова А. И.* Сарматское погребение..., с. 208.

А. В. ДМИТРИЕВ

ПОГРЕБЕНИЯ ВСАДНИКОВ И БОЕВЫХ КОНЕЙ В МОГИЛЬНИКЕ ЭПОХИ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ НА р. ДЮРСО БЛИЗ НОВОРОССИЙСКА

При исследовании раннесредневекового могильника на р. Дюрсо близ Новороссийска [1] обнаружено 16 конских захоронений (рис. 1). В большинстве из них найдены детали сбруи, седел и оружие. Форму могильной ямы ни разу установить не удалось.

Захоронение 1. Лошадь была положена на брюхо, голова повернута влево. Задние ноги раздвинуты, правая нога вытянута вперед, ее копыто находится под черепом. Передние ноги подобраны под корпус. Костяк ориентирован головой на запад. Предметов не обнаружено.

Захоронение 2. Обнаружено в 1,5 *м* к юго-западу от захоронения 1. Лошадь была положена на правый бок согнуто, ноги поджаты. Череп лежал над передними ногами. Костяк ориентирован головой на юг. Предметов не обнаружено.

Захоронение 3. Задняя часть костяка (ноги и таз) срезаны бульдозером. Лошадь была положена на брюхо вытянуто, голова повернута вправо, передние ноги под черепом. Костяк ориентирован головой на северо-запад. На черепе лежали железные удила (рис. 2, *5*), бронзовая треугольная пластина с заклепкой (рис. 2, *2*) и бронзовая пряжка (рис. 2, *1*). У концов ребер с правой стороны лежали бронзовая и костяная пряжки (рис. 2, *3, 4*).

Захоронение 4 (рис. 1, I, VII). Лошадь была положена вытянуто на брюхо, ноги подобраны под корпус, голова слегка повернута влево. Костяк ориентирован головой на запад с небольшим отклонением к северу. Слева у черепа лежали железные удила с серебряными псалиями (рис. 3, *16, 17*) и бронзовая пряжка (рис. 3 *3*). Кроме одной серебряной петли (рис. 3, *5*), по обе стороны черепа симметрично располагалось по пряжке, по две тонких обоймочки и по круглой бляшке (рис. 3, *1, 4, 6*); фигурная бляшка (рис. 3, *2*) была одна и лежала слева (может быть, она первоначально лежала на лбу и потом съехала?). На ребрах левого бока лежали параллельно друг другу два костяных фигурных стерженька — один вырезом вниз, другой вырезом наружу (рис. 3, *19*), у задней правой ноги — крупная костяная пряжка (рис. 3, *18*), у левой передней ноги — кинжал с двумя вырезами у рукоятки (рис. 3, *15*). На спине обнаружены обломки двух симметричных золотых пластин с чешуйчатым орнаментом, поврежденных бульдозером (рис. 4, *1*). Пластины размером 17,5×6,5 *см* лежали лицевой поверхностью вверх,

[1] Охранные раскопки в зоне строительства водохранилища на р. Дюрсо производились в 1974 г. экспедицией Новороссийского историко-краеведческого музея под руководством автора. В раскопках принимала участие научный сотрудник этого музея Г. Т. Ясырь. См. *Дмитриев А. В.* Раннесредневековый могильник на реке Дюрсо близ Новороссийска.— В сб.: Новейшие открытия советских археологов (тезисы докладов конференции). Вып. III. Киев, 1975, с. 109, 110.

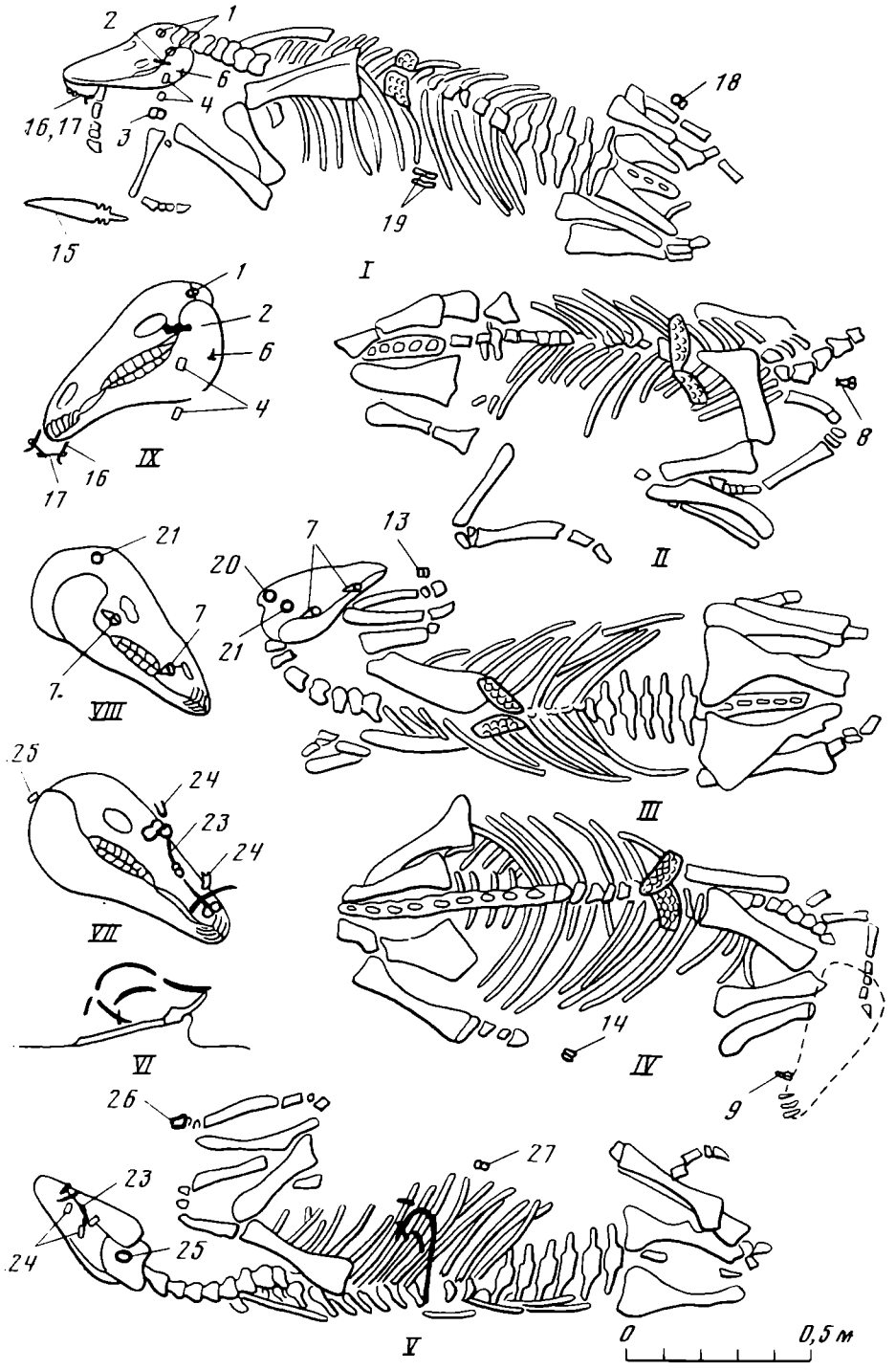


Рис. 1. Планы захоронений лошадей: I — захоронение 4; II — 5; III — 9; IV — 10; V — захоронение 11; VI — вид (спереди) залегания в земле костяных накладок из захоронения 11; VII — расположение пряжек на черепе из захоронения 4; VIII — то же из захоронения 9; IX — расположение удил на черепе из захоронения 11

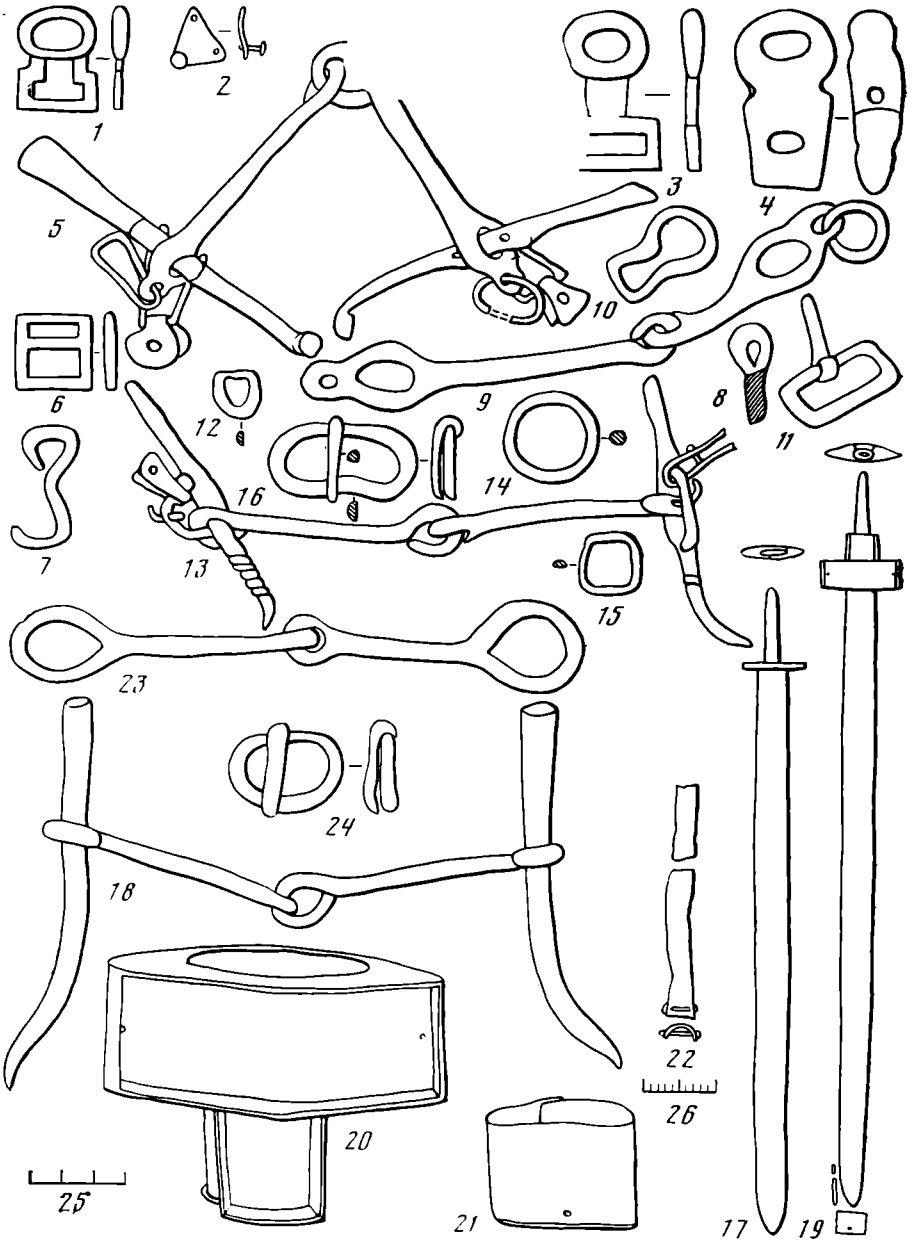


Рис. 2. Находки из захоронений лошадей 3, 6, 8, 12—14
1—5 — из захоронения 3; *6, 7* — 6; *8—11* — 8; *12—17* — 12; *18—22* — 13; *23—24* — 14; *1—3, 6, 21, 22* — бронза; *5, 7—19, 23* — железо; *24* — бронза, железо; *20* — бронза позолоченная; *4* — кость
25 — масштаб для *1—16, 18, 20—24*; *26* — масштаб для *17, 19*

гребни волн орнамента направлены к голове, срезанные углы располагались снаружи. Дугообразные и срезанные под углом края пластин загнуты вниз на 2—2,5 *мм* и со стороны загиба окантованы бронзовой фигурной полоской шириной 4 *мм*, которой пластина крепилась к деревянной основе при помощи бронзовых гвоздей. Сохранились только слабые следы основы. Прямые края пластин, обращенные к хвосту лошади, загнуты не были, а к основе крепились сверху бронзовыми гвоздиками длиной 10—12 *мм*. Орнамент пластины (рис. 4, 1*а*) выполнен с лицевой стороны серповидным пунсоном.

Захоронение 5. Лошадь была положена вытянуто на брюхо и несколько завалена на левый бок. Передние ноги подобраны, правая зад-

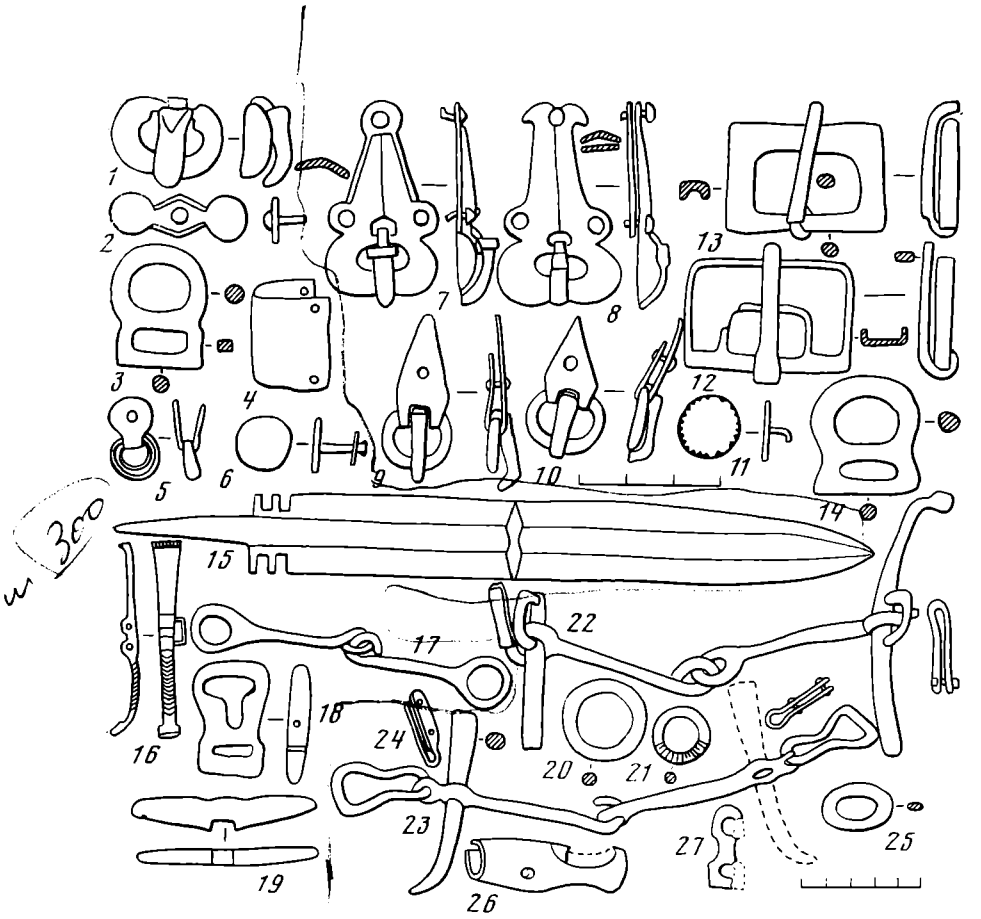


Рис. 3. Находки из захоронений лошадей 4, 5, 9, 10, 11
1—6, 15—19 — захоронение 4; *8* — 5; *7, 13, 20, 21* — 9; *9—12, 14, 22* — 10; *23—27* — захоронение 11; *1, 2, 4—11, 16* — серебро; *3, 13, 14, 24* — бронза; *12, 15, 17, 20, 22—24, 25* — железо; *21* — железо с позолотой; *18, 19, 26, 27* — кость

ная вытянута (рис. 1, II). Череп отсутствует. Костяк ориентирован головой на восток. В районе головы обнаружена серебряная пряжка с вытянутым трапецневидным щитком, с двумя клювовидными загибами на конце. Снизу к щитку при помощи трех заклепок прикреплена тонкая пластинка (рис. 3, *8*). Среди костей найдены обломки крупной костяной пряжки, аналогичной пряжке из захоронения 4 (рис. 3, *18*). На спине, у лопаток, лежали две симметричные золотые пластинки размером 20,5× ×6,1 *см*, обитые по загнутому дуговидному краю фигурной железной полоской шириной 4—4,5 *мм* при помощи железных и бронзовых гвоздей. Неотогнутый прямой край пластин сверху крепился к деревянной основе такой же железной полоской, обернутой в месте прохода гвоздей тонкой золотой фольгой (рис. 4, *3*). Положение пластин на костяке такое же, как и в захоронении 4, т. е. лицевой поверхностью вверх, гребни волн обращены в сторону головы, срезанные края — наружу. В плане пластины соприкасались несрезанными углами, а их ровные стороны составляли тупой угол. При взгляде спереди пластины лежали под углом со сторонами, опущенными вниз. Все поле пластин заполняет чешуйчатый орнамент, составленный из правильных точечных дуг. Узор наносился с лицевой стороны пунсоном в виде дуги из точек (рис. 4, *3а*). Поле окружает пояс из двух штриховых линий, между которыми помещен ряд мелких розеток. Все это обрамлено поясом из 3-образных линий, поставленных перпендикулярно внешней штриховой линии.

Захоронение 6. Лошадь была положена на брюхо, голова несколько повернута вправо, передние ноги подобраны под корпус, задние вытянуты вперед. Вероятно, при захоронении лошадь была прислонена

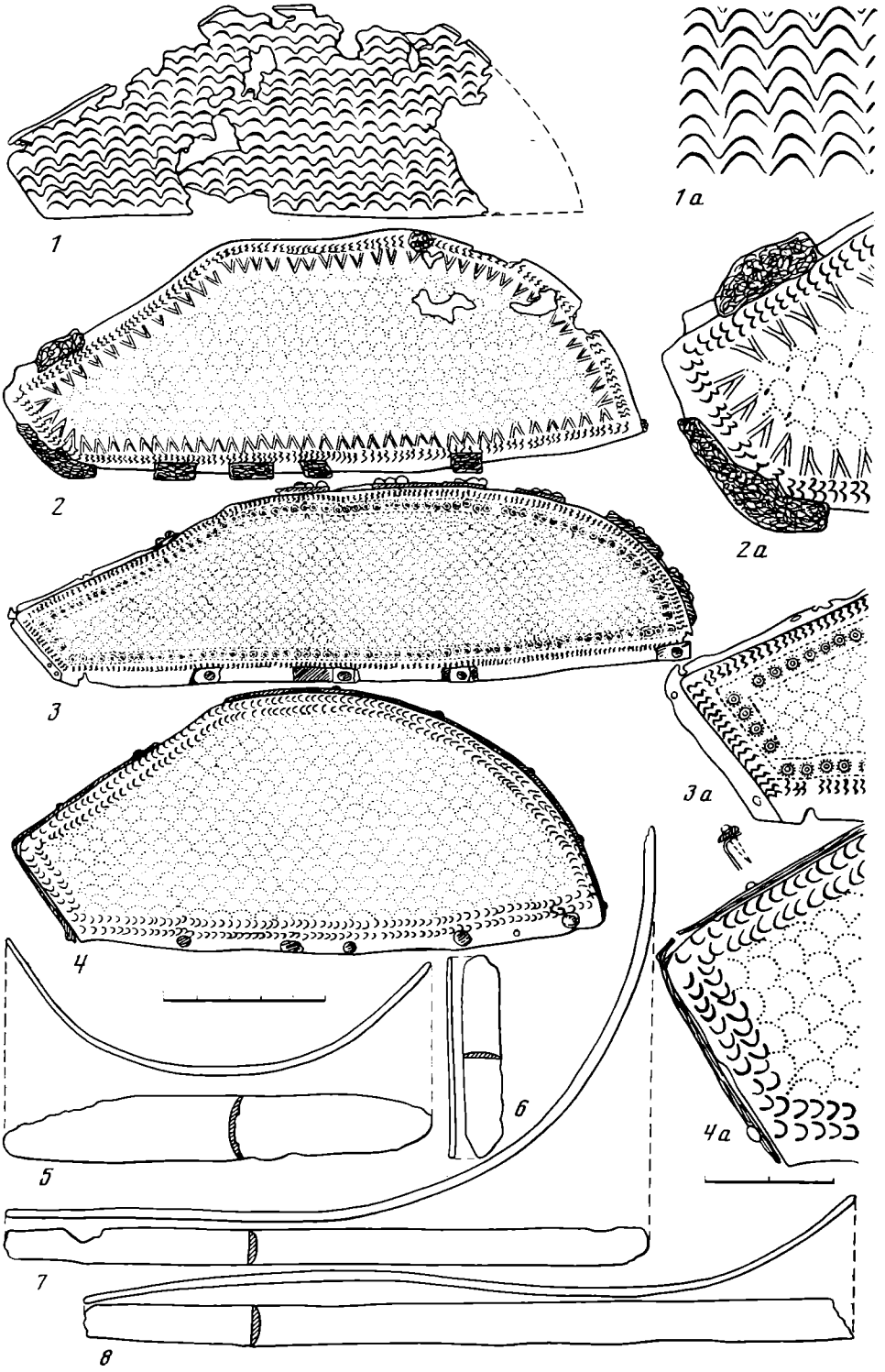


Рис. 4. Детали седел: *1* — захоронение 4; *2* — 9; *3* — 5; *4* — 10; *5—8* — захоронение 11; *1а — 4а* — фрагменты, *1, 2, 3* — золото, *4* — серебро, *5—8* — кость

левым боком к борту ямы. Ориентировка костяка — головой на юго-восток. Справа у головы найдена прямоугольная бронзовая пряжка (рис. 2, *6*). У левой передней ноги — восьмеркообразный предмет из железной проволоки (рис. 2,*7*).

Захоронение 7. Лошадь была положена на левый бок, холка приподнята, ноги вытянуты. Ориентировка — головой на северо-запад. Предметов не обнаружено.

Захоронение 8. Лошадь положена на брюхо и, вероятно, левым боком была прислонена к борту ямы. Холка приподнята, череп слегка повернут влево и лежит передними зубами вниз. Задние ноги подогнуты, их колени выступают над позвоночником. Передняя левая нога согнута и приподнята в колене, правая согнута и лежит под черепом. Ориентировка — головой на северо-запад. Слева у черепа найден маленький штырек с кольцом (рис. 2, *8*), на штырьке сохранились следы дерева. На позвоночнике у конца левой лопатки лежали двукольчатые несимметричные удила (рис. 2, *9*) и восьмеркообразная петля из железной проволоки (рис. 2, *10*). У правой задней ноги найдена прямоугольная железная пряжка с язычком (рис. 2, *11*).

Захоронение 9. Лошадь была положена на брюхо и привалена левым боком к стенке ямы, ноги подобраны под корпус (рис. 1, III). Ориентировка костяка — головой на запад. На черепе (рис. 1, VIII) обнаружены четыре серебряные пряжки с треугольными щитками и с тремя заклепками на щитках (рис. 3, *7*) и два железных кольца (рис. 3, *20, 21*), на одном из которых видны следы позолоты в виде поперечных колец. Расположение пряжек и колец симметричное: по две пряжки и одному кольцу с каждой стороны черепа. У правого переднего копыта, найдена прямоугольная бронзовая пряжка (рис. 3, *13*). На спине у лопаток лежали две золотые пластины (рис. 4, *2*) размером 19,5×7,5 *см* с железной окантовкой загнутых сторон (дуговидной и срезанной). Ширина загиба 2,5 *мм*, ширина окантовки 4 *мм*. Расположение пластин почти такое же, как в захоронении 5, только при виде спереди их срезанные края больше опущены по сторонам и ровные стороны пластин в плане образуют между собой не тупой, а острый угол. Орнамент на пластинах подобен орнаменту пластин из захоронения 5, но точечные дуги несколько крупнее, а пояс из пунктирных линий и розеток заменен уголками из двойных линий (рис. 4, 2*а*).

Захоронение 10. Лошадь была положена на брюхо, ноги подобраны под корпус. Череп снесен бульдозером при корчевке леса, но, судя по сохранившимся передним зубам, голова была повернута вправо. Костяк ориентирован головой на восток. В отвале среди обломков черепа найдены железные удила с двукольчатыми концами и стержневыми псалиями, имеющими шарики на отогнутых концах (рис. 3, *22*). К внешним кольцам удил, которые почти не сохранились, крепились согнутые вдвое узкие железные пластинки шириной 6—7 *мм*. Концы пластин были соединены железными заклепками. Там же была найдена серебряная пряжка с треугольным щитком (рис. 3, *10*), две круглые серебряные бляшки со штырьками (рис. 3, *11*) и прямоугольная железная пряжка (рис. 3, *12*). В области головы лежала вторая серебряная пряжка, подобная предыдущей (рис. 3, *9*), а у правой задней ноги — бронзовая литая пряжка (рис. 3, *14*). В 0,3 *м* от крестца по оси костяка обнаружены обломки стеклянного стакана с каплями синего цвета. На спине, у лопаток, найдены две симметричные серебряные пластины размером 18,3×8,3 *см* (рис. 4, *4*) с окантовкой загнутых на 2—3,5 *мм* дуговидного и короткого срезанного краев желобчато (двухволново) профилированной бронзовой полоской шириной 4 *мм* (рис. 4, 4*а*). Положение пластин почти такое же, как в захоронении 5, только левая пластина располагалась на 7 *см* выше правой и немного нависала над ней. Все поле пластин заполнено орнаментом из точечных дуг с обрамлением по контуру двумя рядами сплошных дужек,

поставленных вертикально (рис. 4, *4а*). Ровный незагнутый край прибивался к деревянной основе, следы которой сохранились под пластинками, тонкими бронзовыми гвоздиками с полукруглыми шляпками. Длина гвоздей 10—12 *мм*.

Захоронение 11. Лошадь была положена вытянуто на левый бок, голова лежала почти прямо, ноги подобраны (рис. 1, V). Костяк ориентирован головой на запад. Справа на черепе обнаружены железные удила с одним псалием. Псалий гвоздевидный с отогнутым заостренным концом (рис. 3, *23*). У концов удил лежали две бронзовые пластинки шириной по 7 *мм*, согнутые вдвое и имеющие по паре заклепок (рис. 3, *24*). Крепились пластины к несохранившимся скобам псалиев (рис. 1, IX). На холке найдено овальное железное кольцо (рис. 3, *25*), а у правой передней ноги — обломки костяной трубочки с крупным сквозным боковым отверстием у одного конца и вторым отверстием меньшего диаметра у другого конца. Боковые отверстия взаимно перпендикулярны. Возможно, это обломки уздечного блока (рис. 3, *26*). На спине обнаружены обломки двух узких костяных пластин, составляющих дугу длиной 53 *см* (рис. 4, *7, 8*) с полированной закругленной внешней поверхностью и плоской внутренней поверхностью, покрытой желобчатой штриховкой, дугообразная пластинка длиной 16 *см*, у которой отполирована внутренняя закругленная поверхность, а плоская внешняя поверхность покрыта желобчатой штриховкой (рис. 4, *5*), и обломок тонкой пластинки длиной 6,3 *см* (рис. 4, *6*). Все пластины располагались в плоскости, перпендикулярной оси корпуса лошади (рис. 1, *6*). Справа от пластин, у конца ребер, найдена небольшая костяная пряжка (рис. 3, *27*).

Захоронение 12. Лошадь была положена вытянуто на брюхо, холка приподнята, череп слегка повернут вправо и лежит передними зубами вниз, ноги подобраны под корпус. Ориентировка — головой на восток с отклонением к северу. Вероятно, левым боком лошадь была прислонена к борту ямы. На черепе лошади, несколько ниже глаз, лежали маленькая пряжечка (рис. 2, *12*) и железные удила с псалиями из кованого железа (рис. 2, *13*). К скобам псалиев прикреплены железные кольца из тонкой проволоки и согнутые вдвое железные пластинки, соединенные серебряными заклепками. На черепе, в области ушных отверстий, симметрично лежали два кольца из железной проволоки (рис. 2, *14, 15*). Вдоль левого бока лежал острием к задним ногам железный обоюдоострый меч длиной 90 *см* (рис. 2, *17*). На костях правой задней ноги найдена железная В-образная пряжка (рис. 2, *16*).

Захоронение 13. Лошадь была положена вытянуто на брюхо, голова повернута влево, передняя часть корпуса, вероятно прислоненная к стенке ямы правым боком, слегка развернута влево, ноги подобраны. Ориентировка — головой на северо-запад. На черепе, выше ноздрей, лежали железные удила с гвоздевидными псалиями. Острые концы псалиев отогнуты в стороны (рис. 2, *18*). В засыпке, на 15 *см* выше уровня костей, обнаружен железный обоюдоострый меч (рис. 2, *19*), лежащий вдоль левого бока острием к задним ногам. Перекрестие меча широкое, из позолоченной листовой бронзы. Сбоку перекрестия и на соединенной с ним обойме рукояти (рис. 2, *20*) имеются гнезда для инкрустированных вставок, утраченных в древности. У острия меча лежали бронзовые оковки ножен (рис. 2, *21, 22*).

Захоронение 14. Лошадь была положена вытянуто на брюхо, голова несколько развернута вправо, ноги подобраны под корпус. Ориентировка — головой на запад. У черепа найдены железные удила (рис. 2, *23*), а у правой задней ноги — железная пряжка с бронзовым язычком (рис. 2, *24*).

Захоронение 15. Лошадь была положена на брюхо, передняя часть повернута влево, ноги подобраны под корпус. Ориентировка — головой на северо-запад. Предметов не обнаружено.

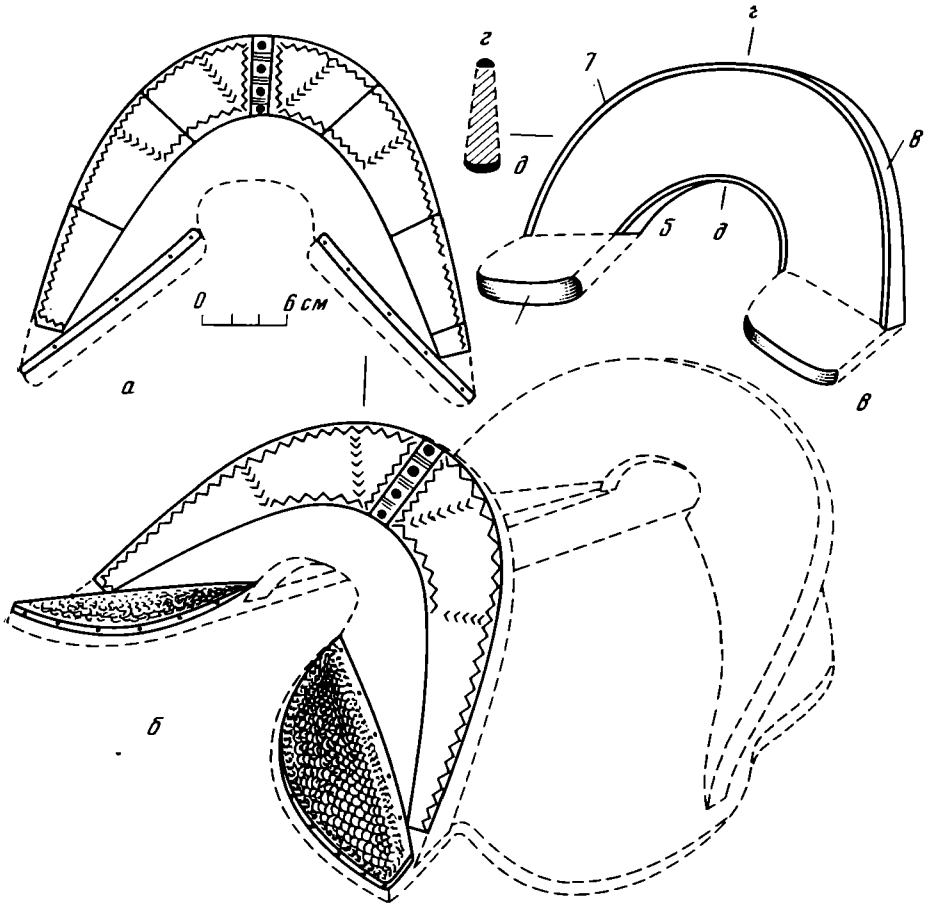


Рис. 5. Реконструкция седел: *а*, *б* — облицовка передней части седла металлическими пластинами (облицовка луки как в Мелитополе); *в* — лука седла из захоронения 11 (номера на схемах соответствуют номерам предметов на рис. 4)

Захоронение 16. Лошадь была положена на левый бок, шея сильно согнута, голова неестественно повернута, ноги поджаты. Ориентировка — головой на юго-восток. По положению костяка это захоронение не имеет аналогий в могильнике Дюрсо. Предметов не обнаружено.

Особый интерес представляют детали седел, найденные в захоронениях 4, 5, 9, 10, 11. То, что костяные пластинки из захоронения лошади 11 являются деталями луки твердого седла, не вызывает сомнения. Узкой длинной костяной пластинкой (рис. 4, *7*, *8*) передняя лука окантовывалась сверху, а нижний вырез отделывался более широкой пластиной (рис. 4, *6*), как это видно на реконструкции (рис. 5, *в*). Подобная окантовка обнаружена в могиле 15 из Кудыргэ (Алтай) и в могиле эпохи обретения венграми родины из Гадороша (Венгрия) [2].

Несколько подробнее остановлюсь на выяснении назначения пластин с чешуйчатым орнаментом. Несмотря на то что уже известно до двух десятков случаев находок подобных пластин (обычно парами или иногда в обломках [3]), до сих пор они не были найдены на конских скелетах,

---

[2] *Гаврилова А. А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.— Л., 1965, табл. XXI, *6*, *7*; *Balint Cs.* A gádorosi honfoglaláskori nyereg.— AÉ, 1974, k. 101, sz. 1, kép. 2, 4, 10, 12—16, 20, 24.

[3] *Alföldi A.* Funde aus der Hunnenzeit. Budapest, 1932, S. 24—25, Taf. IV, *14*; XIII, *12—17*; *Werner J.* Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München, 1956, S. 50—53, Taf. 7, *3*; 51, *12*; 52, *13*; 62, *5*; 71, *5*; *Засецкая И. П.* Золотые украшения гуннской эпохи. Л., 1975, с. 75, 76; *Рунич А. П.* Захоронение вождя эпохи раннего средневековья из

поэтому об их назначении пока нет единого мнения. Д. Я. Самоквасов считал их пластинками от колчана, А. П. Рунич — деталями ножен меча [4]. Однако большинство исследователей считают эти пластины обкладками передней или задней лук твердого седла. А. К. Амброз предполагал, что «европейские кочевники V в. облицовывали парными бляхами только переднюю луку мягкого седла» [5].

То, что в могильнике Дюрсо во всех четырех случаях парные металлические пластины найдены непосредственно на костяках лошадей, бесспорно говорит о назначении этих пластин как облицовке деталей седла. В то же время положение пластин на костяках позволяет уточнить, какая именно деталь седла облицовывалась подобными пластинами. Во всех случаях в положении пластин имеется определенная закономерность: пластины лежат на спинах сразу же за лопатками лицевой поверхностью вверх; волны орнамента обращены к голове лошади; дугообразные и срезанные под углом края пластины всегда загнуты вниз, окантованы железной или бронзовой «двухволновой» желобчатой полоской и прибиты гвоздями к деревянной основе сбоку (со стороны загиба); «нижний» (по рис. 4, *1—4*) прямой или слабоизогнутый край пластин всегда обрывается без загиба и крепится к деревянной основе бронзовыми или железными гвоздями сверху, т. е. со стороны лицевой поверхности; срезанные под углом края пластин не примыкают друг к другу, как это изображается на схематических реконструкциях луки седла [6], а находятся по краям седла; незагнутые края пластин в плане всегда составляют между собой угол (обычно тупой), причем, срезанные края всегда находятся ближе к голове лошади.

Если считать верным прежнее предположение, что парными пластинами облицовывалась передняя лука седла, то на костяках они могли находиться в трех положениях: вертикально, лицевой поверхностью вперед, как при нормальном положении седла; если лука упала назад, то горизонтально или наклонно лицевой поверхностью вверх, дугообразным краем к хвосту лошади; если, истлев, лука упала вперед, то наклонно или горизонтально лицевой поверхностью вниз, дугообразным краем к голове лошади. Так как ни в одном случае такого положения пластин зафиксировано не было, но, по-прежнему полагая, что это — обкладки луки седла, можно предположить два возможных варианта: 1) в момент захоронения седло было положено на шею лошади перевернуто, т. е. передней лукой назад, чему противоречит правильное расположение подпружных пряжек в захоронениях 4 и 5; 2) облицовывалась не лицевая, а внутренняя поверхность передней луки, что совершенно нецелесообразно. Если облицовывалась не передняя, а задняя лука, то пластины лежали бы не у лопаток, а на крупе.

Следовательно, подобными пластинами облицовывались не луки, а выступающие (но не торцевые) части ленчика. К сожалению, в нашем случае не удалось установить направление волокон деревянной основы. Но в захоронении вождя из Кисловодской котловины «древесные волокна... шли перпендикулярно выпуклой части серебряной пластинки» [7]. Если бы это была лука, то волокна шли бы вдоль дугообразного края. В нашем случае пластинами обшивались только выступающие части ленчика твердого седла, а лука обтягивалась, вероятно, кожей.

кисловодской котловины.— СА, 1976, № 3, с. 264, рис. 6, *1*; *Багаев М. Х.* Галайтинский клад VI—VII вв. н. э.— СА, 1977, № 2, с. 238.

[4] *Самоквасов Д. Я.* Могилы русской земли. М., 1908, с. 134, 135; *Рунич А. П.* Захоронение вождя..., с. 264.

[5] *Амброз А. К.* Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV—VIII вв.).— СА, 1973, № 4, с. 97.

[6] *Амброз А. К.* Стремена и седла..., с. 85, рис. 2, *9*, *20*; *Bierbrauer V.* Die ostgotischen Grab-und Schatzfunde in Italien. Spoleto, 1975, S. 302, Abb. 31; *Pirling R.* Fürstengrab von Krefeld-Gellep.— «Germania», № 42. Berlin, 1964, Abb. 2.

[7] *Рунич А. П.* Ук. соч., с. 264.

В Мелитополе [8], скорее всего, были найдены детали не двух седел — мягкого и с твердым остовом [9], а полная облицовка одного жесткого седла с выступающим из-под луки ленчиком. Треугольными пластинами облицовывались выступающие части ленчика, а дугообразными — передняя лука седла. Предлагаемая реконструкция передней части подобного седла показана на рис. 5, *а, б*. При этом исправлена видная в публикации легкая деформация верха правой пластины, и основание золотой дуги стало чуть шире. Возможный угол наклона полок ленчика определен по аналогии с хорошо сохранившимися древнетюркскими седлами из Кокэля (Тува) [10]. При ширине треугольных накладок (и прилегающих к ним частей ленчика) около 16 *см* осталось место для арочного выреза в основании луки не менее 8 *см*, как и на кокэльских седлах. Одновременные найденным на р. Дюрсо детали седел с облицовкой луки и выступающих частей ленчика встречались в Европе неоднократно (Новогригорьевка — могила IX, Шипово — кург. 3, Мундольсхайм, Печюсёг, Равенна) [11]. Известно аналогичное седло более позднего времени из катакомбы № 14 Змейского могильника [12], где выступающие части ленчика и лука также были покрыты металлическими пластинками. Из венгерских находок происходят твердые седла эпохи обретения венграми родины с резными костяными обкладками луки и выступающих частей ленчика [13]. Особенно важны для темы изображения твердых седел на сасанидских блюдах IV и V вв. из Перещепина и р-на Казвина в Иране. На них ясно виден выступающий из-под луки передний конец ленчика с полукруглой орнаментированной накладкой [14].

Некоторые детали сбруи из захоронений лошадей в Дюрсо имеют аналогии в древних гуннских памятниках. Так, пряжки из захоронений 4 и 10 (рис. 3, *3, 14*) подобны пряжке из кург. 6 Ноин-Улы, костяной уздечный блок и костяные пряжки (рис. 3, *18, 26, 27*) имеют прототипы в могильниках Суджинском и в Ильмовой пяди [15], хотя последние гораздо примитивнее. Подобные костяные и бронзовые пряжки нередко находят на Алтае [16]. В кург. 6 Ноин-Улы встречены также деревянные детали твердого седла, но конструкции иной, чем в Дюрсо [17].

В настоящей работе не затрагиваются проблемы датировки захоронений лошадей с металлическими обкладками седел, так как не закончена еще хронологическая обработка всего материала этого обширного могильника. Однако предварительно эти захоронения можно отнести к раннему этапу могильника Дюрсо, т. е. к V в. Это подтверждает мнение некоторых исследователей, что европейские кочевники уже в V в. широко пользовались совершенными твердыми седлами [18].

---

[8] *Пешанов В. П.* Мелитопольская диадема.— КСИА АН УССР, № 11, 1961, с. 72, 73, рис. 2, *3*.

[9] *Амброз А. К.* Стремена и седла..., с. 85, рис. 2, *20, 23*.

[10] *Вайнштейн С. И.* Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве.— Тр. Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции, т. II. М.— Л., 1966, рис. 40—41, табл. X—XI.

[11] *Минаева Т. М.* Погребения с сожжением близ г. Покровска.— Уч. зап. Саратовск. ун-та, т. VI. Саратов, 1927, с. 98, 99; *Werner J.* Beiträge..., Taf. 7, *3*; 8, *10*; 62, *4, 5*; *Alföldi A.* Funde..., Taf. V, *58*; *Bierbrauer V.* Die ostgotischen..., S. 302, Abb. 31.

[12] *Кузнецов В. А.* Змейский катакомбный могильник (по раскопкам 1957 года).— Матер. по археологии и древней истории Северной Осетии, т. 1. Орджоникидзе, 1961, с. 115, табл. XI, *9—15*.

[13] *László Gy.* A népvandorláskor müveszete Magyarországon. Budapest, 1974, old. 85, rajz 45; *Balint Cs.* A gádorosi honfoglaláskori nyereg..., kép. 24.

[14] *Орбели И. А., Тревер К. В.* Сасанидский металл. М.— Л., 1935, табл. 5; *Hicks J.* The Persians. Alexandria in Virginia, 1978, p. 151.

[15] *Руденко С. И.* Культура хуннов и ноинулинские курганы. М.— Л., 1962, рис. 40; с. 49, табл. XXII, *4, 5, 7*.

[16] *Грязнов М. П.* Древние культуры Алтая.— В сб.: «Матер. по изучению Сибири». Новосибирск, 1930, с. 10, рис. 79, 80, 81, 82, 115.

[17] *Руденко С. И.* Ук. соч., с. 49, 50, табл. XXIV, *3*.

[18] *Кызласов И. Л.* О происхождении стремян.— СА, 1973, № 3, с. 25—27.

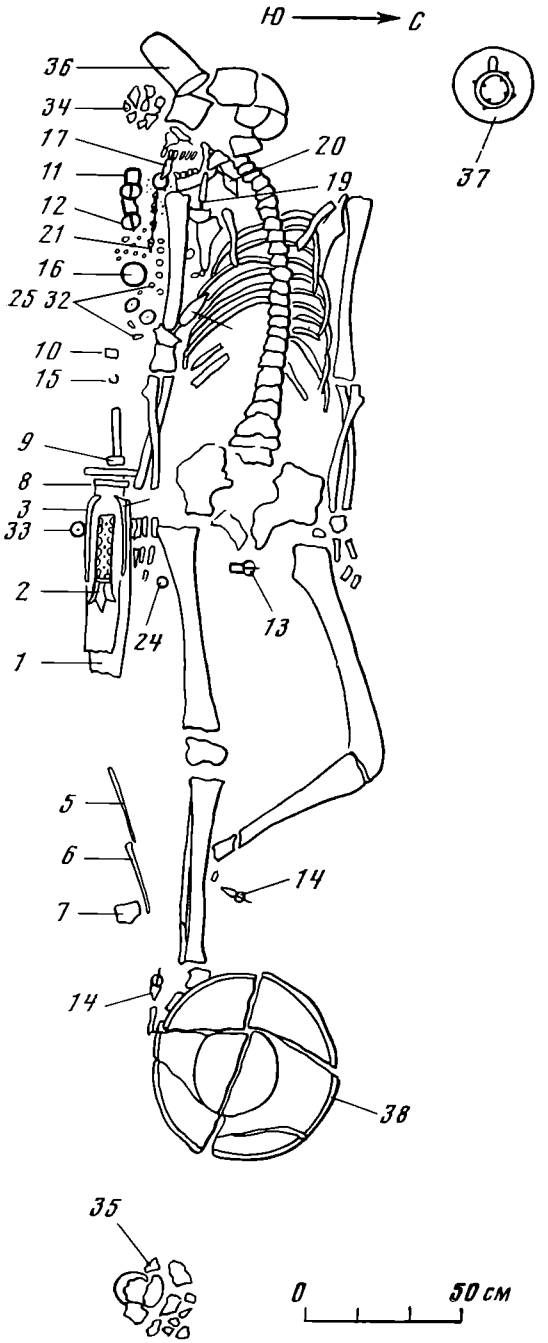


Рис. 6. Погребение 300 (номера на схемах соответствуют номерам предметов на рис. 7)

Лошади захоронены не в одной яме со всадниками, а в 3—11 *м* от них. Поэтому на участках большой плотности могильника трудно достоверно сказать, какой конь относится к тому или иному воину.

С захоронениями лошадей 1, 2 связано погребение кочевника конца VII — начала VIII в. (№ 248), которое в данной работе рассматриваться не будет.

В остальных случаях с большей или меньшей долей вероятности мы можем связать с захоронениями лошадей только три погребения воинов.

Погребение 300. Вероятно, с ним связано захоронение лошади 4, находившееся в 11 *м* к северо-востоку. Контуры могильной ямы не прослеживаются. В погребении обнаружен скелет взрослого мужчины, лежащий на спине. Руки вытянуты вдоль туловища, ноги — прямо (рис. 6). Искусственно деформированный череп сильно раздавлен землей. Погребенный был калекой, о чем говорят наглухо сросшиеся в коленном суставе под тупым углом бедренная и берцовая кости левой ноги. Это могло произойти в результате травмы или болезни коленного сустава. Позвоночник искривлен вправо. У правой руки погребенного лежал длинный меч, переломленный при захоронении на три части (рис. 7, *1*), с серебрянными деталями ножен и рукояти (рис. 7, *3—10*). Плотно лежавшая в момент расчистки на клинке центральная накладка ножен совершенно плоская, без следов сгибов, покрыта тисненным орнаментом из дуг, кружочков и волнистых линий и позолочена (рис. 7, *3*). Возможно, деталями меча являлись маленькая серебряная пряжечка и крупная халцедоновая бусина, лежавшие рядом с ним (рис. 7, *15*, *33*).

У кисти правой руки найдена бронзовая монетка — «варварское» подражание римскому денарию с типом идущего Марса (рис. 7, *24*). В области лобка лежала серебряная пряжка с прямоугольным щитком (рис. 7, *13*). Пара маленьких обувных серебряных пряжек с пятиугольными щитками (рис. 7, *14*) обнаружена у ступеней ног. Около черепа лежали 2 стакана — один высокий из желтого стекла с каплями синего цвета, второй шаровидный с отогнутым венчиком из бесцветного тонкого стекла. Слева от черепа стоял сероглиняный кувшин с четырь-

мя серебряными заклепками вокруг венчика, продетыми в просверленные отверстия (рис. 7, *37*). На правой ступне лежало крупное сероглиняное блюдо (рис. 7, *38*), а за ним — обломки высокого кувшина из зеленоватого стекла.

Вдоль правой плечевой кости кучкой сложены женские украшения: бронзовое зеркало на серебряной цепочке, прикрепленной к серебряной фибуле (рис. 7, *16*, *17*, *21*), разнообразные бусы: 116 из бледно-розового коралла (рис. 7, *25*), граненая из красно-оранжевого сердолика (рис. 7, *30*), семь янтарных (по две, как на рис. 7, *31*, *33*, и три, как на рис. 7, *32*), стеклянная черная (рис. 7, *28*), мозаичные: сине-белая (рис. 7, *26*), три зеленые с красными и желтыми включениями (рис. 7, *27*), девять зеленых с красными «лепестками» в тонких желтых ободочках (рис. 7, *29*); три двупластинчатые фибулы и мелкие поделки из серебра, вероятно являвшиеся деталями ожерелья (рис. 7, *22*, *23* — соответственно две и одна). Из упомянутых фибул две — довольно толстые гладкие серебряные с бронзовыми пружинами (рис. 7, *18*, *19*). У первой дужка сплошная массивная, пластинчатый приемник припаян торцом, боковым кнопкам соответствуют с оборотной стороны два стержня с надетыми на них трубочками, пружина восьмивитковая. Накладки, боковые стойки и крупная шлемовидная кнопка наверху, надетая на выступ накладки, имеют слабые следы позолоты. Вторая фибула не имеет следов позолоты, ее сильно выпуклые накладки со сквозными отверстиями дополнены ободками из рубчатой проволоки; пружина обычная четырехвитковая оба стержня сплошь обмотаны проволокой, дужка полая снизу, вдоль всей ножки припаян с изнанки круглый в сечении стержень для жесткости, и на его конце откован пластинчатый приемник. Третья фибула (рис. 7, *20*) бронзовая с высоко выгнутой, полой снизу дужкой, приемник и стойка для короткой пружины сделаны из согнутых вдвойне тонких пластинок и припаяны расходящимися краями. Фибула обтянута золотой фольгой с вытисненными точками, имитирующими крупную зернь, на дужке имитирован жгутик с косой насечкой. Желтоватые стекла вставлены в прорезанные в фольге отверстия. Лежавшие поверх этой кучи две крупные серебряные пряжки (рис. 7, *11*, *12*) могли быть портупейными, но могли относиться и к числу женских украшений. Справа на груди лежал плохо сохранившийся железный нож.

Погребение 479. Обнаружено в 2,5 *м* к югу от захоронения лошади 9. Почти полностью разрушено строителями. Часть предметов была передана нам рабочими, часть найдена на месте погребения. Зачистка остатков погребения показала, что погребенный лежал на спине, головой на запад (как и лошадь). Оружием служили меч и два кинжала, Один из них с вырезами у рукояти (рис. 8, *5—7*). Судя по следам окалины, оружие (вероятно, меч) лежало вдоль правой руки. Найдены обломки широкого перекрестия меча (рис. 8, *12*) с инкрустацией из плоских сверху и выпуклых с изнанки пластинок красного стекла; только ребристое стекло на краю положено кверху выпуклой стороной (рис. 8, *11*). Каркас между вставками золотой, и под стекла подложены листочки из золота или позолоченного серебра. С внутренней стороны каркас и вставки залиты мастикой белого цвета[19]. Серебряные детали ножен представлены мелкими обломками (рис. 8, *8—10*). К ножнам меча относится узкая накладка из тонкого листового золота, покрытая «чешуйчатым» орнаментом из точечных дуг. Из этого погребения происходят три серебряные пряжки (рис. 8, *1—3*), обломки пружинных ножниц (рис. 8, *15*), плохо сохранившийся железный нож, два серебряных браслета (рис. 8, *25*) и обломки посуды. Из стеклянной удалось реконструировать только форму бесцветного стакана (рис. 8, *29*), от двух остальных

[19] Меч с подобным перекрестием найден в балке Вольная Вода Бердянского уезда Таврической губернии.— ОАК за 1904 г. СПб., 1907, с. 123.

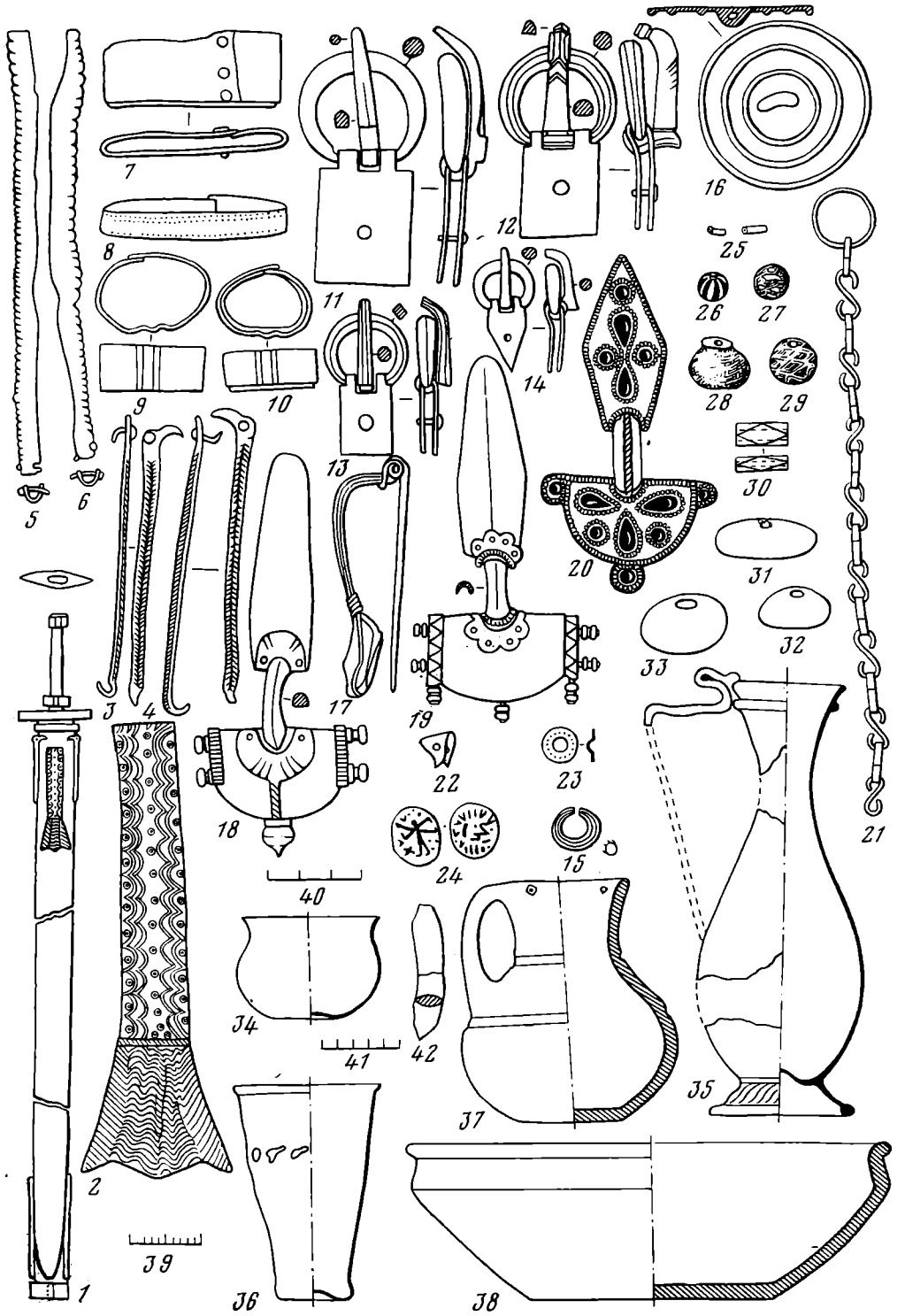


Рис. 7. Предметы из погр. 300.
1, *42* — железо; *2* — серебро с позолотой; *3—15*, *17—19*, *21—23* — серебро; *16*, *24* — бронза; *20* — бронза, золото, стекло; *25* — коралл; *26—29*, *34—36* — стекло; *30* — сердолик; *31* — янтарь, коралл; *32* — янтарь; *33* — халцедон; *37—38* — глина; *39* — масштаб для 1; *40* — масштаб для 2—33; *41* — масштаб для 34—38, 42

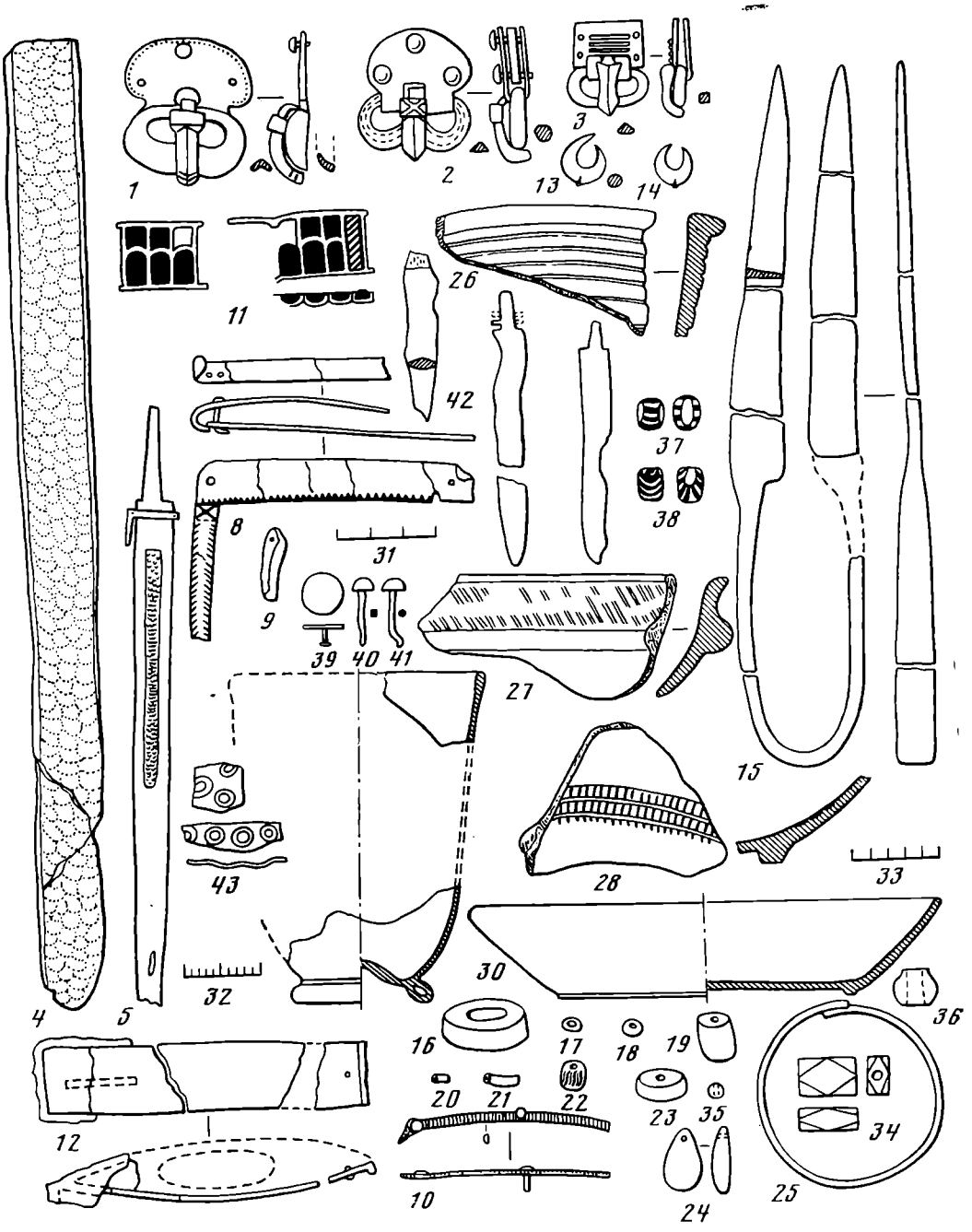


Рис. 8. Предметы из погр. 479.
1—3, *8—10*, *25*, *39* — серебро; *5—7*, *15*, *42* — железо; *4*, *13*, *14* — золото; *11* — золото, стекло, серебро с позолотой, мастика; *16*, *26—28*, *30* — глина; *17—20*, *22*, *29*, *35—38*, *43* — стекло; *21* — коралл; *23* — янтарь, *24* — горный хрусталь; *31* — масштаб для 1—4, 8—29, 34—41, 43; *32* — масштаб для 5—7; *33* — масштаб для 30, 42; *34* — сердолик; *40*, *41* — бронза

имеются осколки стенок: толстых до 3,7 *мм* рубинового цвета, возможно от блюда или чаши, и синих с вдавленными внутри круговыми оттисками, иногда в несколько рядов (рис. 8, *43*). Фрагменты глиняного блюда с тисненым орнаментом вдоль венчика и по дну (рис. 8, *27*, *28*) сохранили в углублениях следы матового лака коричневатого оттенка. На неорнаментированном блюде (рис. 8, *30*) уцелело несколько пятнышек матового лака красно-коричневого цвета. Есть черепки кувшина из светло-коричневой глины (рис. 8, *26*).

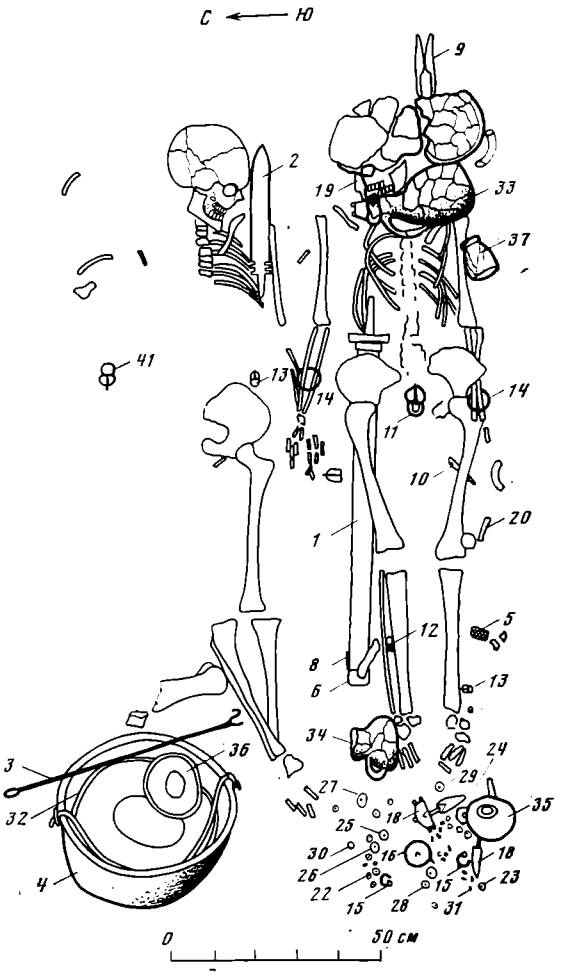


Рис. 9. Погребение 500 (номера на схемах соответствуют номерам предметов на рис. 10)

Слева от остатков скелета обнаружены рассыпанные бусы: из стекла голубая прозрачная (рис. 8, *17*), две черные диаметрами 5,2 и 7,5 *мм*, одна синяя, две зеленые — похожие на рис. 8, *18*, четыре синие (рис. 8, 20), три прозрачные желтоватые (рис. 8, *17*, *35*, *36*), одна с внутренней позолотой (рис. 8, *19*), 65 черных бисерин диаметром 2,5—3,3 *мм* и одна синяя; полосатые: красно-желто-зеленая (рис. 8, *22*), пастовые бело-сине-коричневая и бело-синяя (рис. 8, *37*, *38*); 41 буса из розового коралла (рис. 8, *21*), янтарная (рис. 8, *23*), хрустальная (рис. 8, *24*), граненая сердоликовая коричневато-оранжевого цвета с черными включениями (рис. 8, *34*); две золотые серьги калачиком с разведенными концами (рис. 8, *13*, *14*) и пряслице из красной глины.

Судя по сохранившимся остаткам погребения, погребенный был воином, а женские украшения положены как заупокойный дар умершему.

Погребение 500. В 3,5 *м* к северу от захоронения лошади 10 обнаружено парное погребение мужчины и женщины (рис. 9). Скелеты мужчины и женщины лежат параллельно друг другу, головами на восток. Женский скелет находится слева от мужского на расстоянии 0,47 *м* по осям позвонков. Кисть правой женской руки была вложена в левую руку мужчины. Правая половина мужского скелета не сохранилась (вероятно, растащена животными). Сохранившаяся часть костяка лежит вытянуто на спине, череп повернут влево, левая рука вдоль туловища, ноги скрещены в ступнях (правая на левой). Женский скелет также лежит на спине, череп повернут вправо, руки вдоль туловища, предплечье левой руки — под тазовой костью, ноги прямо.

При мужском скелете обнаружены следующие предметы: кинжал с вырезами у рукояти (рис. 10, *2*), лежавший на левой плечевой кости рукоятью к ногам, слева в области пояса — небольшая серебряная пряжка с овальным щитком (рис. 10, *13*). Подобная пряжка, только меньшего размера, найдена под пяточной костью правой ноги. Крупная пряжка с круглым щитком (рис. 10, *41*) найдена справа от скелета среди мелких обломков разрозненных костей. У правой голени лежала кость коровы, а рядом с ней дно желтоватого стеклянного стакана. В ногах стоял большой бронзовый котел с железной дужкой (рис. 10, *4*), покрытый крупным блюдом с красно-коричневым лаком с матовой поверхностью (рис. 10, *32*). На блюде лежала сероглиняная миска (рис. 10, *36*), а поверх котла — железный двурожковый крюк для мяса (рис. 10, *3*). В котле под блюдом находились ребра коровы.

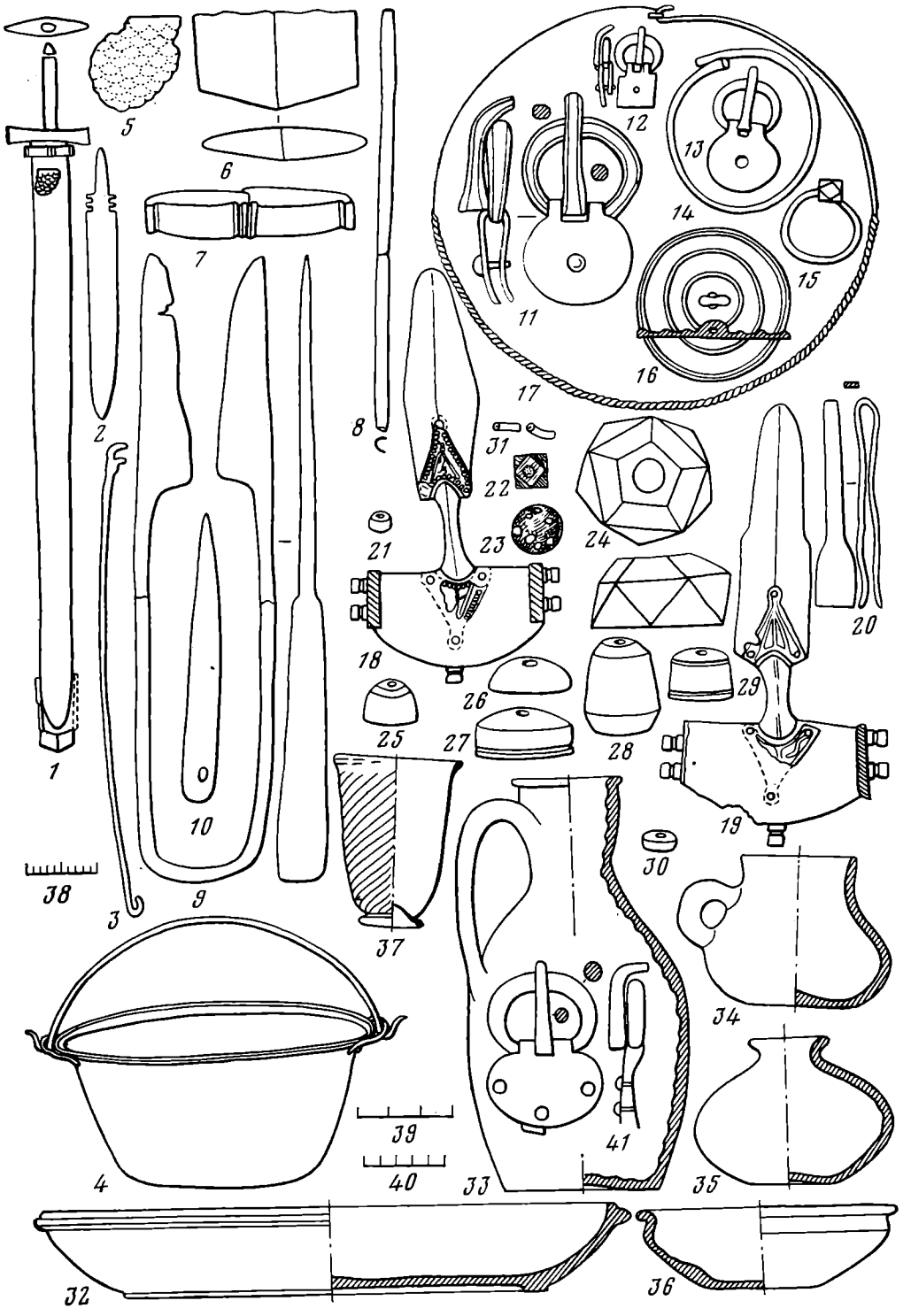


Рис. 10. Предметы из погр. 500.
1—3, 9 — железо; *4, 16, 20* — бронза; *5—8, 11—15, 17—19, 41* — серебро; *21—24, 37* — стекло; *25—30* — янтарь; *31* — коралл; *32—36* — глина; *10* — кость; *38* — масштаб для 1—4; *39* — масштаб для 5—31, 41; *40* — масштаб для 32—37

При женском скелете предметов было несколько больше. У темени слева лежали пружиной к ногам железные ножницы. У черепа слева стоял сильно раздавленный красноглиняный кувшин. Подобный кувшин из светло-коричневой глины (рис. 10, *33*) лежал на левом плече, прикрывая шею. Под кувшином в области шеи обнаружена витая серебря-

ная гривна (рис. 10, *17*). Под гривной на левом плече — бронзовое зеркало. На правом плече, иглой в сторону головы, лежала довольно тонкая серебряная двупластинчатая фибула с высоко выгнутой полой снизу дужкой и треугольными тисненными бронзовыми накладками без следов позолоты (рис. 10, *19*). Под головной пластиной находятся короткая пружина и два проволочных стержня, проходящих через держатель пружины и боковые стойки. Под ножку припаян для жесткости длинный плоский медный стержень с приемником на конце. Рядом с фибулой — несколько мелких коралловых бусин (рис. 10, *31*) и тонкая серебряная пластинка, сложенная вдвое. С внешней стороны левой плечевой кости найден стакан из темно-зеленого стекла с волнистой поверхностью (рис. 10, *37*).

Под правой бедренной костью, заходя под таз, лежит обоюдоострый меч с железным ромбовидным в плане перекрестием (рис. 10, *1*) и с серебряными деталями ножен (рис. 10, *6—8*). Несколько ниже уровня погребения обнаружены обломки тонкой серебряной пластинки, покрытой чешуйчатым орнаментом из точечных дуг (рис. 10, *5*). Вероятно, это фрагменты накладки ножен, растащенные грызунами. На нижнем конце меча кость небольшого животного. На обеих руках — по тонкому серебряному браслету. Над крестцом, лицевой поверхностью вниз, лежала крупная серебряная пряжка (рис. 10, *11*). Под левой бедренной костью найдена костяная игла (рис. 10, *10*), а около левого колена — бронзовый пинцет (рис. 10, *20*). У правой стопы с внешней стороны лежал на боку небольшой сероглиняный кувшинчик. Под кувшинчиком — маленькая обувная серебряная пряжечка с прямоугольным щитком (рис. 10, *12*). Такая же пряжечка лежала у правой берцовой кости. У левой берцовой кости найдена серебряная пряжка с овальным щитком (как под пяточной костью мужского скелета).

В ногах сложены различные предметы: светло-глиняный кувшинчик (рис. 10, *35*), пара относительно тонких серебряных двупластинчатых фибул с высокой полой дужкой, бронзовым приемником из прямоугольной пластинки, загнутой на конце для припаивания к ножке, и двумя длинными стержнями под головкой, обмотанными вместо проволоки узкой медной ленточкой. Низкорельефные накладки штампованы из двух наложенных друг на друга листочков металла: медного и сверху совсем тонкого золотого (рис. 10, *18*). В той же кучке предметов находились еще пара серебряных сережек с граненой бусинкой на конце (рис. 10, *15*), обломки бронзового зеркала, подобного предыдущему, бусы стеклянные: 13 полупрозрачных черно-коричневых (рис. 10, *21*), черная граненая с красным глазком в центре граней (рис. 10, *22*), большая синяя прозрачная граненая (рис. 10, *24*), черная с белыми глазками (рис. 10, *23*); много бус из коралла (рис. 10, *31*; всего их было в могиле 154 шт.), 25 янтарных бус, как на рис. 10, *25* (три), *26* (пять), *27* (три), *28* (одна), *29* (одна), *30* (двенадцать). Под горшочком лежал плохо сохранившийся железный нож. Между ступнями ног скелетов найден бронзовый боспорский статер.

Хотя полной уверенности, что погребения именно данных воинов связаны с вышеописанными захоронениями лошадей, имеющими металлические детали облицовки седел, нет, во всех трех случаях существует ряд совпадений. Лошадь находится всегда слева от предполагаемого всадника, ориентировка всадников и лошадей совпадает. Несмотря на то что по сравнению с кинжалами и наконечниками копий находки длинных всаднических мечей на этом могильнике редки, во всех трех случаях в захоронениях всадников вместе с кинжалами обнаружены и мечи (в погр. 300 кинжал отсутствовал, но он найден в связанном с этим погребением захоронении лошади 4). Причем во всех трех случаях ножны мечей, подобно ленчикам седел, украшены пластинами, покрытыми чешуйчатым орнаментом (в погр. 300 орнамент не чешуйчатый, но состав-

лен из таких же сплошных дуг, что и орнамент пластин седла). В других погребениях этого могильника детали ножен мечей из серебра или золота больше не встречены. Погребения всадников отличались и более богатым инвентарем. Поэтому можно предположить, что наряду с богато отделанными длинными мечами [20] седла, украшенные металлическими пластинами, также являлись знаками отличия военной аристократии.

A. V. Dmitriev

THE BURIALS OF HORSEMEN AND BATTLE HORSES
IN THE CEMETERY AT DYURSO RIVER NEAR NOVOROSSIISK

Summary

During the investigation of the early medieval cemetery at Dyurso river 16 burials of horses were discovered. Details of saddles, found in five burials (fig. 1, 1—6) are of specific interest. In four cases it is a pair of plates (3 pairs are golden and one — silver) with scaly ornamentation (fig. 3, 1—4). In the fifth burial narrow bone plates, used for decoration of the front pommel of the hard sadde (fig. 3, 5—8) were found. Analysing the position of the plates on the skeletons of the horses, the author comes to the conclusion, that the plates were used for the facing of protuberances of a saddle-tree of a hard saddle, as it can be seen from the reconstruction (fig. 5, 2). The burials of the horses were found at the distance of 3 — 11 metres from burials of the warriors. That is why the burials of a horseman can not be always directly connected with a burial of a horse. But in three cases, when it was possible, burials of warriors contained long horseman's swords, with sheath, decorated by silver or golden laps with scaly ornamentation. These burials are also characterized by a more rich grave furniture. The burials of horsemen and horses with saddles, ornamentated by metallic laps, are related to the early stage of the cemetery. This proves, that the European nomads widely used a perfect hard saddle already in the V century.

ПРИЛОЖЕНИЕ

А. К. АМБРОЗ

К СТАТЬЕ А. В. ДМИТРИЕВА

Благодаря статье А. В. Дмитриева вопрос об устройстве седла европейских гуннов конца IV—V вв. перестал быть предметом умозрительных предположений и впервые поставлен на твердую почву фактов. Лишь конструкция тыльной части седла пока никем не выяснена документально. Ее можно попытаться восстановить, исходя из уже доказанного А. В. Дмитриевым значительного сходства передней части реконструированных им гуннских седел с хорошо сохранившимися деревянными седлами VII—VIII вв. из Сибири (Кокэль), с Кавказа (Верхний Чирюрт, Галиат) и из Поволжья (Бородаевка). Опираясь на форму треугольных накладок и их положение на костяках лошадей, он убедительно показал не только то, что луки восстановленных им седел стояли сверху на выступавших из-под них досках полок, но и то, что передний выступ доски часто выделен снизу выемкой, указывающей на существование посредине полки широкой лопасти (как в Галиате, Бородаевке и кургане 2 Кокэля). Если сходство так велико, допустимо поискать на хорошо сохранившихся седлах VII—VIII вв. места для накладок других форм из гуннских

[20] *Хазанов А. М.* Очерки военного дела сарматов. М., 1971, с. 86.

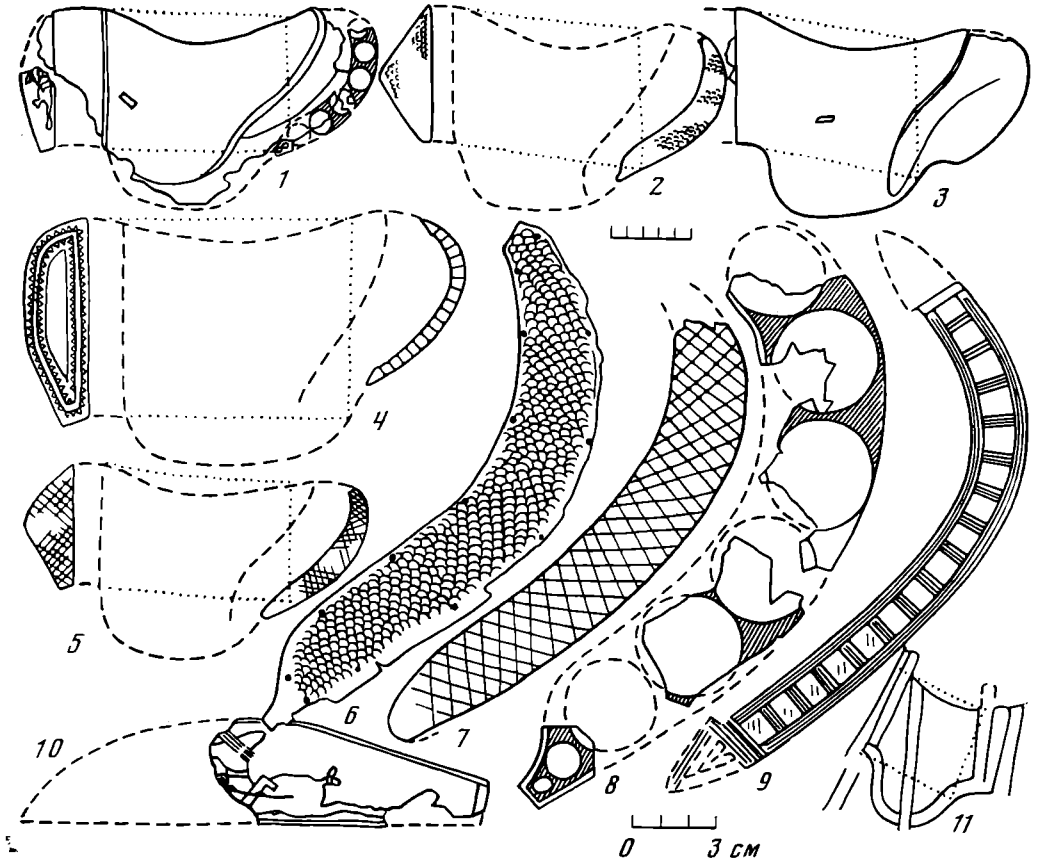


Рис. 1. Проба реконструкции седельных полок V—VII вв.
1, *8*, *10* — Верхний Чирюрт, кург. 17; *2*, *6* — Мундольсхайм (Франция); *3* — Кокэль, кург 47; *4*, *9* — Равенна (Италия); *5*, *7* — Печюсег (Венгрия); *11* — рельеф 554 г. (Китай). Часть сохранившихся пластин повернута зеркально. Материал: *1* — дерево и кость; *2*, *6* — позолоченное серебро; *3* — дерево; *4*, *5*, *7*, *9* — золото; *8*, *10* — кость; *11* — камень

находок. Общепринято мнение, что серповидные накладки V в. из Мундольсхайма, Печюсега и VI в. из Равенны (рис. 1, *6*, *7*, *9*) окантовывали край седельной луки. Но все известные древние луки расширены к центру, эти же сужаются и имеют такую кривизну, что лука с ними была бы М-образной. Это в свое время послужило мне основанием для ошибочного, как теперь видно, сопоставления их с подвесными пластинами мягкого седла пазырыкского типа с его М-образным передним краем. При сравнении с твердыми седлами VII—VIII вв. серповидные пластины соответствуют по размерам и кривизне как переднему краю их средней лопасти, так и наружному краю тыльного выступа полки. Лопасть закрывалась подушкой и ногой всадника, а открытый обозрению тыльный выступ седла часто украшался асимметричными оковками той же кривизны на седлах X—XIV вв. (Гадорош, Змейская, Часовенная Гора) или вплоть до последнего времени кантом.

Выяснив назначение серповидных пластин, можно было приступить к графической реконструкции гуннского седла. Для определения его габаритов я использовал общую особенность разных типов твердых седел IV—XIV вв.: передняя и тыльная стороны их «сиденья» и соответственно основания переднего и тыльного выступов у длинных полок VI—XIV вв. имеют одинаковую ширину, средняя часть седла как бы вписана в параллелограмм (на рис, 1, *1—5*, *11* он показан пунктиром). Определяя высоту параллелограмма по сохранившейся треугольной накладке перед-

него выступа и проводя через нижний правый угол кривую соответственно изгибу серповидной пластины, можно реконструировать основные параметры седельной полки (рис. 1, *2*, *4*, *5*). Ширина параллелограмма сохранившихся седел VII—VIII вв. колеблется незначительно, поскольку ее пределы неизбежно предопределены размерами тел лошади и всадника. Особенно крупными получились лишь древнегерманские седла из Равенны и Крефельд-Геллепа. Костяк владельца седла из Равенны якобы имел длину 190 *см*. Может быть, германцы VI в. использовали более крупных лошадей (и седла), чем кочевники. Реконструированный длинный криволинейный тыльный выступ полок из Мундольсхайма, Печюсега и Равенны присущ только седлам с наклонной задней лукой (ср. рис. 1, *1*, *3* и *11*). Действительно, обломки серповидной накладки, по форме близкой мундольсхаймской, найдены с хазарским седлом второй половины VII в. в Верхнем Чирюрте (рис. 1, *1*, *8*, *10*). Совсем не сходная с известными накладками лук, она хорошо легла на тыльный выступ полки, а знаменитая костяная пластина с изображением всадника — на передний выступ, где для нее сделано соответствующее углубление. Приплюснуто-вытянутая накладка напоминает по форме поздние металлические из Равенны, Крефельд-Геллена, Шипова, Галайты, могилы 5 на р. Дюрсо.

Приведенные факты подтверждают реконструкцию гуннского седла IV—V вв. А. В. Дмитриевым. По форме деревянного остова оно было весьма близко хорошо сохранившимся хазарскому и восточно-тюркским экземплярам VII—VIII вв. В Иране его изображения появились между 309 и 379—383 гг. (еще в начале этого периода седла изображались там иначе), на Дальнем Востоке не позднее 575 г. (период Бэй-Ци).

А. П. РУНИЧ

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ СКЛЕПЫ ПЯТИГОРЬЯ

В районе Пятигорья, и в основном в кисловодской котловине, сосредоточено исключительно большое количество памятников раннего средневековья. На мысах и останцах видны остатки сторожевых постов и укреплений, а у их подножия находятся могильники и следы небольших поселений. До сих пор в основном изучались могильники. Основная масса захоронений представлена катакомбами IV—VIII вв. и X—XII вв., на тех же кладбищах встречаются одновременные им захоронения с подбоями. В VII—VIII вв. здесь появляются также погребения, устроенные в отвесных скалах. В последние годы на рассматриваемой территории обнаружены еще подземные склепы.

Группа таких склепов находится около Железноводска, на восточном подножии г. Развалка. Место, где расположен некрополь, представляет собой невысокий отрог горы, поросший лесом, вдоль восточного края которого и устроены эти усыпальницы [1]. Первый склеп, исследованный Н. М. Егоровым и автором данной статьи в 1935 г., оказался ограбленным. Прямоугольное сооружение площадью 390×130 *см*, высотой 130 *см*, ориентированное длинной стороной с юго-запада на северо-восток, сложено из плоских камней без раствора. В западной стенке имелась ниша 20×20×30 *см*. Усыпальница накрыта пятью массивными плитами длиной 170—180, шириной 80—105 и толщиной 20—30 *см* и поверх плит засыпана слоем грунта 15—25 *см*, который сливался с поверхностью возвышенности. Как был сделан вход, из-за повреждения выяснить не удалось. Сохранились обломки человеческих костей, украшение из листового золота со вставками из альмандинов и перламутра (рис. 1, *4*), бронзовая петля (рис. 1, *5*), буса из яшмы (рис. 1, *6*) и синей пасты (рис. 1, *7*). У дна склепа находилось много древесного угля.

Второй аналогичный и так же ориентированный склеп опять оказался ограбленным. Длина усыпальницы 477, ширина 132, высота 150 *см* (рис. 1, *1—3*). Ниш в стенках нет. Стенки из плоских камней без раствора. Толщина плит перекрытия 30—35 *см*. Как был сделан вход, из-за разрушения выяснить не удалось. Уцелели отдельные кости, мелкие кусочки от трех или четырех керамических сосудов без орнамента (из которых частично восстановлен один, рис. 1, *9*), часть украшения из листового золота (рис. 1, *8*). Остальные два или три находившиеся здесь подземные склепы оказались полностью разрушенными.

«Печеринский» подземный склеп, около Кисловодска, на гребне возвышенности севернее Лермонтовской скалы [2], имел длину 402, ширину 135, высоту 144 *см*, ориентирован с северо-востока на юго-запад, сложен из околонного песчаника без раствора (рис. 1, *10*). В юго-восточной стен-

[1] *Рунич А. П.* Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1971 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 4633.

[2] *Рунич А. П.* Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1974 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 5249.

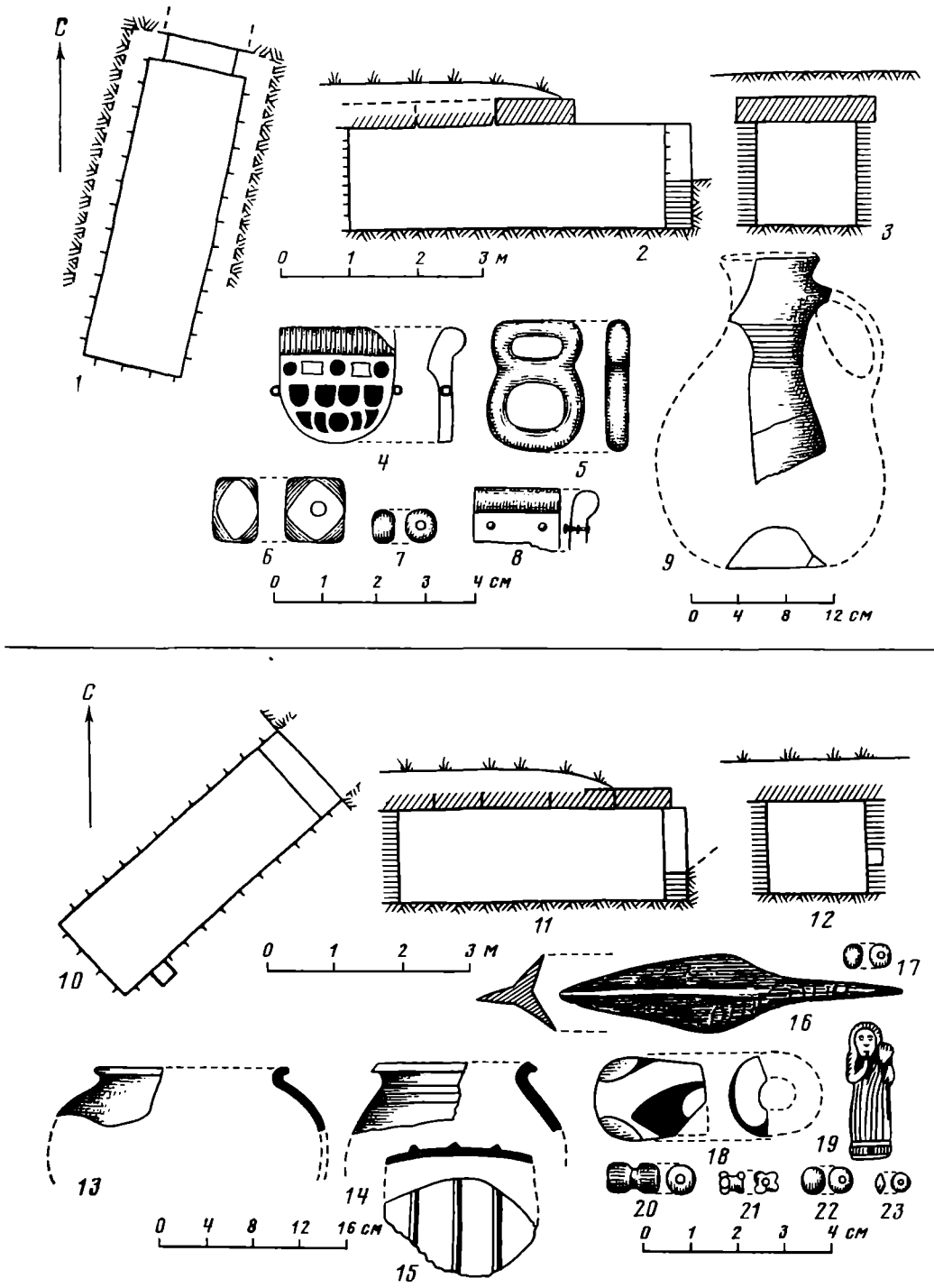


Рис. 1. Подземные склепы Пятигорья: *1—9* — склеп у горы Развалка; *10—23* — «Печеринский»; *1—3, 10—12* — схемы устройства склепов (косой штриховкой отмечены большие плиты, перпендикулярной — кладки из камня); *4—8* — золото (*4* — с вставками альмандинов и перламутра); *5* — бронза; *6* — яшма; *7, 18, 22* — паста; *9, 13—15* — глина; *16* — железо; *17* — сердолик; *19* — фаянс; *20, 21, 23* — стекло

ке ниша 30×36×31 *см*. Склеп перекрыт пятью плитами длиной 210—258, шириной 84—117 при толщине 25—42 *см*. Вход с северо-востока, сильно поврежден кладоискателями (рис. 1, *10*, *11*). При доследовании найдены остатки деформированного мужского черепа и отдельные кости, а от инвентаря обломки пяти керамических сосудов (рис. 1, 13—15), маленький кусочек стекла синего цвета с белой прожилкой, черенковый

железный трехперый наконечник стрелы (рис. 1, *16*), обломок узкой и плоской серебряной пластинки (0,8×3,2 *см*), остаток костяного стерженька, сердоликовая буса (рис. 1, *17*), две голубые фаянсовые фигурки Гарпократа (рис. 1, *19*), две пастовые бусы (рис. 1, *18*, *22*, одна с белыми пятнами и желтым зигзагом на черном фоне) и три стеклянных (рис. 1, *20, 21, 23*, двойная с позолотой, ребристая голубая и с желтыми шишечками на голубом). На дне склепа были древесные угли (сохранились на перекопанном участке ок. 60 *см*^{2}).

Корсунский склеп, находившийся у истоков р. Подкумка при впадении в нее речки Большая Корсунка (р. Фист), сильно поврежден при расширении дороги [3]. Длина усыпальницы 270 *см*, высота 88 *см*. Сложена из вертикально поставленных плит. Особенно пострадали восточная стенка, перекрытие и южная часть, в которой был вход (рис. 2, *1*, *2*). Женский скелет лежал на спине с вытянутыми конечностями головой на север и ногами к входу (рис. 2, *1*). Найдены следы двух совершенно разрушившихся керамических сосудов, зеркало из белого сплава (рис. 2, *3*), обломок железного ножа, две пастовые бусы (рис. 2, *7*, *10*, последняя темная), стеклянные (рис. 2, *4—6*, *2*, *9* — голубая и черная крупные, голубая со срезанными углами, трубчатая синяя), «священный скарабей» (рис. 2, *11*), кусочки смоловидного вещества и фрагмент бронзовой фибулы (рис. 2, *12*).

Аликоновские подземные склепы обнаружены в центральной части аликоновского катакомбного могильника № 2 у кисловодского озера [4]. От одного склепа сохранился только северо-западный угол. Судя по остаткам кладки склеп был ориентирован с востока на запад. Второй склеп сохранился почти полностью. Его длина 240, ширина 130, высота 130 *см*, ориентирован с востока на запад (рис. 2, *13*). Кладка без раствора. Ниш в стенках нет. Вход с востока поврежден при выборке камней. От плит перекрытия сохранилась одна на западной части (рис. 2, *14*, *15*). Рабочими переданы в кисловодский музей: железная плоская стрела (рис. 2, *16*), железная подвеска или остаток пряжки (рис. 2, *17*) и железный нож (рис. 2, *18*). При доследовании в склепе обнаружены только обломки человеческих костей, а в отвалах среди грунта — кусочки керамического сосуда.

Наиболее хорошо сохранились и интересны кугульские подземные склепы [5]. Возвышенность, которую местные жители называют горой Кугуль, находится в 2—2,5 *км* юго-западнее Кисловодска и состоит из глинистых песчаников, прикрытых тонким гумусным слоем (в среднем 20—25 *см*). Поэтому котлованы публикуемых склепов вырублены в песчанике. Склоны мыса, в нижней части довольно пологие, по мере подъема становятся все круче, местами доходят до 40—60°, а у вершины средней части мыса отвесны на высоту до 7 *м*. Именно эта средняя часть мыса превращена в небольшое укрепление площадью около 0,3 *га*. Для этого поперек мыса, средней шириной 25—27 *м*, в песчанике вырублены рвы на расстоянии около 120 *м* один от другого, за которыми еще и теперь сохранились руины двух башен и стен. Внутри укрепления имеются остатки небольших каменных строений, в слое грунта найдены обломки керамической посуды V—VIII вв., зола, древесные угли и разбитые кости животных. На юго-западном склоне мыса имеются два больших катакомбных могильника V—VIII вв. [6] В 20—25 *м* к северо-за-

[3] *Рунич А. П.* Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1973 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 5009.

[4] *Рунич А. П.* Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1975 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 5624; *его же.* Погребения V—VI вв. у Кисловодска.— АО — 1970. М., 1971. с. 125, 126.

[5] *Рунич А. П.* Кугульские склепы.— АО — 1975. М., 1976, с. 144, 145; *его же.* Ук. отчет за 1975 г.

[6] *Рунич А. П.* Аланские катакомбные могильники V—VIII вв. в г. Кисловодске и его окрестностях.— МАДИСО, т. II, 1969, с. 97—105.

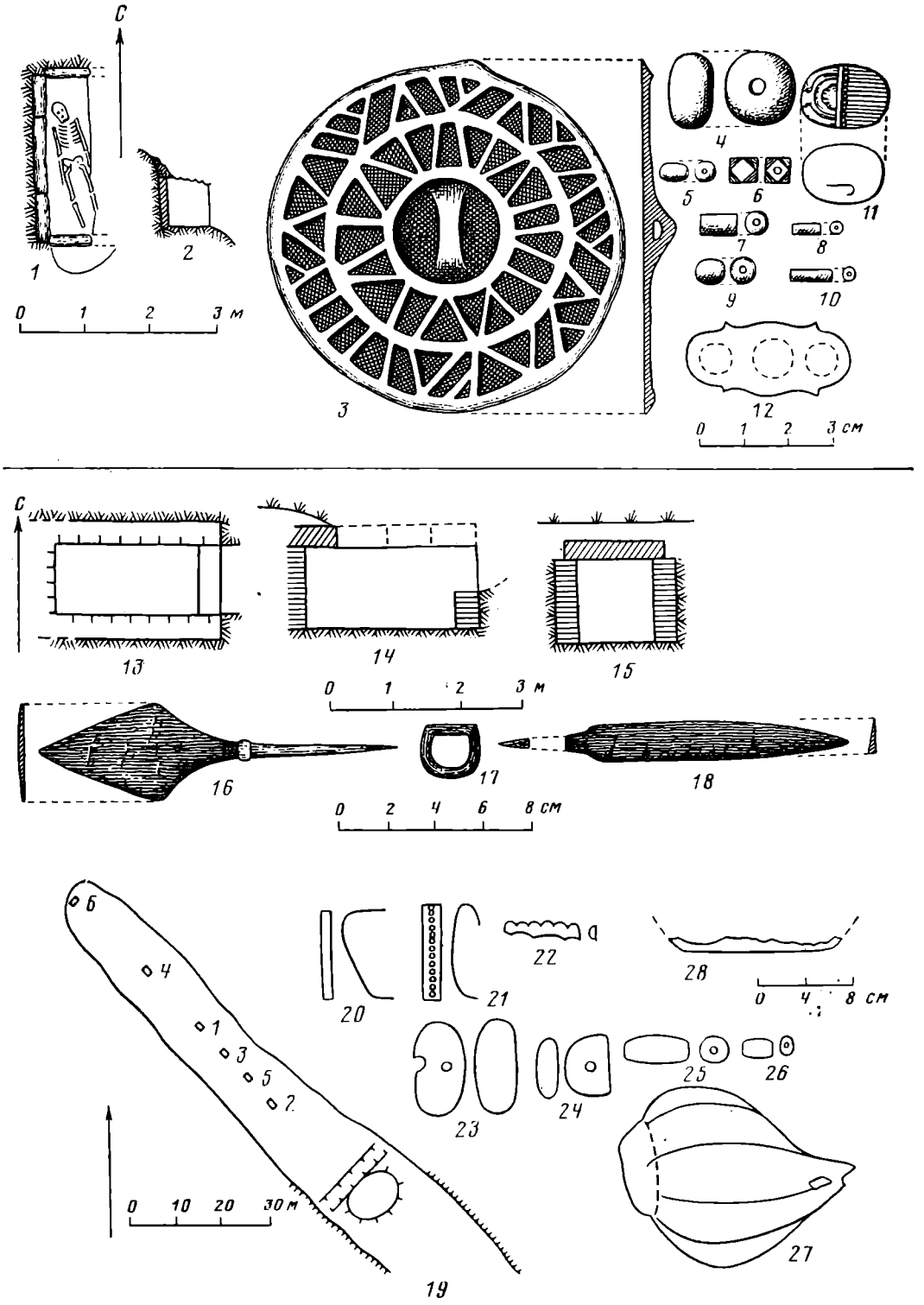


Рис. 2. Подземные склепы Пятигорья: *1—12* — Корсунский; *13—18* — Аликоновский № 2; *19* — схема расположения склепов на площадке горы Кугуль; *20—28* — западный кугульский склеп № 2; *3* — белый сплав; *4—10* — паста; *11* — скарабей; *12*, *21* — бронза; *16—18* — железо; *20*, *22* — серебро; *23—26* — янтарь; *27* — раковина; *28* — глина

паду от укрепления начинается западная группа подземных кугульских склепов. Все они расположены на почти горизонтальном гребне мыса площадью 80×15 *м* и вытянуты в ряд цепочкой с северо-запада на юго-восток (рис. 2, *19*).

Склеп 1 вырублен в песчанике, не имеет ни каменной кладки, ни ниш. Ориентирован с юго-востока на северо-запад. Юго-восточная стенка полукруглая (рис. 3, *1*). Перекрытие из плит сохранилось частично (рис. 3, *2*). Длина склепа 425 *см*, ширина 142, высота 135 *см*. С северо-запада сделан своеобразный дромос длиной 167, шириной 75 и глубиной 84 *см*. Лаз 50×75 *см*, заложенный сухой кладкой, находился на 85 *см* выше пола склепа (рис. 3, *2*, *3*). Сверху входной коридор перекрыт двумя плитами, на которых был слой грунта 15—20 *см*. На полу под входом лежали два деформированных черепа (мужской и женский). Остальные кости и инвентарь разбросаны по всему склепу. Сохранились следующие предметы: бронзовый наконечник стрелы, видимо, амулет (рис. 3, *4*), обломок железных удил (рис. 3, *5*), оказавшийся внутри женского черепа, часть железного предмета (рис. 3, *6*), бронзовая ногтечистка и копоушка (рис. 3, *7*), очевидно, часть фибулы с позолотой и стеклянной вставкой фиолетового цвета (рис. 3, *8*), арбалетовидная фибула (рис. 3, *9*), две стеклянные бусы (рис. 3, *10*, *11*), фрагмент керамического сосуда (рис. 3, *12*), разбитый сосуд довольно грубой работы на кольцевом поддоне (рис. 3, *13*) и керамический кружок в виде фишки диаметром 32 *мм*.

Склеп 2 размерами 255×135, высотой 141 *см*, вырублен в скале и ориентирован длинной стороной с юго-востока на северо-запад. Вход с северо-запада из шахты размером 102×105 *см*, глубиной 81 *см* (рис. 4, *1—3*). Размер лаза в усыпальницу 75×45 *см*. Вдоль всей западной стенки сделана лежанка шириной 73 и высотой 57 *см* (рис. 4, *1*, *3*). Она сложена из камней без раствора, а сверху выложена плитами и обмазана глиной. Под этим возвышением находилась большая ниша 72×72 *см*, высотой 45 *см* (на рис. 4, *1* отмечена пунктиром). Закрывавшие усыпальницу плиты были разбиты и свалены внутрь склепа. Нижняя часть стенок на высоту 70—75 *см* обложена плитами, поставленными вертикально, а выше сделана каменная кладка без раствора (рис. 4, *2*). В северо-восточной стенке находились три ниши. Две из них размерами 19×30 *см* и одна — 30×30 *см*. Никаких предметов в нишах не сохранилось.

Среди грунта и камней у дна склепа находились обломки человеческих костей и следующие предметы: разбитая керамическая чашка черного цвета без орнамента (рис. 4, *4*), дно диаметром более 12 *см* от крупного керамического сосуда, морская раковина, выступ от ножен меча или сабли из дерева, обложенный позолоченной серебряной фольгой с чешуйчатым орнаментом (рис. 4, *5*). Прибита эта обкладка маленькими бронзовыми гвоздиками (рис. 4, *6*), а их шляпки обложены листовым серебром. Здесь же находились различные украшения из бронзы (рис. 4, *7*, *15—17*), листового серебра (рис. 4, *8—13*), очевидно, амулет из зуба (рис. 4, *14*), гребень из слоновой кости (рис. 4, *18*), пряжки серебряная (рис. 4, *20*) и две бронзовые (рис. 4, *19*), железная пряжка с бронзовым язычком и серебряными заклепками (рис. 4, *21*), бронзовые украшения со стеклянными вставками (рис. 4, *15* — желтоватого; 4, *16* — красного и синего; 4, *17* — красного цвета), железная фибула (рис. 4, *22*), деталь от бронзовой фибулы (рис. 4, *23*), бронзовая «скалочка»-пуговица (рис. 4, *24*) и желтоватые стеклянные вставки (рис. 4, *25*, *26*). По полу склепа были разбросаны и различные бусы: одна из голубого египетского фаянса (рис. 4, *27*), две гагатовые (рис. 4, *28*, *29*), две пастовые (рис. 4, *30*, *32*, одна из них коричневая), гемма из сердолика (рис. 4, *33*), две сердоликовые бусы (рис. 4, *34*, *35*), шесть различных янтарных (рис. 2, *23—26*; 4, *31*, *36*, *37*), одна из которых была геммой (рис. 4, *37*), и 50 разных стеклянных (рис. 4, *38—43*; из них *39* — голубая, *40*, *43* — черные, *42* — синяя, *38*, *41* — ирризированные).

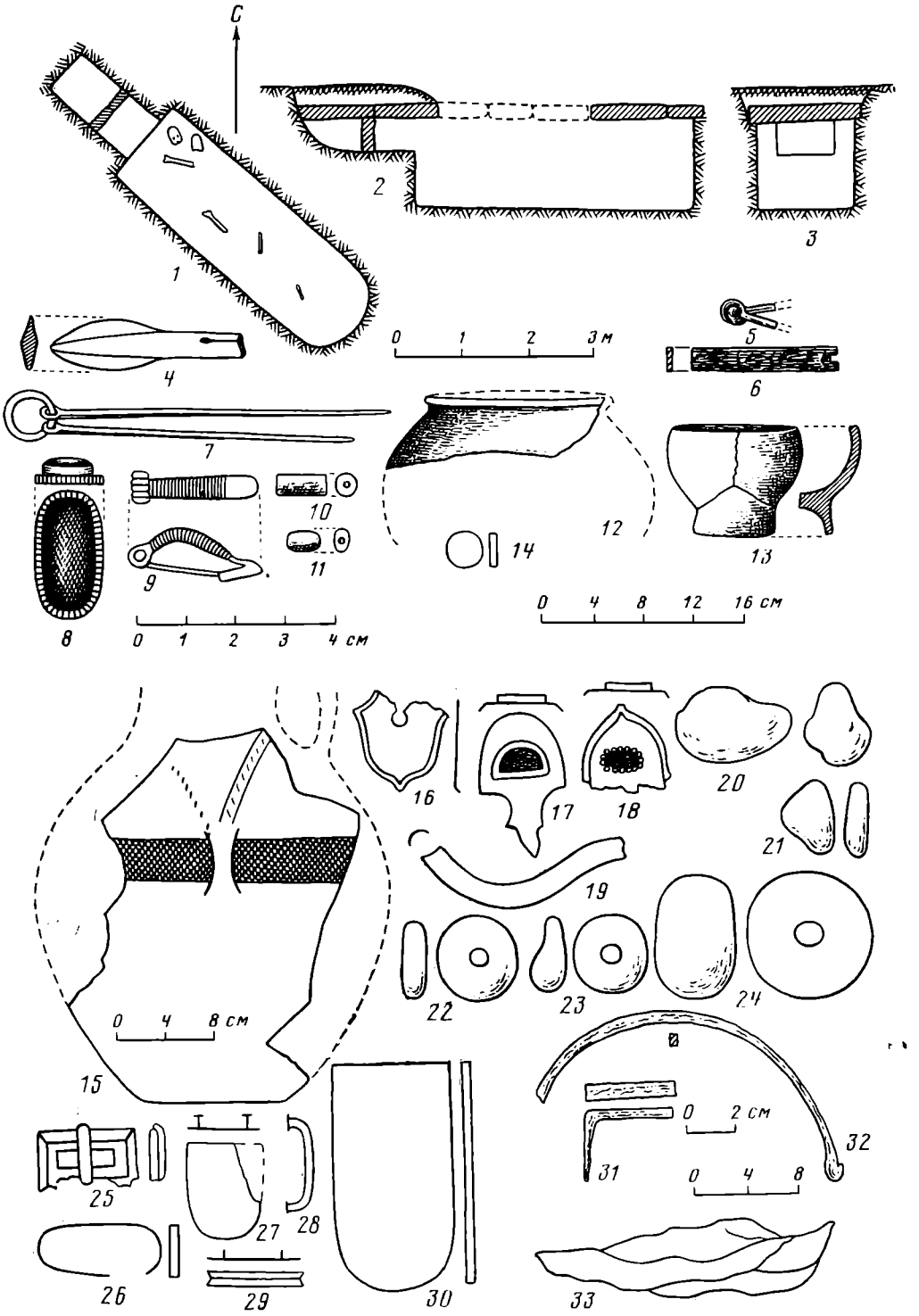


Рис. 3. Западные кугульские склепы: *1—14* — склеп № 1; *15—24* — № 5; *23—33* — № 3; *4*, *7—9*, *26*, *27*, *29*, *33* — бронза (*8* — с фиолетовым стеклом); *5*, *6*, *31*, *32* — железо; *10*, *11* — стекло; *12*, *13*, *15* — глина; *16—19*, *25*, *28*, *30* — серебро (*17*, *18* — с красными стеклами); *20*, *21* — смолистое вещество; *22—24* — янтарь

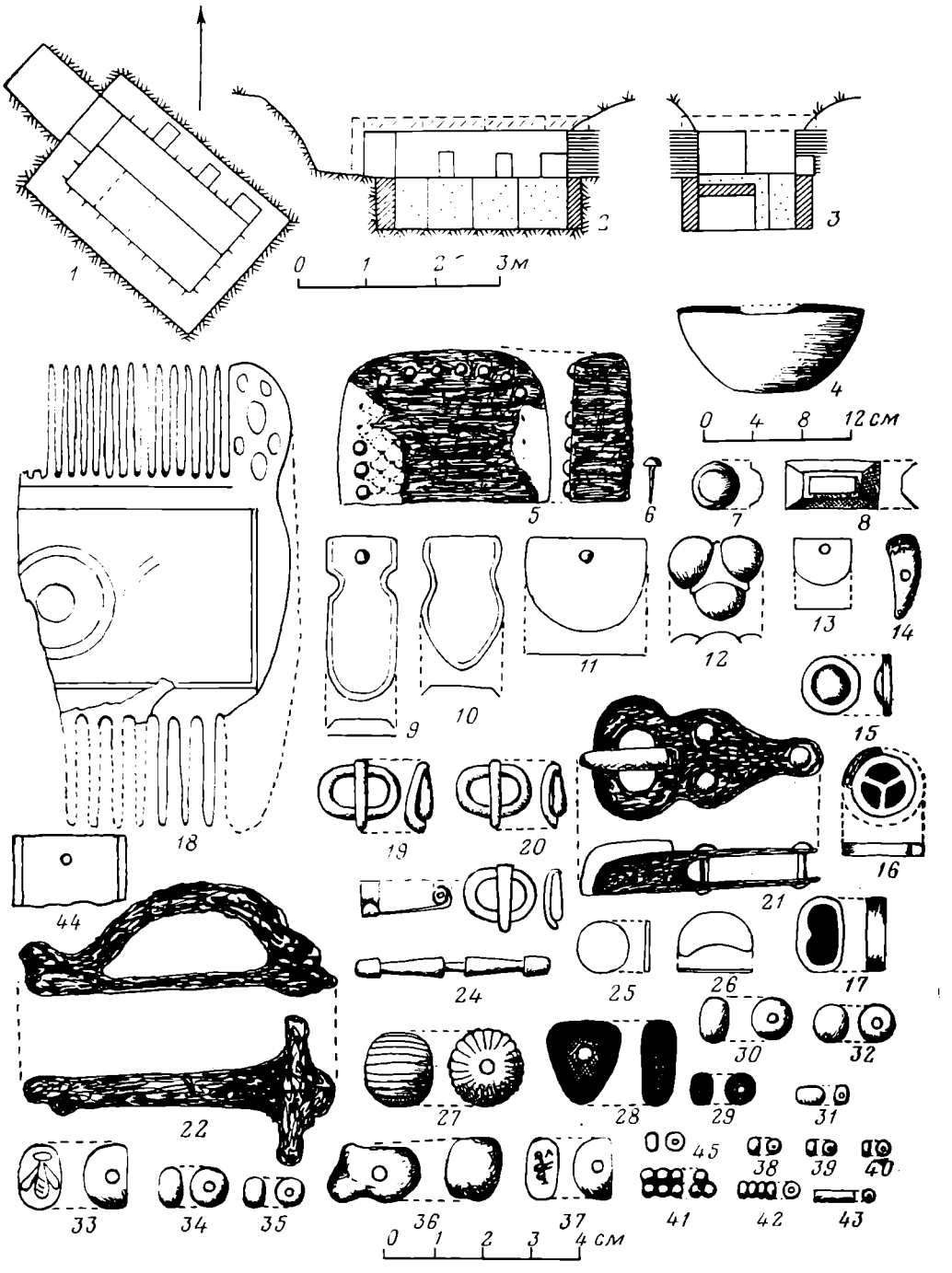


Рис. 4. Западный кугульский склеп № 2

4 — глина; *5* — дерево и позолоченное серебро; *6* — бронза с обкладкой шляпки серебром; *7*, *15—17*, *19*, *23*, *24* — бронза (*15—17* — со вставками стекла); *8—13*, *20* — серебро; *14* — зуб животного; *18* — слоновая кость; *21*, *22* — железо (*21* — с бронзовым язычком и серебряными заклепками); *25*, *26*, *38—43* — стекло; *27* — египетский фаянс; *28*, *29* — гагат; *31*, *36*, *37* — янтарь; *30*, *32* — паста; *33—35* — сердолик

Склеп 3 также вырублен в скале и стенки обложены каменной кладкой без раствора. От закрывавших плит на месте сохранились только две (рис. 5, *2*). Остальные просели и находились среди грунта, заполнявшего усыпальницу. Вход с тремя ступенями шел из шахты размером 72×64 *см*, глубиной 76 *см*, находившейся у северного угла усыпальницы (рис. 5, *1*, *2*). Лаз размерами 40×45 *см* закрывала плита. Могильное

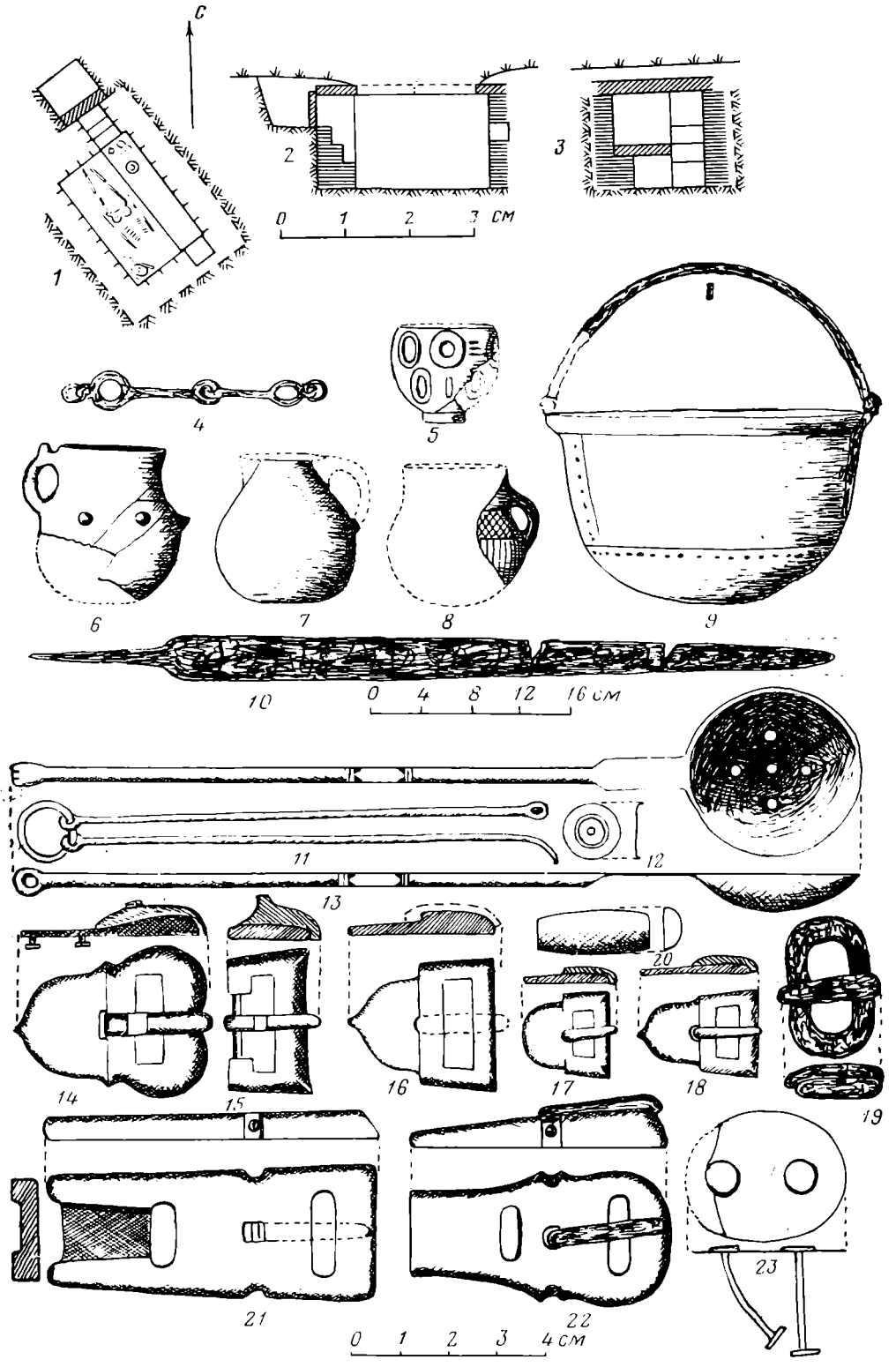


Рис. 5. Западный кугульский склеп № 3
4, *10*, *19* — железо; *5* — алебастр; *6—8* — глина; *9* — медь и железо; *11*, *15*, *16*, *23* — бронза; *12—14*, *17*, *18* — серебро; *20—22* — кость (*22* — с железом)

сооружение представляло собой прямоугольник 210×130 *см*, глубиной 140 *см*, ориентированный с юго-востока на северо-запад (рис. 5, *1*), пол обмазан глиной. В юго-восточной стенке, на высоте 70 *см* от пола, ниша 33×35×41 *см*. В ней находились остатки еды — кости барана и крупного рогатого скота. Вдоль всей юго-западной стенки устроена лежанка шириной 90 и высотой 63 *см*. Она сложена из камней без раствора, а сверху выложена плитами и обмазана глиной. На лежанке покоился мужской скелет с вытянутыми конечностями, головой на юго-восток, но без черепа (рис. 5, *1*). Его деформированный череп обнаружен в нише под лежанкой. На пояснице погребенного находились серебряная пряжка (рис. 5, *14*) и бронзовый предмет (рис. 5, *23*). На полу у входа в кучке лежали следующие предметы, поврежденные просевшей плитой: железные удила с восьмеркообразными концами и вдетыми в них кольцами (рис. 5, *4*), резной сосуд из алебастра (рис. 5, *5*); два разбитых керамических сосуда (рис. 5, *6*, *8*), раздавленный клепаный котел из листовой меди с железными ушками и такой же дужкой (рис. 3, *32*, *33*, его графическая реконструкция — рис. 5, *9*), сломанный и согнутый железный меч общей длиной 70 *см* без перекрестия на рукояти (рис. 5, *10*), один альчик и обломок железного предмета (рис. 3, *31*). Южнее этой кучки стоял еще один раздавленный керамический сосуд (рис. 5, *7*) и были разбросаны две бронзовые пряжки (рис. 5, *15*, *16*), две серебряные (рис. 5, *17*, *18*), одна железная (рис. 5, *19*), две костяные с железным язычком (рис. 5, *21*, *22*) костяной предмет (рис. 5, *20*), различные украшения из серебра (рис. 3, *25*, *28*, *30*; 6, *12*, *13*, *18*, *20—30*, *37*; наконечник 18 имел еще нижнюю сплошную пластинку), бронзы (рис. 6, *6*, *17*, *19*, *31*) и бронзовые со стеклянными вставками (рис. 6, *33—35*; из них *35* — с шестью красными треугольниками, синим прямоугольником и двумя кружками; *33* и *34* — с бесцветным стеклом).

В южном углу, на лежанке, находился женский череп и другие кости, которые, очевидно, сдвинули туда при повторном захоронении. Среди этих костей были позолоченные украшения со стеклянными вставками (рис. 6, *9—11*), железный конический предмет с бронзовым навершием в виде болта (рис. 6, *2*), второй такой же оказался на полу склепа. К западной стенке были прижаты серебряная ложечка-цедилка (рис. 5, *13*), бронзовая копоушка и ногтечистка на общем колечке (рис. 5, *11*), фигурка человека из листового серебра с хорошо выраженным покроем одежды (типа черкески), но голова фигурки не сохранилась (рис. 6, *3*). Здесь же находился серебряный туалетный флакончик, поврежденный просевшей плитой (рис. 6, *1* — предположительная реконструкция), различные бронзовые украшения со стеклянными вставками (рис. 6, *5*, *14*, *32*) и без них (рис. 3, *27*, *29*; 6, *7*, *16*, *36*), серебряные бляшки (рис. 5, *12*) и стеклянная вставка (рис. 6, *8*). У южной стенки на ребре стояло зеркало из белого сплава (рис. 6, *15*) и лежал серебряный пинцет (рис. 6, *4*). На полу лежанки и особенно под входом было много древесного угля.

Склеп 4 аналогичен предыдущему по устройству и так же ориентирован (рис. 7, *1*). Вход из шахты 112×65 *см*, глубиной 90 *см*, сделан в северо-западной стенке. Из шахты шел входной проем длиной 65, шириной 67, высотой 49 *см*. Стенки его из каменной кладки без раствора. Лаз со стороны шахты заложен плоским камнем, а сверху накрыт плитой 90×60×12 *см* (рис. 7, *2*). Усыпальницу перекрывали три плиты длиной 98—120, толщиной 10—25 *см*; ширина плит различна: 118, 92, 156 *см*. На этих плитах лежал грунт слоем 10—25 *см*, который сливался с поверхностью возвышенности (рис. 7, *2*, *3*). Длина усыпальницы 350 *см*, ширина у входа 69, в середине 102 *см*, у юго-восточной стенки 80 *см* и высота 130 *см*. Стенки обложены камнями без раствора. Толщина стенок 25—30 *см*. Вдоль западной стенки устроена лежанка длиной 205, шириной 55 и высотой 27 *см* (рис. 7, *13*). Она сложена из камней без

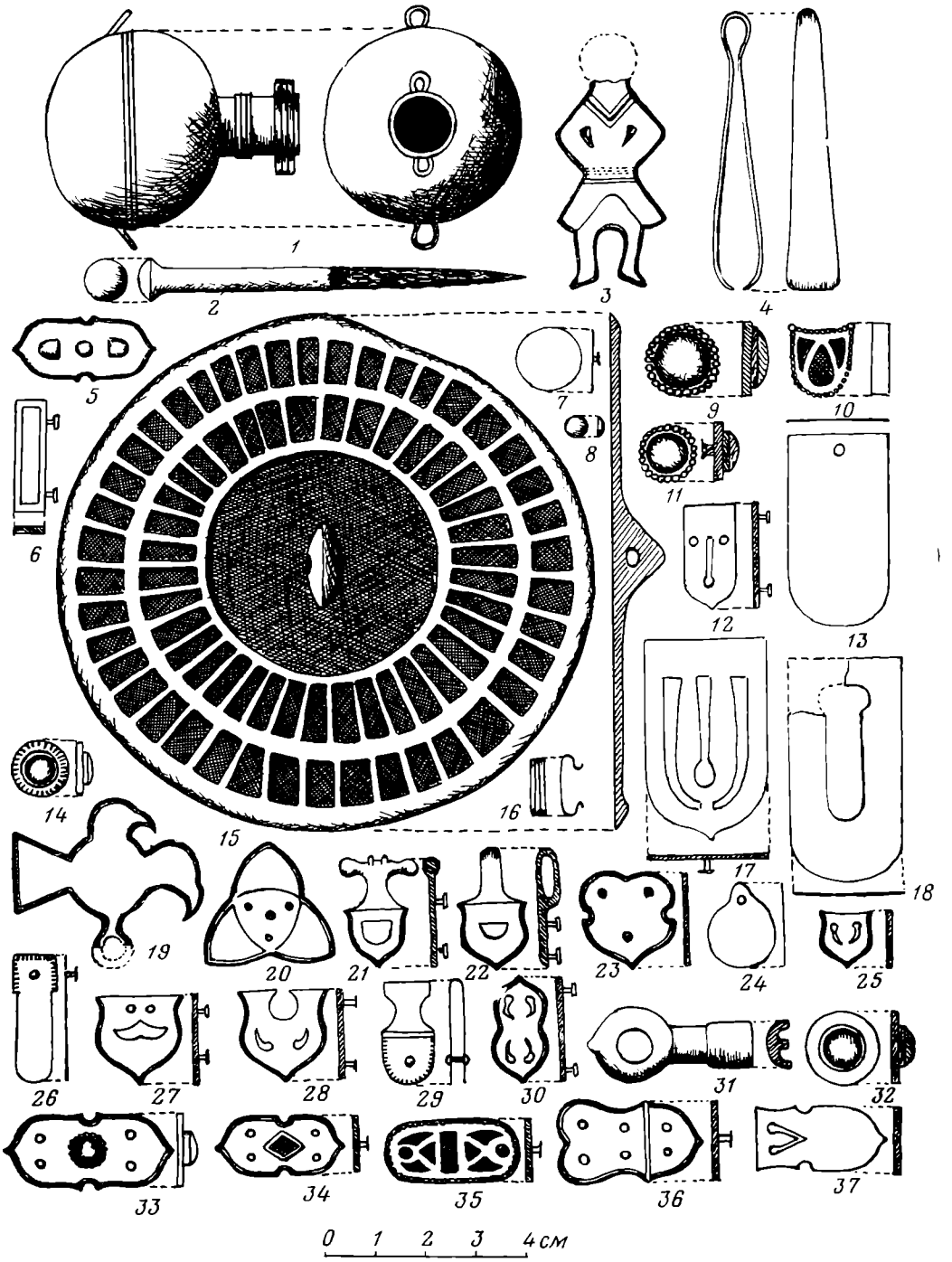


Рис. 6. Западный кугульский склеп № 3 (продолжение)
1, *3*, *4*, *12*, *13*, *20—30*, *37* — серебро; *2*, *5—7*, *14*, *16*, *17*, *19*, *31—36* — бронза (*2* — с железом, *5*, *14*, *32—34* — с желтоватым стеклом; *35* — с синим и красным); *8* — желтоватое стекло; *9—11* — позолоченный металл со стеклом (*11* — синим, прочее ирризировано); *15* — белый сплав

раствора, а сверху выложена плитами и обмазана глиной. Под южной частью этого возвышения сделаны две ниши 40×30 *см* и 26×28 *см*, обе высотой 14 *см* (на рис. 7, *1* обозначены пунктиром).

Несмотря на целое перекрытие и заложенный вход, склеп оказался ограбленным и полностью заполненным грунтом. На ложе, у западной стенки, сохранился железный меч с длиной клинка 75 *см*, шириной 5 *см* и массивным железным перекрестием на рукояти (рис. 7, *22*). На

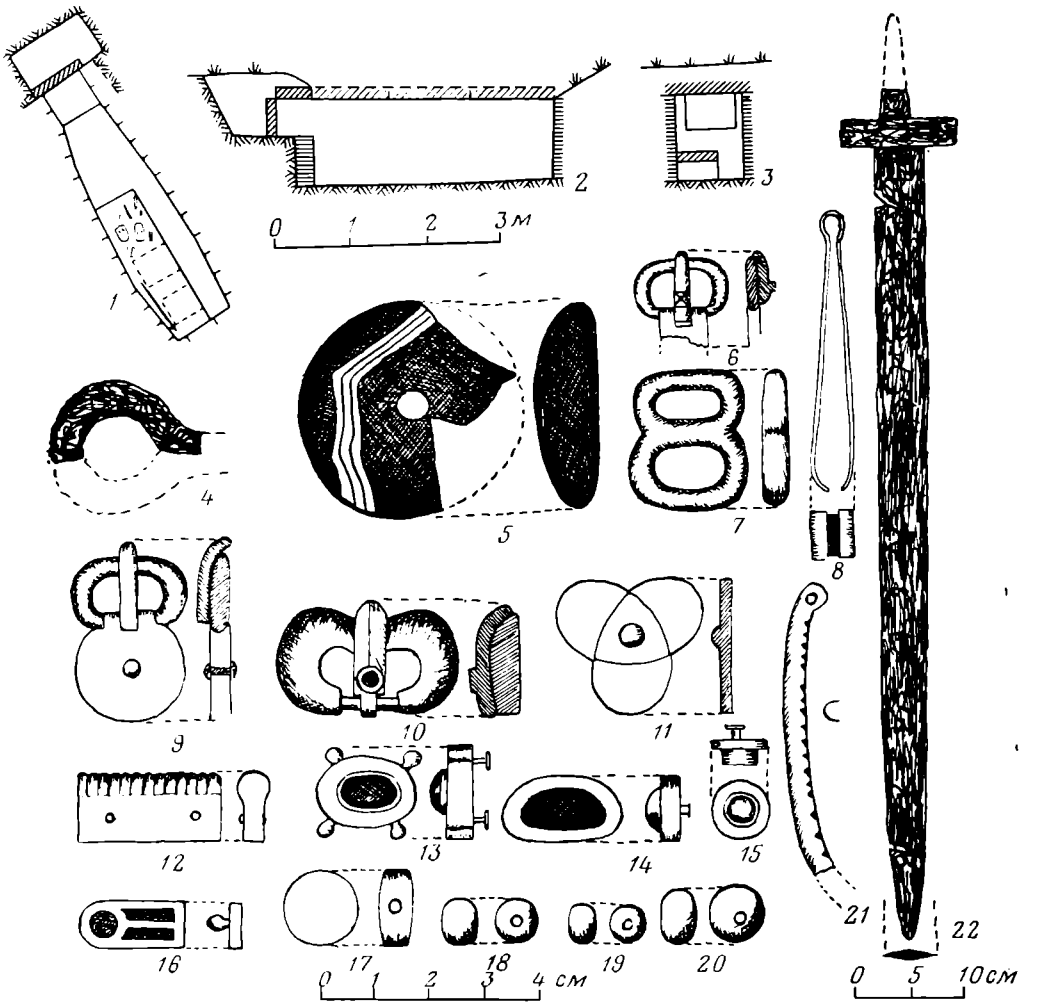


Рис. 7. Западный кугульский склеп № 4
4, *22* — железо; *5* — стекло коричневое с белой линией; *6*, *7*, *10*, *12—16* — бронза; (*13—16* — с красным стеклом); *8*, *9*, *11*, *21* — серебро; *17—19* — сердолик; *20* — синяя паста

северной части лежанки были два деформированных черепа (мужской и женский). Остальные кости и инвентарь разбросаны по всему склепу. Кости свиньи, окрашенные окисью меди, как можно предполагать, они были в медном котле, от которого уцелела только часть железной дужки. Кроме этого обнаружен обломок железных удил (рис. 7, *4*), мелкие кусочки сосудов из очень тонкого белого стекла, большая стеклянная буса или прясло (рис. 7, *5*), две бронзовые пряжки (рис. 7, *6*, *10*), пряжка из серебра (рис. 7, *9*), бронзовая подвеска (рис. 7, *7*), наконечник ремня из бронзы (рис. 7, *12*), бляшка из серебра (рис. 7, *11*), украшения со стеклянными вставками (рис. 7, *13—16*), фрагмент наконечника ножен меча из серебра (рис. 7, *21*), три сердоликовые бусы (рис. 7, *17—19*) и одна пастовая (рис. 7, *20*). В нише под лежанкой обнаружены серебряные щипчики (рис. 7, *8*). На всей площади пола и лежанки встречались древесные угли.

Склеп 5 и шахта входа вырублены в скале (рис. 8, *1*). Вход с северо-запада из наклонной шахты длиной 105 *см*, шириной 75 и глубиной у лаза 104 *см* (рис. 8, *12*). Длинные стенки шахты обложены каменной кладкой без раствора, а вход закрывала плита 81×64×1×15 *см*. От перекрывавших склеп плит уцелела только одна 177×63×21 *см*. Длина мо-

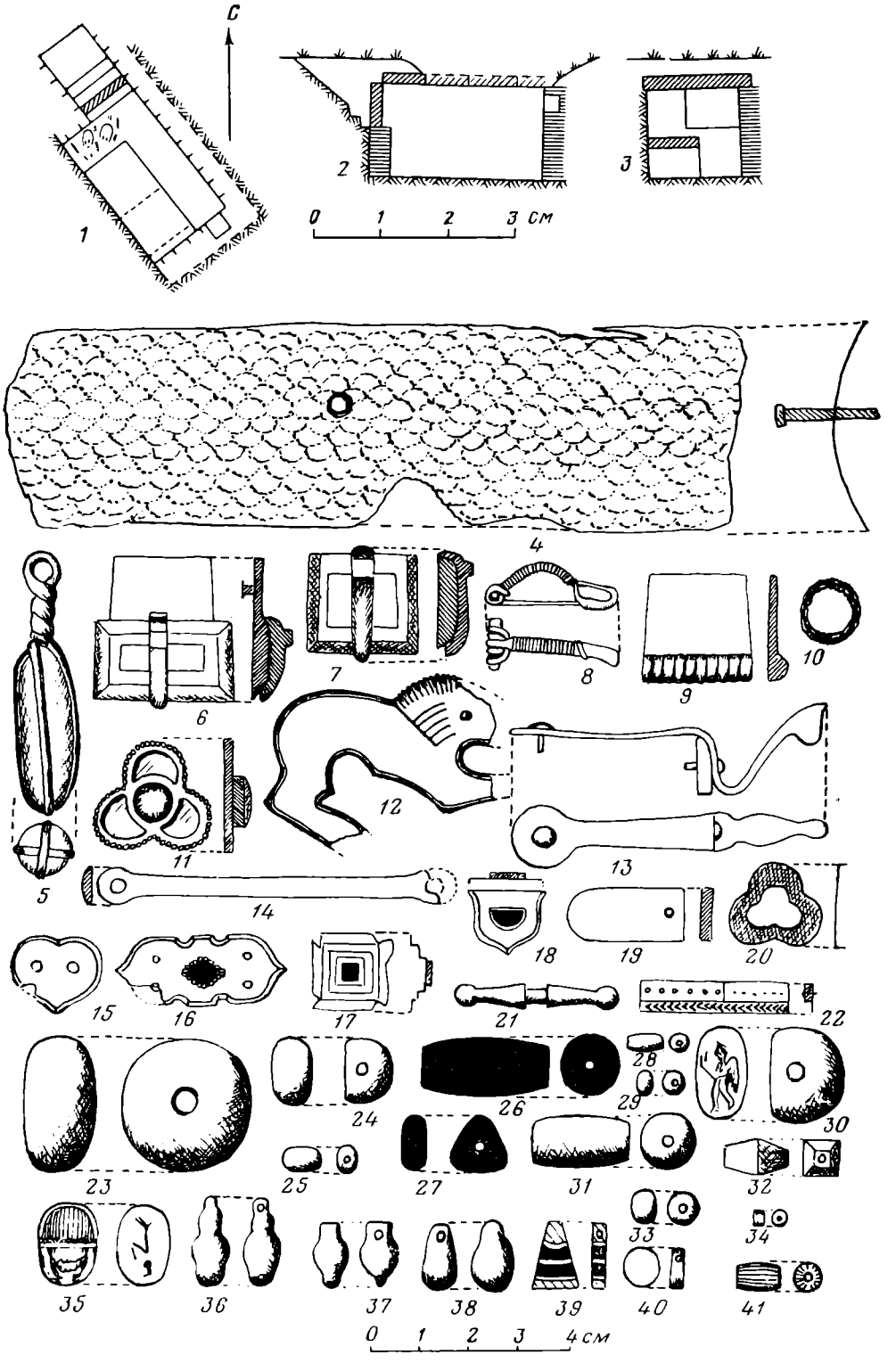


Рис. 8. Западный кугульский склеп № 5

4, *9*, *12*, *15—20* — серебро (*4* — с бронзовым гвоздем; *16—18* — с красным стеклом); *5* — хрусталь и бронза; *6—8*, *13*, *21* — бронза; *10* — железо; *11* — позолоченный металл со стеклом; *14* — кость; *23—25* — янтарь; *26—27* — гагат; *28—32* — сердолик; *34*, *41* — паста; *35* — скарабей; *36—40* — стекло

гильного сооружения 240 *см*, ширина 138 и высота 139 *см*. Три стенки обложены каменной кладкой без раствора, а юго-западная состояла из отесанной скалы. В юго-восточной стенке, на высоте 104 *см*, сделана ниша 24×21×24 *см*. Вдоль юго-западной стенки находилась лежанка длиной 187, шириной 81 и высотой 48 *см*, под которой устроена ниша 81×82 *см* и высотой 38 *см* (рис. 8, *2*, *3*). Никаких предметов в нишах не сохранилось. На полу, в западном углу склепа, лежали два деформированные черепа и другие кости, сваленные в кучу.

Среди костей и грунта были следующие вещи: серебряная пластинка с чешуйчатым орнаментом и бронзовым «болтиком» посредине (рис. 8, *4*), подвеска из черного хрусталя в бронзовой оправе (рис. 8, *5*), две бронзовые пряжки (рис. 8, *6*, *7*), арбалетовидная бронзовая фибула (рис. 8, *8*), бронзовая «скалочка»-пуговица (рис. 8, *21*), украшения из листового серебра (рис. 8, *16*, *19*; *8*, *9*, *15*, *19*, *20*), серебряная фигурка льва (рис. 8, *12*), позолоченное украшение с красноватой стеклянной вставкой (рис. 8, *11*), серебряные украшения с вставками из красного стекла (рис. 3, *17*, *18*; 8, *16—18*), обрывки позолоченной фольги с орнаментом, прибитые очень маленькими бронзовыми гвоздиками к канту из органического вещества (рис. 8, *22*), костяная пластинка (рис. 8, *14*), бронзовый предмет (рис. 8, *13*), обрывки кольчуги из железных колечек диаметром 15 *мм* (рис. 8, *10*), два кусочка смоловидного вещества (рис. 3, *20*, *21*) и створки морской раковины. Здесь же найдены обломки от большого керамического сосуда с боковой ручкой (рис. 3, *15*) и бусы: янтарные (рис. 3, *22—24*; 8, *23—25*), гагатовые (рис. 8, *26*, *27*), ребристая желтая, пастовая (рис. 8, *41*), «священный скарабей» (рис. 8, *35*), стеклянные бусы (рис. 8, *34*, *36—40*; с позолотой, коричневая, серая ирризированная, с оранжевыми, белыми и черными полосками, голубая плоская) и сердоликовые (рис. 8, *28—33*), на одной из которых изображен человек с крыльями на спине (рис. 8, *30*). На полу склепа прослежена прослойка из древесного угля.

Склеп 6 особенно повредили грабители: перекрытие не сохранилось, верхняя часть стенок разобрана. Длина усыпальницы 295, ширина 108 *см*, сохранившаяся высота стенок 115 *см*. Она ориентирована длинной стороной с северо-востока на юго-запад. В юго-восточной стенке ниша 30×24×21 *см*. Вход шириной 89 *см* с северо-востока, его верхнюю часть разрушили кладоискатели. Следов лежанки нет. У западной стенки находился разбитый человеческий череп и обломки костей. Инвентарь в склепе не сохранился, но среди грунта, выброшенного из него, были найдены: мелкие обломки от трех керамических сосудов (два с шишечками, третий с линейно-волнистым орнаментом), два от тонкостенных стеклянных, фрагмент венчика сосуда из мозаичной стекловидной пасты (рис. 9, *1*), обломок зеркала (рис. 9, *24*) и часть железного ножа.

В 50—60 *м* на юго-восток от укрепления на гребне того же мыса находилась вторая группа подземных склепов (восточная) [7]. Эти ограбленные склепы, вырубленные в скале, доследовал Н. Н. Михайлов. Склеп 1 длиной 318, шириной 120, высотой 105 *см* ориентирован длинной стороной с северо-запада на юго-восток (рис. 9, *2*). Стенки склепа обложены камнями без раствора. Накрыт он пятью плитами длиной 140—160, шириной 80—120 и толщиной 15—30 *см*. Вход, разрушенный грабителями, с северо-запада. Следов лежанки нет. В северо-восточной стенке две ниши (17×20 *см* и 20×25 *см*, а в юго-западной одна размером 24×20 *см*) (рис. 9, *2*, *4*). В склепе сохранились только: обломки человеческих костей, железная пряжка с серебряным щитком (рис. 9, *5*), бронзовая арбалетовидная фибула (рис. 9, *8*), кусочек золотой фольги, украшения из серебра (рис. 9, *6*, *7*) и обломок ложечки-цедилки.

---

[7] *Рунич А. П.* Склепы раннего средневековья из района Пятигорья.— Тезисы V Крупновских чтений по археологии Кавказа. Махачкала, 1975, с. 82.

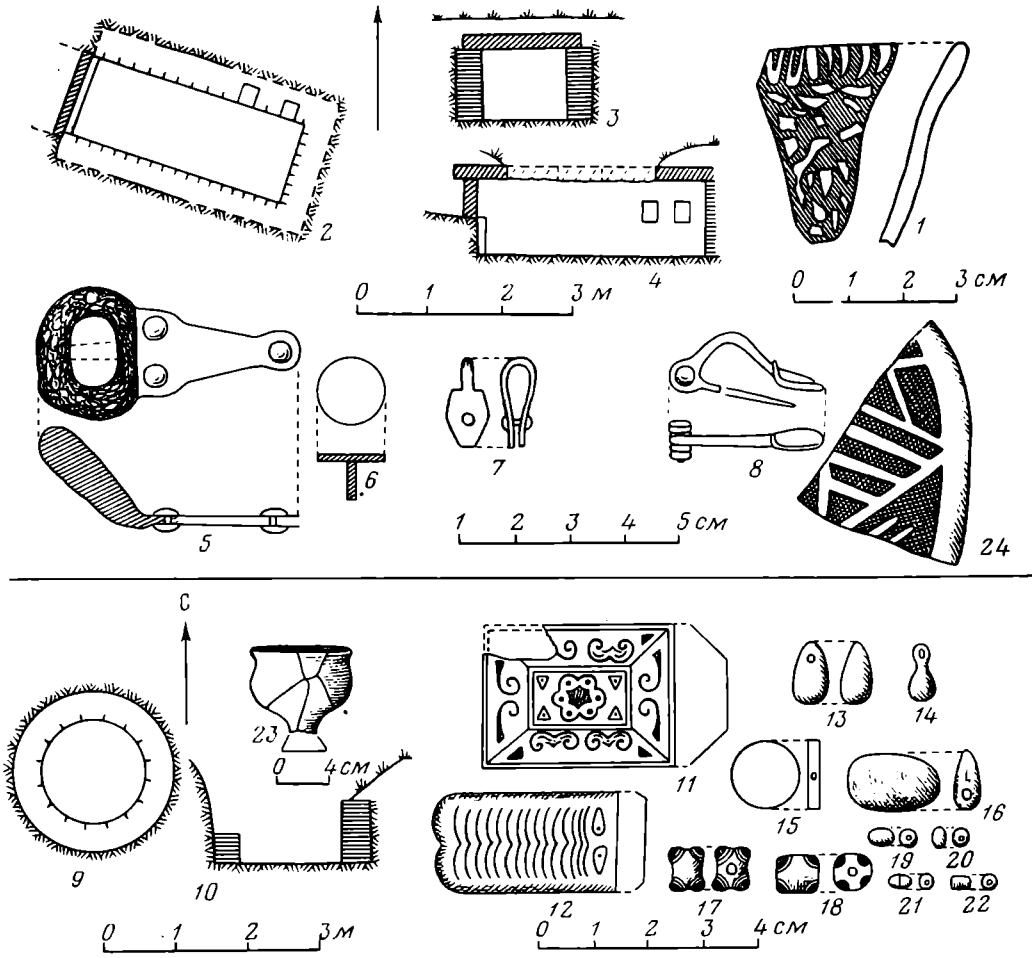


Рис. 9. Кугульские склепы: *1*, *24* — западный № 6; *2—23* — восточные № 1 (*2—8*) и № 2 (*9—23*); *1* — мозаичное стекло; *5* — железо и серебро; *6*, *7*, *11*, *12* — серебро (*11*, *12* — позолоченное); *8*, *14* — бронза; *13* — хрусталь; *15* — перламутр; *16* — янтарь; *17*, *18* — паста; *19*, *20* — сердолик; *21—23* — стекло

Склеп 2 имел вид неправильного круга средним диаметром 156 *см* (рис. 9, *9*). Обкладка стен толщиной 30—40 *см* сложена из камней без раствора. Наибольшая сохранившаяся высота стенок 98 *см* (рис. 9, *10*). Где был вход, выяснить не удалось. У дна находились обломки человеческих костей и следующие предметы: серебряные украшения с позолотой (рис. 9, *11*, *12*), каплевидные бусы из горного хрусталя (рис. 9, *13*), стекла (рис. 9, *21*, *22*), перламутра в виде таблеток (рис. 9, *15*), сердолика (рис. 9, *19*, *20*), янтаря (рис. 9, *16*) и две пастовые глазчатые (рис. 9, *17*, *18*). Здесь же была литая бронзовая пуговица в виде бубенчика (рис. 9, *14*), пять серебряных позолоченных индикаций с византийской монеты Тиверия III (698—705) [8] и фрагмент рюмки из желтоватого стекла (рис. 9, *23*). Склеп 3 также круглый, диаметром 105 *см*. Сохранившаяся высота обкладки стен всего 30—40 *см*. У дна найдены только обломки человеческих костей и две бронзовые сферические бляшки диаметром 0,8 *см*.

Датировка исследованных подземных склепов устанавливается по находкам. Золотое украшение с вставками из альмандинов и перламутра (рис. 1, *4*) из Развальского склепа № 1 аналогично такому же предме-

[8] *Ртвеладзе Э. В., Рунич А. П.* ВВ, № 32, 1971, с. 221, рис. 1, *9*, *10*.

гу из катакомбного могильника V—VI вв. у Кисловодска [9]. К V—VI вв. относятся также склепы Печеринский, Корсунский и Аликоновские (предметы рис. 1, *5*, *6*, рис. 2, *3*, *12* и черепок из Аликоновки имеют аналогии в таких памятниках этого времени, как Байтал-Чапкан и катакомба № 1 в «Мокрой Балке»). Дальше сооружались кугульские склепы. Железная пряжка с серебряным щитком (рис. 9, *5*) из восточного кугульского склепа № 1 имеет аналогии V—VI вв. в материалах из Байтал-Чапкана и Тырнфазского склепа, не противоречит этой дате и фибула (рис. 9, *8*) [10]. В других кугульских склепах многие вещи также имеют аналогии V—VI вв.: клепаный котел из листовой меди (рис. 5, *9*), железная пряжка с бронзовым язычком (рис. 4, *21*), оковка конца ножен меча (рис. 7, *21*), глиняные сосуды (рис. 4, *4*; 5, *5*, *6—8*) [11]. Чешуйчатый орнамент на пластинках (рис. 4, *5*, *8*), известен не только в степных памятниках гуннского времени, но и в могильниках Байтал-Чапка, № 1 у Лермонтовской скалы и др. [12] Однако в склепах 2—5 им сопутствуют более поздние вещи. Серебряные фигурки человека и льва (рис. 6, *3*; 8, *12*) аналогичны найденным у ст. Преградной на Урупе, отнесенным Т. М. Минаевой к VI в. [13] Ряд пряжек (рис. 4, *20*, *21*; 5, *14—18*), серебряных и бронзовых поясных украшений (рис. 4, *7*, *12*; 5, *12*; 6, *9*, *11*, *25*, *26*, *27*), из западных кугульских склепов 2—5 тождественны пряжкам и поясным украшениям из катакомб в «Мокрой балке», которые датируются найденными там монетами и индикациями VI—VII вв.[14] Совершенно аналогичными оказались фибулы с птичьими головками из склепа 3 (рис. 6, *19*) и из «Мокрой балки» [15]. Наконец, восточный склеп 2 надежно датируется временем позднее 698 г., вероятней всего серединой VIII в., по индикации монеты Тиверия III (698—705 гг.). Следовательно, захоронения в склепах Пятигорья производились длительное время (с IV—V до середины VIII в.) параллельно с погребениями в катакомбах, скалах и с подбоями.

В районе Пятигорья подземные склепы разбросаны поодиночке и группами до шести в одном месте. Основное их число сосредоточено в кисловодской котловине. Они устраивались на возвышенных и видных местах, часто над катакомбными могильниками того же времени, иногда у самого укрепления (кугульские склепы), а Аликоновские — на территории катакомбного могильника.

Верх каменного перекрытия над склепами всегда находился на 15—30 *см* ниже поверхности возвышенности, покрыт землею и никаких внешних признаков наличия здесь склепов не было. В стенках усыпальниц делались ниши, обычно размерами 25×20 *см* и глубиной 20—30 *см*. В западных кугульских склепах для умершего устраивалось возвышение в виде лежанки с большой нишей под ней. Ориентация находящихся в районе Пятигорья подземных склепов по странам света меняется на разных могильниках, как и направление входов, но входы сделаны всегда только в короткой стенке. Судя по сохранившимся неповрежденным ске-

---

[9] *Афанасьев Г. Е., Рунич А. П.* Могильник № 1 у Лермонтовской скалы близ Кисловодска.— СА, 1970, № 4, рис. 2, *1*.

[10] *Минаева Т. М.* Могильник Байтал-Чапкан.— МИСК, вып. 2—3, 1950, рис. 3, *5*; 12, *в*; 24, *ж*; *Кузнецов В. А.* Аланские племена Северного Кавказа.— МИА, 1960, № 106, с. 79, рис. 25, *7*.

[11] *Кузнецов В. А.* Аланские племена, рис. 3А, *1*, *9*, *12*. Находки индикаций византийских монет близ Кисловодска.

[12] *Werner J.* Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München, 1955, Taf. 24; *Минаева Т. М.* К истории алан верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971, рис. 35, *4*; *Афанасьев Г. Е., Рунич А. П.* Ук. соч., рис. 2, *6*.

[13] *Минаева Т. М.* Находки близ ст. Преградной на р. Урупе.— КСИИМК, № 68, 1957, с. 133—137.

[14] *Рунич А. П.* Аланский могильник в «Мокрой балке» у г. Кисловодска. МАДИСО, т. III, 1975, рис. 3, *9*, *10*, *14*, *15*, *17*, *23*; 4, *7*, *9*, *53*, *55*.

[15] Там же, рис. 3, *31*.

летам, погребенные, лежали на спине с вытянутыми конечностями, ноги к входу (рис. 2, *1*; 5, *1*), а количество погребенных в одном склепе не превышало двух человек (обычно мужчина и женщина). В прямоугольных склепах все сохранившиеся черепа были с башенной деформацией. На полу и под погребенными находилась подстилка из древесного угля.

Захоронения в склепах на рассматриваемой территории Северного Кавказа встречаются редко, составляя с всего 1,6% от общего количества захоронений раннего средневековья (в катакомбах, в скалах и с подбоями). Инвентарь из склепов довольно близок, иногда почти синхронен катакомбному и из скальных захоронений, но значительно богаче. Так, почти не встречаются в катакомбах и в скальных захоронениях оружие, доспехи, удила, геммы, украшения из благородных металлов и т. д.

Трудоемкость, а следовательно, и стоимость сооружения подземных склепов были значительно выше, чем катакомб, скальных могил и подбойных. Так, кугульские склепы вырубались в песчанике с объемом вынутой скальной породы из одного склепа до 9 $м^3$. Кроме того, стенки усыпальниц обкладывались обработанными камнями. Перекрытия состояли из 3—6 плит, весом до 2 $т$ в одной плите. Такие плиты нужно было выломать из скалы, обработать, доставить из места заготовки на высокий гребень мыса и т. д.). Очевидно, что захоронения в описанных склепах принадлежали не рядовым обитателям, а только богатой и скорее всего правящей верхушке общества.

Наличие в этом районе Северного Кавказа одновременных различных типов погребальных устройств, очевидно, было связано с тем, что аланы не являлись единым этническим и культурным объединением, а состояли из ряда различных племен, покоренных аланами и объединенных одним именем победителей.

Приняв название «алан» и общую материальную культуру, древние обитатели сохранили свои различные типы погребальных сооружений, которые оказались особенно стойкими и консервативными. Люди, соблюдавшие эти различные погребальные обряды, жили вместе в одном и том же поселении. Ведь только в этом случае на территории одного могильника могли возникнуть одновременные захоронения в катакомбах с подбоями и в склепах, примером чего, например, являются могильники Аликоновский № 2, у Острого мыса и т. д. [16]

A. P. Runich

THE EARLY MEDIEVAL VAULTS OF THE PYATIGORSK REGION

Summary

In the IVth — VIIIth centuries in the Pyatigorsk area besides burials in catacombs, graves with niches and graves in sheer rocks there existed burials in underground vaults without any signs on the surface. Burial vaults were made in pits, edged by slabs or stones without mortar, covered by slabs with earth above them. Sometimes a stone stove-couch was made for the dead, with niches in its walls and base. A pit and a hole in the narrow end served as entrances to the vault. One ar two skeletons frequantly with deformated skulls were buried in each vault. The majority of vaults is robbed. Among contemporary burials vaults were marked by extraordinally rich furniture: swords, arrowheads, coppers, glass vessels, horse's equipment, fragments of belts etc. Many silver and bronze articles are decorated by coloured glass. Grave furniture establishes the date of vaults — the Vth — VIIth centuries. Five silver plates with imprints of Byzantine coin of Tiberius III (698 — 705) were found in the latest vault. The coexistance of different types of burial constructions in the Pyatigorsk area indicates complex ethnic character of the population, that left them.

[16] В заключение приношу большую благодарность М. А. Гуськову за помощь, оказанную им в исследовании публикуемых памятников.

Д. А. ДРБОГЛАВ, В. В. ШИЛОВ

НАДГРОБИЯ ИНОЗЕМЦЕВ ИЗ СЕРПУХОВА

Осенью 1973 г. при реставрационных работах архитектора Н. Н. Свешникова в трапезной серпуховского Владычного монастыря им было найдено два немецких надгробия XVI в.[1] Они находились под полом XVIII—XIX вв., устроенным поверх древнего, куда попали, возможно, с монастырского кладбища[2].

До настоящей находки было известно значительное число надгробий XVI в. с латинским алфавитом, найденных в Москве. Часть из этих надписей можно использовать как сравнительный материал при изучении

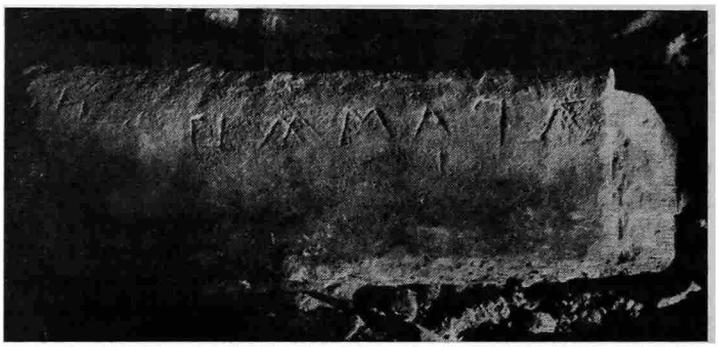


Рис. 1. Профилированный валик с греческой надписью

серпуховских находок. Сюда можно отнести надписи, или имеющиеся в фотографиях, или хранящиеся в музеях: два надгробия, кратко описанные В. Н. Щепкиным[3], два — описанные Ю. М. Золотовым, который затронул ряд важных вопросов, касающихся надгробий иноземцев[4] (три

[1] Серпуховский историко-художественный музей (далее СИХМ), № 10583, 10584. О первом надгробии уже упомянуто в литературе: *Шилов В. В.* Эпиграфические находки в Серпухове.— АО — 1974. М., 1975, с. 89.

[2] Там же найден с надписью профилированный валик (СИХМ, № 10728), согласно расчетам Н. Н. Свешникова сбитый со столба против входа на первый этаж (длина 58, высота 18, толщина 15 *см*). Надпись (рис. 1), которую следует датировать не ранее чем концом XVI в. по времени построения трапезной, выполнена греческими капитальными довольно небрежными буквами и читается как ОММАТА (множественное число от слова с основным значением «глаз». Другие значения термина: *Грацинский.* Греко-российский словарь. М., 1878).

[3] Первое надгробие — Варвары Гротхузен (1593 г.), второе — Евы Линдер (XVI—XVII вв.). См. Отчет императорского Российского исторического музея за 1906 г. М., 1907, с. 83, 90.

[4] Первое — магдебуржца (по-видимому, первой половины, а не конца XVI в., согласно Ю. М. Золотову, о чем говорят грубые формы письма), второе — жены слесаря (1584 г.). Оба в фондах Музея истории и реконструкции Москвы (МГН-1812; МГН-1825). См. *Золотов Ю. М.* Две надписи московских немцев.— СА, 1963, № 3, с. 249—252.

Рис. 2. Фрагмент плиты 1536 г.

из этих надгробий найдены при ремонтных и реставрационных работах в церкви Николы, что на Болвановке около Таганской площади [5]); надгробие голландского купца 1593 г., хранящееся в музее Донского монастыря [6]; наконец, еще одно голландское надгробие (1595 г.), имеющееся в фондах музея «Покровский собор» [7].

Бóльшая часть надписей отражена в транскрипциях и исследованиях XIX в., но неточности первых делают преждевременным их привлечение в данной работе [8].

---

[5] Н. Б. Шеламанова ошибочно говорит о Болвановке в Замоскворечье (*Шеламанова Н. Б.* К вопросу о поселениях пленных ливонцев в Москве во второй половине XVI в.— В сб. «Австро-Венгрия и славяно-германские отношения». М., 1965, с. 181).

[6] Судя по дате, возможно, это плита, прежде бывшая в стене церкви Николы на Болвановке и известная А. Мартынову (см. *Мартынов А.* Надгробная немецкая плита под русскою церковью.— «Московские ведомости», 1876, № 124).

[7] Найдено в конце XIX в. при разрушении церкви на Большой Якиманке. См. там же (плита ошибочно названа немецкой).

[8] Ю. М. Золотов несколько занижает число известных надписей с латинским алфавитом. Только в 1871 г. было опубликовано 13 транскрипций (см. Надгробные

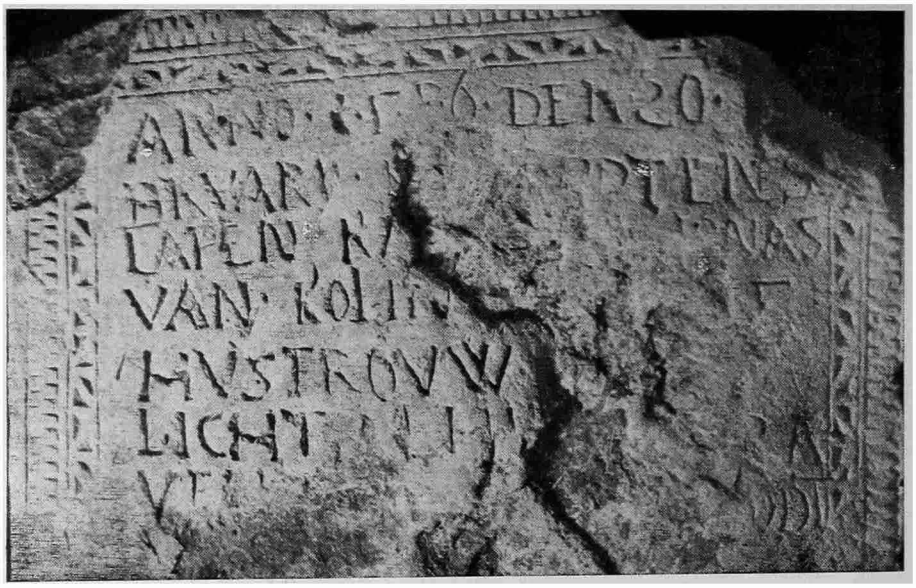


Рис. 3. Надгробная надпись 1536 г.

I. Плита 1536 г.

У первой плиты из Владычного монастыря (рис. 2) утрачена нижняя часть. Размеры сохранившегося фрагмента с надписью (в *см*): длина 78, ширина вверху 62, внизу 57, толщина 10—11. На его лицевой поверхности геометрический орнамент из полоски двух рядов треугольников. Клеймо — из концентрических рядов треугольников, внутри которых резаны такие же треугольники вершинами к центру. От клейма отходят прямые тяги, которые присоединяются к рамке на расстоянии 36 *см* от верхнего края плиты, где начинается внутренняя рамка, резанная крупными треугольниками. Под надписью проступает в типичном обрамлении герб. Его тонкие перекрещивающиеся линии образуют подобие креста и указывают скорее всего на купеческое происхождение владельца [9].

Надпись дошла с большими повреждениями (рис. 3). Однако сохранившиеся фрагменты достаточны для воссоздания почти всего ее основного содержания.

Значительные трудности все же возникают при определении точного года погребения. Если цифра «5» (см. первую строку) ясна и строится из двух элементов, указывая своей формой скорее всего на первую половину XVI в. [10], то сохранившийся от третьей цифры только ее верх таит в себе загадку. Вертикальный штрих, иллюзорно завершающий круг,— следствие повреждения плиты. Таким образом, остается сделать выбор между цифрами «2» и «3». Сравнение с обычной для XVI в. формой «2» в виде «z» (см. конец строки) говорит о большей скругленности верхнего штриха, чем допустимо для цифры «2» [11]. Итак, получаем год 1536 [12]. Добавление далее отбитых букв дает одну из латинизированных форм обозначения месяца.

памятники иноверцев, найденные архимандритом Амфилохием в 1870 г. в Московском Даниловом монастыре. М., 1871).

[9] Такого же характера герб на плите голландского купца. См. также: DI, Bd 2, 1958, № 1424; DI, Bd 7, 1960, № 293.

[10] DI, Bd 10, 1966, № 223 (см. надпись 1545 г.).

[11] См. примеры превращения двух верхних элементов цифры «3» в дугу: DI, Bd 6, 1959, № 60 (1513); DI, Bd 8, 1964, № 208 (1531); DI, Bd 14, 1974, № 99 (1543).

[12] Некоторая небрежность исполнения букв (см. «b», «o», «t»), форма «a» показательны для первой половины XVI в.

Оформление надгробного камня и его пропорции согласуются с установленной датой, старейшей на надгробиях Московии с латинским алфавитом.

Небольшая толщина надгробия свидетельствует скорее об изготовлении плиты в первой половине XVI в.[13] На это же указывает и расстояние от верхнего края плиты до мест присоединения тягов к рамке орнамента. Тяги изменяют положение по отношению к длине камня примерно со второй половины XVI в., что видно по фотографиям надгробий, опубликованным В. Б. Гиршбергом[14], который это явление относит к более позднему времени[15]. В первой половине XVI в. тяги присоединялись к внешней рамке орнамента несколько выше, на высоте около $^2/_3$ длины плиты от нижнего края. То же и на нашей плите, если учесть, что от нее сохранилось не более $^2/_3$ длины, которая первоначально составляла примерно 120 *см*.

Сочетание в орнаменте крупных и мелких треугольников до сих пор впервые было отмечено на плите 1538 г.[16] В той же манере сочетания треугольников разного размера и в подобной технике резьбы выполнены в Серпухове еще три надгробия из Высоцкого монастыря: инока Никифора (40—50-е годы XVI в.), инока Ферапонта Бибикова (1565 г.) и юродивого Куликова (1587 г.[17]). С резьбой рассматриваемого надгробия особенно схожа резьба первого камня.

Сразу после даты в надписи 1536 г. заметна ось (косой к ней штрих — повреждение камня), а затем сбито несколько букв. Сочетание «gt» с последующими «entslapen» говорит о необходимости добавить перед этим сочетанием «go», что дает «godt» (бог). Остается место примерно для трех-четырех букв. Тем самым возможность для вариантов после оси сильно ограничена. Если учесть необходимость присутствия в данном месте формы 3-го лица единственного числа от вспомогательного глагола и предлога «in», то эти слова должны мыслиться в самых кратких вариантах. Таковыми будут форма «is» и палеографическое написание «i»[18].

Более досадное повреждение затронуло третью строку. Здесь видим сочетание «ka». Оно, несомненно, начинает двойное имя, о чем свидетельствует его вторая часть в конце строки. То, что между начальным сочетанием слова и второй частью имени могут уместиться лишь пять-шесть букв, позволяет установить поврежденное слово «Kaspars»[19] (родительный падеж имени, указывающий на принадлежность[20]). Титул или обо-

---

[13] *Николаева Т. В.* Новые надписи на каменных плитах XV—XVII вв. из Троице-Сергиевой лавры.— НЭ, VI, 1966, с. 207—255, № 2, 6, 11, 13; *Гиршберг В. Б.* Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV—XVII вв., ч. 1.— НЭ, I, 1960, № 14, 27, 32, 37.

[14] *Гиршберг В. Б.* Ук. соч., ч. I, табл. II—V, VII.

[15] Там же, ч. II.— НЭ, III, 1962, с. 214.

[16] Там же, ч. I, с. 5.

[17] СИХМ № 10587, 9393(а), 10586.

[18] Эти связанные друг с другом четыре слова буквально в таких языковых вариантах встречаются часто. См. надгробия жены слесаря и Варвары Гротхузен.

[19] *Bahlow H.* Unsere Vornamen. Limburg, 1965, S. 111. Определение имени в надписях этого времени возможно и при более незначительных данных для его восстановления, особенно если учитывать сравнительно небольшой круг употреблявшихся тогда имен. В связи с этим, например, можно целиком решить содержание седьмой строки надгробия жены слесаря. Предполагать здесь двойную фамилию нет оснований: перед фамилией должно стоять имя. Сохранившийся контур от его последней буквы подходит к буквам «b», «p» и «r», но только последняя может заканчивать женское имя, каковым будет «Варвара» в варианте «Barber» (см. надгробие Варвары Гротхузен и DI, Bd 8, N 297). Такое решение подтверждает контур предшествующей буквы и ширина стертого места. Таким образом, сочетание «Cette» скорее следует понимать как фамилию (*Förstemann E. W.* Altdeutsches Namenbuch. Bd I. Nordhausen, 1856, C. 1386).

[20] Конъектуру в виде только одного «s» следует давать в начале пятой строки надгробия жены слесаря. Это подтверждается особенно как смыслом надписи, так и тем, что две буквы, которые предполагает Ю. М. Золотов, сделали бы невозможным интервал перед следующим словом.

значение занятия здесь предполагать нельзя, так как они ставятся в немецких надписях после имени.

Завершающее строку второе имя (Ионас) также вряд ли может вызывать сомнение, хотя его начало повреждено. Далее видим «van» (-von), которое в XVI в. не обязательно свидетельствует о дворянском происхождении. Затем читается «Kolin», фамилия немецкого происхождения. Исходным ее вариантом следует считать «Collen». При участии суффикса «ing» получается «Kölling», а закономерное отпадение у суффикса конечного согласного дает форму, почти совпадающую с нашей [21]. От второй половины четвертой строки осталась только буква «e». На эту букву оканчивается какое-то определение к последующему термину «husfrouw» (супруга) [22]. Установить предшествующую «e» букву можно, исходя из большого интервала между правым краем повреждения камня и «e». По этому краю могла идти ось буквы «l», горизонталь которой оказалась стертой. На сбитой поверхности умещалось семь — девять букв. Таким образом, напрашивается конъектура «sine edle» (его благородная), эпитет, порой свидетельствующий о происхождении женщины, а не о положении [23].

Мы подходим к заключению о том, кто был похоронен под плитой. Непосредственно за термином «супруга» могло уместиться лишь короткое имя. Шестая строка дает уже формулу, говорящую о том, что умерший лежит под плитой. Итак, жена фигурирует здесь не потому, что она велела изготовить камень. Места для соответствующей даже самой краткой формулы не хватает [24]. Остается единственное объяснение упоминания жены: отмечается смерть ее самой. В надписи 1536 г. отражается часто встречаемый на немецких надгробиях, найденных на русской земле, порядок (в противоположность тому, что видим в Германии) упоминания лиц одной и той же семьи: глава семьи, даже когда умирает не он, упоминается первым, а затем умерший (жена или дети) [25]. Родительный падеж, в котором должен был быть назван глава, иногда ничем не отражен.

Последние три строки целиком отведены для заключительных формул. Поэтому даже при их фрагментарности основное содержание может быть установлено. После «licht» (лежит) легко читается «alhie» (здесь) [26] по достаточно сохранившимся второй, третьей и четвертой буквам. Между этим словом и буквой, от которой сохранилось верхнее закругление, можно добавить только три буквы средней ширины. Они восполняют начало последнего слова формулы. Получим «begraven» (погребенная) [27].

В конце седьмой строки угадывается «godt» (первая буква сбита, но в остатках второй видна характерная для всей плиты конфигурация приплюснутого «о»!). Прочтенное слово («боже») начинает формулу, очевид-

---

[21] *Bach A.* Deutsche Namenkunde. T. I, Abt. I. Heidelberg, 1952, S. 262, 149. Подобная фамилия (van Kollen) многократно встречается в прибалтийских источниках: под 1526 г. (*Napiersky J. G. L.* Die Erbebücher der Stadt Riga. Riga, 1888, S. 224) и 1504 г. (*Bunge F. G.* Liv-, est- und kurländisches Urkundenbuch. II Abt., Bd 2. Riga — Moskau, 1905, N 650).

[22] Существует большое число вариантов термина, в том числе «husfrov» (см. надгробие Экке в северном нефе Домского собора в Риге). Так же читается он на надгробии жены слесаря, и конъектура Ю. М. Золотова не очень убедительна.

[23] Такое определение сохранялось за женщиной благородного происхождения даже в случае выхода замуж за цехового мастера (DI, Bd 10, № 119).

[24] Такой формулой является f.f.= fieri fecit (велел)а изготовить). В надписях на немецком языке она встречается редко.

[25] Эта схема, например, также в обоих надгробиях, описанных В. Н. Щепкиным, и во втором серпуховском. В надгробиях Германии она обычна только в том случае, если умершие — малолетние: DI, Bd 8, N 296 (1583); DI, Bd 9, 1965, N 478 (1599).

[26] DI, Bd 4, 1958, № 167 (1560).

[27] Последняя буква устанавливается по подлиннику. См. ту же формулу в варианте «hir licht begraven»: *Bruhn Hoffmeyer A.* Middelalderens tveaeggede svaerd, T. II. København, 1954, pl. 62 (1538).

но, целиком занимавшую не только восьмую строку, но еще две предположительные. От формулы кроме обращения сохранился первый штрих восьмой строки, позволяющий восстановить «v», а вместе с тем все значение концовки. Вариант формулы, по-видимому, близок к тому, который употреблен во втором надгробии, описанном В. Н. Щепкиным: **Gott verleich ihr** und allen gläubigen **eine fröliche auffersteung.** Если оставить подчеркнутые слова, составляющие костяк формулы, то они и могли примерно исчерпать собой конец рассматриваемой надписи.

Что было между «begraven» и прослеженной концовкой? Неустойчивость терминологии надгробий, огромное число вариантов формул как будто могут дать место для столь же большого числа конъектур. Несомненно, однако, что здесь могла уместиться лишь формула, содержащая обращение к милости божьей. Присутствие этой формулы подтверждается еще контуром последней буквы слова «der» (ей), проступающим в подлиннике под буквой «l» в слове «alhie». А далее могут уместиться лишь два сигля с разделительными точками, и формула получает вид «der g. g.» = «der godt gnade» (боже, смилуйся над ней) [28].

Итак, можно дать полную транскрипцию надписи:

Anno. I.5.3.6. den. 20. [fe]
bruary. i[s i(n) go]dt ents
lapen ka[spars] ionas
van. kolin [sine edl]e
husfrouw.....
licht alhi[e begr]a
ven .[de] r [g (odt) g(nade) g]odt
v[erleich...] [29]

Перевод: «В 1536 году 20 февраля в боге почила (Каспара) Ионаса ван Колина благородная супруга ... Лежит здесь погребенная. Боже, смилуйся над ней. Боже, даруй (ей счастливое воскресение)».

Комплекс языковых элементов надписи не позволяет связывать ее составителя безусловно с нижненемецкой территорией, так как они возможны и для пограничных нидерландских областей.

II. Брусчатое надгробие.

Вид второго надгробия из Владычного монастыря (рис. 4) не совсем обычный. Это брусок размерами (в *см*): длина 98, ширина вверху 43, внизу 34, толщина 18—22. Небольшая длина его позволяет предполагать что он предназначен не для взрослого человека. До сих пор надгробия в форме бруска были обнаружены только в московском Новодевичьем монастыре (30—50-х годов XVI в.) [30], в связи с чем В. Б. Гиршберг связывал их лишь с этим монастырем и с кратким промежутком времени [31].

Обратимся к нашей плите, письмо которой сильно стерто во многих местах. Сопоставляя прорись (рис. 5) с фото, проследим содержание текста.

Обозначение года (первая строка) сохранилось только наполовину (15...), однако форма цифры «5» (из трех элементов) говорит о предпочтительности отнесения плиты ко второй половине XVI в.[32] Число месяца (18), именно цифра «8», устанавливается по подлиннику, без которого вообще невозможно разобрать подавляющую часть форм надписи.

---

[28] Тот же вариант формулы DI, Bd 9, № 439, где все три слова переданы сиглями.

[29] Здесь, как и в транскрипции второй надписи, в квадратных скобках исчезнувшие или сильно поврежденные буквы, в круглых — раскрытые сокращения, многоточием отмечены места, где конъектуры затруднительны или невозможны.

[30] *Гиршберг В. Б.* Материалы для свода..., ч. I, № 30, 33, 42, 50.

[31] Там же, с. 8.

[32] Такую же конфигурацию цифры можно видеть, например, в надписях 1576 г. (DI, Bd 9, № 439) и 1581 г. (DI, Bd 7, № 257).

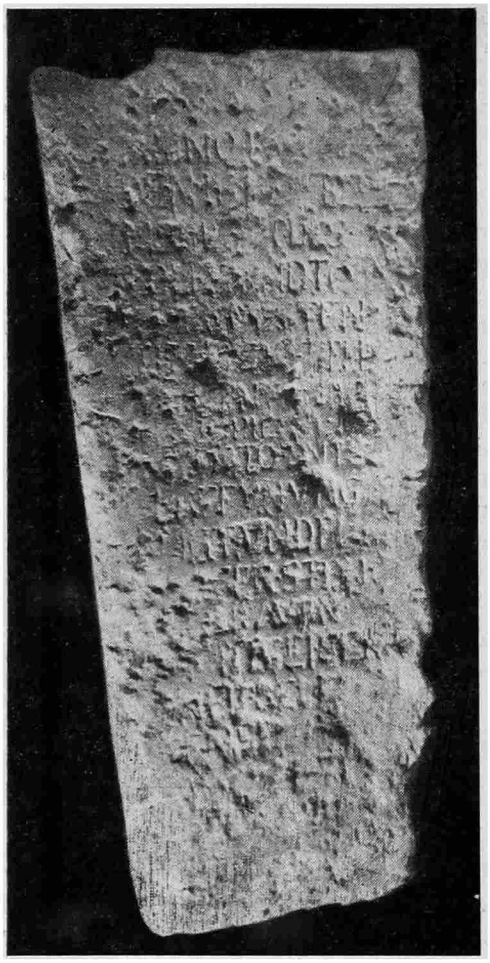


Рис. 4. Брусчатое надгробие конца XVI в.

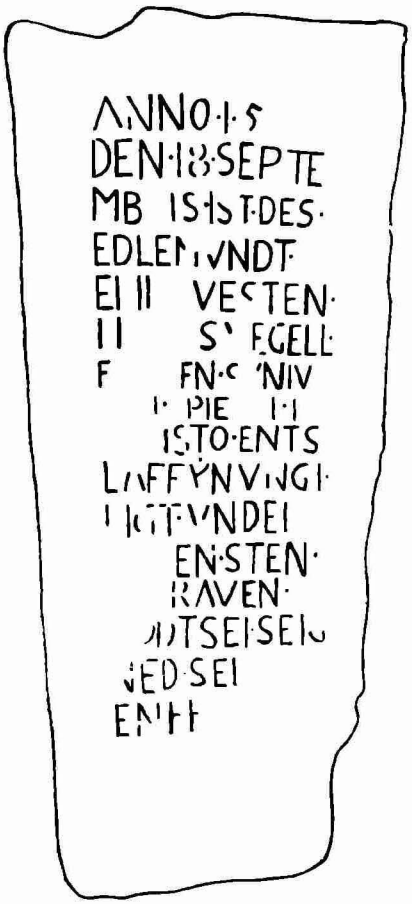


Рис. 5. Прорись надгробной надписи конца XVI в.

Данные орнамента плиты, как и при анализе первого надгробия, важны для уточнения времени ее изготовления. В противоположность неорнаментированным «брускам» из Новодевичьего монастыря надгробие иноземца из Серпухова имеет орнамент на боковых сторонах. Он представляет собой две полоски насечек, между которыми орнаментальный поясок из двойных арочек и столбиков. Подобный орнамент на боковых сторонах встречается на плитах конца XVI — первой половины XVII в.[33] Имеется он и на надгробии голландского купца 1593 г. Итак, конец XVI в.— наиболее вероятное время изготовления второго намогильного камня из Владычного монастыря.

Сразу после месяца на плите с трудом разбирается «ist», вспомогательная часть ожидаемой здесь сложной глагольной формы. Причастие (entslaffyn[34] = entschlafen) обнаруживается в 9—10-й строках (в целом, «почил»). Последнее слово третьей строки («des», родительный падеж артикля) указывает на принадлежность, т. е. далее должно быть названо лицо, у которого умер кто-то из близких, а затем — умерший.

---

[33] *Николаева Т. В.* О некоторых надгробиях XV—XVII вв. Загорского музея-заповедника.— СА, 1958, № 3, с. 176, рис. 5.

[34] См. подобное написание причастия *Müller W.* Mittelhochdeutsches Wörterbuch. Leipzig, 1866 (slâfe).

Четвертая и пятая строки раскрывают эпитеты главы семьи: «edlen» (благородный) и «ehrnvesten» (славный) [35]. Первый из них говорит о дворянском происхождении. Затем следуют три наиболее поврежденные строки, но они вместе с тем особо важны, так как здесь должна читаться фамилия.

Буква «s» завершает первую половину шестой строки. Вторая половина, начинаясь после небольшого интервала, хорошо читается, кроме самого начала, как «egell» и завершается точкой. Характер указанного сочетания говорит о том, что тут скрыта фамилия. Сопоставление немецких фамилий, имеющих такое сочетание в конце [36], с остатками контура буквы или букв после «s» позволяет сделать заключение, что после этой буквы могли следовать только буквы «v» или «w» [37]. При учете редкого использования аббревиатуры v=von получим фамилию Vegell (Wegell) [38].

Перед фамилией должно стоять имя, в данном случае начинающееся с вертикали и оканчивающееся на «s». Вряд ли ошибочным решением имени будет «Hans», если учесть употребительные имена с таким началом и завершением [39], а также размер первых двух букв надгробия.

В седьмой строке следует ожидать указания на то, кого потерял глава семьи, т. е. жену, сына, дочь или нескольких детей. Сохранившиеся фрагменты слов позволяют выделить во второй половине строки слово «сын» в написании скорее «sun», за которым умещались в строке три буквы личного имени (последняя буква исчезла). Таким образом, начало строки должно дать эпитет сына. Сохранившиеся фрагменты слова позволяют читать «ersten» (первый) [40].

Имя умершего при сохранившемся начале («iu») установить не очень трудно, если заметить, что перед первой точкой восьмой строки видна вертикаль. Единственно возможный вариант имени «Jurgen».

Средняя часть восьмой строки удивляет своим латинским звучанием «pie» (благочестиво), но этот термин гармонирует с остальной частью формулы, раскрывающейся далее. Ключ к пониманию последней дает середина девятой строки («isto»): «in Ihu [41] Christo» (в Иисусе Христе) [42].

После отмеченного выше причастия с трудом устанавливается в конце 10-й строки союз вследствие необычного употребления «g» вместо «d» [43].

Все остальные слова надписи сильно повреждены, но они (хотя многие из них и во фрагментах) надежно восстанавливаются почти до того места, где заметны последние буквы, так как ее чтение подкрепляется сравнением с другими надписями, и прежде всего с плитой 1536 г. Конец первой фразы: ungt (=undt) ligt. under. diesen. sten [44] begraven (и лежит под этим камнем погребенный). Далее следует одна из обыч-

---

[35] То же написание термина читается в первой строке транскрипции, данной В. Н. Щепкиным для надписи описанного им второго надгробия. Но он разбит на три части и остался без перевода.

[36] *Förstemann E. W.* Op. cit., 1373—1400.

[37] Остальные начальные буквы соответствующих фамилий (Degel, Hegel и др.) имеют оси, остатки которых на плите не прослеживаются.

[38] Замена «w» через «v» наблюдается часто: *Bunge F. G.* Op. cit., Bd 3, 1914, № 245 (1507); ibid., Bd I, 1900, № 215, где видим необычное написание Vranghell.

[39] *Bahlow H.* Unsere Vornamen.

[40] См. этот термин при именах умерших младенцев: DI, Bd 6, № 90 (1566). Ошибка в окончании («n» вместо «r») объясняется, по-видимому, аналогией с формами предыдущих прилагательных. Довольно произвольное употребление падежных окончаний в надгробиях наблюдается часто.

[41] Такой латинизм в надписи на немецком языке.— DI, Bd 10, № 32 (1529).

[42] Ср. DI, Bd 9, № 478 (1599), где в немецкой надписи латинизм «in Christo».

[43] О переходе «nd» в «ng» *Жирмунский В. М.* Немецкая диалектология. М.— Л., 1956, с. 365—369. Выражаем признательность д-ру филол. наук С. А. Миронову за разъяснение данного языкового явления, как и других вопросов, касающихся немецких диалектов.

[44] Тот же падеж.— DI, Bd 10, № 259 (1580).

ных заключительных формул. При первом ее рассмотрении удивляет необычное троекратное «sei». Объяснение этому месту можно найти в особенностях графика надгробий, где нередко встречается упрощенное выполнение «l» в виде одной оси. Таким образом, чтение формулы должно быть понято как «godt sei(ner). sel[45] gned(ig).sei» (боже, смилуйся над его душой).

Частично оставшиеся от 16-й строки четыре буквы позволяют почувствовать начало второй заключительной формулы, которая, начинаясь в конце 15-й, занимала, по-видимому, также 16—18-ю строки. Последние две строки, как и окончание 16-й, стерты. Восстановление по остаткам «denen her» позволяет предполагать примерное содержание всего конца надписи: «Даруй, господи, им (счастливое воскресение)».

Итак, полная транскрипция надписи:

Anno. I.5...
den. 18. septe
mb[r]is. ist. des.
edlen undt.
eh[rn]vesten.
[han]s [v]egell.
[erst]en. s[u]n iu[r]
[gen]·pie [in]·[ih(es) u]
[chris]to. ents
[l]affyn ungt
[l]igt. unde[r]
[dies]en. sten.
[beg]raven.
[go]dt sei(ner). sel g
ned(ig). sei[den]
en [her]...

Перевод: «В 15... году 18 сентября благородного и славного Ганса Вегелля первый сын Юрген благочестиво в Иисусе Христе почил и лежит под этим камнем погребенный. Боже, смилуйся над его душой. Господи, даруй им (счастливое воскресение)».

На захоронение наемников-христиан около одного из серпуховских монастырей указывает Генрих Штаден, описывая отражение набега на Москву Девлет-Гирея (1572 г.) [46]. Из другого источника узнаем, что в состав русского войска, сражавшегося с татарами, входили и немцы [47].

При однотипности построения серпуховских надписей заметна, однако, большая многословность более поздней плиты, что отвечало вкусам конца XVI в.

Языковые признаки разобранных надписей подтверждают справедливость замечания Ю. М. Золотова о том, что среди выходцев из западных стран численно преобладали протестанты. Кроме отмеченных указанным автором нижненемецких элементов серпуховские надписи дают также такие, например, показательные формы, как «begraven» (begraben) и «licht» (liegt).

Выше был проделан опыт чтения надгробий с повреждениями значительной и большей части надписи. Он говорит о возможности в таких случаях восстанавливать текст почти полностью. Сравнительный метод дает хорошие результаты. Изучение вариантов формул однотипных надписей позволяет реконструировать формулы по незначительным остаткам. То же имеет отношение к прочтению имен.

Авторы приносят глубокую благодарность лицам, содействовавшим разработке темы.

[45] Такую же графику этого слова см. DI, Bd 8, № 250 (1559). Там и в других местах — упрощение буквы «l», а также довольно вольное, как и в нашем случае, расположение слов в фразе.

[46] *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. Л., 1925, с. 110—112.

[47] *Буганов В. И.* Документы о сражении при Молодях в 1572 г.— Исторический архив. М., 1959, № 4, с. 179.

D. A. Drboglav, V. V. Shilov

FOREIGNERS' TOMBSTONES FROM SERPUKHOV

Summary

In 1973 the architect N. N. Sveshnicov discovered two German tombstones of the XVIth century in the pavement of the late floor of the refectory in the Vladychni monastery. Judging from the character of the arms, under one of the tombstones a merchant's wife was buried. The appearance of the tombstone and its proportions conform to the date, the oldest of Moscovian tombstones with inscriptions using latin alphabet (1536). The order of mentioning members of one family, first the head of the family, even if somebody else dies, then the dead (wife or children), oftenly met on german tombstones, found in Russia, is represented here, and also in the second inscription from Serpukhov. The second tombstone is not ordinary, it is of whetstone shape. Its small dimentions indicate the young age of the dead. The terminology of the inscription indicates the noble origin of the buried. The tombstone can be dated to the late XVIth century, by its palaeographic indication it can be related to the character of ornamentation. The text of inscription includes Low German linguistic elements, which probably indirectly indicates the protestant origin of the dead.

Заметки

С. И. ТАТАРИНОВ

МЕТАЛЛООБРАБОТКА В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ НА СРЕДНЕМ ДОНЦЕ

В 1976—1978 гг. были продолжены исследования Донецкого горно-металлургического центра [1] и поселений эпохи бронзы на территории Донецкой области [2].

Завершены раскопки поселения горняков-металлургов у с. Пилипчатино [3], где открыты остатки плавильни № 3. Она располагалась в 8 *м* к югу от исследованных ранее медеплавильных горнов ямного типа, в том же культурном слое на глубине 0,25—0,3 *м*, и имела вид скопления диаметром до 2 *м* из небольших ошлакованных камней, отдельных кусочков глины с каплями меди (обмазка стенок и свода плавильни), медных шлаков, угольков и массы серой золы. Плавильня (рис. 1), видимо, была сооружением наземного типа из камней с глиняной обмазкой изнутри, мощность ее остатков в культурном слое достигала 0,2—0,25 *м*. Рядом с остатками плавильни найдены два слитка меди весом 55 [4] и 130 *г*, являющиеся «сплесками» при разливке расплавленного металла в литейные формы (рис. 3, *1, 3*).

В культурном слое поселения найдена каменная литейная форма (рис. 2), *1* длиной 10,5 *см*, шириной 7,3 *см*, толщиной 2,2 *см*. На верхнем торце ее имеются следы спила, т. е. форма в период использования подверглась переделке — укорачиванию. На форме имеются два негатива со следами использования для бронзового литья в виде черного нагара. Первый негатив на форме, принадлежавший кельту, имел длину 9,3 *см*, ширину 4,2 *см*; орудие в сечении овально-шестигранное, с прямым телом, со слабо выраженным лавролистным рельефом по бокам, массивный валик по верхнему краю втулки переходит плавно в два ушка, ограниченные снизу тонким рельефным валиком. Пространство между валиками по втулке украшено рельефными треугольниками вершинами кверху. От тонкого нижнего валика на широкую грань кельта отходит незаконченный рельефный ромб (?).

На обратной стороне формы имеется поврежденный и частично сточенный негатив, возможно, кирочки или топора-клевца. Судя по черному нагару в полостях литейных форм, их использование не вызывает сомнения.

---

[1] *Копыл А. Г., Татаринов С. И.* Работы Артемовского отряда.— АО — 1975. М., 1976, с. 342; *Татаринов С. И., Шепитько А. А.* Новые данные о древних медных рудниках Донбасса.— АО — 1976. М., 1977, с. 378, 379.

[2] *Дегерменджи С. М., Татаринов С. И.* Исследования памятников неолита и бронзы на реке Донец.— АО — 1976. М., 1977, с. 288; раскопки С. С. Березанской поселения «Усово озеро» в 1976—1978 гг.

[3] *Татаринов С. И.* О горно-металлургическом центре эпохи бронзы в Донбассе.— СА, 1977, № 4, с. 192—207.

[4] Слиток анализирован в лаборатории ИА АН СССР (ан. № 21729).

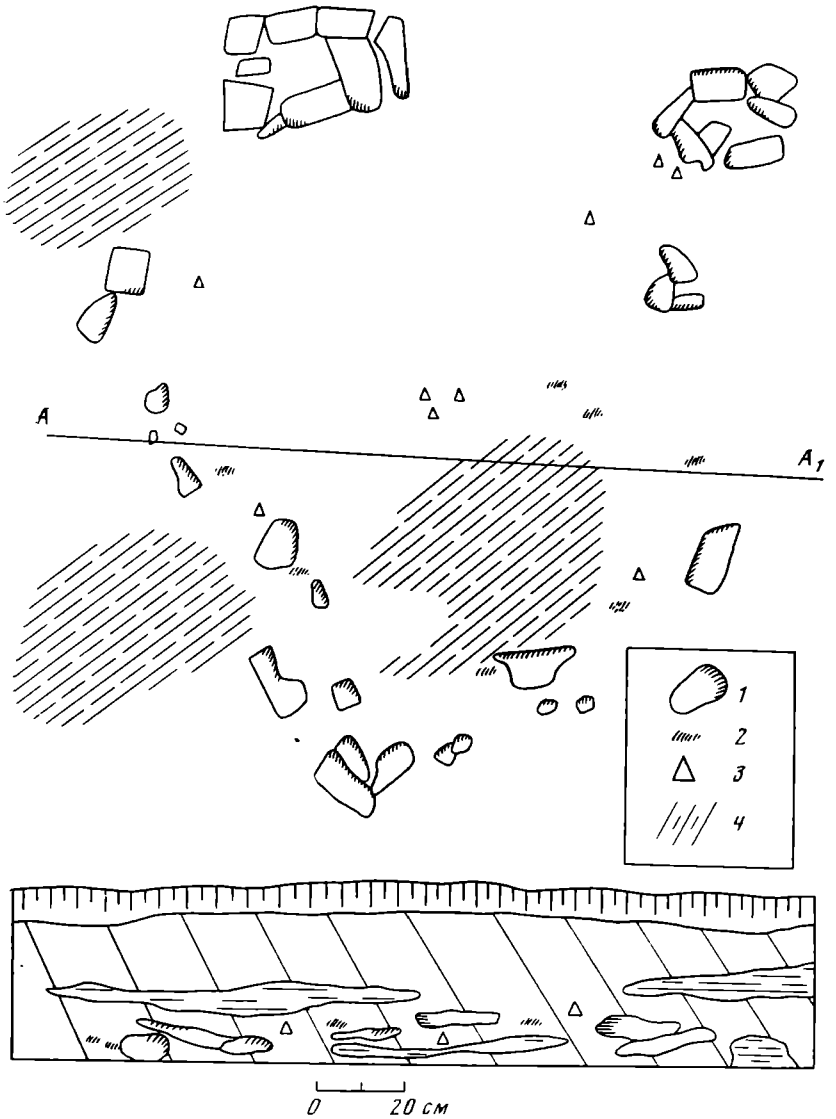


Рис. 1. Схема размещения остатков плавильни № 3, с. Пилипчатино: *1* — ошлакованные камни; *2* — ошлакованная глина; *3* — медные шлаки; *4* — серая и черная зола

Кельты, отливавшиеся в пилипчатинской форме, относятся к 52-му типу по Е. Н. Черных [5], локализуются по сводке исследователя в междуречье Донца и Днепра (Балаклея, Трехизбенка, Жданов, Кабаковский и Лобойковский клады, Завадовская мастерская, район Воронежа) [6]. Этими кельтами пользовалось срубно-сабатиновское население XIV—XI вв. до н. э. Находка литейной формы на поселении горняков-металлургов у с. Пилипчатино [7], датируемого XIV—XI вв. до н. э., позволяет предположить, что кельты 52-го типа изготавливались из меди и бронзы Донецкого ГМЦ.

Кельт типа 52—54 найден в с. Адамовка Славянского р-на [8], длина 9,8 *см*, ширина 3,8 *см*, двухушковый с массивным валиком по верхнему

[5] *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М., 1976, с. 83, табл. VII, *8*.

[6] Там же, табл. VII, *14—19*; VIII, *12*. О находке клада кельтов у Воронежа нам сообщил Е. Н. Черных.

[7] *Татаринов С. И.* О горно-металлургическом центре..., с. 197.

[8] Найден в 1976 г., хранится в музее г. Славянска Донецкой обл., рисунок и описание нам любезно предоставил А. В. Шамрай.

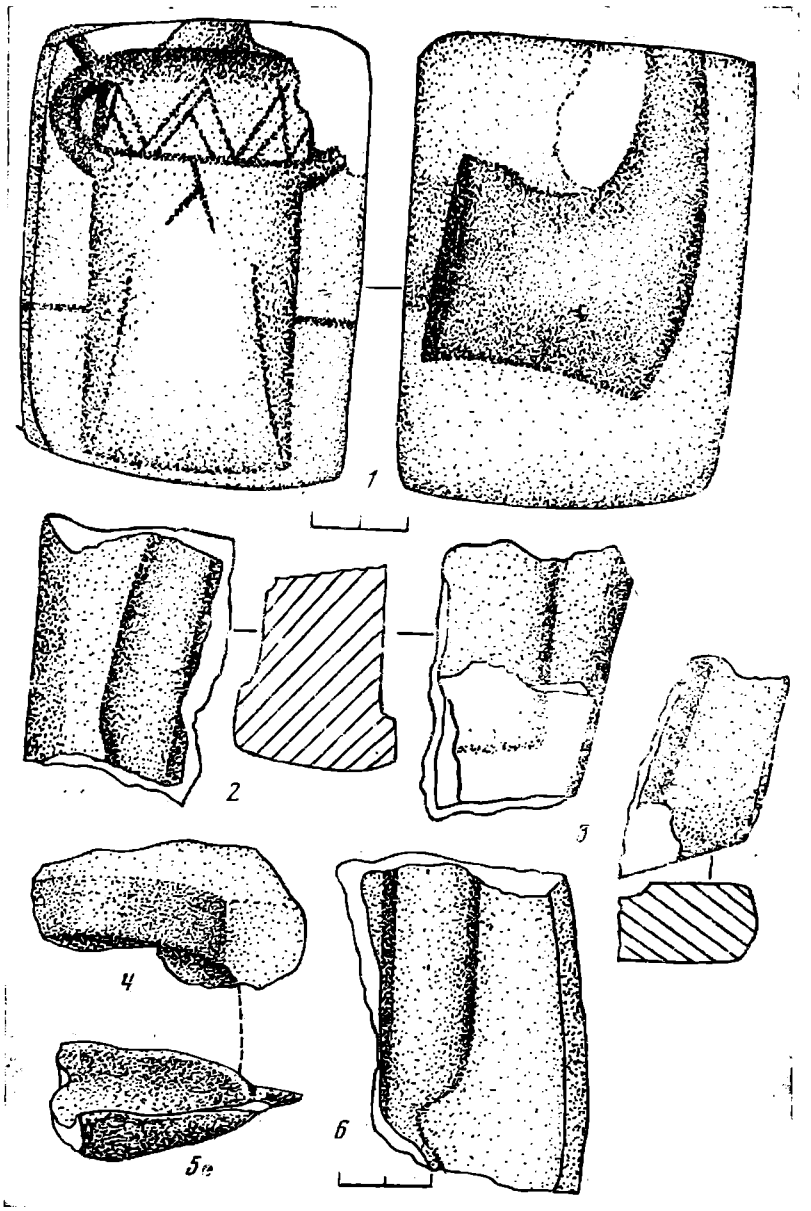


Рис. 2. Литейные формы эпохи поздней бронзы: *1* — с. Пилипчатино-1; *2* — с. Пилипчатино-2; *3—5* — Лиманское озеро; *6* — г. Александровск (*1*, *2* — камень, *3—6* — глина)

краю втулки (рис. 4, *1*), овально-шестигранный в сечении с лавролистным рельефом по бокам и тонкой бороздкой, очерчивающей ушки и втулку снизу. Кельты такого типа имеются в составе Кабаковского и Лобойковского кладов, Завадовской мастерской литейщика [9].

В культурном слое поселения-2 горняков-металлургов у с. Пилипчатино, датируемого срубно-сабатиновской керамикой, найден обломок каменной литейной формы размером 6,5×4,5×3 *см* (рис. 2, *2*) с негативом, с одной стороны, ножа с перехватом и ребром, и тесла (?) — с другой. Негативы имеют черный нагар от высокотемпературных воздействий.

Следы металлургического производства открыты на поселении Лиманское озеро, расположенное в 1,5 *км* к западу от с. Дроновка Арте-

[9] *Черных Е. Н.* Ук. соч., табл. VIII, *1—4*, с. 84.

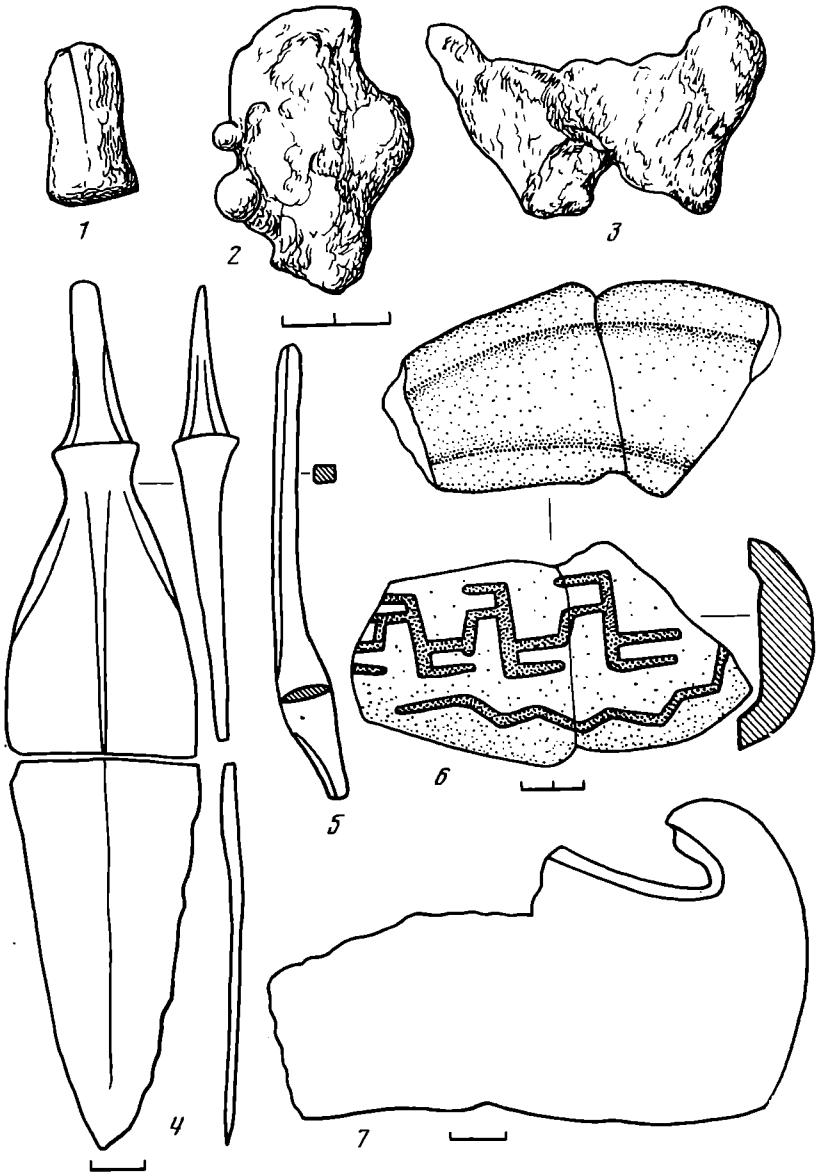


Рис. 3. Металл и литейные формы эпохи поздней бронзы: *1*, *3* — с. Пилипчатино-1; *2*, *5* — Лиманское озеро; *4* — г. Новоазовск; *6* — Грушевая балка; *7* — Ильичевка

мовского р-на Донецкой обл., на левом берегу Донца. Из культурного слоя с керамикой срубно-сабатиновского и раннебондарихинского времени получены: часть глиняной литейной формы светло-коричневого цвета размером 6,0×3,8×2,5 *см* с частью негатива (рис. 2, *4*) втулки топора; обломок размером 5×2,5 *см* глиняной литейной формы с частью какого-то негатива (рис. 2, *3*); обломок бортика глиняной литейной формы с участком негатива; поврежденная глиняная ложечка-льячка длиною 5 *см* и глубиною 2 *см* (рис. 2, *5*). Металл представлен шилом длиной 9,5 *см*, с расплющенным центром и незаостренными концами (рис. 3, *5*), комковатым слитком весом до 150 *г* (рис. 3, *2*), образовавшимся от слива лишней меди при литье в форму; медный сплеск весом до 15 *г*. Шило (ан. 21 743) изготовлено из оловянисто-мышьяковистой бронзы, слиток и сплеск — из чистой меди.

Особый интерес среди находок на Лиманском озере представляет обломок глиняной литейной формы размером 7,3×5,5×2,5 *см* (рис. 4, *6*)

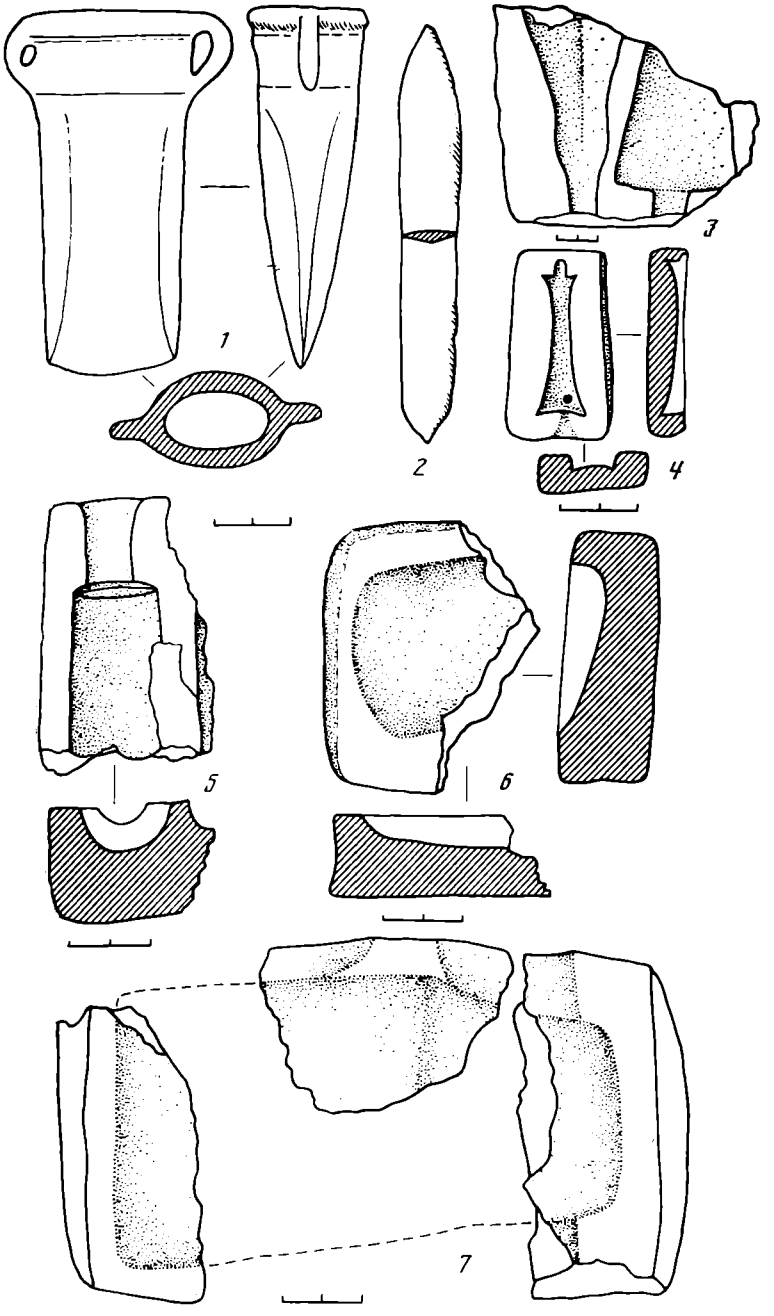


Рис. 4. Металл и литейные формы эпохи поздней бронзы: *1—2* — с. Адамовка; *3, 7* — «Усово озеро»; *4* — г. Славянск; *5* — Ильичевка; *6* — Лиманское озеро

с негативом лезвия втульчатого топорика. На поверхности формы имеются следы воздействия расплавленного металла в виде нагара и трещинок. Литейные формы более массивных топоров были найдены (рис. 4, 7) на поселении «Усово озеро» [10], расположенном в 1,5 *км* западнее Лиманского озера, на левом берегу Донца [11].

---

[10] *Шаповалов Т. А., Рудаков А. П.* Поселение «Усово озеро» на Северском Донце.— АО — 1973. М., 1974, с. 360.

[11] Сведения и рисунок нам любезно предоставпл А. П. Рудаков, за что мы ему искренне признательны.

Топор с литейной формы поселения Лиманское озеро имеет аналогии среди топоров I группы по С. Н. Кореневскому [12], топоры с литейных форм «Усова озера» — среди топоров II группы [13]. Описываемые находки связаны с четко датируемыми слоями поселений развитой срубной культуры и могут указывать на местное, северопричерноморское производство их в XIV—XIII вв. до н. э. наряду с двухушковыми кельтами.

Нож-кинжал (рис. 3, *4*) найден в балке Широкой, в 5 *км* от г. Новоазовска Донецкой обл.[14] Он имеет уплощенный раскованный черешок длиною 3,2 *см*, тонкое лавролистное лезвие длиной 14 *см* с наибольшим расширением в 3,5 *см* в верхней части, с ребром-нервюрой; у основания черешка имеется кольцевой упор. Кинжал-нож изготовлен из химически «чистой» меди (таблица), аналогичной по составу медистым песчаникам Донбасса. По типологии Е. Н. Черных данная находка принадлежит к 34-му типу [15] (или 36-му типу), который изготавливался в Северном Причерноморье на Левобережье Нижнего Днепра [16]. Ножи-кинжалы типов 34—36 близки типам 30—32 и являются продолжением развития последних, т. е. ножей с ребром по центру лезвия и намечающимся упором-перекрестьем (Ильичевка, Подгоровка, Старомихайловка, Янохино) [17].

Аналогию типам 30—32 мы находим в каменной литейной форме из Пилипчатино-2, глиняной литейной форме с поселения «Усово озеро» (рис. 4, *3*) [18], в случайной находке обломка глиняной литейной формы из г. Александровска [19] Ворошиловградской обл. (рис. 2, *6*), ножах с поселений срубной культуры Капитаново-1 на Донце [20] и Раздольное в Донецкой обл.[21] К ножам типа 14 [22] (вернее определить их как «ножи-бритвы») относятся две находки — из с. Адамовка [23] Славянского р-на (рис. 4, *2*) нож длиною 11,3 *см* и с поселения «Усово озеро» [24].

Ряд находок указывает на правильность мнения [25], что среди продукции металлургов Среднего Донца в эпоху поздней бронзы были серпы типов 14—16. На это указывает находка обломка серпа-«секача» на Ильичевском поселении поздней бронзы (рис. 3, *7*) [26], а также обломка глиняной литейной формы для орудий труда этого типа с поселения Грушевая балка [27] в Ворошиловградской обл. (рис. 3, *6*) длиною 16,6 *см* и толщиною 2 *см*, найденного вместе с обломками орнаментированной глиняной крышки.

---

[12] *Кореневский С. Н.* О металлических топорах Северного Причерноморья Среднего Поволжья эпохи средней бронзы.— СА, 1976, № 4, рис. 4, *1, 2, 6, 7*.

[13] Там же, рис. 6, *7*; *Кореневский С. Н.* Металлические орудия и оружие эпохи бронзы Восточной Европы. Автореф. канд. дис. М., 1975, с. 18—20 (здесь указано, что литейные формы массивнообушных топоров «неоднократно найдены на поселениях срубной культуры», в том числе Воронежском и Мосоловском).

[14] Сведения и рисунок ножа-кинжала нам любезно предоставил А. В. Колесник. Находка хранится в музее СШ № 1 г. Ново-Азовска.

[15] *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР, с. 119—121.

[16] Там же, с. 121.

[17] Там же, табл. XXXIV, *21*, XXXIV, *23*, XXXV, *33*, XXXIV, *27*.

[18] С находкой нас ознакомили Т. А. Шаповалов и А. П. Рудаков.

[19] Пользуюсь случаем поблагодарить А. А. Кротову за предоставленные сведения.

[20] *Чередниченко Н. Н.* Археологические исследования на Луганщине.— АИУ — 1967. Киев, 1968, с. 102, рис. 2.

[21] *Шапошникова О. Г.* Многослойное поселение вблизи с. Роздольное на реке Кальмиус.— Археологія, XXIII, 1970, с. 148, рис. 6.

[22] *Черных Е. Н.* Ук. соч., с. 87, табл. XXXV, *1*.

[23] Хранится в музее г. Славянского Донецкой обл. Рисунок и сведения автору переданы А. В. Шамраем, за что мы ему искренне признательны.

[24] Сведения автору сообщены А. П. Рудаковым, ан. № 21747.

[25] *Черных Е. Н.* Ук. соч., с. 95.

[26] *Шаповалов Т. А.* Поселение срубной культуры у с. Ильичевка на Северском Донце.— В сб.: Энеолит и бронзовый век Украины. Киев, 1976, с. 164.

[27] Сведения предоставлены А. А. Кротовой. На этом поселении в жилище срубно-сабатиновского времени найдены обломок медного изделия длиною 2,3 *см*, медные шлаки, 2 ошлакованных венчика и часть дна тигля.

Химический состав металла эпохи поздней бронзы на среднем Донце (основа – медь)

№ лабор.	Название и место находки	Олово	Свинец	Цинк	Висмут	Серебро	Сурьма	Мышьяк	Железо	Никель	Кобальт	Марганец
21728	Слиток, Выскривка, п. м.	0,003	0,02	?	–	0,009	–	0,03	0,04	0,002	0,005	–
21721	Шило, там же	1,3	0,09	0,001	0,001	0,005	0,2	0,2	0,03	0,1	0,02	–
2933	Тигель, »	0,003	0,02	0,001	–	0,002	0,003	0,03	2,0	0,004	0,01	–
2934	» »	–	0,02	0,001	–	0,007	0,01	–	2,0	0,006	0,007	–
20349	Слиток, Пилипчатино-1	0,06	0,015	–	–	0,2	–	0,03	0,1	0,025	–	0,001
21729	Слиток, там же	0,001	0,09	0,01	0,001	0,1	0,003	0,1	0,01	0,01	0,007	–
20348	Шило, »	2,7	0,03	–	0,002	0,001	0,01	0,9	0,25	0,002	–	0,015
21743	Шило, Лиманское озеро	1,3	0,09	0,001	0,003	0,1	0,4	1,0	0,04	0,1	0,01	–
21744	Кинжал-нож, Новоазовск	0,07	0,001	0,001	0,001	0,001	0,008	0,2	0,02	0,001	0,001	–
20339	Нож-лом, Ильичевка	0,2	0,015	–	–	0,05	0,025	–	0,2	0,009	–	0,01
21730	Слиток, там же	?	0,02	0,009	–	0,007	–	–	2,0	0,006	0,04	–
2932	Тигель, »	0,002	0,06	0,001	–	0,0003	–	–	2,0	0,007	0,04	–
2931	Шлак, »	–	0,006	0,001	–	0,001	–	–	2,0	0,001	0,004	–
21746	Лом, »	0,007	0,09	?	0,0003	0,1	0,01	0,2	0,1	0,04	0,04	–
20342	Шило, »	5,0	0,1	–	0,001	0,003	0,15	1,3	0,25	0,04	–	0,01
20343	» »	9,0	0,1	–	0,008	0,05	0,1	1,7	0,05	0,04	0,003	0,15
20341	» »	0,009	0,006	–	–	0,2	0,4	1,0	0,1	0,05	–	0,02
20344	» »	0,06	0,001	–	–	0,07	0,025	1,3	0,025	0,009	–	0,02
20345	» »	5,0	0,1	–	0,002	0,08	0,025	0,2	0,08	0,003	–	0,1
20346	Игла, »	0,06	0,1	?	–	0,0001	–	0,15	0,3	0,001	–	0,03
20347	Часть серпа, »	20,0	0,25	0,004	0,005	0,02	0,1	2,5	0,1	0,15	0,007	0,002
20337	Нож с ребром, »	11,0	0,07	–	0,002	0,06	0,025	1,0	0,02	0,05	0,009	0,02
21747	Нож-бритва, Усово озеро	0,02	0,15	0,01	0,01	0,05	0,025	1–1,5	0,01	0,04	0,01	–
21748	Слиток, там же	0,004	0,02	0,001	0,001	0,05	0,3	0,1	0,002	0,04	0,003	–
21749	Нож-«лом», »	0,05	0,015	?	0,0001	0,03	0,003	0,1	0,04	0,01	0,01	–
2930	Шлак, »	–	0,005	0,001	–	0,001	–	–	2,0	0,001	0,007	–
21750	Тесло, »	0,8	0,03	0,001	0,001	0,02	0,3	0,2	0,04	0,04	0,009	–
21751	Шило, »	0,02	0,05	?	0,001	0,02	0,09	0,4	0,09	0,002	0,008	–
21752	» »	0,01	0,008	?	0,0005	0,02	?	0,4	0,09	0,002	0,008	–
21753	Долотце, »	2,5	много	0,1	0,03	0,02	0,1	0,9	0,04	0,04	0,02	–
2935	Тигель, Донецк	0,01	0,004	0,001	0,0005	0,001	0,01	0,2	0,3	0,01	0,007	0,001
20313	Нож, Говоруха, кург. 1, п. 3	0,006	0,006	–	–	–	–	0,01	3,0	0,025	0,07	0,01
20307	Браслет, Новоселовка, кург. 1,п.5	12,0	0,05	–	–	0,01	0,05	–	0,03	0,02	–	0,01
2922	Шлак, Выскривка, тр. 1	0,0001	0,04	0,01	0,0005	0,001	0,01	0,02	2,0	0,009	0,007	–
2923	Шлак, там же	0,0002	0,05	–	0,01	–	–	–	5,0	0,01	0,04	–
2924	» »	–	0,06	0,01	0,0005	0,001	0,008	–	2,0	0,01	0,01	–
2925	Королек, Пилипчатино-1, горн	–	0,008	0,001	0,005	0,001	0,01	0,01	2,0	0,005	0,008	–
2926	Шлак, там же	0,002	0,01	0,001	–	0,01	0,06	0,03	0,06	0,03	0,001	0,004
2929	Шлак, Усово озеро	–	0,004	0,001	–	0,001	–	–	5,0	0,01	0,008	–

Результат спектрального анализа плоскоудлиненного тесла малокопаневского облика (8-го типа по Е. Н. Черных), найденного вместе с обломками литейных форм (рис. 4, *3*) для отливки таких же орудий на поселении «Усово озеро» [28], указывает на их местное производство. На Донце производились также втульчатые тесла 22-го типа, обломки литейных форм которых найдены в Трехизбенке Ворошиловградской обл.[29] и на Ильичевском поселении [30] в Донецкой обл. (рис. 4, *5*).

Каковы же источники металла для поселений эпохи поздней бронзы на Среднем Донце?

Серия анализов донецких медных руд, взятых непосредственно из рудников эпохи поздней бронзы, из культурных слоев поселений горняков-металлургов, а также шлаков и корольков меди, шильев и слитков из культурных слоев различных поселений и сопоставление результатов всех этих анализов (таблица) приводит к заключению о явном совпадении химического состава металла срубно-сабатиновского времени с химическими характеристиками медных руд Бахмутской котловины. Характерно, что слитки с поселений у рудников (ан. 21 728, 21 729, 20 349) и поселений на Донце (ан. 21 748, 21 730) состоят из химически «чистой» меди, в некоторых случаях с несколько повышенными концентрациями серебра, мышьяка, реже никеля. Постоянно как в рудах, так и в медных шлаках на поселениях горняков-металлургов фиксируется от тысячных до сотых долей сурьма, свинец, реже цинк и висмут, олово. Своеобразным индикатором металла из донецких медных руд является присутствие кобальта от тысячных долей до сотых долей процента.

Из проанализированных изделий до 50% сделаны из химически «чистой» меди группы медистых песчаников Донбасса. Прочие изделия относятся к иным химическим группам. Мастера Донецкого ГМЦ широко использовали глиняные и каменные литейные формы, которые, как уже отмечалось в работах исследователей [31], не были объектом торговли, а изготавливались на местах плавки и литья.

Видимо, металл Донецкого ГМЦ играл определенную роль в сложении южной периферии завадово-лобойковского очага металлообработки (по Е. Н. Черных). На поселениях в бассейне среднего Донца во второй половине II тысячелетия до н. э. изготавливались двухушковые кельты и втульчатые топоры, плоскоудлиненные тесла 8-го типа и втульчатые тесла 22-го типа, ножи с ребками, ножи с перехватами, ножи-кинжалы с упором, втульчатые наконечники дротиков [32], топоры-кирки, серпы 14—16-го типов, разнообразные шилья, иглы. Из украшений можно указать на круглые в сечении браслеты (литейные формы которых найдены на «Усовом озере»), очковидные подвески (литейная форма поселения Капитаново-1 [33]), биконические бусины и ромбические подвески, крючковидные амулеты (литейные формы с поселения Ильичевка), цилиндроколоколовидные подвески (рис. 4, *4*) [34], височные колечки [35]. Проблематично участие Донецкого ГМЦ в Кардашинском очаге металлообработки [36], характеризующегося другими типами изделий, иными источниками металла и связанного «с чуждыми срубной общности племенами» [37].

[28] Металл для анализа с «Усова озера» предоставлен А. П. Рудаковым (см. результаты в таблице).

[29] *Черных Е. Н.* Ук. соч., табл. XXXI, *8*.

[30] Рисунок и сведения предоставлены автору Т. А. Шаповаловым, за что мы ему благодарны.

[31] *Черных Е. Н.* Ук. соч., с. 171.

[32] *Татаринов С. И.* О горно-металлургическом центре.... с. 199, рис. 3, *3*.

[33] *Чередниченко Н. Н.* Ук. соч., с. 102.

[34] Литейная форма найдена на р. Казенный Торец в г. Славянске. Хранится в музее г. Славянска Донецкой обл. Изготовлена из талька. Рисунок и сведения переданы нам А. В. Шамраем.

[35] Кург. 3, погр. 1, г. Артемовск; раскопки автора в 1972 г.

[36] *Березанская С. С.* Северная Украина в эпоху бронзы. Автореф. докт. дис. Киев, 1977, с. 27, 28.

[37] *Черных Е. Н.* Ук. соч., с. 186, 187.

В. Е. РАДЗИЕВСКАЯ

НОВЫЕ НАХОДКИ ПРЕДМЕТОВ СКИФСКОГО ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ

Предметы скифского звериного стиля на памятниках в бассейнах Северского Донца и Ворсклы по сравнению с остальной территорией Поднепровья известны пока в небольшом количестве [1]. В этой связи особый интерес представляют новые находки скифского изобразительного искусства VI—V вв. до н. э., полученные при исследовании поселений на этой территории.

На Бельском городище в 1976 г. в ходе раскопок комплекса костерезной мастерской конца VI — начала V в. до н. э. среди других материалов была обнаружена S-образная костяная заготовка накладки [2]. Она имеет вид пластинки с зооморфными изображениями на концах (рис. 1, *а*). Накладка вырезана ножом из пластинки, полученной в результате расщепления челюсти крупного животного. Следы работы ножом хорошо видны в вершинах фигурных вырезок на концах заготовки. Они напоминают профиль резных головок с тупой мордой и направленным вперед ухом на псалиях из некоторых посульских курганов VI в. до н. э. в урочищах Стайкин Верх (кург. 4) [3], Солодка (кург. 1) [4], у с. Волковцы (кург. 9) [5], у с. Аксютинцы (кург. 2) [6].

Необычна компоновка пластинки в виде повернутых в противоположные стороны одинаковых звериных головок на изогнутых шеях. Среди довольно большой группы изделий звериного стиля, происходящих из памятников лесостепной Скифии, такая костяная заготовка встречена впервые. Этот прием оформления фигурных изделий был мало распространен и в степном Причерноморье. Примером может служить близкая по общей композиции бронзовая пластина из третьего Семибратнего кургана, где S-видно повернутое туловище хищника заканчивается головами на концах [7].

С поселения VII—V вв. до н. э. у с. Пожарная Балка в бассейне Ворсклы [8], которое сейчас продолжает исследовать В. П. Андриенко, происходит редкая подвеска-амулет из костного основания когтя медведя [9] (рис. 1, *б*). При подвешивании верхняя часть изделия имитировала головку фантастического существа с массивным клювом и гребнем. На месте глаза просверлено отверстие для подвешивания. При изготовлении этой вещи с когтя заранее была снята роговая оболочка, продольная часть втяжного выступа слегка выровнена и заглажена. Подправлен также ножом край гребня. Аналогии подобной находке нам неизвестны.

На городище VI—V вв. до н. э. у с. Полковая Никитовка в Поворсклье [10] была найдена костяная бляха высокохудожественного исполнения, видимо, от конской уздечки (рис. 1, *г*; 2, *а*).

---

[1] *Шкурко А. И.* О локальных различиях в искусстве лесостепной Скифии.— В сб.: Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976, с. 90.

[2] *Шрамко Б. А.* Продолжение раскопок Гелона.— АО — 1976. М., 1977, с. 393. Благодарю Б. А. Шрамко за любезно предоставленные для публикации материалы из раскопок Бельского городища.

[3] *Ильинская В. А.* Скифы Днепровского лесостепного Левобережья. Киев, 1968, табл. IX, *2*.

[4] Там же, табл. XII, *2*, *3*.

[5] Там же, табл. XXXV, *16*, *19*.

[6] Там же, табл. XX, *13*.

[7] ОАК за 1877. СПб., 1880, с. 9.

[8] *Ляпушкин И. И.* Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа.— МИА, № 104, 1961, с. 123.

[9] Определение когтя проведено кандидатом биологических наук И. А. Кривищким. Благодарю В. П. Андриенко за любезное разрешение опубликовать эту находку из его раскопок.

[10] *Моруженко А. А.* Исследования в бассейне Ворсклы.— АО — 1969. М., 1970, с. 246.

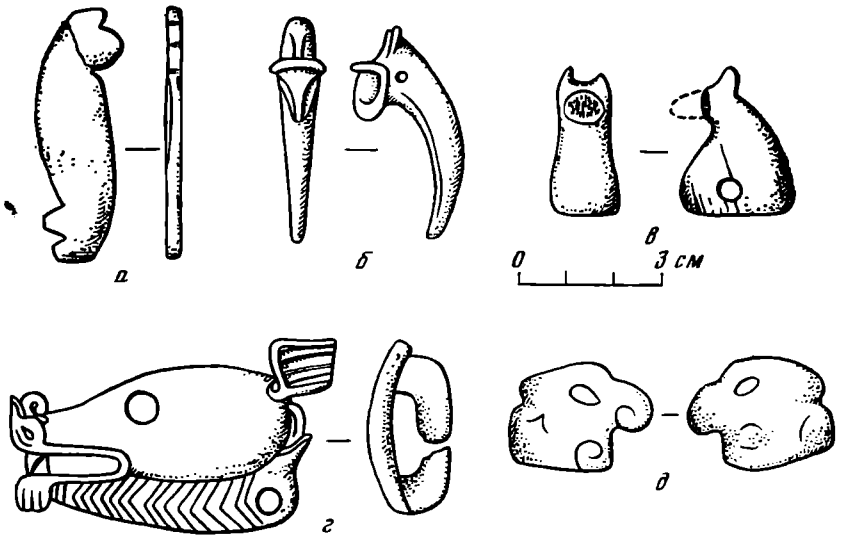


Рис. 1. Костяные изделия, найденные в бассейнах Ворсклы и Северского Донца: *а* — накладка, Бельское городище; *б* — подвеска, селище у с. Пожарная Балка; *в* — наносник, селище у с. Старые Валки; *г* — бляха от уздечки, городище у с. Полковая Никитовка; *д* — деталь от уздечки, Люботинское городище

Изделие представляет собой вырезанную из средней части диафиза крупной трубчатой кости головку хищника удлиненных пропорций. С обратной стороны изделия часть кости срезана, а оставшаяся образует петлю для продевания плоского уздечного ремня (рис. 2, *б*). Костяная бляха скорее всего относится к предметам местного изготовления. Поражает мастерство, с которым древний художник в одном изображении объединил различные образы скифского звериного стиля. Полураскрытая пасть зверя с оскаленными клыками оформлена в виде овального отверстия. Контур пасти подчеркнут дополнительной бороздкой. «Бородка» на нижней губе расчленена тремя резными линиями. На месте носа животного изображена выразительная головка хищной птицы со спирально загнутым клювом. У основания клюва имеется каплевидный отросток. Ромбовидный глаз отвечает манере архаического искусства [11], хотя отдельные детали головки выполнены в стиле раннего V в. до н. э.[12] Преувеличенную верхнюю часть морды зверя уравновешивает выступающее ухо ромбической формы. Линии, заполняющие ушную раковину, не только подчеркивают динамику отогнутого назад уха, но и создают иллюзию раскрытого в полете крыла птицы. Оформление уха животного в виде крыла птицы было довольно распространено в скифском искусстве. Достаточно вспомнить бронзовую бляху в форме орлиной головки с ухом-крылышком из кург. 33 у с. Бобрица второй половины V в. до н. э.[13], а также серию бронзовых львиных головок из Журовских курганов 400 и 401 [14] и кург. 32 у Нимфея [15]. Кроме того, обращает внимание близость оформления и других деталей этих изделий с украшением из Полковой Никитовки. Полураскрытый овал пасти, характерная бородка на

[11] *Погребова Н. Н.* Грифон в искусстве Северного Причерноморья.— КСИИМК, 1948, XXII, с. 66.

[12] См. например, золотую пластину с орлиными головками из кург. № 401 в урочище Журовка. *Петренко В. Г.* Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н.э.— САИ, вып. Д1-4. М., 1967, табл. 16, *б*.

[13] *Ханенко Б. Н. и В. И.* Древности Приднепровья, вып. III. Киев, 1900, табл. LVI, *ж*; *Петренко В. Г.* Ук. соч., с. 93.

[14] *Бобринский А. А.* Отчет о раскопках, произведенных в 1903 г. в Чигринском уезде Киевской губернии.— ИАК. СПб., № 14, 1905, рис. 13, 23.

[15] ОАК за 1877. СПб., 1879, с. 271.

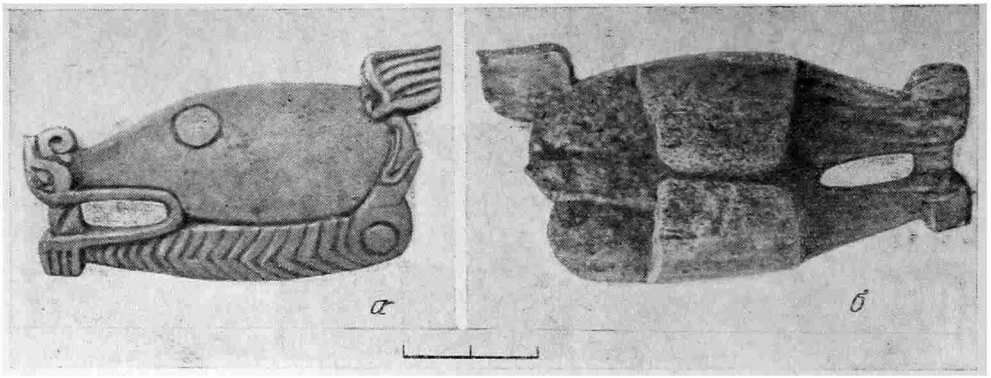


Рис. 2. Бляха, найденная на городище у с. Полковая Никитовка: *а* — лицевая сторона; *б* — обратная сторона

нижней губе, ярко выраженные клыки и грива на всех этих предметах даны в сходном стиле. Как отмечалось В. А. Ильинской, изображение львиных голов на уздечных бляхах получило широкое распространение с начала V в. до н. э.[16]

Волютообразная мочка уха хищника на бляхе из Полковой Никитовки близка к сделанным в такой же манере нащечникам в форме крыла из кург. 66 у с. Бобрица рубежа V—IV вв. до н. э. и кург. 5 у с. Берестняги второй половины V в. до н. э.[17] Более сложны по композиции золотые нащечники античного происхождения из курганов Солоха [18], Большая Цимбалка [19] и др.

Наконец, особо следует остановиться на добавочном изображении, украшающем бляху из Полковой Никитовки снизу. Композиция этого образа продиктована мастеру формой предмета. В основание нижней челюсти морды хищника вписана орлиная головка, которая гармонично сочетается с длинной шерстью на шее зверя. Изображение дано в плоском рельефе, а шерсть показана резьбой, которая вплотную примыкает к птичьей головке и вместе с тем четко отделена глубокой врезной линией от остальной морды хищника. В результате создается впечатление, что вдоль нижней челюсти морды хищника расположена вытянутая фигура птицы в профиль со сложенными крыльями. Не исключая возможности такой стилизации, следует подчеркнуть ее уникальность. Замечено, что сюжет фигуры орла сравнительно редко встречается в раннем зверином стиле [20], а те немногие разработки этой темы, которые нам известны, выполнены в манере, совершенно отличной от изображения на бляхе из Полковой Никитовки. Более характерна собственно головка птицы, создающая пропорциональность в распределении добавочных мотивов на поделке. Круглый глаз, хищно изогнутый клюв с четко выделенной роговицей и надклювьем типичны для скифского звериного стиля с начала V в. до н. э. Ту же схему изображения орлиной головки мы находим на бронзовых уздечных пряжках первой половины V в. до н. э. из кург. 2 у с. Волковцы [21] и кург. 412 у с. Журовка [22], фигурных

---

[16] *Ильинская В. А.* Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве.— СА, 1971, № 2, с. 81.

[17] *Ханенко Б. Н. и В. И.* Ук. соч., табл. LVI, *л*; *Петренко В. Г.* Ук. соч., с. 94, табл. 30, *15*, *16*.

[18] *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага — Л., 1966, табл. 81.

[19] Там же, с. 26, табл. 40.

[20] *Ильинская В. А.* Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля.— СА, 1965, № 1, с. 105.

[21] *Ханенко Б. Н. и В. И.* Древности Приднепровья, вып. II. Киев, 1899, табл. 316.

[22] *Петренко В. Г.* Ук. соч., табл. 29, *23*.

налобниках из кург. 2 у с. Борзна [23] того же периода и кургана V в. до н. э. у с. Аксютинцы [24]. Ряд орлиных головок в профиль вытиснены на золотой пластине из кургана V в. до н. э. у с. Рахмановка на Криворожье [25]. В целом сочетание головы хищного зверя с головкой птицы, расположенной на скуловой части нижней челюсти основного образа, можно проследить на очень немногих уздечных украшениях скифской эпохи. К ним относится пара бронзовых львиноголовых блях из кург. 491 у с. Макеевки первой половины V в. до н. э.[26] Здесь мы видим ту же схему расположения головки орла, что и на бляхе из Полковой Никитовки.

Несмотря на то что отдельные элементы декора описываемого изделия находят параллели в торевтике V в. до н. э., причем в основном его первой половины, самобытность и оригинальность этого произведения скифского звериного стиля несомненны. При лаконизме изобразительных средств, использованных мастером, гармоничность и завершенность в трактовке образов достигается за счет графической четкости композиции и удачного сочетания фигур. Чистота образов, отсутствие большого количества чисто орнаментальных мотивов, пропорциональность композиции сближают резную костяную бляху из Полковой Никитовки с лучшими произведениями звериного стиля периода архаики.

Две вещи в скифском зверином стиле были найдены на поселениях бассейна Северского Донца, где пока зафиксировано очень мало художественных изделий.

В 1972 г. при сборе подъемного материала на зольниках селища VI—V вв. до н. э. у с. Старые Валки на Харьковщине был обнаружен костяной предмет в виде протомы животного с ушастой головкой (рис. 1, *в*).

В шее зооморфного изображения просверлено отверстие, в котором сохранились остатки свернутого в трубочку ремня. Расположение отверстия, форма предмета позволяют предполагать, что это наносник конской уздечки, имевшей не широкие ремни в виде кожаных лент, а узкие объемные. Последние нередко встречаются на уздечках скифской эпохи.

К сожалению, передняя часть морды зверя оказалась поврежденной, и определить видовую принадлежность изображения невозможно. Тем не менее интересно отметить, что при всем многообразии наносников в форме объемных зооморфных головок, особенно характерных для V в. до н. э., все они выполнены из бронзы [27]. Костяные принадлежности узды, в том числе и наносники, известны в более ранних комплексах (Темир-Гора, Келермесский курган, курган у с. Нижние Срогозы, курганы 38 и 319 у с. Гуляй Город и др.), но и здесь они имеют обычно вид отдельных резных головок и прямых аналогий нашей находке не дают. Наибольшее распространение образ животного с торчащим ухом в архаическую эпоху получил на костяных псалиях опять же в виде отдельных профильных головок коня, лося и др. Видимо, именно с этой категорией вещей следует связывать появление скульптурных изображений животных на бронзовых художественных наносниках V—IV вв. до н. э. Последним, возможно, предшествовали костяные изделия типа поделки из Старых Валок.

---

[23] *Ильинская В. А.* Скифы Днепровского лесостепного Левобережья..., с. 78, табл. XXXI, *12*.

[24] Там же, с. 38, табл. XXVI, *9*.

[25] Археологія Українськоі РСР. Київ, т. II, 1971, с. 55, рис. 17, *10*.

[26] *Галанина Л. К.* Скифские древности Поднепровья.— САИ, вып. Д1-33. М., 1977, табл. 13, *1*.

[27] *Петренко В. Г.* Ук. соч., с. 165, табл. 29 и др.

Для украшения конской сбруи предназначалось, видимо, и костяное изделие, найденное на Люботинском городище VI—IV вв. до н. э.[28] (рис. 1, *д*). В данном случае мы видим несколько упрощенную схематическую резную головку грифона в местной проработке. Заметно стремление к стилизации — изогнутость выступающего клюва подчеркнута гравированным завитком, такой же завиток имеется на шее грифона. Остроконечная бороздка, вероятно, передает ухо. Миндалевидный глаз преувеличенных размеров выражен четко. С противоположной стороны головки детали проработаны не полностью — хорошо виден глаз, ниже которого прослеживаются менее четкие остатки какого-то рисунка, видимо повторяющего в общих чертах ту же стилизацию. Необходимо отметить, что переход к орнаментализму в скифском искусстве наиболее ярко проявился в основном в торевтике конца V—IV в. до н. э. Примером может служить ажурная пластина на конце псалия из третьего Семибратнего кургана. Здесь дополнительные завитки, украшающие клюв, глаз и бедро орла, имеют чисто орнаментальное значение[29]. Глаз птицы напоминает по форме глаз грифона с Люботинского городища. Как известно, резные костяные украшения в других местах Скифии к IV в. до н. э. почти полностью исчезают. Изделие, о котором идет речь, является редким примером отражения нового декоративного направления в скифском изобразительном творчестве на предметах из такого архаического материала, как кость.

Таким образом, новые находки оформленных в зверином стиле костяных изделий расширяют наши представления о характере этих образцов прикладного искусства у лесостепных племен скифского времени и показывают некоторые особенности его развития в бассейнах Ворсклы и Северского Донца.

---

[28] *Шрамко Б. А.* Нові дані про господарство скіфської епохи.— Вісник Харківського університету. Історична серія, вып. I, № 17, 1966, с. 74.

[29] *Артамонов М. И.* Ук. соч., табл. 135.

Е. В. ЧЕРНЕНКО, В. И. КЛОЧКО

О ПОДЛИННОСТИ ЗОЛОТОЙ ПЛАСТИНЫ ИЗ САХНОВКИ

В 1901 г. у с. Сахновка Корсунь-Шевченковского р-на Черкасской обл. В. Е. Гезе раскопал несколько курганов скифского времени. В одном из них была найдена золотая пластина из головного убора (рис. 1). Обстоятельства ее находки и детальная характеристика пластины приведены в недавно вышедшей работе С. С. Бессоновой и Д. С. Раевського[1].

Одним из первых обратил внимание на эту находку М. И Ростовцев, высказавший сомнение в ее подлинности[2]. Позднее он же решительно отстаивал ее подлинность[3]. Подлинной считал пластину и М. И. Артамонов, который писал: «...подлинность этой вещи была поставлена под

---

[1] *Бессонова С. С., Раевський Д. С.* Золота пластина з Сахнівки.— Археологія, 1977, № 21.

[2] *Ростовцев М. И.* Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре.— ИАК, вып. 19, 1913, с. 13, 14.

[3] *Ростовцев М. И.* Воронежский серебряный сосуд.— МАР, вып. 34, 1914, с. 88.

Рис. 1. Пластина из Сахновки

сомнение, однако, с нашей точки зрения, ни в условиях находки, ни в характере пластины, ни в стиле ее изображения нет ничего, что оправдывало бы недоверие к этому памятнику» [4].

Однако недоверие к подлинности рассматриваемой пластины, очевидно, обусловило то, что она не нашла отражения в ряде работ, в которых рассматриваются памятники скифского времени, происходящие с этой территории [5].

Убедительные доводы в пользу подлинности пластины приведены в работе С. С. Бессоновой и Д. С. Раевського. Однако ее авторы не обратили внимание на несколько мелких деталей в снаряжении воинов, изображенных на пластине, являющихся, на наш взгляд, решающим доводом в пользу ее безусловной подлинности и совершенно исключающих возможность ее позднейшего изготовления. Речь идет о нескольких деталях устройства горитов, которые были неизвестны к моменту находки пластины и стали известны науке только через много лет после того, как пластина поступила в фонды Киевского исторического музея.

К моменту находки пластины были известны воспроизведения горитов скифских типов в вазовой живописи и торевтике. Особый интерес в данном случае представляют гориты, воспроизведенные на бляшках из кургана Патиниотти [6] и сосуде из Куль-Обы [7]. Гориты на вазе из Чертомлыка относятся к другому типу. На бляшках из кургана Патиниотти и на сосуде из Куль-Обы показаны гориты, которые хорошо представлены на целой серии изображений, найденных позднее (сосуды из Воронежа, Гайматовой могилы, пекторали из Толстой Могилы и др.), такие гориты хорошо известны и по золотым обкладкам, происходящим из кургана Пастака [8], Карагодеуашха [9], найденных незадолго до пластины из Сахновки, горитов Чертомлыцкой серии (Чертомлык, Ильинцы, Мелитополь, Пятибратний курган).

---

[4] *Артамонов М. И.* Антропоморфные божества в религии скифов.— Археологический сборник, вып. 2. Л., 1961, с. 61.

[5] *Петренко В. Г.* Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э.— САИ, вып. Д1 — 4. М., 1967; *Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV—II вв. до н. э.— САИ, вып. Д1 — 27. М., 1970.

[6] *Латышев В.* Неизданные дневники Дюбрюкса.— ЗООИД, т. 15, 1889, табл. II, *1—3.*

[7] *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов. Прага, 1967, табл. 228, 229.

[8] Там же, табл. 193, 194.

[9] *Лаппо-Данилевский А., Мальмберг В.* Курган Карагодеуашх. СПб., 1894, рис. 34, табл. IX.

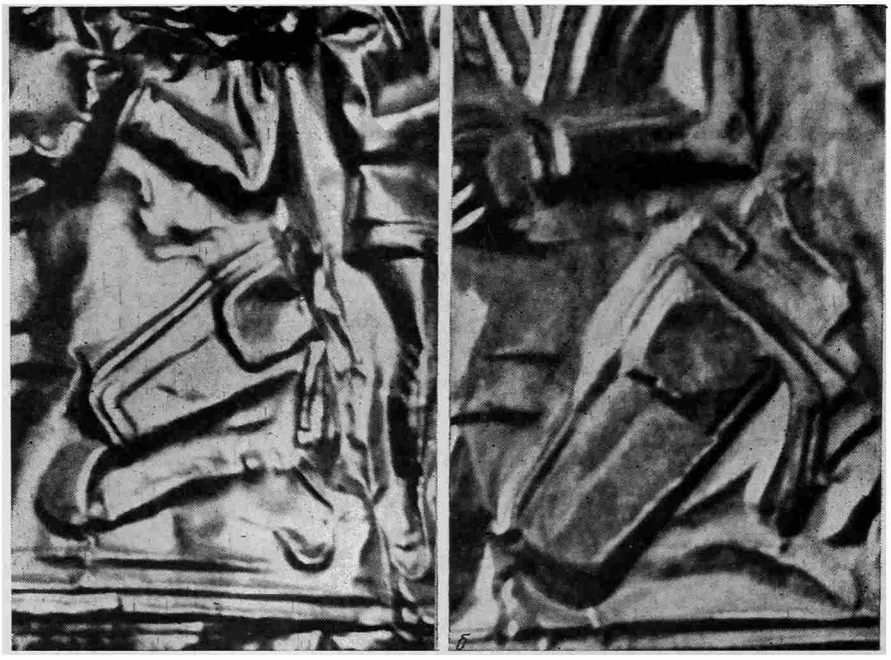


Рис. 2. Гориты на пластине из Сахновки (детали)

Допуская возможность фальсификации, следует предположить, что мастер, изготовивший Сахновскую диадему, проявивший при этом прекрасное знание скифских древностей, безусловно, передал бы на ней гориты уже известного типа (Патинноти, Куль-Оба, курган Пастака, Чертомлык, Карагодеуашх). Совершенно необъяснимо в этом случае помещение на сценах пластины из Сахновки горита неизвестного к тому времени типа, что сразу же могло бы вызвать сомнения в подлинности вещи.

Все упомянутые выше гориты и их воспроизведения на предметах торевтики передают один и тот же тип. Они имеют прямоугольную, лишь слегка сужающуюся книзу форму, левый нижний угол закруглен. В верхней части имеется небольшой вырез, где помещен карман для стрел (рис. 2). Этот карман на всех парадных горитах, известных по ранним находкам, остается открытым, следов каких-либо приспособлений для закрывания нет. Рядовые гориты, карман которых закрывался клапаном и застегивался небольшой палочкой-застежкой, тогда еще не были известны. Первый горит подобного рода и показан на диадеме из Сахновки (рис. 2, *1*; 3, *1*). Застежка, которой застегнут карман для стрел, хорошо видна на одном из горитов нашей пластины. Сейчас мы знаем около 20 таких застежек, изготовленных из золота, бронзы и кости. Большинство их относится к VI—V вв. до н. э. Одновременны Сахновской диадеме (IV в. до н. э.) единицы. К моменту ее находки такие застежки были найдены только в Мельгуновском кургане, кургане у с. Обиточное под Ногайском и в одном из погребений Темир-Горы. В то время, когда была найдена пластина из Сахновки, эти материалы еще не были изданы. Краткий очерк А. П. Мельгунова был издан А. А. Спицыным только в 1901 г. (год раскопок у с. Сахновка) [10]. В нем застежка только называлась, а не связывалась с горитом, как и в более подробном

[10] *Спицын А. А.* Археологические материалы и мелкие заметки.— ЗРАО, т. XII, вып. 1—2, 1901, с. 270 сл.

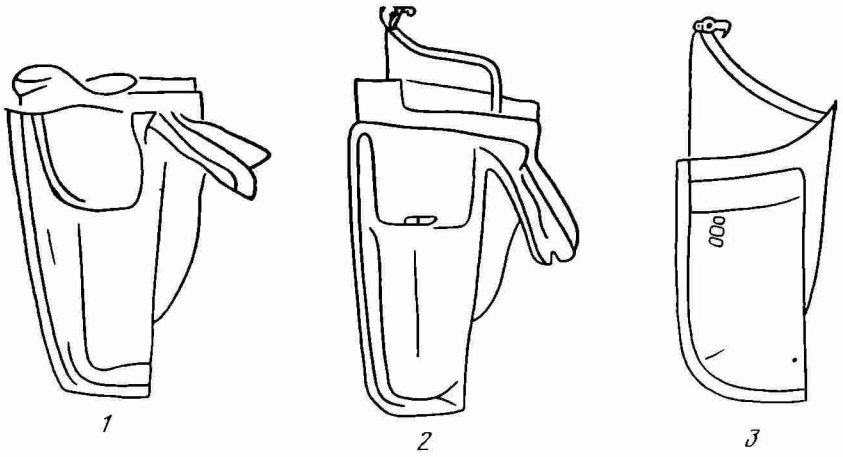


Рис. 3. Гориты на пластине из Сахновки (*1*, *2*) и на стеле из Терновки (*3*)

Рис. 4. Чаша из Гайлановой Могилы

исследовании Мельгуновского комплекса [11]. Застежка из кургана у с. Обиточное была издана только в 1956 г., а из Темир-Горы — еще позднее [12].

Единственный горит, на котором карман со стрелами закрыт клапаном с застежкой, стал известен только в 1955 г. Его четкое изображение помещено на стеле из с. Терновки Николаевской обл. (рис. 3, *2*) [13]. Все остальные застежки от горитов этого типа стали известны после 1901 г.

---

[11] *Придик Е.* Мельгуновский клад 1763 г.— МАР, вып. 31, 1911, с. 20, рис. 14.

[12] *Яценко И. В.* Скифские погребения близ Ногайска.— ВДИ, 1956, № 1, с. 161; *Яковенко Э. В.* Курган на Темир-Горе.— СА, 1972, № 3, с. 262, рис. *1*, *2*.

[13] *Елагина Н. Г.* Скифские антропоморфные стелы Николаевского музея.— СА, 1959, № 2, рис. 4, 8, с. 193.

Гориты на Сахновской пластине украшены кистями, свисающими с правого верхнего угла. На обычай украшения горитов такими кистями обратил внимание М. И. Ростовцев, указавший, что эта деталь декора горитов стала известна только после находки Воронежского сосуда через десяток лет после раскопок у Сахновки [14]. Ему решительно возразил Н. И. Веселовский, приведя в качестве аналогий ремни на горитах, изображенных на монетах и этрусских зеркалах [15]. Доводы Н. И. Веселовского не могут нас убедить. Ремни на указанных им предметах отличаются от кистей горитов на диадеме из Сахновки, Воронежском сосуде и на Гаймановой чаше (рис. 4).

Очевидно, такой характер украшений был достаточно обычным для скифских горитов. Его считал необходимым показать даже резчик штемпеля монеты Атея [16].

В пользу безусловной подлинности Сахновской пластины говорит и наличие прямоугольного выступа в левом углу горита. Его нет на всех упоминавшихся горитах или их изображениях. Помимо горитов на этой пластине аналогичный выступ есть только на обнаруженном в 1965 г. горите с рельефа из Трехбратнего кургана под Керчью [17].

Большой интерес представляет и изображение лука в одном из горитов на Сахновской диадеме (рис. 3, *1*). Хотя оно не очень четкое, создается впечатление, что лук в верхней части украшен головкой грифона (?). Такой грифон хорошо виден на луке стелы из Терновки (рис. 3, *3*) [18].

Все приведенные выше доводы являются, на наш взгляд, убедительным свидетельством в пользу подлинности Сахновской пластины.

---

[14] *Ростовцев М. И.* Представление о монархической власти..., с. 13.

[15] *Веселовский Н. И.* О горитах с ремнями.— ИАК, вып. 54, 1914, с. 117, 118.

[16] *Анохин В. А.* Монеты Атея.— В сб.: Скифские древности. Киев, 1973, с. 25, рис. 1.

[17] *Бессонова С. С., Раевський Д. С.* Ук. соч., с. 49; *Бессонова С. С., Кириллин Д. С.* Надгробный рельеф из Трехбратнего кургана.— В сб.: Скифы и сарматы. Киев, 1977, с. 133, рис. 4.

[18] *Елагина Н. Г.* Ук. соч., рис. 8, *1*.

С. Л. ДУДАРЕВ

ДЕТАЛЬ КОНСКОЙ СБРУИ ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ КИСЛОВОДСКА

В 1977 г. автору настоящей заметки был передан бронзовый предмет длиной 17,5 *см* (рис. 1), найденный в 4 *км* к западу от Кисловодска в урочище Клин-Яр [1]. Он представляет собой большое бронзовое кольцо (диаметр 6,3 *см*), отлитое вместе с подвижной рамочной планкой. Плоская, подпрямоугольная в сечении планка толщиной 5 *мм* имеет перекладину, от которой отходит стержень, завершающийся кольцом со слабозакругляющейся шляпкой. На противоположном конце планки располагается другая (грибовидная) шляпка на ножке, находящаяся в одной плоскости с первой. Диаметр обеих шляпок почти идентичен (2,8 и 3 *см* соответственно). На обеих плоскостях планки рядом с отверстием находятся параллельные круглые углубления до 3 *мм* глубиной (пара таких углублений хорошо видна на рис. 1, *а*).

[1] Находка поступила от жителя Кисловодска С. Н. Савенко.

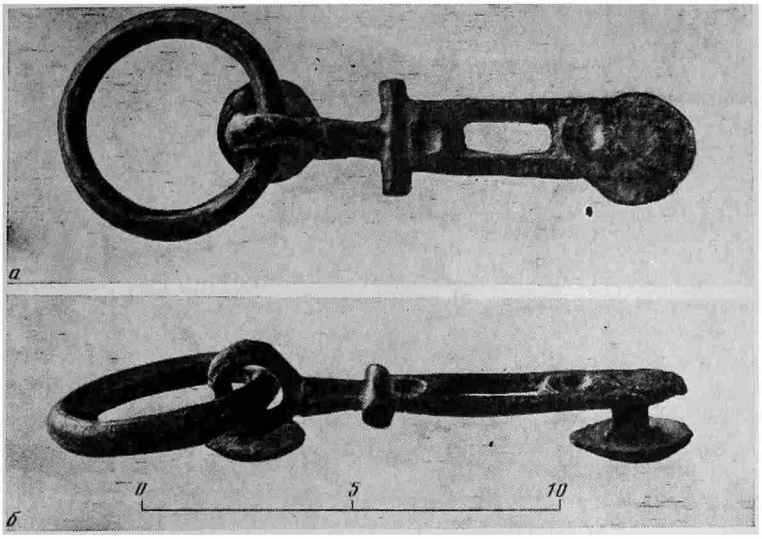


Рис. 1. Бронзовый предмет из урочища Клин-Яр: *а* — вид сверху; *б* — вид сбоку

Аналогиями этому предмету являются некоторые элементы конской сбруи из комплексов начала раннего железного века с территории Северного Кавказа и украинской лесостепи — бронзовые кольца с подвижной муфтой,— описанные А. А. Иессеном, Г. Т. Ковпаненко и А. И. Тереножкиным (хут. Алексеевский, хут. Кубанский, курган в «Широкой балке» у Лермонтовского разъезда, с. Бутенки) [2]. Наш экземпляр отличается от указанных образцов меньшим диаметром кольца, массивной подвеской-планкой с двумя (а не с одной) шляпками для крепления повода. Наиболее близким планочной части клин-ярского предмета является дополнительное звено от поводьев, отлитое совместно с бронзовыми однокольчатыми удилами из района Майкопа [3].

Полагаем, что приведенные аналогии позволяют датировать клин-ярскую находку VIII—VII вв. до н. э.[4]

[2] *Иессен А. А.* Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе.— ВССА. М., 1954, с. 118, рис. 7; с. 121, рис. 10; *Ковпаненко Г. Т.* Погребение VIII—VII вв. до н. э. в бассейне р. Ворсклы.— КСИА АН УССР, вып. 12. Киев, 1962, с. 66—72; *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев, 1976, с. 72, рис. 38, *15—16*; с. 127, рис. 77, *5*.

[3] *Иессен А. А.* К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на Юге Европейской части СССР.— СА, XVIII, 1953, с. 74, рис. 15.

[4] Не исключено, что эта находка связана с раскопанным А. П. Руничем Клин-Ярским могильником 1 VIII—VII вв. до н. э. (*Рунич А. П.* Отчет о раскопках в районе Кавминвод за 1964 г.— Архив ИА АН СССР, Р-1, № 2869); *Виноградов В. Б., Рунич А. П.* Новые данные по археологии Северного Кавказа.— АОС, т. III. Грозный, 1969, с. 111—113.

Д. Ю. ЧАХКИЕВ

КОЛЬЧУГА ИЗ СЕЛ. МАХКЕТЫ (ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИЯ)

Кольчатый доспех относится к числу наименее изученных видов защитного вооружения у позднесредневековых вайнахов (чеченцев и ингушей). В какой-то мере это объясняется отсутствием полностью сохранившихся кольчуг, хотя их фрагменты неоднократно встречены в погребениях [1]. В этой связи представляется весьма интересной случайная находка в 60-х годах целой кольчуги в окрестностях селения Махкеты Веденского р-на Чечено-Ингушской АССР [2].

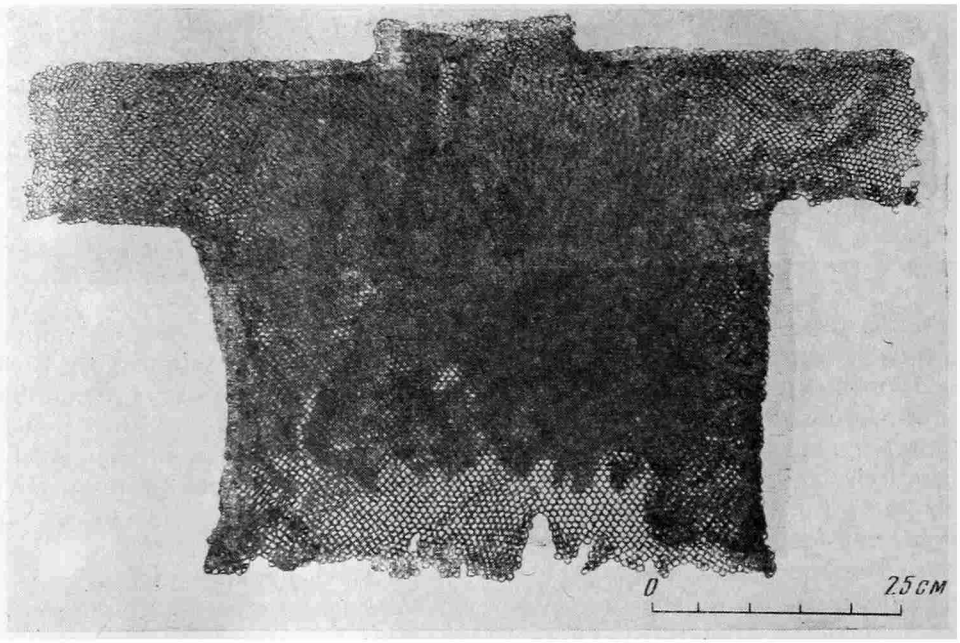


Рис. 1. Кольчуга из сел. Махкеты

Покрой этой кольчуги — рубашка с короткими, выше локтя, рукавами (рис. 1). Ворот панциря квадратный, разрезной, с воротником, который возвышается над уровнем плеч на 5 *см*. Ширина горловины 19 *см*. В передней части воротника выступают два прямоугольных отрезка, предназначенных для застежки воротника. Сзади воротник имеет продольный разрез глубиной 6 *см*. Разрез ворота немного сдвинут вправо. Глубина разреза 15 *см*.

Рукава панциря прямые, они частично повреждены (особенно сильно левый рукав). Длина рукавов 18 *см*, ширина 20 *см*. Ширина кольчуги с рукавами 95 *см*, в талии — 56 *см*, по подолу — 60 *см*. Подол сильно поврежден и поэтому трудно точно установить, были ли на нем разрезы или нет. Длина кольчуги 62 *см*. Вес ее 3,500 *кг*. Плетение кольчуги одинарное, т. е. каждое кольцо соединено с четырьмя соседними (рис. 2). Кольца несколько различаются по толщине. Наиболее массивные кольца находятся на плечах и груди, а менее массивные (тонкие) — на подоле,

[1] См., например: *Умаров С. Ц.* Средневековая материальная культура горной Чечни XIII—XVII вв. В 2 томах. Кандидатская диссертация. Грозный, 1970 (рукопись, Институт археологии АН СССР), с. 303—305; *его же.* Археологические исследования в высокогорных районах Чечни в 1968 году.— АЭС, т. IV. Грозный, 1976, с. 140, рис. 2, 10; *Марковин В. И.* В стране вайнахов. М., 1969, с. 19; и др.

[2] Хранится в краеведческом музее Махкетинской средней школы, организованном учителем истории А. Ш. Шахидовым. Пользуюсь случаем выразить благодарность В. Б. Виноградову, указавшему на эту находку.

рукавах и на воротнике. На остальных же участках панциря расположены кольца средней толщины. Кольца — железные, средней величины. Их размеры: диаметр 10—10,5 *мм*, ширина 1—1,1 *мм*, толщина 0,6—0,7 *мм*. Кольца имеют овальную форму, плосковатые, склепаны «на шип» [3].

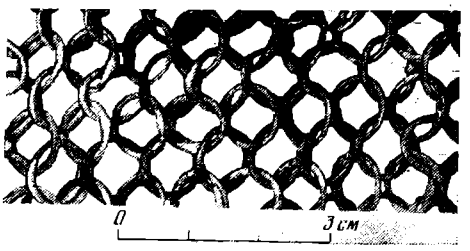


Рис. 2. Плетение кольчуги

Вследствие консервативной техники изготовления кольчатого доспеха его трудно датировать; те же приемы сохранялись в течение нескольких столетий [4]. Так, доспехи, состоящие только из склепанных колец, к числу которых относится и махетинский панцирь, стали производиться в Европе после 1400 г. [5]. Они преобладали в Московской Руси до конца XVII в. [6] Ко второй половине XVI—XVII в. относится посещение Москвы многочисленными северокавказскими посольствами (кабардинцы, балкарцы, черкесы, адыгейцы, дагестанцы) [7]. В числе их были и довольно многочисленные представители вайнахов, которые по разрешению русского царя не раз закупали в Москве защитное вооружение (в том числе кольчуги) [8]. Можно предполагать, что махетинская находка является частью именно такого закупленного вайнахскими посланниками «заповедного» (т. е. изъятого из свободного торгового обмена) [9] товара.

Не исключена, однако, и другая возможность появления кольчуги в окрестностях нынешнего селения Махкеты. Этот район расположен в зоне активной транзитной торговли и наезженных путей из Северного Кавказа в Закавказье [10]. Именно здесь обнаружены в 1976 г. проф. В. Б. Виноградовым единственный пока на Северном Кавказе клад польских монет XVII в.[11] и другие оригинальные позднесредневековые находки. Отметим, что в позднем средневековье соседи вайнахов (адыгские и хевсурские племена) славились своим производством защитного вооружения. [12]. Следовательно, можно связать махетинскую находку с

---

[3] *Гордеев Н. В.* Русский оборонительный доспех.— В кн.: «Государственная Оружейная палата Московского Кремля». М., 1954, с. 79, 80.

[4] *Денисова М. М., Портнов М. Э., Денисов Е. Н.* Русское оружие. М., 1953, с. 61; *Кирпичников А. И.* Древнерусское оружие. Доспех, комплекс боевых средств (IX—XIII вв.).— САИ, вып. Е1-36. Л., 1971, с. 13.

[5] *Burgess E.* A mail shirt from the Hearst collection autiquaries.— Journal of Archeology, vol. 38, № 3—4, L., 1958, с. 202; *Кирпичников А. Н.* Ук. соч., с. 13, 14.

[6] *Денисова М. М. и др.* Ук. соч., с. 61, 157—159; *Ленц Э. Э.* Опись собрания оружия графа С. Д. Шереметева. СПб., 1895, с. 6; *его же.* Указатель отделения средних веков и эпохи Возрождения, ч. 1. Собрание оружия. СПб., 1908, с. 287—288; *Кирпичников А. Н.* Ук. соч., с. 14; *его же.* Военное дело на Руси. Л., 1976, с. 40—41; и др.

[7] *Кушева Е. Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVII вв. М., 1963.

[8] *Белокуров С. А.* Сношения России с Кавказом. Вып. I, 1578—1613 гг.— ЧОИДР, 1888, кн. III, с. 520; *Виноградов В. Б., Магомадова Т. С.* Один из северокавказских союзников Руси.— ВИ, 1971, 10, с. 215—219; *Умаров С. Ц.* К политической и социально-экономической истории Чечни XVI—XVII веков.— АЭС, т. IV. Грозный, 1976, с. 184.

[9] *Белокуров С. А.* Ук. соч., с. 520.

[10] *Исагулов Г. И.* О путях исторических связей предков вайнахов с населением Грузии.— Матер. Второй Всес. конф. по вопр. ист. и филол. народов Кавказа. Тбилиси, 1969, с. 19, 20.

[11] *Виноградов В. Б.* Махетинская находка (первый клад польских монет XVII в. на Северном Кавказе).— Газета «Комсомольское племя», 19 мая 1977 г.; *Mikolajczik A., Vinogradov V. B.* Moneta polska w strefie czarnomorskiej i Kaukaskiej (w związku z odkryciem monet polskich w Czeczenii).— Wiadomosci Numizmaticzne. Warszawa, 1977, v. XXI, z. 3.

[12] Сб. «Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв.». Под ред. В. К. Гарданова. Нальчик, 1974, с. 226, 227; *Шафиев Н. А.* История и культура кабардинцев в период позднего средневековья (XIV—XVI вв.). Нальчик, 1968, с. 89—91; История Кабардино-Балкарской АССР, т. 1. М., 1967, с. 296; *Чолока-*

результатами торгового обмена между названными этническими группами.

Наконец, можно предположить изготовление данного панциря вайнахскими мастерами. Но у нас пока нет убедительных данных (кроме преданий) [13], доказывающих распространенность в средневековой Чечено-Ингушетии местного производства кольчатого защитного вооружения, распространенного у феодализирующейся верхушки местного общества [14].

швили К. К. Грузинские доспехи — кольчуга.— ВГМГ, XIX-*А* и XXI-*В*. Тбилиси, 1957, с. 301, 302; и др.

[13] *Кобычев В. П.* Расселение чеченцев и ингушей в свете этногенетических преданий и памятников их материальной культуры.— Сб. «Этническая история и фольклор». М., 1977, с. 165, 166.

[14] Именно в таком доспехе изображен чеченский воин на известном рисунке конца XVIII в. Яна Потоцкого (см. в кн.: «Моя Чечено-Ингушетия». Грозный, 1970, с. 16).

М. В. СЕДОВА

ПЕЧАТЬ ИЗ СУЗДАЛЯ

В одном из крупнейших центров древнерусской культуры, в Суздале, в 1976 г. случайно была найдена роговая подвесная печать [1]. Она плоской, миндалевидной формы размерами 2,4×1,6×0,4 *см*, с прямоугольным ушком для подвешивания (рисунок). На обеих сторонах печати помещены изображения и подписи. На лицевой стороне в центре, в ободке, помещена фигурка птицы с хохолком на голове, с пышным хвостом, обозначенным четырьмя уверенными линиями. Скорее всего, изображен петух. Вокруг этой фигуры по контуру подвески расположена надпись, вырезанная зеркально, причем на оттиске получается хорошо читаемая надпись: печать Богданова.

На оборотной стороне по углубленному фону вырезано изображение шестикрылого ангела, а на ушке над ним надпись: ХІР (херувим).

Изображения птицы и шестикрылого ангела отличаются лаконичностью и изяществом линий. Миниатюрные фигуры удачно вписаны в заданное пространство. Буквы надписей четки и хорошо читаемы. Видимо, изготавливал печать умелый резчик. Предназначалась печать для воскомастичных оттисков. Этот тип печатей, сделанных в основном из кости, известен среди археологических находок в очень небольшом количестве. В. Л. Янин относит время их бытования к короткому отрезку времени — к первой четверти XV в. В Новгороде найдены четыре костяные печати с именами владельцев. Наиболее близка суздальской печать посадника Василия Никитича (1411, 1420, 1421 и 1423 гг.) с изображением в центре птицы и с круговой негативной надписью вокруг нее [2].

Близка по форме суздальской печати и бронзовая миндалевидная печать с изображением зверя, найденная на Славне в Новгороде [3]. Она датируется А. В. Арциховским временем не ранее XIV в. и предназначалась также для оттиска на воске. Второй половиной XV в. датируется московская круглая костяная привеска-печать Ивана Коровы [4]. Сводку

---

[1] Хранится во Владимиро-Суздальском музее-заповеднике. Дар С. В. Вереш.

[2] *Янин В. Л.* Печати из новгородских раскопок 1955 г.— МИА, № 65, 1959, с. 304, 305.

[3] *Арциховский А. В.* Раскопки на Славне в Новгороде.— МИА, № 11, 1949, с. 149, рис. 21, *г*.

[4] *Рабинович М. Г.* Материалы по истории Великого посада Москвы.— В сб.: Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М., 1954, с. 74, рис. 16.

находок костяных печатей на территории Древней Руси опубликовала М. Д. Полубояринова [5].

Таким образом, большинство костяных печатей для воскомастичных оттисков датируется XV в. Такой датировке не противоречит и написание букв на суздальской печати. Среди букв, написание которых может дать хронологические отличия, следует выделить букву А. Мачта у нее прямая, петля заостренная, слегка оторвавшаяся от строки. Аналогичное написание этой буквы встречается на произведениях прикладного искусства первой четверти XV в., в частности на изделиях владимиро-суздальских мастеров [6]. Мачты

Печать XV в.: *а* — лицевая сторона; *б* — зеркальное изображение лицевой стороны; *в* — оборотная сторона

букв Б, Ь вертикальны, петли написаны с изломом, что характерно для полуустава XV в. Петля буквы Р написана более архаично и имеет подчетырехугольные очертания, что является признаком, характерным для XIV в. [7]

Лигатура AN является характерной чертой надписей рубежа XIV—XV вв. и первых десятилетий XV в.[8], когда полуустав переходит в ско-

[5] *Полубояринова М. Д.* Костяная печать из Серенска.— КСИА АН СССР, № 125, 1971, с. 95—97.

[6] *Николаева Т. В.* Произведения русского прикладного искусства с надписями XI — первой четверти XVI в.— САИ, вып. Е1 — 49. М., 1971, с. 10, 32, 171.

[7] *Черепнин Л. В.* Русская палеография. М., 1956, с. 244; *Рыбаков Б. А.* Русские датированные надписи XI—XIV вв.— САИ, вып. Е1 — 44. М., 1964, табл. XI—XII.

[8] *Рыбаков Б. А.* Ук. соч., табл. XI—XII; *Николаева Т. В.* Ук. соч., с. 10.

ропись. Особенно интересно в палеографическом отношении написание буквы Ч в виде галочки, без мачты. Такая форма буквы также типична для памятников письменности конца XIV — первой четверти XV в[9].

Вопрос о том, кому могла принадлежать печать, неясен. Скорее всего, это должностная печать. Близкая по характеру изображений новгородская печать принадлежала посаднику Василию Никитичу. Принадлежность Московской печати Ивана Коровы не выяснена[10]. На свинцовых новгородских печатях, принадлежавших посадникам и тысяцким в XV в., иногда встречаются изображения птиц[11]. На оттисках печатей, приложенных к различным юридическим документам XIV—XV вв., также встречаются изображения, близкие по характеру суздальскому[12]. Фигурки птиц помещены на печатях келаря Кириллова монастыря Федора (XIV в.), судьи Андрея Перелешанина, послуха Фарисея, архимандрита Симонова монастыря Афанасия, игуменов Кириллова монастыря Кассиана и Нифонта и игумена Ферапонтова монастыря Филофея, а также бояр Никиты Васильевича Беклемишева и Михаила Глебовича Коровы-Кутузова (XV в.). Особенно близок по форме суздальскому оттиск миндалевидной печати XV в. Ивана Федорова сына Константиновича (№ 38).

Изображенный на оборотной стороне суздальской печати шестикрылый ангел является, скорее всего, эмблемой церковной иерархии. Судя по наблюдениям В. Л. Янина, это изображение на свинцовых печатях XI в. с надписью «Дънъслово» служило эмблемой киевской митрополии[13]. Среди суздальских иерархов неизвестен деятель с именем Богдан. Имя это светское, оно отсутствует в святцах. Видимо, владелец печати был высокопоставленным административным лицом и находился в зависимости от церкви. В письменных документах имя Богдана среди суздальских деятелей не упоминается. Но в данной грамоте Спасо-Евфимиеву монастырю, датирующейся около 1444—1445 гг., упомянут в качестве послуха «Данило Богданов суздалец»[14].

Интересно место находки печати Богдана. Она обнаружена на территории окольного города, невдалеке от Цареконстантиновской и Скорбященской церквей (современная Торговая площадь). В 1974—1976 гг. около этих церквей автором проводились раскопки. Территория раскопа захватила часть древнего кладбища. Первые погребения на нем, судя по формам крестов-тельников на покойниках, были совершены в XV в. Следовательно, уже в XV в. на этом месте существовала одна из древнейших посадских церквей Суздаля.

---

[9] *Черепнин Л. В.* Ук. соч., с. 245; *Щепкин В. Н.* Русская палеография. М., 1967, с. 132, рис. 56.

[10] *Рабинович М. Г.* Ук. соч., с. 74.

[11] *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв. М., 1970, т. II, с. 218, 224, № 698, 724—731.

[12] *Иванов П.* Сборник снимков с древних печатей, приложенных к грамотам и другим юридическим актам, хранящимся в Архиве Министерства юстиции. М., 1858, табл. I, *5*; II, *22, 23, 35—39, 42*; III, *47*.

[13] *Янин В. Л.* Актовые печати..., т. I, с. 82.

[14] Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. Т. III. М., 1964, с. 470, № 490.

М. А. ДЭВЛЕТ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ДЕМОНИЧЕСКИХ МАСОК ЛАМАИСТСКОЙ МИСТЕРИИ «ЦАМ»

Ламаистский ежегодный религиозный праздник цам — грозная мистерия торжества над еретиками, парад божеств, сошедших на землю,— устраивался, по свидетельству выдающегося знатока буддизма профессора А. М. Позднеева, «в знак того, чтобы, явив врагам веры и добродетели ясное присутствие на земле божества, отвратить всех этих злонамеренных существ от последователей веры Будды» [1].

Слово «цам» означает в переводе «танец» или «танец богов» [2]. Во время цама устраивались священные пляски лам, одетых в маски и костюмы богов-докшитов и их прислужников. «Пляски состояли то из тяжелых и неловких скачков с одной ноги на другую, то из подпрыгивания обеими ногами; немало также бегают, вертятся кругом и приседают» [3]. Танцы были «чрезвычайно медленны и донельзя однообразны» [4].

Несмотря на то что цам неоднократно описан в литературе [5], он все же изучен далеко не достаточно, в особенности остаются неосвещенными вопросы, связанные с происхождением [6]. Большинство исследователей сходятся на мысли, что корни цама очень древние, возможно еще добуддийские. Как известно, северный буддизм — ламаизм при распространении в Центральной Азии воспринимал и впоследствии трансформировал древние религии, культы и обряды, расширяя свой пантеон за счет ламаизированных местных духов и божеств [7]. Проблемы становления и развития обрядов, ритуала и пантеона ламаизма всесторонне рассмотрены Н. Л. Жуковской [8]. Показав культовую практику ламаизма в том ее виде, какой она имела в конце XIX — начале XX в. в Монголии и Бурятии, Н. Л. Жуковская выявила те элементы, которые вошли в буддизм из стадиально предшествующих форм религии. Мистерия цам привлекает особое внимание в связи с рассмотрением процесса трансформации древних обрядов.

По традиции установление цама приписывается волхву — заклинателю Падмасамбхаве, жившему в Тибете в VIII в.[9] Ныне цам — явление исчезнувшее. В Бурятии последний раз цам исполнялся в 1929 г., в Монгольской Народной Республике — в 1937 г.; не исполняется он теперь ни в Тибете, ни во Внутренней Монголии.

Существовало много локальных вариантов цама. Совершались цамы в разных монастырях в различное время, как правило, ежегодно в тот день, в который впервые в данном монастыре было введено его служение [10]. Все цамы, как подчеркивал А. М. Позднеев, одинаковы по сущ-

---

[1] *Позднеев А. М.* Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу.— В кн.: Записки Русского Географического общества по отделению этнографии, т. XVI. СПб., 1887, с. 392.

[2] *Шастина Н. П.* Религиозная мистерия «цам» в монастыре Дэун-хуре.— Современная Монголия, 1935, № 1, с. 93.

[3] *Позднеев А. М.* Ук. соч., с. 399.

[4] Там же, с. 401.

[5] *Позднеев А. М.* Ук. соч.; *Барадийн Б.* Цам-Миларайбы.— В кн.: Сборник в честь семидесятилетия Григория Николаевича Потанина. СПб., 1909; *Баранников А. П.* Цам. Л., 1926; *Шастина Н. П.* Ук. соч.; *ее же.* Следы примитивных религий в ламаистской мистерии «Цам».— В кн.: Исследования по восточной филологии. М., 1974; *Авдеев А. Д.* Происхождение театра. Л.— М., 1959; *Дьяконова В. П.* Цам у тувинцев.— МАЭ, т. 27. Л., 1971; *Forman W., Rintschen B.* Lamaistische Tanzmasken. Der Erlik — Tsam in der Mongolei. Leipzig, 1967.

[6] *Шастина Н. П.* Следы примитивных религий..., с. 317.

[7] *Кочетов А. Н.* Ламаизм. М., 1973, с. 16.

[8] *Жуковская Н. Л.* Ламаизм и ранние формы религии. М., 1977.

[9] *Шастина Н. П.* Следы примитивных религий..., с. 307.

[10] *Позднеев А. М.* Ук. соч., с. 393.

ности, и различие их заключается главным образом в порядке выхода и пляски того или другого божества, времени принесения той или другой жертвы и пр.[11] По мнению А. Д. Авдеева, многообразие вариантов цама дает возможность предполагать, что «ламаистский цам в качестве религиозной буддийской мистерии исторически сложился из многих составных частей. В этом же убеждает и разнохарактерный состав образов цама» [12].

Действующие лица цама — ламы, одетые в фантастический наряд и страшные и уродливые маски докшитов — грозных «защитников закона». Согласно легенде, некоторые из докшитов первоначально были демонами. Лишь после того как докшиты были укрощены Падмасамбхавой и приняли буддизм, они стали яростными охранителями буддийского учения [13]. Изображения докшитов «соединяют в себе все, что может представить безобразного и уродливого человеческая фантазия» [14]. Внешний вид «защитников закона» должен был вселить ужас в сердца зрителей. Окраска лиц зловещая: красная, синяя, зеленая, выражение лиц свирепое, голова увенчана черепами, из пасти торчат звериные клыки.

Некоторые из докшитов имели на голове бычьи рога. К примеру, согласно описанию Н. П. Шастиной, один из двух персонажей цама, носивших общее название Дунжа, имел бычью голову синего цвета с рогами и очиром на макушке. Пара участников цама, носившая общее название Саба, также включала персонаж с бычьей головой.

Бычьи рога на голове имел и главный персонаж цама — докшит Чойджил.

Образ владыки ада, главного судьи над душами умерших, Чойджила, или Эрлик-хана, ассоциировался с древнеиндийским Ямой. Маска Чойджила самая большая из всех масок цама, она синего цвета и представляла собою голову быка с необыкновенно большими рогами, на конце которых горит пламя. Голова владыки ада была увенчана пятью черепами и очиром в центре. Согласно легенде, Чойджил был последователем религии бон в Тибете. Он решил провести в отшельничестве в пещере 50 лет. Однажды, когда ему оставался всего один день до срока, в пещере укрылись воры с украденным быком. Они убили животное и свидетеля преступления — отшельника. Но не успела кровь пролиться на землю, Чойджил схватил голову быка, надел ее на себя и превратился во властителя ада. Он убил воров и пожрал их сердца. Самый важный момент, тот, что основной образ цама осмысливается как связанный с шаманизмом [15].

В том, что докшиты Чойджил и Джамсаран изображались с бычьими головами, Н. Л. Жуковская видит уже довольно развитый этап антропоморфизации божеств [16]. Поскольку гунны, тюрки, монголы, буряты возводили себя к быкам-прародителям, нет ничего удивительного в том, что наиболее могучие из докшитов несут в своем облике черты именно быка [17]. Следует отметить, что в искусстве окуневской культуры бронзового века на Среднем Енисее среди наскальных изображений животных преобладают фигуры быков, что Н. В. Леонтьев связывает с особым почитанием данного животного [18]. Изумительное по тщательности и со-

---

[11] Там же, с. 392.
[12] *Авдеев А. Д.* Ук. соч., с. 174.
[13] *Кочетов А. Н.* Ук. соч., с. 108, 109.
[14] *Позднеев А. М.* Ук. соч., с. 51.
[15] *Авдеев А. Д.* Ук. соч., с. 176.
[16] *Жуковская Н. Л.* Ук. соч., с. 75, 76.
[17] Там же.
[18] *Леонтьев Н. В.* Изображения животных и птиц на плитах могильника Черновая VIII.— В кн.: Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970, с. 265—270.

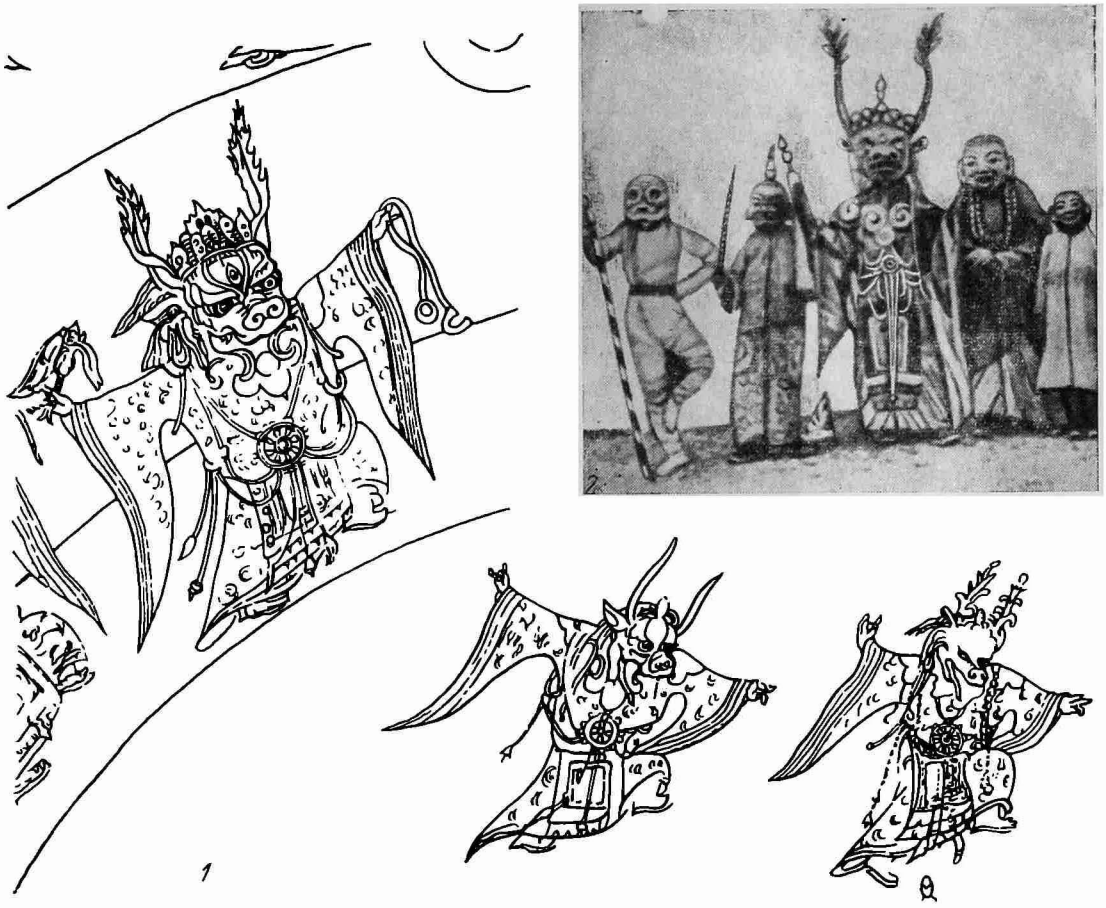


Рис. 1. *1* — Персонажи цама (по А. М. Позднееву); *2* — участники цама (по С. А. Токареву)

вершенству исполнения изображение быка помещено рядом с рисунком раскрытой ладони на святилище Мугур-Саргол.

«Генезис цама,— пишет Н. Л. Жуковская,— еще недостаточно изучен. Ясно только, что он намного древнее ламаизма, в связи с которым он обычно упоминается и исследуется, а также, что прототипы масок следует искать и среди шаманских духов, и среди духов предков, а может быть, и в промысловом культе» [19].

Маски докшитов (рис. 1, 2), как мне представляется, находят соответствие среди масок-личин бронзового века, изображенных на скалах в Саянском каньоне Енисея (рис. 3). Совпадают головные уборы в виде бычьих рогов, грозное выражение лиц [20]. В этой связи следует вспомнить, что среди атрибутов тувинских шаманов также встречались налобные повязки с изображением человеческого лица, иногда гневного, свирепого, в сочетании с головным убором в виде бычьих рогов, что, по всей вероятности, свидетельствует о генетической связи с культовой практикой бронзового века [21].

---

[19] *Жуковская Н. Л.* Ук. соч., с. 78.

[20] *Дэвлет М. А.* Петроглифы Улуг-Хема. М., 1976.

[21] *Дэвлет М. А.* Археолого-этнографические параллели в народном искусстве тувинцев. Тезисы докладов на сессии, посвященной итогам полевых этнографических и антропологических исследований в 1974—1975 гг. Душанбе, 1976. с. 285, 286.

Рис. 2. Маска Чойджила. Бурятский объединенный исторический архитектурно-художественный музей

Я уже высказывала мысль, что в урочище Мугур-Саргол в Саянском каньоне Енисея в бронзовом веке находилось святилище, где время от времени на камнях выбивались во время обрядов новые рисунки. Около камней совершались моления, и люди в масках исполняли ритуальные танцы. Представляется, что создание петроглифов святилища Мугур-Саргол в бронзовом веке было связано с обрядами посвящения юношей в мужские или тайные союзы. На некоторых скалах святилища представлены «групповые портреты» участников таинственных обрядов — усатые мужчины в сложных головных уборах и безусые юноши — личины маски меньших размеров в более простых головных уборах [22].

Среди участников древних обрядов были люди, ряженные мифическими животными с ярусными треугольными головами, изображенные на скалах [23]. Можно предполагать, что один человек держал на шесте голову и изображал передние ноги, а другой — задние. Видимо, здесь мы имеем дело с так называемой парной маской. В этнографической литературе известны также и коллективные, или групповые маски [24]. В этой связи любопытно обратиться к тувинскому варианту ламаистской мистерии цам. Среди участников церемонии цама в Южной Туве были бурханы Цооцэ и Цаныk, которых соответственно изображали 10 лам, поскольку «только десять голов юношей могут выразить один ум бурхана Цооцэ», и 16 лам, потому что бурхан Цаныk «на шесть голов умнее бурхана Цооцэ» [25].

Во время цама, исполнявшегося в Монголии, два человека представляли одного льва [26]. Стоящему впереди на голову надевали очень большую по размерам маску льва, а на ноги — передние лапы животного. Стоящий сзади надевал на ноги задние лапы льва и, наклонив голову, клал руки на плечи первому. Львы участвовали в интермедии с «белым стариком» Цаган-убугуном. В заключение интермедии Цаган-убугун нередко влезал на спину льва и тот покорно вез его. Здесь уместно вспомнить, что на спинах фантастических животных, изображенных на петроглифах, также иногда помещалась человеческая фигура.

Цаган-убугун был, согласно легенде, одним из самых могучих шаманов, который вел праведную жизнь, а после смерти был включен в пантеон ламаистских божеств. «Уже одно это,— пишет А. Д. Авдеев,— сви-

---

[22] *Дэвлет М. А.* Петроглифы Улуг-Хема, с. 30.
[23] Там же, рис. 18.
[24] *Авдеев А. Д.* Маска. Опыт типологической классификации по этнографическим материалам.— МАЭ, т. 17. М.— Л., 1957.
[25] *Дьяконова В. П.* Ук. соч., с. 123.
[26] *Шастина Н. П.* Религиозная мистерия «цам»..., с. 110.

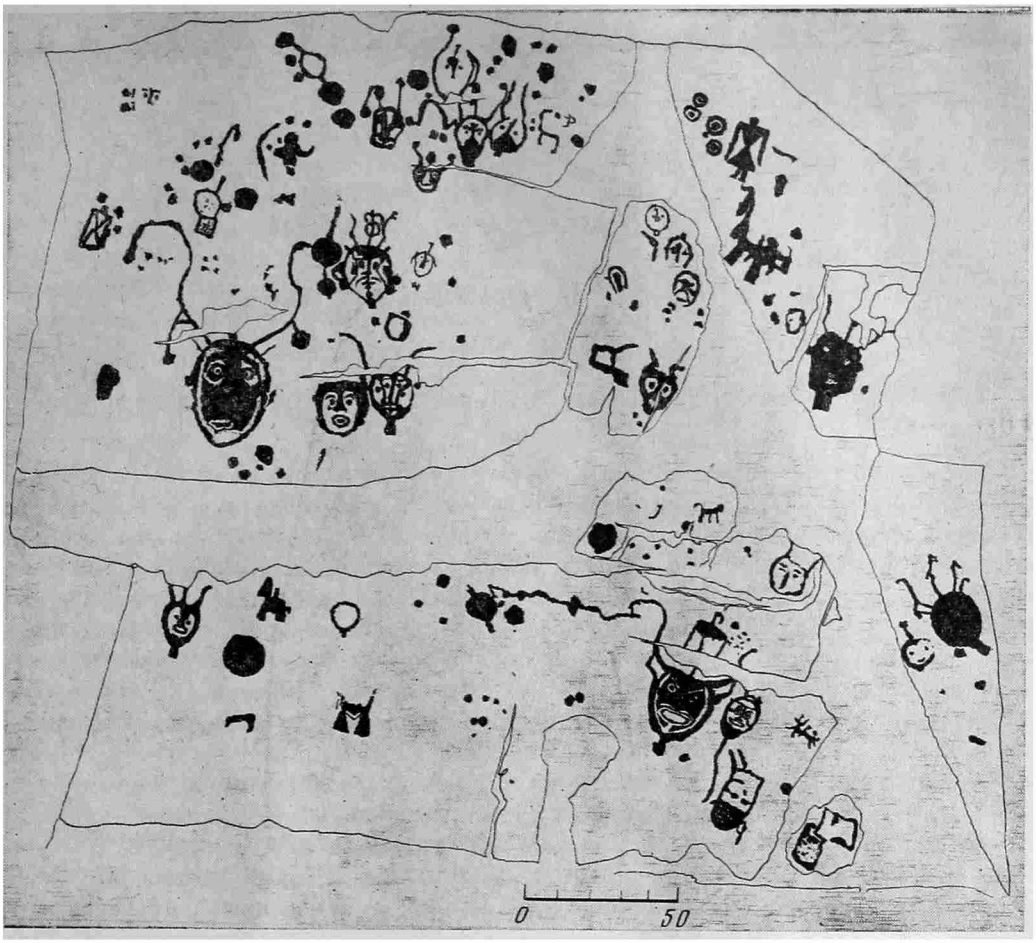


Рис. 3. Маски-личины тувинских петроглифов (Мугур-Саргол)

детельствует о том, что образы древних шаманских мистерий были использованы, очевидно, и в буддистском представлении» [27].

Представляется вероятным, что традиции обрядов, зародившихся еще в бронзовом веке, мы в какой-то мере прослеживаем и в ламаистской мистерии цам. Что касается демонических масок, изображенных на скалах, то полагаю, что их можно предположительно рассматривать как древние прототипы масок докшитов. Можно предполагать, что при распространении буддизма в глубинные районы Центральной Азии древние местные божества, духи предков и т. д. воспринимались буддийскими проповедниками как враждебные силы, злые демоны. В дальнейшем северный буддизм — ламаизм, ассимилируя местные добуддийские культы, включил их в свой пантеон, возведя в разряд божеств — докшитов.

---

[27] *Авдеев А. Д.* Происхождение театра, с. 174.

Критика и библиография

Les sépultures neandertaliennes. Parc Valrose de l'Université de Nice. 1976, 40 p., **4 fig.**

Вот уже около ста лет, т. е. с момента их открытия, проблема мустьерских захоронений продолжает волновать историков, вызывая нескончаемую полемику и порождая массу исследований. Отличительной чертой большинства из них являются не только попытки иного освещения темы на базе новейших открытий, но и постоянное привлечение материалов раскопок прежних лет. Нередки и попытки критического переосмысливания общеизвестных фактов, вызванные или появлением новых находок, меняющих угол зрения, или стремлением исследователей к более объективному рассмотрению самих археологических источников (в особенности ранних), порой довольно туманных. Прямым отражением вышесказанного служит небольшая книжечка тезисов, представленных на XII коллоквиум IX Конгресса доисторических и протоисторических наук, проходившего в Ницце в сентябре 1976 г. Программа заседания коллоквиума выглядела весьма представительно, но, к сожалению, напечатана только половина тезисов указанных в ней докладов: А. Дельпорт. Мустьерские погребения Ля Ферраси; Ж. Роше. Открытие в Шапель-о-Сен и его влияние на эволюцию идей о психике неандертальца; Э. Боне. Первые намеренные погребения и доисторическая наука; А. Ронен. Схульские погребения в свете археологии. Перечисленные работы это не столько тезисы (вид тезисов имеет только текст, представленный Э. Боне), сколько небольшие исследования, в двух случаях (статьи Ж. Роше и А. Ронена) снабженные обширной библиографией, а в одном — и иллюстративным материалом (статья А. Ронена).

Небольшая статья А. Дельпорта (Музей национальных древностей, Сен-Жермен-ан-Ле, Франция) является попыткой показать, главным образом в археологическом плане, ценность разнообразных открытий, сделанных Дени Пейрони во время раскопок Большого Навеса Ля Ферраси. Большой Навес — третье (юго-восточное) укрытие широко известного палеолитического местонахождения, расположенного в 3,5 *км* от г. Богю в коммуне Савиньяк-де-Миремон в Дордони.

Вскрытие шести погребений (1909—1921 гг.), обнаруженных в мустьерских слоях Большого Навеса, наряду с другими открытиями подобного рода в Шапель-о-Сен, Ле Мустье и Ля Кина окончательно подтвердили гипотезу о существовании преднамеренных неандертальских погребений. А дальнейшие открытия в этой области во многом поколебали традиционные представления о характере погребальной практики в мустье, появившиеся в период «большого открытия неандертальца», связанного прежде всего с находками в Шапель-о-Сен и Ферраси.

Уже в самом начале этого периода среди специалистов появилась тенденция к проведению повторных исследований на памятниках, где были вскрыты погребения, с целью уточнения обстоятельств обнаружения той или иной находки (например, контрольные раскопки М. Буля в Шапель-о-Сен). Нередки и попытки обращения к уже частично раскопанным памятникам, в частности для выяснения стратиграфии, предложенной предыдущими исследователями (например, раскопки Д. Пейрони в Ле Мустье, А. Дельпорта в Ферраси, А. Елинека и А. Ронена в Табун и т. д.). Иногда они приводили к открытию новых погребений (Ле Мустье, 1914; Ля Ферраси, 1973). Что же касается позднейших стратиграфических наблюдений, то порой они подтверждали определения, сделанные предшественниками (А. Дельпорт), порой уточняли их или подвергали пересмотру (А. Елинек).

По мнению Дельпорта, заключение Пейрони о том, что погребения располагались в основании нижнего мустьерского отложения, с возможным прокапыванием нижележащего стерильного слоя, полностью было подтверждено собственными раскопками Дельпорта.

Что же касается самих погребений, то автор статьи, считая, что они были с исключительной точностью опубликованы Пейрони и Капитаном, полагает достаточным привести простое их перечисление, дополненное теперь благодаря ценным наблюдениям, опубликованным в последние годы Ж.-Л. Хеймом [1]. И далее он приводит несколько обобщенные описания захоронений совместно с определениями Хейма, уточнившего число обнаруженных субъектов и их возрастные показатели.

«1. В основании мустьерского слоя (имеется в виду слой С.— *Ю. С.*) скелет мужчины в возрасте 45 лет, расположенный на спине, с некоторым наклоном на левый бок, нижние конечности согнуты, в непосредственном соседстве с ним было отмечено своеобразное скопление крупных осколков костей с зонами насечек; лежали три плоских камня — один на уровне черепа, два других на уровне рук (19 сентября 1909 г.).

2. Поблизости с предыдущим находился второй скелет женщины 25—30 лет, с сильно согнутыми верхними и нижними конечностями; как сообщают авторы раскопок, скелет был положен «на очаг, без предварительно выкопанной ямы» и не сопровождался ни одним характерным предметом (сентябрь 1910 г.).

3 и 4. В двух ямах, заметно идентичных, глубиной 30—40 *см*, выкопанных в слое гравия, лежащего ниже мустьерского, обнаружены кости, принадлежащие двум детям (8 августа 1912 г.); в действительности, замечает Дельпорт, Ж.-Л. Хейм установил, что речь идет об остатках трех индивидуумов: ребенок около десяти лет, новорожденный — двухнедельный и доношенный зародыш (foetus à terme). (Десятилетнему субъекту принадлежало погр. 3, а двум другим — погр. 4.— *Ю. С.*)

5. Среди серии ям и холмиков, не содержавших антропологических остатков, имелось небольшое овальное углубление (40×32 *см*), скрывавшее три прекрасных скребла и содержавшее очень неполный скелет зародыша, возрастом приблизительно семь месяцев (26 апреля 1920 г.).

6. На наклонном дне подтреугольной ямы, перекрытой камнем в чашечках, находился достаточно хорошо сохранившийся скелет ребенка в возрасте около трех лет, череп которого, лишенный лицевой части и нижней челюсти, был отделен от тела (1 июня 1921 г.)» (с. 9—10).

7. Под этим номером А. Дельпорт описывает собственную находку: «Поблизости с погребением 5, но ближе к навесу и в зоне особенно потревоженной, были собраны фрагменты черепа, так же как и дюжина зубов, остатки таза, позвонки и ребра (23—30 августа 1973 г.); эти остатки были изучены Ж.-Л. Хеймом, который их определил как кости ребенка в возрасте около двух лет» (с. 10).

Вслед за описаниями автор пытается обобщить некоторые наблюдения над характером и формами погребальных обрядов Ля Ферраси. Так, он прежде всего обращает внимание на крайнюю молодость захороненных индивидуумов, среди которых только двое из восьми достигли более чем десятилетнего возраста, а присутствие двух зародышей тем более подчеркивает оригинальный характер этого памятника. Действительно, пока не известен ни один другой мустьерский памятник с подобным набором возрастных признаков погребенных.

Показательна, с точки зрения Дельпорта, и группировка погребений — захоронения взрослых располагались на западе (точнее северо-западе.— *Ю. С.*) навеса, а детские находились в центре и в относительной близости от стены. Это в целом верное наблюдение все же нельзя назвать безусловным, так как погр. 6 было сравнительно далеко отнесено к юго-востоку. А потом здесь стоило бы, по-видимому, отметить и намечающуюся парность погребений: 1 и 2; 3 и 4; 5 и 7.

---

[1] *Heim J.-L.* Les restes néandertaliens de La Ferrassie. Nouvelles données sur la stratigraphie des squelettes.— C. R. Acad. Sci., Paris, 1968, t. 266, p. 576—578; *idem.* L'encéphale néandertalien de l'Homme de la Ferrassie.— L'Anthropologie, 1970, t. 74, p. 527—572; *idem.* Les Hommes fossiles de La Ferrassie (Dordogne) et le problème de la définition des Neandertaliens classiques.— L' Anthropologie, 1974, t. 78, № 1 et 2; *idem.* Les Hommes fossiles de la Ferrassie (Dordogne).— Archives de l'Institut de Paléontologie Humaine Masson et Cie. Paris, 1976. t. I, memoire № 35.

Второй момент, на который обращает внимание исследователь, это формы проявления заботы о мертвых, и хотя, по его мнению, они менее очевидны, чем, скажем, на других мустьерских памятниках, но все же они есть и могут быть классифицированы следующим образом: во-первых, «наличие бесспорно выкопанных могильных ям, для большинства погребений». Случаи отсутствия, он считает, можно отнести за счет того, «что яму, оказавшуюся в культурном слое, раскопщик или не мог, или не сумел заметить» (с. 11); во-вторых, «это почти всеобщая скорченность, присущая позам погребенных» (с. 11); в-третьих, «отчленение черепа и отдельное его положение от скелета в погребении № 6, напоминающее находки в гроте Гуаттари и Монте-Чирчео» (с. 11). И наконец, наличие «сопровождающей обстановки», которая, по Дельпорту, может быть представлена: «I) камнями (погр. 1) и плитой с чашечковидными углублениями (погр. 6); II) многочисленными осколками костей (погр. 1) или отборными орудиями (погр. 5)» (с. 11) [2].

Все перечисленное выше приводит автора к мысли о том, что уже в этих погребениях, нашедших свое место среди наиболее древних, можно видеть большое разнообразие форм устройства, а может быть, и сопровождающей обстановки. И с этим, конечно, нельзя не согласиться, так как материалы мустьерских погребений непреложно свидетельствуют о том, что характер такого явления, как ингумация, оказался гораздо сложнее в период своего становления, чем это можно было бы предполагать.

В заключение А. Дельпорт отдает должное предшественникам, а именно исследователям Феррасси, Шапель-о-Сен и Ля Кина, которые положили начало нового направления доисторических изысканий во Франции.

Статья Ж. Роше (Париж, Франция), данная в кратком изложении, в основном носит историографический характер. Она посвящена одному из известнейших и наиболее добротно (по тем временам) раскопанному погребению в гроте Буффиа де Боневаль у с. Шапель-о-Сен в Коррезе [3]. Автор весьма скрупулезно описывает историю открытия и историю публикации материалов, пытаясь проследить трансформацию взглядов авторов раскопок на характер данного памятника. Главную же часть работы он отводит полемике между сторонниками и противниками тезиса о существовании преднамеренных захоронений в среднем палеолите, разгоревшейся с новой силой после открытия этого погребения. И для той поры, пишет Роше, это было вполне естественно, ибо тогдашние представления о физическом и психическом складе неандертальца, с одной стороны, и археологические находки — с другой, входили в явное противоречие. Такие авторитеты, как Г. Мортилье и М. Буль, считали неандертальского человека слишком примитивным, чтобы интересоваться своими покойниками. И эта точка зрения имела широкое распространение, в частности ее придерживались Ж. Фрэпон и М. Лоэ — авторы публикации материалов из Спи, объявившие не только указанную находку, но и все им известные жертвами обвала [4]. При этом, как верно отмечает Ж. Роше, сами раскопщики (М. Лоэ и М. де Пюи) в связи с их негативным отношением к данному вопросу могли и упустить из вида какие-то указания на преднамеренность захоронения. И действительно, некоторые факты

[2] Не ясно, почему автор умалчивает в этой связи о находке трех кремневых орудий (остроконечника и двух скребел), обнаруженных «тщательно уложенными на кости» погр. 6, как и в случае с погр. 5 (*Peyrony D.* La Ferrassie.— Préhistoire, 1934, t. III, p. 31—36). Впрочем, может быть, это происходит от того, что факт обнаружения орудий не убеждает автора окончательно в том, что они связаны с погребением. Видимо, Дельпорт принимал во внимание изобилие орудий в мустьерских слоях в районе расположения погр. 5, что подтвердили и его собственные раскопки, поскольку во время зачистки погр. 7 здесь «в нижележащем слое было собрано значительное число скребел прекрасного качества, но они были даже в остатке уже раскопанной площади этого сектора» (с. 11).

[3] Исследование письменных источников о данном погребении было проделано автором настоящей рецензии. См. *Смирнов Ю. А.* Погребение в Ля Шапель-о-Сен и проблема информационного шума в археологии.— ВА, 1979, № 61.

[4] Придерживался того же мнения и П. Мортилье, предлагая считать, к примеру, и погребения в Феррасси жертвами несчастного случая (*Mortilliet P.* Origine du culte des morts. Les sépultures préhistoriques. Paris, 1914). Впрочем, подобная интерпретация некоторых мустьерских погребений, как ни странно, сохранялась и до последнего времени, когда Р. Солецкий объявил большую часть скелетов, открытых им в Шанидаре, остатками людей, погибших под обвалами (*Solecki R.* Shanidar cave, a Paleolithic site in Northern Iraq.— Annual Report of the Smithsonian Institution, for 1954, 1955, No. 4206).

свидетельствуют о том, что раскопки в Спи особой тщательностью не отличались,— стоит напомнить, например, что вопрос о количестве обнаруженных там костяков так, по-видимому, и останется никогда не решенным [5]. Этот момент автор упускает из вида и, видимо, напрасно лишает таким образом свой тезис дополнительной аргументации.

Но негативное отношение к возможности существования погребальной практики в эпоху мустье отрицательно сказалось не только на качестве раскопок; по мысли Ж. Роше, влияние его было столь велико, что оказало воздействие и на ориентацию некоторых анатомических реконструкций, в том числе и на реконструкцию «человека из Ля Шапель-о-Сен, особенно на наклон головы и вертикальное положение, которые играют роль в развитии головного мозга» (с. 21). В настоящее время, как полагает автор тезисов, они были справедливо поставлены под сомнение [6].

Для Ж. Роше намеренность неандертальского погребения в Буффиа (а это одна из важнейших посылок его исследования) является фактом неоспоримым. В этой связи не совсем ясна направленность данной работы, ибо автор прослеживает не столько влияние, которое открытие в Шапель-о-Сен оказало на эволюцию идей о психике неандертальца, сколько показывает причины и характер полемики, возникшей по его поводу, при этом не всегда критически оценивая письменную часть данного источника. Так, в качестве описания погребения он дословно приводит тексты А. и Ж. Буиссони и Л. Бардона (1908 и 1913 гг.), не только не замечая некоторых несоответствий между ними, но и называя последний **«более ясным»** (с. 19) (подчеркнуто мною.— *Ю. С.*), чем предварительный отчет 1908 г.[7]

Опираясь на публикацию 1913 г., Ж. Роше обращает внимание на шесть главных аргументов, приводимых авторами раскопок, в пользу преднамеренности погребения и на те сопоставления, которые были сделаны раскопщиками с материалами Ферраси, Ле Мустье и Спи:

«1. Положение согнутого тела, аналогичное тому, которое бывает во время сна и которое дает самое лучшее представление о смерти: Ля Ферраси, погр. 1 и 2; Ле Мустье; Спи.

2. Средства защиты трупа: в Шапель-о-Сен — большие плоские кости на голове; в Ферраси (погр. 1) — покрытие груди костяными обломками; В Мустье — голова, положенная на подушку из осколков кремня, и нос, защищенный с помощью двух осколков.

3. Съестные припасы: в Шапель-о-Сен — нога быка, находящаяся в пределах досягаемости правой руки, и немного далее значительная часть позвоночника северного оленя.

4. Прекрасно обработанные орудия вблизи тел: Шапель-о-Сен, Мустье, Ферраси.

5. Выкапывание искусственной ямы, куда помещался труп: Шапель-о-Сен, Ферраси (погр. 3 и 4).

6. Магическая роль некоторых ям: в Ферраси — яма, содержащая остатки быка, расположенная рядом с погребениями 3 и 4, вероятно, обладающая тем же значением, что и яма в Шапель-о-Сен, вырытая при входе в грот, где был найден рог бизона,— ритуал защиты покойника» (с. 19).

Выделив эти пункты, Ж. Роше пытается рассмотреть весомость аргументов, на которые опирались раскопщики: «Во-первых, если сопоставление наблюдений, сделанных в Шапель-о-Сен и Ферраси, представляет большой интерес, то ссылки на Спи и Ле Мустье не обоснованы по мотивам, разным в каждом случае. А некоторые другие аргументы мало убедительны, например относительно «прекрасных» орудий, положенных умышленно рядом с телом. В Мустье речь шла о мизансцене Гаузера (т. е. о погребении, которое, как считается, по крайней мере частично было фальси-

---

[5] *Genoves S.* The Problem of the Sex Certain Fossil Hominids with Special Reference to the Neandertal Skeletons from Spy.— J. Roy. Anthropol. Inst. Great Britain and Ireland, 1954, vol. 84, parts I and II, p. 133, 134.

[6] *Arambourg C.* Sur l'attitude, en station verticale des Neanderthaliens.— C. R. Acad. Sci. Paris, 1955, t. 240.

[7] С точки зрения автора рецензии, информативная и научная ценность этих публикаций в части, касающейся описания погребения, скорее обратная; подробнее см. *Смирнов Ю. А.* Погребение в Шапель-о-Сен...

фицировано.— *Ю. С.*); в Шапель-о-Сен они были украдены рабочим, и их положение чисто предположительно. Наиболее обоснованными являются два аргумента — согнутая позиция тел и искусственно вырытая погребальная яма. Те же, которые касаются напутственной пищи в Шапель-о-Сен и обрядов защиты трупа (ямы, содержавшие остатки бычьих) в Шапель-о-Сен и Ферраси, обоснованы постольку, поскольку сначала доказана реальность намеренного погребения...» (с. 22).

При всей логичности и оправданности такого взвешивания автор упускает из вида кое-какие детали, отчего его стремление к объективности несколько проигрывает. Первое, что требует уточнений, это тезис о средствах защиты трупа — «в Шапель-о-Сен — большие плоские кости на голове» (с. 19). Здесь трудно удержаться от комментариев, поскольку в разных публикациях авторов раскопок на этот счет содержатся несколько неопределенные сведения: «Выше головы находились три или четыре крупных плоских фрагментов длинных костей» [8]; «Выше головы покойного находились широкие пластинки кости» [9]. Как видно, подобное указание выглядит довольно расплывчатым, и только еще одна публикация (обойденная вниманием Ж. Роше) дает несколько более ясные указания: «... выше головы имелось несколько больших фрагментов кости, помещенных на ровное место...» [10]. Исходя из этого указания, можно по крайней мере предполагать, что между черепом и фрагментами костей была достаточная прослойка земли; другими словами, выражение «на голове» сюда не подходит. Второе: тезис о съестных припасах тоже малоубедителен, по крайней мере в представленной формулировке, ибо речь должна идти не о ноге быка, а лишь о дистальном конце ее плюсневой кости с тремя фалангами, что вряд ли может рассматриваться как прямое свидетельство наличия в погребении съестных припасов [11]. К сожалению, эту характерную деталь автор упускает из вида. Словосочетание «patte de boeuf» (с. 19) ошибочно указывает на наличие в погребении целой бычьей ноги. Эта неточность перешла в целый ряд изданий. Кроме того, точное местоположение рассмотренных остатков так же, как и положение части позвоночника оленя, неизвестно, поскольку в разных публикациях на этот счет имеются разные сведения [12].

Итак, следуя почти буквально за братьями Буиссони и Бардоном в их желании подкрепить свою мысль о намеренности шапельского погребения, Ж. Роше обходит молчанием некоторые натяжки, которые, по-видимому, из лучших побуждений допускали авторы раскопок на этом пути. И это, конечно, несколько портит в общем очень благоприятное впечатление, оставляемое работой, особенно в ее историографической части.

В тезисах Э. Боне (университет Лувэн, Бельгия) содержится лишь призыв к необходимости применения строгого метода в решении вопросов, связанных с первыми преднамеренными погребениями. Этот метод, по мнению автора, должен заключаться «в исследовании и правильной регистрации доисторических остатков, критическом разборе окружающего слоя и в интерпретации культурного контекста в образах, тождественных «метафизике»». По его мысли, «истинная «критика источников» за спорными, умозрительными позициями, базирующимися на восточной и христианской культуре, за неправильной подстановкой современных этнографических фактов для интерпретации доисторических данных способна установить различные уровни поведения и обязывает к использованию этимологических аналогий к религиозному словарю» (с. 26).

К сожалению, эти краткие тезисы не оставляют места для каких бы то ни было оценок, поскольку призыв к строгому подходу в отношении доисторических источни-

---

[8] *Bouyssonie A. et J. et Bardon L.* Découverte d'un squelette humain moustérien à la Bouffia de la Chapelle-aux-Saints (Corrèze).— L'Anthropologie, 1908, t. XIX, p. 513—518.

[9] *Bouyssonie A. et J. et Bardon L.* La station moustérienne de la «Bouffia» Bonneval à La Chapelle-aux-Saints.— L'Anthropologie, 1913, t. XXIV, p. 629—634.

[10] *Bouyssonie A. et J. et Bardon L.* Découverte d'un squelette humain moustérien à La Chapelle-aux-Saints, Corrèze.— C. R. Acad. Sci. Paris, 1908, t. 147, p. 1414, 1415.

[11] На это обратил внимание и Б. Вандермеерш (*Vandermeersch B.* Les sépultures neanderthaliennes.— La Préhistoire Française. Paris, 1976, t. 1/1, p. 725.

[12] *Смирнов Ю. А.* Погребение в Ля Шапель-о-Сен...

ков ненамного моложе самих источников, а содержание методики «истинной критики» не раскрыто. Хотя намек на этимологические аналогии, если он верно понят, может звучать как призыв к терминологической унификации, касающейся не столько археологических, сколько историко-религиозных понятий, и это, вероятно, следует всячески приветствовать.

Публикация А. Ронена (университет Хайфа, Израиль) является своего рода сводкой различных точек зрения на круг проблем, связанных с кармельскими палеоантропами. Поделенная на две части работа построена на сопоставлении традиционных и современных взглядов и посвящена прежде всего новой дате, определяющей положение схульских индивидуумов относительно женского погребения в Табун.

Не акцентируя внимания на изложении традиционных взглядов, критический обзор которых дан, например, в работе Г. П. Григорьева, напомним все же, что практически все они, по сути, основывались на тезисе об относительной одновременности людей Схул и Табун, который господствовал в течение двух десятилетий после открытия кармельских погребений [13]. Он подтверждался, как кажется, анализом индустрии и исследованием фаунистических остатков [14]. Однако некоторое время спустя, как отмечает автор, возникли сомнения относительно одновременности этих остатков, приведшие к пересмотру фаунистической коллекции горы Кармел, с упором на выявление различий между фауной слоев Схул B и Табун C [15]. В схульском собрании доминировал главным образом Bos, которого здесь больше, чем в любом слое кармельской последовательности. В Табун C, напротив, остатки быка были не так многочисленны, как остатки Gazella,— 118 и 328 соответственно. С другой стороны, в схульской коллекции существовало некоторое число разновидностей, которые предвосхитили фаунистический перелом, отмеченный Бэйт между Табун C и B (Табун B — верхнее леваллуа-мустье). Пересмотр фаунистического собрания под вышеуказанным углом зрения первым осуществил Хауэл и затем Хиггс [16].

В результате ревизии Хауэл счел возможным поместить Схул между Табун C и B, подтверждая мнение прежних исследователей; Хиггс же пытался доказать, что Схул может быть даже позднее Табун B и, «возможно, на 10 000 лет позднее, чем Табун C и ее человеческие остатки» [17].

Новая попытка разрешить сомнения и возобновление раскопок в Табун, пишет автор, повлекли за собой некоторые перестановки в кармельской последовательности [18]. Излагая современные взгляды, А. Ронен опирается в основном на три момента: фаунистические остатки, исследованные Бэйт; отношение между индустриями Табун C и Схул B; стратиграфическое положение погребения Табун I.

1. «Резкое изменение фауны, отмеченное Бэйт между Табун C и B и никогда не встреченное с того времени ни на одном среднепалеолитическом местонахождении в этом районе, вероятно, было результатом изменения в характере занятий населения пещеры, связанное с открытием «трубы» (или «камина» — chimney; имеется в виду

---

[13] *Григорьев Г. П.* Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens. Л., 1968.

[14] *Garrod D. A. E. and Bate D. M. A.* The Stone Age of Mount Carmel. Oxford, 1937, vol. 1.

[15] Оба слоя авторами раскопок были охарактеризованы как нижнее леваллуа-мустье.

[16] *Howell F. C.* Upper Pleistocene Men of the Southwest Asian Mousterian.— In: G. H. R. Koenigswald (ed.). Neanderthal Centenary. Böhlau-Verlag, Köln — Grz., 1958, p. 185—198; *idem.* Upper Pleistocene Stratigraphy and Early Man in the Levant.— Proc. American Philosophical Society, vol. 103, № 1. Philadelphia, 1959, p, 1—65; *Higgs E. S.* Some Pleistocene Faunas of the Mediterranean Coastal Areas.— Proceedings of Prehistoric Society, vol. 27, № 6, p. 144—154. L., 1961.

[17] Достаточно развернутая и в основном справедливая критика точки зрения Хиггса приведена в уже указанном сочинении Г. П. Григорьева. Он же по-иному понимает и «перелом в фауне», полагая, что под этим изменением Бэйт подразумевала не количественное соотношение отдельных видов животных, как принято думать, и в частности не уменьшение остатков быка в сравнении с остатками газели, как представляет А. Ронен, а окончательное вымирание ряда древних видов: Hippopotamus amphibius, Rhinoceros cf. hemitoechus, Phacochoerus garrode, Sus gadarensis и др. Там же, с. 16.

[18] Новые исследования в Табун начались под руководством А. Елинека в 1967 г. и продолжались до 1972 г.; с тех пор они проводятся А. Роненом.

внутреннее помещение пещеры Табун, обладавшее двумя выходами: во внешнее ее помещение и на площадку на вершине утеса, диаметр последнего 4 *м.— Ю. С.*) скорее, чем с климатическими изменениями. В слое С Табун, до полного открытия «трубы», пещера использовалась как обычное жилище, в котором представлен полный набор дичи. С «трубой», широко использованной в Табун В, обычная жизнедеятельность должна была прекратиться, и в фаунистической коллекции стала преобладать та разновидность, которую можно было поймать с помощью этой ловушки, т. е. Dama. Так, «фаунистический перелом» никакого значения для оценки относительного положения слоев этих памятников не имеет» (с. 31). Этот момент заслуживает особого внимания, ибо фаунистическая коллекция горы Кармел не только неоднократно пересматривалась, но и каждое исследование, ведущее за собой палеогеографические истолкования, часто приводило к диаметрально противоположным выводам [19]. По-разному понимался и «перелом в фауне» (см. выше). Свой тезис об отсутствии перелома в фауне А. Ронен основывает на соотношении газели и лани, объясняя количественные различия за счет использования природной ловушки. И верно, остатки лани доминировали в Табун В (92% — лань и 8% — газель) по сравнению с Табун С (25% — лань и 75% — газель), но автор забывает при этом, что Dama mesopotamica — вид, характерный для влажного климата, а Gazella — приспособленный к степным засушливым экологическим условиям. Умалчивает автор и о том, с помощью какой ловушки вылавливали лань в Табун F (верхний ашель), где процентное соотношение остатков лани и газели выражалось в следующих цифрах: 95% — лань и 5% — газель. Попутно следует отметить, что и в слое G эль-Вад, который авторами раскопок сопоставлялся со слоем В в Табун, отмечено сходное соотношение этих двух видов: 90% — лань и 10% — газель [20]. Вероятнее всего, некое изменение фауны действительно имело место и выражалось не столько в уменьшении одного из видов животных за счет увеличения другого (что указывает на какие-то, возможно, и не слишком резкие климатические колебания), а действительно в исчезновении ряда древних видов: носорога, гиппопотама, бородавочника и др., которых уже нет ни в Табун В, ни в слоях эль-Вад, хотя они еще и представлены в Схул В. Как видно, первый тезис А. Ронена не выдерживает возложенной на него нагрузки и замечание об отсутствии «фаунистического перелома» или совершенно беспочвенно, или требует новых аргументов.

2. «Сравнительное техническое (technological) изучение отщепов во всех отложениях Табун показывает выраженную тенденцию к уменьшению толщины с течением времени. Облик схульской индустрии, выделенной из смешанных слоев, оказывается более поздним, чем Табун (Елинек, в печати)» [21] (с. 31). Подобное сопоставление, приведенное в качестве обоснования тезиса о значительном хронологическом разрыве между погребениями Схул и Табун, вызывает недоумение, так как вряд ли может удивлять более поздний облик артефактов, выделенных из отвала (dump), само происхождение которых не совсем ясно, по отношению к индустрии Табун. А о том, как это различие должно свидетельствовать в пользу точки зрения автора, остается только догадываться.

3. «Современные наблюдения за стратиграфией Табун показывают, что погребение Табун I наиболее вероятно относилось к слою D, чем к слою С (Елинек, устное сообщение). Это было красноватого цвета отложение вокруг погребения и в

---

[19] См., например, сводные таблицы в работе: *Долуханов П. М.* Палеогеография палеолита восточного Средиземноморья.— В сб.: «Археология Старого и Нового Света». М., 1966, с. 108—111.

[20] *Garrod D. A. E. and Bate D. M. A.* Op. cit., 113, 141.

[21] Под смешанным слоем здесь, по всей вероятности, подразумевается верхняя часть отложений (Схул А), т. е. «слой гумуса и обломков камня, содержавший современные и исторические фрагменты керамики, перемешанные с многочисленными изделиями среднего палеолита...» (с. 27). В качестве иллюстрации, а может быть, и обоснования второго постулата автор в конце работы приводит график (с. 38), составленный Елинеком на основе изучения археологического собрания из собственных раскопок и коллекции Гаррод, действительно изображающий тенденцию уменьшения среднего отношения ширины к толщине отщепа во времени, хронологическая шкала которого построена на основе абсолютных датировок, кстати, расходящихся с данными, приводимыми А. Роненом (см. ниже).

нем в противоположность желтоватому слою D, что и побудило Д. Гаррод относить погребение к слою B или C. В то время как по-настоящему слой D, в основном желтоватый, недалеко от западной стенки становился красноватым и аналогичным слою B. В этой части отложений и был обнаружен индивидуум Табун I. Слой Табун D датируется ранним вюрмом (Елинек) [22], следовательно, человеческие останки Схул-Табун сейчас становятся разделенными приблизительно 20 000—25 000 лет» (с. 31). Тут не совсем ясно, какая датировка скрывается за понятием «ранний вюрм» и какой шкалой пользовался автор. В принципе ренневюрмский возраст культуры нижнего леваллуа-мустье, представленной в Табун слоями C и D, не противоречит современным стратиграфическим и археологическим данным, но совершенно непонятно, на каком основании А. Ронен датирует погребение Табун I именно 70 000 лет, как это явствует из приводимой им в конце работы схемы (с. 40). Действительно, если Елинек и прав в своих стратиграфических наблюдениях и погребение Табун I относилось к слою D, то откуда все же возникает дата в 70 000 лет,— кстати, она противоречит данным графика Елинека, на который, в частности, опирается А. Ронен в своих рассуждениях.

Помимо того, автору тезисов кажется, что новейшие размышления над схульской стратиграфией и последние типологические исследования индустрии позволяют считать, что «схульская последовательность была более растянута во времени, чем первоначально утверждалась» (с. 31), более того, сообщает далее автор: «Схульская стратиграфия для нас, по-видимому, приводит в связь всю кармельскую последовательность, как явствует из нижеследующего:

Табун	**эль-Вад**	**Схул**
	F. верхний палеолит	
		B. мустье
B. мустье		
C. мустье		
Erosion	**Spring activity**	**Spring activity**
	G. мустье	C. мустье
D. мустье		
E. ябруд		
F. ашель		C. песчаные карманы» (с. 32,33).

К сожалению, из приведенного выше ничего не явствует, поскольку, во-первых, никаких аргументов в подтверждение данной схемы, кроме довольно логичного обоснования «эрозионного перерыва» между Схул C и B, не приводится. Это тем более странно, что данная схема значительно расходится с построениями предыдущих исследователей и требует развернутой системы аргументации, особенно если вспомнить, что эрозионный размыв в эль-Вад был отмечен между слоями F и E, а в Табун — между слоями B и C [23]. Непонятно и положение слоя G эль-Вад по отношению к табунской последовательности, ибо, судя по характеру фаунистических материалов и индустрии, данный слой либо действительно соответствует слою B в Табун, либо несколько его моложе [24]. Остается необъясненным и положение слоя B в Схул по отношению к табунской стратиграфии, если учесть, что Схул B характеризуется индустрией нижнего леваллуа-мустье (как заявлял сам автор, ссылаясь в начале работы на авторов раскопок и не опровергая этого в дальнейшем), а Табун B — индустрией верхнего леваллуа-мустье. Да и фаунистические остатки, представленные рядом древних видов, пожалуй, не дают оснований для подобного (по крайней мере относительно Табун и эль-Вад) омолаживания схульских слоев, содержавших погребения.

С другой стороны, если вернуться к мысли автора о времени в 20 000—25 000 лет, разделяющем погребения в Схул и Табун, и, опираясь на дату в 70 000 лет, определяющую по А. Ронену возраст погребения Табун I, произвести

---

[22] *Jelinek A. J. et al.* New Excavations at Tabun Cave, Mount Carmel, Israel, 1967—1972: a Preliminary Report — Paléoorient, 1973, 1, p. 151—183.

[23] *Долуханов П. М.* Палеогеография..., с. 108, 109, 113.

[24] *Garrod D. A. E. and Bate D. M. A.* Op. cit., p. 113.

простое арифметическое действие, то получится, что слой B с погребениями в Схул будет датироваться в 50 000—45 000 лет. Этому не противоречит и приведенная им в конце тезисов хронологическая колонка, на которой представлена «возможная взаимосвязь между двумя группами населения в Израиле в среднем палеолите», где на полюсах, определяющихся в 70 000 и в 35 000—40 000 лет, располагаются соответственно Табун и Кафза, а Схул занимает промежуточное положение (с. 40). Но дата в 50 000—45 000 лет тем не менее вступает в непреодолимое противоречие с абсолютной хронологией, по данным которой более ранние (по Ронену) слои C и B Табун датируются более поздним возрастом:

Табун (слой C) — 40 900±1000 (GrN—2729)

Табун (слой B) — 39 700±800 (GrN — 2534)

и никак не укладывается в схему «всей кармельской последовательности».

Что же касается самих схульских погребений, то автор не сообщает здесь ничего нового, следуя в археологических и стратиграфических наблюдениях за авторами прежних раскопок и отмечая по пути, правда в весьма неопределенных выражениях, возможность «двух фаз ингумации». В антропологических характеристиках он придерживается мнения А. Тома, который на основании изучения современных и архаических как основных, так и промежуточных черт каждого индивидуума пришел к выводу о том, что погребения 1—5 смещены в сторону современности, а Схул 6—9 близки к погребению Табун I [25].

Итак, по мнению рецензента, в своей новой работе А. Ронен, стремясь внести ясность в решение проблемы кармельских палеоантропов, еще более затемнил и без того туманную картину, которую она собой представляла. И пожалуй, единственным достоинством рассмотренной работы можно считать ее стремление донести до широкой аудитории устные сообщения А. Елинека о его стратиграфических наблюдениях над возможным положением погребения Табун I.

Впрочем, достоверность и этих наблюдений сомнительна, ибо они основаны (в представленном А. Роненом виде) только на цветовой характеристике отложений (в полной мере литология не дана) и не учитывают замеров, производимых авторами раскопок. Если же воспользоваться их сведениями, то данное погребение никак не может оказаться в слое D, поскольку располагалось на глубине 1,35 *м* от базовой линии, а внешняя поверхность слоя D прослеживалась только с глубины 2,30 *м* — от той же базы [26]. Не доверять же наблюдениям авторов раскопок в этой части пока нет никаких оснований.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что рассмотренный сборник, несмотря на разнохарактерность (в рамках темы) представленных исследований и неравноценность опубликованных материалов, спорность некоторых тезисов и наблюдений и отдельные отмеченные неточности, является несомненным вкладом в изучение мустьерских погребений этого, казалось бы, так хорошо и в то же время так еще недостаточно изученного материала. Помимо всего прочего сборник представляет собой весьма показательное явление, отражая непрекращающиеся поиски в этой области.

Ю. А. Смирнов

---

[25] *Thoma A.* Métissage ou Transformation? Essai sur les Hommes Fossiles de Palestine.— L'Anthropologie, 1957—1958, t. 61, p. 470—502; t. 62, p. 30—52; *idem.* La définition des néandertaliens et la position des Hommes Fossiles de Palestine.— L'Anthropologie, 1965, t. 60, p. 519—534.

[26] *Garrod D. A. E. and Bate D. M. A.* Op. cit., p. 63—65.

Em. Nohejlová-Prátová. Základy numismatiky. Academia. Praha, 1975, 264 s.

Среди зарубежных нумизматических изданий последних лет особое место занимает книга профессора Карлова университета в Праге, доктора исторических наук Эм. Ногейловой-Пратовой «Основы нумизматики». Старейшина чехословацких нумизматов, более полувека работающая в этой области, Эм. Ногейлова-Пратова имеет огромный опыт в изучении отечественных и иностранных монет, обладает обширными познаниями и колоссальной эрудицией, которые и помогли ей создать обобщающий труд, дающий представление о нумизматике как о важной отрасли исторического знания, показывающий современный уровень нумизматического исследования, содержащий большой информативный материал о состоянии научной работы в области нумизматики почти во всех европейских странах, в США и других государствах мира.

Хотя сама автор очень скромно характеризует свою книгу как краткое введение в нумизматику, называя ее «книгой примеров», на наш взгляд, по своей значимости, с точки зрения объема используемого материала, а также глобального подхода к основным нумизматическим проблемам, работа Эм. Ногейловой-Пратовой идентична лучшим обобщающим нумизматическим трудам (А. Люшина фон Эбенгрёйта, Ф. Фриденсбурга, А. Зуле и др.).

Книга «Основы нумизматики» состоит из небольшого предисловия и пяти глав. В качестве приложения в книгу включен библиографический обзор чехословацкой нумизматической литературы за 200 лет (1771—1971). Библиографический обзор, составленный Э. Шимеком, насчитывающий 1185 названий, представляет собой первую попытку исчерпывающей библиографии чешской и словацкой нумизматической литературы. Работу Э. Ногейловой-Пратовой дополняют прекрасные иллюстрации в виде 64 черно-белых и 5 цветных таблиц, а также 20 изображений в тексте, предметный, именной и географический указатели, резюме на немецком языке.

В первой главе «Понятие и определение нумизматики. Ее содержание и объем» основное внимание автор сосредоточивает на понятийных моментах, анализируя существующие в литературе определения «нумизматики», «денег», «монеты» и соотношение между этими терминами. Отмечая отсутствие единого взгляда у специалистов на нумизматику в целом, Эм. Ногейлова-Пратова пишет, что наряду с характеристикой нумизматики как науки о монетах существует мнение о необходимости распространения понятия «нумизматика» на науку о деньгах вообще, так как монета является разновидностью денег. Автор, пытаясь привести к общему знаменателю различные точки зрения на данную дисциплину, следующим образом определяет ее: «Это наука, которая при помощи изучения внешних и внутренних свойств металлических денег, монет, в связи с прочими процессами, главным образом с экономическими и социальными явлениями, объясняет историческое развитие и историческую задачу денег» (с. 12). Соединив в определении нумизматики понятия «монета» и «деньги», автор останавливается на вопросах теорий происхождения денег, подчеркивая, что, несмотря на факт неодинакового по времени возникновения денег в различных странах, сам этот процесс проходил везде одни и те же этапы; далее излагает интересные факты о различных предметах, выступающих в качестве данег в предмонетный период в той или иной стране, делает краткий обзор первых металлических денег, анализирует причины возникновения бумажных денег, чеков, заостряя внимание читателя на предпосылках, обусловливающих их появление. Таким образом, монета, металлические деньги, которые на протяжении 2 тыс. лет были единственным видом денег в Западной Европе, естественным образом связываются с домонетной формой денег (наиболее старая денежная форма) и бумажными деньгами, платежными знаками (наиболее поздняя денежная форма). Автор считает, что нумизматы, в основу своей работы положившие монету, должны уделять внимание также и другим денежным формам, ибо только тогда можно понять функцию монеты, являющейся составной частью, хотя для нумизматов и наиважнейшей, явления, которое представляет собой феномен денег. К предмету нумизматики относятся, по мнению автора, также всевозможные спорадические денежные выпуски — коронационные, памятные, счетные монеты, нотгельды и пр. А вот персональные жетоны, плакеты, медали, значки, а тем более награды, ордена,

в силу того, что они никоим образом не заменяют деньги, строго говоря, не принадлежат к нумизматическим материалам, хотя почти всегда входят в состав как частных, так и государственных нумизматических коллекций.

К широкому кругу памятников, участвующих в нумизматическом исследовании, Э. Ногейлова-Пратова относит кроме монетного и другой вещественный материал, находящийся в прямой либо косвенной связи с изготовлением монет или бумажных денег: матрицы, штемпели, весы и гирьки, орудия и все детали и остатки технического производства, монетные прессы и другие машины; в поле зрения нумизмата должны быть также добыча и обработка монетного металла, также мастерские по производству монет, монетные дворы, их архитектура и оснащение; нумизмату необходимо изучать способ и организацию чеканки, состав участвующих в производстве денег работников и т. д. От внимания нумизмата не должно ускользать все, что относится не только к самой монете (ее весу, качеству, изображению, легенде), к производству монет или бумажных денег, но и к денежному обращению вообще (вопросы предпосылок возникновения и исчезновения всевозможных денежных систем, вопросы монетного права, денежной монополии, монетных союзов и договоров и т. д.).

Таким образом, целый комплекс проблем стоит перед современным исследователем монет — нумизматом. Чтобы решить их, нумизмат должен обладать обширными знаниями, прибегать к помощи других наук. Какие же это науки? И в какой связи с ними находится нумизматика? Автор детально разбирает эти вопросы во второй главе, носящей название «Место нумизматики в комплексе наук». Эм. Ногейлова-Пратова решительно отстаивает тезис о самостоятельности нумизматики как исторической дисциплины, считая, что ее задачи, специфическая источниковая база, выработанные методические приемы исследования, наконец, достигнутые результаты в изучении монет свидетельствуют о превращении ее в специальное направление исторического исследования. Ее вспомогательная функция сохраняется лишь в той степени, в какой по отношению к ней выступают другие дисциплины, способствующие наиболее полному раскрытию нумизматического источника. Автор считает, что взаимосвязь с другими науками можно установить при исследовании монеты в двух аспектах: со стороны ее внешних данных и ее функции, и называет ряд гуманитарных и естественных дисциплин (палеография, эпиграфика, геральдика, сфрагистика, генеалогия, дипломатика, хронология, историческая метрология, топонимика, ономастика, историческая география, археология, география, филология, история искусства, история права, политическая экономия, статистика, математика, физика, биология и т. д.), вступающих во взаимодействие с нумизматикой. Говоря о связи с той или иной дисциплиной, приводя примеры этой связи, автор одновременно акцентирует внимание на некоторых важнейших и недостаточно изученных вопросах истории денежных систем и денежного обращения, например на вопросе становления таких весовых единиц, как либра, марка (гривна), на вопросе взаимоотношения различных монетных металлов, на вопросах контрамаркирования, порчи монеты и т. п.

Характеризуя нумизматику как самостоятельную отрасль исторического знания, Эм. Ногейлова-Пратова, естественно, не могла обойти вниманием те факторы, которые способствовали утверждению данной дисциплины в упомянутом качестве, прежде всего сложившуюся методику нумизматического исследования и его источниковую базу. Рассмотрению данных вопросов посвящена третья глава рецензируемой книги — «Методика нумизматики и ее источники». По мнению автора, нумизматическая методика, т. е. средства и способы получения из материала сведений, является в своей основе методикой исторической. В нумизматическом исследовании можно проследить все те же этапы, что и в историческом: эвристическую часть, критику источника, интерпретацию, выводы. Однако нумизматическое исследование имеет и свою специфику, которая объясняется спецификой такого вещественного источника, каким являются монеты и другие денежные формы. Так, невозможно приступить к критике нумизматического источника, предварительно не очистив или не отреставрировав его. Автор включила в свою книгу множество квалифицированных советов и рецептов по очистке монет из различных металлов, реставрации бумажных денег. В процессе критики монета должна быть определена и описана.

Опять-таки рассказывается, каким образом это делается, даются рекомендации по определению фальшивых монет, по составлению каталога, инвентаря, по хранению нумизматического материала. Наконец, завершающим результатом изучения нумизматических источников является создание научной экспозиции или научной публикации. Естественно, это делается с помощью всех других необходимых вещественных и письменных источников. Автор книги показывает богатство и разнообразие письменных источников, используемых нумизматом: это документы частноправового и официального характера, политические, экономические и социальные. Наряду с документальным материалом исследователь не должен забывать о таких памятниках, как литературные произведения — стихи, песни, трактаты, использовать устное народное творчество — пословицы, поговорки, загадки, сказки, предания. Из вещественных источников нумизмат должен обратить внимание на специфические предметы украшения (например, монисто), амулеты и другие ритуальные предметы. Художественные произведения — рисунки в книге, миниатюры рукописей, картины и скульптура определенной тематики — все эти и многие другие источники должны питать широкое нумизматическое исследование.

При всем многообразии источников предпочтение, однако, должно быть отдано монете и, как подчеркивает автор книги, особенно комплексу монет, монетному кладу. Э. Ногейлова-Пратова довольно подробно останавливается на вопросах, связанных с зарытием и обнаружением монетных кладов, с внешним оформлением подобных находок, с классификацией их с точки зрения характера (единичные находки, клады длительного накопления, находки монет, выступающих в качестве средства обращения или сокрытых в качестве сокровища и т. д.). Читателю дается представление о структуре, схеме и датировке клада, рассказывается о принципах описания и публикации кладов, наконец, акцентируется внимание на правовых нормах в связи с находкой клада.

В четвертой главе «Организация и техника чеканки» Эм. Ногейлова-Пратова в обобщенной форме показывает сложный процесс развития монетного производства в Европе. В основе возникновения и эволюции монетного дела лежит монетное право. Его внешним проявлением является организация чеканки, а практическим содержанием — выпуск монеты и техническое обеспечение этого выпуска. Организация чеканки представляет собой совокупность всех правил, мероприятий и постановлений, при помощи которых обладающий монетным правом и хозяйственная администрация осуществляли выпуск монеты. Признавая, что невозможно в коротком очерке охватить этот процесс во всей его глубине и широте, во всех его вариантах, автор ограничивается констатацией общего положения: характер и законы монетного права влияют на конкретную форму чеканки. Несмотря на большое разнообразие способов достижения основной цели монетного производства — выпуска удобного и надежного платежного средства, как считает автор, с самых древних времен и до сегодняшнего дня в принципе существуют две основные формы организации монетного чекана: 1) сдача в наем, аренда всего монетного производства, 2) организация монетного производства под непосредственным управлением монетного господина.

Далее следуют примеры из истории организации античного и средневекового монетного чекана, поднимается вопрос о монетных мастерах в связи с обычаем помещать на монетах их имена и особые знаки; приводятся интересные сведения по организации деятельности средневековых монетных дворов, их обслуживающего персонала, а также сведения об отдельных этапах монетного производства: добыче и подготовке к чеканке металла, орудиях и технике оснащения монетных дворов; рассказывается о самом процессе чеканки, технике штемпелей, пунсонов, о резчиках штемпелей, о печатании бумажных денег. Эта глава заканчивается любопытным разделом, в котором рассказывается о названиях различных монет, перечисляются монеты, названные в зависимости от веса и стоимости металла, цвета, изображения и внешних знаков, имен и должностей выпускающих их лиц, происхождения (страны, города, монетного двора), святого, упоминающегося в легенде какого-либо слова и т. д.

Наконец, пятая заключительная глава книги — «Историческое развитие нумизматического исследования» содержит обширный материал, информирующий читателя

об этапах развития нумизматической науки, о том длинном и сложном пути, который она прошла от собирательства монет, начавшегося в античном мире, до современного комплексного научного исследования и современной научной организации изучения монет (собирательство, изучение, публикация, особенно после начала книгопечатания, преподавание, наконец, организация работы). Автор дает краткие характеристики крупнейшим мировым нумизматическим собраниям, включая в их число отделы нумизматики Государственного Эрмитажа (Ленинград) и Государственного Исторического музея (Москва). В главе рассказывается также, каким образом происходило изучение античных, средневековых монет и монет нового времени, называются основные труды, посвященные как общим проблемам нумизматики, так и отдельным категориям монет, перечисляются периодические издания, существовавшие в прошлом веке и существующие до сих пор в различных странах мира. Особое место в главе занимает обзор современного этапа нумизматики — изучение монет с точки зрения истории денег и денежного обращения. Автор датирует этот этап приблизительно от 30-х годов нашего века до сегодняшнего дня. Правда, отдельные попытки подобного подхода к монете наблюдаются уже в XIX в. Автор не берется хотя бы назвать работы современных специалистов в различных областях нумизматики, а отсылает читателя к специальным библиографическим нумизматическим изданиям. Отмечается, что в настоящее время существуют большие возможности для нумизматов различных стран знакомиться с деятельностью коллег. Этому способствуют и широкая публикация нумизматического материала, например издания кладов, и непосредственный обмен опытом на международных нумизматических конгрессах и симпозиумах. Работу нумизматов многих стран координирует Международная нумизматическая комиссия. В книге уделяется внимание и преподаванию нумизматики в высших учебных заведениях. Важный практический момент знакомства с нумизматикой — не только музейные экспозиции и выставки, организованные в отдельных странах, но также создание нумизматических коллекций непосредственно в университетах. Однако музеи и университеты не являются единственными центрами нумизматического исследования. Эм. Ногейлова-Пратова отмечает, что в некоторых странах взяли на себя заботу о научном развитии нумизматики академии наук. Среди таких стран называется и Советский Союз, где это осуществляется в рамках Института археологии. Рассказывает автор и о любительских нумизматических организациях — нумизматических обществах, существующих в различных странах, об их издательской деятельности и выпуске аукционных каталогов.

Познакомив читателя с содержанием книги «Основы нумизматики», хотелось бы еще раз подчеркнуть, что автором проделана огромная работа по сбору и обобщению самых различных данных, относящихся к нумизматическому исследованию. Автор, на наш взгляд, совершенно правильно акцентирует внимание на вопросах понятийного плана, терминологии, решение которых уже давно назрело в связи с приобретением нумизматикой статуса самостоятельной отрасли исторического знания. Надо отметить, что даже в специальной литературе до сих пор мы встречаемся с неоднозначным определением, например, понятия «нумизматика»: или недостаточно полным, или слишком расплывчатым, с искусственным расширением объекта ее изучения [1]. Проблема упорядочения понятий, терминологии неизбежно возникает перед каждой дисциплиной на определенном уровне ее развития. «Научность» науки в значительной степени определяется разработанностью и упорядочением ее терминологии. Думается, что нумизматика давно достигла упомянутого уровня, в ней сложилась система понятий, которая и обусловливает постановку и решение вопросов терминологии. Конкретизация понятия нумизматики имеет и другой аспект. В настоящее время в процессе дифференциации научных знаний наблюдается тенденция к отпочковыванию от одной дисциплины ряда смежных, которые, имея свой предмет исследования, совершенствуя технические приемы,

[1] См., например, определение «нумизматика» в издании «Нумизматический словарь» (автор-составитель В. В. Зварич. Львов, 1976, с. 95), где утверждается, что нумизматика наряду с монетами и кладами монет изучает памятники медальерного искусства, а также товаро-деньги, бумажные деньги, боны, ордена и медали.

постепенно начинают приобретать самостоятельное значение. Подобное можно сказать, например, о фалеристике, в компетенцию которой входит изучение наград во всем их комплексе. Автор рецензируемой книги, на наш взгляд, абсолютно правильно, с научных позиций подойдя к определению объекта нумизматики, отмежевала от нее материал, относящийся к другой дисциплине, подчеркнула, что восприятие в одном целом монет, наград, значков и пр. характерно для коллекционера-любителя, профессионал же должен иметь более четкое представление о науке, в которой он работает.

Не менее важным является вопрос о методических приемах нумизматического исследования. Конечно, можно согласиться с автором, что в целом нумизматическое исследование, будучи по своей сути историческим, проходит все этапы последнего. Однако, поскольку нумизматика является специальным направлением исторического исследования, по-видимому, следует акцентировать внимание читателя на специфике научной методики работы с монетами. Общеизвестно, что от состояния методики во многом зависит конечный результат исследования. Поэтому источниковедческие приемы критики монет не сходят с повестки дня у нумизматов многих стран, в том числе и у советских. Советское нумизматическое исследование уже продемонстрировало на практике действенность так называемого «поштемпельного» анализа монет. Эта методика работы с русскими монетами XV—XVII вв. заключается в визуальном изучении каждой монеты клада, сравнении их между собой и выделении группы монет, совершенно идентичных как по лицевым, так и по оборотным сторонам, т. е. изготовленных при помощи одной и той же пары орудий производства. Для монет XIV—XV вв. этим орудием производства являются штемпели (чеканы) с изображениями и надписями, вырезанными непосредственно на них; для более поздних монет — штемпели (чеканы) с изображениями и надписями, переведенными с маточников — своеобразных эталонов. Благодаря этому методу удается дать хронологическую характеристику монет, на которых отсутствует год выпуска, решить вопрос о месте чеканки отдельных групп монет, о типах монет, чеканенных в пределах одного монетного двора, и пр. В настоящее время эта методика исследования распространяется и на другие виды монет: античные, средневековые литовские монеты.

Широко применяются почти в каждой крупной работе советских нумизматов топографические приемы изучения монетного материала: картографирование монетных кладов, сочетающееся с детальным изучением структуры клада (хронологический разбор, определение процентного соотношения монет в кладе по времени их чеканки и т. д.) и строящееся на ее основе. Используют советские нумизматы и другие методические приемы изучения монетного материала [2]. Хотя все они в комплексе составляют прочный костяк методики нумизматического исследования, думается, что в процессе практической деятельности нумизматов эта методика будет обогащаться. Однако уже сейчас в сложившейся системе приемов и способов извлечения сведений из нумизматического материала ясно проступает единственный полноценный объект современного нумизматического исследования: монетный клад, а не монета или коллекция монет. Ведь и изложенные выше методические приемы выкристаллизовались потому, что исследователь-нумизмат обратился не к монете как к объекту исследования, а к комплексу монет, к серии монет, к массовому источнику. Изменился предмет исследования нумизмата, изменились и задачи нумизматического исследования, целью которого, как правильно пишет автор рецензируемой книги, становится изучение денежного обращения, монетных систем и целого ряда важнейших экономических вопросов вообще.

В изменении главного источника нумизматического исследования (не монета, а клад, и в связи с этим — формирование специфической методики) состоит сущность развития нумизматики на современном этапе. На практике справедливость данных положений доказывается многочисленными трудами советских нумизматов, специализирующихся в области античных, западноевропейских, восточных, русских

---

[2] См. об этом подробнее: *Янин В. Л.* К проблеме интеграции в изучении вещественных и письменных источников по истории русского средневековья.— «История СССР», 1973, № 3; *его же.* Очерки комплексного источниковедения. М., 1977, с. 5—21.

монет различных периодов; в обобщенном виде эти положения сформулированы в указанных работах В. Л. Янина, они широко вводятся в оборот советскими нумизматами.

Проблемы, связанные с изучением монетных кладов, естественно, интересуют не только советских нумизматов. Неоднократно они поднимались в польской (Р. Керсновский, С. Суходольский), немецкой (П. Бергхауз и др.), чехословацкой литературе, и, так как они в настоящее время являются главнейшими в нумизматическом исследовании, на наш взгляд, им следовало бы уделить более внимания, чем это сделано в рецензируемой книге.

В заключение хочется еще раз подчеркнуть, что книга Эм. Ногейловой-Пратовой нужна и исключительно полезна всем, кто занимается и интересуется нумизматикой. Она заслуживает перевода на русский язык.

Н. А. Соболева, В. В. Кропоткин

*

Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., «Высшая школа», 1977. 239 стр. + 15 рис. Тираж 13000 экз. Цена 50 коп.

Работы В. Л. Янина отличает строгая логика доказательств, использование широкого круга разнообразных источников, нестандартный подход к исследованию и решению сложных вопросов древнерусской истории. Это полностью подтверждает и его новая книга. Основная цель монографии — показать на конкретных примерах преимущества комплексного источниковедения. Синтез данных многих исторических дисциплин, по убеждению автора, приводит к успеху там, где изучение одного-двух видов источников оказывается бессильным или малоэффективным.

Книга составлена из отдельных очерков, некоторые из которых были опубликованы ранее в журнальном варианте. Все они посвящены важным явлениям в истории средневекового Новгорода. В основе публикации лежит специальный курс «Источниковедение Новгорода», который в течение ряда лет читает В. Л. Янин студентам Исторического факультета Московского государственного университета.

Работе предпослано краткое введение. В очерке «К проблеме интеграции письменных и вещественных источников» автор формулирует свои взгляды на взаимоотношения вспомогательных исторических дисциплин с историческим источниковедением в целом. Успешное развитие нумизматики, сфрагистики, эпиграфики не только открыло совершенно новые направления исторических исследований, но и породило опасность превращения этих дисциплин в замкнутую область знания (с. 19). Одинаково ошибочны и искусственный отрыв специальных отраслей истории от решения фундаментальных проблем науки, и тенденция к ограничению источниковедения лишь кругом письменных источников. Этот вывод прямо следует из предпринятого В. Л. Яниным обзора современных тенденций развития нумизматики, сфрагистики, исторической топографии и «берестологии». Нельзя не присоединиться к утверждению, что «правильное исследование любой проблемы истории должно опираться не на специфически ограниченную группу источников», а на их исчерпывающую совокупность (с. 20). Практическому доказательству данного тезиса посвящены почти все последующие страницы монографии.

Большой интерес вызывает короткий, но исторически важный очерк «Памятники сфрагистики и этапы развития Новгородской республики». Его фактологическую основу составляет свод древнерусских вислых печатей[1]. По формально-типологическим признакам вся масса (1542 буллы) сфрагистического материала распадается на разряды, каждый из которых, как оказалось, принадлежит определенным институтам государственной власти. Именно это обстоятельство превращает свинцовые печати в первостепенный источник изучения истории государственной власти на Руси (с. 26).

---

[1] *Янин В. Л.* Актовые печати древней Руси X—XV вв., т. I — Печати X — начала XIII в.; т. 2 — Новгородские печати XIII—XV вв. М., 1970.

Можно оспаривать атрибуцию отдельных печатей, можно не соглашаться с частными наблюдениями, но основные выводы В. Л. Янина покоятся на прочном фундаменте. Появление новых типов булл, отмирание или расцвет старых всякий раз отражают возникновение и эволюцию тех государственных институтов, которым принадлежали полномочия удостоверения официальных документов.

Сплошное и взаимосвязанное исследование всех новгородских печатей позволило наметить основные этапы формирования феодально-республиканской государственности Новгорода (с. 39). В конце 80-х годов XI в. рядом с князем возникает посадничество в виде боярского представительства. На 1117—1136 гг. приходится активное двоевластие князя и посадника. В 1136 г. организуется смесной суд князя и посадника, причем княжеская печать превращается в средство контроля за деятельностью князя. Появление в конце XIII в. печатей новгородских тиунов свидетельствует о перераспределении юрисдикции в пользу торгового суда за счет суда смесного. С 1354 г. ряд гражданских дел, изъятых из ведения смесного суда, попадает под юрисдикцию архиепископа. Наступает расцвет анонимной владычной буллы, отражающей новую сферу деятельности епископского суда. Наконец в начале XV в. приоритет в смесном суде переходит к посаднику, о чем говорят редкость княжеских булл этого времени и массовое распространение печатей новгородского Совета господ.

Изложенная периодизация построена на наблюдениях над сфрагистическим материалом, но подкрепляется также сведениями летописей, древних актов и т. п. Представляется возможным иначе истолковать ее ранние звенья. Например, становление посадничества нового типа не обязательно связывать с появлением греко-русской печати протопроедра Евстафия[2]. Буллы посадников времен Всеволода Мстиславича с русской благопожелательной надписью, повторяющие тип южнорусской княжеской печати, могли возникнуть не в результате усвоения институтом боярского соправительства чуждой ему регалии высшей власти. Наоборот, тождество тех и других, вероятно, свидетельствует о прямой подчиненности этих посадников Киеву. Иными словами, в 1117—1136 гг. суверенитет столицы Руси над Новгородом олицетворял посадник, новгородский князь же, напротив, демонстрировал определенную независимость своей земли. Появление впервые именно у Всеволода Мстиславича новгородского печати с патрональным обозначением имени и отчества владельца, достаточно четко фиксирующей идею наследственности княжеской власти, не противоречит данному предположению. Ведь согласие на пожизненное княжение было одним из главных условий получения Всеволодом новгородского стола. Высказанные гипотезы ни в коей мере не ослабляют общей концепции В. Л. Янина, а лишь подчеркивают необходимость ее дальнейшей конкретизации методами комплексного источниковедения.

Два следующих очерка — «Грамоты Антония Римлянина и их датирование» и «Из истории землевладения в Новгороде XII в.» — наглядно иллюстрируют преимущества сочетания текстологического анализа с исследованиями микротопографии окрестностей Новгорода для установления подлинности и точной даты древних актов. Внимательное сличение и картографирование топонимов в «Духовной» и «Купчей» Антония позволило В. Л. Янину утверждать, что в обеих грамотах речь идет о разных участках земли, причем в первой говорится о первоначальном месте (Волховское село) монастырского строения (с. 45—48). Основываясь на этом факте, а также на различиях в денежном счете, исследователь убедительно датировал «Духовную Антония» временем до 1131 г., а «Купчую» — 1354—1357 гг.

Во втором очерке топографические наблюдения не оставляют сомнений в справедливости вывода автора об одновременности выдачи грамот в 1134 г. Изяславом Мстиславичем Пантелеймонову монастырю, а его братом Всеволодом — Юрьеву монастырю (с. 75—77).

Передатировка данных грамот иначе освещает проблему княжеского землевладения в Новгороде. Поскольку оба документа выданы до 1136 г., то результаты знаменитого восстания не могли отразиться в их формулярах. Разница в формулах дарения (Изяслав с благословения епископа Нифонта «испрошал» земли у Новго-

[2] *Куза А. В.* Печати Евстафия.— СА, 1977, № 3.

рода, а Всеволод «дал» рель своею властью), по мнению В. Л. Янина, объясняется тем, что Всеволод был новгородским князем (с. 78). Отсюда следует заключение, что еще до 1136 г. в Новгороде рядом с землями, находившимися под прямой юрисдикцией новгородского князя, имелись территории, юрисдикция над которыми принадлежала городу (вечу). Таким образом, подтверждается гипотеза В. Л. Янина о сосуществовании уже во времена Всеволода Мстиславича княжеской власти в Новгороде с органами боярского республиканского государства.

Кажется все же, что столь сложный и важный для истории Новгорода вопрос нуждается в дальнейшем изучении. Факт правомочности новгородского веча распоряжаться определенным земельным фондом — бесспорен. Но каким? Распространялась ли юрисдикция города на все государственные земли Новгорода, за вычетом княжеского домена и владений других феодалов, или лишь на какие-то строго ограниченные территории? Земли, испрошенные Изяславом для основания Пантелеймонова монастыря у Новгорода, почти вплотную примыкали к Детинцу и непосредственно соседствовали с городской застройкой (Добрыня улица) [3]. Помимо пашни их бóльшую часть составляли рыболовные угодья, сенокосы и выпасы. Может быть, права города как собственника земли простирались только на его ближайшую округу, которую горожане совместно использовали для своих хозяйственных нужд. Существование таких общегородских угодий на Руси в XII в. известно из летописи [4]. Если высказанное предположение справедливо, то Новгород в данном случае выступает в роли коллективного феодального собственника не только незаселенных окрестностей, но и соседних сел со смердами, обязанными «тянуть в городские потуги».

Есть ли в источниках, восходящих к XII в., известия, противоречащие изложенной точке зрения? Немногочисленные акты этого времени не опровергают ее. В грамотах новгородского князя Всеволода Мстиславича, передающих Юрьеву монастырю «погост Ляховичи с землею и с людьми и с коньми» и волховскую рель [5], речь, по-видимому, идет о пожалованиях из княжеского домена. Во-первых, там точно указаны границы передаваемых владений. Во-вторых, под «людьми» в первой грамоте скрывается «челядь», являвшаяся наряду с лошадьми личной собственностью князя [6]. Однако в подлинном акте первой трети XII в. с Буйце передается тому же Юрьеву монастырю киевским князем Мстиславом через своего сына Всеволода в других выражениях: с данями, вирами, продажами и осенним полюдием даровным [7]. Перечисленные повинности идентичны повинностям свободных смоленских крестьян-общинников, зафиксированных «Уставной грамотой» Ростислава Мстиславича смоленского 1136 г. [8] Это совпадение дает основания полагать, что с. Буйце жаловалось не из княжеского домена, а из общегосударственных земель Новгорода. Но правовую основу пожалования определяет не решение новгородского веча, а распоряжение киевского князя своему вассалу — князю новгородскому.

Таким образом, вопрос о времени приобретения новгородским вечем — органом республиканского управления — права распоряжаться всей новгородской землей остается открытым. Причины, побудившие Изяслава основать монастырь на принадлежащих городу землях, кроются в желании князя-изгоя укрепить союз с новгородцами и городским духовенством, заручиться их поддержкой в борьбе за суздальский стол. Ведь создание нового монастыря подразумевало не только наличие участка земли и определенных гарантий материального обеспечения в будущем, но и покровительство ктитора, и получение от него значительных средств на «монастырское строение» и церковную утварь. Источники свидетельствуют, что Изяславу надолго удалось сохранить добрые отношения с Новгородом. Спустя почти

---

[3] Нельзя не отметить, что грамота Изяслава прямо свидетельствует об отсутствии в районе Добрыни улицы в первой трети XII в. каких-то иных городских укреплений, кроме валов и стен Детинца.

[4] ПСРЛ, т. II, изд. 2-е. СПб., 1908, стб. 404.

[5] ГВНП, № 80, с. 139; № 79, с. 140.

[6] *Зимин А. А.* Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.). М., 1973, с. 262.

[7] ГВНП, № 81, с. 140, 141.

[8] Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976, с. 141.

15 лет его, уже киевского князя, восторженно приветствовали новгородцы: «Ты наш князь! Ты наш Володимиръ! Ты наш Мстиславъ!» [9].

Не менее содержательным в книге является очерк о грамоте Святослава Ольговича 1137 г. В. Л. Янину путем сравнения подсчетов указанных в документе отчислений в судебную десятину удалось доказать тождество 100 гривен новых кун, выдаваемых «домажиричем из Онега» со сборами в Заволочье (с. 85—86). Исследователь также определил позднейший характер приписок об Обонежском и Бежецком рядах, сохранявших юридическую силу, когда положения самого устава устарели (с. 87—90). Эти наблюдения утвердили вывод, что восстание 1136 г. не ограничило судебных прав князя в новгородских землях. Лишь позднее, но до 60-х годов XIII в., князю было воспрещено вмешиваться в судопроизводство окраинных новгородских волостей. Такое решение вопроса позволяет глубже понять существо государственных реформ в Новгороде в начале XIII в. [10]

К одним из самых удачных разделов монографии относится очерк о знаменитом «Уставе князя Ярослава о мостех». Этот памятник не раз привлекал внимание исследователей, но до сих пор раскрыть его содержание не удавалось. В. Л. Янин провел кропотливую работу по сличению всех известных списков устава и выделил среди них наиболее исправный: список Археографического вида, помещенный в приложениях к Новгородской Первой летописи по Комиссионной рукописи (с. 93—95). В тексте устава обнаружена вторая интерполяция (первая — перечень новгородских сотен — была известна и ранее): перечисление тигожан, коломлян, нередичан, вережан и пидьблян, не имеющих прямого отношения к смысловому сюжету той части устава, где они упомянуты (с. 95).

Тонким анализом текста и привлечением данных топографии, топонимики, археологических раскопок содержание устава расшифровано. В нем идет речь о разверстке мостовой повинности, касающейся Детинца и подходов к нему, Великого моста, территорий Торга и путей, соединяющих торговую площадь с береговыми пристанями и иноземными факториями. Цель устава — обеспечить мощение магистралей, обслуживавших Торг и движение к нему (с. 108). На городские и областные сотни (первая интерполяция) ложилась обязанность под руководством тысяцкого сооружать мост через Волхов. Тигожане, коломляне и прочие (вторая интерполяция) должны были транспортировать по Волхову и его притокам лес для мощения улиц и возведения моста (с. 116—120).

Сопоставление имен сотских устава со списком новгородских тысяцких надежно датирует перечень новгородских сотен 1265—1267 гг. и близким временем — основной текст памятника (с. 110—116). Реконструкция текста устава, его датировка и смысловая интерпретация выглядят в целом убедительно.

Некоторые сомнения возникают при изучении состава адресатов мостовой повинности. Ими оказываются высшие должностные лица Новгорода: князь, епископ, посадник, тысяцкий, а также жители Людина и Славенского концов, Прусской, Чудинцевой, Михайловой и Витковой улиц, Загородцы, прихожане Ильинской церкви на Славне, иноземные гости. Принцип разверстки неясен: то ли по принадлежности к административному управлению, то ли по близости местожительства к объектам мощения. Странным кажется отсутствие «уроков» жителям Неревского и Плотницкого концов, при активном участии в мостовых работах населения Людина и Славенского концов.

Эта «избирательность» устава заставляет еще раз обратиться к его тексту. Вторая фраза памятника — «Осменником поплата» — обычно переводится «плата осменикам» (с. 96). Но в таком случае предложение теряет смысл: не указано, за что и какая плата следует данной группе лиц. Все зависит от понимания слова «поплата». Более логичным кажется его перевод в обратном значении: не «плата», а «расплата», «расплатиться», «поплатиться». Осменики из получателей какой-то неопределенной «платы» превращаются в одних из исполнителей мостовых работ. Тогда отпадает необходимость снимать вслед за списком Летописи Авраамки пред-

---

[9] ПСРЛ, т. II, изд. 2-е. СПб., 1908, стб. 370.

[10] *Куза А. В.* Новгородская земля.— В сб.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975, с. 157—164.

лог «в», указывающий направление мощения из Детинца «в Людин конець черес греблю» и имеющийся во всех прочих списках устава (с. 91—98). Мостовая повинность при этом распределяется между осменниками и прусами, а упоминание Людина конца сохраняет лишь значение топографического указания. Причем прусы (жители Прусской улицы) выступают здесь как самостоятельная территориальная группировка, не входящая ни в один из существовавших к этому времени концов, что подтверждается и летописью [11].

Недостаточно обоснованным представляется и отождествление огнищан с боярами — усадьбовладельцами Славянского конца (с. 107). Летопись трижды упоминает огнищан в связи с событиями XII—XIII вв., всегда вместе с гридьбой и купцами [12]. Из этих сообщений можно заключить, что данные лица подчинялись князю и из них формировались постоянные военные силы Новгорода. В уставе купцы и гридьба не названы, но нетрудно догадаться, что именно они составляли те городские и областные сотни, на долю которых приходилось строительство моста через Волхов. Если с гридями (профессиональные воины) и купцами (свободное торгово-ремесленное население Новгорода) вопрос решается просто, то социальное лицо огнищан определить труднее. Думаю, что перед нами вновь особая группа должностных лиц, обслуживавших княжеский двор — Ярославово дворище. Поблизости от него они и мостили набережную реки. Князь и огнищане имели раздельные участки мощения, аналогично владыке и софьянам.

С предложенными поправками смысловая направленность устава приобретает логическую стройность. В. Л. Янин топографически четко определил участки мостовых работ и показал, что это были общегородские, внеконцанские территории. Становится понятным, почему устав издан от имени одного князя, а не всего Новгорода. Ведь мостовая повинность определяется только между высшими представителями государственной власти и населением, находящимся под непосредственной юрисдикцией князя. Жившая в концах основная масса новгородского боярства с зависимыми от них людьми мостили свои улицы под надзором кончанской администрации.

В очерке «Церковь Бориса и Глеба в Новгородском детинце» В. Л. Янин попытался доказать существование внелетописного новгородского источника «Жития Александра Невского». Исследователь установил идейную связь «Жития» с укреплением борисоглебовского культа в Новгороде. Новгородцы — сподвижники князя Александра в Невской битве, прославляемые агиографом, оказываются столпами боярства Прусской улицы (с. 135). Церковь же Бориса и Глеба в Детинце сначала являлась вечевым храмом прушан и организуемых ими территорий, а затем приобрела общегосударственное значение. В этой эволюции, естественно, прежде всего было заинтересовано прусское боярство. Таким образом, гипотеза В. Л. Янина получает все права гражданства.

Малоизученному вопросу об участии черного духовенства в новгородском республиканском управлении посвящен раздел «Из истории высших государственных должностей в Новгороде». Автору удалось раскрыть политическую сущность должности новгородского архимандрита. Выяснилось, что архимандрития являлась особым государственным институтом, подчинявшимся вечу, а не архиепископу. Это обстоятельство свидетельствует о существовании в Новгороде независимой от владыки организации черного духовенства, связанной с представительством из городских концов и культивируемой новгородским боярством.

Принципиальное значение очерка «Берестяные грамоты и городское боярское землевладение» состоит в раскрытии основ политического могущества крупных новгородских боярских родов. Картографированием берестяных грамот посадничьей династии Мишиничей — Онцифировичей В. Л. Янин доказал, что некоторые боярские семьи владели в Новгороде в своих концах значительными территориями из нескольких усадеб. Здесь на смежных дворах размещались хоромы членов семьи, стояли дома челяди и прочего зависимого люда, возвышались ктиторские храмы. Удалось проследить традиционный характер реконструированной картины боярского земле-

[11] НПЛ, с. 58, 60, 259, 262.
[12] НПЛ, с. 32, 42, 73, 219, 234, 283.

владения по крайней мере с рубежа XII—XIII вв. Так получила объяснение устойчивость внутрикончанских связей, наблюдаемая почти на всем протяжении независимости Новгорода. Бояр в политической борьбе поддерживало население, жившее на территории их владений.

Здесь кроются, по мнению В. Л. Янина, и истоки самобытного государственного устройства Новгорода. Городские концы являлись и формой членения городской территории на районы, и «формой объединения ее более дробных элементов» (с. 181). Они сформировались в результате слияния нескольких первоначальных боярских поселков, как сам Новгород — из объединения нескольких концов.

В изложенной схеме происхождения Новгорода не все звенья аргументированы одинаково полно. Мысль об изначальности крупного боярского землевладения в городе подтверждается рядом соображений и хорошо объясняет особенности последующего развития Новгорода. Но причины концентрации почти всей землевладельческой и разноэтнической аристократии Новгородской земли практически еще в догосударственную эпоху на столь ограниченной территории удовлетворительного обоснования не получили. Нет твердой уверенности в том, что расширение «городского землевладения боярской семьи путем последовательных прикупок новых усадеб» не имело места (с. 176). Дворы-усадьбы в Новгороде продавались [13]. Поэтому перераспределение земельной собственности между различными боярскими родами и внутри города и вне его вряд ли было случаем исключительным.

Еще об одной любопытной детали говорит подмеченная П. И. Засурцевым необыкновенная устойчивость усадебных границ, фактически не менявшихся с середины X по XV в. [14] Перепланировки касались только размещения построек внутри дворов. Сами же участки усадеб площадью в 1200—2000 $м^2$ в течение пяти веков не меняли своих очертаний. Только непрерывной преемственностью владения объяснить этот факт нельзя. В Новгороде, по-видимому, существовали вескне, скорее всего юридические основания строго соблюдать границы сложившихся на заре городской истории земельных участков. Они, надо полагать, служили единицей обложения, исчисления взносов в «городской потуг» и прочие общегосударственные повинности. Об этом косвенно свидетельствуют события, связанные со сбором «числа» при Александре Невском [15]. «Числом» облагался каждый дом. Но простые новгородцы возмутились, недвусмысленно обвиняя «больших» (бояр), что они «творят себе легко, а меньшим зло». С учетом сказанного выше корни недовольства легко понять: денежный взнос от дома, а не от размеров двора уравнял богатейших бояр с беднейшими слоями новгородцев. Нарушив существовавшие традиции, новгородское боярство основную тяжесть ордынской дани переложило на плечи трудового люда.

Два относительно коротких очерка («Патрональные сюжеты и атрибуция древнерусских художественных произведений» и «Дата Шемякиной плащаницы») наглядно иллюстрируют возможности получения немаловажных исторических выводов при всестороннем изучении произведений искусства. Генеалогическому сюжету — происхождению московского боярского рода Морозовых — посвящен предпоследний очерк. Отсутствие генетической связи московских Морозовых с новгородским родом Миши Прушанина и его потомка Ивана Мороза детально аргументировано.

Последний раздел книги озаглавлен «Возможности археологии в изучении средневекового Новгорода». Уже самой постановкой вопроса он привлекает внимание археолога. Автор убежден, что современная археология превратилась «из дисциплины, замкнутой в кругу первоначальных прикладных исследований, в дисциплину историческую, способную ставить и решать проблемы первостепенного значения» (с. 213). Из них В. Л. Янин называет четыре. Во-первых, происхождение Новгорода. Во-вторых, своеобразие его политического строя. В-третьих, истоки могущества новгородских бояр. В-четвертых, соотношение боярства и непривилегированного, но свободного населения города. В предшествующих очерках эти вопросы были в той или иной степени освещены. Теперь подчеркивается вклад многолетних археологических раскопок в их решение.

---

[13] *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту... М., 1975, с. 188, 189 (грамота № 424, рубеж XI—XII вв.).

[14] *Засурцев П. И.* Усадьбы и постройки древнего Новгорода.— МИА, № 123, 1963.

[15] ПСРЛ, с. 82, 83, 310, 311.

Действительно, опираясь только на сведения письменных источников, исследователи лишь догадывались о сложном пути возникновения Новгорода. Наблюдения с помощью геологического бурения за мощностью культурного слоя вместе с данными археологических зондажей в разных местах города позволили оконтурить три значительных участка с древнейшими напластованиями. Вывод о постепенном слиянии трех ранних поселений в единый социально-экономический организм — Новгород — получил фактическое подтверждение.

Благодаря археологическим раскопкам выяснено, что княжеская резиденция в Новгороде всегда находилась не в Детинце, а на Ярославовом дворище, вне пределов первоначальных городских фортификаций. Складывается убеждение о вторичности княжеской власти «сравнительно с теми общественными институтами, местопребыванием которых был Детинец» (с. 222).

Только материалы археологических исследований, в первую очередь анализ содержания берестяных грамот и картографирование их находок, вскрыли специфику боярского городского землевладения. Оно было клановым. Некоторые боярские семьи владели в городе большими участками земли из нескольких усадеб. Отсюда и постоянное политическое влияние боярских родов, организовывавших в пределах своих обширных территорий различное по сословной принадлежности население (с. 226).

Сложнее обстоит дело с изучением размещения основной массы непривилегированных, но свободных граждан. Они в противоположность боярам объединялись не кончанской, а сотенной администрацией, состоявшей из 10 сотских во главе с тысяцким. В. Л. Янин полагает, что «боярские концы» и «небоярские сотни» располагались чересполосно (с. 228). Будущие раскопки внесут ясность в вопрос о территориальном соотношении концов и сотен.

Таковы некоторые результаты многолетних археологических работ в Новгороде. Они свидетельствуют о качественно новом этапе в развитии новгородской археологии, решительно раздвинувшей рамки традиционных возможностей исторического исследования методом раскопок.

Книгу завершает краткое заключение, распадающееся на две части. Они суммируют итоги изучения двух главных проблем, которым посвящена монография. Сначала В. Л. Янин сжато излагает свою концепцию истории Новгорода, отдельные сюжеты которой рассматривались выше. Потом обосновывается необходимость органически сочетать в современном историческом исследовании данные различных категорий источников. Этот вывод подкреплен всем содержанием книги. Без интеграции успехов многих исторических дисциплин в работах В. Л. Янина и его коллег по Новгородской археологической экспедиции сложная и противоречивая история средневекового Новгорода, постепенно раскрывающая свои секреты, выглядела бы в глазах исследователей малодинамичной, лишенной жизненных красок.

А. В. Куза

Stubavs A. Kentes pilskalns un apmetne. Rīga, 1976, izdevniecība «Zinātne», 142 lpp., 95 att., 16 tab.

Монография А. Стубавса «Городище и селище Кенте» посвящена комплексу памятников, расположенных в 40 *км* от Риги выше по течению р. Даугавы, на восточной окраине г. Огре. Комплекс состоит из городища (местные названия: Кентескалнс, Камиельмугура, Веца Рига и др.), а также примыкающего к нему селища. Городище занимает высокую часть (отметка 69 *м* от уровня моря) полуторакилометровой узкой моренной гряды и принадлежит к числу памятников с валами и рвами на двух концах площадки (тип В по классификации А. Стубавса [1]). С двух других сторон склоны холма граничат с болотом, западная часть которого некогда была озером.

Планомерные раскопки указанных памятников начались в 1954 г. и продолжа-

[1] *Stubavs A.* Par Latvijas pilskalnu tioplogija un klasifikāciju.— Arheologija un Etnogrāfija (в дальнейшем — AE). Rīga, 1974, № 11, 77—78 lpp., 5 att.

лись в течение пяти полевых сезонов. За это время была вскрыта огромная площадь — свыше 17 тыс. $м^2$ (на городище 6880 $м^2$ и на селище 10180 $м^2$). Фактически удалось исследовать всю площадь городища, включая участки, занятые оборонительными сооружениями, и почти всю территорию селища. Накоплен значительный материал, освещающий различные стороны жизни поселения. Коллекция, помимо всего прочего, включает более 20 тыс. единиц керамики и 2256 индивидуальных находок. Если учесть хронологию памятника — I тысячелетие до н. э.— начало IX в. н. э., его локализацию в одном из густонаселенных районов Восточной Прибалтики, на оживленном пути, в зоне контактов балтского и финского населения, сравнительно четкую стратификацию материала, то станет понятным, что значение подобного источника трудно переоценить.

Нельзя сказать, что рассматриваемая монография вводит в научный оборот памятник, ранее совершенно неизвестный. В 1959 г. А. Стубавс опубликовал развернутую статью, посвященную итогам первых лет раскопок поселения [2]. Обширную информацию о Кентескалнсе содержат соответствующие разделы изданного недавно коллективного труда по археологии Латвии[3]. Отдельные проблемы, связанные с указанным комплексом, рассматривались в специальных статьях [4]. Вместе с тем полная итоговая публикация памятника представляется своевременной и целесообразной. По сравнению с прежними статьями в эту работу внесены существенные дополнения. В частности, более детально рассмотрен материал I тысячелетие до н. э.— IV в. н. э. В этих хронологических границах отмечено существование функционально разнотипных поселений и т. д.

Опираясь на данные стратиграфии и характер находок, автор раскопок выделяет три хронологических периода в жизни комплекса. Наиболее ранний этап — период укрепленного поселения — в материале представлен в основном каменными топорами и костяными изделиями, а также керамикой. На основании фрагментированных остатков (канавы, столбовые ямы) сделана попытка реконструировать оборонительную систему. Намечены общие хронологические границы данного этапа — I тысячелетие до н. э.— начало нашей эры, которые автор, учитывая датировку некоторых типов штрихованной керамики и фрагмента одной костяной булавки, изготовленной под влиянием бронзовых изделий, считает возможным несколько сузить.

Во II—IV/V вв. н. э. на месте укрепленного поселения существовало городище-убежище, территория которого, судя по предполагаемым границам укреплений, лишь частично совпадает с прежней зоной обитания. Вычленение находок, относящихся к данному периоду, представляет известную сложность. По мнению А. Стубавса, лишь некоторые изделия (нож с выгнутой спинкой и коротким черенком, некоторые посоховидные булавки, втульчатое копье с удлиненным пером, имеющим ромбовидное расширение у шейки и т. д.) с большей или меньшей вероятностью могут быть отнесены ко времени существования городища-убежища. Большое значение для определения оборонительных сооружений данного периода имеют стратиграфические наблюдения.

В целом разделение материала и констатация двух ранних периодов существования поселения Кенте представляется оправданным.

Больше всего внимания в монографии уделено последнему этапу жизни памятника. В период с конца V до начала IX в. поселение Кенте функционирует наиболее интенсивно. Лишь в конце V в., как замечает А. Стубавс, начинается история собственно городища. Возникают мощные древесно-земляные оборонительные сооружения. Формируется новая система застройки. Меняется характер хозяйственной жизни. Поселение переживает «демографический взрыв».

При раскопках культурных отложений указанного периода удалось проследить три горизонта застройки. Нижний горизонт датируется V/VI—VII вв. Основу укреплений данного этапа составляли несколько валов и рвов, которые защищали две зоны,

---

[2] *Стубавс А. Я.* Раскопки городища Кентескалнс в 1954—1956 гг.— В сб.: Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М., 1959, с. 186—221.

[3] Latvijas PSR arheologija. Rīga, 1974, 61—174 lpp.

[4] *Stubavs A.* Amatniecība 6—8 gs. pēc arheologiskiem atradumiem Ķentes pilskalnā un apmetnē.— AR, 1957, № 1, 21—43 lpp.

одна площадью 1400 $м^2$, другая 200 $м^2$. По мнению А. Стубавса, главной, наиболее защищенной, была меньшая площадка. С юга эту зону прикрывали два вала и рвы. Еще один вал разделял бо́льшую и меньшую площадки. С северной стороны зафиксировано два вала — главный и передовой. Важно отметить, что деревянные укрепления I и II южных валов, а также I северного вала составляли, с одной стороны, относительно самостоятельные узлы обороны, а с другой — являлись частями в системе укреплений городища.

Целью строителей укрепления было создание многоступенчатой линии обороны при минимальных затратах труда. Оригинальная система из пяти валов заставляла противника во время штурма с любой из приступных сторон для полного захвата городища преодолевать три линии обороны.

В дальнейшем менялось значение тех или иных участков городища, модернизировались, становились мощнее отдельные узлы обороны, в системе укреплений появлялись новые детали, однако главный принцип — многоступенчатость обороны — сохранялся.

В застройке городища и селища в конце V — начале IX в. представлены различные типы построек: наземные и углубленные в землю, имевшие четырехугольные или овальные очертания в плане. Для жилья использовались также некоторые оборонительные сооружения. Постройки отапливались очагами или печами-каменками. В ходе раскопок удалось проследить характер застройки селища и городища на разных хронологических этапах. Эти наблюдения позволили определить приблизительную численность обитателей поселения Кенте. В VIII в. население городища и селища достигало 250—300 человек. Правда, к указанным цифрам следует относиться очень осторожно. Сохранность остатков жилых и хозяйственных построек данного памятника — отпечатки стен, развалы печей и т. д.— не всегда позволяют, на наш взгляд, выявить в рамках одного горизонта (напомним, что на период более чем в 300 лет приходится всего три горизонта) сооружения, которые существовали одновременно. Исследование многослойных памятников со строительными остатками гораздо лучшей сохранности, например Старая Ладога, Новгород, показывают, насколько сложно реконструировать синхронную застройку при отсутствии серии точных, например дендрохронологических, датировок. Другими словами, на поселении Кенте среди построек одного горизонта в рамках предложенных датировок могут оказаться сооружения, практически не сосуществовавшие, что затрудняет демографические подсчеты.

В монографии много внимания уделено материальной и духовной культуре жителей Кентескалнса. Дана подробная, основанная на тщательном изучении материала, характеристика разных видов хозяйственной деятельности. Важно отметить, что написанию итоговой работы предшествовали специальные исследования разных категорий находок. Так, палеоботанические остатки исследованы А. Распиньем [5], остеологический материал — К. Паавером [6], керамика — И. Цимермане [7], металлографические анализы провел А. Антейн [8], литейное дело изучали И. Дайга [9] и И. Гросвальд [10] и т. д. Все это позволило А. Стубавсу сформулировать выводы, значение которых далеко выходит за рамки изучения только одного памятника.

Специальный раздел рецензируемого издания посвящен этнической принадлежности жителей городища и селища Кенте. Критические замечания вызвала «ради-

---

[5] *Rasiņs A.* Dazas ziņas par augkopību in zemkopību Ķentespilskalnā. Рукопись. Архив сектора археологии и антропологии Института истории АН Латвийской ССР.

[6] *Паавер К.* Палеофауна млекопитающих городища и селища Кентескалнс. Рукопись. Архив сектора археологии и антропологии Института истории АН Латвийской ССР.

[7] *Cimermane L.* Latvijas tekstilā keramika un tās sakari ar Djakovas kultūras apgabalu.— AE, 1968, № 8, 53—64 lpp; *ее же.* Spodrinātā keramika Latvijā.— AE, 1974, № 11, 99—109 lpp.

[8] *Anteins A.* Ķentes pilskalna melnais metāls, I, II, III. Рукопись. Архив сектора археологии и антропологии Института истории АН Латвийской ССР; *его же.* Ķentes pilskalna dzelzs un tērauda izstrādājumu struktūras, īpašibas un izgatavošanas tehnologija.— AE, 1957, № 1, 45—501 lpp.

[9] *Дайга И. В.* К вопросу о литейных формах и литейном деле на территории Латвии (до XIII в.) — СА, 1960, № 3, с. 78—92.

[10] *Daiga J., Grosvalds I.* Senākie tīgeli Latvijā.— AE, 1964, № 6, 7—22 lpp.

кальная гипотеза», согласно которой население Кентескалнса признается славянскими вендами. Автор этой гипотезы В. Б. Вилинбахов ссылается на характер укреплений городища и на некоторые типы керамики, обнаруженные при раскопках Кентескалнса, свидетельствующие, по его мнению, о безусловной западнославянской принадлежности этого памятника [11]. Попытка поместить на берегах Даугавы факторию балтийских славян является лишь звеном концепции расселения вендов, в результате которого, с точки зрения В. Б. Вилинбахова, севернее, близ Ладожского озера, появилось поселение, известное позднее как древнерусский город Ладога, а на землях Новгородчины распространились своеобразные погребальные насыпи-сопки [12]. Наряду с другими неясными положениями указанной гипотезы совершенно нераскрытым оставался вопрос о конкретных путях передвижения балтийских славян на северо-восток. Тезис о западнославянском происхождении населения Кентескалнса был, видимо, призван заполнить этот существенный пробел.

А. Стубавс аргументированно отвергает этническую атрибуцию Кентескалнса, предложенную В. Б. Вилинбаховым, указывая, что она базируется не некоторых неверно истолкованных фактах (характер и хронология оборонительных сооружений городища, этническая принадлежность и район обитания вендов — небольшой этнической группы населения, зафиксированной письменными источниками на территории Латвии [13], и т. д.). Вместе с тем отмечено, что определенное славянское влияние на культуру населения в бассейне Даугавы имело место не только в период раннего феодализма, но фиксируется также в более раннее время. Почему-то данная часть раздела, безусловно интересная для исследователей-славистов, не нашла отражения в резюме.

Вопросы этнической принадлежности обитателей поселения Кенте составляют часть сложной проблемы, связанной с определением территориальных границ между прибалтийско-финскими и балтскими племенами на разных хронологических этапах. А. Стубавс пришел к выводу о смешанном балто-ливском составе населения Кентескалнса. В то же время автор исключает возможность завоевания поселения курземскими ливами на одном из этапов в рамках V—IX вв., рассматривая ливов указанного региона в качестве автохтонного населения.

В заключение отметим некоторые мелкие неточности. А. Стубавс полагает, что поливная керамика появляется в начале нашей эры (с. 10, 131), на самом деле такая посуда встречается и раньше [14]. Ссылаясь на мнение В. Уртана, автор публикации рассматривает бронзовые колокольчики как характерное украшение латгальских женщин в VII—VIII вв., на самом же деле подобные украшения бытуют гораздо дольше — в VII—XI вв.[15] Возражение вызывают также датировки железного серпа (табл. VII, *8*) и некоторых железных подкововидных фибул [16]. Однако эти и некоторые другие мелкие замечания не меняют положительной оценки рассматриваемой публикации.

В. П. Петренко

---

[11] *Вилинбахов В. Б.* Славяне в Ливонии (Некоторые соображения о вендах Генриха Латыша) — Slavia Antiqua, t. XVIII, Warszawa — Poznań, 1971, с. 118—121.

[12] *Вилинбахов В. Б.* Балтийские славяне и Русь.— Slavia occidentalis, t. 22, Poznań, 1962, с. 253—276.

[13] Э. Мугуревич относит эту группу населения к прибалтийским финнам (см. *Мугуревич Э. С.* Проблема вендов в период раннего феодализма в Латвии.— Berichte über den II. Internationalen Kongress für Slawische Archäologie, Bd 2. Berlin, 1973, S. 291—299).

[14] *Urtans V., Vankina L.* Nozīmīgs pētījums par Latvijas senāko vēsturi.— Изв. АН ЛатвССР, 1974, № 12, с. 144.

[15] Ср. *Urtans V.* Kādas Austrumlatvijas rotas vēsture.— Referātu tēzes zinātniskai sesijai, veltītai 1966 gada arheologiskiem izrakumiem un etnogrāfiskai ekspedīcijai Latvijas PSR teritorijā. Riga, 1967, 18 lpp, *его же.* Bronzas zvaniņu rotas VII—XI gs.— Изв. АН ЛатвССР, 1970, № 8, с. 64—75.

[16] *Urtans V., Vankina L.* Nozīmīga monogrāfija Latvijas senvēsturē.— Изв. АН ЛатвССР, 1977, № 6, с. 154, 155.

Хроника

СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКИЙ СИМПОЗИУМ ПО АРХЕОЛОГИИ В ХЕЛЬСИНКИ

Контакты советских и финских археологов осуществляются в соответствии с Перспективной программой сотрудничества в области естественных и общественных наук между СССР и Финляндией. Первая научная встреча советских и финских археологов была проведена Институтом археологии АН СССР в Ленинграде в 1976 г. Тогда же был подписан план совместной работы в области археологии на 1977—1981 гг.[1]

Второй советско-финляндский симпозиум по археологии на тему «Культурные связи народов и стран Балтийского бассейна в железном веке и раннем средневековье» состоялся в Хельсинки в здании Шведско-финского культурного центра Ханасаари с 17 по 23 мая 1978 г. В его работе принял участие большой коллектив археологов. Советская сторона была представлена учеными Москвы, Ленинграда и Таллина; Финляндия — археологами университетов Хельсинки и Турку, нескольких музеев и Финской музейной службы. На симпозиуме присутствовали также археологи Швеции, ГДР и ФРГ.

К работе советско-финляндского симпозиума было приурочено заседание Исполнительного комитета Международной унии славянской археологии (20 мая 1978 г.) Члены этой организации, прибывшие на заседание из Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, СССР, Финляндии, Чехословакии и Швеции, приняли участие в работах симпозиума. С приветственным словом от Международной унии славянской археологии выступил ее президент, болгарский ученый Дм. Ангелов.

Первым вслед за официальным открытием симпозиума был поставлен доклад ведущего финского археолога К.-Ф. Мейнандера «Финское общество в IX—XII веках» — тема, пока еще весьма слабо освещенная в научной литературе Финляндии. Докладчик на основе археологических материалов попытался нарисовать картину социальных и хозяйственных перемен, имевших место в истории финских племен на заре становления раннефеодального общества. Показателями этих перемен являются прежде всего переход от подсечного к пашенному земледелию, распространение новых типов орудий сельскохозяйственного труда, а также эволюция поселений — от небольших, оставленных большой патриархальной семьей, к деревенским поселениям, состоящим иногда из нескольких десятков хозяйственных дворов.

Вторым был доклад руководителя советской делегации Н. Н. Гуриной (Ленинград) на тему «Изобразительное искусство древних племен Кольского полуострова», в котором анализировались петроглифы, открытые на р. Поной близ поселка Чальмы-Варрэ. Выявлено свыше 100 изображений, как реалистических, так и стилизованных, среди которых преобладают зооморфные, но имеются и антропоморфные. Принадлежат они двум периодам, одни — неолиту и эпохе раннего металла, другие — древним саами.

В ряде докладов исследовались вопросы культурных и торговых связей в Балтийском регионе. В последних столетиях I и начале II тысячелетия н. э. земли прибалтийскофинских и восточнославянских племен пересекали два крупных международных торговых пути. Начальная история важнейшего участка одного из них, связывающего северноевропейские страны с Византией, была освещена в докладе Е. Н. Носова (Ленинград) «Международные торговые пути и раннегородские центры Северной Руси». На основе новейших археологических изысканий было показано возникновение во второй половине VIII—X в. серии укрепленных пунктов по берегам Волхова — Ладоги, поселения у дер. Новые Дубовики, Холопьего городка, Новгорода и Рюрикова городища. Это были контрольные пункты международной торговли, а некоторые из них стали и торговыми центрами. В двух пунктах — Ладоге и Новгороде, расположенных у истоков и в устье Волхова,— развивается и ремесленная деятельность, в результате чего они эволюционируют в города. Очевидно, эти пункты были одновременно и административными центрами словен ильменских.

В докладе «Белозерье и Волжский путь» Л. А. Голубева (Москва) рассказала об археологических раскопках, ведущихся в течение нескольких лет на поселении у

[1] *Кирпичников А. Н., Носов Е. Н.* Первый советско-финляндский симпозиум по археологии.— ВИ, № 7, 1977, с. 187—189.

с. Городище в Кирилловском р-не Вологодской обл. и давших материалы для характеристики Волжско-Балтийского торгового пути. На поселении, основанном весью в начале X в., были развиты металлургическое, кузнечное и бронзолитейное ремесла. О широких торговых связях свидетельствуют находки дирхемов, весовых гирек, сердоликовых и стеклянных бус, фризских гребней, болгарской посуды и др. Установлено, что важнейшим объектом торговли были шкурки бобров. Это ремесленно-торговое поселение, стоявшее на Великом Волжском пути, прекратило существование к концу X в. и не переросло в город, так как во второй половине X в. возвышается Белоозеро. В XI в. транзитная торговля по северному отрезку Волжско-Балтийского пути шла через Белое и Онежское озера, по р. Свирь и Ладожскому озеру.

С большим интересом был выслушан доклад И. Херрманна (Берлин) «Роль острова Рюгена в рамках экономических и культурных взаимоотношений между племенами и народами в прибалтийских областях в VIII—IX веках». Докладчик рассказал о результатах новейших раскопок на трех памятниках — Арконском культовом центре славянского племени ранов, городище Ругард и поселении Ральсвик. Устанавливается, что о. Рюген был межплеменным центром, участвовавшим в торговых и культурных взаимоотношениях со многими землями Балтийского региона. Через остров проходил морской путь с запада на восток. На речных руслах и каналах существовали пристани и стоянки для ремонта судов. Находки свидетельствуют о связях с Данией и Норвегией, Швецией и Готландом, Финляндией и Северо-Западной Русью, а также с далекими восточными странами.

Культурные и торговые связи раннесредневекового населения Финляндии с эстскими племенами на основе анализа некоторых типов глиняных сосудов с веревочным орнаментом были рассмотрены в докладе С. Карпелана (Хельсинки) «Прибалтийские контакты в свете керамики эпохи викингов».

В серии докладов исследовались различные аспекты этнической истории прибалтийско-финского населения в эпоху средневековья. Так, Ю. Я. Селиранд (Таллин) в докладе «Формирование эстонской народности (по материалам могильных памятников начала II тысячелетия)» проанализировал похоронный ритуал и вещевые материалы каменных и грунтовых могильников XI—XIII вв. и показал, что еще в X—XI вв. отчетливо выделялись три основные культурные группы (северная и средняя части Эстонии, южная Эстония, западноэстонские области и острова), а начиная с XI в. распространяется целый ряд общих для большинства эстонских земель явлений (обряд трупоположения, одинаковые булавки, подковообразные фибулы и шейные гривны, общие мотивы украшения одежды). Одновременно наблюдается ослабление местных особенностей в материальной культуре. Постепенное возрастание числа общих элементов культуры свидетельствует о том, что в XI—XIII вв. на основе отдельных эстских племен начинает складываться эстонская народность.

Взаимодействию славянского и местного финноязычного населения в одном из регионов Древней Руси был посвящен доклад В. В. Седова (Москва) «Славяно-прибалтийскофинские контакты в Изборске и его округе». Докладчик показал, что в середине I тысячелетия н. э. славяне-кривичи расселились в Изборском крае среди прибалтийскофинского населения и длительное время жили с ним на одной территории. В результате часть местного населения вошла в состав древнерусской народности, внеся в его культуру специфические элементы, а другая часть, впитавшая в себя особенности славянской культуры, сложилась в особую этнографическую группу прибалтийских финнов — сету.

В докладе П.-Л. Лехтосало-Хиландер (Хельсинки) «Единые специфические черты костюма — отражение племенной родственности или культурных контактов» было обращено внимание на элементы женской одежды, главным образом металлические украшения, находящие широкие аналогии у различных племен и языковых групп. В решении вопроса, указанного в названии доклада, исследовательница не пришла к однозначному ответу. Так, в женской одежде и украшениях летописной еми, заселявшей юго-восточные районы современной Финляндии, и корелы в XI—XIII вв. обнаруживаются значительные параллели, которые, очевидно, являются результатом родственной близости этих племен. Общие элементы в одежде суми и еми менее ярки и обусловлены в основном влиянием моды. Распространению моды не препятствовали племенные и языковые границы. Отдельно были рассмотрены бронзовые спиральные украшения, которые некоторыми исследователями считались характерным этническим признаком прибалтийскофинского населения. В докладе показано, что эти украшения не были творением одного племени или одной языковой группы. На их распространение влияли многие факторы, однако различные племена использовали их поразному, поскольку основой женского костюма являются все же этнические традиции.

В следующей группе докладов исследовались различные исторические темы. Шведский археолог Б. Амброзиани (Стокгольм) назвал свой доклад «Бирка» и предпринял интересную попытку археологического изучения структуры домена Меларской долины в эпоху викингов. Довольно полно и обстоятельно исследованы здесь преимущественно могильные памятники, на них и строятся основные выводы доклада. В развитом средневековье (XII—XIV вв.) поселения в этом регионе имели деревенскую структуру. В более раннее время здесь господствовали индивидуальные фермерские хозяйства. Накануне эпохи викингов в Меларской долине насчитывалось около 400—500 поселений. Уже в первые 15 лет эпохи викингов, когда Бирка стала

местным и международным ремесленно-торговым центром, число поселений возрастает до 2000, а всего их в викингское время (IX—XI вв.) было около 3800. Сельское население обеспечивало ремесленно-торговые пункты продуктами земледелия и скотоводства, а последние в свою очередь снабжали ремесленными изделиями сельскую округу.

С результатами последних раскопок в Ладоге и ее окрестностях познакомил участников симпозиума А. Н. Кирпичников (Ленинград). Существенным является определение начальной даты поселения второй половины VIII в. Возникло оно в районе концентрации сопок и рядовых поселений и сразу стало административным и культовым центром словен в финской среде. Положение Ладоги недалеко от впадения Волхова в Ладожское озеро, которые стали частью европейско-азиатской торговой магистрали, привело к тому, что уже в 70—80-е годы VIII в. поселение становится транзитным центром и постепенно эволюционирует в древнерусский город. На основании ряда исторических и археологических карт автор обрисовал границы древней Ладожской волости и, в частности, соотнес ряд поселений волости с местами остановок и перегрузок кораблей во время их следования через Волховские пороги.

Доклад О. В. Овсянникова (Ленинград) был посвящен исследованиям грунтового могильника у дер. Карбола на р. Ваге в Архангельской обл. Этот выявленный впервые погребальный памятник прибалтийскофинского племени, называемого русскими летописями чудью заволочской, представляет несомненный научный интерес. Раскопками открыто 19 захоронений с обрядом трупоположения с южной или юго-западной ориентировкой и трупосожжением. Умершие обкладывались досками или берестой. Вещевой инвентарь (топоры, ножи, кресало, подковообразные фибулы, зооморфные украшения, перстни, бусы и сосуды) датирует могильник концом XI—XIIв.

Результатам раскопок стоянок в долине р. Торнио и связанному с ними вопросу заселения Лапландии в эпоху средневековья посвятил выступление П. Койвунен (Оулу).

Ряд докладов был посвящен поселениям и средневековым укреплениям Финляндии. Так, Ю. Луото (Турку) в докладе «Ванхалинна в Лието, древняя финская крепость» изложил результаты многолетних раскопок одного из интереснейших городищ юго-западной Финляндии. С 1957 г. этот памятник стал учебной базой студентов университета в г. Турку. Нижние напластования городища, устроенного на скалистом холме высотой 35 м, относятся к первой половине I тысячелетия до н. э. (лепная керамика с ямочной орнаментацией, со штрихованной или сетчатой поверхностью, кремневые и кварцитовые орудия, янтарные бусы и бронзовые украшения). Следующим периодом жизни на городище являются VI — начало VIII в. н. э. К этому времени, скорее всего, принадлежит деревянная оборонительная стена. После кратковременного запустения городище вновь осваивается в XI в. К XI—XIII вв. принадлежит каменная стена и многочисленные находки, в том числе монетные. Раскопки городища Ванхалинна в Лието имеют большое значение для археологии Финляндии, поскольку оно является первым подробно исследованным укрепленным поселением.

Археологические и архитектурные исследования, ведущиеся в настоящее время в средневековой крепости Хяме (г. Хямеенлинна), получили отражение в двух докладах. М. Канерва (Хельсинки) рассказала об истории замка Хяме (основан в 1270—1280 гг.), его конструктивных особенностях и проводимых реставрационных работах. Обстоятельная информация о раскопочных работах в форбурге замка Хяме и истории его сделана П. Луппи (Хельсинки).

Характеристика самого раннего периода строительства городов в Финляндии, связанного в основном со шведским проникновением, была дана в докладе У. Сало (Турку). Автор сделал ряд наблюдений о значении слова «birka». Он отметил более 20 гаваней, в названии которых фигурировало это слово.

Т. Эдгрен (Хельсинки) ознакомил участников симпозиума с археологическими исследованиями памятников эпохи средневековья на южном побережье Финляндии.

Большой вещеведческий интерес представляли также доклады трех финских археологов, в которых всесторонне анализировались отдельные категории древних предметов. Л. Томантеря (Хельсинки) посвятила свое выступление изучению мечей из карельского могильника Кекомяки Каукола. Прибегнув к расчистке клинков, исследовательница открыла на них ряд новых клейм, а на рукоятях — орнаментальные украшения.

О результатах изучения овальных фибул со штифтами с территории Финляндии и соседних земель доложил М. Хуурре (Хельсинки). Доклад Т. Тальвио (Хельсинки) был посвящен анализу монетных кладов эпохи викингов, происходящих с территории Финляндии.

Программой симпозиума было предусмотрено посещение ряда важных археологических объектов. Местом первой экскурсии были г. Хамеенлинна и его округа. Осмотрены были крепость Хяме и раскопки, производимые в ней, средневековое городище Хакойнен в Янаккала (в новгородских летописях г. Ванай), курганный могильник и жертвенные камни в Ретулансаари в Валкеакоски и др. Во вторую поездку осмотрены древности юго-западной Финляндии — замок Турку, средневековые городища Коройнен и Ванхалинна в Лието, типичный грунтовой могильник с трупосожжениями в Хаймионмяки и стоянка каменного века в Куккаркоски. Советские археологи посетили также Национальный музей в Хельсинки и Финскую музейную

службу. В структуре последнего четыре раздела: общий, исследовательский, охраны и реставрации памятников и четвертый — Национальный музей с его богатейшими коллекциями, кабинетами и лабораториями.

Всеми археологическими работами в стране ведает Исследовательский раздел Музейной службы, руководимый Государственным археологом. Ежегодно выдается около 30 разрешений на раскопки. Вся документация об археологических находках поступает в Музейную службу, где составляется на них паспорт и определяется место хранения.

Симпозиум был прекрасно организован. Финские коллеги приложили немало стараний и доброжелательности для того, чтобы он протекал успешно и плодотворно.

Во время заседаний состоялся полезный обмен мнений по самым различным вопросам, затронутым в докладах, велись научные дискуссии. Финские археологи и советские ученые, работающие по археологии Северо-Запада, тесно связаны общей проблемой «Древняя история прибалтийскофинских племен». И вполне очевидно, что без сотрудничества исследователей СССР и Финляндии, без научных контактов между ними разрешить целый ряд крупных историко-археологических вопросов невозможно. В целом результаты Советско-финляндского симпозиума по археологии существенны для ученых обеих сторон. Они будут опубликованы отдельной книгой. Следующую встречу археологов СССР и Финляндии решено провести в Ленинграде в 1980 г.

Л. А. Голубева,

В. В. Седов

СЕРГЕЙ АРИСТАРХОВИЧ СЕМЕНОВ

Археологическая наука понесла тяжелую утрату. 6 декабря 1978 г. на 80-м году жизни скончался известный исследователь первобытного общества, создатель трасологического метода в археологии, заведующий экспериментально-трасологической лабораторией Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, доктор исторических наук, лауреат Государственной премии, член КПСС Сергей Аристархович Семенов.

С. А. Семенов родился 25 сентября (8 октября) 1898 г. в Вильнюсе в семье строительного рабочего. Его жизненный путь от простого рабочего до крупного ученого был чрезвычайно труден. Рано оторванный от родных и лишенный какой-либо помощи С. А. Семенов самостоятельно зарабатывает себе на жизнь сначала обучением грамоте детей в с. Табанеевка Нижегородской губернии, затем работает конторщиком в уездной земской управе. В 1917 г. он устраивается чернорабочим в депо Ташкентской железной дороги в Оренбурге. Здесь и застает его Великая Октябрьская социалистическая революция. Сергей Аристархович добровольно вступает в Красную гвардию, активно участвует в сражениях с бандами атамана Дутова. По красногвардейской путевке С. А. Семенов попадает в особый отдел Оренбургской губчека по борьбе с контрреволюцией. Дальнейшая его судьба связана с освобождением Средней Азии от басмачества. Работая следователем и уполномоченным в органах ВЧК, С. А. Семенов знакомится с жизнью и бытом освобожденных от байского ига народов Средней Азии. Позднее об этом периоде он напишет серию увлекательных рассказов и приключенческих повестей. Две из них — «Урус-Батыр» и «Под жалом скорпиона» — получили первую премию на литературном конкурсе журнала «Мир приключений». Однако, хотя С. А. Семенов обладал несомненным писательским талантом, литературная деятельность не стала его призванием. Его увлекает историческая наука и он едет в Петроград, где успешно заканчивает факультет общественных наук в краткосрочной Высшей военно-педагогической школе, а затем поступает на исторический факультет Государственного педагогического института им. А. И. Герцена. Уже с этого времени научные интересы С. А. Семенова связаны с изучением древнейшей истории человеческого общества, которой он отдал всю свою жизнь. Будучи аспирантом ГАИМКа Сергей Аристархович поглощен проблемой изучения орудий труда с помощью микроскопа. Данные микроскопических наблюдений, установление закономерностей в расположении и характере следов сработанности — все это привело в конечном итоге к разработке особой методики трасологического анализа орудий. Этой теме посвящена кандидатская диссертация Сергея Аристарховича «Изучение функций верхнепалеолитических орудий труда по следам от употребления», защищенная им в 1937 г.

В годы Великой Отечественной войны С. А. Семенов становится бойцом местной противовоздушной обороны, активно участвует в строительстве оборонительных укреплений в Ленинграде. За самоотверженный труд в годы войны С. А. Семенов был награжден медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». В 1942 г. он эвакуируется в г. Иваново, где до 1944 г. преподает на историческом факультете Педагогического института. Вернувшись в Ленинград, С. А. Семенов снова обращается к разработке методики микроанализа каменных и костяных орудий — работе, приведшей к созданию нового трасологического метода исследования в археологии. Результатом многолетней работы явился обобщающий труд «Первобытная техника» (МИА, № 54, 1957), изданный затем на английском языке в Англии и трижды в США (Prehistoric Technology, London, 1964, New York, 1964, 1972, 1975). Трасологический метод, основанный на изучении следов изнашивания на орудиях, дает возможность говорить о функциях изделий и имеет первостепенное значение в изучении вопросов древней экономики. С. А. Семенов, создатель этого уникального метода, в 1957 г. был награжден первой премией Президиума АН СССР, а в 1974 г. удостоен Государственной премии СССР. Сложившееся новое направление — изучение орудий труда трасологическим методом получило мировое признание.

В 1958 г. С. А. Семенов блестяще защищает докторскую диссертацию. Затем выходят его обобщающие труды «Развитие техники в каменном веке» (Л., 1968) и «Происхождение земледелия» (Л., 1974).

В последние годы С. А. Семенов усиливает свое внимание к методологическим аспектам археологической науки. Им подготовлена новая монография «Методологические проблемы археологии». Проводится активная воспитательная работа с молодежью, которой С. А. Семенов щедро дарит все свои знания. Под редакцией Сергея Аристарховича и при его непосредственном участии (совместно с группой учеников) подготовлены два тома трудов «Технология древнейших производств», раскрывающие проблему техники расщепления и изготовления орудий от раннего палеолита до эпохи раннего металла, рассматривающие связи этих орудий с различными производственными процессами и операциями.

С. А. Семенов обладал широким кругозором, пытливым и острым умом и ярким талантом. Он был не только крупным ученым-археологом, до последних дней увлекался литературной детельностью, писал картины, совершенствовал оптическую аппаратуру. С. А. Семеновым написано и опубликовано свыше 100 научных работ разного профиля. Среди них имеются труды общеисторического и методологического характера. Особый интерес имеют статьи, посвященные проблемам антропогенеза и расогенеза.

Труды С. А. Семенова вошли в золотой фонд отечественной и мировой археологической науки. В экспериментально-трасологическую лабораторию, созданную С. А. Семеновым и возглавляемую им в течение долгого времени, съезжаются специалисты из разных стран. В лаборатории прошли стажировку археологи из Болгарии, Вьетнама, ГДР, Канады, здесь исследовались коллекции из Танзании, Нубии, Чехословакии, Ирана, Ирака, Афганистана, Индии.

С. А. Семенов является создателем советской школы трасологов. Дело, начатое им 50 лет тому назад, продолжают и развивают его многочисленные ученики. Неизлечимая болезнь помешала С. А. Семенову закончить работу над монографией «Проблемы присваивающего хозяйства древних обществ». Незаконченными остались и другие творческие замыслы ученого, до последнего часа жившего полнокровной научной жизнью.

Память о Сергее Аристарховиче навсегда сохранится в сердцах его учеников и последователей.

Г. Ф. Коробкова

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО — Археологические открытия
АПНП — Археологические памятники Нижнего Подонья
АС — Археологический съезд
АСб. ГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа
АЭС — Археолого-этнографический сборник. Грозный
БГУ — Башкирский государственный университет
БКИЧП — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода
ВАН — Вестник Академии наук СССР
ВДИ — Вестник древней истории
ВССА — Вопросы скифо-сарматской археологии
ВЯ — Вопросы языкознания
ГВНиП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова (Под ред. Валка С. Н.). М., 1949
ДБК — Древности Боспора Киммерийского
ЖМВД — Журнал Министерства внутренних дел. СПб.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИАК — Известия Императорской Археологической комиссии
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана. Ташкент
ИФЖ — Историко-филологический журнал. Ереван
КРЭС — Краснодарская электростанция
КСИА АН СССР — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. Москва
КСИА АН УССР — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН УССР. Киев
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
ЛО ИРЯЗ АН СССР — Ленинградское отделение Института русского языка АН СССР
МАР — Материалы по археологии России
МАЭ — Музей антропологии и этнографии. Ленинград
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИЗ — Материалы по истории земледелия СССР
МКА — Материальная культура Азербайджана. Баку
НПК — Новгородские писцовые книги
НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1950.
НСФ — Нумизматика и сфрагистика
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
ОАК — Отчет Археологической комиссии
ОИПК ГЭ — Отдел истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа
ОНУ — Общественные науки в Узбекистане
ПВЛ — Повесть временных лет, ч. I, II. М.— Л., 1950
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РГО — Русское географическое общество
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СКОАИЭ — Северокавказское краевое общество археологии, истории и этнографии
СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
СЭ — Советская этнография
Тр. ВЭО — Труды Вольного экономического общества. Москва
Тр. ГИМ — Труды Государственного Исторического музея
Тр. ГЭ — Труды Государственного Эрмитажа
Тр. ПОКЭ — Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции
УЗ ЛГУ — Ученые записки Ленинградского гос. ун-та
УЗ КБНИИ — Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института истории, языка и литературы
ТЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической экспедиции. Ашхабад
Arch. Anz.— Archäologischer Anzeiger
BABesch — Bulletin van de Vereeinigung tot Bevordering der Kennis van de Antieke Beschaving. Leiden
BSPF — Bulletin de la Société Préistorique Francaise. Paris
DI — Die deutschen Inschriften
OIP — Oriental Institute Publications, Chicago
R.-G. Korrbl — Römisch-Germanische Korrespondenzblatt
SMYA — Suomen muinaismuisto-yhdistyksen aikaukauskirja, Helsinki
WAR — Wiadomósci Archeologiczne. Warszawa.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ» ЗА 1979 ГОД

	№	стр.
Абрамова З. А. К вопросу о возрасте алданского палеолита	4	5
Абрамова М. П. К вопросу о связях населения Северного Кавказа сарматского времени	2	31
Акопян А. М. Связи Армении и Кавказской Албании с Парфией (градостроительство и архитектура)	4	26
Алексеев Л. В. Периферийные центры домонгольской Смоленщины	4	95
Амброз А. К. Приложение к статье А. В. Дмитриева	4	229
Андреева М. В. Об изображениях на серебряных майкопских сосудах	1	22
Аннилогов А. В. Каменное навершие со стоянки Ловозеро V на Кольском полуострове	2	245
Афанасьев Г. Е. Новые находки в Мокрой Балке близ Кисловодска	3	171
Бадер Н. О. Телль Магзалия — ранненеолитический памятник на Севере Ирака	2	117
Белецкий В. Д., Белецкий С. В. Сосуд из могилы псковского князя Всеволода — Гавриила Мстиславича (+1138 г.)	3	275
Белецкий С. В., Лесман Ю. М. [Рец.] Новые публикации материалов раскопок средневековых городов Белоруссии	1	303
Беляева В. И. [Рец.] Early Man News, vol. I Tübingen, 1976	2	286
Бибиков С. Н. Массон В. М. Поселение Джейтун (Проблема становления производящей экономики). МИА № 180, Л., 1971; Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976	1	295
Бобров В. В. О бронзовой поясной пластине из тагарского кургана	1	254
Богомольников В. В., Равдина Т. В. О находках монет из Вотни (Верхний Днепр)	2	207
Булатов Н. М. Иранская ваза с Селитренного городища	2	261
Буров В. А. Заметки о новгородских берестяных грамотах	1	218
Буров В. А. Соседи бояр Мишиничей — Онцифоровичей по Холопьей и Кузьмодемьянской улицам (XIV—XV вв.)	3	203
Васильев И. Б., Пряхин А. Д. Бескурганный абашевский могильник у Никифоровского лесничества в Оренбурге	2	145
Васильев И. Б., Матвеева Г. И. Могильник у с. Съезжее на р. Самаре	4	147
Виноградов А. В. Матюшин Г. Н. Мезолит Южного Урала. М., 1976	1	281
Виноградов В. Б., Дударев С. Л. Материалы предскифского времени из Чечено-Ингушетии	1	161
Вознесенская Г. А. Техника кузнечного производства у восточных славян в VIII—X вв.	2	70
Вознесенская Г. А., Хомутова Л. С. Техника и технология кузнечного производства на городище Марица	4	180
Воробьев В. М. Некоторые вопросы изучения мезолитических рубящих орудий	3	35
Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. Древний Смоленск	1	73
Воронов Ю. Н. Самая высокогорная находка бронзового изделия на Кавказе	3	238
Воронов Ю. Н., Юшин В. А. Ранний горизонт (II—IV вв. н. э.) в могильниках цебельдинской культуры (Абхазия)	1	181
Гайдученко Л. Л. Неолитическая стоянка Телектес в Павлодарской области	2	235
Гей А. Н. Самсоновское многослойное поселение на Дону	3	119
Гмыря Л. Б. Глиняные котлы Андрейаульского городища I тысячелетия н.э.	3	269
Голубева Л. А., Седов В. В. Советско-финляндский симпозиум по археологии в Хельсинки	4	310
Горбунова Н. Г. Итоги исследования археологических памятников Ферганской области (к истории культуры Ферганы)	3	16
Гришин Ю. С. О находках расписных сосудов в гуннских могилах Мон-		

	№	стр.
голии	3	260
Громов В. И. Борисковский П. И. Возникновение человеческого общества. Григорьев Г. П. Палеолит Африки. Л., 1977	3	297
Гросу В. И. Сарматский курган у с. Корпач	2	250
Дергачев В. А. Раннескифское погребение на Среднем Пруте	3	239
Дмитриев А. В. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска	4	212
Дмитриева Т. Н. G. B. M. Mc Burney. Early Man in the Soviet Union. London, 1976	2	283
Дрбоглав Д. А., Шилов В. В. Надгробия иноземцев из Серпухова	4	248
Дударев С. Л. Деталь конской сбруи из окрестностей Кисловодска	4	274
Дэвлет М. А. О происхождении демонических масок ламаистской мистерии «Цам»	4	281
Журавлев А. П., Горлов В. И. Петрографическое изучение сланцевых орудий из археологических памятников Пегремы (Карелия)	1	245
Завьялов В. А. Раскопки квартала позднекушанского времени на городище Зар-тепе в 1975—1976 гг.	3	141
Заец И. И. Курганный комплекс раннескифского времени у с. Тютьки Винницкой области	1	256
Зайберт В. Ф. Памятники каменного века Петропавловского Приишимья	1	89
Значко-Яворский И. Л. Исследования строительных растворов церкви 1023 г. в Тмутаракани	1	210
Ильюков Л. С. Курган бронзового века на Мысском полуострове	1	133
Ильюков Л. С. Металлические «вилки» майкопской культуры	4	138
Казаков Е. П. Памятники черкаскульской культуры в восточных районах Татарии	1	145
Кахидзе А. Ю. Древнегреческий могильник Пичвнари (IV в. до н. э.)	1	171
Кирпичников А. Н., Овсянников О. В. Крепость Копорье по новым данным архитектурно-археологических исследований	3	103
Кирьянова Н. А. О составе земледельческих культур Древней Руси X—XV вв. (по археологическим материалам)	4	72
Кляшторный С. Г. Хазарская надпись на амфоре с городища Маяки	1	270
Колотухин В. А. Поселение кизил-кобинской культуры в Холодной балке у Симферополя	3	233
Кольцов Л. В. О характере сложения раннемезолитических культур Северной Европы	4	15
Копыл А. Г., Татаринов С. И. Охранные раскопки городища Маяки на Северском Донце	1	267
Корякова Л. Н. Могильник саргатской культуры у с. Красноярка	2	191
Косарев М. Ф., Могильников В. А. VI Уральское археологическое совещание (Нижний Тагил, 1977 г.)	2	294
Костенко В. И. Наиболее ранние сарматские погребения в бассейне Орели и Самары	4	189
Котигорошко В. Г. Курган первой половины III в. н. э. у с. Братово	2	153
Кравченко Н. М., Гороховский Е. Л. О некоторых особенностях развития материальной культуры населения Среднего Поднепровья в первой половине I тысячелетия н. э.	2	51
Красильников К. И. Изделия из кости салтовской культуры	2	71
Краснов Ю. А. Янушевич З. В. Культурные растения юго-запада СССР по палеоботаническим исследованиям. Кишинев, 1976; Лисицина Г. Н., Прищепенко Л. В. Палеоэтноботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. М., 1977	1	299
Краснов Ю. А. Средневековые плуги Восточной Европы	4	56
Ксензов В. П. Позднемезолитическое поселение Береговая слобода на Днепре (по раскопкам 1977 г.)	3	227
Куза А. В. Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977	4	300
Кузьмина Е. Е. О двух перстнях Амударьинского клада с изображением цариц	1	35
Куратов А. А., Мартынов А. Я. Пещерные рисунки на р. Пинеге	2	246
Кушнарева К. Х., Лисицина Г. Н. О возникновении пашенного земледелия в Закавказье (к постановке проблемы)	2	5
Кызласов И. Л. Новые свидетельства уйгуро-хакасских войн IX века	3	280
Леонтьев А. Е. Узменские жернова X века	2	271
Магомедов М. Г. Раннесредневековые церкви Верхнего Чирюрта	3	186
Манылов Ю. П. О пути Ибн Фадлана из Хорезма через плато Устюрт	2	92
Марковин В. И., Глебов А. И. Клад бронзолитейщика из окрестностей станицы Ахметовской	2	239
Марченко И. Д. О планировке северного района Пантикапея (к проблеме изучения агоры)	2	164

	№	стр.
Масимов И. С. Изучение памятников эпохи бронзы низовьев Мургаба	1	111
Матюшин Г. Н. Симченко Ю. Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. М., 1976	3	291
Мильчик М. И. Церковь Георгия в Старой Ладоге	2	201
Мужухоев М. Б. Храм Алби-Ерды	1	275
Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я. Происхождение земледелия и технологии: Западная или Восточная Азия?	3	320
Никитина Г. Ф. Землянка скифского времени у с. Оселивка Черновицкой области	3	241
Новаковская С. М. Дмитриевский собор во Владимире. Поздние рельефы второго яруса и барабана	4	112
Окладников А. П. Палеолит Африки — важный вклад в советскую историческую науку	3	303
Онайко Н. А. К художественно-технической характеристике золотых отисков	1	263
Перхавко В. Б. Классификация орудий труда и предметов вооружения из раннесредневековых памятников междуречья Днепра и Немана	4	40
Петренко В. П. Stubavs A. Kentes pilskalns un apmetne. Rīga, 1976	4	306
Петрущкий А. А. Новые материалы по истории Романово-Борисоглебского городища Рязанской области	2	274
Потемкина Т. М. О соотношении алексеевских и замараевских комплексов в лесостепном Зауралье	2	19
Пронин Г. Н. Некоторые вопросы изучения памятников почепского типа	1	47
Пуцко В. Г. Ростовские каменные львы	2	276
Равдина Т. В. Погребения с древнерусскими сребрениками	3	91
Радзиевская В. Е. Новые находки предметов скифского звериного стиля	4	266
Раев Б. А. Сарматское погребение из кургана у хутора Арпачин	1	260
Раев Б. А. Новое погребение с римским импортом в Нижнем Подонье	4	201
Рубан В. В. Литейная форма с поселения Козырка XV	3	249
Рунич А. П. Раннесредневековые склепы Пятигорья	4	232
Рябинин Е. А. Владимирские курганы (опыт источниковедческого изучения материалов раскопок 1853 г.)	1	228
Сарианиди В. И. Косметические флаконы из Бактрии	2	255
Сарианиди В. И. Об одной группе культовых изделий Бактрии	3	262
Седова М. В. Печать из Суздаля	4	278
Скорый С. А. Меч из собрания Крымского краеведческого музея	3	258
Смирнов А. С. Неолитические стоянки в урочищах Бесец-Белынец	2	133
Смирнов Ю. А. [Рец.] Les sépultures néandertaliennes. Nice, 1976	4	286
Соболева Н. А., Кропоткин В. В. Em. Nohejlová-Prátová. Základy numismatiky. Praha, 1975	4	295
Соломоник Э. И. Кубанские керамические плитки	4	167
Суразаков А. С. Железный кинжал из долины Ачик Горно-Алтайской автономной области	3	265
Сымонович Э. А. Ромашковский могильник — первый черняховский памятник Поднепровья	3	155
Татаринов С. И. Металлообработка в эпоху поздней бронзы на среднем Донце	4	258
Телегин Д. Я. Новые памятники культуры линейно-ленточной керамики на Украине	2	229
Тменов В. Х. Мужухоев М. Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии (XIII—XVII вв.) Грозный, 1977	2	289
Третьяков В. П. Варианты волосовских древностей	1	5
Федоров Г. Б., Рошаль М. Г. Погребение IV в. н. э. у с. Сычавка	2	265
Формозов А. А. О некоторых задачах и спорных проблемах в исследовании памятников первобытного искусства	3	5
Фролов И. К. О домостроительстве первой половины I тысячелетия н. э. на территории Подесенья и Поочья	1	63
Хазанов А. М., Шкурко А. И. Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии. М., 1977	3	311
Хлобыстина М. Д. Древнейшие могильники Нижнего Поднепровья как памятники социальной истории	3	48
Хлопина Л. И. Керамические орудия эпохи бронзы Южной Туркмении	1	248
Хотинский Н. А., Фоломеев Б. А., Гуман М. А. Археолого-палеогеографические исследования на Средней Оке	3	63
Циркин А. В. К вопросу о происхождении городецкой культуры в Мордовии	3	82
Чариков А. А. О локальных особенностях каменных изваяний Приртышья	2	179
Чахкиев Д. Ю. Кольчуга из сел. Махкеты (Чечено-Ингушетия)	4	276
Черненко Е. В., Клочко В. И. О подлинности золотой пластины из Сахновки	4	270

	№	стр.
Членова Н. Л. Нижняя Коя — новый могильник карасукской эпохи в Минусинской котловине	3	132
Швецов М. Л. Половецкие святилища	1	199
Шеляпина Н. С., Панова Т. Д., Авдусина Т. Д. Предметы воинского снаряжения и оружие из раскопок в Московском Кремле	2	214
Шилов В. В. Надгробные плиты с надписями из Серпухова	3	214
Ширинов Т. Кремневые изделия эпохи бронзы с поселения Сапаллп-тепа (типологическо-функциональное исследование)	4	126
Шнирельман В. А. [Ред.] Archaeozoological studies: papers of the archaeozoological conference 1974. Amsterdam, 1975	1	313
Янин В. Л. О принадлежности южных усадеб Неревского раскопа в Новгороде	4	86
Памяти Станчо Ваклинова (Станчева)	3	328
Валериан Иннокентьевич Громов	3	330
Мария Захаровна Паничкина	1	318
Сергей Аристархович Семенов	4	314
От Отдела полевых исследований	1	319

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19
Телефон 126-94-45

Зав. редакцией *Л. М. Бушкина*

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 17.07.79 Подписано к печати 19.09.79 Т-11500 Формат бумаги 70×108¹/₁₆
Высокая печать Усл. печ. л. 28,0 Уч.-изд. л. 32,4 Бум. л. 10,0 Тираж 3460 экз. Зак. 2073

Издательство «Наука», 103717 ГСП, Москва, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 10